

А.А.ЗАЛИЗНЯК

От
праславянской
акцентуации
к русской

Издательство · Наука ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

А.А.ЗАЛИЗНЯК

От
праславянской
акцентуации
к русской

Ответственный редактор
В. Н. ТОПОРОВ

МОСКВА
«НАУКА»

1985

Книга представляет собой первое целостное описание исторической эволюции акцентной системы русского языка от праславянской к современной. Монография входит в цикл работ (коллектива авторов) по диахроническому обследованию славянских акцентных систем, подготавливающих создание «Сравнительного акцентологического словаря славянских языков».

Рецензенты

В. А. ДЫБОВ, Б. А. УСПЕНСКИЙ

З $\frac{4602000000-055}{042(02)-85}$ 354-84-III

© «Наука», 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

§ 0.1. Задача настоящей книги — обрисовать контуры истории русского ударения.

Исследование строится методом синхронических срезов. При этом, однако, порядок изложения не соответствует хронологии. В главе 1 дается описание акцентной системы современного литературного русского языка. Этот синхронический срез поставлен первым, поскольку здесь мы можем опереться на самый широкий и в то же время максимально надежный с фактографической точки зрения материал. Этот материал позволяет построить описание с полнотой и точностью, недостижимой для других синхронических срезов; выработанная здесь техника описания в наибольшей степени доступна для непосредственной проверки.

В главе 2 описывается противоположный конец хронологической дистанции, рассматриваемой в настоящей книге, — поздняя праславянская и раннедревнерусская акцентные системы. Эти системы разбираются вместе, поскольку различия между ними незначительны: вторая в сущности является лишь диалектной разновидностью первой. В основу изложения положена раннедревнерусская система; в особом разделе рассмотрены ее отличия от праславянской. Данные главы 2 представляют собой результат реконструкции (сравнительно-исторической и внутренней). Следует отметить, что в этой реконструкции автору принадлежит лишь общая аранжировка и разработка ряда частных моментов; во всем существенном она непосредственно опирается на работы Х. Станга, В. М. Иллич-Свитыча и в особенности В. А. Дыбо.

Глава 3 посвящена позднедревнерусскому (XIV в.) и старовеликорусскому (XV—XVII вв.) периодам. В отличие от главы 2, она опирается непосредственно на письменные источники: материалом для исследования служат около 70 рукописей и старопечатных книг XIV—XVII вв. Используются только такие памятники, где указано место их создания или где удалось по диалектологически значимым признакам хотя бы приблизительно локализовать говор писца. По материалам памятников анализируется ударение в значительном числе звеньев морфологической системы (преимущественно в сфере словоизменения). При этом особое внимание уделено диалектным различиям в области акцентуации; важнейшие различия такого рода отражены в серии специальных историко-диалектологических карт.

В главе 4 сравниваются описанные синхронические срезы и дается обзор основных тенденций акцентной эволюции русского языка.

Если современное литературное русское ударение изучено в настоящее время сравнительно глубоко (особенно в части, касающейся словоизменения), то история русского ударения представляет собой недостаточно разработанную область. Несколько полнее обследовано ударение XVII—XIX вв.; см. прежде всего монографии: Нахтигал, Станг 1952, Кипарский 1962, Шелюто, Хазагеров 1973а, Воронцова. Но ударение более раннего времени, если не считать статей по частным вопросам, исследуется только в книгах: Васильев (о двух фонемах «типа о») и Колесов 1972 (по именам).

Настоящая книга не претендует на всесторонний разбор истории русского ударения. Рассмотрены лишь некоторые узловые проблемы и узловые хронологические точки. В итоге достаточно ясно видны контуры развития, но, разумеется, многие частные звенья выпущены. Так, например, мы не рассматриваем интервал, отделяющий старовеликорусский срез от современного, т. е. XVIII—XIX вв. (см. указанные выше работы). Далее, в книге лишь в очень ограниченной степени затрагивается проблематика ударения в современных русских говорах. Причина здесь прежде всего в недостатке систематической (а не разрозненной и случайной) информации об ударении в говорах. В самом деле, вопросы по ударению, входящие в диалектологические программы, затрагивают лишь малую часть тех слов или словоформ, сведения о которых необходимы для полной характеристики акцентной системы говора. С другой стороны, достаточно полных акцентных описаний отдельного говора в диалектологической литературе чрезвычайно мало; они никоим образом не составляют сетки, покрывающей великорусскую территорию.

Ввиду необходимости вместить в ограниченный объем большое количество конкретной информации (включая цитирование исходного материала), изложение во многих случаях ведется весьма сжато. Как один из способов сокращения нередко используется дифференциация однотипных разделов по степени подробности анализа: например, один из таких разделов дается с развернутой аргументацией и с приведением обширного материала, другие же — гораздо более бегло. Сокращены до минимума разделы, достаточно хорошо разработанные в существующей лингвистической литературе, например, раздел об ударении в современном русском словоизменении. Изложение ряда частных вопросов, разобранных нами в других работах (РИС, Грамм., Однослож., Акц. Мер., Глаг. акц. и др.), пришлось полностью или почти полностью заменить соответствующими отсылками. Почти к нулю сведены обзор мнений по разбираемым вопросам и полемика.

§ 0.2. В книге используется техника так наз. акцентных маркировок, которая уже нашла применение (в нескольких разновидностях) в ряде акцентологических работ (см., в частности, Дыбо 1973, 1981, Гард 1976, 1978, Кипарский — Халле 1977).

В идеальном случае эта техника выглядит так. Имеется некоторый выбранный исследователем инвентарь возможных акцентных мар-

кировок для морфем (маркировками служат те или иные условные символы). Каждой морфеме языка в качестве ее постоянной характеристики приписывается одна из этих маркировок (понятно, что это равносильно разбиению множества всех морфем на непересекающиеся акцентные классы). Далее, задается единое общее правило, позволяющее указать акцентуацию произвольной словоформы (или более крупного просодического единства) на основании акцентных маркировок всех морфем, входящих в рассматриваемую единицу. Идеал достигнут, если полученная по этому правилу акцентуация всегда совпадает с действительной.

В неидеальном случае такое совпадение достигается не всегда, т. е. остается некоторое количество словоформ (или иных единиц), которые должны квалифицироваться как исключения. Другой вид нарушения идеальной схемы состоит в том, что некоторые морфемы получают в одном окружении одну маркировку, а в другом другую. Заметим, что различие между этими двумя видами нарушений непринципиально: одно может быть сведено к другому путем некоторых перемен в расстановке маркировок.

Там, где акцентную систему можно описать с помощью очень малого инвентаря маркировок и достаточно простого общего правила, преимущества такой системы описания очевидны. Если акцентная система требует более обширного инвентаря маркировок и более сложного общего правила, эти преимущества уменьшаются. При дальнейшем увеличении сложности уже может оказаться, что рассматриваемая техника больше вообще не дает выигрыша в простоте по сравнению с более прямолинейными приемами описания (понятно, впрочем, что едва ли возможно точно указать, когда именно наступает этот критический момент).

В процессе описания акцентных систем разных периодов истории русского языка было выявлено, что техника акцентных маркировок дает максимальный выигрыш в простоте для ранних этапов (праславянского и раннедревнерусского). Для современного этапа этот выигрыш меньше; он все еще достаточно велик при описании словообразования, но малоощутим при описании словоизменения (в особенности у непроизводных слов). В связи с этим в настоящей книге техника маркировок используется при описании разных хронологических этапов несколько по-разному: для ранних этапов эта техника носит всеобъемлющий характер, для современного этапа она ограничена лишь описанием акцентной структуры производных основ (ср. § 1.21).

§ 0.3. В лингвистических работах обычно нечетко разграничиваются термины «ударение», «акцентуация», «акцентовка» (в некоторых работах в этом ряду стоит еще термин «акцент», который в настоящей книге не используется). Ниже мы придерживаемся следующего частичного (и не вполне строгого) разграничения этих терминов.

Термин «ударение» означает в первую очередь выделение одного из слогов в единичной словоформе (например: «в словоформе *корбва*

ударение падает на 2-й слог») и способ расстановки таких выделений в некоторой группе словоформ или слов (например: «существительные с суффиксом *-изм* имеют неподвижное ударение на суффиксе»). Во втором значении как синоним «ударения» может выступать слово «акцентовка» (например: «такой-то класс словоформ [или слов] имеет накоренное ударение» или, что то же, «накоренную акцентовку»).

Термин «акцентуация» используется главным образом там, где соответствующее явление обладает известной степенью сложности. Эта сложность может определяться тем, что в языке имеется два или более противопоставленных типа просодического выделения (например, с различием интонаций), или просто обширностью рассматриваемого класса словоформ или слов и сложностью правил расстановки в нем ударений. Соответственно, термин «акцентуация» может употребляться, в частности, применительно к языку в целом (например, «праславянская акцентуация», «современная русская акцентуация»). В этом случае возможен также термин «ударение», но он уместен лишь там, где существует только один тип просодического выделения (например, «современное русское ударение», но не «праславянское ударение»); отсюда формулировка названия настоящей книги).

Кроме того, термины «акцентовка» и «акцентуация» могут использоваться применительно к графическому уровню — в значении «расстановка знаков ударения».

Общее прилагательное от терминов «ударение», «акцентуация», «акцентовка» — *акцентный* (с вариантом *акцентуационный*, не отличающимся от него по значению).

Для нашего анализа фактически существен лишь фонемный состав разбираемых словоформ, их графический облик самостоятельного значения не имеет. Из практических соображений, однако, мы везде, где это не затрудняет нашего разбора, пользуемся обычной орфографической записью. Для древнерусского и старовеликорусского используется нормализованная запись, кроме случаев прямого цитирования из памятников (где сохраняется подлинная орфография, если не считать некоторых частностей).

В тех случаях, где орфографическая запись (современная или древняя) создает неудобства, например, затрудняет вычленение или идентификацию морфем, применяются (в нужной точке словоформы) элементы фонемной записи, а именно, *j* и *'*. В результате возникает комбинированная запись, например, *земл'а*, *свин'ју* в современном языке, *земл'а*, *яг'ла*, *своѣ* в древнерусском.

Для каждого синхронического среза в принципе используется та морфологическая номенклатура, которая наиболее обычна для соответствующих описаний; например, мы говорим о членных и нечленных формах прилагательных в древнерусском и о полных и кратких в современном русском. Однако там, где это упрощает диахронические формулировки, допускаются также обозначения, основанные на принципе исторического тождества.

Основные морфологические классы древнерусских и старовеликорусских имен обозначаются как *a*-склонение, *o*-склонение, *i*-склонение и т. д., более узкие классы — как *o*-masculina, *o*-neutra, *i*-feminina и т. д.

Для глаголов используется следующая номенклатура (она показана здесь для древнерусского уровня, но имеет силу для всех периодов). Как корневые обозначаются глаголы, у которых показатель инфинитива присоединяется непосредственно к корню (например, *дати*, *бити*, *пѣти*, *нести*, *беречи*), а также глаголы на *-ерети*, *-ороти*, *-олоти* (например, *мерети*, *колоти*). Корневые глаголы подразделяются на *V*-корневые (инфинитив оканчивается на гласную + *ти*) и *C*-корневые (инфинитив оканчивается на согласную + *ти* или на *-чи*). Подразделения некорневых глаголов: *aj*-глаголы — инфинитив на *-ати*, презенс (3 ед.) на *-аеть*; *ěj*-глаголы — соответственно *-ѣти*, *-ѣть*; *оа*-глаголы — соответственно *-овати* (где *-ова-* — суффикс), *-уеть*; *a*-глаголы — прочие на *-ати*, *-еть* (например, *писати*, *пишеть*, *брати*, *береть*, *совати*, *суеть*); *i*-глаголы — *-ити*, *-ить*; *ě*-глаголы — *-ѣти* (*-ати* после шипящих и *j*), *-ить*; *пo*-глаголы — *-нути*, *-неть* (не входят в перечисленные классы лишь несколько изолированных глаголов). В структуре некорневых глаголов выделяются так наз. тематические элементы, а именно: в основе инфинитива — морфемы *-а-*, *-ѣ-*, *-ова-*, *-а-*, *-и-*, *-ѣ-*, *-ну-* (соответственно классу некорневых глаголов); в основе презенса — *-aj-*, *-ěj-*, *-yj-*, *-н-* соответственно у *aj-*, *ěj-*, *оа-*, *пo*-глаголов (в прочих классах в презенсе тематический элемент не выделяется).

При работе над книгой автор постоянно пользовался дружеской поддержкой В. А. Дыбо, беседы с которым способствовали прояснению многих положений этой книги. Неоценимую помощь в разыскании, источниковедческой оценке и датировании обследованных в книге рукописей автору оказали О. А. Князевская, Н. Б. Тихомиров и А. А. Турилов. Постоянное содействие работе автора над рукописями ГИМ'а оказывал И. В. Лёвочкин. В работе над диалектологическими материалами сектора истории и диалектологии Института русского языка АН СССР автор пользовался помощью и советами С. В. Бромлей и Е. Г. Буровой. Большую помощь в техническом оформлении работы оказали С. М. Евграфова и Е. А. Гришина. Указатели к книге составлены Е. А. Гришиной. Всем названным лицам автор приносит глубокую благодарность.

Глава первая

АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

§ 1.1. Ударение в современном русском языке представляет собой некоторый способ выделения одного из слогов словоформы (или цепочки последовательных словоформ). Физической природы этого выделения мы в настоящей работе не касаемся; для нас достаточно исходить из того, что носитель русского языка без всякого труда улавливает (при нормальных условиях коммуникации) место ударения в услышанной им словоформе (даже если он не обучен самому понятию «ударения») и может повторить эту словоформу с тем же ударением. Русское ударение при всех возможных вариациях своего физического выражения с функциональной точки зрения едино, т. е. не существует двух (или более) разных типов ударения, противопоставление которых служило бы для различения словоформ.

Примечание. В некоторых словах (преимущественно сложных), помимо основного, или главного, ударения, имеется еще так наз. второстепенное (обычно несколько более слабое, чем основное; оно обозначается `), например: *нефтепереработка*, *контрразведчик*; возможно даже более одного второстепенного ударения: *автоматоклуб*. При этом, однако, главное и второстепенное ударения все же не могут рассматриваться как функционально противопоставленные друг другу, поскольку это различие никогда не выступает в качестве единственного средства различения двух словоформ.

Ударение отдельной словоформы в нормальном случае постоянно, т. е. оно одинаково во всех вхождениях этой словоформы в речевую цепь. Отклонения от этой нормы составляют: 1) сравнительно немногочисленные случаи, когда полнозначная словоформа в сочетании с определенными служебными словами выступает без ударения, а служебное слово (в других случаях безударное) несет ударение, например, *на голову*, *по морю*; 2) словоформы с колеблющимся ударением, т. е. неодинаковым у разных носителей языка¹ или даже в разных точках речи одного и того же носителя языка; число таких словоформ довольно значительно, ср., например, *прóдал* и *продáл*, *слéсарей* и *слесарéй*, *сíльны* и *сильнóй* и т. п.; 3) аномальные случаи (очень редкие), например, Р. ед. *úтра* (*свéжестъ úтра* и т. п.), но *до утрá*, *до сáмого утрá*.

¹ Имеются в виду носители литературного языка; если включить в рассмотрение также местные говоры и другие формы нелитературной речи, сфера колебаний окажется гораздо шире.

Русское ударение свободно (т. е. не существует никаких общих ограничений на место ударения внутри словоформы по счету от конца или от начала) и подвижно (т. е. разные словоформы одной лексемы, а также разные производные от одного корня, могут иметь ударение на разных слогах [по счету как от конца, так и от начала]).

Русское ударение существенным образом связано с морфологическим членением; в частности, оно может быть закреплено за определенной морфемой (или отсчитываться от нее влево или вправо). Соответственно, можно говорить о корневом, префиксальном, суффиксальном, флексийном ударении. Выделим, кроме того: основное ударение — на основе; предфлексийное — на последнем слоге основы.

Из неморфологических характеристик ударения выделим понятие колонности: колонным ударением в группе словоформ (например, в парадигме) называется ударение на одном и том же слоге по счету от начала.

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

§ 1.2. Основная задача, которую должно решать описание русской акцентной системы, состоит, очевидно, в том, чтобы тем или иным способом указать для каждой русской словоформы ее акцентуацию. Наиболее прямолинейное решение здесь — списочное. Заметим, что как одно из возможных решений данной задачи (для массива в 100 000 слов) можно рассматривать Грамм.: ударение в исходных словоформах слов указывается здесь списочным способом, ударение в прочих словоформах «вычисляется» далее по соответствующим индексам и таблицам. Понятно, однако, что списочные решения, с одной стороны, чрезвычайно громоздки, с другой стороны, не обладают достаточной «объяснительной силой», в частности, не позволяют предсказывать акцентные свойства слов, не вошедших в список. Отсюда необходимость в построении менее прямолинейного и, быть может, логически менее простого, зато более компактного и более обобщенного описания акцентуации.

В современном русском языке круг факторов, от которых хотя бы в некоторых случаях может зависеть акцентуация слова, весьма значителен. Помимо фактора традиции (т. е. прямого наследования установившегося в прошлом ударения), сюда прежде всего относятся: морфемный состав слова, его словообразовательная история, его значение, длина (число слогов) его основы, характер конечной фонемы его основы, а также степень его освоенности (для данного говорящего).

Как можно видеть из этого перечня, многие из тех свойств слова, от которых зависит его ударение, определяются нестрого; в их оценке в части случаев возможны сомнения и разногласия. Это значит, что неизбежно окажутся нестрогими и все те правила об акцентуации, которые основаны на учете таких свойств. Очевидно также, что в рамках акцентологического исследования было бы совершенно нереально и неуместно пытаться предварительно довести до формаль-

ной строгости все относящиеся к делу морфологические, семантические и иные разграничения.

Соответственно, если бы требовалось обязательно достичь полной формальной строгости, пришлось бы вообще отказаться от правил, опирающихся, например, на значение слова, и заменить все такие правила списками (как это сделано, например, в РИС). В настоящей работе мы ставим перед собою, однако, несколько иную цель: по возможности выявить и отобразить факторы, реально влияющие на современную акцентуацию (в том числе действующие не абсолютно, а лишь «статистически»), и показать иерархию этих факторов и их взаимодействие. В этой ситуации мы вынуждены мириться с частичной потерей строгости. Ряд уточнений, даваемых ниже по ходу изложения, помогает несколько уменьшить этого рода потери.

В дальнейшем предполагается, что о любой словоформе мы знаем, помимо ее фонемного (и буквенного) состава, принадлежности к определенной лексеме, лексического и грамматического значения, также ее морфологический состав (т. е. членение на морфы) и отношения морфологической и семантической производности, в которых она участвует (а в части случаев еще и некоторые другие неформальные характеристики, см., в частности, § 1.4, 1.5).

Остановимся несколько подробнее на некоторых необходимых для дальнейшего неформальных характеристиках.

Непроизводные и производные слова

§ 1.3. Большое значение имеет противопоставление непроизводных и производных слов; к сожалению, граница между этими двумя классами, как известно, недостаточно строга.

Для акцентологического анализа целесообразно провести это разграничение таким образом, чтобы в категорию непроизводных были включены, во-первых, слова, не являющиеся семантически производными ни от какого реально существующего слова языка (например, *вода́, бага́ж, ма́стер, живо́й, бле́дный, крѐпкий, сурво́вый, брать, копа́ть, ходи́ть, брэзгова́ть*), во-вторых, все вообще слова с одноморфной² основой, даже если с семантической точки зрения такое слово производно (как в случае *бег, лай*). В число непроизводных попадают также все опростившиеся слова.

Из числа непроизводных выделяется подгруппа «членимых непроизводных», т. е. таких, у которых конечный элемент основы может быть отождествлен с некоторым суффиксом (например, *бле́дный, крѐпкий, сурво́вый, бага́ж, саботи́ровать* и т. п.).

В категорию производных включаются слова с неодноморфной основой, семантически производные от некоторого другого слова (или слов), например: *колокблѝчик, крѐпость, прохѝд, тупоголѝвый*.

² Нулевые словообразовательные морфемы (если таковые признаются) не в счет (однако морфема ⁻²-, выражаемая смягчением [§ 1.43], учитывается как отдельная).

Плотное и неплотное присоединение морфем

§ 1.4. Для акцентологического описания необходимо отличать от обычного («плотного») способа присоединения морфем друг к другу в составе словоформы особые случаи, когда морфема присоединена к остальной части словоформы более свободно («неплотно») — примерно так, как обычно соединяются две самостоятельные словоформы. Основная часть словоформы в этих случаях почти всегда совпадает с некоторой самостоятельно существующей словоформой. Важнейшее акцентологическое свойство неплотно присоединенной морфемы (или основы в составе сложного слова) состоит в том, что она никак не меняет акцентуации основной части словоформы; ср., например, *непроходной* и *проходной*, *двухвинтовой* и *винтовой*, *нефтепереработка* и *переработка* и т. п. В составе сложного слова неплотно присоединенная основа в большинстве случаев несет второстепенное ударение.

Различие между плотным и неплотным присоединением можно проиллюстрировать с помощью скобок.

Плотное присоединение	Неплотное присоединение
(<i>неотвяз</i>)-ный	<i>не</i> -(<i>проходной</i>)
(<i>межзуб</i>)-ный	<i>меж</i> -(<i>племенной</i>)
(<i>двуруч</i>)-ный	<i>двух</i> -(<i>винтовой</i>)
(<i>водослив</i>)-ный	<i>нефте</i> -(<i>наливной</i>)

Как легко видеть, одни и те же морфемы могут в одних случаях присоединяться плотно, в других неплотно. Возможно даже прямое варьирование, например, (*первоочеред*)-ный и *перво*-(*очередной*). Существенно то, что выбор плотного или неплотного присоединения далеко не всегда соответствует семантической деривационной истории слова. Например, *двухвинтовой* с семантической точки зрения есть относительное прилагательное к «два винта» (как *двуручный* — к «две ручки»), т. е. «семантические скобки» стоят здесь иначе, чем морфонологические. Ср. также отсутствие смысловых различий между вариантами *первоочередный* и *первоочередной*.

Таким образом, вопрос о выборе плотного или неплотного присоединения составляет для современного языка особую морфонологическую проблему. В настоящей работе мы не ставим себе целью ее решить; формально мы будем исходить далее из того, что способ присоединения (плотный или неплотный) заранее задан; практически нас почти везде будет интересовать только плотное присоединение (поскольку случай с неплотным присоединением с акцентологической точки зрения тривиален). Отметим здесь лишь некоторые наиболее важные факты. Как правило, присоединяются неплотно, в частности:

- 1) приставка *не*-, например, *неживой*, *непроходной*, *неспециалист*;
- 2) элемент *полу*-, например, *полуживой*, *полуподвал*, *полусидеть*;
- 3) приставка *пре*- со значением «в высшей степени» (у прилагательных

и наречий), например, *препротівный, пренеприятно*; 4) элементы *вне-, внутри-, до-, меж-, после-, пред-, против-* в прилагательных и существительных, производных, с семантической точки зрения, от сочетаний «предлог + существительное», например, *внеземной, внутричерепной, дородовой, межплеменной, послеродовой, предпосевной, противоболовй*.

Помимо неплотного присоединения слева, примеры которого рассмотрены выше, возможно также неплотное присоединение справа. Так присоединяются частицы, пишущиеся через дефис (*-то, -либо, -нибудь, -ка, -таки*), и глагольные постфиксы *-ся (-сь)* (кроме некоторых особых случаев, см. § 1.12) и *-те* (в императиве).

Освоенные и неосвоенные слова

§ 1.5. В акцентологическом описании оказывается необходимым учитывать также то обстоятельство, что для конкретного носителя языка некоторое слово может быть освоенным («своим», привычным) или неосвоенным (чуждым, непривычным, ранее не слышанным или слышанным редко). Таким образом, речь здесь идет о некотором внеязыковом, прагматическом различии. Соответственно, мы будем ниже называть влияние этого различия на акцентуацию (или на иные характеристики слова) прагматическим фактором.

Для взрослого носителя языка освоенными являются слова повседневной обиходной лексики, названия предметов, связанных с его профессиональной деятельностью, слова, специфические для его микроколлектива или ограниченной среды. Неосвоенными являются, в частности, названия предметов из жизни других стран или прошлых эпох, термины незнакомых данному человеку профессий, слова чужих микроколлективов, для большинства носителей языка — также все слова возвышенно-книжного и архаизирующего стиля. Неосвоенным для данного человека является также всякое слово, которое он только что узнал; однако через некоторое время, иногда довольно короткое, он может вполне освоить это слово.

Таким образом, разделение слов на освоенные и неосвоенные индивидуально для каждого носителя языка и, кроме того, меняется в ходе его жизни.

Между полной освоенностью и полной неосвоенностью слова возможны, конечно, и промежуточные случаи. К сожалению, мы не имеем средств для объективной оценки этой градации, и поэтому в основном ограничиваемся выявлением тех акцентных эффектов, которые рассматриваемое противопоставление дает в несомненных, ярко выраженных случаях. Подробнее об этом противопоставлении см. Однослож., § 5, 21.

СТРУКТУРА ОПИСАНИЯ

§ 1.6. Описание русской акцентной системы строится ниже так.

За основную единицу рассмотрения принимается слово (лексема), а не отдельная словоформа. Соответственно, чтобы узнать место ударения в некоторой словоформе, необходимо вначале установить (по определенным правилам) акцентные характеристики соответствующего слова, а затем по этим характеристикам установить ударение интересующей нас словоформы.

Акцентных характеристик слова две: 1) так наз. схема ударения; 2) место ударения внутри основы. Для аномальных слов в качестве особой дополнительной характеристики выступают сведения о наличии и характере акцентной аномалии. Указанные акцентные характеристики однозначно определяют место ударения во всех словоформах слова. Заметим, что акцентная характеристика 2 реально необходима лишь при одном из возможных значений характеристики 1 (а именно, при схеме ударения *a*, см. ниже). В прочих случаях ударение во всех словоформах слова однозначно устанавливается по одной лишь схеме ударения.

Соответственно, с формальной точки зрения, все дальнейшие правила предназначены для того, чтобы в конечном счете позволить указать для произвольного слова его схему ударения и место ударения внутри основы. Вначале вводятся необходимые рабочие понятия и указываются наиболее общие закономерности русской акцентной системы (§ 1.7—13). Далее рассматривается вопрос о распределении непроектируемых слов по схемам ударения; однако списки слов здесь, как правило, не приводятся, поскольку они могут быть найдены в ряде других работ. Наконец, разбирается акцентуация производных слов; этот разбор проведен подробно, поскольку существующие изложения данного вопроса недостаточно полны.

§ 1.7. Набор словоформ одного слова, рассматриваемый в акцентологии, не всегда в точности совпадает с морфологической парадигмой слова. Отличия здесь таковы.

У существительных форма В. мн. (которая у одушевленных совпадает с Р. мн., у неодушевленных с И. мн.) в акцентном описании самостоятельно не рассматривается и в схему ударения не включается. Кроме того, некоторые парадигмы с разными основами ед. и мн. чисел с акцентологической точки зрения целесообразно трактовать не как единые парадигмы, а как пары неполных (а именно, одночисловых) парадигм. Сюда относятся: 1) случаи супплетивизма — *человек*, *ребёнок* (мн. *люди*, *дети*); сюда же примыкает *дитя* (мн. *дети*); 2) слова на *-ин*, утрачивающие это *-ин* во мн. числе (*армянин*, *господин* и т.д.); 3) слова на *-ёнок*, *-бнок* (мн. *-ята*, *-ата*); слова с дополнительным морфом *-j-* (*-ej-*) во мн. числе (*дерево*—*дерёвья*, *клок*—*клубья* и т.п.). Во всех случаях образование мн. числа рассматривается с акцентологической точки зрения как словообразовательная, а не словоизменительная операция.

У прилагательных не считаются частью парадигмы сравнительная и превосходная степени; они трактуются как производные слова (заметим, что такое решение возможно и для собственно морфологического описания, ср. РИС, § 2.23). Как и у существительных, выведены из сферы словоизменения супплетивно образуемые словоформы (*велик* и т. д. при *большой*, *мал* при *мáленький*).

Не рассматриваются как единые словоформы составные числительные, у которых склоняются обе части (*пятьдесят*, *пятьсот* и т. д.); каждая из этих частей учитывается по отдельности.

У глаголов в акцентологическом описании не включаются в парадигму (а рассматриваются вместе с производными) причастия и деепричастия.

Далее, с акцентологической точки зрения целесообразно разделять многие морфологические парадигмы на части, которые можно обозначить как субпарадигмы.

Так, у прилагательных парадигма делится на атрибутивную субпарадигму (включающие полные [атрибутивные] формы) и неатрибутивную субпарадигму (включающую краткие [неатрибутивные] формы). Одна из двух субпарадигм может в частном случае отсутствовать. У притяжательных прилагательных с суффиксами *-ин*, *-ов*, *-(и)я* и у местоимений-прилагательных (*тот*, *весь*, *мой*, *ваш*, *сам* и т. д.) все имеющиеся формы считаются относящимися к атрибутивной субпарадигме.

У глаголов парадигма делится на презентную субпарадигму (презенс и императив) и претеритную субпарадигму (прошедшее время и инфинитив).

У существительных отдельно от остальной части парадигмы рассматривается так наз. 2-й предложный падеж (Π_2) единственного числа. Ради единообразия последующих формулировок эти две неравные части субстантивной парадигмы формально тоже признаются субпарадигмами.

З а м е ч а н и е. В принципе допустимо также делить парадигму существительного на субпарадигмы ед. и мн. числа (как это делается в ряде описаний русского ударения); но для решения задач настоящей работы прямой необходимости в этом не оказалось.

СХЕМЫ УДАРЕНИЯ

§ 1.8. Важнейшим понятием для описания словоизменительного ударения является схема ударения (или, что то же, акцентная кривая³). Формальное определение данного понятия см. в РИС, § 6.15 — 16. Несколько менее строгое определение таково: схема ударения некоторой парадигмы — это запись, показывающая, на каком компоненте (основе или окончании) находится ударение в каждой из словоформ данной парадигмы; при этом, однако, для словоформ, у кото-

³ Практически мы используем в настоящей работе термин «схема ударения» в применении к современному языку, а термин «акцентная кривая» — в применении к древнерусскому и старевелворусскому.

рых один из двух основных компонентов (основа или окончание) неслоговой, учитывается не фактическое ударение данной словоформы (которое вынужденным образом стоит на слоговом компоненте), а ударение некоторой другой, так наз. «контрольной», словоформы той же парадигмы⁴. Понятие схемы ударения можно использовать применительно как к целым парадигмам, так и к субпарадигмам.

Необходимо отметить, что разделение на основу и окончание, представляющее собой для именных словоформ достаточно простую и естественную операцию, для глагольных словоформ иногда сопряжено с трудностями. Основная из них состоит в том, что в роли «окончаний» здесь оказываются морфемы или морфемные последовательности более сложной природы, чем в случае с именами, и нередко квалифицируемые в морфологии не как окончания, а как иные категории морфем. Так обстоит дело, в частности, с показателями инфинитива *-ть, -ти, -чи* и с исходами *-л, -ла, -ло, -ли* в прош. времени. Глагольные постфиксы *-ся (-сь), -те* обычно присоединяются к основной части словоформы неплотно (§ 1.4) и, соответственно, оказываются вне сферы действия акцентных правил; об одном исключении, когда *-ся (-сь)* функционирует как полноценная часть окончания, см. § 1.12.

§ 1.9. Ниже перечисляются схемы ударения, встречающиеся в разных типах субпарадигм. Общими для всех типов субпарадигм являются две главные схемы ударения:

a — ударение всегда на основе;

b — ударение всегда на окончании⁵.

Прочие схемы ударения, хотя и обозначаются символами из одного и того же набора, определяются по-разному для разных субпарадигм.

У существительных (в их основной субпарадигме):

c — ударение на основе в ед. числе, на окончании во мн. числе;

d — на окончании в ед. числе, на основе во мн. числе;

e — на основе в ед. числе и в II. мн., на окончании в косвенных падежах мн. числа;

f — на окончаниях везде, кроме II. мн.;

b' — как в схеме *b*, но в Т. ед. ударение на основе;

d' — как в схеме *d*, но в В. ед. ударение на основе;

f' — как в схеме *f*, но в В. ед. ударение на основе;

f'' — как в схеме *f*, но в Т. ед. ударение на основе.

См. образцы в Грамм., с. 31—32.

Ударение в Π_2 ед. оценивается особым образом, а именно, различаются два случая: 1) Π_2 ед. совпадает с II. ед.; 2) эти две словоформы

⁴ «Контрольной» словоформой является: у существительных и в атрибутивной субпарадигме прилагательных — дательный падеж того же числа (и рода), что у рассматриваемой словоформы; в неатрибутивной субпарадигме прилагательных и в претеритной субпарадигме глаголов — словоформа ед. сред. (если в этой словоформе ударение колеблется, учитывается только вариант с наосновным ударением); в презентной субпарадигме глаголов — словоформа 1 ед.

⁵ Здесь и далее в формулировке «ударение на окончании» подразумевается: кроме случая, когда окончание неслоговое (подробнее см. РИС, § 6.15, 6.18).

не совпадают (в этом случае ударение в Π_2 ед. всегда флексионное). Первый случай рассматривается как стандартный и никак специально не отмечается; во втором случае к символу схемы ударения (рассматриваемого слова) добавляется «+ Π_2 ». Например, схема ударения слова *бе́рег* обозначается как $c + \Pi_2$.

В адъективных атрибутивных субпарадигмах, кроме схем *a* и *b*, представлена (только у слова *сам*) схема *f*: ударение на основе в И. мн., в прочих формах на окончании.

В адъективных неатрибутивных субпарадигмах:

c — ударение на окончании в ед. жен., на основе в ед. сред. и во мн. числе.

Кроме того, здесь в качестве особых схем оказывается целесообразным выделить ряд схем с колебаниями (поскольку колебания представляют собой в этой части акцентной системы не исключения, а массовое явление). Эти схемы ударения таковы:

a' — колеблющееся ударение в ед. жен., ударение на основе в ед. сред. и во мн. числе (= колебание между схемами *a* и *c*);

b' — колеблющееся ударение во мн. числе, ударение на окончании в ед. числе;

c' — колеблющееся ударение во мн. числе, ударение на окончании в ед. жен., на основе в ед. сред.;

c'' — колеблющееся ударение во мн. числе и ед. сред., ударение на окончании в ед. жен.

См. образцы в Грамм., с. 33.

В презентных субпарадигмах глаголов:

c — ударение на окончании в 1 ед. презенса и в императиве, на основе в прочих формах презенса:

c' (только глагол *хотѣть*) — ударение на основе в *хѹчѣшь*, *хѹчет*, в прочих случаях на окончании.

См. образцы в Грамм., с. 80.

В претеритных субпарадигмах глаголов:

c — ударение на окончании в ед. жен. прош. времени, на основе в прочих формах;

c' (схема с колебаниями; только у глаголов *дать*, *взять*) — колеблющееся ударение в ед. сред. прош. времени, ударение на окончании в ед. жен., на основе в прочих формах;

c'' (схема с колебаниями; возможна только для возвратных глаголов) — колеблющееся ударение во мн. числе, в ед. сред., а также в ед. муж. (см. § 1.12), ударение на окончании в ед. жен.

См. образцы (для прош. времени) в Грамм., с. 81. В инфинитиве слоговое *-ти* возможно (если не считать глаголов с *вѣ-*) только при схеме ударения *b* (например, *несѣти*, ср. *неслѣ*, *-ѣ*, *-ѣ*); инфинитивы на *-ть*, *-чь* имеют вынужденное наосновное ударение.

Схема ударения слова в целом складывается из схем составляющих его субпарадигм. Обозначения при этом таковы. У существительных к символу схемы ударения основной субпарадигмы в определенном

случае добавляется «+ Π_2 », см. выше. У прилагательных и глаголов символы схем ударения двух субпарадигм пишутся через косую черту (первыми отражаются соответственно атрибутивная и презентная субпарадигмы), например: a/a , a/c , b/c'' .

Для сокращения записи у прилагательных разрешается заменять a/a на a , a/a' на a' , b/b на b ; у глаголов разрешается опускать a , стоящее во второй части (т. е. заменять, например, a/a на a , b/a на b).

АКЦЕНТНЫЕ ТИПЫ

§ 1.10. Наряду с классификацией субпарадигм по схемам ударения, для акцентного описания оказывается полезной также несколько иная (хотя и тесно связанная с нею) классификация — по так наз. акцентным типам. Эта классификация возникает в результате следующих трех последовательных дихотомий.

1. Различаются субпарадигмы с тривиальным и с нетривиальным ударением. К первым относятся субпарадигмы с ударением во всех словоформах на основе, причем на одном и том же (по счету от начала) ее слоге; ко вторым — все остальные.

Примечание. В рамках тривиального ударения особо стоят существительные группы *singularia tantum*, например, *лай*, *грбхот*. Поскольку их мн. число существует лишь потенциально, а реально почти никогда не употребляется, его ударение в сущности неизвестно. Между тем некоторые из таких *singularia tantum* проявляют себя при словообразовании как слова с нетривиальным ударением. Таким образом, мы иногда сталкиваемся со своего рода «латентным» нетривиальным ударением. Учитывая такую возможность, мы будем называть тривиальное ударение у *singularia tantum* не показательным (в отличие от показательного тривиального ударения у прочих слов).

2. Нетривиальное ударение распадается на флексионное и подвижное. Флексионное ударение означает ударение на окончании во всех словоформах субпарадигмы, имеющих слоговое окончание; в прочих случаях нетривиальное ударение является подвижным.

3. В подвижном ударении выделяются два основных типа: смежно-подвижный и маргинально-подвижный. Для субпарадигм, где хотя бы одна словоформа со слоговым окончанием имеет неодносложную основу, эти типы определяются так. Если в субпарадигме в словоформах со слоговым окончанием ударение бывает: 1) только на окончании или на последнем слоге основы (например, *величина*, *величины*; *собрала*, *собрали*) — это смежно-подвижный тип; 2) только на окончании или на начальном слоге основы (например, *колоколу*, *колоколám*; *голова*, *голове*; *молода*, *молоды*) — это маргинально-подвижный тип.

В принципе возможно подвижное ударение, не соответствующее ни одному из двух типов. Оказывается, однако, что таких случаев ничтожно мало, а именно, таковы: *озеро*, *знамя* (мн. *озёра*, *знамёна*); существительные схемы *c* на *-тор*, *-сор* со срединным ударением (*дирéктор*, *профéссор* и т. п.), а также *учитель*. Кроме того, формально в эту категорию попадают слова, полученные путем неплотного при-

соединения (§ 1.4) различных морфем к существительным с маргинально-подвижным ударением (например, *полуостров*, *спецпробус* и т. п.). Слова этих групп именуется ниже «примыкающими к маргинально-подвижному типу» (и обычно рассматриваются при этом типе).

Для субпарадигм с односложной основой разграничение смежно-подвижного и маргинально-подвижного ударения проводится по иному принципу (поскольку изложенный выше принцип здесь неприменим), см. § 1.11.

Основные акцентные типы, существенные для дальнейшего, — это конечные звенья приведенных дихотомий: 1) тривиальный (основной) акцентный тип; 2) флексийный; 3) смежно-подвижный; 4) маргинально-подвижный (ср. выделение этих же типов, при несколько иной терминологии, в работе: Курилович 1946). При необходимости могут быть использованы также «суммарные» типы: нетривиальный, подвижный.

Из акцентных типов субпарадигм выводится акцентный тип слова в целом. Для существительных правило таково: существительные со схемой ударения « $a + \Pi_2$ » относятся к маргинально-подвижному типу; в прочих случаях акцентный тип определяется просто по основной субпарадигме (т. е. наличие или отсутствие символа Π_2 несущественно). Для прилагательных и глаголов нам в дальнейшем потребуется различать всего два акцентных типа слов: тривиальный и нетривиальный. К тривиальному акцентному типу относятся прилагательные и глаголы, у которых обе субпарадигмы имеют тривиальное ударение, к нетривиальному — те, у которых это не так.

§ 1.11. Между схемами ударения и акцентными типами имеются некоторые регулярные соотношения (в одних случаях просто вытекающие из соответствующих определений, в других — не вытекающие).

Исключим временно из рассмотрения субпарадигмы подвижного акцентного типа с односложной (во всех словоформах со слоговым окончанием) основой. Для оставшейся совокупности субпарадигм верно (если отвлечься от нескольких исключений) следующее: любые две субпарадигмы, относящиеся к одной части речи и к одной схеме ударения, принадлежат к одному и тому же акцентному типу. Иначе говоря, зная часть речи и схему ударения, мы можем однозначно предсказать акцентный тип. Приводим эти соответствия (на уровне субпарадигм): 1) схема ударения a — тривиальный акцентный тип; 2) схема b — флексийный тип; 3) схемы d , a' , b' , c'' (в именах), c , c'' (в глаголах) — смежно-подвижный тип; 4) схемы c , e , f , c' , f' (в именах) — маргинально-подвижный тип.

Исключения: 1) *озеро*, *знамя* (мн. *озёра*, *знамёна*) — схема ударения a , однако они входят в число примыкающих к маргинально-подвижному типу (см. выше); 2) *ступень* (в переносном значении), *деревня*, *четыре*, *постав*, *копиль* — схема ударения e (*ступень*, *деревня*, *четыре*) и c (*постав*, *копиль*), но смежно-подвижный тип; 3) *удалый* (//*удáлый*) — в неатрибутивной субпарадигме схема ударения c , но смежно-подвижный тип; 4) глаголы, полученные добавлением одиночной односложной приставки к *быть*, *дать*, *-чать*, *-нять*, *жить*, *лечь*, *пить*, *клясть*, *мереть*, а также глаголы *передать*, *перенять*, *пережить*, *пере-*

мереть, запереть, отпереть, пробить (о часах), *создать* — в претеритной субпарадигме схема ударения *с*, но маргинально-подвижный тип (правда, почти во всех случаях [конкретно см. по Грамм.] лишь наряду со смежно-подвижным).

Что касается субпарадигм с односложной основой, то у них различить смежную и маргинальную подвижность в прямом смысле этих терминов, разумеется, нельзя. Однако для акцентного описания оказывается все же целесообразным не отказываться в этом случае от данного разделения, но провести его здесь по другому, косвенному признаку, экстраполировав на случай с односложной основой установленное выше соответствие между схемами ударения и типами подвижности. Иначе говоря, в данном классе субпарадигм принадлежность к смежно-подвижному или к маргинально-подвижному типу определяется через схему ударения. Такое решение упрощает акцентные правила, касающиеся словообразования (в один и тот же акцентный тип попадают слова, дающие один и тот же акцентный эффект при словообразовании).

В особом положении остались лишь те субпарадигмы (весьма немногочисленные), которые принадлежат к схемам ударения, вообще не представленным у слов с односложной основой. Так обстоит дело, например, со схемой ударения *d'* у существительных. Для достижения полной общности в разделии подвижного типа на смежный и маргинальный, условимся и такие субпарадигмы отнести к одному из этих двух типов (основанием для выбора здесь служит акцентный эффект, проявляющийся в словообразовании).

В результате получаем уточненное правило соответствия между схемами ударения и акцентными типами (на уровне субпарадигм), которое приводится ниже в виде таблицы. Символы в клетках таблицы означают схемы ударения; квадратными скобками отмечены схемы, представленные лишь 1 — 3 словами.

Таблица 1

Соотношение между схемами ударения и акцентными типами

Типы субпарадигм	Акцентные типы			
	Тривиальный	Нетривиальный		
		Флексивный	Смежно-подвижный	Маргинально-подвижный
Субстантивная (основная)	a	b	d, [b']	c, e, d' f*, f', [f'']
Адъективная атрибутивная	a	b	—	[f]
Адъективная неатрибутивная	a	b	a', c'', [b']	c, c'
Глагольная презентная	a	b	c, [c']	—
Глагольная претеритная	a	b	c, c'', [c']	—

* Однако существительные мужского рода схемы *f* (а именно, *конь, гвоздь, груздь, червь*) относятся к смежно-подвижному типу.

ПРАВИЛА ПОСТАНОВКИ УДАРЕНИЯ В СЛОВОФОРМАХ ПО СХЕМЕ УДАРЕНИЯ СЛОВА

§ 1.12. Опираясь на введенные выше понятия и соотношения, мы можем теперь сформулировать правила, позволяющие указать место ударения в любой словоформе слова, если известна схема ударения этого слова (а для слов схемы *a* — также место ударения внутри основы). В некоторых случаях в этих правилах используется также дополнительная информация — морфологическая (тип склонения) или морфонологическая (наличие беглой гласной).

Предварительные операции: 1) установить по табл. 1 (с учетом исключений, указанных в § 1.11) акцентный тип той субпарадигмы, в которую входит рассматриваемая словоформа; 2) установить из § 1.9, куда (на основу или на окончание) должно падать, в соответствии со схемой ударения данного слова, ударение в рассматриваемой словоформе.

Далее, если в составе словоформы имеется неплотно присоединенная часть (§ 1.4), на время работы акцентных правил ее следует просто отбросить. При этом необходимо учитывать, что глагольный постфикс *-ся* (*-сь*), обычно присоединяемый неплотно, в качестве исключения присоединяется плотно в прош. времени при претеритной схеме ударения *с'* (а также в словоформах *начал-ся́*, *-а́сь*, *-бсь*, *-и́сь*, *заял-ся́*, *-а́сь*, *-бсь*, *-и́сь*); здесь он трактуется как часть окончания.

После этого правила таковы.

I. Если в рассматриваемой словоформе ударение по схеме должно падать на окончание, то оно фактически падает:

1) при слоговом окончании — на первый слог окончания (кроме окончаний *-ого*, *-ому* [а также *-ое* в *её*, *самой*] в местоименном склонении, где ударение падает на последний слог);

2) при неслоговом окончании — на последний слог основы.

Примеры: *колоко́лами* (от *кóлокол*, схема *c*), *молода́*, *молодбе́*, *молодью́* (от *молодб́й*, схема *b/c*), *всегб́*, *всемю́*, (от *весь*, схема *b*, местоименное склонение), *берегу́*, *бережёте*, *бережётся*, *береги́*, *берегите́*, *берегли́* (от *беречь*, схема *b/b*); *го́лов* (от *голова́*, схема *f'*), *бере́г*, *бере́гся* (от *беречь*).

Исключения: *уго́л*, *уго́ль* (вариант со схемой *b* или *f*), *у́горь*, *у́зел*; *во́семь*, *де́зять*, *де́сять*, *два́дцать*, *три́дцать*, *сбро́к*; *де́нег*, *ма́сел*, *кру́жев*, *са́жен*, *судии́* (от *судия́*); *бблен*, *лёгок*, *тёпел*, *рэвен*, *тёмн*, *чёрн*, *свётел*, *вблен* (вариант со схемой *a/b*), *дблжен*. Во всех этих случаях ударение падает на предпоследний слог основы вместо последнего.

II. Если в рассматриваемой словоформе ударение по схеме должно падать на основу, то фактическое положение ударения таково:

1) при тривиальном акцентном типе (соответствующей субпарадигмы) оно определяется признаком «место ударения внутри основы»;

2) при смежно-подвижном акцентном типе ударение падает: если окончание неслоговое, а основа содержит беглую гласную — на пред-

последний слог основы; в прочих случаях на последний слог основы;

3) при маргинально-подвижном акцентном типе — на начальный слог основы⁶.

Примеры: *пароходь* (от *пароход*, схема *a*), *полбтен* (от *полотноб*, схема *d*; *e* — беглая гласная), *величйны* II. мн., *величйн*, *величйнами* (от *величина*, схема *d*), *голову*, *головы* II. мн. (от *голова*, схема *f'*), *вёсело*, *вёселы* (от *весёлый*, схема *a/c'*).

Исключения: II. ед. *заём*, *наём*; Р. мн. *гумён*, *земель*, *колёцу*, *овёцу*, *свинёй*, *семёй*, *сестёр*, *судёй*, *хлопёт*, *яйцу*; ед. муж. *хитёр*, *остёр*, *шустёр*, *силён*, *дурён*. Во всех этих случаях ударение падает на последний слог основы вместо предпоследнего; в части случаев (см. Грамм.) такое ударение неправильно только при одной из двух допускаемых схем ударения.

ПЕРЕНОС УДАРЕНИЯ НА ПРЕДЛОГ ИЛИ ЧАСТИЦУ

§ 1.13. Особое акцентное явление, представленное в современном русском языке у ограниченной группы существительных и числительных, — перенос ударения на предлог с именной словоформы, например: *за год*, *на голову*, *по два*. Этот эффект проявляется, за очень немногими исключениями, лишь у слов маргинально-подвижного акцентного типа (но далеко не у всех из них). Словоформы, дающие этот эффект, в самостоятельном виде имеют (или хотя бы допускают) начальное ударение (исключения: *по двору*, *по столу*). Следует различать два основных типа сочетаний с ударением на предлоге.

К первому типу (наиболее важному с точки зрения синхронического функционирования акцентной системы) принадлежат нелексикализованные или слабо лексикализованные сочетания. Ударение на предлоге выступает здесь (в меньшинстве случаев обязательно, в большинстве — факультативно) при многих возможных значениях данного сочетания — обычно при всех часто встречающихся; ср., например, *надел шляпу на голову*, *штукатурка свалилась ему на голову*, *ребенок упал на голову*, *на голову выше* и т. д. Лишь при редко встречающихся значениях (обычно абстрактных, а не пространственных или временных, ср. *обратите внимание на голову*, *надеюсь на голову* и т. п.) или в составе синтаксических конструкций, ослабляющих связь имени с предлогом (ср. *несмотря на голову*, *на голову и плечи*), обязательно выступает ударение на имени. Подробнее о первом типе сочетаний с ударением на предлоге см. Грамм., с. 72 — 73.

Ко второму типу (менее существенному для характеристики системы) относятся сочетания с высокой степенью лексикализации, например: *о бок* (в *бок о бок*), *до смерти* 'очень сильно'. С ударением на предлоге они выступают только в составе определенного более

⁶ Но у существительных, лишь примыкающих к маргинально-подвижному типу (§ 1.10), ударение иное: мн. от *озеро*, *знамя* имеет основы *озёр-*, *знамён-*; у прочих слов ударение как в исходной форме.

крупного сочетания (иногда целого предложения) или в строго определенном значении. Как правило, они в той или иной мере адвербиализованы; в предельном случае это чистые наречия (*на́бок, за́муж* и т. п.).

Списки сочетаний с ударением на предлоге можно найти, в частности, в работах: Редькин, Федянина, АГ-70 (с. 433—444), АГ-80 (§ 1269). Сведения о степени лексикализации каждого из этих сочетаний содержатся в АО и Грамм.

Перенос ударения на частицы (не превратившиеся в приставки) представляет собой в современном языке исключительное явление: он сохранился только в сочетаниях *не́ был, ни́ был, не́ дал, не́ жил* (то же при соответствующих словоформах ед. сред. и мн. — *не́ было, не́ были* и т. д.)

УДАРЕНИЕ НЕПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

§ 1.14. Данные выше правила сводят задачу дальнейшего описания к вопросу о том, как установить для произвольного слова его схему ударения и (в случае схемы *a*) место ударения внутри основы. Непроизводные и производные слова оказываются в этом отношении в разном положении.

Для производных слов указанная задача решается в общем случае лишь списочным способом. Иначе говоря, схема ударения и место ударения внутри основы в принципе являются здесь особыми словарными характеристиками отдельного слова, невыводимыми, с формальной точки зрения, из каких-либо иных его характеристик.

В отличие от производных слов, для производных нет каких-либо общих ограничений на набор возможных схем ударения. Все те многочисленные схемы ударения, которые входят в подвижный тип, обслуживают в русском языке, за немногими исключениями (§ 1.18), именно производные слова.

В качестве источника, где схема ударения дана (для обширного массива слов) в явной форме, можно указать Грамм.; разумеется, из этого источника извлекается также и информация о месте ударения внутри основы.

В настоящей работе мы не считаем необходимым приводить списки слов каждой схемы ударения, поскольку эти списки (или эквивалентную им информацию) можно найти в ряде других работ, в частности: РИС (по именам), Редькин, Федянина, АГ-70, АГ-80.

Следует учитывать, однако, что тезис о списочном характере акцентного распределения производных слов верен именно в общем случае. В ряде частных случаев обнаруживается некоторая связь этого распределения со структурой основы, со значением слова или с прагматическим фактором (§ 1.5). Обычно эта связь носит не вполне строгий характер: влияние указанных факторов создает лишь некоторые сдвиги в традиционном акцентном распределении, но не перестраивает

его до конца. Соответственно, на уровне непосредственного наблюдения картина оказывается непоследовательной.

Акцентный эффект, создаваемый морфонологическим (число слогов основы, характер ее исхода) или семантическим фактором, всегда носит локальный характер, т. е. ограничен определенным морфологическим классом слов. За рамками данного класса тот же самый фактор в одних случаях вообще не влияет на акцентуацию, в других дает какой-то иной акцентный эффект.

Более универсальный характер носит влияние прагматического фактора. У производных слов везде, где он вообще действует, его акцентный эффект таков: неосвоенное слово обнаруживает (в речи соответствующего носителя языка) тенденцию к тривиальному акцентному типу, освоенное — к нетривиальному.

З а м е ч а н и е. Данный акцентный эффект фактически наблюдается не только у производных, но и в ряде классов производных слов. Однако у производных картина оказывается сложнее: 1) воздействие прагматического фактора здесь возможно лишь в тех узких пределах, которые оставляют ему акцентные свойства аффикса (если аффикс однозначно определяет акцентуацию производного, прагматический фактор не имеет силы); 2) у производных различие освоенного и неосвоенного в определенных случаях отражается в виде оппозиции «ударение на суффиксе — ударение на корне», например *мускулистый* — *мускулистый* (а не в виде оппозиции нетривиального и тривиального акцентных типов), ср., в частности, § 1.50.

Ниже рассматриваются некоторые важные группы производных слов, где ударение частично подчиняется правилам несписочного характера.

§ 1.15. Одной из таких групп являются производные существительные мужского рода с односложной исходной словоформой. Их акцентуация подробно рассмотрена нами в работе: Однослож. Поэтому здесь мы ограничимся лишь констатацией основных закономерностей, действующих в этой сфере. Не учитываются существительные с неслоговой основой (*лёд*, *льда* и т. п.), поскольку их ударение носит вынужденный характер.

В данной группе ярко проявляется действие прагматического фактора: неосвоенные слова обнаруживают тенденцию к тривиальному ударению (т. е. к схеме ударения *a*), освоенные — к нетривиальному. Нетривиальный акцентный тип может реализоваться в виде различных схем ударения, но продуктивны среди них только две — *b* и *c*. Общим для схем ударения *b* и *c* является флексивное ударение во мн. числе. Соответственно, главным внешним различием между освоенными и неосвоенными существительными данной группы оказывается противопоставление флексивного и наосновного ударения во мн. числе. Ср., например, *быки́*, *стола́*, *блины́*, *супы́*, *меха́*, *долги́* и т. п. (освоенные) и *дбжи́*, *смёрды́*, *скунсы́*, *яки́*, *бри́ги*, *гнейсы́*, *пўтчи́*, *жа́нры*, *пёны́*, *гёмны́* и т. п. (для большинства носителей языка являющиеся неосвоенными). У большого числа слов ударение колеблется, причем в профессиональной или просто в разговорной речи выступает нетривиальное ударение (например, *банты́*, *зонды́*,

крань, тросá, шарфь, лифть, шлюзы, штормá и т. п.), тогда как литературная норма требует тривиального ударения (*ба́нты, зóнды* и т. д.).

Далее, для слов рассматриваемой группы, имеющих во мн. числе флексийное (или подвижное) ударение, а также для *singularia tantum*, действует семантический принцип, который может быть огрубленно сформулирован так: названия предметов, не поддающихся счету («неисчисляемых»), получают в ед. числе наосновное ударение, названия предметов, поддающихся счету («исчисляемых»), — флексийное. Таким образом, для освоенных неисчисляемых нормой является схема ударения *c* (например, *суп, сýпа, супь*), для освоенных исчисляемых — схема *b* (например, *бык, быкá, быкй*).

Большой точностью обладает более расчлененная формулировка данного принципа:

1. «Сильно склонны к схеме *c*» (т. е. обнаруживают ярко выраженную тенденцию к такой акцентовке) названия нерасчлененных однородных масс (а также деревьев), абстрактных понятий (т. е. действий, событий, состояний, свойств, оснований классификации, единиц измерения и т. п.), пространств, поверхностей, направлений; примеры: *суп, шёлк, дым, долг, цвет, час, пуд, луг, мир, край, верх, низ*.

2. «Умеренно склонны к схеме *c*» названия коллективов, оград, четко ограниченных территорий, помещений, больших вместилищ; примеры: *хор, тын, порт, дом, цех, шкаф*. Кроме того, без прямой связи с основным принципом в эту категорию попадают также термины родства, например: *муж, сын*.

3. «Сильно склонны к схеме *b*» названия исчисляемых материальных предметов (кроме входящих в группу 2) и животных, а также названия лиц по занятию и оценочные; примеры: *болт, нож, крюк, бык, кит, поп, шут, хлыщ*.

4. «Умеренно склонны к схеме *b*» названия гор, груд, отверстий, фигур, начертательных знаков, монет; примеры: *холм, крест, штрих, грош*.

5. Вне сферы действия данного принципа остаются несколько маленьких групп, устойчиво сохраняющих традиционную акцентовку (таковы названия частей тела, названия лиц, не входящие в группы 2 и 3, и несколько других слов).

Списки исключений, а также слов, у которых данный принцип реализован только в профессиональной или разговорной речи, но не в литературной норме, см. в Однослож.

Дополнительное воздействие на акцентуацию рассматриваемой группы оказывает, в частности, морфонологический фактор: исход основы на согласную (не взрывную) + *t* способствует переходу слова к схеме *b*. Правда, при конфликте этого фактора с семантическим последний обычно побеждает, ср., например, Р. ед. *спёрта, дýста, гвáлта*; но в просторечии возможен и противоположный результат, например, Р. ед. *финтá, лифтá, портá*.

Описанные закономерности реализуются (с небольшими отклоне-

ниями) также у слов с односложной основой, содержащей беглую гласную, например: *пéпел, пéпла — орёл, орла́* (см. Однослож. § 43).

§ 1.16. Другой фрагмент акцентной системы, где действуют особые правила, составляет акцентуация неатрибутивных субпарадигм (т. е. кратких форм) производных прилагательных (а также производных с суффиксами *-н-, -к-, -л-*, имеющих в полных формах наосновное ударение). Эта акцентуация лишь в очень малой степени зависит от акцентуации соответствующих полных форм. Прежде всего здесь действует следующее морфонологическое правило: при односложной основе (беглая гласная не в счет) в кратких формах возможно как тривиальное, так и нетривиальное ударение, при неодносложной — только тривиальное. Отклоняются только: а) *хоро́ший, здоро́вый* 'большой, сильный' (простореч.), *вели́кий* 'большой'; их краткие формы акцентуированы по схеме *b*; б) *дешё́вый, доро́гой, молодóй, холостóй, вели́кий* 'выдающийся' — краткие формы по схеме *c*; в) *весё́лый, зелё́ный, голóдный, холóдный, корóткий, уда́лый* — краткие формы по схеме *c'* (сюда можно добавить еще *солё́ный, солон, солонá, солонó, солонý*).

При односложной основе распределение, с формальной точки зрения, задается списками (см. РИС, с. 169—170). На неформальном уровне здесь можно, однако, отметить некоторые общие закономерности.

Прежде всего, действует прагматический фактор, а именно, неосвоенность (непривычность, редкость) соответствующих кратких форм влечет за собой тривиальное ударение. В данном классе словоформ противопоставление, лежащее в основе прагматического фактора, в сущности сводится к различию по степени употребительности соответствующих кратких форм в живой речи и к наличию или отсутствию у них книжной (возвышенной, архаичной) окраски. Примеры тривиального ударения, обусловленного данным фактором: *áла, -ы, я́ра, -ы, тлénна, -ы, прáздна, -ы, скóрбна, -ы, кóсна, -ы, крáтна, -ы, клáссна, -ы, дрéвня, -и, ё́мка, -и* и т. п. Сюда же относятся и «потенциальные» словоформы, которые реализуются лишь как окказиональные образования, например: *мédны, крóвны* и т. п.

Нетривиальное ударение возможно лишь для освоенных (относительно более частых, привычных) неатрибутивных субпарадигм. Каждая из трех кратких форм с ненулевым окончанием (ед. жен., ед. сред. и мн.) имеет свои акцентные особенности.

Форма ед. жен. у освоенных слов всегда имеет флексийное ударение: *честнá, крепкá, чистá* и т. д. Колебания типа *властнá || властна* отражают переходное состояние с точки зрения освоенности слова.

В форме мн. числа в настоящее время наблюдается интенсивное распространение флексийного ударения вместо более раннего наосновного, например: *честнýй, вернýй, сильнýй, страшнýй, крепкýй, чистýй, милýй, пьянýй* и т. п. Такие ударения свойственны прежде всего разговорной речи, но они все шире проникают также и в литературный язык.

Более сложный вопрос составляет акцентуация форм на -о (-е). Здесь необходимо различать синтаксические функции: 1) именной части сказуемого, согласованной в роде и числе с подлежащим (например, *мое слово крепко*); 2) так наз. предикатива, или «предикативного наречия» (*легко сказать, мне тепло*); 3) обычного наречия (*крепко держать, легко одет*). Следует подчеркнуть, что формы на -о только в 1-й функции входят в один парадигматический ряд с краткими формами других родов и чисел (например, *крепок, крепка, крепки*). Между тем именно в этой функции они встречаются в живой речи реже всего (а некоторые из них практически вообще не встречаются, ср. нереальность фраз типа *это молоко тепло*).

Акцентные свойства форм на -о в этих трех функциях близки, но не тождественны.

Для обычных наречий нормой является наосновное ударение (например, *ведет себя вольно, больно ударился, полно описан, мало тренируется, слабо знаком*). В немногочисленных случаях типа *легко одет, хитро придумано, пестро раскрашено*, как правило, мы имеем дело просто с сохранением старого ударения (в большинстве таких случаев уже возможен также и новый вариант, например: *хитро придумано, пёстро раскрашено*).

Для предикативов нет единой нормы; выделяется, однако, значительная группа с устойчивым ударением на -о: *тепло, свежо, светло, темно, легко, полно* (чего-либо, кого-либо), *грешно, вольно* (кому-либо что-либо делать); ср. еще просторечн. *слабо*. Сюда же попадают цветообозначения (ср. ниже) в контекстах типа *кругом черно* (также в усилительной модели *черным-черно, белым-бело* и т. п.).

В собственно адъективной функции формы на -о в литературном языке преимущественно выступают с наосновным ударением. Имеется, однако, ряд случаев, где во всех кратких формах, включая ед. сред., представлено флексивное ударение.

Таковы, во-первых, краткие формы, в значение которых входит семантический элемент «слишком», отсутствующий у соответствующих полных форм. Примеры: *это платье вам мало (узко, длинно)*⁷, ср. также *эти брюки вам малы (узкие, длинные)*; *это уже старо*. Круг прилагательных, систематически обнаруживающих этот эффект, невелик (он практически исчерпан в наших примерах); но окказионально эта модель может выступать и в других случаях.

Далее, таковы цветообозначения: *бело, черно, красно, желто, пестро* (наряду с *бело, чёрно, красно, жёлто, пёстро*); ср. ненормативные *серо, синё*. Близки по значению также *светло, темно*.

Помимо этого, краткие формы на -о выступают у нескольких прилагательных на -ной (*больно, грешно, смешно, чудно*), а также в отдельных случаях, где просто сохраняется традиционное ударение:

⁷ Аналогичный эффект при неодносложной основе: *это платье вам велико (широко)*; ударение *велико, широко*, в других случаях допустимое, здесь невозможно.

мертвó, острó, равнó, свежó, умнó, хитрó (наряду с *мёртво, остро, равно, свежо, умно, хитро*); малоупотребительны в данной функции *легкó, теплó*. Однако в разговорной речи и тем более в просторечии флексийное ударение может встретиться и у других прилагательных, ср. нелитер. *мое слово крепкó, это дело не так уж страшнó* и т. п.

Таким образом, если неосвоенности отвечает схема ударения кратких форм *a*, то освоенность выражается в первую очередь схемами *c'* (*вернá, верно, вернѣ || верны*) и *b* (*умнá, -ó, ѣ*). Схемы *a'* (*властнá || властна, властно, -ы*) и *c* (*славнá, славно, -ы*) — это лишь этапы перехода от неосвоенности к освоенности.

Хотя нормативные словари (например, АО, Грамм.), в соответствии со своей основной установкой, указывают для одной части рассматриваемых неатрибутивных субпарадигм схему ударения *a'*, для другой — *c*, для третьей — *c'*, необходимо признать, что в живой речи носителей русского литературного языка (не говоря уже о нелитературной речи) четких границ здесь нет. Неслучайно в этом вопросе имеется множество частных расхождений между разными словарями.

Картину акцентной неустойчивости, наблюдаемую в настоящее время в кратких формах с односложной основой, по-видимому, следует истолковывать как этап движения к последовательной акцентной оппозиции полных и кратких форм (по модели *умный — умнá, -ó, -ѣ*, поскольку подавляющее большинство качественных прилагательных, в особенности производных, имеет основное ударение в полных формах, ср. § 1.56). В кратких формах мн. числа акцентная перестройка совершается на наших глазах. «Отставание» кратких форм ед. сред., вероятно, связано с их относительной редкостью (ср. выше) и с влиянием омонимичных им наречий на *-о* (у которых основное ударение вполне устойчиво).

§ 1.17. Еще один особый фрагмент акцентной системы составляет акцентуация презенса *i*- и *ѣ*-глаголов с ударением на тематическом элементе в инфинитиве. Производные и производные в данном случае целесообразно рассматривать вместе (хотя это различие и играет определенную роль для акцентуации, см. ниже).

В презенсе здесь конкурируют флексийное (*говорю́, говорѣт, лежѹ́, лежѣт*) и смежно-подвижное ударение (*варю́, варѣт, держѹ́, держѣт*). С формальной точки зрения их распределение задается просто списками (см., в частности, Редькин, с. 127—130, Федянина, с. 225—230, АГ-80, I, § 1611). На неформальном уровне, однако, можно указать ряд факторов, оказывающих влияние (хотя и не всегда решающее) на их акцентуацию.

Прежде всего на акцентуацию влияет стилистическая характеристика глагола: глаголы с книжной или возвышенно-архаической окраской почти всегда имеют в презенсе флексийное ударение, например: *обличѣт, умертвѣт, упразднѣт, осквернѣт, осенѣт, утолѣт, хулѣт, предварѣт, согрѣшѣт, водрузѣт, сокрушѣт, воскресѣт, уничтожѣт, сотворѣт*. Имеются также некоторые внешние признаки, которые

почти безошибочно указывают на то, что глагол принадлежит именно к данной группе: неполногласие в корне (ср. *омрачѣйт*, *наслаждѣтсѣя*, *устранѣйт*, *возвратѣйт*, *сохранѣйт* и т. п.), наличие чередования *т/ц* или *д/жд* (а не *т/ч*, *д/ж*) в парадигме (*посетѣйт*, *воплотѣйт*, *убедѣйт* и т. п., ср. *посещѣу*, *воплощѣу*, *убеждѣнный*). Показательно различие ударения в таких парах, как, например, *возбудѣйт* — *разбѣудит*, *погрузѣйт* (в жидкость) — *погрѣзѣит* (на транспорт), *одарѣйт* — *подарѣит*, *вкусѣйт* — *укѣсѣит*, *насадѣйт* (учение) — *насадѣит* (картошки), *учинѣйт* — *починѣит*, *влачѣйт* — *волѣчит*, *хранѣйт* — *хорѣнит*, *заградѣйт* — *загорѣдит*, *превратѣйт* — *переворѣтит* и т. п. (ср. Грот, с. 328, Воронцова, с. 228).

Имеется также следующее морфонологическое ограничение на смежно-подвижное ударение в презенсе: такое ударение невозможно, если слог перед *-ѣйт* не является первым слогом корня (этого ограничения нет лишь для корней с *оро*, *оло*). Пример: *тормошѣйт*, *потрошѣйт*, *кипятѣйт*, *говорѣйт*, *лебезѣйт*, *нагромоздѣйт*, *окровенѣйт*, *освободѣйт*; с другой стороны, *польстѣйт*, *отомстѣйт*, *почтѣйт* и т. п. Исключениями являются только *шевѣлѣйт(сѣя)*, *станѣвит(сѣя)*, *облобѣтѣйт(сѣя)*.

Далее действует правило, согласно которому глаголы на *-ѣйт*, имеющие, с синхронической точки зрения, прозрачный отыменный характер, получают в презенсе флексийное ударение. Это правило реализуется тем последовательнее, чем стандартнее семантическое соотношение между исходным именем и глаголом. Укажем наиболее типичные модели для переходных глаголов: отадъективная модель 'делать таким-то' (ср., например, *грязнѣйт*, *оздоровѣйт*, *укоротѣйт*, *смягчѣйт*, *молодѣйт*, *освежѣйт*, *чернѣйт*); отсубстантивные модели — 'обрабатывать с помощью X', 'покрывать X-ом' (*бомбѣйт*, *когѣйт*, *обдѣрнѣйт*, *серебрѣйт*, *осмолиѣйт*, *застеклѣйт*, *зачѣлѣйт*), 'делать X-ом' (*удочерѣйт*, *осиротѣйт*, *копнѣйт*, *изрешѣйт*), 'вызывать X' (*гневѣйт*, *смешиѣйт*, *страшиѣйт*). Кроме того, имеется ряд моделей для непереходных глаголов, например, 'вести себя таким-то образом', 'выступать в качестве X' (*грубѣйт*, *ловчѣйт*, *хитрѣйт*; *гостѣйт*, *шоферѣйт*, *замѣйт*, *ханжѣйт*) и другие. При менее стандартных семантических отношениях между именем и глаголом становится возможным также и смежно-подвижное ударение, например: *бѣлит* (исходное значение 'делать белым' сузилось, ср. семантически стандартные *желтѣйт*, *синѣйт*, *зачернѣйт*); *дарѣйт*, *свѣтит*, *лѣнитсѣя* (семантические отношения с именами *дар*, *свет*, *лень* нестандартны, нечетко выявляется даже само направление словопроизводства); такие глаголы, как *сѣрдѣйтсѣя*, *порѣчит*, уже по существу утратили синхроническую связь с *сѣрдѣце*, *рукѣ* (ср. также § 1.18).

Наконец, там, где указанные выше факторы еще не определили акцентуацию презенса, для *i-* и *ѣ-*глаголов действует следующее семантическое правило: переходные глаголы (и глаголы движения кратного подвида, хотя бы и непереходные) получают в презенсе смежно-подвижное ударение, непереходные глаголы (и глаголы речи, хотя бы

и переходные) — флексивное ударение. Примеры: 1) *бúдит, вáрит, горбúдит, дéлит, лóбит, полбóжит, полúчит, лéчит, замéнит, пóбит, пúстит, посáдит, застрéлит, úчит, почи́т; брóдит, хóдит; вéрит, дéржит, тéрнит*; 2) *бурлúт, угодúт, грустúт, норовúт, следúт, спешúт, шалúт; бранúт, вопúт, корúт; бежúт, дрожúт, лежúт, сидúт, стоúт, кричúт, молчúт, храпúт*. Показательны такие противопоставления, как *вáлит* 'опрокидывает' — *валúт* (дым, народ), *кóсит* (траву) — *косúт* (глазами). В исключительных случаях данное различие проявляется даже между простым глаголом и соответствующим возвратным: *(но)сáдит*, но *садúтся, полбóжит*, но *ложúтся*, ср. еще *полúчит* и *случúтся*; однако нормой здесь все же является единое ударение внутри пары, например: *дéлится, лéчится, úчится* как *дéлит, лéчит, úчит*.

Отклонения от совокупности приведенных правил немногочисленны. Это главным образом сохраняющиеся по традиции старые ударения, в частности: а) *жéнится, слúжит, мóлит, прóсит* (по-видимому, сюда же *тéлится, очúтится, шúтит*); б) *простúт, растúт, родúт*. В ряде случаев литературное ударение еще отклоняется от этих правил (например, *включúт, сорúт, долбúт, накалúт* и др.), но в разговорной речи уже представлено новое ударение. С другой стороны, преобладающая тенденция к смежно-подвижному ударению иногда преодолевает барьеры, создаваемые приведенными правилами, например: *предъявúт, явúтся* (книжные слова), *сóлит* (отыменный глагол), *лénится, дрúжит*, разговорное *звнúт* (непереходные глаголы).

Разобранными в § 1.15—17 группами слов не ограничиваются случаи, когда акцентуация непроечных слов фактически управляется неспичными правилами. Так, например, среди существительных на *-а, -я* схем ударения *f'* и *d'* (т. е. с В. ед. типа *руку*) значительную часть составляют названия частей тела: *голова́, борода́, нога́, рука́, щека́, спина́, коса́*, сюда же *душа́*. Показательно, что при выводе слова из указанной семантической группы оно переводится в более простую схему ударения — с колонным ударением в ед. числе, например: *городского́ голову́, сорви́голову́*. Однако подобные группы сравнительно малочисленны, и, соответственно, выигрыш от неспичного описания здесь не столь ощутим.

УДАРЕНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

§ 1.18. У производных слов, в отличие от непроечных, схема ударения и место ударения внутри основы в принципе выводятся по определенным правилам из морфологического состава слова (в части случаев также из его значения и некоторых других характеристик). Лишь в меньшинстве случаев фактические акцентные характеристики

производного слова не соответствуют этим правилам и должны быть указаны в списочном порядке.

Важнейшая черта, отличающая в русском языке акцентуацию производных слов (кроме приставочных глаголов⁸) от акцентуации непродвиженных, — почти полное отсутствие у них подвижного акцентного типа (ср. Курилович 1946, с. 438). Для производных слов нормальными являются (на уровне субпарадигм) лишь две схемы ударения: *a* и *b*; все прочие носят характер исключений. Если для производного слова (кроме приставочных глаголов) установлено, что оно относится к нетривиальному акцентному типу, это в принципе означает, что оно относится к схеме ударения *b* (т. е. у существительных *b*, у прилагательных *b/b*, у глаголов *b/a*, см. § 1.9).

Исключения составляют следующие группы производных слов (списки даны в рамках литературной нормы)⁹.

Существительные:

1) *бтруб*, *пр́став*, *бкруг*, *пбезд*, *прбвод*, *пбдрез*, *прбпуск* (документ), *бтпуск*, *прбел* (в иконописи), *прбмысел*, *бткуп*, *дбговор*, *вбзраст*, также *постбв* — схема *c* (см. также в § 1.28 [A II, замеч. 1] список опростившихся слов, однотипных с приведенными здесь);

2) *дирéктор*, *инспéктор*, *инстрúктор*, *кондúктор*, *кóррéктор*, *прожéктор*, *профéссор*, *редáктор*, *учítель*, также *пéкарь*, *тбкарь*, *пíсарь* — схема *c*;

3) *глазбк*, *зуббк*, *рожбк*, *сапожбк* (уменьшительные) — схема *d*;

4) *мыло*, *дéревце*, *бблачко* — схема *c*;

5) *меньши́нствб*, *ушкб*, *скреблб*, *теслб*, *бельмб*, *письмб*, *озерцб*, *жнвьё* — схема *d*;

6) существительные с суффиксами *-от-á*, *-ин-á*, *-изн-á* (например, *высотá*, *старшинá*), а также *судьбá*, *резьбá*, *стрельбá* — схема *d*;

7) *пр́стань*, *пбдать*, *чéтверть*, *пр́пасть*, *пбвесть*, *пбвость*, *пблбвость*, *пблбсть*, *вéдомость*, *дблжность*, *крéпость*, *скбрость*, *мéлочь*, *свблочь* — схема *e*;

8) *бтруби*, *пбмочи*, *пбхороны* — схема *e*.

Прилагательные:

1) прилагательные с односложной основой, содержащей суффикс *-н-*, *-к-* или *-л-*, получившие в кратких формах нетривиальное ударение в силу § 1.16 (например, *вёрный*, *звбнный*, *смéлый*);

2) *жестбкий* — схема *a/a'*, *великий* 'большой', *горячий*, *тяжéлый*, *мудрéный* — *a/b*, *великий* 'выдающийся', *удáлый* — *a/c*, *корбткий*, *голдбный*, *холдбный*, *солéный* — *a/c'*, *далéкий*, *глуббкий*, *ширбкий*, *высбкий* — *a/c''*.

3) причастия на *-ённый* (и отпричастные прилагательные типа *влюблённый*, см. РИС, с. 239), также *дánный*, *сдánный*, *пересдánный* — схема *a/b*; причастия (но не с приставкой *вы-*) на *житый*, *литый*, *нятый*, *чатый*, также *звáнный*, *вítый*, *пítый*, *зáпертый*, *отпертый*, *взáтый*, *прбклятый* — схема *a/c*; причастия (но не с *вы-*) на *данный*, *витый*, *питый* (кроме указанных выше) — схема *a/a'*.

Глаголы: отыменные *белítь*, *бесítь*, *винтítь*, *глушítь*, *дружítь*, *жéить*, *косítь* (траву), *крестítь*, *крóшítь*, *кружítь*, *облокотítься*, *лудítь*, *пилítь*, *служítь*, *солítь*, *сторонítься*, *строчítь*, *сушítь*, *телítься*, *тупítь*, *удítь*, *целítь*, *чертítь* и соответствующие приставочные (правда, не все, см. Грамм.) — схема *c/a* (у части глаголов наряду с *b/a*). Заметим, что у многих

⁸ Точнее говоря, кроме глаголов, производность которых состоит только в наличии у них приставки.

⁹ Производный характер некоторых из приводимых слов неочевиден (т. е. они могут, вообще говоря, расцениваться и как опростившиеся). У некоторых слов нетривиальное ударение представлено лишь как акцентный вариант или лишь при определенном значении; эти детали см. в Грамм. и РИС.

слов этого списка словообразовательные связи уже в той или иной мере затемнены (ср. заведомо опростившиеся *поручить, селить, сердиться, застрелить*). Имеется, кроме того, ряд глаголов схемы *с/а*, для которых направление словообразовательной связи между именем и глаголом устанавливается, с синхронической точки зрения, недостаточно определено: *грузить, дарить, кормить, лентиться, мутить, платить, светить, судить, трудиться, тужить, хвалить*.

Помимо всех перечисленных групп, подвижное ударение имеют также слова, полученные из приведенных здесь неплотным присоединением каких-либо морфем, например, *электропоезд*.

Что касается присоединения приставок к глаголам, то этот тип словообразования не создает ограничений на подвижность ударения. В нормальном случае приставочный глагол просто сохраняет акцентные свойства бесприставочного (если не считать страдательного причастия прош. времени, где иногда только приставка дает возможность ударению отступить влево, ср. *гнутый — согнутый*). Особые случаи, когда это не так, должны рассматриваться в списочном порядке вместе с вопросом об ударении непроединенных слов. Соответственно, в настоящем разделе приставочное словообразование глаголов не рассматривается.

Приведенные списки позволяют нам свести дальнейший разбор акцентуации производных слов к вопросу о выборе между тривиальным и нетривиальным акцентными типами и о месте ударения внутри основы при тривиальном типе. Для производных слов эти два признака целесообразно объединить в понятие акцентуации основы: для слов тривиального акцентного типа речь идет о месте ударения внутри основы (у таких слов оно постоянно); у производных слов нетривиального акцентного типа ударение нормально находится на окончаниях, т. е. основа безударна, если только за ней не следует неслоговое окончание (отклонения от этого принципа имеются только у слов, входящих в приведенные выше списки).

§ 1.19. Для дальнейшего разбора необходимо условиться о терминах, связанных со словообразованием. Простейший случай суффиксального словообразования выглядит так. Имеется слово *A* (скажем, *дорога*) с основой *a* (*дорóг-*). От основы *a* с помощью суффикса *s* (скажем, *-н-*) получена основа *b* (*дорóжн-*) слова *B* (*дорóжный*). При соединении *a* и *s* возможны какие-то морфонологические эффекты (в частности, чередования, как *г/ж* во взятом примере), несколько изменяющие фонемный состав *a* и/или *s*; таким образом, *b* не всегда в точности равно *as*.

Мы будем говорить в этом случае, что *A* — исходное, или производящее, слово, *B* — производное слово, *a* — производящая основа, *b* — производная основа. Кроме того, нам потребуются термин «базовый компонент» для обозначения той части (*a'*) производной основы *b*, которая остается после вычета суффикса *s* (в данном случае *дорóж-*) (ср. Устинова 1974, с. 245, Поливанова 1976, с. 10). Понятно, что базовый компонент в большинстве случаев просто совпадает с производящей основой. Однако иметь здесь особый термин все же целесообразно — не только потому, что сочетание «производящая

основа данной производной основы» слишком тяжеломерно и что *a'* не всегда равно *a*, но главным образом потому, что понятие базового компонента полезно и в тех случаях, когда самостоятельного слова *A* вообще не существует (такой базовый компонент называется ниже остаточным, или связанным; ср., например, *сморо́д-ин-а*, *мал-и́н-а*, *бессе́рдéч-н-ый*, *быстрохо́д-н-ый*).

Помимо понятия основы словоформы, необходимо также понятие основы слова и основы субпарадигмы (некоторого слова). Если во всех словоформах слова (или субпарадигмы) основа одинакова, она же и является основой слова (субпарадигмы). Если различие сводится только к наличию или отсутствию беглой гласной (например, *оста́ток—оста́тка*, *сестра́—сестё́р*, *ве́рный—ве́рен*), то основой слова (субпарадигмы) считается вариант без беглой гласной (например, *оста́тк-*, *сестр-*, *верн-*). В прочих случаях признается наличие у слова (субпарадигмы) более чем одной основы. Внутри субпарадигмы после принятия соглашений, указанных в § 1.7, таких случаев практически не бывает. Внутри парадигмы в целом такая ситуация характерна только для глаголов, а именно, у глаголов систематически различаются основа инфинитива (которая у всех глаголов, кроме *С*-корневых, оканчивается на гласную) и основа презенса (которая всегда оканчивается на согласную).

В состав глагольной основы в большинстве случаев входит так наз. тематический (или основообразующий) элемент, см. § 0.3. С морфологической точки зрения, тематический элемент отличается от обычного (полноценного) суффикса тем, что не имеет отчетливого и постоянного самостоятельного значения (если не считать таковым общее значение глагольности [«процессуальности»], которое тем самым оказывается одинаковым у всех тематических элементов). Важная для нашего разбора проблема состоит в том, что один и тот же внешне аффикс, например, *-a(j)-*, может в одних глаголах (например, *копа́ть*, *штóпать*) играть роль основообразующего элемента, а в других (например, *разруба́ть*, *реша́ть*) — роль полноценного суффикса. Этим двум функциям могут соответствовать разные акцентные свойства; так, тематический элемент *-a(j)-* может быть как ударным, так и безударным (ср. примеры выше), тогда как суффикс вторичных имперфективов *-a(j)-* обязательно несет ударение. Поскольку, однако, описание во многих отношениях усложнится, если считать, в частности, что одни глаголы на *-ать*, *-аю* (*копа́ть*, *штóпать*) имеют тематический элемент, а другие (*разруба́ть*, *реша́ть*) нет, мы будем в дальнейшем исходить из того, что в глаголах типа *разруба́ть* аффикс *-a(j)-* выполняет одновременно две функции: полноценного суффикса и тематического элемента; разумеется, то же верно для *-e(j)-*, *-и-*, *-ну/-н-* и т. д. (подробнее см. Лопатин, с. 63—74).

При отглагольном словообразовании тематический элемент в одних случаях сохраняется (*рэза-ние*, *рэза-тельный*, *рэза-лка*), в других отбрасывается (*рез-ной*, *резь-ба́*, *рез-ка*, *отрез-ок*). Соответственно, можно говорить о полной и усеченной глагольной основе.

Из сферы морфонологии нам потребуется разделение морфем на: 1) полновокальные, т. е. содержащие хотя бы одну небеглую гласную; 2) неполновокальные, т. е. не содержащие гласных вообще («безгласные») или содержащие только беглую гласную¹⁰. Морфемы с беглой гласной имеют не менее двух разных морффов: один с гласной (например, *гон-ец*, *яр-ок*) и один «безгласный» (*гон-ца*, *яр-к-ий*).

Как известно из русской морфонологии, глагольные корни (или основы), оканчивающиеся на гласные, могут при словообразовании получать дополнительный элемент *в*, *ј*, *л*, *т* или *н*¹¹, функция которого состоит лишь в том, что он дает корню возможность участвовать в сочетаниях, где требуется морф, оканчивающийся на согласную. Ср. *про-ход* и *про-ли-в*, *при-твор-ств-о* и *у-би-й-ств-о*, *греб-ец* и *жи-л-ец*, *о-грыз-ок* и *о-ста-т-ок*, *объ-ед-к-и* и *о-ста-н-к-и*. Мы будем называть такое *в*, *ј*, *л*, *т* или *н* консонизатором корня (основы); уточнение «корня (основы)» может быть опущено. С акцентологической точки зрения основная особенность консонизаторов состоит в том, что в отличие от суффиксов они не имеют самостоятельной акцентной характеристики, т. е. морф с консонизатором (например, *лив-*, *бий-*, *жил-*, *стат-*, *стан-*) обладает ровно теми же акцентными свойствами, что и без консонизатора (*ли-*, *би-*, *жи-*, *ста-*).

§ 1.20. Существующие описания акцентуации производных в русском языке, как правило, построены в виде акцентологических сведений о каждом из выделяемых в морфологическом описании суффиксов (аналогично и для несUFFIXальных способов словообразования). В частности, в Академических грамматиках (АГ-52, АГ-70, АГ-80) такие сведения даются по отдельности при каждом алломорфе каждого суффикса в каждом из обслуживаемых им словообразовательных значений. Такое описание полезно для получения справки об отдельном суффиксе, но общие закономерности словообразовательной акцентуации из него не видны или видны очень неполно.

Оказывается, что для выявления этих закономерностей необходимо прежде всего отказаться от постулата (на который в неявной форме опираются существующие описания) о том, что все акцентные правила должны применяться именно к тому членению словоформ и к тому представлению деривационной истории слов, которые оптимальны для морфологического описания. В действительности же в этих вопросах потребности акцентологического и морфологического описания могут в некоторых частностях расходиться.

¹⁰ Беглой считается гласная, которая чередуется с нулем при вхождении данной морфемы в разные окружения. Отметим специально, что частным случаем беглой гласной является *е* в суффиксальных морфах *-еск-*, *-еств-о* (например, *княжеский*, *княжество*), ср. отсутствие этого *е*, например, в *зверский*, *зверство*, где суффикс стоит в ином окружении (не после шипящей).

¹¹ Не смешивать с морфемами *-в-*, *-ј-*, *-л-*, *-т-*, *-н-*, выступающими в образовании глагольных времен и причастий.

Прежде всего, в акцентологическом описании обычно оказывается ненужной та степень «раздробления» внешне единого суффикса по словообразовательным значениям, которая естественна для морфологического описания. Подавляющее большинство суффиксов (в том числе такие многозначные, как, например, *-ок*, *-иц-а*) обладает постоянными акцентными свойствами, не зависящими от того, в каком словообразовательном значении используется суффикс.

Далее, большинство составных (многоморфных) суффиксов с акцентологической точки зрения не являются самостоятельными единицами, а функционируют как свободная последовательность простых суффиксов, в которой каждый член последовательности проявляет свои обычные акцентные свойства. Например, в акцентологическом описании не должны фигурировать суффиксы *-итель*, *-ительн-*, *-ил-а*, *-ил-о*, *-илк-а*, *-ильн-*, *-ильн-я*, *-ильщик*, выделяемые в морфологическом описании. Все они должны рассматриваться здесь как последовательности морфов, начинающиеся с морфа *-и-*, акцентными свойствами которого (см. ниже) и определяется ударение всех производных этой группы. Возможны и другие, более сложные расхождения между морфологическим и акцентологическим анализом производных; см., в частности, § 1.32 о способах представления деривационной истории производных типа *безлошадный*, *обессахарить*, *разноязычный* в акцентологии и в морфологии.

В настоящей главе морфологическое членение словоформ, отождествление морфов и представление деривационной истории производных проводятся с теми коррективами (оговариваемыми по ходу изложения), которых требует собственно акцентологическое описание. Понятно, что согласование полученных при этом результатов с данными обычного морфологического описания потребует некоторой дополнительной процедуры (впрочем, довольно несложной). Но этот небольшой технический проигрыш безусловно перевешивается очевидным выигрышем в понимании акцентологических механизмов как таковых.

В частности, с акцентологической точки зрения целесообразны следующие соглашения. Если в состав отглагольного производного входит оканчивающаяся на гласную инфинитивная основа исходного глагола, то такое производное в нормальном случае считается образованным от данной основы как от единого целого. Если при этом в составе производного за такой основой следует *в*, *й*, *л*, *н* или *т* (кроме *т*, входящего в суффикс *-тель*), то это *в*, *й*, *л*, *н* или *т* трактуется как консонизатор *и*, соответственно, входит в базовый компонент (а не в состав суффикса). Примеры (базовый компонент отделен): *лив-ень*, *убий-ца*, *жиль-йб*, *жил-йще*, *остан-ки*, *знан-ие*, *выть-йб*, *понят-ливый*, *задат-ок*; *умел-ец*, *сеял-ка*, *плакаль-щик*, *оборван-ец*, *послан-ец*, *рвань-йб*, *владен-ие*, *собиран-ие*, *собира-тель*; слова *прилив*, *помо́й-и* и т. п. попадают в категорию бессуффиксальных производных.

Данный принцип не распространяется, однако: 1) на образование неличных форм исходного глагола, а также отпричастных прилагательных.

тельных (*чёсаный, вáляный* и т. п.)¹²; 2) на случаи, когда основа производного равна основе глагола + л, например, *устáлый, былóй, пожилóй, покрывáло, мерíло, обира́ла* (-л- считается здесь суффиксом, а не консонизатором).

Особенность *i*-глаголов: здесь производное, сохраняющее -и- (например, *гладíльщик, правíтель, верíтельный*), считается образованным не прямо от основы инфинитива, а с заменой в ней тематического -и- на омонимичный ему особый словообразовательный морф -и-, имеющий другую акцентную характеристику (а именно, требующий постановки ударения на самом этом морфе, подробнее см. § 1. 41). В остальном соблюдаются изложенные выше правила; в частности, л в *гладíльщик, морозíлка* и т. п. трактуется как консонизатор.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МОРФЕМ

Система маркировок

§ 1.21. Как уже указано в § 0.2, в настоящей работе акцентологическая классификация морфем проводится с использованием техники маркировок.

Маркировка отдельной морфемы складывается из нескольких самостоятельных акцентных характеристик. При этом обязательно представлена одним из символов (\downarrow , \leftarrow , \rightarrow) только характеристика «позиция ударения». Все прочие характеристики строятся по принципу: «есть ли у морфемы такая-то особенность?». Если да, то в маркировку включается соответствующий символ (буквенный), если нет, то это никак не отмечается.

Наиболее важными являются две характеристики: «позиция ударения» и «доминантность—недоминантность». Они вместе образуют основную маркировку морфемы. У подавляющего большинства морфем маркировка этим и ограничивается. Лишь у совсем немногих морфем (а именно, у некоторых суффиксов) помимо основной маркировки имеется еще и дополнительная.

Ниже перечислены все символы, используемые в маркировках. Приводимые при этом пояснения носят нестрогий, содержательный характер. Формальный смысл каждого символа состоит в способе его использования в правилах, которые даются в последующих параграфах.

1. Акцентная характеристика «позиция ударения» (более точно: «позиция ударения в случае, если ударение привязано к данной морфеме»); о выражении «привязано» см. § 1.22). Символы:

¹² Такое же членение, как для причастий, необходимо принять и для слов, которые с синхронической (не с исторической) точки зрения произведены от причастий или от отрицательных прилагательных, например, *кáтанки, чёсанки, вáленки* (= **вáлянки*): ср. сохранение такими словами ударения соответствующих причастий. Поскольку отличить такие производные от *оборвáнец, послáнец* и т. п., не обращая заранее к их ударению, затруднительно, с формальной точки зрения для разграничения здесь необходимы списки.

- ↓ («самоударность») — ударение падает на саму данную морфему;
 ← («левоударность») — ударение падает левее данной морфемы;
 → («правоударность») — ударение падает правее данной морфемы.

2. Акцентная характеристика «доминантность—недоминантность» (т. е. наличие или отсутствие регулируемого определенными правилами преимущества в «конкуренции» морфем за ударение). Символ доминантности: D.

3. Символы, используемые в дополнительной части маркировки, таковы (они возможны только у суффиксов):

Init — «начальное ударение»;

Monosyll — «ударение требует поправки при односложности базового компонента»;

Polysyll — «ударение требует поправки при неодносложности базового компонента»;

Marg — «суффикс становится правоударным при маргинальной подвижности в производящем слове»;

Triv — «маргинально-подвижное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»;

Deox — «флексионное ударение производящего слова трактуется как тривиальное».

Выписанные здесь ярлыки, разумеется, не раскрывают точного смысла перечисленных символов (этому посвящен § 1.34).

Отметим, что разделение суффиксов на 6 групп по их основной маркировке (←, ↓, →, ←D, ↓D, →D) в целом соответствует разделению на группы I 1, I 2, I 3, II 1, II 2, II 3, принятому в работе: Редькин.

Для упрощения ряда последующих формулировок маркировка считается приписанной к определенной фонеме внутри морфемы (морфа). Маркировка с ↓ приписывается к некоторой небеглой гласной в составе морфемы (а именно, к той, которая фактически несет ударение в словоформах, где оно привязано [§ 1.22] к данной морфеме); например, маркировка приписана к гласной первого слога в морфеме *ягод-*, второго — в *мороз-*. Маркировки с → и ← (а также с ↓ у неполновокальных морфем) приписываются к последней фонеме в составе морфемы.

Допустимо также говорить о маркировке морфа (а не только морфемы в целом). В принципе все морфы одной морфемы имеют единую маркировку; но в некоторых исключительных случаях этот принцип может нарушаться.

В настоящей работе в описании современной русской акцентуации (в отличие от раннедревнерусской) маркировки используется только для морфем, входящих в состав основы (корней, приставок, суффиксов), но не для окончаний. Информация об акцентных свойствах окончаний дана в другой форме — в виде описания схем ударения в парадигмах словоизменения (§ 1.8—9). Иначе говоря, предлагаемая здесь система маркировок предназначена для акцентологического опи-

сания словообразования, а не словоизменения (точнее, этой системой не может быть полностью отражено словоизменение непроеизводных слов). Такое решение обусловлено тем, что в современном языке, в отличие от древнерусского, для словообразования и для словоизменения актуальны разные разбиения корневых морфем на акцентные классы. В самом деле, в современном русском языке при одном и том же наборе окончаний могут противопоставляться до семи разных схем ударения, например: *вѣра* — схема *a*, *черта́* — *b*, *беда́* — *d*, *губа́* — *f*, *спина́* — *d'*, *нога́* — *f'* (ср. еще единичное *до́ля* — схема *e*). Чтобы отобразить эти различия с помощью маркировок, нужно в идеале ввести семь различных маркировок корня. Если допустить некоторое количество индивидуальных исключений, инвентарь маркировок можно сократить; однако попытка обойтись менее чем четырьмя маркировками уже приводит к непомерно длинным спискам исключений или к иным модификациям техники маркировок, которые в сущности компрометируют саму эту технику¹³. Между тем для современного русского словообразования в подавляющем большинстве случаев актуально противопоставление всего двух акцентных классов корней: \downarrow и \rightarrow (соответствующих тривиальному и нетривиальному типам в словоизменении). Лишь в немногих случаях в качестве реликта более ранней системы обнаруживается особый акцентный эффект при словообразовании у корней, соответствующих маргинально-подвижному типу.

Базисное правило

§ 1.22. Если выписать последовательно маркировки всех морфем, входящих в некоторую основу, мы получим цепь маркировок этой основы. Точно так же можно построить цепь маркировок для той или иной части основы, скажем, для ее базового компонента¹⁴.

Имеется следующее, так наз. базисное правило о связи ударения с цепью маркировок произвольной основы.

А. 1. Ударение привязано к самой правой маркировке, содержащей *D*; но если таковой окажется маркировка $\rightarrow D$, стоящая не последней в цепи, то ударение привязывается к следующей маркировке.

2. Если маркировок с *D* нет, ударение привязано к самой левой маркировке, содержащей \downarrow или \leftarrow .

3. Если маркировок с \downarrow или \leftarrow нет, ударение привязано к самой правой маркировке, содержащей \rightarrow .

Б. Формула «ударение привязано к некоторой маркировке» означает:

¹³ Именно в такое положение попадает П. Гард (Гард 1978, с. 369—376), который постулирует для корней всего три маркировки, но, чтобы справиться, например, с различием между *черта́м* и *беда́м*, вынужден приписать окончанию *-ам* (и другим подобным) неустойчивую маркировку (без строгих правил, регламентирующих эту неустойчивость).

¹⁴ Однако для целой словоформы этого сделать нельзя, поскольку, как отмечено выше, в нашем описании окончания не получают маркировок.

если маркировка содержит ↓, то ударение падает на самую соответствующую гласную¹⁵;

если ←, то ударение падает на ближайшую гласную слева¹⁶;

если →, то ударение падает на ближайшую гласную справа; если таковой в пределах основы уже нет, основа безударна (точнее: слово относится к нетривиальному акцентному типу, см. § 1.18).

Примеры действия базисного правила (морфема, к которой привязано ударение, подчеркнута):

банд-ит-изм-	—	бандит <u>и́зм-</u>
↓ ↓D ↓D		
черт-ёж-ик-	—	черт <u>ёжик-</u>
→ →D ←		
горош-ин-к-(а)	—	<u>горóшник-</u> (а)
↓ ↓ ←		
слеп-ьш-	—	слеп <u>ьш-</u> (безударная основа,
→ →		ср. <u>слепы́ш</u> , - <u>и́</u> и т. д.).

Необходимо сразу же подчеркнуть, однако, что фактическое ударение значительного количества основ не соответствует базисному правилу; оно определяется серией более частных правил, представляющих собой различного рода поправки к базисному правилу. В частности, как легко видеть, в базисном правиле вообще не фигурируют элементы дополнительной части маркировок; это значит, что акцентный эффект, который порождают эти элементы, всегда носит характер поправки к базисному правилу. Таким образом, базисное правило отражает закономерности русской словообразовательной акцентуации в сильно идеализированном виде. В ряде случаев оно используется как эталон, сравнение с которым позволяет выявить и точно охарактеризовать некоторое акцентное отклонение.

Перемаркировка

§ 1.23. Когда две или более морфемы соединяются в процессе образования производной основы (или какой-то ее части), с акцентной точки зрения имеется две возможности: акцентуация полученной основы либо соответствует базисному правилу, либо не соответствует. В первом случае мы будем говорить о «простом акцентном суммировании» морфем, во втором — об отклонении от такового.

Часть таких отклонений описывается ниже через прямое указание того, как отличается фактическое ударение от ожидаемого по базисному правилу. Но в некоторых случаях наиболее целесообразной оказывается несколько иная техника — описание через так наз. перемаркировку; иначе говоря, акцентное отклонение представ-

¹⁵ Если же такая маркировка приписана к согласной, ударение падает на ближайшую гласную слева.

¹⁶ Если влево гласных больше нет, ударение падает на начальный слог основы.

ляется как результат замены первоначальной цепи маркировок на некоторую другую (которая уже дает по базисному правилу действительную акцентуацию основы).

Соответственно, необходимо различать первоначальную (или исходную) маркировку некоторой морфемы и ее реальную маркировку в составе определенной словоформы (которая из-за перемаркировок иногда не совпадает с первоначальной).

Заметим, что у корней и приставок вся первоначальная маркировка состоит только из символа ↓ или →; любая более сложная первоначальная маркировка (равно как символ ←) возможна только для суффиксов. Но в результате перемаркировок корень может получить также символ D.

При перемаркировке может происходить также «акцентное склеивание» морфов (т. е. своего рода «акцентное опрощение»), когда два соседних морфа объединяются в единый элемент, имеющий уже не две раздельные маркировки, а одну общую.

МОРФЕМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

§ 1.24. В современном русском языке некоторые последовательности морфем обладают особыми акцентными свойствами, не вытекающими (в общем случае) из свойств составляющих их морфем; мы называем их ниже морфемными комплексами. Как будет видно из дальнейшего, значение морфемных комплексов для русской акцентологии очень велико (в существующих описаниях оно сильно недооценено).

Приставочно-корневые комплексы

Из всех типов морфемных комплексов наибольшее значение для русской акцентологии имеют приставочно-корневые комплексы, т. е. морфемные последовательности вида «приставка (или несколько приставок) + корень» (причем только такие, в которых все морфемы плотно присоединены друг к другу, см. § 1.4). Примеры: *при-ход*, *при-ход-(ить)*, *у-гроз-(а)*, *раз-бёр-(чивый)*, *за-на-вёс-(ка)*, *не-от-вёз-(ный)*, *бес-стыд-(ство)*, *без-дел-(ье)*, *без-ног-(ий)*; однако, скажем, *неживой* не содержит приставочно-корневого комплекса, так как *не* здесь неплотно присоединено к корню; по той же причине в слове *непроходной* представлен лишь комплекс *про-ход*, но не *не-про-ход*.

Корень, имеющий при себе консонизатор (§ 1.19), входит в состав приставочно-корневого комплекса вместе со своим консонизатором; примеры: *про-лив*, *о-стат-(ок)*.

Различаются простые приставочно-корневые комплексы (где приставка одна) и сложные (где приставок две или больше).

Приставочно-корневые комплексы представлены в русском языке в основном в следующих категориях слов: 1) глаголы, например, *приходить*, *победить*, *разбирать*, *украшать*, *пролезть*; 2) бессуф-

фиксальные имена, например, отглагольные *приход*, *победа*, *разбор*, *пролёза*, *покатый*, неотглагольные *подпол*, *безногий*; 3) суффиксальные имена, производные от слов групп 1 и 2, например, *приходский*, *победитель*, *разборчивый*, *подполье*, *пролезничество*.

Между группами 1 и 2 обнаруживаются существенные различия в акцентуации приставочно-корневых комплексов, а в части случаев также и в выборе корневых морфов. Для группы 1 наиболее характерно ударение правее приставочно-корневого комплекса, ср. примеры выше (реже встречается иное ударение — обычно корневое, ср. *пролётъ*, *пролётет*, *приходит*, *укра́сить* и т. п.). Напротив, в группе 2 господствует корневое ударение, ср. примеры выше (и лишь в незначительном меньшинстве случаев находим иное ударение — обычно префиксальное, ср. *вы́ход*, *подпол*, *отпуск*, *прово́лока* и т. п.).

Различия в выборе корневого морфа между группами 1 и 2 возможны лишь для немногих (но очень употребительных) корней. Единых для всех этих корней правил выбора морфов нет; для наших целей достаточно привести ряд характерных примеров: *зарек-а́ться* — *за́рок*; *задр-а́ть*, *задер-у́*, *задир-а́ть* — *задо́р*, *зади́р-а*; *подня́-ть*, *подним-а́ть* (*подым-а́ть*) — *подъём*; *привез-ти́*, *привоз-и́ть* — *приво́з*; *отбй́-ть*, *отобь-ю́*, *отбив-а́ть* — *отбóй*, *отб́ив*. Как видно из приведенных примеров, даже и у этой группы корней нет полного разграничения между «глагольными» и «именными» алломорфами: так, неоднозначны в этом отношении, например, алломорфы *-дир-*, *-воз-*, *-бив-* (с консонизатором *в*).

Что касается группы 3, т. е. суффиксальных производных, то здесь прежде всего встает вопрос о том, от имени или от глагола произведено соответствующее слово, например, *разборчивый* (ср. *разбор* и *разбира́ть*), *входной* (ср. *вход* и *входи́ть*), *привязной* (ср. *привязь* и *привяза́ть*) и т. п.

В этой проблеме необходимо различать два аспекта: 1) семантический; 2) морфонологический (т. е. связанный с выбором морфов и акцентуацией); ср. Земская, с. 69 и далее.

Семантическая производность выражается в сохранении у производного (с модификацией, привносимой суффиксом) всех или хотя бы некоторых значений производящего. При установлении семантической производности особенно показательным является «наследование» производным словом специфических (не вытекающих с необходимостью из его морфемного состава) значений производящего. Например, слово *походный* явно семантически производно от *поход* «особый вид военного или туристического передвижения», а не от глагола *походить* (не имеющего этого специфического значения); *заливный* семантически производно от *залив* «определенная часть моря», а *заливной* — от *залива́ть*.

Следует учитывать, однако, что существуют все же случаи, где не удается однозначно установить семантическую производность, поскольку семантические связи производного с глаголом и с от-

глагольным именем примерно одинаковы; примеры: *входной* (*входить* и *вход*), *объездчик* (*объезжать* и *объезд*) и т. п.

Морфонологическая производность выражается в том, что производное либо просто сохраняет основу производящего слова и ее акцентуацию, либо трансформирует их по некоторым стандартным правилам. Например, *разборчивый* морфонологически производно от *разбор* (а не от *разбирать* или *разобрать*); напротив, *разбирательство* морфонологически производно от *разбирать* (а не от *разбор*).

Может оказаться, однако, что некоторое слово по своим морфонологическим свойствам (акцентуация, выбор морфов) должно быть признано, скажем, отыменным производным, а соответствующее исходное имя в языке отсутствует. Например, слово *выбоина*, судя по морфу *-бој-* (ср. *отбой*, *прибой* и т. п.), должно квалифицироваться как морфонологически производное от **выбой* (а не от *выбить*, *выбивать*); между тем слова **выбой* нет. В связи с этим имеет смысл говорить просто о морфонологически глагольных и морфонологически именных приставочно-корневых комплексах в составе производных слов — в соответствии с их акцентуацией и выбором морфов и вне зависимости от того, существует ли соответствующее исходное слово реально.

Нормальным для русского языка является такое положение, при котором слова, семантически производные от глаголов, содержат морфонологически глагольный приставочно-корневой комплекс, а от имен — морфонологически именной. Однако в некоторых случаях это соответствие все же оказывается нарушенным. Так, в парах *догадаться*—*догадливый*, *взедаться*—*взедливый*, *удушить*—*удушливый*, *запасать*—*запасливый* семантические отношения практически такие же, как, например, в парах *бодать*—*бодливый*, *болтать*—*болтливый*, *хвастать*—*хвастливый*, *говорить*—*говорливый*. Во всех этих случаях прилагательное семантически производно от глагола (заметим, что соответствующих существительных — **догад*, **взед*, **бод* и т. п. — для большинства примеров здесь просто нет). Между тем в группе *догадливый*, *взедливый*, *удушливый*, *запасливый* приставочно-корневой комплекс, судя по ударению, — морфонологически именной, а не глагольный. (Объяснить здесь корневое ударение просто тем, что суффикс *-лив-* требует ударения слева от себя, нельзя из-за акцентировки слов *бодливый*, *болтливый* и т. д.). Ср. сходную ситуацию у производных на *-чив-* (*бранчивый*, но *изменчивый*, *уступчивый* и т. п.), *-ист-* (*неказистый*, но *заливистый*, *прерывистый* и т. п.) и ряда других. Таким образом, необходимо признать, что некоторые суффиксы отглагольного (с семантической точки зрения) словообразования требуют замены морфонологически глагольного приставочно-корневого комплекса морфонологически именным.

§ 1.25. Изложенные факты дают основания для следующего общего решения вопроса о приставочно-корневых комплексах.

Всякий приставочно-корневой комплекс, входящий в состав основы определенной словоформы, является либо морфонологически глагольным,

либо морфонологически именным. В общем случае это различие проявляется в ударении и/или в выборе морфов, но в частных случаях оно может и никак внешне не проявляться. В дальнейшем для упрощения терминологии мы будем говорить просто о глагольных и именных приставочно-корневых комплексах (считая, что уточнение «морфонологически» подразумевается).

По своей способности непосредственно присоединяться к глагольным приставочно-корневым комплексам суффиксы делятся на две группы: так наз. первичные способны к этому, так наз. вторичные — неспособны. Первичные суффиксы фактически всегда универсальны, т. е. могут присоединяться к любому приставочно-корневому комплексу — как глагольному, так и именному. Из вторичных суффиксов большинство способно присоединяться к именному комплексу, но некоторые (например, *-ач*) вообще неспособны присоединяться ни к какому приставочно-корневому комплексу.

Если в процессе словообразования предстоит присоединить вторичный суффикс (например, *-чив-*) к приставочно-корневому комплексу, входящему в основу некоторого глагола (например, *сговори́ться*, *разбира́ть*), этот комплекс должен быть предварительно превращен в именной. Практически это обычно означает определенные изменения в акцентуации и иногда в выборе морфов; так, в данном случае получаем *сговори́вый*, *разбери́вый* (а не **сговори́вый*, **разбери́вый*).

Для дальнейшего необходимо уметь решать следующую практическую задачу: установить, является ли приставочно-корневой комплекс в составе некоторой словоформы глагольным или именным, не обращая при этом к сведениям об акцентуации данной словоформы¹⁷ (при том что разделение суффиксов на первичные и вторичные, напротив, предполагается уже известным). Правила здесь таковы.

Случай 1: приставочно-корневой комплекс завершает основу (в частности, равен основе) в словоформе любой части речи, кроме глагола. Такой комплекс — именной. Примеры: *прихо́д*, *не-прихо́д*, *побе́д-а*, *пéревяз-ь*, *за́навес*, *безно́г-ий*, *пока́т-ый*.

Случай 2: приставочно-корневой комплекс входит в основу глагольной словоформы (личной или неличной) и либо равен этой основе, либо отличается от нее только на тематический элемент¹⁸. Такой комплекс — глагольный (например, *проле́з-ть*, *прихо́д-и-ть*, *улет-а-ющий*), за исключением тех немногочисленных случаев, когда глагол (на *-ить*, *-овать* или *-ать*) является производным от имени, содержащего приставку (например, *прока́з-и-ть*, *расхо́д-ова-ть* от *прока́за* 'шалость', *расхо́д*; в этих случаях комплекс именной).

Случай 3: в составе основы за приставочно-корневым комплексом непосредственно следует словообразовательный суффикс.

¹⁷ Указанное ограничение обусловлено тем, что ответ на поставленный вопрос сам должен служить одним из шагов в процедуре установления места ударения в произвольной словоформе.

¹⁸ Аффиксы неличных форм, если они есть, не принимаются во внимание.

Если этот суффикс вторичный — комплекс именной. Примеры: *сговорчив-ый, придирчив-ый, изворотлив-ый, подделка, выделка*.

Если этот суффикс первичный, то комплекс именной, если слово семантически производно от имени (например, *нарядн-ый, поездн-ый, пръволочн-ый, проказитъ* — от *наряд, поезд, пръволока, проказа* 'шалость') или от сочетания предлога с именем¹⁹ (например, *безлошадн-ый, безназорн-ый, подручн-ый, бесчеститъ*), и глагольный, если слово семантически производно от глагола или семантически двусмысленно (т. е. связано одновременно с глаголом и с отглагольным именем), например, *заливн-ый, выхондн-ый, привязн-ый*.

Кроме того, специально для суффикса *-н-*, с которым связано наибольшее число трудностей в решении данной проблемы, имеется ряд вспомогательных правил (см. § 1.60).

Другие типы комплексов

§ 1.26. Помимо приставочно-корневых, для акцентологии существенны также некоторые другие типы морфемных комплексов. Таковы прежде всего двукорневые комплексы, т. е. морфемные последовательности вида «корень + соединительная гласная + корень» (причем такие, где все морфемы соединены между собой плотно), например, *землекоп, машинопис-ь, светоносн-ый*. Возможны также и другие типы комплексов, получаемые усложнением основных типов за счет замены корней на целые основы или за счет увеличения числа корней. Таковы, в частности, приставочно-основные комплексы, например, *безрадостн-ый*. С акцентологической точки зрения подавляющее большинство комплексов всех этих типов аналогично именным приставочно-корневым комплексам. К глагольному типу относятся только комплексы в *руководить, путеводитель, благословить, благоволить, благодарить, животворить, благотворительный, боготворить*; они представляют собой архаизмы, ср. более новые образования типа *верховодить, пустословить* (с обычным именным комплексом).

В дальнейшем под общим названием именных комплексов объединяются именные приставочно-корневые комплексы и все прочие морфемные комплексы, кроме перечисленных выше исключений.

«Опорное» -ов-

§ 1.27. Хотя именные комплексы практически никогда не передают ударения присоединяемым к ним полноценным суффиксам, они в некоторых случаях передают его «пустому» морфу *-ов-*. Примеры: *Поднепръвье, безтщъвщина, поножъвщина* (ср. *Поволжье, подъщщина* и т. п.). Мы будем называть такое *-ов-* «опорным». С акцентологической точки зрения опорное *-ов-* ведет себя как составная часть имен-

¹⁹ Комплекс с *без-* — всегда именной, даже если его вторая часть не соответствует никакому реальному имени, например, *беспробудн-ый, безопасн-ый*.

ного комплекса (а не как внешний по отношению к нему морф); именно так оно и рассматривается ниже. С формальной стороны комплексы *по-днепрѳв-*, *без-отцѳв-*, *по-ножѳв-* вполне аналогичны приставочно-основным типа *без-радѳст-*, *пред-вершѳн-*. Разница лишь в том, что замена основ *днепр-*, *отц-*, *нож-* на *днепрѳв-*, *отцѳв-*, *ножѳв-* не связана здесь ни с каким изменением смысла; *днепрѳв-*, *отцѳв-*, *ножѳв-* выступают просто как своего рода «удлиненные» (и более удобные для соединения с суффиксами) варианты основы слов *Днепр*, *отец*, *нож*. Эта замена, в частности, позволяет избежать сложных сочетаний согласных, которые должны были получиться в **Поднѳпрѳе*, **беззѳтѳщина*, **пѳножѳщина*. В ряде случаев (например, *приднепрѳвский*, *беспѳнѳвский*, *безгрѳхѳвный*) равно допустимы интерпретация через опорное *-ѳв-* и через неплотное присоединение морфемы слева. Относительно возможного совмещения функций опорного *-ѳв-* и суффикса *-ѳв-* см. § 1.62.

Теоретически возможно также безударное опорное *-ѳв-* (скажем, *приарѳковский*); практически, однако, подобные примеры (все они довольно искусственны) проще интерпретировать иначе (через суффикс типа *-ѳвск-* или через неплотное присоединение).

Перемаркировка морфем в составе комплексов

§ 1.28. Особые акцентные свойства, имеющиеся у части морфемных комплексов, на техническом уровне проще всего отобразить с помощью перемаркировок (§ 1.23), т. е. указать, каким изменениям подвергается первоначальная маркировка морфемы в том случае, когда морфема вступает в морфемный комплекс. Правила здесь таковы.

А. В именном комплексе (но не с приставками *вы-*, *на-*²⁰) второй член взамен своей первоначальной маркировки получает новую, а именно ↓ D²¹. Например, в словах *зѳход*, *нѳхѳдчивѳый*, *безлѳдный*, *скѳроход*, *лукомѳрье* корни *ход-*, *лѳд-*, *мор-* получают маркировку ↓ D; особо отметим *прѳрѳва*, *подѳшѳва*, *бѳзднѳ* и т. п., где ↓ D появляется при безгласном морфе. Если в качестве второго члена выступает целая основа, а не просто корень, маркировку ↓ D получает та морфема, которая несет ударение в исходной форме слова с такой основой (если же основа в этой форме безударна или если такого слова вообще нет, то последняя морфема основы); при наличии опорного *-ѳв-* (§ 1.27) маркировку ↓ D получает это *-ѳв-*. Примеры: в словах *безрадѳстный*, *предвершѳнный*, *низкѳчастѳтный*, *безотцѳвщина* ↓ D появляется при морфемах *рад-*, *-шн-*, *-ѳт-*, *-ѳв-*.

²⁰ Именные комплексы с приставками *вы-* и *на-* (которые имеют маркировку ↓) перемаркировке не подвергаются. Исключения: *вынѳсливѳый*, *выбѳтие* (где *вы-* ведет себя как обычная приставка); в слове *пѳскуда* приставка уже выделяема. Фактически не подчиняется данному правилу также приставка *пра-*, см. ниже, пункт I.

²¹ Это практически означает, что все остальные маркировки внутри комплекса уже несущественны; ничто не изменится, если считать, что они просто сняты.

При замене маркировок место приписки маркировки внутри морфемы в нормальном случае не меняется. Соответственно, например, в словах *обмолот*, *безголовый*, *длиннобородый*, *безлошадный* маркировка ↓ D приписывается к последней фонеме морфем *молот-*, *голов-*, *бород-*, *лошад-* (поскольку эти морфемы ранее имели маркировку →, ср. *моло-тить*, *голова́*, *борода́*, *лошадёй*). Имеются, однако, следующие особые случаи. 1. Если второй член комплекса — это неодносложная²² основа существительного маргинально-подвижного типа с наосновным ударением в исходной форме (кроме слов с полногласным сочетанием в корне, слов на *-мя* и *вечер*, *кóзырь*, *но́готь*, *ло́коть*, *лёмéх*, *ло́шадь*, *стéпень*, *зёркало*, *озеро*), то маркировка ↓ D ставится при гласной первого слога такой основы. Отсюда такие ударения, как, например, *белокáменный*, *безоблачный*, *безъякорный*, *беспáрусный*, *двуло́стный*, *двуло́пастный*, *обесщёлочить*. Сверх того, такую акцентовку имеют комплексы с *-времен-* (кроме *со-*, *по-*, *одно-*, *разно-временный*), например, *своевре́менный*, *безвре́менный*. Исключения: *подмасте́рье*, *Лосиноостро́вская*, *Белоцерко́вский*; колеблются *великовозра́стный*, *каменноуго́льный*. 2. Индивидуальные отклонения: комплексы с *-образ-* (кроме *безо́бразный* 'лишенный образа, образности'), например, *безо́бразный*, *-ие*, *крестоо́бразный*, *ди́кобра́з*; *беспринци́пный*, *безвозду́шный* (↓ D при конце комплекса).

З а м е ч а н и е. При окказиональном образовании подобных комплексов (в т. ч. образовании заново реально существующих слов) здесь может наступить эффект неосвоенности, состоящий в том, что любое существительное с начальным ударением в исходной форме трактуется как относящееся к тривиальному акцентному типу (ср. действие пометы Triv, § 1.34). Отсюда возможность таких окказиональных ударений, как *бесбло́кольный*, *беззёрка́льный* и т. п. В слове *безо́бразный* (см. выше) этот эффект закреплен нормой для отличения от традиционного *безо́бразный*.

Из приведенного общего правила о перемаркировке внутри именного комплекса в пользу ↓ D при втором члене имеется, однако, несколько групп исключений (объем приводимых ниже списков определяется теми же принципами, что в описании суффиксов, см. § 1.39).

1. Приставки *пра-* и *су-* в значительной части случаев удерживают ударение на себе (что является следом древнего состояния, ср. § 2.22); технически это означает, что приставка получает маркировку ↓. Таковы: *праде́д*, *пра́внук*, *пра́щур*, *пра́отец*, *пра́внучка*; *сýмрак*, *сýнесок*, *сýтолока*, *сýкровица*, *сýпрядки*, *сýмерки* (ср. также опротивившиеся *сýдорога*, *сýтки*; в словах *пра́зелень*, *сýтедь*, *сýнесь*, *сýтолочь* начальное ударение можно объяснить эффектом суффикса *-'-*, § 1.43). Чаще, однако, приставка *су-* ведет себя по общему правилу, например, *суста́в*, *сугли́нок*, *сумя́тица*, *супоро́са*, а приставка *пра-* неплотно присоединяется к имени, например, *праля́зк* (с сохранением флексивного ударения), *пращо́дина*, *пращо́душка*.

²² Неодносложная в том виде, в котором она входит в состав комплекса; таким образом, сюда относятся и случаи типа *подлокóтник*, *белокáменный*.

II. Наиболее многочисленная группа исключений — существительные мужского рода с основой, равной приставочно-корневому комплексу, обнаруживающие не корневое, а начальное ударение (типа *за́пуск*). Строгих правил распределения слов данной структуры между моделями *захо́д* (по основному правилу) и *за́пуск* нет. Обнаруживается, однако, некоторая связь этого распределения с фонологическим составом корня (ср. Устинова 1980); соответственно, ниже слова модели *за́пуск* указаны с разделением по данному признаку.

1. Существительные с односложной приставкой и корнем, оканчиваемся на *к* (кроме односложных корней на /ок/, /ек/ — графически *ок*, *эк*, *ек*). Примеры²³: *при́знак*, *при́зрак*, *о́блик*, *о́тклик*, *о́крик*, *наво́лок*, *о́бморок*, *у́молк* (без *у́молку*), *ро́счерк*, *на́сморк*, *прóблеск*, *на́плеск*, *по́иск*, *ро́зыск*, *на́тиск*, *за́пуск*, *прóпуск*, *по́рыск*, *о́тпрыск*, *при́звук*, *при́стук*, *на́вык*, *прóмельк*; также *не́ук*. Отклонения: *при́мьк*, *о́путьк*, *нары́ск*, *приты́к* (все эти слова очень редкие); они идут по общему правилу.

2. Существительные с односложной приставкой и корнем, оканчиваемыми на сочетание /и/, /у/ + шумная глухая согласная (за которой может также следовать еще одна согласная). Фактически это прежде всего корни *куп*, *ступ*, *сып*, *дых*, *дух*, *слух*, *кус*, *свист*, *кис(е)л*, *мыс(е)л* (для конечного *к* см. пункт 1). Примеры: *по́дкуп*, *о́ткуп*, *до́ступ*, *при́ступ*, *прóсьпн* (без *прóсьпу*), *о́тдых*, *прóдух*, *на́вис*, *при́кус*, *и́скьюс*, *по́свист*, *при́свист*, *на́хлыст*, *о́кисел*, *прóмысел*, *у́мысел*; также *не́слух*, *не́уч*; особо отметим *при́вкус* (с двумя приставками). Отклонения: *усть́п*, *заку́т* (но также и *заку́т*), *уку́с*, *надку́с*, *проку́с*, *отку́с*, *пони́х*; они идут по общему правилу (см. также выше примеры с колебанием).

3. Следующие существительные такой же структуры, как в пункте 2, но со звонкой, а не глухой согласной: *по́гиб*, *по́шиб* (в иконописи), *о́труб* (земельный участок), *при́визг*, *о́бжиг*, *ро́зжиг*, *о́тжиг*, *на́стриг*, *по́стриг*, *о́круг*, *за́струг*, *на́струг*, *по́дгрúзьдъ* (ср. еще разг. *ра́струб*); также *не́друг* и сокращение *не́уд*. Ср. идущие по общему правилу *уши́б*, *разру́б*, *испу́г* и т. п.

4. Прочие: *на́долб*, *при́став* (должностное лицо), *о́тзыв* (мнение, документ), *за́берег* (от *бе́рег*), *о́берег* (от *о́берега́ть*), *по́тяг*, *про́пад* (*пропади́ про́падом*), *по́езд*, *при́вод* (в технике), *до́вод*, *по́еод₁₋₂*, *про́вод*, *при́город*, *у́держ* (*у́держу не́т*), *по́дрез* (у полоза), *про́сек*, *прóбел* (в иконописи), *ра́зум*, *по́дпол*, *за́говор* (тайное соглашение), *до́говор*, *сго́вор*, *во́зглас*, *за́навес*, *о́тсве́т*, *за́ворот* (*кишок*), *во́зраст*, *прóмах*, *за́пах*, *при́порох*, *по́длинь* (ср. еще разг. *ро́злив*, *при́говор*); также *не́клен*, *не́чет*.

З а м е ч а н и е 1. Исторически относились сюда же, но к настоящему времени опростылились (хотя степень забывания первоначальной структуры у них и различна) слова: *пéреб*, *сто́соб*, *о́стов*, *о́стров*, *по́двиг*, *по́лог*, *и́зверг*, *за́пад*, *о́вод*, *о́браз*, *за́мок*, *о́ворок*, *о́трок*, *за́ром*, *о́цеп*, *по́вар*, *у́жас*, *по́яс*, *при́чет*, *о́мут*.

²³ В списке отражены почти все реально встретившиеся корни.

бныт, спблбх, пбтрох, пбсох, ббух, вбздух, ббруч. Возможно, следует считать опростившимися также и *пбшиб, бкруг, пбезд, пбзрак, бблик, бчерк, пбчерк, рбзум*, включенные выше в общие списки.

З а м е ч а н и е 2. В некоторой части случаев между словами основной акцентной модели (*проезд*) и акцентной модели *пбезд* обнаруживается следующее семантическое различие: для модели *проезд* более характерно значение собственно действия (или места действия), для модели *пбезд* — значение объекта (возникающего в результате действия, служащего для действия или как-то иначе с ним связанного). Этому часто сопутствует еще одно различие: значение существительного связано со значением глагола в модели *проезд* более прямо и прозрачно, в модели *пбезд* — более отдаленно и нередко даже идиоматично. Приведем характерные примеры: *пробд* (действие) — *прбвод* (электрический), *прбзд* (действие) — *прбвод* (элемент технического устройства), *отзбв* (посла) — *отзбв* (мнение, документ), *отруб* (место, по которому отрублено) — *отруб* (земельный участок), *подрбз* (место, по которому подрезано) — *пбдрез* (железная полоска на полозе); ср. также, например, *проезд* — *пбезд*, *испбг* — *бзберг* и др.

С технической точки зрения, у слов *отруб, прбстав, бкруг, пбезд, прбвод, пбдрез, прбпуск* (документ), *отпуск, прбвел, откуп, ббговор* (факультативно также у *прбмысел, ббзраст*) основа вместо своей прежней двучленной маркировки получает единую маркировку → при последнем слоге. Соответственно, эти слова имеют нетривиальное ударение (а именно, схему с, см. § 1.18). Такую же маркировку из числа опростившихся имеют *пбгрбб, бстров, ббраз* 'икона', *бкорок, збкром, пбвар, пбяс, пбтрох, ббруч* (факультативно также *бвод, бмут*). У всех прочих приведенных выше (включая замеч. 1) слов основа вместо прежней двучленной маркировки получает единую маркировку ↓ при первом слоге. Пример:

до-вод-	заменяется на	довод-
→ →		↓
с-говор-	» »	сговор-
→ →		↓

III. Исключениями из общего правила являются также следующие существительные и прилагательные: 1) *замбк, посбл* (лицо) (ср. также опростившееся *утбк* 'поперечные нити ткани'); 2) *бблговест*; 3) *набдолба, збберега, прбжига, збдруга, збстрбга, збсека, прбсека, збволока, наволока, пбдволбка, прбволока, збсуха* (ср. также опростившееся *прбтолока*); *прбводы, прбиски, пбхороны*²⁴; 4) *пбслушник, збработок, прбработок, збросток, набгрыш, прббгрыш, рбзыгрыш, бтыгрыш; наволочка, прбббрышня; збговенье, рбзговенье, збволочье; збморозки, збговыны, рбзговыны; збгородный, набережняя, набожный, збработный, набочный, прбстальный* (ср. также опростившиеся *збпонка, прбторный*). В словах *замбк, посбл, пбхороны* приставочно-корневой комплекс получает единую (вместо прежней двучленной) маркировку → при корне; в прочих словах он получает единую маркировку ↓ при начальном слоге.

²⁴ В словах *отруби, пбдмости, пбручи* и т. п. начальное ударение объясняется эффектом суффикса '-и'.

З а м е ч а н и е 3. Для комплексов с неслоговым корнем действие общего правила (пункт А) в принципе приводит к результату, представленному в словах *заём* (Р. ед. *за́йма*), *наём* (Р. ед. *на́йма*). Однако в современном языке такое ударение резко отклоняется от синхронического стандарта, требующего для существительных с беглой гласной колонного ударения (по крайней мере, в рамках одного числа) — либо типа *котёл*, *котла́*, либо типа *дьятел*, *дьятла*. Отсюда два типа выравниваний: 1) *замо́к*, *посла́*, *утро́* акцентуируются по модели *котёл*, *котла́*, ср. Р. ед. *замка́*, *посла́*, *утка́*; 2) в *пбжня*, *прйтча*, *притч* (*прйтчет*) обобщилось начальное ударение (уже не переходящее на беглую гласную, ср. *пбжен*, *прйточник*, *прйтчет*); формально сюда же относятся *сўтки*, *сўток* (фактически здесь сохраняется древняя ударность *су-*), *за́мок*, *за́мка* (заимствование из польского). Еще шире представлена перестройка, устранившая чередование беглой гласной с нулем: ср., с одной стороны, *прб́рва*, *подб́шва*, *бе́здна*, *прйтча*, *у́йма*, *прб́йма* и т. п. (Р. мн. *прорв*, *подбшв*, *бездн*, *притч*, *у́йм*, *прб́йм*), также *пб́шлый*, *пошл*, *сонм*, *сб́нма*, *притч*, *прйтча*, с другой стороны, *подв́ем*, *прб́ём*, *учёт*, *расчёт* и т. п. (Р. ед. *подвёма*, *прб́ёма*, *учёта*, *расчёта*). В значительной части приведенных примеров перестройке способствовало опрощение слова (выводившее его за рамки синхронических словообразовательных закономерностей).

В связи с исключениями, указанными выше (пункты I—III), необходимо дополнительно указать следующее. Слова, семантически производные непосредственно от существительных, указанных в этих пунктах (например, *за́падный*, *прб́городный*, *прб́зрачный*, *сў́мрачный*, *на́сморочный*, *прб́волочка*, *бла́говестить*, *поезднб́й*, *окру́жнб́й*, *поводб́к*), акцентуируются на базе этих существительных (т. е. сохраняют их ударение или трансформируют его по общим правилам словообразования). Исключения: *безобра́зный* и прочие с *-образ-* (см. выше), *разу́мный*, *заговб́рный* (от *за́говор* 'заклинание, колдовство'), *пoxорб́нный*; для опростившихся слов можно указать еще *подв́йжник*, *ужа́сный*, *возду́шный*. Если же производное семантически связано с глаголом (или одновременно с именем и глаголом), действует общее правило пункта А; примеры: *сговб́рчивый*, *отзв́е-чивый*, *засў́шливый*, *послў́шный*, *неподкў́пный*, *достў́пный*, *поездка*, *довб́дка*, *промáшка*, *проволб́чка*. То же и в случаях, когда производное имеет какую-то иную деривационную историю, но произведено не от рассматриваемого существительного, например: *способнб́й*, *подпб́льный*, *облб́чыё*.

IV. Совершенно особую группу слов, образованную с помощью приставок, составляют наречия типа *на́сухо*, *пб́сухо*, *слегка́*, *налегке́* (в Обр. их около 180). Их акцентуация не подпадает под действие общего правила пункта А; в то же время она лишь в малой степени зависит и от акцентуации соответствующих прилагательных. У рассматриваемых наречий встречается три типа акцентовки: 1) ударение на приставке (*на́сухо*); 2) конечное ударение (*налегке́*); 3) ударение на базовом компоненте (*помнб́гу*); если базовый компонент не-односложен, в этом типе акцентовки сохраняется ударение краткой формы ед. сред. соответствующего прилагательного (*понапрáсну*). При неслоговой приставке противопоставление типов 1 и 3 нейтрализуется (*вскб́ре*). Принадлежность наречия к тому или иному типу

акцентовки в значительной мере зависит от морфологической модели.

1. Для моделей *из—а*, *сыз—а*, *на—о*, *за—о* нормой является ударение на приставке, например, *изредка*, *издавна*, *искоса*, *исчерна*, *искрасна*, *иззелена*, *изжелта*; *сызно́ва*, *сызмала́* (также *сызмалу́*), *сыздавна́*; *на́криво*, *на́ново*, *на́мертво*, *на́коротко*, *на́бело*, *на́черно*, *на́скоро*, *на́чисто*, *на́глухо*, *на́сухо*, *на́двое* (также *пе́рво-на́перво*, *стрбго-на́стро́го* и т. п.); *за́дешево*, *за́живо*, *за́мертво*, *за́светло*, *за́темно*, *за́просто*. Отклонения: *издалека́* (и *издале́ка*), *издале́ча* (*издале́че*); *напра́во*, *нале́во*, *надблго*, *намнбго*, *наскблько*, *настблько*, *наве́рно*, *наве́чно*; *задблго* (ср. нелитер. *задолго*), *заеди́но*. Колеблются *назлб*, *наголб* (ср. также устаревшие варианты *набелб*, *начернб*).

2. Группа наречий с приставочным ударением представлена в модели *по—у*: *пбровну*, *пбпросто*, *пбпусту*, *пбсуху* (ср. также редкие и устаревшие *пблюбу*, *пброзну*, *пбтемну*, *пбчасть*). Однако чаще здесь выступает ударение на базовом компоненте, например, *подблгу*, *помнбгу*, *непода́леку*, *постб́лку*, *помáлу*, *понапра́сну*, также *потихо́ньку* и т. п.; особо стоит *подобру́-поздорбу́*.

Специально отметим, что приставочное ударение представлено в современном языке отнюдь не только у тех наречий, которые образованы от прилагательных маргинально-подвижного типа; ср., в частности, *исчерна*, *на́мертво*, *на́бело*, *на́черно* и др.

3. В модели *на—е* представлено конечное ударение: *налегке́*, *накоротке́*, *навеселе́*, *наравне́*, *наедине́*; ср. также *настороже́*. Отклонение: *наготове́* (ср. нелитер. *наготове́*).

4. Модель *до—а* колеблется между конечным и приставочным ударением: *донага́*, *допозднá*, *дополнá*, *дотемнá*; *дбчиста*, *дбсы́та* (устар. *досы́та*), *дбсу́ха*; *дббелá*, *дбкраснá*, *дбчернá*, *дбпы́нá*.

5. Значительные группы наречий с конечным ударением представлены в моделях *в—е* и *с—а*: *вдалекé*, *вдвойне́*, *втройне́*, *вполне́*, *вчерне́* (также *вообще́*, *вотце́*); *спереá*, *слегка́*, *сполнá*, *сглупá*, *неспроста́*, *сгоряча́*. Однако чаще здесь выступает начальное ударение, например, *вбо́ве*, *втáйне*, *вскоре́*, *вкратце́*, *спра́ва*, *сле́ва*, *спы́нá*; только такое ударение в модели *с—у*, например, *смлбду*, *спы́ну*, также *сбслепу́*. Особый случай: *вб́ссе*.

6. В прочих случаях (их сравнительно немного) выступает ударение на базовом компоненте, например, *пода́вно*, *воеди́но*, *впра́во*, *вче́тверо*, *впя́теро*, *издрéвле*. Особо отметим *неда́вно*, с плотно присоединенным *не* (ср. *давнб*).

Б. Если в составе основы имеется глагольный приставочно-корневой комплекс с *вы-*, то везде, кроме словоформ с грамматическим значением совершенного вида²⁵, у приставки *вы-* маркировка ↓ меняется на → (практически это значит, что *вы-* здесь будет безудар-

²⁵ Грамматическим значением вида обладают только личные формы, причастия, деепричастия и инфинитивы.

ным). Например, в *выбирáть*, *выезжáет*, *вынесéние*, *выпрямítель*, *выразítельный* *вы-* получает → . Исключение: в глаголе *выгляде́ть* 'иметь вид' *вы-* сохраняет ↓, несмотря на несовершенный вид.

З а м е ч а н и е 4. В силу индивидуальных особенностей приставки *вы-* противопоставление именных и глагольных приставочно-корневых комплексов выступает здесь в составе имен (но не глаголов) особенно наглядно: первые имеют ударение на *вы-* (кроме слов *выбóсливый*, *выбóтие*), вторые — не на *вы-*. Примеры: 1) *вы́ход*, *вы́пуск*, *вы́жига*, *вы́дирка*, *вы́шивка*, *вы́боина*, *вы́водок*, *вы́севки*, *вы́гонщик*, *вы́кидыш*; 2) *выгребно́й*, *вышивно́й*, *выпиво́ха*, *вынесéние*, *выпрямítель*, *вы́резывítель*, *вы́разítельный*, *вы́числítельный*. Это свойство приставки *вы-* особенно ценно при анализе суффиксов с маркировкой ← (например, *-к-а*): регулярное ударение на *вы-* (*вы́дирка*, *вы́кладка*, *вы́ставка* и т. д.) сразу показывает, что суффикс требует именного комплекса, т. е. относится к числу вторичных, тогда как по примерам типа *обды́рка*, *раскля́дка*, *подста́вка* этого еще непосредственно не видно (поскольку корневое ударение могло бы объясняться здесь и маркировкой суффикса).

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОСНОВ

§ 1.29. Базисное правило (§ 1.22) предназначено для непосредственного перехода от цепи маркировок произвольной основы к ее акцентуации. Если бы это правило сразу давало правильный результат для любой основы, оно было бы, конечно, самым простым средством определения акцентуации производных слов. Однако, как уже было отмечено, на самом деле действие базисного правила отягощено большим числом разнообразных поправок, из-за которых во многих случаях вычисление акцентуации по базисному правилу превращается в слишком громоздкую операцию.

Кроме того, в ряде случаев требуется определить акцентный результат присоединения некоторого аффикса к целой основе (в частности, многоморфемной). В принципе базисное правило может дать ответ и на этот вопрос, но довольно сложным путем — через обращение ко всей цепи маркировок данной основы. При этом существенно следующее: если некоторое производное слово является исключением из акцентных правил, т. е. имеет аномальное ударение, дальнейшие производные «наследуют» (т. е. сохраняют или закономерно преобразуют) именно это аномальное ударение; его аномальность несколько не мешает тому, чтобы в последующем словопроизводстве к нему применялись стандартные общие правила. Например, ударение *беспринци́пный* аномально (ср. *принци́п*); но оно без всяких затруднений «наследуется» словом *беспринци́пность*. В подобных случаях обращение к базисному правилу означает, что мы вновь должны пройти все формальные трудности, связанные с наличием аномалии в производящей основе, при том что интересующий нас шаг (присоединение суффикса) сам по себе акцентно регулярен.

Таким образом, с практической точки зрения полезно иметь, помимо базисного правила, также поэтапные правила, отражающие акцентный эффект каждого из последовательных шагов деривационной истории слова. Понятно, что для таких правил требуется не-

которая акцентологическая классификация целых основ (а не только отдельных морфем).

Используемая ниже классификация такова. Основы слов (как непроизводных, так и производных) делятся на так наз. сильные, слабые²⁶ и промежуточные. Далее, сильные основы делятся на доминантные и недоминантные.

Этой классификации в подавляющем большинстве случаев достаточно для того, чтобы правильно установить акцентуацию производных; лишь в нескольких исключительных случаях (а именно, когда суффикс имеет акцентную особенность Marg, Triv или Deox, см. § 1.21), необходима дополнительная информация — о принадлежности производящего слова к маргинально-подвижному или флекссионному акцентному типу.

§ 1.30. Сила или слабость основы определяются в первую очередь акцентным типом соответствующего слова. Основной принцип состоит в том, что у слова с тривиальным ударением основа сильная, а с нетривиальным — слабая²⁷.

От этого принципа имеются, однако, некоторые отклонения.

А. В определенных случаях основа является, вопреки основному принципу, слабой, а не сильной.

1. Часть существительных с непоказательным тривиальным ударением (§ 1.10, примеч.), т. е. *singularia tantum*, ведет себя при словообразовании как слова маргинально-подвижного акцентного типа. Это как бы латентная (с точки зрения словоизменения) маргинальная подвижность, которая становится явной в словообразовании. Таковы, во-первых, следующие *singularia tantum*²⁸: а) все непроизводные, содержащие (в исходной словоформе) полногласные сочетания *бло*, *бро*, *эле*, *эре* в корне, например, *глод*, *хворост*, *нёрест*, *мбрось*, *зблото*; б) слова (условно обозначенные в дальнейшем как «группа воск») *хлад*, *блуд*, *мрак*, *рок*, *риск*, *воск*, *лоск*, *хлам*, *срам*, *шум*, *крен*, *хрен*, *дёрн*, *тёрн*, *сап*, *мир* 'рах', *сор*, *тёс*, *ворс*, *форс*, *гнус*, *блат*, *фарт*, *бут*, *страх*, *смех*; *дйво*, *пйво*, *сёно*, *прёсо*, *мясо*, *тёсто*, *брёхо*; *сталь*, *гниль*, *лень*, *дрянь*, *дурь*, *лесть*, *грусть*. Во-вторых, следующие существительные с И. мн. на *-ья* (которые в силу § 1.7 оказываются в таком же положении, как *singularia tantum*): *пблос*, *кблос*, *дерево*; *ббод*, *пбвод*; *друг*, *муж*, *кум*, *сын*, *князь*, *зять*. Наконец, сюда же примыкают неизменяемые слова *сквозь* и *сплошь*. Все эти слова имеют слабую основу; более того, везде, где это может быть существенно для словообразования, эти слова в дальнейшем

²⁶ В основе наименования лежит образ силы или слабости в «борьбе» за сохранение за собой ударения.

²⁷ Если ударение слова колеблется между тривиальным и нетривиальным типом, основа оценивается (кроме особо оговариваемых случаев) по нетривиальному варианту, т. е. как слабая.

²⁸ Помимо «чистых» *singularia tantum*, в список включены также слова *шум*, *страх*, *сёно*, *мясо*, *брёхо*, *сталь*, у которых мн. число относительно более реально, чем у остальных.

считаются принадлежащими именно к маргинально-подвижному типу.

2. В особом положении находятся глаголы с односложным корнем, имеющие тривиальное ударение, например: *ма́зать, сма́зать, ре́зать, разрéзать, ста́вить, подста́вить*. Их полная основа, включающая тематический элемент, — сильная (в соответствии с основным принципом); отсюда такие ударения у производных, как *ре́зательный, ре́за-лка* и т. п. Но их усеченная основа (§ 1.19), т. е. оканчивающаяся корнем, — слабая; отсюда такие ударения у производных, как *смаз-но́й, рез-но́й, подстав-но́й* и т. п. Таким образом, всякая глагольная основа, оканчивающаяся односложным корнем, — слабая, независимо от акцентуации глагола. Следует учитывать только, что акцентный эффект этого правила может проявиться лишь там, где не возникло именного приставочно-корневого комплекса (в противном случае ударение производного уже определяется правилами о таких комплексах); в частности, он никогда не может проявиться перед вторичным суффиксом.

Б. У слов мужского рода со срединноударной (в И. ед.) трехсложной основой, примыкающих к маргинально-подвижному типу, например, *проже́ктор, профе́ссор, учи́тель* (условное обозначение — «группа *прожектор*»), основа сильная.

В. Следующие группы слов имеют так наз. промежуточную по силе основу (об акцентных свойствах таких основ см. § 1.33). В приводимых ниже определениях групп везде подразумевается оговорка «кроме слов, указанных в А».

1. «Группа *рак*»: непроизводные существительные мужского и женского рода с нулевым окончанием (графически нуль, -ь) в И. ед., имеющие односложную²⁹ основу и тривиальное ударение. Примеры: *рак, тигр, заяц, хам, трус, гнев, нить, мысль*.

2. «Группа *буйвол*»: существительные мужского и женского рода с нулевым окончанием в И. ед. (не оканчивающиеся на *ий, ик, ук* и не содержащие приставок *вь-, па-, сь-*), имеющие двусложную основу и тривиальное ударение на начальном слоге. Примеры: *буйвол, дьявол, вброн, мускул, хвот, мусор, запах, мебель, ружьядь, прихоть*.

3. «Группа *якорь*»: существительные мужского рода с нулевым окончанием в И. ед., имеющие двусложную основу (но без полногласного сочетания *оло, оро, еле, ере*), оканчивающуюся на сонант (/л/, /л'/, /м/, /п/, /н'/, /р/, /р'/) или *с*, и маргинально-подвижное ударение, кроме слов *собо́ль, пбвар, ве́чер, кбзырь*. Примеры: *яко́рь, бкунь, бу́фер, купол, брден, па́рус, адре́с*. Сверх того, в «группу *якорь*» входят: *ка́мень, у́голь, ла́поть* (где основа содержит беглую гласную) и *па́спорт*.

Г. Инфинитивная основа (неусеченная) некорневых глаголов (например, *писа́-, спа-, сиде́-*) в словообразовании всегда выступает как сильная.

²⁹ Беглая гласная здесь и в последующих пунктах в счете слогов не участвует.

З а м е ч а н и е. У небольшого числа слов имеется та индивидуальная особенность, что все закреплённые узусом производные от них как бы образованы от основы с иной, чем в исходном слове, акцентуацией. Таковы, прежде всего: *кболокол, гбспиталь, пбхороны; жёмчуг, рáзум, ўжас, вбздѹх, бсень, пёчень, пбсконь, прёлесть, збвисть, нбнависть, рбксашь*; также *прбтив*. Все они ведут себя при словообразовании так, как если бы имели неподвижное ударение на последнем слоге основы, ср. *колокольный, жемчужина, воздушный, пчёлка, завистник* и т. д. Близки к этой группе также *лѣкарь, пѣкарь, тбкарь, слѣсарь*. Далее, слова *сбгол, свѣла* (схема *a*) проявляют себя как **сбкл*, **свеклá* (схема *b*); *мыло* (схема *c*), *дѣньги* (схема *e/a*) — как слова схемы *a*. Производные, опирающиеся на реальное ударение исходного слова, возможны здесь лишь в сфере окказионального словообразования по продуктивным моделям (скажем, *колоколбк, жемчужбк, свѣлокка*). Как показывает история, в большинстве указанных здесь случаев аномалия возникла за счет изменения акцентуации исходного слова (тогда как в производных изменения не было).

Доминантной является сильная основа, в которой корень получил свойство доминантности. Практически это возможно только в силу правила о именных комплексах (§ 1.28, А). Таким образом, деление сильных основ на доминантные и недоминантные должно производиться после действия правил об именных комплексах. Примеры доминантных основ: *нарбд-, нарбдн-ый, нарбдничеств-о, обнарбдова-ть, безврѣдн-ый, обезврѣди-ть, унавбзи-ть, напрокáзи-ть*.

Классификация основ непосредственно применима также и к базовым компонентам, образованным этими основами. В целях общности целесообразно распространить предложенную классификацию также на остаточные базовые компоненты. Поскольку в этом случае нет реального слова с интересующей нас основой, при классификации нельзя использовать акцентный тип слова. Вместо этого приходится обращаться к цепи маркировок и базисному правилу. Если по базисному правилу (с необходимыми поправками там, где в маркировках есть дополнительные части) цепь маркировок рассматриваемого базового компонента даёт ударение на нем самом — этот компонент считается сильным, если правее него — он считается слабым. Что касается доминантности, то она устанавливается на основе общих правил об именных комплексах (эти правила не зависят от наличия или отсутствия самостоятельного слова с рассматриваемой основой). Пример: в *бездѣл-иц-а* остаточный базовый компонент *бездѣл-* — сильный доминантный (он равен именному приставочно-корневому комплексу).

Разумеется, указанные приемы в принципе можно применить и к реальным основам (а не только к остаточным базовым компонентам). Теоретически при этом должен получиться тот же результат, что и при учете акцентного типа соответствующего слова. [Практически, однако, возможно и расхождение: реальное слово может оказаться исключением из тех или иных акцентных правил. Поскольку, как уже отмечено выше, в словопроизводстве «наследуется» реальное (хотя бы и аномальное) ударение производящей основы, акцентологическая классификация основ строится (везде, где это возможно) на учете реального ударения слова, а не теоретически ожидаемого.

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ НА СОЧЕТАЕМОСТЬ МОРФЕМ

§ 1.31. В современном русском языке действует следующее важное ограничение на сочетаемость морфем внутри словоформы: доминантный базовый компонент не может сочетаться с доминантным суффиксом, требующим постановки ударения правее базового компонента (т. е. с основной маркировкой $\downarrow D$ или $\rightarrow D$). По этой причине невозможны, например, слова: **народ-ист*, **двоебор-ист*, **беспутн-оват-ый*, **унавож-а-ть* (хотя возможны *служб́ист*, *значќист*, *шахмат́ист*, *цеголевáтый*, *унижáть* и т. п.); ср. свободную сочетаемость тех же базовых компонентов с недоминантными суффиксами: *нарóдник*, *двоебóрец*, *беспóтненький*, *унавóживать* и т. п.

Прямых исключений из данного правила ничтожно мало. Таковы: *подслеповáтый*, *подуздовáтый*, *придурковáтый*, *продолговáтый*; *безделу́шка*; *простолюди́н*. При этом в *подслеповáтый* явно произошло переосмысление структуры слова: из *подслéп-ый* (почти забытое ныне слово) + *-оват-ый* оно превратилось в *под- + слеповáтый*, т. е. 'немного слеповатый' (где *под-* неплотно присоединено к *слеповáтый*); нечто похожее можно предполагать и для других слов на *-оватый*. Слово *безделу́шка* образовано под влиянием семантически сходных *погрему́шка*, *побряку́шка* (где приставочно-корневой комплекс глагольный, следовательно, недоминантный). Относительно соединения доминантных основ с суффиксом *-анин* (обладающим неустойчивой доминантностью) см. § 1.69.

Принцип несовместимости доминантного базового компонента с доминантным суффиксом имеет большое значение для всей русской словообразовательной системы. Этот принцип делает необходимым существование в языке большого числа недоминантных суффиксов, поскольку именные морфемные комплексы, представленные в русской лексике очень широко, могут сочетаться только с такими суффиксами. Тем самым создается сильный противовес общей тенденции к приобретению суффиксами доминантности, наблюдаемой в истории русского языка (ср. § 4.6). В результате складывается характерная для современного русского языка специфическая ситуация, когда практически для каждого доминантного суффикса имеется по меньшей мере один синонимичный ему недоминантный. Так, например, при доминантном суффиксе вторичных имперфективов *-а-ть* (*унижáть* от *уни́зить*, *повреждáть* от *повредíть* и т. д.) имеется синонимичный недоминантный суффикс *-ыва-ть*, который дает возможность образовать аналогичные производные (*унавóживать*, *обезврéживать*) также от *унавóзить*, *обезврédить* и т. п., где основа доминантна. Ср. еще, например: *правд́ист*, но *сменовéховец*; *велосипе́дист*, но *пулемётчик*; *рас́ист*, но *нарóдник*; *бандит́изм*, но *злоде́йство*; *цветáстый*, но *порóдистый*; *глухотá*, но *беззубóсть*, *косогла́зие*. Разумеется, в приведенных парах выбор суффикса определяется не только акцентными свойствами базового компонента; правила

выбора везде более сложны. Для нас существенно лишь то, что во всех этих случаях язык обеспечивает возможность выражения соответствующего значения как при обычном, так и при доминантном базовом компоненте.

Таким образом, в современном русском языке совершенно избыточная на первый взгляд множественность суффиксов, передающих одно и то же словообразовательное значение, по крайней мере в части случаев оправдывается потребностями акцентной системы.

ПОЭТАПНЫЕ ПРАВИЛА ОПРЕДЕЛЕНИЯ АКЦЕНТУАЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

§ 1.32. Поэтапные правила предполагают, что деривационная история любого производного представлена в виде последовательности шагов, на каждом из которых к корню или к основе (т. е. некоторой последовательности морфем, включающей корень) присоединяется один аффикс (в случае словосложения вместо аффикса выступает вторая основа³⁰). Существенно то, что для такого представления необходимо отказаться от используемого в определенных случаях в морфологии понятия одновременного присоединения к корню (основе) двух или более морфем справа и слева (так наз. префиксально-суффиксальный способ, например, *безлошадный*, *обессахарить*, сочетание сложения с суффиксацией, например, *разноязычный*, и другие комбинации; см., в частности, АГ-70, с. 41—42). Все случаи такого рода для акцентологических целей должны быть представлены в виде цепи последовательных бинарных соединений³¹. Практически мы исходим из того, что первым по порядку шагом, как правило, является соединение приставки с именной основой (или соединение двух именных основ), например, *без-* + *лошад-*, *без-* + *сахар-*, *разно-* + *язык-*; лишь на следующем шагу (или шагах) присоединяются прочие аффиксы. Иначе обстоит дело лишь в глаголах со структурой типа *о-слав-и-ть*, *о-чист-и-ть*: здесь на первом шагу образуется основа отыменного глагола (*слави-*, *чисти-*), а приставка присоединяется позже. Таким образом, основы слов *обесчестить*, *обессахарить*, имеют, с акцентологической точки зрения, структуру *о-((бес-чест)-и)-*, *о-((бес-сахар)-и)-*.

Между соединяемыми морфемами иногда могут выступать так наз. соединительные (или вставные) элементы; их включение не рассматривается как отдельный шаг деривации. В некоторых случаях конечная часть производящей основы (иногда равная отдельному морфму, иногда морфологически невыделимая) в производном отсутствует (так наз. усечение). С акцентологической точки зрения некоторые регулярные случаи этого типа оказываются целесообразным

³⁰ Главной основой при этом считается правая, а присоединяемой — левая.

³¹ Это, разумеется, не означает, что нужно менять трактовку этих типов производных слов в собственно морфологическом описании.

описывать в терминах замены одного суффикса другим (см. § 1.38). Акцентологическое описание через замену одной морфемы на другую применяется также для большинства неличных форм глагола.

Используемая на отдельном шагу деривации основа обычно является основой некоторого реального слова. Но возможен также случай, когда такого слова не существует; в частности, это нередко бывает с приставочно-корневыми комплексами. Например, основа слова *безлошадный* получена в два шага (ср. выше): 1) *без-* и *лошад-* соединяются в приставочно-корневой комплекс *безлошад-*; с акцентологической точки зрения это сильная доминантная основа с ударением на последнем слоге (см. § 1.28, А), но соответствующего реального слова нет; 2) основа *безлошад-* соединяется с суффиксом *-н-*.

При неплотном присоединении (§ 1.4) аффикса или дополнительной основы никаких изменений в акцентных свойствах главной основы не происходит; присоединенная часть может получать второстепенное ударение (но вопрос о том, когда именно это происходит, в настоящей работе не рассматривается и должен решаться обращением к словарю; см., в частности, АО и Грамм.). В дальнейшем мы рассматриваем уже только плотное присоединение.

Излагаемые ниже поэтапные правила состоят в том, что для каждого из возможных типов единичных шагов деривации указывается, как из акцентных свойств двух соединяющихся компонентов вытекают акцентные свойства полученной на этом шагу деривации основы. Исходными данными являются: для аффиксов — их маркировки; для основ — их разделение на сильные, слабые и промежуточные, для сильных также на доминантные или недоминантные (§ 1.29—30); в особых случаях используются также некоторые дополнительные сведения о производящем слове. Результатом действия правил является указание акцентного типа полученной основы (по той же классификации), для сильных основ — также места ударения внутри основы. О том, как на основании этих данных восстанавливается акцентуация всей парадигмы слова, см. § 1.18.

§ 1.33. При присоединении с л е в а образуется морфемный комплекс; его акцентуация подчиняется правилам § 1.28.

При присоединении с п р а в а, т. е. суффиксации, правила таковы. При соединении базового компонента (который, в частности, может быть равным корню) с суффиксом ударение может оказаться привязанным либо к первому, либо ко второму; выбор определяется по табл. 2.

Промежуточные по силе основы (не упомянутые в табл. 2) обладают следующими свойствами. Если суффикс содержит ←, то они ведут себя как сильные недоминантные. Если суффикс содержит ↓ или →, то их поведение определяется прагматическим фактором (§ 1.5), а именно: если производное является освоенным, они ведут себя как слабые, если неосвоенным — как сильные недоминантные (примеры см. в § 1.50).

Таблица 2
Ударение суффиксальных производных

Базовый компонент		Основная маркировка суффикса		
		с D		без D
		↓D, →D	←D	
сильный	доминантный	такое соединение невозможно (§ 1.31)	ударение привязано к суффиксу	ударение привязано к базовому компоненту
	недоминантный	ударение привязано к суффиксу		
слабый				

Если ударение привязано к базовому компоненту, полученная производная основа сильная (ее доминантность или недоминантность такая же, как у базового компонента); место ударения внутри основы — такое же, как в базовом компоненте. Иначе говоря, в этом случае присоединение суффикса не меняет ни места ударения, ни акцентного типа производящей основы.

Если ударение привязано к суффиксу, акцентуация производной основы определяется наличием ↓, ← или → в маркировке суффикса, а именно:

при ↓ ударение падает на сам суффикс³²; производная основа сильная недоминантная;

при ← ударение падает на ближайшую к суффиксу гласную слева³³; производная основа сильная недоминантная;

при → производная основа слабая; производное слово имеет нетривиальное ударение (подробнее см. § 1.18).

§ 1.34. Если в маркировке суффикса, кроме основной части, имеется еще и дополнительная, то в полученный по общему правилу результат вносятся определенные поправки. Ниже указано, какую поправку вызывает каждый из дополнительных символов.

Init («начальное ударение»). Символ встречается только при основной маркировке ← D и вызывает ударение на начальном слоге производной основы (вместо ближайшей к суффиксу гласной слева). Пример: суффикс *-ень* ← D Init от комплекса *пере-верт-* дает *перевертень* (а не **перевёртень*).

Monosyll («ударение требует поправки при односложности базового компонента»): всякий недоминантный односложный базовый

³² Если суффикс двусложный — на место, куда приписана маркировка, если неполновокальный — на ближайшую к точке маркировки гласную слева.

³³ Если таковой нет — на первый слог производной основы.

компонент (не остаточный) трактуется как слабый. Пример: суффикс *-арь* (отыменный) → Monosyll от слова *пушка* дает *пушка́рь*, *-я* (а не **пушкарь*); ср. *апте́карь* от *апте́ка*.

Polysyll («ударение требует поправки при неодносложности базового компонента»): если ударение привязано к суффиксу, а базовый компонент неодносложен (кроме случая, когда он двусложен за счет того, что корень или приставка содержит полногласное сочетание *оло*, *оро*, *еле*, *ере*), ударение в производной основе падает на слог левее, чем было бы без данной пометы; в частности, вместо ударения на окончаниях выступает ударение на последнем слоге основы. Пример: суффикс *-о-е* → Polysyll от слова *окно́* дает *око́нце* (а не **око́нцб*); ср. *вино́* от *вино́*.

Marg («суффикс становится правоударным при маргинальной подвижности у производящего слова»): если производящее слово относится, хотя бы факультативно, к маргинально-подвижному акцентному типу, суффикс с маркировкой ↓ или ← ведет себя как при маркировке →. Пример: суффикс *-н-* (в отыменных относительных прилагательных) ← Marg от *лес* дает *лесно́й* (а не **лесно́й*).

Triv («маргинально-подвижное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»): если производящее слово — это существительное маргинально-подвижного акцентного типа, имеющее в исходной словоформе ударение на основе, то это производящее слово трактуется как имеющее тривиальное ударение (при той же исходной словоформе). Одновременно помета Triv требует трактовки всех промежуточных по силе основ как сильных. С практической точки зрения, маркировка ↓ Triv дает в производном ударение, колонное с Р. ед. исходного существительного. Пример: суффикс *-ов* (в притяжательных прилагательных и фамилиях) ↓ Triv от *нос*, *глубь* дает *Но́сов*, *Глу́бев*.

Deox («флексионное ударение производящего слова трактуется как тривиальное»): если в производном слове базовый компонент неодносложен, а производящее слово — это существительное мужского рода флексионного акцентного типа, то это производящее слово трактуется как имеющее тривиальное ударение (при основе, равной исходной словоформе). С практической точки зрения, маркировка ↓ Deox дает в производном ударение, колонное с И. ед. исходного существительного. Пример: суффикс *-и-ть* ↓ Deox от слова *ба́трак*, *-а́* дает *ба́трачить*, от *песко́к*, *песка́* — *песко́чить*.

МАРКИРОВКИ ПРИСТАВОК

§ 1.35. Приставки *вы-* и *на-* (а также *не-* в составе неопределенных и отрицательных местоимений и наречий) имеют маркировку ↓; все прочие (например, *на-*, *по-*, *пред-*, *пере-*, *не-* [обычное], *недо-*, *в-*, *с-*) имеют →.

З а м е ч а н и е. У приставок *пра-* и *су-* отмечаются следы акцентного поведения, соответствующего маркировке ↓; см. § 1.28, пункт А1.

МАРКИРОВКИ СУФФИКСОВ

§ 1.36. В приводимые ниже перечни включены простые (т. е. одноморфные) суффиксы, кроме самых редких³⁴, а также некоторые составные (многоморфные). Большая часть составных суффиксов с акцентологической точки зрения несамостоятельна, т. е. они дают в точности тот же акцентологический эффект, что и последовательность простых суффиксов, с которой они внешне совпадают. Такие составные суффиксы приравниваются в акцентологическом описании к последовательности простых и, соответственно, в списках маркировок, как правило, отсутствуют.

Омонимичные суффиксы с одинаковой маркировкой могут быть даны без разделения. Там, где омонимичные суффиксы разделены, при них даются краткие уточнения (не претендующие на строгость), предназначенные лишь для того, чтобы различить омонимы, например: «отыменное», «названия женщин» и т. п.; особо отметим, что в числе таких ярлыков возможны также пометы «исконное» и «заимствованное» (ср., например, *свин-ин-а* и *синьор-ин-а*). Разделение на суффиксы-омонимы в ряде случаев проведено не совсем так, как принято в морфологических описаниях (но в бóльшем соответствии с акцентными свойствами). Условная формула «все значения» охватывает как разные словообразовательные значения, передаваемые одним суффиксом, так и суффиксы-омонимы.

Суффиксы существительных для недвусмысленности приводятся вместе с окончанием И. ед., например: *-иц-а*, *-ств-о* (в мужском роде соответствующим сигналом является отсутствие правого дефиса, например: *-ик*, *-тель*); суффиксы глаголов — с инфинитивным *-ть*, например: *-а-ть*. Суффиксы прилагательных приводятся в чистом виде, например: *-н-*, *-ов-*, *-ин-*; при этом суффиксы притяжательных прилагательных отличаются тем, что не имеют правого дефиса: *-(и)j*, *-ов*, *-ин*.

Суффиксы, как правило, даются в обычном орфографическом виде (кроме некоторых трудных случаев); при этом варьирование, связанное с твердостью—мягкостью предшествующей согласной, не отражается, например: *-ун*, *-ов-* (без упоминания о *-юн*, *-ев-*). С начальными *и*, *е*, *ё*, *я*, *ю* записываются только суффиксы, вызывающие смягчение предшествующей твердой согласной, например, *-иц-а*, *-ёр*, *-ян-*.

В неодносложном самоударном суффиксе знаком ударения показана та гласная, к которой приписана маркировка суффикса (иначе говоря, гласная, которая несет ударение в случае, когда оно привязано к данному суффиксу).

³⁴ Включать суффиксы, представленные всего в одном или нескольких словах, в общий список нецелесообразно: техника маркировок в этом случае не дает в сущности никакой экономии по сравнению с прямым перечислением производных; между тем список сильно разросся бы.

Сращенные суффиксы

§ 1.37. Особую трудную проблему для акцентологического описания составляет трактовка последовательностей из двух или более суффиксов (или суффиксоподобных морфов). Следует различать морфологический и акцентологический аспекты этой проблемы.

С морфологической точки зрения различаются простой контакт двух суффиксов (например, *-ник* и *-их-а* в *двбрничи́ха*) и их сращение в особую морфологическую единицу (например, *-овин-а* в *кле́йковина́*). Эта морфологическая единица рассматривается как самостоятельный суффикс, если она обладает своим особым значением, или как алломорф соответствующего простого суффикса, если она не отличается по значению от этого суффикса (ср., например, *во́лбвина́* и *ко́ни́на*). Главным морфологическим основанием для признания сращений служит невозможность предложить для слова поэтапную деривационную историю из-за отсутствия промежуточного звена (например, прилагательного **кле́йковбй* или **кле́йковбый* для слова *кле́йковина́*) или семантическая неестественность поэтапной деривационной истории (так, значение слов *реше́ние*, *спасе́ние* и т. д. неестественно выводить из значения страдательных причастий *реши́ён*, *спасе́ён* и т. д.). К сожалению, вопрос о том, следует ли трактовать некоторую цепочку морфов как сращение, не всегда простой даже применительно к отдельному слову, чрезвычайно усложняется, когда рассматривается сразу вся совокупность слов с данной цепочкой морфов. Следует ли из-за наличия бесспорно сращенного *-овин-а* в *кле́йковина́* признавать такое же сращение также и в *бе́лковина́*, хотя здесь имеется прилагательное *бе́лковбый*? С практической точки зрения, оба возможных решения имеют свои преимущества и свои недостатки, и неслучайно, что практика описания здесь колеблется.

С акцентологической точки зрения тоже необходимо различать простой контакт двух суффиксов и их сращение; однако разграничение этих двух случаев часто оказывается здесь иным, чем в морфологии. Акцентологическое сращение необходимо признать, в частности, в тех случаях, где противоположная (т. е. поэтапная) трактовка предписывала бы для производных не то ударение, которое они фактически имеют. Например, ударение слов *промы́словбйк*, *опто́вбйк*, *порто́вбйк*, *почто́вбйк*, *пухо́вбйк*, *стендо́вбйк*, *плано́вбйк*, *кадровбйк*, *массовбйк* и ряда других не объясняется, если исходить из присоединения суффикса *-ик* (маркировка →) к адъективной основе с *-ов-*: в этом случае ожидалось бы **промыслбвйк*, **оптбвйк*, **сте́ндовбйк*, **плáновбйк* и т. д. Чтобы объяснить фактическое ударение, мы должны признать здесь «сращенный» суффикс *-овик* с маркировкой → *Моносулл* и исходить из непосредственного присоединения этого суффикса к субстантивной основе (*промысл-*, *опт-* и т. д.). Заметим, что с морфологической точки зрения, напротив, специальных оснований для выделения сращенного суффикса *-овик* нет (по крайней мере, для рассмотренных здесь случаев).

Сращенные (с акцентологической точки зрения) суффиксы делятся на два типа: так наз. поглощающие и так наз. непоглощающие (имеется в виду «поглощение» или «непоглощение» сращенным суффиксом конечного суффикса исходного слова). Пусть имеется сращенный суффикс вида s_1s_2 , где s_1 и s_2 — подвергшиеся сращению суффиксы (например, *-ов-* и *-ик* в составе *-овик*). Для производных с основой вида as_1s_2 (где a — некоторая морфема или цепочка морфем) различаются два случая: 1) существует слово с основой as_1 ³⁵ (скажем, *пуховый* при *пуховик*); 2) такого слова не существует (как, например, для производного *большевик*).

П о г л о щ а ю щ и м называется такой суффикс вида s_1s_2 , который требует (для правильного предсказания акцентуации производных) разложения основ вида as_1s_2 на $a + s_1s_2$ (a не на $as_1 + s_2$, даже если слово с основой as_1 существует). Как видно из предшествующего разбора, суффикс *-овик* является именно поглощающим: он требует, например, для *пуховик* анализа *пух-* + *-овик*, а не *пухб(ый)* + *-ик*. Сращенный суффикс, не обладающий указанным свойством, называется н е п о г л о щ а ю щ и м. Практически мы будем исходить для всех непоглощающих суффиксов из того, что если слово с основой as_1 существует, то членение основы as_1s_2 на $as_1 + s_2$ является не просто возможным, а обязательным. У некоторых сращенных суффиксов поглощающий эффект есть, но не везде. Такие суффиксы в описании отнесены к тому типу, к которому они ближе, а отклонения от чистого типа отмечены.

П р и м е ч а н и е. У поглощающих сращенных суффиксов с начальным *-ов-* поглощающий эффект не распространяется на опорное *-ов-* (§ 1.27); например, *Поднепрбвье* с акцентологической точки зрения представляет собой *Поднепр- + -j-е*, а не *Поднепр- + -ов'j-е* (в последнем случае ожидалось бы ударение **Поднепр-овье*).

Заменительные суффиксы

§ 1.38. С акцентологической точки зрения (как, впрочем, и с некоторых других) целесообразно рассматривать некоторые суффиксальные производные не как результат обычного соединения основы исходного слова с суффиксом, а как результат замены одной морфемы на другую (суффикса на суффикс или окончания на суффикс). Словоформу, используемую для такой замены, можно назвать в этом случае «опорной». Примеры: суффикс *-ущ-* в *бегущий* рассматривается как заменитель окончания *-ут* в словоформе *бегут*; *-ик* в *сбчник* — как заменитель окончания *-ый* в *сбчный*; *-ец* в *гбрец* — как заменитель суффикса *-ск-* в *гбрский*.

Указанный способ включения суффикса в основу мы будем называть з а м е н и т е л ь н ы м — в отличие от обычного, или а д-

³⁵ При этом как s_1 , так и a должны быть полноценными (не остаточными); например, *сурбый*, *дешбый* (где *сур-*, *деш-* — остаточные морфы) не подходят.

д и т и в н о г о, способа. Один и тот же суффикс может употребляться в одних производных аддитивно, в других — заменительно. Ниже для краткости мы будем говорить просто об аддитивных и заменительных суффиксах, имея в виду разные способы использования одних и тех же суффиксов.

Смысл описываемой трактовки состоит в том, что она позволяет существенно упростить акцентологическое описание. Так, трактовка причастного суффикса *-ущ-* как заменительного позволяет в сущности свести его акцентологическое описание к простой отсылке (к форме 3 мн. презенса). Между тем, если рассматривать этот суффикс как аддитивный, то для правильного отображения его акцентных свойств пришлось бы усложнить сам аппарат акцентологического описания: введенной выше системы маркировок для этого было бы недостаточно. То же верно и для суффиксов ряда других неличных форм (при этом существенно, что разные суффиксы потребовали бы не одного и того же усложнения исходного аппарата, а разных). Трактовка слова *гбрец* как полученного заменительным способом из *гбрский* позволяет легко объяснить его корневое ударение, тогда как прямое соединение основы слова *горá* и суффикса *-ец* должно было бы дать **горéц* (т. е. ударение *гбрец* пришлось бы считать исключением).

Специально отметим, что для заменительных суффиксов, вообще говоря, не требуется, чтобы на сегментном уровне речь шла о простой подстановке; например, при замене *кручú* на *крутящий* не совпадают алломорфы корня. Существенно лишь, чтобы соблюдалась акцентологическая сторона замены.

Заменительные суффиксы, как и аддитивные, могут иметь различные маркировки, а именно, ↓, ← или → (доминантных заменительных суффиксов нет). Ударение производного с заменительным суффиксом устанавливается так. Часть опорной словоформы³⁶, стоящая слева от заменяемой морфемы (например, *бег-* в *бегúт*, *гбр-* в *гбрский*), играет роль производящей основы — сильной, если ударение падает на эту часть, слабой — если оно падает правее ее. Акцентный результат ее соединения с суффиксом определяется по общему правилу (§ 1.33). Практически это значит, что если в опорном слове (словоформе) ударение стоит левее заменяемой морфемы, то в результирующем производном это ударение сохраняется (точнее: падает на тот же слог по счету от начала); в противном случае ударение определяется маркировкой суффикса.

Таким образом, заменительные суффиксы отличаются от аддитивных в сущности лишь тем, что они присоединяются не к основе исходного слова, взятой в ее обычном виде и с обычной акцентной характеристикой, а к некоторому отрезку, извлеченному из опорной словоформы, который хотя и похож на основу исходного слова (или

³⁶ Если замене подвергается суффикс, опорной считается исходная словоформа соответствующего слова, например, *гбрский*.

даже совпадает с ней), но может обладать иной акцентной характеристикой. В остальном заменительный суффикс имеет обычные свойства, определяемые его маркировкой.

СПИСКИ СУФФИКСОВ С МАРКИРОВКАМИ

§ 1.39. Суффиксы перечисляются ниже по акцентным классам, т. е. в соответствии с основной маркировкой (но самые сложные в акцентологическом отношении суффиксы выделены в особый раздел: § 1.56—69). Внутри класса раздельно даны суффиксы существительных, прилагательных, глаголов. Порядок перечисления суффиксов внутри группы — в большинстве случаев обратный алфавитный (при установлении порядка обозначения мягкости — *ь* или *'* — в расчет не принимаются).

Первичные суффиксы специально отмечены; все неотмеченные суффиксы являются вторичными. Специально отмечены также все сращенные поглощающие суффиксы (поскольку это непосредственно важно для применения акцентных правил); напротив, сращенные непоглощающие суффиксы могут никак специально не отмечаться.

Заменительное употребление суффикса вводится формулой «заменительное, вместо X», т. е. как замена морфемы X. Если не оговорено иное, то верно, что данный суффикс выступает как заменительный везде, где имеется соответствующее слово с морфемой X.

Ради краткости в примерах обычно не указывается производящее слово и его акцентные характеристики; предполагается, что читатель сам восстановит эту информацию. В различных списках бесприставочные глаголы представляют (если не оговорено иное) также соответствующие приставочные. В списках исключений не принимаются в расчет слова, полученные неплотным присоединением каких-либо элементов (например, *не-*, *само-*, *авто-* и т. п.) к другому слову (§ 1.4).

Маркировка суффикса непосредственно обеспечивает установление акцентуации: у существительных — во всей парадигме, у прилагательных — в полных формах, у глаголов — в инфинитиве и в прочих формах претеритной субпарадигмы. Ударение кратких форм прилагательных и презенса глаголов выводится из этих данных по общим правилам об ударении в словоизменении (см. также § 1.16—18).

Списки различного рода составлены в объеме Обр. (иногда с небольшими добавлениями из Грамм.); при этом, однако, могут быть опущены слова, зафиксированные только в БАС и/или у Ушакова, а также любые слова, имеющие во всех словарях, где они содержатся, пометы «устаревшее», «областное» или «просторечное». Сведения о степени нормативности тех или иных вариантов, как правило, даются в соответствии с Грамм.

При распределении суффиксов по акцентным классам особую трудность составляют суффиксы, для которых в зафиксированной

словарями лексике нет материала, позволяющего отличить доминантность от недоминантности. В этом случае для решения вопроса использовались потенциальные слова, т. е. проводился эксперимент по окказиональному словообразованию. Так, например, для суффикса *-оньк-а* словари дают только производные со слабым (*голубонька, травонька*) или с сильным конечноударным (*берёзонька, мамонька*) базовым компонентом; соответственно, маркировка здесь может быть ← или ← D. Однако эксперимент с производящими словами типа *ягода, староста* дает совершенно однозначный результат: носители русского языка либо отказываются произвести нужное слово, либо дают ударение *ягодонька, старостонька* (хотя и называют получившееся слово «искусственным», «вычурным» и т. п.); в то же время все они категорически отрицают возможность ударения **ягбдонька, *старбстонька*. Таким образом, суффикс *-оньк-а* обнаруживает свой недоминантный характер. Рассмотренный пример показывает также, что выяснение «истинной» маркировки суффикса отнюдь не является чисто формальным занятием: очевидно, что одинаковая реакция носителей русского языка отражает здесь одинаковость соответствующего морфонологического механизма, входящего в состав общего владения русским языком.

В тех случаях, когда подобный эксперимент не дает результата (например, в связи с полной непродуктивностью суффикса), двусмысленный суффикс такого рода оценивается ниже как недоминантный. Иначе говоря, мы исходим из того, что маркированным свойством, наличие которого должно быть специально доказано, является доминантность.

Доминантные суффиксы

§ 1.40. С акцентологической точки зрения, доминантные суффиксы — самые простые. Поэтому ниже мы ограничиваемся немногими примерами (даже не для всех суффиксов; слово «например» для краткости опущено); в основном даются примеры с сильным базовым компонентом, чтобы был непосредственно виден доминантный характер суффикса.

Среди доминантных суффиксов значительную часть составляют заимствованные. Они перечисляются ниже отдельно от исконных, поскольку они обладают специфическими морфонологическими свойствами, главные из которых — высокая частота соединения с остаточными базовыми компонентами (ср. *лок-а́ция, аг-е́нт, фен-бл* и т. п.) и особая система чередований. Соответственно, в этой сфере затруднительно провести четкую границу между полноценными суффиксами и суффиксоподобными элементами, не имеющими четкого самостоятельного значения (например, *-ус, -илл*); не вполне ясен также морфологический статус таких единиц, как *-лог, -олог, -метр, -ометр*. С точки зрения основных задач настоящей книги эта проблематика является периферийной; поэтому ниже мы не занимаемся

разбором этих сложных вопросов, а в списки заимствованных суффиксов включаем лишь бесспорные (и притом не слишком редкие) суффиксы.

Основная маркировка ↓ D

§ 1.41. Суффиксы существительных. Исконные: 1) обширная группа первичных³⁷ суффиксов экспрессивного характера, образующих существительные общего или женского рода, с общей структурой «гласная + *к, г, х, ш, л'* или *н'*»: -аг-а, -ыг-а, -яг-а, -ак-а, як-а, -ык-а, юк-а, -ул-я, -юл-я, -ан-я, -он-я, -ун-я, -ах-а, -ох-а, -ёх-а, -ух-а, -уш-а (хану́га, работя́га, забия́ка, капризу́ля, мама́ня, протрё́ха, нескладё́ха, потаску́ха); сюда же -ашк-а (замара́шка, рюма́шка); 2) сращенные поглощающие суффиксы -изы́рова-ть (первичный; идеализи́ровать), -ирóвка (первичный; регули́ровка, перебало́тировка), -ирóвщик (регули́ровщик, проекти́ровщик), -овн-я (названия помещений; коже́вня, харчэ́вня, часо́вня), -ировáл- (копи́ровáльный, копи́ровáльщик), -ович (в фамилиях: Абра́мович, Григорóвич); 3) -ей (богате́й, грамоте́й), -ик-а (в названиях ягод; клу́бника, ежеви́ка), неласкательное -ушк-а (первичный суффикс; погрему́шка, побряку́шка, каду́шка, корму́шка) и ласкательно-пренебрежительное -ушк-а (речу́шка, гору́шка, собачу́шка, комнату́шка, сара́шка); ср. ласкательно-почтительное -ушк-а с маркировкой ← (§ 1.53; речу́шка, збру́шка, собачу́шка, ма́тушка, лебе́душка); 4) -ан (велика́н, стари́кан, политика́н, горла́н, братáн и т. д. — схема *a*); но отклоняются кожа́н, пуза́н (схема *b*), колеблется брюха́н (брюха́на || брюханá). Далее, маркировку ↓ D имеют морфы -ён- (в составе -ён-ок, -ён-ыш, -ён-к-а, ср. цыганёнок, утёныш, работёнка), -ят- (в -ят-а, -ят-ин-а, -ят-н-я, -ят-ник и др., ср. страу́ята, медвежа́тина, лягуша́тник).

Доминантностью обладает также морф -и- (первичный), выступающий в -и-л-, -и-тель и более длинных составных суффиксах (об отличии этого -и- от тематического -и- см. § 1.20); ср. мази́ла, мери́ло, морози́лка, пари́лка, пари́льня, плавиль́ник, плавильщи́к, грабитель, изгото́витель, ограничи́тель, вытрезви́тель, скази́тель, попечи́тель, превосходи́тельство. Морф -и- участвует в образовании не только существительных, ср. гладиль́ный, красиль́ный, служи́мый, расти́тельный, ознакоми́тельный, действи́тельный. Однако в современном языке еще сохраняется некоторое число слов, где данный морф ведет себя как недоминантный (т. е. в соответствии со своим древним статусом): ва́бильщик, сла́вильщик, утю́жилы-щик, -ный, па́рильщик, ба́грильщик, ме́рильщик, чи́стильщик (но разг. чисти́ль-

³⁷ Примеры, доказывающие первичность (задава́ка, выпиво́ха, втиру́ша и т. п.), реально имеются не для всех суффиксов группы; но эти суффиксы столь однотипны, что естественно признать первичность свойством всей группы.

щик), *пáрилка* (технич.), *чíстилка*, *мнóжи-тель*, *-тельный*, *двí-житель*; кроме того, опростившиеся *пáвило* и *пáвилный* (ср. прозрачные по членимости *пáвило* 'линейка', 'колодка', 'хвост у борзой' и *пáвилный* — от *пáвило* и от *пáвить*). Отметим, что во всех этих случаях исходный глагол относится к несовершенному виду; тем самым *-и-* отчасти сближается с *-им-* и *-ение* (§ 1.67).

Далее, к классу ↓ D относится большинство заимствованных суффиксов: 1) первичные³⁸ *-áциj-а*, *-йциj-а*, *-изм*, *-ист*; 2) *-ад*, *-ад-а*, *-оз*, *-áрий*, *-óрий*, *-éнциj-а*, *-ал*, *-ол*, *-ин* (вещество), *-обн*, *-онёр*, *-ир*, *-áтор*, *-йтор*, *-ур-а*, *-ис-а*, *-есс-а*, *-ат*, *-ат-а*, *-ет*, *-итёт*, *-ит*, *-ант*, *-ент*, а также ряд более редких; ср. *канализáция*, *бандитíзм*, *пушкиниíст*, *лимонáд*, *колоннáда*, *сценáрий*, *персонáл*, *метанóл*, *кофеи́н*, *лампи́н*, *бригади́р*, *реформáтор*, *агенту́ра*, *принцéсса*, *чемпионáт*, *генералитёт*, *банди́т*, *квартира́нт*, *рецензéнт*. Значительная часть этих суффиксов может выступать также в соединении с различными дополнительными морфемами (*-из-*, *-фик-* и др.), например, *-изáциj-а*, *-фик-áциj-а*, *-из-áтор* и т. п.

Суффиксы прилагательных. Исконные: *-ав-*, *-ляв-*, *-юсеньк-*, *-ёшеньк-*, *-ёхоньк-*³⁹, *-ин-*, *-енн-* (усилительное), *-ат-*, *-оват-*, *-ит-*, *-овит-*, *-аст-*, *-уч-* (первичный суффикс), *-яч-* (отглагольное; первичный суффикс), *-яч-* (отыменное), *-уц-*, *-юц-* (усилительные), ср. *велича́вый*, *костля́вый*, *малюсенький*, *здоровёхонький*, *соколíный*, *крыси́ный*, *лягуши́ный*, *толсте́нный*, *морда́тый*, *косма́тый*, *витиева́тый*, *жуликова́тый*, *замыслова́тый* (от *за́мысел*), *трещинова́тый*, *знамени́тый*, *глянцева́тый*, *ядови́тый*, *грива́стый*, *горла́стый*, *плаку́щий*, *царапу́щий*, *вися́чий*, *доезжа́чий*, *лягуша́чий*, *здорову́щий*, *хитроу́щий*; ср. еще *сутулова́тый*, *нарочи́тый* (с опростившимися базовыми компонентами). В случаях типа *клеёнчатый*, *рису́нчатый*, *клетчатый*, *весну́шчатый* мы имеем дело не с *-ат-*, а с *-чат-* (маркировка ←), поскольку последнее обладает поглощающим эффектом, см. § 1.54.

Суффикс *-ив-* также имеет маркировку ↓ D (*пáрдивый*, *плакси́вый*, *фа́льшивый* и т. д.; сюда же *молчали́вый*, *гордели́вый*, *терпели́вый*, ср. § 1.48, о суффиксе *-лив-*); но от нее есть некоторые отступления (где сохраняется прежний недоминантный характер суффикса): *ми́лостивый*, *юрбидивый* (ср. нелитер. *юроди́вый*), *незлб́ивый*, также устар. *много-*, *сладкогла́бливый*. Слова на *-люб́ивый* (*человеколюб́ивый*, *жизнелюб́ивый* и т. п.) с акцентологической точки зре-

³⁸ Заметим, что признаки первичности проявляются здесь лишь в очень слабой форме: *перерегистра́ция*, *передислока́ция* и т. п. (но другие приставки, кроме *пере-*, в словарях не отмечены); *отзов-йзм*, *-йст*, *уклон-йзм*, *-йст*, *наплеви́зм* (ср. *отзову́*, *уклоню́сь*, *наплева́ть*).

³⁹ В *-юсеньк-*, *-ёшеньк-*, *-ёхоньк-* маркировка ↓ D в сущности принадлежит морфам *-юс-*, *-ёх-* (*-ёш-*), а *-еньк-*, *-оньк-* здесь то же самое, что в § 1.54 (для полных форм) и § 1.48 (для кратких форм). Заметим, что с сильными основами эти суффиксы соединяются с трудом (ср. потенциальные *суровёхонек*, *красивёхонек*).

ния имеют неплотно присоединенную начальную часть. См. также выше об *-и-ль-н-*, *-и-тель-н-*.

Из числа заимствованных маркировку ↓ D имеют первые морфы в составных суффиксах *-йч-еск-*, *-ич-н-*, *-ан-ск-*, *-иан-ск-*, *-ив-н-*, *-оз-н-*, *-аль-н-*, *-а́бель-н-*, *-он-н-*, *-ар-н-* и некоторых более редких; ср. *мифический*, *дифтонгический*, *дипломатичный*, *республиканский*, *мальтузианский*, *спортивный*, *религиозный*, *колониальный*, *транспортный*, *революционный*, *дисциплинарный*. При этом суффиксы *-ич-еск-*, *-ич-н-* обладают поглощающим эффектом по отношению к суффиксам *-ик* (заимствованное), *-ик-а* (заимствованное): *лирический*, *лиричный* (ср. *лирик*, *лирика*), *химический* (ср. *химик*), *геральдический* (ср. *геральдика*); однако *собственнический*, *пряничный*, *уличный* (где суффиксы исконные).

Маркировку ↓ D имеют также первые морфы в *-ий-ск-*, *-ей-ск-*, *-ий-н-*, *-ей-н-*, причем они поглощают *-иј-*, *-еј-* (любого происхождения) в конце производящей основы (даже если эти *-иј-*, *-еј-* являются не полноценными суффиксами, а субморфами): *индийский*, *индйский*, *армйский*, *калийный*, *линейный*, *оружейный*, *кофейный* (ср. *Индия*, *армия*, *калий*, *линия*, *оружие*, *кофе* [или *кофей*]). Однако здесь встречаются и некоторые отклонения (только в редких, неосвоенных словах): *гравийный*, *лэзвийный*, *мблнийный*, *бпийный*, *кбрпийный*, *мантййный*.

Суффикс глаголов: *-а-ть* во вторичных имперфективах (после корня на гласную *-е-а-ть*; но *е* здесь естественно интерпретировать просто как консонизатор корня); ср. *изготавливать*, *осведомлять*, *умиловывать*, *выправлять*, *угуждать*, *приседать*, *открывать*, *выдывать*.

Основная маркировка → D

§ 1.42. Суффиксы существительных (все исконные): *-еж*, *-ёж*, *-ј-о* (собирательное), *-няк*, *-чак*, *-н-я* (собирательное), отглагольные *-н-я*, *-овн-я*, *-отн-я* (имена действия), *-ун* (первичный суффикс), *-ота* (отадъективное имя качества), *-ач*, *-аш*; ср. *падёж*, *падёж*, *картёж*, *хулиганё*, *бабё*, *хамё*, *берзняк*, *известняк*, *стульчак*, *солдатня*, *ребятня*, *мазня*, *болтовня*, *пачкотня*, *потаскун*, *царапун*, *пачкун*, *правота*, *мерзлота* (с более конкретным значением), *циркач*, *рифмач*, *мордаш*. Отклонение: *дворня* (ср. нелигер. *дворня*).

Основная маркировка ← D

§ 1.43. Этот класс суффиксов — самый немногочисленный. Маркировку ← D в чистом виде (без пометы Init) имеют только неисконные суффиксы: *-ик* (заимствованное), *-ик-а* (заимствованное), *-тор*, *-сор*; ср. *евангелик*, *шиитик*, *догматик*, *аналитик*, *дистрибутик*, *периферик*.

дика, символика, топонимика, ритбрика, синтэтика, архитэктор, компрэссор (ср. также *-атор*, *-итор*; слово *мотбр* нечленимо).

Маркировку $\leftarrow D$ Init имеют первичные суффиксы (исконные): *-ень* (с беглым *e*; мужской род) и суффиксы женского рода *-'* (условное обозначение нулевого суффикса, вызывающего смягчение последней согласной основы), *-ть*, *-ль*, *-нь*. Таким образом, основы всех производных этой группы оканчиваются на мягкую согласную (заметим, что суффиксы *-ть*, *-ль*, *-нь* в принципе можно рассматривать как составные, включающие в качестве второго элемента *-'*). Примеры: *бйвень*, *сквородень*, *баловень*, *кблышень* 'зыбь', *прблежень*, *бползень*, *сбитень*, *оборотень*, *пёревертень*, также *pluralia tantum* *брёдни*, *рбсказни*, *рбзвальни* и т. п.; *мблочь*, *пбгань*, *зёлень*, *тёмень*, *гбречь*, *мёлочь*, *вётошь*, *рётушь*, *прбруть*, *зиповедь*, *йзгородь*, *пёревязь*, *бторопь*, *пёрекись*, *свблочь*; *чётверть*, *пбдать*, *нэжить*, *прбпасть*, *зависть*, *нэнависть*; *пбдаль*, *нэвидаль*, *бтрасль*, *пбросль*; *рбгань*, *клёпань*, *прйстань*. Особый интерес представляют производные с заведомо именным (следовательно, доминантным) комплексом в качестве базового компонента, например: *прйхвостень*, *пбручни*, *наледь*, *прбседь*, *бтмель*, *бзимь*, *бэздарь*, *йскопыть*, *бэстолочь* (также *нэпогодь*, *нэчисть* и т. п.); *йноходь*, *кбновязь*, *рбкопись*, *йконопись*, *сбромать*, *вбдоросль*. Здесь видно, что доминантный базовый компонент совместим с доминантным суффиксом класса $\leftarrow D$ (в отличие от суффиксов классов $\downarrow D$ и $\rightarrow D$, см. § 1.31); при этом по общему правилу «побеждает» суффикс.

Имеются, однако, небольшие отклонения: 1) в сторону маркировки \rightarrow (без *D*) у *-ень* — *слепень*, *плетень*, *переступень*, *копыть*, *поддубень*, *чересседельень*; 2) в сторону маркировки \rightarrow (без *D*) у *-'*, *-ть* — *постель*, *нашеть*, *напасть*, *гололеть*, *круговёрть*, *благодать*, *рукоять* (ср. еще опростившееся *супбнь*); 3) особое отклонение: *машйнопись*.

Суффиксы с непостоянной маркировкой

§ 1.44. Некоторые доминантные суффиксы колеблются между разными классами.

У суффиксов *-ак*, *-як* главной является маркировка $\rightarrow D$, ср. *рыбáк*, *большáк*, *тулáк*, *сибиряк* и т. д. — схема *b*. Однако в небольшой группе слов (включающей в основном названия национальностей) мы находим здесь маркировку $\downarrow D$: *австрияк*, *поляк*, *словак*, *коряк*, кроме того, *маньяк* и заимствованные *юнáк*, *краковáк* — схема *a*.

У суффикса *-аж* главной является маркировка $\rightarrow D$ Polysyll, ср. *типáж*, *метрáж*, *литрáж*, *монтáж*, *листа́ж* и др. — схема *b*, но *подхалима́ж*, *шпиона́ж*, *персона́ж*, *демонста́ж*, *репорта́ж* и др. — схема *a* (в силу эффекта Polysyll). Однако наряду с этим суффикс *-аж* обнаруживает также маркировку $\downarrow D$; она выступает как

правило при неосвоенности слова. Так, в частности, слова *зонда́ж*, *дрена́ж*, *трена́ж*, *барра́ж*, *масса́ж* в профессиональной речи относятся к схеме *b*, а в непрофессиональной речи (и в литературной норме) — к схеме *a*. Литературная норма закрепляет схему *a* также за словами *клива́ж*, *пейза́ж*, *лека́ж*, *блока́ж*, *кула́ж*, *прима́ж*, *грена́ж*, *тонна́ж*, *ура́ж*, *вира́ж* (в фотографии), *фикса́ж*, *корса́ж*, *пасса́ж*, *планта́ж*, *капта́ж*, *курта́ж* (во многих из них базовый компонент — остаточный); в слове *мира́ж* допускаются схемы *a* и *b*. Как легко видеть, в этом списке в основном представлены слова либо книжные, либо малоизвестные основной массе носителей языка, т. е. именно такие, для которых литературная норма обычно предусматривает ударение, соответствующее неосвоенности.

У суффикса *-ар*, *-яр* при главной маркировке ↓ D (ср. *коммуна́р*, *эмисса́р*, *гонора́р*, *формуля́р*, *овча́р* — схема *a*) в части слов действует маркировка → D: *боча́р*, *маля́р*, *школя́р*, *столя́р* (также опростившееся *гонча́р*) — схема *b*; колеблется *гусле́р*.

Усложненные отношения связывают суффиксы *-ёр* и *-ер* в названиях лиц и устройств (трудность в том, что безударное *-ер* в принципе можно идентифицировать как с *-ёр*, так и с *-ёр*). В тех случаях, где *-ёр* (*-ер*) является полноценным суффиксом (а не просто субморфом), имеется тенденция к следующему распределению: *-ёр* ↓ D (первичное) и *-ер* ↓ D в названиях лиц, *-ер* ← D в названиях устройств. Примеры: *ухажё́р*, *боксё́р*, *шахтё́р*, *билетё́р*, *киоскё́р*, *парламентё́р*; *костюме́р*, *легионе́р*, *миллионе́р*; *контрблёр* (прибор), *абсорбе́р*, *конве́ртер*, *комблестер*. Имеется, однако, довольно много отклонений: ср. названия устройств *тренажёр*, *электролизёр*, *маркёр*, *рафинёр*, *трассёр*, *стартёр*, *меланжёр*, названия лиц *дбкер*, *фейерве́рккер*, *фе́рмер*, *тре́нер*, *комбайне́р* (// *комбайне́р*), *спринте́р*. Ситуация осложняется тем, что субморф (не суффикс) *-ер* (без ударения) представлен в названиях лиц весьма широко: *гаёр*, *юнке́р*, *ма́клер*, *шю́лер*, *сна́йпер*, *ма́стер*, *ша́фер*, *куче́р* и т. д.

§ 1.45. Сложна акцентуация суффикса *-и́-а* (не в составе *-а́ци-а*, *-и́ци-а*, *-ци́-а*). Здесь конкурируют две маркировки: ← D и ↓ D. Их распределение определяется несколькими факторами, главный из которых — семантический. Преобладает маркировка ← D, поэтому проще перечислить случаи, где выступает более редкая маркировка, т. е. ↓ D. Эти случаи таковы (производные с обычным и с остаточным базовым компонентом здесь и далее рассматриваются вместе).

1. Названия а) состояний (в частности, биологических, в т. ч. болезней) и свойств, б) областей практической деятельности (в частности, врачебной) — при их употреблении в профессиональной речи. Примеры: а) *невралги́я*, *аллерги́я*, *носта́льги́я*, *абуми́я*, *анеми́я*, *гипертони́я*, *истери́я*, *эйфори́я*, *атрофи́я*, *дистрофи́я*; *синони́мия*, *ахроми́я*, *изотерми́я*, *эвфони́я*, *энтропи́я*, *мимикри́я*, также *содоми́я*, *симони́я*, *тирани́я*, *деспоти́я*; колебание — *афа́зи́я*, *сим-*

*мётрия*⁴⁰, *акри́бия*; б) *хиру́ргия*, *тера́пия*, *рентге́носкопиа́*, *ветери́нариа́*, *санита́рия*, *педиат́рия*, *фарма́ция*; *фила́телиа́*, *телефо́ния*, *маркшейде́рия*, *телегра́фия*; колебание — *ортопе́дия*, *металлур́гия*, *кули́нариа́*, *индуст́рия*, *полигра́фия*. Среди редких слов имеются также некоторые отклонения, но не исключено, что лексикографам просто осталось неизвестным соответствующее профессиональное ударение.

В непрофессиональной речи в этих же семантических группах представлено ударение по классу ← D; ср. такие общеупотребительные слова, как *меланхо́лия*, *ма́ния*, *апа́тия*, *эне́ргия*, *фанта́зия*, *гармо́ния*, *ирбо́ния*, *мизантро́бия*, *филантро́бия*, *антипа́тия*, *симпа́тия*, *демокра́тия*, *ана́рхия*, *ине́рция*, *гастроно́бия*, *фотогра́фия* (как род занятия). Такое же ударение закреплено литературной нормой и за рядом более специальных, но все же широко известных вне профессиональной сферы слов: *аго́ния*, *эпиле́псия*, *иди́ллия*, *гегемо́ния* (ср. возможность таких ударений, как *агониа́*, *эпилепси́я* в профессиональной речи). В то же время, например, слова *маляри́я*, *гипертониа́*, *хирургиа́*, *тирани́я*, *деспоти́я* закреплены нормой в их профессиональном виде (несмотря на достаточную распространенность).

2. Слова церковной сферы (сохраняющие церковнославянское ударение) *панаги́я*, *литу́ргия*, *хирото́бия*, *месси́я*, *патриа́рхиа́*; сюда же примыкает *вити́я*; поздние заимствования (сохраняющие иноязычное ударение) *остери́я*, *тратториа́*, *сенью́рия*, *синью́рия*, *жакери́я*. Особо стоят церковнославянизмы *лито́я*, *паремиа́* (с флексивным ударением).

В прочих случаях *-и́-а* ведет себя (за несколькими исключениями) по классу ← D. Приводим примеры по семантическим группам. Живые существа: *бе́стия*, *фу́рия*, *инфузо́бия*, *ну́трия*. Исчисляемые материальные предметы: *санда́лия*, *ма́нтia*, *камели́я*. Территории, помещения, учреждения: *импе́рия*, *губе́рния*, *Ита́лия*, *сту́дия*, *акаде́мия*, *гимна́зия*, *канцеля́рия* (исключение: *перифе́рия*). Литературные, музыкальные, графические произведения: *комеди́я*, *би́блия*, *биогра́фия*, *а́рия*, *симфо́ния*, *фотогра́фия* (предмет). События, единичные акты: *ава́рия*, *церемо́ния*, *амни́стия*, *эпиде́мия* (исключения: *перипети́я*, *пандемиа́*, *эндемиа́*). Различные исчисляемые абстрактные объекты: *ли́ния*, *ста́дия*, *категориа́*, *фами́лия*, *калб́рия* (исключения: *стихи́я*, *дибнтри́я*). Вещества: *магне́зия*, *мате́рия*. Коллективы, собирательные понятия: *а́рмия*, *бра́тия*, *жандарме́рия*, *аристокра́тия*, *бизу́терия*, *топонимиа́* (исключение: *буржуа́зия*). Науки, учения, теории, формы словесности: *хи́мия*, *историа́*, *геоло́гия*, *астроно́бия*, *геоме́трия*, *геогра́фия*, *анато́мия*, *филосо́фия*, *космогони́я*, *орфо́ния*; *рели́гия*, *теб́рия*, *страте́гия*, *поэ́зия*, *мифоло́гия*, *демаго́гия*, также *ма́гия* (исключения: *драматурги́я*, *теургиа́*).

⁴⁰ Бытующее у математиков ударение *симме́трия* следует объяснять как результат сознательного отталкивания от распространенного в других профессиях (и в непрофессиональной сфере) ударения *симметриа́*.

Заметим, что последняя семантическая группа уже сравнительно близка к названиям областей практической деятельности (которые входят в другой акцентный класс, см. выше), поэтому здесь возможны переходные и семантически нечеткие случаи (где соответственно снижается и действенность правила). Существенно, однако, что в семантически ясных случаях акцентные различия здесь достаточно четки; ср., например, *геомётрия*, *географ́ия*, *анатом́ия* (науки) и *спиромётри́я*, *телеграф́ия*, *телефони́я* (области практической деятельности).

Недоминантные суффиксы

§ 1.46. Недоминантные суффиксы с акцентологической точки зрения сложнее доминантных; поэтому они разбираются ниже с бóльшей подробностью. При разборе отдельного суффикса вначале даются примеры со слабым базовым компонентом, а после тире — с сильным (если имеется соответствующий материал); доминантные базовые компоненты отличны от прочих тем, что входящий в их состав именной морфемный комплекс (получивший доминантность в силу § 1.28) выделен квадратными скобками. После формулы типа «эффект Деох» даются примеры, иллюстрирующие акцентное действие соответствующей дополнительной пометы. Слова «например», «примеры» для краткости обычно опускаются.

В списки отклонений не включаются те производные, где акцентная неправильность состоит только в нестандартном месте ударения внутри приставочно-корневого комплекса, например, *за́работок*, *рбы́грыш*, *набере́жная*; см. общий список таких слов в § 1.28, А III. Никак специально не отмечаются также производные, относящиеся к иным схемам ударения, чем *a* и *b* (например, *стрельба́*, *высота́* — схема *d*, *новость* — схема *e*); см. соответствующие указания в § 1.18.

П р и м е ч а н и е. Среди отклонений от ожидаемого ударения особое место занимают случаи, когда неправильность состоит в ударении *би*, *аи*, *эи* вместо *ой*, *ай*, *ей*, например, *трби́ца*, *гни́бце*, *на́игрыш*, *прби́грыш*, *клéить*, *удвб́ить*, *утрб́ить*. По крайней мере часть таких отклонений с исторической точки зрения обусловлена чисто фонетическим процессом (см. § 3.2, замеч.).

Основная маркировка ↓

§ 1.47. Ниже даются примеры со слабыми и сильными базовыми компонентами; о промежуточных базовых компонентах при суффиксах класса ↓ см. § 1.50.

Суффиксы существительных.

-ай (первичный суффикс): *расстега́й*, *урожа́й*, *нагона́й*, *негодáй*, *молоча́й*; ср. после морфа *-ат-* ↓ в составе сращенного *-ата́й* — *согладáтай*, *ходáтай*. Отклонения: 1) в сторону вторичности — *случáй*, *обыча́й*, *свй́чай*; 2) *полуца́й*.

-ов'j-е (поглощающий сращенный суффикс): *гнездобье, низобье, зимобье, станобье, кочевье* (относительно *Поднепробье, средневековье* и т. п. см. § 1.37, примеч.).

-овк-а (кроме случаев с заменительным *-к-а*, § 1.53; первичный суффикс): *голобвка, распиловка, сверловка — забегаловка, обираловка, принудилровка*. Ср. доминантное *-ировк-а*, § 1.41.

-бвник ↓ Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *кочевник, чайвник, солодобвник, полковник, храмбвник, герббвник, пихтовник, грушбвник — горбховник*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: 1) *дневник, баловник* (с *-ик* →); 2) *саговник, маковник, тюттовник* (с *-ник* ←). Прочие отклонения: *духовник, столовник, чаровник; азбукбвник*.

-яник ↓ Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *конопляник, ольшаник, дощаник, жестяник, нефтяник*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: *дровяник, водяник, волосяник, торфяник* (но разг. *торфьяник*), *масляник, серебряник* (все с обычным *-ик* →).

-инк-а (кроме случаев с заменительным *-к-а*, § 1.53): *вечеринка, песчинка, тропинка — завалинка*.

-ишк-а, -о: *шалунийшка, пиджачийшко, мелочийшка, городийшко, сынийшка, ружьийшко — [огорбд]ишко, [дохбд]ишко, человекишка, здоровийшко, силишка, платийшко*. Отклонение: *кафтанийшко*. Особый случай: *приготовийшка* (получено знаменительным способом из *приготовительный*).

-ин (сингулятивное): *господин — татарин, крестьянин, барин*. Отклонение: *простолодин* (с нарушением правила об акцентуации двукорневых комплексов).

-ин-а (исконное; все значения, кроме отадъективного имени качества), маркировка ↓, но в функции сингулятива (от неисчисляемых) — ↓ Deox. Примеры: *мужичина, осетрина, хворостина, маслина, домина, воцина — [червобч]ина, [домоткан]ина, [развал]ина, [вмят]ина, [пощеч]ина, [окрај]ина, выбоина, царпина, баранина, громадина, горбушина, старейшина, рыбаина, бспина, ягодина, всячина, пёжина*. Эффект Deox у сингулятивов: *кирпичина, чесночина, камышина, миндалина*⁴¹, также *песочина, утбчина* 'отдельная нить утка' (с нерегулярным сохранением беглого о); ср. отсутствие эффекта Deox у увеличительных, например, *кирпичина, чесночина, балычина*. Отклонения: 1) *хлебина* 'цветочная пыльца', *жадина, рбдина, старина* 'былина', *лысина, бтчина (вбтчина), трёщина*, разг. *ббщина* (при нормативном *община*); ср. еще *рытвина*; 2) *жемчужина, стерляжина* (последнее получено заменительным способом из *стерляжий*); 3) *старшина, купина* (о *быстрина, седина, целина* см. § 1.51). См. также *-овин-а, -щин-а* ниже.

⁴¹ Эффект Deox здесь не совсем устойчив: в сингулятивном значении изредка встречаются также и *камышина, кирпичина* и т. п.

Слова на -овин-а распадаются на две группы. В первую группу входят: а) названия мяса (шкура) животного, например, *волбвина*, *бобрбвина*, *барсовина* (шкура); б) чистые сингулятивы, например, *маковина*, *лужковина*; в) экспрессивные (или даже вульгарные), обычно пренебрежительные, слова со значением 'произвольный единичный предмет', например, *фигбвина*, *хренбвина*, *пустякбвина*, *чепухбвина*. В этой группе почти везде есть соответствующее прилагательное с *-ов-* (*волбвий*, *маковий*, *пустякбвий* и т. д.); от него и образуется слово на *-овин-а* (с помощью обычного *-ин-а*). Особо стоят только *штужбвина* (слово подгруппы «в») и отчасти близкое к нему по значению слово *дикбвина*. Во вторую группу входят слова на *-овин-а* со всеми прочими значениями, например, *мочевина*, *белковина*, *шелковина*, *мешковина*, *сердцевина*, *седловина*, *котловина*, *крестовина*, *пуповина*, *половина*. Во всех этих случаях выступает поглощающий сращенный суффикс *-овин-а* ↓ Monosyll. Примеры эффекта Monosyll: *клетковина*, *клейковина*. Поглощающий характер виден, например, в словах *белковина*, *шелковина*, *крестовина*.

-щин-а (после *д*, *т* [но не *нт*] — *-чин-а*). 1. Аддитивное: *годовщина*, *дармовщина*, *штурмовщина*, *групповщина* — *митингбщина*, *небывальщина*, также *поножбщина*, *безотцовщина* (с опорным *-ов-*, § 1.27). 2. Заменительное, вместо *-ск-* и *-н-*: *ямщина* — *зёмщина*, *гётманщина*, *дьявольщина*, *солдатчина*, *уголбщина*, *кустарщина*, *военщина* (ср. *ямской*, *зёмский*, *гётманский*, *дьявольский*, *солдатский*, *уголбный*, *кустарный*, *военный*). Особое орфографическое оформление в *немётчина*, *турётчина*. Отметим еще опростившиеся *мужщина*, *жёнщина*. Отклонения: *чертовщина*, *матерщина* (при *чертовский*, *матерный*).

-ын-я: *рабыня*, *богinya*, *пустыня* — *государыня*, *барыня* (ср. *бары*)
Отклонение: *героиня*.

-от-а (отглагольное; первичный суффикс): *потягота*, *икота*, *зевота*. Отклонения: 1) *маета*, *тошнота*, *хрипота*, *синота*; 2) *тягота*, *пэхота*.

-их-а (первичный суффикс): *облепиха*, *неразбериха*; *воробьи́ха*, *сторожи́ха*, *купчи́ха*, *портни́ха*, *слони́ха* — [*урод*]иха, *медведиха*, *ста́рости́ха*, *дворничиха*, *городничиха*.

-иц-а. 1. Аддитивное: *рукавица*, *мастерица*, *сестрица*, *волчица*, *светлица*, *темница*, *больница*, *поясница*, *передовица*, *власни́ца* — [*разноголос*]ица, [*бездел*]ица, [*пересбрт*]ица, [*разлад*]ица, [*богорбд*]ица, *медведица*, *книжица*, *лечебница*, *кбница*, *лужковица*, *сельтряница*, *путаница*. Слово *петлица* соотносится с акцентным вариантом *петля*. Отклонения: а) *деви́ца* (ср. народно-поэт. *девица*), *кобылица*, *ступи́ца* (но профес. *ступица*), *каши́ца* 'полужидкая масса' (ср. ласкательное *кашица*); *гробница*, *снежница*, *слезница*, *дойница*, *колесница*; *едини́ца*, *рожени́ца*, *сушени́ца*; *шелкови́ца*, *свеклови́ца*, *багряни́ца*; *императри́ца*; б) *и́глица* (растение), *веретё-*

ни́ца (ящерица), пъя́ница, ста́рица 'старое русло', я́дрица; рбени́ца, ўмни́ца, вольни́ца; особо стоят двби́ца, трби́ца (§ 1.46, примеч.); в) ви́селица.

2. Заменительное (в названиях женщин), вместо *-еу* и *-ик* (в т. ч. в составе суффиксов *-ник*, *-чик*, *-щик*): жи́лиця, провoднíця, поставщи́ця — краси́вица, пра́ведница, за́казчица (ср. жи́лец, провoднíк, поставщи́к, краси́вец, пра́ведник, за́казчик).

-ни́ца-а (не в названиях женщин, соотносенных с производными на *-ник*, и при отсутствии соответствующего прилагательного с *-н-*, ср. выше): скребни́ца, мазни́ца, возни́ца, божни́ца, бойни́ца, зарни́ца, пороховни́ца — полённи́ца, здра́вница, пятни́ца. Отклонения: звбни́ца, ва́рница, ме́льница.

-ович ↓ Triv (в апеллятивах и отчествах): попови́ч, царёви́ч, Петрови́ч — Семёнови́ч, Серге́евич; ср. доминантное *-ович* в фамилиях (§ 1.41).

-и́ца-а: боро́дица, ручи́ца — соба́чица, ла́ница. Отклонение в сторону доминантности: ску́йца.

-и́ца-е: городи́це (два омонима), костри́це (два омонима), волчи́це, жили́це — [убе́ж]и́це, [сбoр]и́це, [побó]и́це, [приста́н]и́це (с консонизатором *н*), [посме́ш]и́це, [прoзв]и́це, морбзи́це, храни́лице. Отклонения: чу́дице, тoржи́це, ко́злице, ржа́нице, полóтнице, iгри́це, де́тице, пoлчи́це (все в сторону ←); особо стоит гнби́це. См. также *-и́ца-е*, § 1.53.

-ови́ца-е: токови́це, серпови́це, косови́це. Отклонения: чудóвице, зими́вице (ср. еще нелитер. станови́це при нормативном станови́це).

§ 1.48. Суффиксы прилагательных.

-лив- ↓ Monosyll Deox: бережли́вый, тополи́вый, говори́вый, сиротли́вый, пугли́вый, болтли́вый, пытли́вый, сонли́вый, дождли́вый — [прожбoр]ли́вый, [привере́д]ли́вый, [вéд]ли́вый, [пoнiят]ли́вый, [насме́ш]ли́вый, [засу́ш]ли́вый, талантливый, конфу́зливый, соба́чливый. Эффект Monosyll: драчли́вый, счастли́вый (ср. ниже), бурли́вый (если связывать это слово с *бу́ря*). Эффект Deox: чудáчливый. В ряде случаев слово с *-лив-* можно соотносить как с глаголом, так и с существительным. С акцентной точки зрения это безразлично; например, ударение слов *шкодли́вый*, *сварли́вый*, *дура́чливый* (*дура́шливый*), *кура́жливый* регулярно при соотношении их как с глаголами (что предпочтительно), так и с существительными (в последнем случае действуют характеристики Monosyll и Deox). Особые случаи: в нескольких словах произошло опрощение базового компонента, приведшее к потере им доминантности: счастли́вый (ср. сохранение старого ударения в кратких формах: сча́стлив, *-а*), ску́чливый, сметли́вый (устар. сме́тливый), смазли́вый, спотыкли́вый; также особли́вый, справедли́вый, прозорли́вый (где вдобавок суффикс *-лив-* ведет себя как доминантный). Прочие особые случаи: выбóсливый, завистли́вый, боязли́вый, шаловли́вый; колебание: вью́жливый. Отметим еще ве́жли́вый (с остаточным базовым компонентом). В словах молчали́вый, тер-

пелёвый, горделёвый правильнее усматривать не *-лив-*, а суффикс *-ив-* после консонизатора *л*.

-чив-: *бранчивый* — [*сговóр*]чивый, [*влóб*]чивый, [*восприём*]чивый, [*ужив*]чивый.

-ов ↓ Triv (притяжательные прилагательные и фамилии): *отцов*, *попов*, *Петухов* — *племянников*, *Семёнов*, *Солнцев*. Эффект Triv: *чёртов*, *Гусев*, *Голубев*, *Раков*, *Дьяконов*.

Примечание. В фамилиях на *-иков* это *-иков* в большинстве случаев функционирует как поглощающий сращенный суффикс с маркировкой ←, например: *Стáриков*, *Гбликов*, *Нóвиков*, *Бéликов*, *Крúгликов* (однако, например, *Городовикóв*).

-ёнок (после *к*, *г*, *х* *-óнок*; вторая гласная беглая), производное имеет только краткие формы (см. Грамм., с. 75, § 11): *тяжелёнок*, *слабёнок*, *великóнок*, *строгóнок* — *тяжелёхонек*, *радёшенек* (после морфов *-ёх-*, *-ёш-* ↓ D, см. сноску 39). С сильными основами (без дополнительных *-ёх-*, *-ёш-*) суффикс не соединяется.

-ок-: только *далёкий*, *глубóкий*, *высóкий*, *ширóкий*, *одинокий*.

-овск- ↓ Triv (кроме семантической группы «отрицательных действий типа колдовства, плутовства, хвостовства», см. § 1.52): *толстовский* — *бúндровский*, *мáртовский*, *áвгустовский* (ударение *августóвский* устарело).

-ом- (причастия, прилагательные со значением потенциальности; первичный суффикс): *ведóмый*, *несóмый* — *колéблемый*, *читáемый*, *нессгорáемый*.

-овн- ↓ Monosyll: *плачéвный*, *санóвный*, *духóвный* (относительно безгредóвный и т. п. см. § 1.37, примеч.). Отклонение: *дневной*.

-ённ- (причастия; первичный суффикс). Заменительное, вместо *-ит* в 3 ед. презенса (у *i*-глаголов) или вместо *-ла* в ед. жен. прош. времени (у *C*-корневых глаголов)⁴²: *процённый*, *закалённый* — *зажáренный*, *изно́шенный* (ср. *простит*, *закалит*, *зажáрит*, *изно́сит*); *сплетённый*, *учтённый* — *укра́денный*, *постр́женный* (ср. *сплелá*, *учлá*, *укра́ла*, *постр́гла*). У *i*-глаголов имеется, однако, довольно значительное число отклонений. Причастия с «незаконным» ударением *-ённ-ый* имеют глаголы схемы *с*: *делит́ь*, *-менит́ь*, *ценит́ь*, *клонит́ь*, *крестит́ь* и все их приставочные производные; *влюбит́ь*, *оса́дит́ь* (из раствора), *об-*, *при-*, *о-судит́ь*, *восхвалит́ь*, *умолит́ь*, *преломит́ь*, *под-*, *по-дразнит́ь*, *пере-*, *вз-бесит́ь*; факультативно также глаголы на *-манит́ь*, *за-*, *пере-дразнит́ь*, *иссушит́ь*. Такое же причастие при колебании в презенсе (схемы *c//b*) имеют *-дружит́ь*, *белит́ь*, *шевелит́ь*, *селит́ь*, *-слонит́ь* и производные, также *оса́дит́ь* (город), *вспойт́ь*, *поглóтит́ь*. Примеры: *разделённый*, *наклонённый*, *поселённый* (ср. *раздéлит*, *наклóнит*, *посéлит*). Особое отклонение:

⁴² У немногочисленных *ё*-глаголов, использующих данный суффикс, ударение корневое, например, *виденный*, *прос́женный*, *провер́ченный*.

составляют причастия *при-*, *по-нуждѣнный*, *осведомлѣнный* (//*освѣдомлѣнный*) от глаголов схемы *a*. Отметим, что существенная часть перечисленных здесь глаголов (например, *умолѣть*, *преломѣть*, *иссушѣть*) имеет книжный оттенок, ср. в этом отношении также *-жд-* и *-щ-* в *осаждѣнный*, *осуждѣнный*, *поглощѣнный*. Противоположное отклонение (причастие с корневым ударением) имеют глаголы схемы *b*: *трубѣть*, *кройѣть*, *зубрѣть* 'делать зазубрины', *трусѣть* 'сыпаться', *цветѣть*, *торочѣть* и все их производные, также *за-*, *про-*, *ис-следѣть*, *раз-*, *с-жидѣть*, *под-*, *раз-зудѣть*, *сболтѣть*, *за-*, *пере-*, *раз-*, *по-золотѣть*; факультативно также *-редѣть*, *затвердѣть*, *раз-*, *по-громѣть*, *раздвоѣть*, *строятѣ*, *пере-*, *с-*, *рас-*, *ис-косѣть* 'искривить', *гатѣть* (и производные), *изрешетѣть*. Такое же причастие при колебании в презенсе (схемы *b*//*c*) имеют *городѣть*, *скоблѣть*, *солѣть*, *дойѣть*, *зубрѣть* 'учить', *винтѣть*, *строчѣть*, *сучѣть* и все их производные, *пере-*, *по-*, *от-лудѣть*, *перетрудѣть*, *рядѣть* 'нанимать', *по-*, *про-кружѣть*, *пойѣть* (и производные, кроме *на-*, *вс-*), *вз-*, *про-*, *от-мутѣть*. Примеры: *скрбѣнный*, *позолбѣнный*, *огорбѣнный* (ср. *скройт*, *позолотѣт*, *огорбѣт*). В этой группе господствуют глаголы, вполне обычные в разговорной речи; значительная их часть имеет технический характер.

-ѣн- (отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо тех же форм, что для *-ѣнн-* (см. выше): *процѣнный*, *калѣнный*, *плетѣнный* — *жарѣнный*, *нбишѣнный*, *крдѣнный*, *стриженѣнный*. Таким образом, если бы не было отклонений, *-ѣн-* всегда давало бы тот же эффект, что *-ѣнн-*. Однако отклонения от правила для этих двух суффиксов не совпадают; вдобавок, *-ен-* выступает, как правило, при бесприставочных основах, тогда как *-енн-*, напротив, соединяется с ними с большим трудом. Отсюда необходимость раздельного разбора. «Незаконное» ударение *-ѣн-ый* представлено при основах *посаж-*, *цеж-*, *груз-*, *хвал-*, *бел-*, *пил-*, *топл-*, *чин-*, *вар-*, *дар-*, *моч-*, *точ-*, *уч-*, *круч-*, *гаш-*, *душ-*, *суш-*, *туш-*, *крещ-*; также *дож-*, *пож-*, *сол-*, *мор-* (где в презенсе колебание), *клеж-*, *смышл-* (в презенсе схема *a*); примеры: *посажѣнный*, *варѣнный*, *солѣнный*. От *хоблѣть* возможно *хоблѣнный* и *холѣнный*. Противоположного отклонения в чистом виде нет; отметим *прядѣнный*, *сѣченѣнный* (при колебании *прядѣлѣ*, *сѣклѣлѣ*). Не имеют прямой связи с глаголом *студѣнный*, *червлѣнный*, *рифлѣнный*, *мудрѣнный*, *ядрѣнный*.

-ист- ↓ Деох (кроме терминов со значением 'содержащий соответствующее вещество', см. § 1.54): *волокнистый*, *голосистый*, *золотистый*, *змейстый*, *лесистый*, *машистый*, *неказистый* — [*убр*]*истый*, [*залѣв*]*истый*, [*извѣл*]*истый*, [*размѣш*]*истый*, [*разлѣп*]*истый*, *болотистый*, *мозблистый*, *жѣлистый*, *пѣнистый*. Эффект Деох: *пузыристый*, *пупыристый*, *творбжистый* (от *творбж*, *-а*). Отклонения: 1) *фразистый*, *искристый*, *шелковистый*, также *сноровистый* (но чаще акцентно регулярное *снорбвистый*); 2) *крѣжистый*, *пѣристый*, *ячѣистый*.

-ейш-, -айш-. 1. Заменительное, вместо *-ej(e)* в компаративе (только для алломорфа *-ейш-*): *тяжелейший, белейший, древнейший* — [*разнообráзнейший, свирепейший, красивейший*]. 2. Аддитивное: *широчайший, крепчайший, чистейший, малейший*. Отклонение: *богатейший*.

-ущ- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо *-ут* в 3 мн. презенса: *сосущий, бегущий, загребущий* — *пишущий, читающий*. Отклонение: *могущий* (сюда же *всемогущий*); ср. разг. *мбгущий*. Аддитивное употребление в *завидущий, плодущий, имущий*; также *сведущий, всеведущий* (с формально неправильным корневым ударением).

-ящ- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). Заменительное, вместо *-у* в 1 ед. презенса: *крутящий, носящий, свистящий* — *пáвящий, конфу́злящий*. В современном языке, однако, наблюдается сильная тенденция к тому, чтобы акцентологически трактовать *-ящ-* так же, как *-ущ-*, т. е. и здесь ориентировать ударение (по крайней мере у невозвратных глаголов) на 3 мн. презенса, а не на 1 ед. Различие затрагивает, естественно, только глаголы схемы *с*. Так, по Грамм., у невозвратных глаголов ударение типа *любящий* (ср. *люблю, любят*) постоянно представлено при основах *губ-, руб-, люб-, служ-, пил-, жен-, цен-, чин-, леп-, луп-, черт-, леч-, моч-, уч-, душ-, суш-, туш-, тащ-, терп-, дыш-*, факультативно также при *дав-⁴³, цед-, суд-, друж-, туж-, вал-, хвал-, бел-, дел-, дразн-, коп-, вар-, гас-, бес-*. У возвратных глаголов ударения типа *жéнящийся* представлены гораздо уже (при *руб-, жен-, цен-, леп-, леч-, суш-*, факультативно также *лен-, душ-, тащ-*). Следует учитывать, однако, что приведенный список в значительной мере условен, поскольку в живой речи (в т. ч. литературной) в этом классе причастий колебания наблюдаются очень широко. При колебаниях, как правило, корневое ударение (*гáсющийся, вáрящий* и т. д.) имеет более разговорную окраску, суффиксальное (*гасящий, варящий* и т. д.) — более книжную. В ряде случаев корневое ударение воспринимается как чисто причастное, суффиксальное — как соответствующее адъективированному употреблению (ср. *дávящий* и *давящий*).

К настоящей группе примыкают также суффиксы компаратива и деепричастия презенса.

-ej(e): *тяжелее, холоднее, белее, вернее* — [*разнообráзнее, свирепее, суровее, красивее, цветистее*]. Отклонения: 1) *здоровее* (в прямом значении), *розовее, лиловее* (ср. также нелитер. *красивее*); 2) *рослее, древнее, сноснее, срочнее, хищнее, дельнее* (данная группа очерчена нестрого, поскольку у этих и ряда других прилагательных с односложной основой ударение в краткой форме жен. рода фактически неустойчиво).

⁴³ Но только суффиксальное ударение в *давящий* 'мрачный, тяжелый'.

-я (первичный суффикс). Заменительное, вместо -у в 1 ед. презенса: *неся́, бормоча́, свистя́, любя́ — чита́я, ве́ря*. Отклонения: *ле́жа, ста́я, сидя́, глядя́* (деепричастия и наречия); также чистые наречия *мо́лча, не́хотя, за́годя, ноб́одя*, сложные предлоги *судя́ по, глядя́ по*.

§ 1.49. Суффиксы глаголов.

-а-ть (отыменное; первичный суффикс): *холода́ть, козыря́ть, захомута́ть, велича́ть, листа́ть, серча́ть, ветша́ть — завтрака́ть, обе́дать, у́жинать, ла́пать*. Отклонения: 1) в сторону доминантности — *сквита́ть, фигу́рять, пуля́ть (пеня́ть семантически оторвалось от пёня; петля́ть соотнесено с ударением петля́)*; 2) *опоя́сать*.

-е-ть (первичный суффикс): *голубе́ть, тяжеле́ть, осатане́ть, трезве́ть, темне́ть, вдове́ть, глаза́ть — о[безлю́д]е́ть, о[безголо́с]е́ть, о[полоу́м]е́ть, о[беспа́мят]е́ть, парши́веть, посере́знеть*. Отклонения: 1) *здорове́ть, свирепе́ть, богате́ть, одревесне́ть, осточерте́ть*, ср. также *запеча́тлеть*; отметим разг. *ржа́веть* при нормативном *ржа́веть*; 2) *обве́треть, проя́снеть* (о погоде), *обу́треть*.

-ове-ть ↓ Monosyll, -ене-ть (-яне́-ть) ↓ Monosyll (первичные поглощающие сращенные суффиксы): *розове́ть, багрове́ть, заглянце́веть, столбене́ть, стержене́ть, оцепене́ть, деревяне́ть, багряне́ть, пламене́ть — кори́чневеть, береме́неть*. Отклонения: *ялове́ть, плесне́веть, инде́веть* (но разг. *плесне́веть, инде́веть*), *махрове́ть*. Отметим еще *лилове́ть*, но *сурове́ть* (слова с остаточными выделяемыми корнями).

-ну-ть (не выпадающее в прош. времени) со значением однократного действия. Заменительное, вместо -а-ть, -и-ть. Суффикс выступает как заменительный там, где есть соответствующий бесприставочный глагол на -а-ть или -и-ть, причем с той же, что и при -ну-ть, гласной в корне⁴⁴ (таким образом, в приставочном глаголе на -ну-ть приставка должна не приниматься во внимание). Примеры: *пры́гнуть* (также *подпры́гнуть* и т. д.), *де́рнуть, кли́кнуть, тры́бнуть, то́пнуть, хле́бнуть, пугну́ть, нырну́ть, махну́ть, пальну́ть* (ср. *пры́гать, де́ргать, кли́кать, тры́гать, то́пать, хле́бать, пуга́ть, ныря́ть, маха́ть, пальи́ть*). Отклонения: 1) *мазну́ть, резну́ть, всплакну́ть, сы́пнуть* (ср. *ма́зать, ре́зать, пла́кать, сы́пать*⁴⁵); 2) *шмыгну́ть, юркну́ть, черпну́ть (при)хва́стну́ть, нюхну́ть, струхну́ть* (ср. *шмы́гать, юрка́ть, че́рпать* [но разг. *черпа́ть*], *хва́стать, нюха́ть, тры́снуть*); 3) *ки́нуть* (ср. *кида́ть*).

П р и м е ч а н и е. Глаголы на -ну-ть, образованные от ё-глаголов, в отличие от рассмотренных выше, обычно не сохраняют ударения исходного глагола, а именно, при ё-глаголах на -е́ть, -а́ть глагол на -ну-ть имеет корневое ударение, например: *сту́кнуть, бу́ркнуть, ви́згнуть, дры́бнуть, кри́кнуть, пи́скнуть, скри́пнуть, хри́стнуть, сви́стнуть* (при *сту́чать, бур-*

⁴⁴ Соответственно, пары *суну́ть—сова́ть, кли́бнуть—клева́ть, пльбу́нуть—плева́ть, разйну́ть—разева́ть* сюда не относятся.

⁴⁵ Эта группа отклонений охватывает все производные на -ну-ть от а-глаголов с ударным корнем, не имеющих параллельных вариантов по а1-типу; ср. *е́ще* опказиональные *лайну́ть, вгла́йну́ть* от *ла́ять*.

чатъ, визжа́тъ, дрожа́тъ, крича́тъ, пища́тъ, скрипе́тъ, хрусте́тъ, свисте́тъ). Иначе акцентоваы только *блесну́тъ, шумну́тъ, гудну́тъ, всхрапну́тъ, дыхну́тъ* (при *блесте́тъ, шуме́тъ, гуде́тъ, храпе́тъ, дыша́тъ*); более отдаленно связаны *верну́тъ* и *верте́тъ*. В части приведенных случаев глагол на *-нуть* соотносен одновременно с *ѣ*-глаголом и *ај*-глаголом, ср. *сту́кнутъ* — *стуча́тъ* и *сту́кать*.

§ 1.50. При промежуточном по силе базовом компоненте у слов с суффиксом класса ↓ ударение, как указано в § 1.33, определяется прагматическим фактором⁴⁶.

В освоенных словах промежуточный базовый компонент ведет себя как слабый. Примеры⁴⁷: 1) «группа *рак*» — *перчи́нка; бра-ти́шка, труси́шка, зайчи́шка, фрачи́шка, мысли́шка; плеши́на; гра-фи́ня* (с нерегулярным смягчением *ф*); *трусíха, франти́ха, рыси́ха, зайчи́ха, крольчи́ха*⁴⁸; *граница, тигри́ца; вони́ца; тигри́це, рачи́це; статíстый; заштилéтъ, хамéтъ*; 2) «группы *буйвол, якорь*» — *сахарíнка; кофейи́шко, месячи́шко, мебели́шка; пестряди́на, лососи́на* (в соответствии с вариантом *лбсось*), *паруси́на, образи́на; герцогíня; щеголи́ха, соколи́ха; цесаре́вич; пепели́це, голени́це; молотови́це; прихотли́вый, похотли́вый; студенíстый, каменíстый; пуделя́тъ, щеголя́тъ* (заметим, впрочем, что для части приведенных слов такое ударение является достаточно старым).

Прямыми исключениями (где, несмотря на достаточную освоенность, сохраняется традиционное ударение на базовом компоненте) здесь можно считать: 1) *га́дина, гра́д-ина, -инка, кра́п-ина, -инка, ри́с-ина, -инка, шквали́стый, и́листый, и́нистый, гне́ваться*; 2) *би́сер-ина, -инка, ми́лостыня, я́церица, лбгови́це, тјулови́це, сове́стливый, жа́лостли-вый, па́мятливый*. В ряде случаев конкурируют два акцентных варианта, причем ударение, соответствующее освоенности, носит более разговорный (или даже просторечный) характер. Примеры: разговорные *буйволи́ца, дяволи́ца, мускули́стый, сахарíстый*, нелитературные *месячи́на, иноки́ня*, при нормативных *бу́йволица, дяволица, му́скулистый, са́харистый, ме́сячина, иноки́ня*, ср. также разг. *пле-сневе́тъ, индеве́тъ*, отмеченные в § 1.49. Просторечное суффиксальное ударение иногда встречается даже в некоторых словах, отнесенных выше к исключениям (например, просторечн. *памятли́вый*).

При неосвоенности промежуточный базовый компонент ведет себя как сильный. Такое ударение достаточно прочно удерживается за устаревшими, книжными и т. п. словами (например, *де́дина, хра́мина, дя́коница, сбнми́ще, идоли́ще*); оно зафиксировано литературной нормой также за большинством редких и узкоспециальных слов

⁴⁶ Кроме случаев, когда промежуточный базовый компонент подпадает под действие пометы *Моросyll* или *Triv* при суффиксе (а именно, *Моросyll* превращает основы «группы *рак*» в слабые, *Triv* превращает все промежуточные основы в сильные). Такие случаи вошли выше в основную часть разбора.

⁴⁷ В списке примеров здесь и ниже включено большинство реально употребительных слов соответствующих категорий.

⁴⁸ Ввиду однослезности базового компонента *крольч-* это слово акцентно правильно, хотя оно и нерегулярно соотносится с основой *кролик-*.

(например, *пáлтусина*, *члѐнистый*, *шрáмистый*, *лáистый*). Характерно, что книжное слово *благосѣ́ннѧ*, для которого нормой является древнее ударение, люди, недостаточно знакомые с этим словом, произносят как *блáгосѣннѧ*.

Основная маркировка →

§ 1.51. Суффиксы существительных.

-ба: *городьба́*, *ворожьба́*, *мольба́*, *резьба́* — [*уса́дьба*, *женітьба*, *сели́тьба* (два последних с консонизатором основы *т*). Отклонения: 1) в сторону первичности — *похвальба́*; 2) *служба*, *дружба*, *тяжба*, *сва́дьба*, *прѣсба*.

-е⁴⁹ → Monosyll (не собирательное), в т. ч. в составе имен действия на *-тье*, *-нье* (кроме *-енье*, о котором см. § 1.67); *косьѣ* 'косо-вище', *битьѣ*, *мытьѣ*, *житьѣ* — [*богомѣл']ѣ*, [*челобіт']ѣ*, [*двоебѣр']ѣ*, [*отрѣд']ѣ*, [*раздѣум']ѣ*, [*изголѣв']ѣ*, [*взѣмѣр']ѣ*, [*перепѣут']ѣ*, *купáнье*, *здорѣье*. Эффе́кт Monosyll: *жнивѣѣ*, *спáньѣ*, *вра́ньѣ*. Отклонения: 1) в сторону первичности — *забытьѣ*, устар. *прожитьѣ*; 2) *суровѣѣ* 'суровая ткань', *колотьѣ* и *кѣлотье* (наряду с *колѣтьѣ*); 3) *весѣлье*, *ѣстье* (ср. также опростившиеся *плáтьѣ*, *зѣлье*). См. также *-ов'е*, § 1.47.

-ик (отадъективное). Заменительное, вместо окончания (*-ый*, *-ий*, *-ой*) в исходной форме соответствующего прилагательного (или причастия): *коренні́к*, *крепостні́к*, *штрафні́к*, *тупі́к* — [*толстѣлѣб']ик*, [*подснѣж']ик*, *волосáтик*, *головáстик*, *дѣ́мник*, *ѣ́мник*, *сѣ́чник*, *пѣ́льник*, *рѣ́жик*, *чѣ́стик*, *воспѣ́танник*, *отпѣ́щенник*, *пѣ́таник*, *мѣ́ченик*, *варѣ́ник* (от *варѣ́ный*), *вечѣ́рник*, *зѣ́мник*. Слова *временні́к*, *мелочні́к*, *матері́к* соотносятся с ударениями *временнѣ́й*, *мелочнѣ́й*, *матерѣ́й*. Особый случай составляют производные от числительных на *-еро*: *четвері́к*, *пятері́к* и т. д.; здесь опорными являются словоформы косвенных падежей исходных слов (*четверѣ́х*, *пятерѣ́х*), поскольку И. ед. на *-ый* нет. Отклонения: 1) *нові́к*, *малі́к*, *целі́к*, *голі́к*, *старі́к*, *часті́к*; *кравáик* (||*кравáик*), *учені́к*; 2) *послáнник*, *изгнáнник*, *избрáнник*. Кроме того, см. список слов с «незаконным» ударением *-ні́к* в разборе суффикса *-ик* (§ 1.53). См. также *-овик* ниже, *-ник* (§ 1.53), *-овник* (§ 1.47), *-яник* (§ 1.47), *-чик* (§ 1.53), *-щик*, *-овщик* (§ 1.68).

-овик → Monosyll (поглощающий сращенный суффикс): *передові́к*, *промысло́вик*, *фронтові́к*, *портові́к*, *пухові́к*, *змееві́к* — [*подосѣ́н']о-вик*, *горѣ́ховик* (см. об этом суффиксе также § 1.37). Эффе́кт Monosyll: *биржеві́к*, *гиреві́к*, *массові́к*, *почтові́к*, *планові́к*, *стендові́к*, *большеві́к*, *меньшеві́к*. Отклонения в сторону непоглощающего типа: *рублѣ́вик*, *целѣ́ковик*, *грѣ́чневик*, *я́чневик*, *на́стовик*.

⁴⁹ Не смешивать с алломорфом *-и'е* (§ 1.53).

-ок (с беглым *о*; все значения): *кулачо́к, узло́к, голубо́к, погребо́к, дымо́к, желто́к, бросо́к, плевко́к, витко́к* — [первопу́т]ок, [самороб́д]ок, [набрóс]ок, [сви́т]ок, [зада́т]ок, [напи́т]ок, [снй́м]ок, [недоу́м]ок, [отго́лбс]ок, [перелёс]ок, *фа́ртучек, овра́жек, оре́шек, бара́шек*. Если, однако, суффикс *-ок* присоединяется к слову, уже оканчивающемуся на *-ок* (с беглым *о*), происходит эффект Деох: *кусочек, звоночек, молоточек* (от *кусо́к, кусо́к* и т. д.). Отклонения в сторону первичности: *поплаво́к, помазо́к, погребко́к, позвонко́к, завитко́к, поддавки́* (ср. также опростившееся *смычко́к*).

Примечание. В уменьшительном значении суффикс *-ок* несоединим с сильным базовым компонентом, кроме случая, когда он оканчивается на шипящую (что практически возможно только при исходном слове на *к, г, х*, а также *н*, см. примеры выше). В других значениях этого ограничения нет.

Уменьшительное *-ок* часто выступает при промежуточном базовом компоненте. В силу особенности, указанной в примечании, у слов не на *к, г, х* такое производное, если оно вообще образуется, имеет ударение *-о́к*: *клено́к, свато́к, брато́к, сахаро́к, юморо́к, шепото́к, запаши́к, адресо́к, якорё́к, флигелё́к* и т. п.; также *рачо́к, слушо́к, но вичу́чек* или *вичу́чок*.

-изн-а → Polysyll (первичный суффикс): *новизна́, белизна́, прямизна́*. Эффект Polysyll: *дешевизна́, дороговизна́, укоризна́*. Отклонения: 1) *головизна́, отчизна́*, 2) *голубизна́*.

-ин-а (отадъективное имя качества): *величина́, тишина́, ширина́, желти́на* — *суту́лина*. Акцентологически сюда же относятся *седина́, быстри́на, цели́на*, имеющие более конкретные значения.

-арь → Monosyll (отыменное): *золота́рь, глава́рь, дика́рь, суха́рь* — [виногра́д]арь, *библиотэ́карь, апте́карь*. Эффект Monosyll: *бухва́рь, волга́рь, штука́рь, пушка́рь, почта́рь*. Отклонения: *мы́тарь, ку́харь* (эти слова примкнули к отглагольным производным с *-арь*, § 1.53); *ры́ба́рь*. Слова *календа́рь, секретáрь* синхронически уже не связаны с *календы́, секрет*.

-ц-а (после сочетания «согласная + л или р» — *-ец-а*): *хрипотца́, крепостца́, зеленца́, пыльца́, трусца́, наглеца́, хитреца́* (ср. *памятца́*, при промежуточном базовом компоненте) — [убий́]ца, [пропóй]ца, [прохла́д]ца, *ехи́дца, шпóрца*. Отклонение: *двэ́рца* (ср. также опростившееся *мы́шца*).

-ц-о/е → Polysyll: *слово́, мясо́, дреяно́, вино́, село́* — *одея́льце, колё́нце, болото́це, са́льце*. Эффект Polysyll: *веретёнце, волоко́нце, око́нце, седельце*. Отклонения: 1) *дэ́льце, тэ́льце, дб́нце*; 2) эффект Polysyll неустойчив в *решётце* || *решето́к, долото́це* || *долото́к*; 3) *зёркальце, збо́лто́це* (т. е. эффект Triv), также *дэ́рево́це* || *дерево́к, кру́жево́це* || *кружево́к*; 4) *озерцо́*.

-ец-о/-иц-е (алломорф предыдущего суффикса, выступающий после сочетания согласных; различие *ец/иц* — чисто орфографическое):

письмецб, ружьецб, пальтецб, серебрецб — строе́ньице, назва́ньице, пла́тьице, крэ́слице. Отклонение: ма́слице.

-ец⁵⁰ (не уменьшительное). 1. Аддитивное (маркировка → Monosyll): *плавунéц, холодéц, образéц, погребéц, дворéц, юнéц, ловéц, ре-зéц, жилéц, певéц* — [*песнопéв*]ец, [*заимодáв*]ец, [*честолю́б*]ец, [*голо-дран*]ец, [*оборва́н*]ец, [*повста́н*]ец, [*прише́л*]ец, *лука́вец, скита́лец, корми́лец, румя́нец*. Эффе́кт Monosyll: *рыбе́ц, стерве́ц, шельме́ц, бегле́ц, истéц*. Отклонения: 1) в сторону первичности — *продаве́ц* (при правильных *книгопродáвец, христопродáвец*), *поставéц, изра-зéц, сорванéц, останéц*, устар. *пришле́ц*; 2) *студене́ц, варене́ц, ме́ч-кладене́ц*; 3) *ли́пец* (мед), *ста́рец, ма́лец, шпóбре́ц*, народно-поэт. *мблodeц* (слова *па́лец, néмец, сла́нец, а́гнец* и т. п. синхронически уже не являются производными).

2. Заменительное (маркировка →), вместо *-ск-* и вместо *-иј-* в составе *-ениј-е-*; *-ец* используется заменительно везде, где есть хотя бы одно из указанных опорных производных (между собой они акцентно не расходятся), кроме слов *са́женец, варене́ц, отвéрженец*, которые образованы от причастий. Примеры: *донéц* — *го́рец, ду́мец, толстóвец, кантиа́нец* (ср. *донско́й, го́рский* и т. д.); *иждивéнец, выдвигéнец, ополчéнец* (ср. *иждивéние* и т. д.); также *партíец* (заменительно от *партíйный*).

-ич: *костромíч, москвíч, тверíч* (ср. в *Тверí*), *Фомíч* — [*сорб-д*]ич, [*собрт*]ич, *шля́хтич, ба́рич* (ср. *ба́ры*), *вля́змич, Никíтич*. Ср. также *псковíч, гдовíч* (промежуточный базовый компонент). Отклонения: *рб́дич, кня́жич*. См. также *-ович*, § 1.47.

-ыш: *короты́ш, малы́ш, голы́ш, глупы́ш, крепы́ш* — [*зарбд*]ыш, [*вклáд*]ыш, [*оббрв*]ыш, *вы́кидыш, вы́игрыш, пога́ныш, несмышлённыш, ду́тыш*. Отклонения: *ка́тыш, гла́дыш, найдёныш* (отпричастное).

§ 1.52. Суффиксы прилагательных.

-ин (фамилии; в число прилагательных помещены условно): *Кочергíн, Бороди́н, Ильи́н, Зимíн, Ногíн* — *Корóвин, Ла́пин, Волóдин* (ср. *-ин* в притяжательных прилагательных, § 1.54). Имеется, однако, довольно много отклонений в сторону маркировки ←. Помимо *Гу́бин, Стру́нин, Сы́тин*, где с исторической точки зрения просто сохраняется старое ударение, таковы, например: *Вдб́вин, Ду́дин, Кб́зин, Смб́лин, Стрé́лин, Трá́вин, Старí́нин* (исчерпывающий список здесь нереален).

-овск- → Monosyll (поглощающий сращенный суффикс). С такой маркировкой *-овск-* выступает только в семантической группе «отрицательных действий (или качеств) типа колдовства, плутовства, хвастовства» (ср. обычное *-овск-*, § 1.48). Перечислим все входящие в эту группу слова с *-овск-* (а также с *-овств-о*, которое связано

⁵⁰ После сочетания согласных *е* устойчивое (*мудрэ́ц, мудреца́*), в прочих случаях беглое.

с *-овск-* отношениями замены): *колдов-скбѣй, -ствѣб, ведьмов-скбѣй, -ствѣб, ведов-скбѣй, -ствѣб, воров-скбѣй, -ствѣб, плутов-скбѣй, -ствѣб, шельмов-скбѣй, -ствѣб, бунтов-скбѣй, баловствѣб* (ср. также акцентно сходное *баловнѣбѣй*), *шутов-скбѣй, -ствѣб, хвастов-скбѣй, -ствѣб, мотов-скбѣй, -ствѣб, фатов-скбѣй, -ствѣб, франтов-скбѣй, -ствѣб*. В современном языке имеет отрицательную окраску и тем самым примыкает к данной группе также *кумов-скбѣй, -ствѣб*. Обособленно стоит *сватов-скбѣй, -ствѣб* (не имеющее отрицательной окраски), но оно семантически связано с *кумовствѣб*. Акцентные исключения: *чертѣбѣскѣй, бесѣбѣскѣй*. Характерно, что примерно при половине слов данной группы имеются также глаголы на *-овѣть*: *колдовѣть, ведьмовѣть, воровѣть, плутовѣть, бунтовѣть, баловѣть*. Других слов на суффиксальные *-овск-бѣй, -овствѣб*, кроме перечисленных выше, в русском языке нет. Таким образом, единая акцентная структура всех слов данной группы отчетливо ассоциируется с указанным кругом значений (ср. в этом отношении окказиональные образования вроде *курвовствѣб*). Примечательно, что у нескольких слов со сходным значением, имеющих неодносложный базовый компонент, требуемая акцентная структура достигается за счет отсутствия морфа *-ов-*: *волшебствѣб, озорствѣб* (ср. *озорнѣбѣй*), *удальствѣб* (ср. *удалѣбѣй*), *щеголь-скбѣй, -ствѣб*. Сюда же примыкали устаревшие акцентные варианты *ханже-скбѣй, -ствѣб*, вытесненные ныне акцентологически стандартными *хѣнже-скѣй, -ствѣб*.

Основная маркировка ←

§ 1.53. Для суффиксов класса ← свидетельства их недоминантности часто лежат в сфере потенциальных слов (см. § 1.39); некоторые из таких слов приводятся ниже. При суффиксах данного класса промежуточные базовые компоненты ведут себя как сильные (§ 1.33). Особенность данного класса суффиксов состоит также в том, что при неосвоенности производного эти суффиксы могут вести себя в соответствии с маркировкой ← Triv. Например, при окказиональном словообразовании могут появиться такие уменьшительные, как *бѣровчик, прѣставчик, стѣрлядка* и т. п. Ниже этот факт уже более не отмечается.

Суффиксы существительных.

-ов-о, -ив-о: *хлѣбово, вѣрево, [пѣжн]иво, мѣсиво*. Отклонение: *огнѣво* (но разг. *огнѣво*). В словах *жнѣво, чтѣво* суффиксальное ударение вынужденное.

-тв-а: *бѣтва, жѣтва, клѣтва, молѣтва*. Отклонение: *жратвѣ* (простореч.).

-ств-о (после шипящих *-еств-о*). 1. Аддитивное: *семѣйство, бѣгство, высѣчество, общество* — [*убѣй*]ство, [*излѣш*]ество, *лѣкомство, имѣщество, дѣвство*; ср. также *новшество, пѣршество* (с морфом *-и-*). Отклонения: 1) *вдовствѣб, родствѣб, сродствѣб, свойствѣб* 'родство' (ср. *свѣйство* 'качество'), *мастерствѣб, божествѣб, рождествѣб, есте-*

ствб, веществб, существб; кроме того, волшебствб, озорствб, удалствб, о которых см. при -овск-, § 1.52; отметим также старшинствб, большинствб, меньшинствб (с морфом -ин-); 2) лекарствб, роскошество; 3) тайнство.

2. Заменительное, вместо -ск- (-еск-); используется заменительно везде, где есть прилагательное с -(е)ск-, кроме слов свойствб, мастерствб, божествб, лекарствб (см. выше). Примеры: щегольствб, плутовствб — дѣтство, звѣрство, толствбство, иночество (ср. щегольскбй, плутовскбй, дѣтскй, звѣрскй и т. д.).

-ј-а (названия женщин; множ. число [у неодоушевленных] и собирательные *pluralia tantum*): колдунья (и прочие на -унья), гбствья; лоскутъя, деревья, колбсья, коренья, перья, листья, дрекблья, лохмбтъя — игуменья, свѣтъя; клйнья, брусья, поленья, [отрѣп]ья, [объѣд]ья. Особые случаи: повбдыя, каменья.

Примечание. Для современного языка уже являются устаревшими собирательные на -ье, параллельные формам мн. числа на -ья (Р. -ьев и т. д.), например, листье, лохмбтые при обычных лист-ья, -ьев, лохмбт-ья, -ьев. Ударение этих устаревших собирательных — такое же, как во мн. числе на -ья (тогда как у живых собирательных с данным суффиксом акцентовка иная, см. § 1.42).

-иј-е (в т. ч. в составе имен действия на -тие, -ние, кроме -ение, о котором см. § 1.67): величие, терние, звѣние, знѣние — [работлѣп]ие, [полушѣр]ие, [бессѣл]ие, [довѣр]ие, [уньѣн]ие, [признѣн]ие, [собрѣн]ие, [снѣят]ие, [вскрѣйт]ие, бросѣние, дѣлѣние, отбрасывѣние. Исключения: остриѣ, бытиѣ, небытиѣ, житиѣ, питиѣ; знѣмение.

-к-а. 1. Аддитивное: сковорбдка, кочерѣжка, чудѣчка, лошѣдка, перепѣлка, игблка, дѣрка — [наббй]ка, [загорбд]ка, ягодка, капелька, пѣговичка, качѣлка, прыгалка, морозѣлка (морф -и- ↓ D). Отклонения: 1) дѣнежка, цѣркбвка, сбсенка (/|сосѣнка); 2) линѣйка (ср. -ейн-, -ейск-, § 1.41), черпѣлка, невидѣмка, гребѣнка, щѣбѣнка, кухѣрка, венгерка.

2. Заменительное: а) в названиях женщин, вместо -ец, -ин; б) в производных, служащих сокращением для сочетания «прилагательное + существительное», вместо -н-, -н’-, -ск-. Примеры: бѣженка, торбвка, сѣмка, афѣнянка, татѣрка, армянка (ср. бѣженец, торбвец, самѣц, афѣнянин, татѣрин, армянѣн); вечбрка, «Комсомблка», мѣчманка, разг. слесѣрка (ср. вечерняя газета, «Комсомбльская правда», мѣчманская фуражка, слесѣрные работы). См. также -очк-а ниже, -овк-а, -инк-а, -ишк-а (§ 1.47).

-к-о: ведѣрко, сердѣчко, колѣчко — яблочко, окбшечко. Отклонения: 1) пивкб, мяскб, ушкб ‘отверстие’, ѣшкб (уменьшительное), брюшкб, озеркб (следы более старой маркировки с Marg), также молочкб; 2) зблотко, обблачко, дѣтѣтко. Особо стоят названия лошадиных мастей: здесь -к-о ведет себя по классу →: воронкб, гнедкб, серкб, буланкб. См. также -очк-о ниже.

-ик (уменьшительное [отсубстантивное]): карандѣшик, комѣрик, волбсик, козырик, слбник, дбмик — [расскѣз]ик, сквѣрик, автббусик,

ср. также свободно образуемые окказиональные *минусик*, *штопорик*, *парусик*, *кбмпасик* и т. п.

-ник. С акцентологической точки зрения, основная сложность здесь в различении случаев типа *наста́в-ник* (где выступает суффикс *-ник* ←, который действует как поглощающий, т. е. несмотря на существование слова *наставно́й*) и типа *отставн-и́к* (где выступает просто *-ик* →, т. е. *-ник* не дает поглощающего эффекта). После приставочно-корневого комплекса *-ник* обычно бывает поглощающим, ср. *наста́вник*, *отхóдник*, *зака́зник*, *запа́сник*, *отсту́пник*, *угóдник*, также при отсутствии прилагательного — *вса́дник*, *нае́здник* и т. п.; особо отметим *помóщник*, *подви́жник*. Исключения составляют слова, семантически эквивалентные субстантивированному прилагательному (*отставни́к*=*отставно́й военнослужащий*, также *выходни́к*, *отпускну́й*, *выпускну́й*, *приписну́й*, ср. еще *озорну́й*); кроме того, *подрывни́к*, *взрывни́к*, *проводни́к*, *связни́к*, *пропускну́й*. Этому образцу следует также *истопни́к*. Не после приставочно-корневого комплекса *-ник*, как правило, бывает непоглощающим, ср. *коренн-и́к*, *мясн-и́к*, *капу́стн-ик*, *сбчн-ик* и т. п. Единое *-ник* выступает здесь лишь при отсутствии соответствующего прилагательного с *-н-* (*-н'*): *оси́нник*, *рабóтник*, *лоша́дник*, *слóвник*. Имеется, однако, значительная группа слов, где выступает «незаконное», с точки зрения современных правил, ударение *-ни́к* (в приводимом списке соединены случаи, где прилагательное с *-н-* есть, но имеет иное ударение, и где его просто нет): *бечевни́к* (||*бечёвник*), *ледни́к* (в горах; ср. *ле́дник* 'погреб'), *холодни́к*, *блудни́к*, *рудни́к*, *межни́к*, *должни́к*, *острожни́к* (от *острога́*), *плужни́к*, *пазни́к*, *слезни́к*, *лозни́к*, *тайни́к*, *гнояни́к*, *ройни́к*, *денни́к*, *голосни́к*, *колосни́к*, *росни́к*, *клетвни́к*, *локотни́к*, *золотни́к*, *потни́к*, *воротни́к*, *похотни́к*, *тростни́к*, *мутни́к*, *шутни́к*, *колошни́к*, *сош-ни́к*, *душни́к*, *пальни́к*, *тальни́к*. Большая часть этих слов отражает более старую маркировку суффикса *-ник*: ← Marg. В *ви́сельник* (от *ви́селица*) суффикс *-ник* действует как заменительный.

-чик (все значения): *каба́нчик*, *рука́вчик*, *колоко́льчик*, *су́пчик*, *вбзчик*, *но́счик*, *да́тчик* — *дива́нчик*, *а́нгельчик*, *кла́панчик*, [на́ла́д]-*чик*, [заха́т]чик, [сда́т]чик. Отклонение: *метчи́к* (инструмент).

-очк-а, **-оньк-а**: *звёздочка*, *ко́сточка*, *голово́нька*, *но́ченька* — *се-кю́ндочка*, *да́мочка*, *берёзонька*, *тётьенька*; ср. также потенциальные *кафе́дрочка*, *ягодонька* и т. п. Отклонения: *цепб́чка*, *дош́чекка*.

-очк-о, **-ечк-о**: практически только *вре́мечко*, *се́мечко* (и прочие от слов на *-мя*), *у́тречко*, *си́течко*, *не́щечко*, *ча́дочко*; отклонение: *ме-стё́чко*. В прочих внешне сходных словах (*слове́чко*, *ведё́рочко*) выступает простое *-к-о*.

-ушк-а (ласкательно-почтительное, в частности, народно-поэтическое) *голубу́шка*, *лебе́душка*, *жёну́шка* — [сосе́д]у́шка, *свекрóвушка*; ср. также потенциальные слова вроде *ста́росту́шка*. Относительно *-ушк-а* в других значениях см. § 1.41.

-ушк-о, -ышк-о, -ушек, -ышек: *пóлюшко, зёрнышко, пупы́рышек, ко́лышек* — *го́рлышко, клéйнышек*; ср. также потенциальные слова вроде *ло́конышек*.

-л-а (первичный суффикс): *хн́йкала, запева́ла, заправи́ла* (морф *-и- ↓ D*).

-л-о (первичный суффикс): *нача́ло, бё́ло, пё́кло, сто́ило* — *бры́згало, хрё́кало, покрыва́ло, мерё́ло* (морф *-и- ↓ D*). Ударение *черпа́ло* соотносено с разг. *черпа́ть*. Отклонения: 1) в сторону класса →: *помелóб, греблóб, скреблóб, седлóб, мазлóб, треплóб, теслóб, пуглóб* (ср. также опростившиеся *соплóб, жерлóб* и др.); 2) *пугало, дýхало*.

-тель (первичный суффикс): *издáтель, жítель* — *двúгатель, дéлатель, исслéдователь, правítель* (морф *-и- ↓ D*).

-ня (все значения, кроме отглагольных имен действия и отыменных собирательных, ср. § 1.42): *вечёрня, повáрня, гончáрня, скворéчня, двóйня, бóйня, пáшня* — [*каменолóб*]ня, [*шерстолóб*]ня, [*сплёт*]ня, *штóпальня, красíльня* (морф *-и- ↓ D*), *голубýтня, карау́льня, печáтня*. Отклонения: 1) в сторону первичности и класса →: *западн́я, размазн́я, ступн́я, мотн́я* ('часть невода' и др.), *квашн́я; четвёрн́я, пятерн́я* и т. д. (от числительных); также *лыжн́я* (с эффектом *Моросyll* или *D*), *рóвн́я, нерóвн́я* (ср. еще *головн́я, пешн́я, клешн́я*, с остаточными базовыми компонентами); ударению *-н́я* здесь способствует взаимодействие с теми группами слов на *-ня*, где такое ударение регулярно (§ 1.42); 2) *кофе́йня, пека́рня, тока́рня, слесáрня* (в соответствии с прилагательными на *-ный*), *коню́шня, исповедáльня*. См. также *-овн-я* (§ 1.41, 42), *-отн-я* (§ 1.42).

-арь (отглагольное): только *ле́карь, пё́карь, то́карь, пíсарь, пáхарь*, также *знáхарь*. Сюда же примкнуло непроизводное *слёсарь*, а также отыменные производные *мы́тарь, кúхарь*. Отклонение: *сека́рь*; кроме того, *бунта́рь, коса́рь, звона́рь* в акцентном отношении ведут себя как производные от *бунт, коса́, звон*, хотя семантически они теснее связаны с соответствующими глаголами.

-ость: *жívость, свúтость, весё́лость, мудрёность, вёрность* — *сурбóвость, кáверзность, [порýв]истость*. Вынужденное суффиксальное ударение: *злóсть*. Отклонения: *мóлодость, хблóдность*.

Примечание. Суффикс *-ость* несоединим с односложными (а также с производными односложными) основами прилагательных на *-бй*, кроме *мóлодость* от *молодбй*. Слова *рáзвитость, удáлость, очерёдность* соотносятся с акцентными вариантами *рáзвитый, удáлый* и ненормативным *очерёдный*.

-еу ← *Triv* (уменьшительное): *счётеу, хлэ́беу, сýпеу* — *морóзеу, билéтеу, [нарóд]еу, бра́теу*. Производные с ударным *-еу* (*столбéу, ларéу* и др.) в современном литературном языке уменьшительное значение, как правило, уже утратили. В разговорной речи и просторечии возможны, однако, экспрессивные образования на *-(е)у́* в Р. ед.: *спиртеу́, овсеу́* и т. п.

-и-а ← Triv (названия женщин): *опеку́нша, секретáрша, при-
ставша — генерáльша, фёрмерша, до́кторша, слéсарша, хáнша.*

-бищ-е (поглощающий сращенный суффикс): *кля́дбище, стóйбище,
стрéльбище, гу́льбище.*

§ 1.54. Суффиксы прилагательных.

-(у)j (притяжательные прилагательные): *собóлий, лебáжий, стер-
ля́жий, казáчий, ко́зий, бо́жий — кро́личий, чиновничий, стару́шечий,
оле́нный.*

-к-: *громóздкий, сторóжий, ломкий, бо́йкий — [трудоём]кий,
[дальнóзр]кий, обл. сиверкий.* Отклоняется только обл. *то́ропкий.*

-ск-, -еск-: *январский, посóльский, же́нский, сво́йский, зве́рский,
го́рский, де́тский, оте́ческий, пасту́шеский, дру́жеский, княже́ский —
[поса́д]ский, банди́тский, това́рищеский, а́нгельский, до́кторский,
ма́стерский, брденский, хáмский.* Отклонения: *островско́й, слободско́й,
городско́й, людско́й, рядско́й, мужско́й, ямско́й, поварско́й, писарско́й
(//писарский), кучерско́й, мирско́й, морско́й, хуторско́й, де́нь-де́нь-
ско́й,* также *мастерско́я*; в этих случаях отразилась более старая
маркировка данного суффикса (← Marg). О словах *цегольско́й,
ханже́ско́й (//ха́нже́ский)* см. при *-овск-*, § 1.52. В словах *заводско́й*
и *складско́й* аномальным образом приставочно-корневые комплексы
трактуются как глагольные (по модели *заводно́й, складно́й*). Особую
группу слов на *-ско́й* образуют географические наименования: *псков-
ско́й* (но чаще *псковский*), *серпуховско́й, чудско́й, чуломско́й, костром-
ско́й, сумско́й, двинско́й (//двинский), донско́й.* Другой тип откло-
нения: *венге́рский.* См. также *-овск-* (§ 1.48, 52), *-ийск-, -ейск-* (§ 1.41).

-еньк- (также *-оньк-* после *к, г, х*); производное имеет только пол-
ные формы (см. Грамм., с. 75, § 11): *молбде́нький, голу́бенький, хо-
лбдне́нький, прбстенький — краси́венький, кори́чневенький.*

-л- (первичный суффикс): *уста́лый, уны́лый, спéлый, па́лый, вя-
лый, ча́хлый, рб́лый, приш́лый — лежа́лый, очумéлый, заплéсневе́лый.*
Отклонения: *удалóй (//уда́лый), жилóй, пожилóй, гнилóй, былóй,
прибылóй, убылóй*; фактически это производные от глаголов с подвиж-
ным ударением в прош. времени (но с синхронической точки зрения
данный тип связи с ударением глагола уже не может быть описан
никаким регулярным способом).

-н'-: *доче́рный, осе́нный, сторóнный — [иногоро́д]ный, [многосто-
ро́н]ный, [заму́ж]ный, бра́тний.* Отклонение: *ма́терний.*

-ин (притяжательные прилагательные) ← Triv: *же́нин, се́стрин,
до́черин, ма́терин — па́пин, те́тин, Володи́н* (ср. *-ин* в фамилиях,
§ 1.52). Отклонение: *Ильи́н* (схема *b*) в сочетании *Ильи́н де́нь.*

Примечание. Продуктивно здесь только соединение с сильными
основами; соединение со слабыми основами в литературном языке исчерпыва-
ется словами *же́нин, се́стрин, доче́рин, ма́терин, Ильи́н.*

-ни- (причастия и отричастные прилагательные), -н- (отричаст-
ные прилагательные); первичные суффиксы с маркировкой ← Polu-

syll: *да́нный, за́нный, прѣданный, пере́ванный*⁵¹, *раско́панный, разри́сованный, тка́ный, трѣпанный* — *продѣланный, помѣлованный, вы́работанный, што́панный*. Отклонения: 1) причастия *венча́нный* (царским венцом), *обуя́нный*; прилагательные *несказа́нный, желѣ́нный, недремѣ́нный, ока́нный, пока́нный, постоя́нный, назва́нный* (однако в *беспреста́нный, неуста́нный, благоуха́нный, безды́ханный* следует усматривать просто суффикс *-н-* после основы на *н*); 2) *пѣреданный*.

З а м е ч а н и е. Хотя формально помета Polysyll действует здесь совершенно так же, как обычно, в сущности мы имеем здесь дело с особой ситуацией, нормой фактически является ударение типа *разрисованный, прѣданный* (на второй гласной слева от суффикса), а ударение типа *да́нный* выступает как вышужденное. Дело в том, что здесь (как и в причастиях с *-т-*, ср. ниже) в действительности представлена техника акцентовки, характерная для словоизменения, а не для словообразования: акцентная оппозиция типа *разрисова́л* — *разрисова́н* выражает противопоставление залогов внутри претеритной субпарадигмы (ср. § 4.4).

-енн- (отыменное): *торжѣ́ственный, ро́дственный* — *солóменный, фі́рменный, коли́чественный*. Отклонения: *тайнствен́ный, войнствѣ́нный*.

-шн': *вчера́шний, вне́шний, ны́нешний, сегóдняшний*.

-т- (причастия и отпричастные прилагательные; первичный суффикс). 1. Заменительное (с маркировкой ←), вместо *-ли* в мн. прош. (у корневых глаголов, кроме глаголов на *-олоть*): *наду́тый, разби́тый, за́пертый, нача́тый, пере́житый* (ср. *наду́ли, разби́ли, за́перли, нача́ли, пере́жили*); при этом, однако, для глаголов на *-нять* с неодносложной основой литературная норма не допускает ударения *-ня́тый*, даже если допустимо *-ня́ли*, ср., например, *обня́тый* при *обняли* // *обня́ли*. Отклоняется ряд отпричастных прилагательных: 1) *вита́й, завитѣ́й, развитѣ́й* (// *разви́тый*), *обжитѣ́й, литѣ́й, налитѣ́й, разлитѣ́й, пропитѣ́й, спитѣ́й, испитѣ́й, занятѣ́й, снятѣ́й*, также субстантивированное *поя́тѣй*; 2) *прокля́тый* (ср. еще *завя́тый, предвя́тый*, для которых нет глаголов). 2. Аддитивное, с маркировкой ← Polysyll (у *по-*глаголов и глаголов на *-олоть*): *гну́тый, избѣ́нутый, сту́кну́тый, ко́лотый, вы́колотый*.

-чат- (поглощающий сращенный суффикс): *желóбчатый, ба́рломчатый, бревѣ́нчатый, игóльчатый, сѣ́тчатый* — [*взры́в*]чатый, [*вы́ем*]чатый, *ресни́тчатый*. Поглощающий эффект ясно виден, например, в *прóбчатый, клеѣ́нчатый, рисун́чатый, пѣльчатый, ко́льчатый* и т. п. (от *прóбка, клеѣ́нка, рисун́нок, пѣлец, ко́льцо*): делению типа *кромч-ат-ый, кольч-ат-ый* соответствовало бы ударение на *-ат-*,

⁵¹ Как видно из этих примеров, обычная приставка образует часть глагольной основы (т. е. плотно присоединена к корню); ср. неплотное присоединение приставки *не*, например, в *неза́нный, нежда́нный*. Ударение не переходит также на первую основу в сложениях: *домо́танный, перво́зданный* и т. п. (это можно интерпретировать как эффект неплотного присоединения или как эффект именного комплекса).

поскольку *-ат-* относится к классу ↓ D. Поглощающий эффект распространяется только на суффиксальное *-ч-* (*-ц-*, *-к-*), поэтому его нет в *камчатый*, *внучатый*, *доучатый* (*досчатый*). Отклонения: сравнительно устойчивые — *тройчатый*, *крупчатый*, *брусчатый*, *крестчатый*; неустойчивые — *столбчатый*, *звездчатый*, *глазчатый*; ср. также нормативные *зубчатый*, *хлопчатый* и разговорные *зубчатый*, *хлопчатый*. Отклонения представляют собой акцентные архаизмы, которые в разговорной речи имеют тенденцию устраняться.

-ист- ← Triv (в химических и технических терминах со значением 'содержащий соответствующее вещество'): *слюдистый*, *углистый*, *сталистый*, *йбдистый*, *хрбмистый*, проф. *сёрнистый* (при нормативном *сернистый*) — [*кремнезёмистый*, *фосфористый*, *никелистый*, сюда же примыкает *слизистый*. Специально отметим, что близкие по значению прилагательные нетерминологического характера (качественные), например: *золистый*, *смолистый*, *илистый*, сюда не относятся; они входят в основную группу слов с *-ист-* (§ 1.48).

-вш-, *-ш-* (причастия), также *-в-*, *-виш-*, *-ши* (деепричастия): *растёр-ший*, *-ши*, *растерёв*, *сберёг-ший*, *-ши*, *сделав-ший*, *-ши*, *сделав*. Отклонения: *заперший*, *запершись*, *отперший*, *отпершись*, *замерший*, *-ши* (аналогично с *об-*, *по-*), *перемёр-ший*, *-ши*, *опершись*.

В данную группу входят также показатели компаратива *-е*, *-ше*: *молбже*, *чище*, *старше*, *дольше*.

§ 1.55. Суффиксы глаголов.

-(е)ствова-ть (поглощающий сращенный суффикс): *вдóвствовать*, *бédствовать*, *звёрствовать*, *купéчествовать* — *здравéствовать*, *орáторствовать*. Отклонения: 1) *благóвестествовать*, *повестествовать*, *торжéстествовать*, *вспомоществовать*, *существовать*, *долженествовать*; 2) *войнествовать*.

-ыва-ть (первичный суффикс): *звязывать*, *пошевэливать*, *хáживать* — *раскúпоривать*, *засáхаривать*, *о[безврёж]ивать*.

-ича-ть, *-нича-ть*: *нагличать*, *подличать*, *жа́дничать* — [*рото-зéй]ничать*, *бродя́жничать*, *я́бедничать*, *попрошáйничать* (от *попрошáйка*), *сúмерничать* (от *сúмерки*). Отклонение: *домовни́чать*. Слово *озорни́чать* акцентно правильно при разложении *озорнич-а-ть*. В прочих случаях между разложением типа *я́бед-нича-ть* и типа *я́беднич-а-ть* акцентной разницы нет.

-ну-ть (выпадающее в прош. времени [хотя бы в части форм]; первичный суффикс): *осла́бнуть*, *окре́пнуть*, *прого́ркнуть*, *охри́пнуть*, *сти́хнуть*. Такая акцентовка представлена и в тех случаях (довольно многочисленных), когда глагол не может рассматриваться как производный от какого-либо морфологически более простого слова, например: *я́бнуть*, *насти́гнуть*, *пове́ргнуть*, *ме́ркнуть*, *па́хнуть*, *вя́нуть*, *сти́нуть* и т. п.

СУФФИКСЫ С УСЛОЖНЕННОЙ АКЦЕНТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ

Связь акцентуации с противопоставлением качественных и относительных прилагательных

§ 1.56. В современном русском языке у производных прилагательных обнаруживается следующая закономерность: качественные прилагательные за очень немногими исключениями имеют в полных формах наосновное ударение (тогда как у непроизводных этого ограничения нет, ср. *сухóй, молодóй* и т. п.). Так, суффиксы, с помощью которых образуются именно качественные прилагательные, никогда не имеют → в своей маркировке; ср., в частности, *-к-* ← (например, *жа́ркий*), *-еньк-* ← (*моло́денький*), *-лив-* ↓ (*хвастли́вый*), *-ист-* ↓ (*цвети́стый*), *-аст-* ↓ D (*цвета́стый*), *-ав-* ↓ D (*велича́вый*), *-ив-* ↓ D (*краси́вый*), *-ит-* ↓ D (*масти́тый*), *-уц-* ↓ D (*дли́нющий*) и др. Что же касается суффиксов, дающих как качественные, так и относительные прилагательные, то здесь может произойти акцентное «расщепление» суффикса; а именно, оно обязательно происходит там, где относительные прилагательные образуются в соответствии с маркировкой →: для качественных прилагательных в этом случае используется другая маркировка (← или ↓). В таком положении находятся прежде всего суффиксы *-н-* и *-ов-*: ср., например, *дверно́й, подвесно́й, путево́й* и *дру́жный, протя́жный, путево́й* (в менее яркой форме эти соотношения выступают при суффиксе *-ян-*, см. § 1.64).

Общеизвестно, однако, что противопоставление качественных и относительных прилагательных нестрогое: во-первых, потому, что нестроги сами понятия качественного и относительного значений, во-вторых, потому, что во многих случаях у одного и того же прилагательного имеются как относительные, так и качественные значения. Тем самым использование в акцентологических правилах понятий качественного и относительного прилагательного неизбежно означает потерю формальной строгости. Однако, сколь бы ни была огорчительной такая потеря, анализ материала все же заставляет признать, что современное русское ударение фактически реагирует именно на это различие. В «чистых» случаях эта зависимость проявляется совершенно отчетливо; более размытая картина, наблюдаемая в различного рода промежуточных и нечетких случаях, не может поставить под сомнение наличие самой зависимости.

Таким образом, при описании акцентуации прилагательных с *-н-* и *-ов-* полная формальная строгость может быть достигнута лишь с помощью списков; как сводный список такого рода можно рассматривать, например, Грамм. С другой стороны, полезные обобщения (позволяющие, в частности, делать предсказания о новом материале) здесь можно достичь лишь на уровне неполной строгости (по крайней мере, при современном уровне точности в описании

значений). Во всяком случае, совершенно иллюзорны встречающиеся иногда попытки повысить в этом пункте строгость акцентологического описания, подменив противопоставление «качественные — относительные» противопоставлением «имеющие краткие формы — не имеющие их» (см., в частности, Редькин, с. 189). В самом деле, наличие или отсутствие кратких форм фактически само определяется, во-первых, качественным или относительным значением прилагательного, во-вторых, ударением полных форм (ср., например, отсутствие кратких форм у *пробивной*, *роковой*). Главное же в том, что в сознании носителей русского языка нет четкого разграничения между прилагательными, имеющими краткие формы и не имеющими их; тем самым опора на этот признак никак не повышает строгости изложения.

Таким образом, практически мы будем исходить из традиционного нестрогого представления о качественных и относительных прилагательных; см., в частности, АГ-80, т. I, с. 541. Отметим здесь лишь некоторые детали, существенные для дальнейшего. Прилагательные со значением цвета, в соответствии с традицией, рассматриваются как качественные (хотя они несколько отличаются от основного массива качественных прилагательных в том, что касается возможных вариаций интенсивности признака). У отглагольных прилагательных относительные значения носят несколько специфический характер. Наиболее типичны здесь значения: 1) 'получаемый в результате соответствующего действия' (например, *нашивной*, *заказной*); 2) 'предназначенный (приспособленный) для того, чтобы быть объектом соответствующего действия' (например, *откидной*, *раздвижной*, *складной*). Заметим, что последнее значение иногда сближается с качественными; в прилагательных *слышный*, *неслышный*, *видный* 'visibilis', семантически близких к этой группе, мы имеем дело уже просто с качественным значением.

Для акцентологического описания суффикса *-ов-* оказывается необходимым также подразделение относительных прилагательных на: 1) прилагательные, которым мы даем рабочее обозначение «полукачественные», и 2) чисто относительные, т. е. остальные. К категории «полукачественных» принадлежат прилагательные со следующими значениями (символ *X* заменяет исходное имя): а) 'мерой в одну единицу *X*' (или 'в несколько единиц *X*' — при сложной основе), например, *пудбовый*, *двухметровый* (это значение близко к качественным);

б) 'масти *X*', 'из категории, отмеченной знаком *X*', например, *бубновый*, *гербовый* (это значение близко к цветовому);

в) 'изготовленный из мяса (шкур, костей и т. д.) животного *X*, из древесины (ветвей, листьев) растения *X*, из ткани (нити, шерсти) *X*, из твердого стройматериала *X*', например, *бобровый*, *дубовый*, *шёлковый*, *тесовый*;

г) 'приготовленный из *X* или с *X* в качестве определяющего компонента' (о кушанье), например, *медовый*, *фруктовый*.

Прочие значения являются чисто относительными. Таковы, в частности, значения 'свойственный X', 'касающийся X', 'предназначенный для X', 'происходящий от (из-за) X', 'снабженный X-ом', 'расположенный в (около) X', 'имеющий вид X', 'являющийся частью X', 'являющийся X-ом' и др.

Большая практическая трудность связана с тем, что производные прилагательные, как правило, многозначны и нередко совмещают качественные значения с относительными (или полукачественные с чисто относительными). При таком совмещении может оказаться, что одно значение требует по правилу одной акцентовки, а другое — другой. Фактически, однако, акцентное единство лексемы в таких случаях почти никогда не нарушается, а именно, одно из значений выступает как главное и определяет акцентовку слова в целом (во всех значениях). Например, у слова *дуббвый* акцентуация определяется значением «сделанный из древесины дуба» (ср. *дуббвый стол*), но она выступает и при других значениях (например, в *дуббвый лист*, *дуббвая роца*), которые сами по себе требовали бы иной акцентуации.

Как правило, акцентуация определяется тем значением, в котором слово выступает чаще всего. Трудные случаи совмещения разнотипных значений отмечены ниже индивидуально. Здесь укажем лишь следующий более общий факт: для производных с *-ов-* от названий животных, деревьев (и иных растений) и тканей акцентологически главным является полукачественное значение (см. выше, пункт «в»). Лишь у нескольких слов это не так, поскольку здесь полукачественное значение неактуально или даже вовсе отсутствует: *трутневбй*, *шершневбй*, *зверовбй*, *хмелевбй*, *плющевбй*.

Суффикс *-н-*

§ 1.57. Суффикс *-н-* (первичный) — самый сложный в акцентологическом отношении из всех русских суффиксов. На его акцентное поведение влияют: 1) несколько собственно лингвистических факторов — качественное или относительное значение производного прилагательного, его отыменный или отглагольный характер, акцентный тип производящего слова; 2) прагматический фактор (§ 1.5).

Акцентное действие прагматического фактора здесь таково: неосвоенное (непривычное, редкое) прилагательное с *-н-* стремится получить тривиальное ударение, совпадающее по месту с И. ед. производящего слова (если только ударение здесь не флексийное). Формально это значит, что суффикс *-н-* ведет себя в данном случае в соответствии с маркировкой ← Triv. Так, в индивидуальной речи при неосвоенности соответствующего слова могут встретиться, например, такие ударения, как *тѐремный*, *скбростный*, *плбскостный*, *кѳзовный*, *штѳбный*, *зѳркальный*, *вѳтошный*. В сущности речь здесь идет о построении этих слов в акте речи заново по простейшим моделям. Существенно, однако, что для части слов тривиальное ударение,

вызванное прагматическим фактором, включено в литературную норму. Сюда относятся, во-первых, слова устаревшие или имеющие возвышенно-книжную окраску, например, *чёрмный, хладный, гробный*, во-вторых, многие редкие слова, которые для подавляющего большинства носителей языка в сущности относятся к категории потенциальных слов (конструируемых заново в случае необходимости), например, *збнный, брбнный, обручный*. Действие прагматического фактора накладывается на действие собственно лингвистических факторов, создавая в сфере редких слов ряд отклонений от основных правил.

Отвлекаясь от индивидуальных отклонений, акцентные свойства суффикса *-н-* в терминах маркировок можно представить так ⁵².

I. При неосвоенности: ← Triv.

II. При освоенности.

1. В качественном значении: ←.

2. В относительном значении

а) у отыменных: ← Marg;

б) у отглагольных: →.

Примечание. Имеется несколько особых случаев, когда при соединении производящей основы с суффиксом *-н-* в ней происходит сдвиг ударения на конечный слог (не связанный с акцентными свойствами суффикса *-н-* как такового). Сюда относятся: 1) прилагательные на *-ийный, -ейный*, например, *линейный, гарантийный* (подробнее см. § 1.41), а также *случайный, необычайный*; 2) *бондár-ный* ⁵³, *пекáр-, тоkáр-, слесáр-*; *служéb-, смокóв-, полéз-, разúм-, поскóн-, характёр-, нýрпýр-, ужáс-, прелéст-, завéст-, ненавéст-, роскош-, ветóш-, пустóш-, боздúш-, свегóль-* (ср. § 1.30, замеч.); также *áтóмный вес* (отметим еще нелитер. *свадébный, кухóнный*) ⁵⁴. В дальнейшем разборе эти слова в списках исключений уже не упоминаются.

Рассмотрим действие приведенных правил более конкретно.

Качественные прилагательные

§ 1.58. Маркировка ← реализуется в этом классе прилагательных (насчитывающем несколько тысяч слов) с высокой степенью последовательности. Примеры: *бéd-ный, голбд-, холбд-, дрúж-, гряз-, стрáст-, стрáш-*; *гбд-, тóм-, спéш-, нещáд-, развúз-, опáс-, заунúв-, беспрерúв-, непрерúв-* ⁵⁵; также для слов с промежуточной по силе

⁵² Напомним, что маркировки непосредственно предназначены для установления акцентуации полных форм производного прилагательного; акцентуация кратких форм (если они есть) устанавливается затем по общим правилам (см. § 1.16).

⁵³ Общая часть *-ный* для сокращения записи опущена; аналогично и в ряде последующих списков.

⁵⁴ Слова (*не*)*достúпный, непристúпный, способный* образованы не от *дбстун, пристун, спóсоб*, а по общей модели отглагольных производных (§ 1.60).

⁵⁵ Приставка *не-* в словах типа *непрерúвный, неотвúзный* и т. п. присоединена плотно; она практически синонимична здесь приставке *без-* и создает значение 'неспособный (непригодный) к соответствующему действию'.

основой (§ 1.30, В): *гнёв-ный, стáт-, образ-, пла́мен-, трéнет-, гóрест-, я́рост-, ме́лоч-*. Отметим, что наосновное ударение имеют и те качественные прилагательные с *-н-*, где исходного слова в современном языке уже нет, например: *блédный, ко́сный, те́сный*. Особенно наглядны случаи, где прямо противопоставлены качественное и относительное прилагательное с одинаковой основой, в частности: *сте-пéнный — степенный* (в математике); *вре́менный — временной* (например, интервал); *образный — образной* 'иконный'; *ме́лочный человек — мелочная лавка; стра́стная любовь — страстная неделя; квáсный 'квашеный, кислый' — квасной* (чан и т. п.); *пла́вный переход — плавная сеть; свя́зный рассказ — связной офицер; скла́дная речь — складной стул; неотлб́жное дело — отложной воротник; протя́жный звук — протяжной механизм*.

Поскольку граница между качественными и относительными прилагательными нестрога, понятие исключения в данном случае тоже оказывается нестрогим. Явными исключениями можно считать: а) *чуд-ной, бла́ж-, срам-, дрян-, дур-, цвет-, смеш-, шаль-, хмель-* (/хмельный), *боль-*; *корен-, сволоч-*⁵⁶; б) *балов-, пробив-, пролив-, показ-, озор-, разбит-*. Здесь сохранено ударение, свойственное: в группе «а» — относительным прилагательным (§ 1.59; флекссионное ударение определяется здесь эффектом Marg), в группе «б» — отглагольным прилагательным (§ 1.60). Кроме того, качественные значения занимают существенное место в семантической структуре прилагательных: *род-ной, зем-, руч-, сплош-, основ-, продув-, потай-* (данный список, вообще говоря, можно несколько расширить). Неправильное место ударения внутри основы: *бе́режный, вре́менный*. См. также § 1.57, примеч.

Относительные прилагательные

§ 1.59. У отыменных относительных прилагательных с *-н-* действует, хотя и не совсем последовательно, архаичный принцип акцентовки, отражаемый маркировкой ← Marg. Примеры с сильными производящими основами: *ры́б-ный, лы́ж-, се́р-, жи́т-, глаго́ль-, кана́т-, тролле́йбус-, насто́ль-, безлоша́д-, левобере́ж-, подчъéзд-* (от *подчъéзд* 'часть здания'); со слабыми (но не маргинально-подвижными): *тру́б-ный, зве́зд-, бли́н-, ко́н-, ство́ль-, колба́с-, широт-, бага́ж-, кула́ч-*⁵⁷; с промежуточными (которые в силу основной маркировки ← у суффикса ведут себя как сильные, см. § 1.33): *пля́ж-ный, ю́ж-, шта́т-, му́скуль-, ко́мпас-, га́лстуч-, фа́кель-, мебе́ль*. Специально отметим, что в числе прочих промежуточных основ как сильные ведут себя и основы слов «группы *якорь*» (т. е. они не под-

⁵⁶ Отметим еще устаревшие *честной, мирной*, также *мелочной* (о человеке); ср. обычные *честный, мирный, мелочный*.

⁵⁷ Сюда же прилагательные на *-есный*, например, *небесный, словесный*: в современном языке они должны рассматриваться как производные от отдельных лексем *небеса́, словеса́* и т. д. (а не от *небо, слово*).

падают под действие пометы Marg); примеры: *якор-ный, бу́фер-, ла́гер-, ве́ксель-, адре́с-, па́рус-, па́спорт-, ка́мен-, у́голь-, ла́пот-* и т. п.

Примеры эффекта Marg: *штаб-но́й, губ-, зуб-, нож-, глаз-, двой-, зем-, стен-, спин-, степ-, двер-, лес-, спирт-, свеч-, печ-, ноч-, руч-, уш-, пуш-; кружев-, голов-, остров-, площад-, тормоз-, зелен-, племен-, имен-, череп-, четвер-, номер-, четверт-, област-, должност-, крепост-, целоч-, овоц-; очеред-, поезд-, окруж-, подат-, возраст-*. То же для «группы воск»: *сап-ной, блат-, пив-, сен-* (от *се́но*), *мяс-, брюш-, сталь-*; ср. также *сквозно́й, сплошно́й*. Эффект Marg наступает даже при факультативной маргинальной подвижности у производящего слова, ср., например, *изно́й, речно́й, челюстно́й*. В нескольких случаях ударение производного соответствует ненормативной акцентровке исходного слова: *штрафно́й, гребенно́й, хоботно́й, прочностно́й* (ср. простореч. *штрафо́й*, професс. *гребне́й, хобото́в, прочносте́й*).

Отметим еще несколько слов с остаточным базовым компонентом: *порт-но́й, тряп-, тref-*.

Важнейшее отклонение от маркировки ← Marg состоит в отсутствии эффекта Marg. Из слов с односложной основой сюда относятся⁵⁸: *хле́б-ный, збб-, брбв-, ста́д-, вбд-, сне́ж-, ча́й-, са́н-, го́р-, сб́р-, флю́с-, ме́ст-, ко́ст-, шёрст-, бч-, ве́щ-, ба́ль-, дб́ль-, те́ль-, мýль-, тýль-* (ударение колеблется при базовых компонентах *сет-* [от *сеть*], *шкаф-, строч-*). Из этих слов часто встречаются следующие (в скобках указана их частота по Частотн.): *ме́стный* (135), *го́рный* (94), *сне́жный* (38), *вбдный* (31), *хле́бный* (22), *ча́йный* (17). Остальные слова — относительно редкие (у *ба́льный, мýльный* частота 6, *тýльный* 3, *те́льный* 1, прочие вообще не попали в Частотн.). По крайней мере для части этих слов (*ве́щный, ба́ль-, дб́ль-, те́ль-, мýль-*; то же верно для *сне́жный, хле́бный*). В слове *бчный* ударение выровнено по антониму *забчный*.

Из слов с неодносложной основой сюда относятся: а) *бу́руб-ный* (от *бу́руби*), *де́неж-, при́стан-, зна́мен-, ска́терт-, лб́наст-, об́лач-, об́короч-, об́руч-* (//устар. *обру́ч-*); ср. также *ма́терный*; б) *сковоро́д-ный, госпи́та́ль-, ко́локо́ль-* (ср. *похо́рон-, догово́р-*, которые можно отнести также к § 1.60); *це́ркви-, жемчу́ж-, саже́н-, просты́н-, стре́мян-* (//*стременно́й*), *озе́р-, устар. козы́р-* (//*козырно́й*), *волбс-* (//*волосно́й*), *полбс-* (но *полосно́е железо*), *лемёш-, зерка́ль-, земе́ль-*. В группе «а» представлено (если не считать архаизмов *де́неж-ный, зна́мен-, ма́тер-*) ударение по модели ← Triv, определяемое прагматическим фактором (для *облачный* существенно также наличие качественных значений). В группе «б» у трехсложных основ, по-види-

⁵⁸ В списки включены только слова, представленные в МАС и/или у Ожегова.

тому, представлен эффект, отчасти сходный с Polysyll (но непоследовательный, ср. *очередной*, разг. *договорной*); прочие случаи носят характер индивидуальных отклонений. См. также § 1.57, примеч.

Обратное отклонение, т. е. «пезаконное» флексийное ударение, представлено существенно реже. Из бесприставочных сюда относятся прежде всего: *грибной*, *чум-*, *сып-*, *лич-* (*личбе полотенце* и т. п.), *муч-*, *белен-*, *курен-*; из редких слов можно отметить еще *штанной*, *ранной*, устар. *дворной*.

Из приставочных сюда с определенностью следует отнести *установной* (*//установный*), *суставной*, *основной* (от *установ*, *сустав*, *основа*); по-видимому, сюда же *обувной*, *упряжной*, *прописной* (от *обувь*, *упряжь*, *пропись*). Во всех этих случаях выступает акцентовка, свойственная отглагольным производным. Прочие внешне сходные примеры (*посевной*, *запасной*, *выхлопной* и т. п.) обнаруживают семантическую связь не только с именем, но и с глаголом; они относятся к следующему параграфу.

§ 1.60. В отглагольных относительных прилагательных суффикс *-н-* выступает с маркировкой →.

В бесприставочных производных эта маркировка реализуется без каких-либо осложнений. Примеры: *гребной*, *лепной*, *курной*, *строчной* (о воротнике и т. п.)⁵⁹ — *печатный*, *купальный*, *спальный*, *тяжелый* (ср. также качественное *баловной*, построенное по этой же модели). Поскольку базовый компонент, равный односложному глагольному корню, всегда слабый (§ 1.30, A2), флексийное ударение представлено, например, в *плавной* (о сети, лесе), *ставной* (о сети), *резной*. Отклонения: *двойной*, *мойной*, *летний*.

Гораздо сложнее тот случай, когда базовый компонент содержит приставку: во-первых, здесь возникает проблема разграничения отглагольных и отыменных производных, которая далеко не всегда решается с достаточной определенностью; во-вторых, в современном языке суффикс *-н-* еще не полностью закрепил за собой статус первичного суффикса; в части производных он ведет себя в соответствии со своим более старым статусом вторичного суффикса.

Что касается вопроса о семантической производности прилагательного с *-н-* от существительного или от глагола, то ниже практически достаточно различать: 1) случаи, где прилагательное определенно произведено не от глагола, т. е. оно обнаруживает прямую семантическую связь с существительным при отсутствии столь же прямой связи с глаголом (например, *отпускной* от *отпуск*, *подъездный* от *подъезд* 'часть здания', *помойный* от *помой* и т. п., ср. § 1.24) или подходящего глагола вообще нет (например, *безлошадный*, *распутный*); 2) случаи, где прилагательное либо определенно произведено от глагола (например, *раздвижной*), либо обнаруживает семантическую связь одновременно с глаголом и отглагольным су-

⁵⁹ Ср. наосновное ударение в качественных прилагательных, например, *гбднй*, *тййнй*, *тбмнй*, *спёшнй*, *бёрежнй* (также *слышнй*, *виднй*, ср. § 1.56).

ществительным (например, *связнбй, подъезднбй, заказнбй*). В первом случае мы будем говорить об отыменном, во втором — об отглагольном производном.

Напомним, что в соответствии с правилами, изложенными ранее, из приставочных производных с *-н-*: 1) качественные прилагательные имеют наосновное ударение (например, *испрáв-ный, протя́ж-, развя́з-, достúп-, опáс-, заня́т-, неотры́в-, беспросы́п-, необъя́т-, безда́р-, безопáс-, распу́т-*); 2) отыменные относительные прилагательные имеют ударение, определяемое исходным существительным (т. е. обычно наосновное, например, *при́город-ный, на́смороч-, уе́зд-, расхóд-, снаря́д-, предлóж-, окóп-, пожа́р-*, но в определенных случаях флекссионное, например, *погребнбй, поезднбй* от *пóгреб, пбезд*).

После вычета этих двух групп остаются отглагольные относительные прилагательные. Поскольку суффикс *-н-* первичный, для них маркировка суффикса → должна означать (в случае освоенности) флекссионное ударение, в частности, при любом односложном корне (§ 1.30, А2), причем даже приставка *вы-* должна быть безударна (§ 1.28, Б). Именно такую картину дают более 300 прилагательных данного класса, например: *сплав-нбй, отпра́в-, подста́в-, посе́в-, набив-, пришив-, наду́в-, взрыв-, отки́д-, проезд-, взо́д-, разрез-, запас-, вколот-, пропаш-*; *выгреб-, вышив-, выезд-, вытя́ж-, выхло́п-, вынос-*. В ряде случаев имеется прямое акцентное противопоставление отглагольного и отыменного производных, например: *заливнбй* (от *залива́ть*) — *заливнй* (от *зали́в* 'часть моря'), *подъезднбй* (от *подъезжа́ть*) — *подъезднй* (от *подъе́зд* 'часть здания'), *разводнбй* (ключ; от *разводи́ть*) — *разводнй* (от *разво́д* 'расторжение брака'), *взводнбй* (от *взводи́ть*) — *взводнй* (от *взвод*) и др.

Однако имеются также значительные группы отглагольных относительных прилагательных, где ударение наосновное. Эти группы таковы.

1. При определенных корнях суффикс *-н-* ведет себя как вторичный, а не первичный (с исторической точки зрения мы имеем здесь дело с частичным сохранением его прежнего статуса). Это значит, что стоящий перед ним приставочно-корневой комплекс трактуется как именной (независимо от характера семантической производности); соответственно, ударение здесь наосновное (а именно, приставочное в случае приставки *вы-*, в прочих случаях корневое). К этой категории относятся корни: 1) оканчивающиеся на сонант (реально /j/, /л'/, /м/, /н/, /р/), кроме корней *жим-, вар-, пар-*; ср., например, *убби́-ный, перестбй-, отбе́ль-, пересы́ль-, подтё́м-, смен-, перебо́н-, оборо́н-, похоро́н-, обди́р-, разбо́р-, вы́гуль-, вы́бор-*; 2) *ряд-, че́с-, кос-, прос-, сос-, хват-, ле́т-, ме́т-, че́т-, мот-, ворот-, сеч-, те́ч-, роч-, точ-*; ср., например, *за́ряд-ный, опрб́с-, захва́т-, взле́т-, перебо́т-, приворо́т-, на́теч-, протб́ч-, вы́ворот-*. Отклонения: *потайнбй, накле́й-нбй*, также разг. *договорнбй* (при литер. *догово́рнй*).

2. Даже от корней, допускающих производные на *-нбй*, наряду с таковыми могут быть и производные на *-ный*. Возможны также пря-

мые колебания, например, *обводнóй* и *обводнýй*, аналогично с базовыми компонентами *отвод-*, *обход-*, *привоз-*, *провоз-*, *зажим-*, *нажим-*, *обжим-*, *разжим-*, *прижим-*, *отжим-*, *уступ-*, *запар-*, *провес-*, *унос-*, *сброс-*, *обкат-* и некоторыми другими. В живой речи таких колебаний больше, чем отмечается в словарях. При этом вариант с *-нóй*, как правило, носит более профессиональный оттенок, чем вариант с *-нýй*. Факторы, способствующие здесь наосновному ударению, таковы: 1) фактор традиции (наосновное ударение всегда является в этом классе слов более старым), ср., например, *исхóдный*, *отхóдный*; 2) неосвоенность; 3) наличие у прилагательного побочных качественных значений, ср., например, *нанóсный*, *перекáтный*; 4) высокая употребительность соответствующего отглагольного существительного (которое может оказывать прямое акцентное влияние на прилагательное), ср., например, *отрáвный*, *прокáтный*. Строго очертить круг прилагательных данного класса с нормативным наосновным ударением невозможно, поскольку нестроги границы между относительными и качественными, отглагольными и отыменными прилагательными. Из достаточно употребительных сюда можно отнести: *отрáв-ный*, *вбóд-*, *свбóд-*, *исхóд-*, *отхóд-*, *завбз-*, *ввбз-*, *подвбз-*, *занбс-*, *нанбс-*, *разнбс-*, *принбс-*, *накáт-*, *обкáт-*, *перекáт-*, *прокáт-*, *скáт-*, *уплáт-* (у части из них имеются нелитературные варианты с *-нóй*).

Суффикс *-ов-*

§ 1.61. На акцентное поведение суффикса *-ов-*⁶⁰ (не смешивать с притяжательным *-ов*, § 1.48) в современном языке влияют: 1) собственно лингвистические факторы — качественное, «полукачественное» (§ 1.56) или чисто относительное значение производного прилагательного, число слогов базового компонента и наличие в нем определенных суффиксов; 2) прагматический фактор.

Акцентное действие прагматического фактора здесь таково: при неосвоенности суффикс *-ов-* ведет себя в соответствии с маркировкой ↓ Triv (ср. § 1.57 о суффиксе *-н-*); при освоенности ударение определяется прочими факторами. Подробнее о действии данного фактора см. в разборе материала. Здесь специально отметим лишь тот факт, что термины зоологической и ботанической классификации (*вбóновые*, *кáрповые* и т. п.) акцентно всегда оформляются как неосвоенные.

Акцентные свойства суффикса *-ов-* могут быть представлены так.

I. При неосвоенности: ↓ Triv.

II. При освоенности.

1. В качественном или полукачественном значении: ↓.

2. В чисто относительном значении: → Polysyll Monosyll.

⁶⁰ В описании данного суффикса существенным образом использованы работы: Устинова 1974, 1977. Списки составлены в объеме Грамм. (иногда с небольшими добавлениями).

З а м е ч а н и е. Наличие пометы Polysyll в том случае, где *-ов-* имеет основную маркировку → (при основной маркировке ↓ в прочих случаях), в принципе (т. е. если пренебречь исключениями) означает, что при неодносложном базовом компоненте, не содержащем полногласного сочетания, не бывает ударения *-овый* (т. е. при таком базовом компоненте, вообще говоря, нет необходимости учитывать тип значения прилагательного).

Приведенная схема отражает основное правило акцентовки производных с *-ов-* в современном русском языке. Однако наряду с ним существует и другое, более старое правило, ныне для большей части системы уже неактуальное; оно выражается единой маркировкой ↓ Marg для всех случаев. Там, где старое правило вступает в конфликт с новым, обычно побеждает новое правило. Есть лишь одна небольшая зона, где старое правило пока еще сильнее нового: чисто относительные прилагательные, образованные от существительных с суффиксом *-ок* или *-ец* (с беглыми *о*, *е*). При этом, однако, в данной зоне нет случаев, где могла бы проявиться помета Marg, т. е. архаичная маркировка ↓ Marg здесь фактически сводится к простейшей маркировке ↓. За пределами этой зоны старое правило создает лишь некоторое число исключений из основного синхронического правила.

Ниже разбирается материал; действие прагматического фактора рассматривается по ходу разбора собственно лингвистических факторов.

Качественные и «полукачественные» прилагательные

§ 1.62. Суффикс *-ов-* имеет здесь маркировку ↓.

Примеры производных со слабым базовым компонентом. Качественные: *путёвый*, *бед-овый*, *бред-*, *толк-*, *махр-*, *ерунд-*, *чепух-*; *борд-*, *багр-*; *бас-*, *альт-*⁶¹. Заметим что значительная часть приведенных слов имеет отчетливую разговорную окраску⁶². Особенно характерны такие прилагательные для просторечия, ср. *рисковый*, *фартовый*, *шельмовый*, а также многочисленные прилагательные с общим значением «плохой» (*дерьмовый*, *хреновый* и т. д.). Качественные прилагательные на *-овый* широко представлены также в различных арго (например, студенческом).

«Полукачественные» (примеры даются по группам, указанным в § 1.56): а) *рублёвый*, *пуд-овый*, *грош-*; б) *черв-овый*, *бубн-*, *крест-*, *очк-* (змея); в) *лос-ёвый*, *собол-*, *морж-овый*, *треск-*, *слон-*, *бобр-*, *кит-*, *осетр-*; *боб-*, *дуб-*, *хрен-*, *терн-*, *сосн-*, *пеньк-*, *пух-*, *свиц-*, *холц-*, *дерн-*, *тес-*, *окорок-*, *язык-* (колбаса), *чесуч-*, *кремн-ёвый*, *миткал-* (об акцентологически главном значении в этой группе производных см. § 1.56); г) *мед-овый*, *солод-*, *плод-*, *версек-* (мёд), *желу-*

⁶¹ Отметим также прилагательные с остаточным базовым компонентом: *кондбовый*, *сурбовый*, *готбовый*, *лилбовый*, *пунцовый*.

⁶² Ср. также такие областные слова, как *игровый* 'игривый, веселый', *квасбовый* 'кислый, кислотавый', *слезбовый* 'плачевный', *чудбовый* 'чудный', *прахбовый* 'мягкий, легкомысленный' и др.

дёвый (желудбвый) ⁶³. У некоторых из этих прилагательных (грошб-вый, хренбвый, медбвый) имеются и собственно качественные значения.

Отклонения: 1) определяемые действием старого правила (т. е. ↓ Marg, см. § 1.61) — рок-овбый, год-, век-, час-, роз-, воск-, мел-, мех- ⁶⁴; также громовбый // громбвый (о голосе; но только громовбый в чисто относительных значениях); 2) в сторону Deox — гэрбовый (при более редком герббый), миндáleвый, щавéлевый, томпáковый, голáвлевый // голавлёвый; ср. также бузи́новый; 3) шёлковый (ср. народно-поэт. шелкбый), брбсовый, кáзовый.

Для редкого слова сéльдевый литературной нормой закреплено ударение, определяемое неосвоенностью. У слов волевбый, ходовбый, деловбый ударение соответствует их относительным, а не качественным значениям (ср. также наличие чисто относительных значений у слова часовбый). Ударение броневбый, гонтовбый соответствует значению 'снабженный, покрытый чем-либо' (а не 'изготовленный из чего-либо'). Только чисто относительные значения имеют (и потому акцентологически правильны): верстовбый (практически только столб; в значении 'длиной в версту' было бы *верстбый), трутн-евбый, шершн-, хмел-, плющ-, зверовбый (см. § 1.56).

Примеры с сильным базовым компонентом: рбз-овый, лáск-; крблк-, нбрк-; мáрл-евый, зáми-, грúш-, úв-овый, слúв-, брбнз-, бáйк-, мún-, берёз-, корáлл-. Колебания кётбый, фбльгбый, кúрзбый, лúфбый, жмýхбый непосредственно соответствуют колебаниям кéтá, фбльгá, кúрзá, лúфá, жмýхú. Отклонения (в сторону доминантности суффикса): вишнёвый, трэфбый (// трéфовый); солодж-бый, известк-, семестр-, триместр- (относительно километрбый и т. п. см. ниже); за рамками литературной нормы также пик-бый (масть), джисн-, груш-, вяз-, гротеск- и некоторые другие.

Акцентный эффект освоенности проявляется у качественных и «полукачественных» прилагательных сравнительно слабо. Так, промежуточный по силе базовый компонент ведет себя как слабый лишь в следующих случаях: тенор-бый, дискант-; дюйм-, грамм-, метр-, литр-, фунт-; омул-ёвый, лосос-, тигр-бый; клен-, лавр- (лист, венок), ел-, перц-, перл- (крупа), фрукт-, марганц-, пестря-дёвый; отметим также простореч. фигбый 'плохой' (ср. выше об этой группе), нелитер. истбый, бланкбый (при литер. úстовый, блáнковый). Колебания в окулёвый // бкуневый, тополёвый // тбполевый. В прочих случаях промежуточный базовый компонент ведет себя как сильный, даже в освоенных словах, например: краб-овый, рак-, зубр-, барс-, буйвол-; бяз-евый, тёл-, плюш-, вяз-овый, мак-, цýнк-, мýк-, хрбм-, драп-, фётр-, рис-, гýнс-, язонт-, никелевый, не говоря уже о редких словах вроде скýнсовый, тýнговый.

⁶³ Отметим, что из «группы воск» производные на -бый имеют толк, риск, хрен, дёрн, тёрн, тёс, фарт.

⁶⁴ Еще в нескольких случаях ударение -овбый сохраняется лишь в виде устаревшего варианта, например, бредовбый, пудовбый, медовбый, пучобый.

Особый вопрос составляет ударение *-бый* при сложной основе⁶⁵. Разумеется, примеры типа *двухметрбый, трёхлитрбый, стдграммбый, многопудбый* ничто не мешает считать результатом неплотного присоединения второй основы к готовым *метрбый, литрбый* и т. д.; ср. *двухчасовбй, трехгодовбй* и т. п. от *часовбй, годовбй*. Однако в некоторых случаях ударение *-бый* появляется вопреки ударению соответствующего простого прилагательного: *средневекобый* (ср. *векобй*), *многовекобый* (//*многовекобй*), *одноцилиндрбый, двухцилиндрбый* (ср. *цилиндровый*), *двухходбый* (ср. *ходовбй*), *однояйцбый* (ср. *яйцебй*), также ненормативные *двухмачтбый, восьмилучбый, коротковолнбый* и др.⁶⁶ Особое акцентное поведение морфа *-ов-* в этих случаях следует связывать с аналогичными свойствами «опорного» *-ов-* (§ 1.27), ср. *Поднепрбье, безотцбщина, поножбщина* и т. п. В самом деле, на фоне таких примеров, как *одноглазбый, двухголбый*, прилагательные типа *двухцилиндрбый* выглядят как имеющие «лишнее» *-ов-*. В слове *понизбый* переход ударения с именного приставочно-корневого комплекса *по-низ-* на *-ов-* легко объясняется, если допустить, что *-ов-* здесь «опорное», тогда как при любой иной трактовке он должен быть признан редкой аномалией; слово *бестолкбый* можно трактовать либо так же, как *понизбый*, либо через неплотное соединение *без* и *толкбый*. По-видимому, допустимо также (по крайней мере, в таких случаях, как *однойяцбый* 'происходящий из одного яйца', где в значении явно есть элемент, свойственный суффиксу *-ов-*) интерпретировать морф *-ов-* как совмещающий в себе «опорный» элемент и суффикс (т. е. как результат «наложения»); ср. двойную функцию *-ов-* в словах типа *розоватый* (*розов- + -оват-*).

Производные *килограммбый, километрбый, сантиметрбый, миллиметрбый* в акцентном отношении уподобились таким, как *стдграммбый, многометрбый* и т. п., т. е. основа трактуется здесь как сложная.

Чисто относительные прилагательные

§ 1.63. Суффикс *-ов-* имеет здесь маркировку → Polysyll Monosyll. Оставив временно в стороне производные от существительных с суффиксами *-ок-, -ец-*, рассмотрим остальной материал.

Примеры производных со слабым базовым компонентом: *дождевбй, пол-, рул-, огн-, корн-, гост-, пут-, лиц-, плеч-, луч-, бель-, пить-, резб-овбй, угл-, числ-, зерн-, нос-, щит-, лист-, хвост-, берег-, колос-, полос-, порох-*, также *перечневбй*; из отглагольных и отадъективных производных — *раневбй* (от *ранить*), *грыз-овбй, скак-, смотр-, пляс-; легк-, бел-, черн-, чист-*; отметим также *сороковбй*.

⁶⁵ Этот вопрос рассматривается здесь для прилагательных любых семантических классов.

⁶⁶ Сюда же *право-, левофлангбый* (ударение *флангбый*, по-видимому, само заимствовано у этих слов, см. § 1.63).

Отклонение: *ра́зовый* (относительно редких слов *ла́довый*, *па́зовый* и др. см. отдельно ниже).

Примеры эффекта Monosyll в чистом виде (т. е. при сильном базовом компоненте): *бирж-евóй*, *пул-*, *гир-*, *бур-*, *веч-*, *куч-*, *туч-*, *пищ-*, *сил-овóй*, *горл-*, *сумм-*, *форм-*, *мен-*, *групп-*, *искр-*, *цифр-*. То же при промежуточном базовом компоненте: *слиз-евóй*, *цел-*, *кил-*, *стил-*, *штил-*, *бол-*, *гребн-*, *стержн-*, *плесн-*, *кор-*, *вихр-*, *душ-* (от *душ*); *град-овóй* (*туча*), *груз-*, *шлюз-*, *цирк-*, *пуск-*, *звук-*, *шторм-*, *штурм-*, *шум-*, *горн-*, *тип-*, *мор-*, *центр-*, *бур-*, *курс-*, *свист-*, *текст-*. В словах *спуск-овóй*, *стык-*, *смысл-*, *вкус-*, *сбыт-* приставочно-корневой комплекс опрощен и потому утратил доминантность. Случаи с наложением морфов: *жерновóй*, *бечевóй*, *кочевóй* (однако *швартбóвый*; в принципе сюда можно отнести также и *торгбóвый*).

Эффект Polysyll: при слабом базовом компоненте — *головнёвóый*, *очагбóый*, *промыслбóый* и др.; при промежуточном — *митинг-бóый*, *лозунг-*, *обод-*, *очерк-*, *поиск-*, *прииск-*, *дебет-* (также ненормативные *обжигбóый*, *минусбóый*); ср. «законное» отсутствие данного эффекта в *береговóй* и т. п., а также в *волоковбóй*, *молотовбóй*. Эффект Polysyll «незаконно» отсутствует в словах: *отраслевóй*, *языковбóй* (от *язык* сродство общения'), *мастеровбóй*.

Примеры с неодносложным сильным базовым компонентом: *комбайн-овóый*, *баланс-*, *балла́ст-*, *кбсточк-*, *подшипник-*. Отклонения (в сторону доминантности суффикса): *маневр-бóый*, *оркестр-*, *продукт-*, *мальчик-⁶⁷*, *бороздк-*, *местечк-*; также от имен с *-ок* — *поселк-бóый*, *участк-*, нелитер. *подростк-* (в последней группе приставочно-корневой комплекс опростился и утратил доминантность).

При неосвоенности суффикс безударен, даже если это противоречит помете Monosyll. Примеры: при односложном сильном базовом компоненте — *лю́тневóый*, *фýг-овóый*, *хóрд-*, *бáз-*, *фрáз-*, *ли́нз-фрэ́ск-*, *спóр-*, *рáс-*, *кáсс-*, *кáст-*; при промежуточном базовом компоненте — *шáрж-евóый*, *ли́вн-*, *ра́нг-овóый*, *ре́йд-*, *сте́нд-*, *фо́нд-*, *кóд-*, *джáз-*, *зна́к-*, *тре́к-*, *че́к-*, *ба́нк-*, *фи́льм-*, *кла́н-*, *те́мбр-*, *жа́нр-*, *кла́сс-*, *áкт-*, *ку́льт-*, *ше́льф-*, при слабом базовом компоненте (исходное слово относится к маргинально-подвижному типу) — *ла́д-овóый*, *па́з-*, *та́з-*, *ко́н-*, *то́н-*, *при́з-*, *во́рс-* (ср. также предостережения АО против таких ударений, как *ча́новóый*, *ша́говóый*). Отклонение в сторону Deox: *фе́рзевóый* (наряду с акцентно правильным *ферзевóй*).

Как и в других частях системы, где активно проявляется прагматический фактор, мы сталкиваемся здесь с очень большим количеством колебаний, поскольку степень освоенности одних и тех же слов у разных носителей языка различна. Основной моделью здесь является соотношение типа *пультавóй* в речи профессионалов — *пультóвый* в речи остальных носителей языка. Литературная норма, как и в других подобных ситуациях, отражает здесь в одних слу-

⁶⁷ В разговорной речи акцентно аномальное *мальчикбóвый* часто заменяется теперь на *мальчубóвый* (акцентно совершенно правильное, ср. *барчу́к*, *барчука́* и т. п.).

чаях непрофессиональное ударение (например, *чёрневый*, *рүмбовый*, *стёнга-*, *диск-*, *ббчк-*, *тягла-*, *прэсс-*, *старт-*; оценка степени нормативности здесь и ниже дана по Грамм), в других профессиональное (например, *слиз-евбй*, *гряз-*, *штил-*, *щепн-*, *клубн-*, *трутн-*, *шершн-*, *поршн-*, *приз-овбй*, *шлюз-*, *стык-*, *храм-*, *сумм-*, *мен-*, *искр-*, *текст-*, *шрифт-*), в третьих признает допустимыми оба ударения (например, *сёлевый* и *селевбй*, аналогично при базовых компонентах *грыж-*, *усть-*, *бомб-*, *трюк-*, *русл-*, *дышл-*, *скип-*, *ворс-*, *плюс-*, *флюс-*, *сит-*, *лифт-*, *шихт-*, *пульт-*).

Иначе выглядит эффект неосвоенности там, где исходное слово относится к флексионному или смежно-подвижному типу: маркировка ↓ Triv, соответствующая неосвоенности, дает в этом случае ударение *-бвый*. Примеры: *плетнёвый*, *тайг-бвый*, *тяж-*, *кирк-*, *кайл-*, *сноп-*, *тавр-*, *ядр-*, *пест-*, *хлыст-*, *жгут-*, *кнут-*. Разумеется, эти ударения можно было бы объяснить и действием старого правила (т. е. маркировкой ↓ Marg). Существенно, однако, что все эти слова — очень редкие, а подавляющее большинство более употребительных слов уже подчиняются новому правилу, а не старому (см. примеры выше). Поэтому естественно связывать ударение *-бвый* в приведенных словах именно с неосвоенностью, а не просто со старым правилом. Ср. колебания в относительно более частых словах: *ножбвый* и *ножевбй*, *стволбвый* и *стволовбй*, *котлбвый* и *котловбй*. Наряду с прилагательными *ковшбвый*, *копрбвый*, *кострбвый* (от *костёр*), которые фиксируются словарями именно с таким ударением (соответствующим неосвоенности), имеются субстантивированные прилагательные (более употребительные) *ковшевбй*, *копровбй*, *костровбй*.

З а м е ч а н и е. Как отметил Б. О. Унбегаун, в русском языке субстантивированные прилагательные (*рулевбй*, *марсовбй* и т. п.) имеют тенденцию к ударению *-овбй*, независимо от акцентуации исходного слова (см. Кипарский 1962, с. 16). Учитывая разобранный выше материал, можно утверждать, что это не отдельная закономерность, а лишь специфическое частное проявление общего правила об ударении *-овбй* у освоенных чисто относительных прилагательных с односложным базовым компонентом. В самом деле, субстантивируются обычно лишь чисто относительные прилагательные (с общим значением 'связанный с таким-то предметом'), например: *рул-евбй*, *кошн-*, *кош-*, *звень-*, *город-овбй*, *корд-*, *люк-*, *стрел-*, *дом-*, *стан-*, *чан-*, *горн-*, *костр-*, *марс-*, *лот-*, *вест-* и др.; ср. также *часовбй* (от [стоять] на часах). При этом субстантивация (т. е. по сути дела сокращение полного сочетания типа *рулевой матрос*), как правило, наступает лишь в той среде (обычно профессиональной), где соответствующее понятие привычно; отсюда акцентный эффект освоенности. В оппозиции типа *марсовый* (прилагательное) — *марсовбй* (существительное) акцентологически существенно не различие частей речи, а различие по употребительности: *марсовый* (*марсовбй*) в собственно адъективном качестве встречается гораздо реже, чем в субстантивированном. Поэтому для первого литературная норма фиксирует ударение, соответствующее неосвоенности, для второго — соответствующее освоенности. То же верно и для пар типа *кострбвый*—*костровбй* (см. выше); особенность лишь в том, что здесь неосвоенность отражается суффиксальным ударением, а не корневым. Иначе обстоит дело в парах *коврбвый*—*ковровбй* (в цирке), *домбвый*—*домовбй* (демон); здесь различия по степени освоенности нет, но сильно разошлись значения членов пары. Акцентно регулярны в этих парах именно субстантивированные члены (имеющие чисто относительное значение), тогда как прилагательные по индивидуальным причинам получили особое ударение.

Исключениями из основного правила (которые нельзя отнести за счет неосвоенности) являются: а) *стол-бвый, двор-, ковр-, шатр-*; здесь ударение *-бвый* соответствует старому правилу; б) *фланг-бвый, торг-, сад-, лед-, под-, дом-, опт-, порт-, фрахт-, почт-*; здесь ударение не соответствует ни новому, ни старому правилу; сюда же *сѳбвый, верхѳбый // верхѳбѳй* (о ветре, о городах на реке; ср. *верхо-бѳй* от [ездить] *верхом*), *стеблѳвый // стеблѳвѳй* (ненормативные варианты с *-ѳвѳй* есть еще и для *лед-, под-, порт-, почт-, сот-*; см. также выше о субстантивированных *ковровѳй, домовѳй*). У части этих слов ударению *-бвый* способствует наличие качественных или «полукачественных» значений; ср., в частности, *коврѳвая ткань* (*дорожка, сани, обои*), *ледѳвая дорога, оптѳвые закупки*. Слово *фланг-бвый*, по-видимому, восприняло ударение слов *право-, левофланг-бвый* (см. сноску 66). Ударения *торгѳвый, подѳвый, верхѳвый* представляю собой просто архаизмы. Ударение *почтѳвый*, по предположению А. В. Исаченко, пришло из польского. В прочих случаях пункта «б» источник ударения *-бвый* менее ясен.

Вернемся теперь к тому особому случаю, когда прилагательное образовано от существительного с суффиксом *-ок* или *-ец*. В этом случае действует маркировка ↓ (равносильная здесь маркировке ↓ Marg, см. § 1.61). Примеры: *стрелк-бвый, станк-, звонк-, щипк-, лепестк-, дворц-, писц-, крестц-, солонц-*, ср. *слѳтк-ѳвый, порядк-, рѳнцевѳый*. Основному правилу подчинились только: *куск-ѳвѳй, кружк-, крючк-*; *конц-ѳвѳй, пальц-, торц-* (*// торцѳбвый*), *вальц-* (*// вальцѳ-бвый*); ср. также регулярные *яйц-ѳвѳй, колыц-, пылыц-*, образованные от существительных среднего и женского рода. Об отклонениях в сторону доминантности (*поселк-бвый, участк-, подростк-*) см. выше.

Суффикс *-ян-*

§ 1.64. Суффикс *-ян-* с акцентологической точки зрения обнаруживает значительное сходство с *-ѳв-*; но материал здесь существенно меньше и акцентные закономерности выявляются менее отчетливо. Основные акцентные свойства суффикса *-ян-* таковы: 1) в качественном значении ↓; 2) в относительном (в т. ч. «полукачественном») значении → Polysyll Monosyll. Для выявления возможного действия прагматического фактора здесь нет подходящих условий.

Качественных прилагательных с *-ян-* совсем немного: *багрѳный, духмяный, медвяный, рѳяный; пѳяный*; также *охрѳный* 'цвета охры', с эффектом Monosyll (*//охрянѳй*); ср. еще обл. *водѳный* 'водянистый'. Кроме того, с остаточным базовым компонентом: *румѳный, прѳяный, рѳяный*.

Относительные прилагательные. Примеры: *щанѳй, ржанѳй, льянѳнѳй, трав-янѳй, лед-, гвозд-, круп-, мездр-, нутр-, прос-, холст-, шерст-, солод-, волос-, хворост-* — *селѳтряный, финѳфтяный*. Эффект Monosyll: *полб-янѳй, луб-, ив-, плат-, жест-, нефт-, верф-*,

торф-. Эффект Polysyll: *конопля́ный*; также *очеретья́ный*, *таволжа́ный* (где суффикс отклоняется в сторону доминантности). Ударение *берестя́ной* соотносится с распространенным ненормативным ударением *береста́* (ср. редкое *берестя́ный* в соответствии с *береста́*).

Имеется, однако, значительное число отклонений разного типа. Нет эффекта Monosyll: *кбжаны́й*, *па́кл-яны́й*, *су́сл-*, *гли́н-*, *ни́т-*. Прочие случаи неправильного корневого ударения: *се́ребряны́й*, *ма́сляны́й*, *ве́тряна́я оспа*. Нарушены правила эффекта Polysyll: *толокн-я́ный*, *полотн-*, *череп-* (наряду с правильным *черепа́ной*); с другой стороны, *отрубя́ной*. Прочие случаи неправильного суффиксального ударения: *песча́ный*, *миша́ный*, *дресвя́ный*, *соля́ная кислота́* (при обычном *соля́ной*); колебание *овся́ный // овся́ной*, аналогично при *сурьм-*, *рос-*, *полст-*, ср. еще разг. *жестя́ный* при литер. *жестя́ной* (см. также выше об *очеретья́ный*, *таволжа́ный*). Большинство указанных прилагательных просто сохраняет свое древнее ударение.

Алломорф *-яни-* ведет себя в соответствии с маркировкой ↓: *сте́кля́нный*, *оловя́нный*, *дерева́нный*.

Суффиксы *-ова-ть* и *-ирова-ть*

§ 1.65. Суффикс *-ова-ть* (первичный) характеризуется двойным акцентным поведением. Более старая (непродуктивная) модель здесь *-ова́-ть* ↓, более новая (продуктивная) — *-ова́-ть* ↓ D. Только старой моделью объясняется ударение следующих слов: [до́са́д]-*ова́ть*, об[на́рба́д]-, [у́рба́д]-, [при́хба́д]-, [расхба́д]-, (об)[ору́д]-, [наси́л]-, [со́болезн]-, [со́бо́р]-, [со́ве́т]-; *же́ртв-*, *ра́д-*, *бесе́д-*, *кома́нд-*, *трапе́з-*, (ис)пблэ́з-, (из)оби́л-, *пра́здн-*, *па́мят-*, *кору́стоваться*. Отметим, кроме того, не отыменные (по крайней мере, с синхронической точки зрения) глаголы с таким же ударением: *тре́б-ова́ть*, *проба́-*, *бре́зг-*, *заве́д-* (*пропове́д-* и т. д.), *сле́д-*, *заве́д-*, *жа́л-*, *ве́р-*, *ра́т-*, *се́т-*, *не́ст-*, *по́тчевать*; ср. также простореч. *ба́ловать(ся)*. Нерегулярно (даже с точки зрения старой модели) *ми́ловать*; ср. акцентно регулярное *милова́ть* 'ласкать'. Следует отметить, что большая часть слов данной группы носит книжный характер.

Все прочие слова с *-ова-ть* (но не *-ирова-ть*) имеют ударение на суффиксе, например: *страх-ова́ть*, *титул-*, *псих-*, *шифр-*, *воева́ть*. При этом для значительной части из них такое ударение может быть объяснено только моделью ↓ D, например: *известк-ова́ть*, *квартир-*, *интриг-*, *интерес-*, *пасынк-*, *паник-*, *рифм-*, *мышк-*.

Некоторые слова первой группы в нелитературной речи переходят во вторую, ср., например, *памяту́я*, *покорысту́ются*, *соболезну́ют*.

Суффикс *-иров-ать*⁶⁸ (первичный) имеет маркировку ↓ D, но с двумя вариантами акцентовки: *-и́рова-ть* и *-ирова́-ть*. Выбор между

⁶⁸ При описании акцентных свойств данного суффикса использована курсовая работа К. К. Богатырева на эту тему; см. также Воронцова, с. 237–248.

этими вариантами подчиняется не вполне строгим правилам; имеется значительное количество колебаний. Вариант *-ировать* выступает в следующих случаях. 1. При односложном базовом компоненте и значениях: а) 'покрывать веществом (рисунком, нарезкой и т. п.) X', 'насыщать, пропитывать X-ом' (*лак-ировать, бронз-, глаз-, брон-, мат-, также плак-, пол-, пан-, блинди́ровать; грим-ировать, марк-, лесс-, грав-, гофр-, плисс-; фарш-, мебл-, ср. газирова́нный*); б) 'покрывать, укрывать предметом (одеждой) X' (*маск-ировать, драп-, пломб-*); в) 'организовывать, подразделять в соответствии с X', 'упражнять, улучшать способом X' (*групп-ировать, сорт-, план- [об участках земли], норм-, форм-, трен-, дресс-, юсти́ровать*). 2. В нескольких глаголах с неодносложным базовым компонентом при тех же значениях, что в 1а и 1б: *эмал-ировать, никел-, костюм-, экип-, татуи́ровать*. 3. В изолированных случаях: *марш-ировать, рок-* (непереходные глаголы); *серв-, прем-* (ср. ненормативное *преми́ровать*), *пик-* (о сеянцах), *кол-, крок-, плас-, декати́ровать*. Глаголы *кварти́ровать, обмундировать, броши́ровать* (*брошю́ровать*) относятся не сюда: это *кварти́р-(а) + -овать* ↓ D и т. д. Возможность подобного разложения существует также для *команди́ровать, бомбарди́ровать, ранжи́ровать, букси́ровать*; она поддерживает в этих словах конечное ударение.

Из глаголов, отвечающих условиям пункта 1, лишь очень немногие имеют ударение *-ировать*; это глаголы с базовым компонентом на *p* (*хлор-ировать, нитр-, вир-*), а также *газ-ировать* (но *газирова́нный*), *хром-* (но обычно *хроми́рованный*), *арм-, гумм-, сульф-* и некоторые совсем редкие. Напротив, при неодносложном базовом компоненте *-ировать* является нормой (ср. *бетон-ировать, цемент-, асфальт-* и т. д.).

Во всех прочих случаях представлено только *-ировать* (*поз-ировать, шок-, форс-, транспорт-* и т. п.); оно же всегда выступает в составе *-изировать*.

Суффикс *-и-ть*

§ 1.66. Суффикс *-и-ть* (первичный) имеет маркировку ↓ Deох. Его особенностью является то, что промежуточные базовые компоненты здесь почти всегда ведут себя как сильные (даже при освоенности). Кроме того, имеется довольно много индивидуальных отклонений (заметим, что большую часть из них составляют акцентные архаизмы; их синхроническая неправильность обусловлена лишь тем, что в ходе истории изменилась акцентовка производящего слова). Относительно случаев, где трудно выявить направление словопроизводства (от имени к глаголу или наоборот), см. § 1.18; специально отметим, что ниже трактуются как непроездовые, в частности, глаголы *пра́вить, значить, ча́лить, мблвить*.

Примеры правильного ударения: *серебри́ть, борозди́ть, весели́ть, соли́ть, засто́лбить, груби́ть, уточни́ть* — [*прока́з*]ить, у[*навб*-

з]ить, [вздр]ить, у[досто]ить, о[безвред]ить, о[бессахар]ить, мо- рбзить, усилить, салить, мнбжить, вляить, осчастливить, нако- стить; эффект Деох: маячить, батрачить, утюжить, раскоше- литься, куражиться, напузырить, также песочить (с нерегулярным сохранением беглого о). Отметим, что перед -и-ть иногда встреча- ются нехарактерные для русского языка в целом глагольные дву- корневые комплексы, например, руководить, благословить (см. § 1.26). Правильное ударение имеют также производные от «группы воск» (§ 1.30, А1), а именно: охлад-ить⁶⁹, омрач-, воц-, лоц-, захлам-, срам-, крен-, обдерн-, мир-, сор-, ворс-, форс-, гнус-, фарт-, бут-, страш-, смеш-; див-; лениться, дур-ить, улест-, груст-; дружить, покумиться (ср. также усыновить); просквозить.

Промежуточный базовый компонент ведет себя как слабый только в словах гнев-ить, хам-, бубн-, расчлен-, бур-, бес-, франт-; вразум-, щепен-, грохот-, опустош- (ср. еще обрусить, от русский); колеблется гатить, ср. также нелитер. перчить (при литер. перчить). Во всех прочих случаях такой компонент ведет себя как сильный, например: нравиться, проитрафиться, гад-ить, трал-, цел-, зайл-, тряс-, озвуч-, сахар-, мусор-, парус-, совест-; как можно видеть, сюда попада- ют и весьма употребительные (т. е. вполне освоенные) слова.

Производные с неправильным ударением. Направильное наос- новное ударение: 1) отсубстантивные производные — гроб-ить, ко- рбб-, гбрб-, голуб-, зыб-, мурав-, лад-, чудиться (ср. правильное чудить), ёжиться, пьжиться, княж-, обужл-, масл-, чйсл-, хбхл-, мьл-, жар-, нар-, багр-, похёр-, прожёр-, проветр-, посестриться, квас-ить, крас-, вес-, чудес-, пьтиться, конч-ить, жуч-, крjуч-, вьjуч-; особо стоит клеить (§ 1.46, примеч.); колебание в пристру- нить, взвйхрить, обрешетить; 2) отадъективные производные — ослаб-, глад-, продблж-, тужиться, сдjуж-, приблиз-, понjз-, сjз-, опбдл-, осмелиться, теплиться, затепл-ить (ср. утеплить), опбшл-, напблн- (ср. полнить 'делать более толстым на вид'), проясн- (о по- годе; ср. прояснить), одббр-, расщедриться, расшир-, ускбр-, втбр- (ср. повторить), хмjр-, повьс-, чьст-, насыт-, увелич-⁷⁰; особо стоят удвбить, утробить, усвбить (однако двойть, тройть), ср. клеить выше; колебание в окислить.

Неправильное ударение внутри основы: образумить (ср. вразу- мить), слесарить, кухарить, онемечить, отуречить.

Неправильное ударение на суффиксе: бомб-ить, язв-, отожд- еств-, обобществ-, оздоров- (ср. поздорбвиться), освобод-, обрам-, изум-, удревн-, усредн-, упрздн-, наводн-, соедин-, обремен-, внедр-, яр-, торос-, обогат-, поработ-, обвеш-; также табуниться, пузы-

⁶⁹ Приставочные глаголы здесь и в дальнейших списках представляют также и соответствующие глаголы с другими приставками.

⁷⁰ Но устрбжить — это правильное производное от стрбже (ср. улjчишь, умьньшишь).

рѣчь, *пѣтушѣться* (без эффекта Deox); колебание в *услугѣбить*, *сгрудѣться*, *опорбжѣть*, *багрѣнѣть*, *ѣскрѣчь*, ср. еще устар. *уменьшѣть* при обычном *уменьшить*.

Суффиксы *-им-* и *-ениј-е (-ен'ј-е)*

§ 1.67. Первичные суффиксы *-им-* (как в причастном, так и в адъективных значениях) и *-ениј-е (-ен'ј-е)* обладают общей особенностью, состоящей в том, что их акцентные свойства различны при соединении с глаголами разных видов.

При соединении с глаголами совершенного вида *-им-* (дающее в этом случае только прилагательные, не причастия) имеет маркировку ↓D, *-ѣниј-е*, *-ен'ј-е* — маркировку ↓. Примеры: а) *неудержѣмый*, *поправѣмый*, *сопоставѣмый*, *выполнѣмый*, *неисповѣдый*, *неоровержѣмый*, *неуничтожѣмый*, *неоспорѣмый* (с опростившимся спор-); с доминантными базовыми компонентами по общему принципу (§ 1.31) соединение здесь невозможно (например, нет никакого приемлемого ударения для **неупорядочѣмый*, **необесцветѣмый* и т. п., что и делает эти слова невозможными); б) *рождѣние* (рождѣнье), *явлѣние*, далее, в силу односложности корня в глаголе (§ 1.30, A2), также *умножѣние*, *заверѣние*, *украшѣние*, *прославѣние*, *улучшѣние*, *расширѣние*, *привидѣние*, также *приобрѣтение*; с другой стороны, *у[вековѣч]ение*, *о[благорбж]ение*, *о[бесцвѣч]ение*, *о[бесцѣн]ение*, *у[закѣн]ение*, *у[поряд]очение*, *очеловѣчение*, *одомашнение*, *онемѣчение*, *одурѣчение*, *возвелѣчение*.

При этом, однако, имеется заметная тенденция (особенно в разговорной речи) трактовать при суффиксе *-ениј-е (-ен'ј-е)* все недоминантные базовые компоненты как слабые. Эта тенденция уже победила в случаях: *приготовлѣние* (за-, под-, из- и др.), *уничтожѣние*, *сопротивлѣние*, *осведомлѣние*, *уведомлѣние*, *ознакомлѣние*, *ограничѣние* (раз-), *увеличѣние*, *преувеличѣние*; в нескольких случаях опростился и потерял доминантность базовый компонент, раньше бывший доминантным: *уподоблѣние* (рас-), *обособлѣние*, *приспособлѣние*, *успокоѣние*, *упокоѣние*. Широко распространились также ударения: *обморожѣние*, *отморожѣние*, *обнаружѣние*, *обеспечѣние* (последнее с опрощением и потерей прежней доминантности у базового компонента). Данная тенденция действует тем сильнее, чем чаще употребляется слово; в самом деле, перечисленные здесь слова высокоупотребительны, тогда как в группу *очеловѣчение*, *одомашнение* и т. д. входят лишь редкие слова (при том книжного характера).

Обратное отклонение (сохранение традиционного ударения) представлено лишь в словах: *воздвѣженье*, *срѣтенье* (названия церковных праздников), *свѣдение* (ср. квазиомоним *сведѣние* от *свестѣ*), *намѣрение* (ср. простореч. *намерѣние*), *упрѣчение* (нелитер. *упрѣчение*), *обрушение* (наряду с *обрушѣние*), *благоприобрѣтение* (нелитер. *-ѣние*), также *повѣшение*, *озвѣчение* (слова, отсутствующие в разго-

ворной речи). Аномальное ударение *опрóщение* (для лингвистического термина) носит искусственный характер (это результат «отталкивания» от нетерминологического *опрóщение*); это ударение поддерживается как своего рода знак причастности к определенной традиции, но скорее всего не удержится в борьбе с акцентологически правильным *опрóщение*.

При соединении с глаголами несовершенного вида картина иная: суффиксы *-им-* и *-ениј-е* (*-ен'ј-е*) используются заменительно (с маркировкой ↓), вместо окончания *-у* в 1 ед. презенса. Примеры: а) *гонимый, терпимый — видимый, слышимый, мыслимый, движимый, зависимый* (ср. *гоню, терплю, вижу* и т. д.); характер значения (причастный или адъективный) для акцентуации несуществен; ср. также производное второго ранга *стбимость*; б) *сидение, сиденье, печение, печенье, моление, ведение — глаженье, жабрение, видение* (процесс), *травление, вяление, квашение, крашение, утюжение, крахмаленье, фордыбаченье* (ср. *сижу* и т. д., *глажу* и т. д.). Особо стоит *ведение* (от *веду*).

От этого правила отклоняются, однако, производные с *-ениј-е*, *-ен'ј-е*, утратившие первоначальное значение процесса и развившие другие значения (например, результата), а именно: *видение* 'призрак, сон', *значение, строение*; здесь суффикс ведет себя как при глаголах совершенного вида. Прочие отклонения: *княжение, правление, мышление* (устар. *мышление*), *мучение* (заметим, что все эти слова имеют не только процессуальное значение); *движение, плавление*, также (*не*)*противление*. Аналогичное отклонение с *-им-*: *недвижимый* 'неподвижный' (ср. *недвижимое имущество*). Изолированно стоит архаизм *ряжение* (обряд), с обратным отклонением.

Слова *ранимый, ранение* (от двувидового глагола *ранить*) акцентно регулярны: они соотносятся с совершенным видом, что подтверждается и их значением (прилагательному *ранимый* 'уязвимый, чувствительный', вообще говоря, можно даже противопоставить потенциальное причастие *ранимый* 'тот, которому наносят рану'; во всяком случае, слово *ранимый* этого значения передавать не может).

Действие изложенных правил создает в русском языке многочисленные акцентные противопоставления типа *рушимый — неразрушимый, гладимый — неизгладимый, рушение — разрушение, крашение — украшение, моржение — обморожение, видение — видение*.

Суффиксы *-щик* и *-овщик*

§ 1.68. Акцентные свойства этих суффиксов различны в отглагольном и в отыменном словообразовании.

В отглагольном словообразовании *-щик* выступает как вторичный суффикс с маркировкой ←, например: *рубищик, мойщик, гонщик, лепщик, [свáр]щик, [скýп]щик, [дóстáв]щик, [натéр]щик, вéдущий*,

пла́кальщик, глады́льщик (морф -и- ↓ D). Суффикс *-овщик* выступает здесь как первичный (непоглощающий) с маркировкой ↓⁷¹: *сверло́вщик, распи́ловщик, потако́вщик* (от *сверли́ть, распи́ливать, потака́ть*). Однако *-овщик* как единый суффикс здесь весьма редок: подавляющее большинство отглагольных слов на *-овщик* соотнесено с глаголом на *-овать* (т. е. содержит просто суффикс *-щик*), ср. *зимо́вщик, калибро́вщик, упаковщик, забастовщик* и т. п. Отклонения: 1) в словах *продавщи́к, поставщи́к, покупщи́к, откупи́к* *-щик* ведет себя как первичный суффикс класса →; 2) в ряде слов на *-овщик* (бесприставочных), несмотря на наличие глагола на *-овать*, акцентуация такая, как у отыменных производных (см. ниже), — *пемз-овщи́к, бронз-, дерн-, пресс-, плюс-, бунт-, грунт-, борт-, межвещи́к*; во всех этих случаях слово на *-овщик* можно семантически связать и с соответствующим существительным, т. е. мы имеем дело с двусмысленной словообразовательной связью.

В отыменном словообразовании *-щик* и *-овщик* находятся в почти строгом дополнительном распределении: *-овщик* используется при односложных базовых компонентах (кроме сильных, оканчивающихся на одиночную согласную), *-щик* — в прочих случаях, ср. *гробовщи́к, крановщи́к, лампови́к* и *жа́лобщи́к, веретёнщи́к, фона́рщи́к* (но также, например, *ба́нищи́к*); при наличии беглой гласной в производящей основе используется модель *тюре́мщи́к, стекбо́льщи́к* и т. п., т. е. без *-ов-*. Таким образом, здесь представлен яркий пример выравнивания слоговой структуры производных путем добавления «пустого» *-ов-* там, где недостает слога.

С акцентной точки зрения, отыменное *-щик* используется: 1) заменительно (с маркировкой →), вместо прилагательного с *-н-*, например, *погребщи́к, кузовщи́к, обувщи́к, гребенщи́к, зеленщи́к, номерщи́к, тюре́мщи́к, корабельщи́к, аварийщи́к, подёнщи́к, ка́менищи́к, угольщи́к, та́бельщи́к* (ср. *погребно́й* и т. д., *тюре́мный* и т. д.); 2) аддитивно (с маркировкой ←) — в тех немногих случаях, когда нет соответствующего прилагательного с *-н-*, например, *жестя́нщи́к, па́йщи́к*. Отклонения: 1) *ящи́к, дени́к, стерженщи́к*; слово *временщи́к* формально соотнесено с *временно́й*; 2) *коко́бни́к*.

Отыменное *-овщик* выступает как поглощающий сращенный суффикс с маркировкой → Monosyll, например: *гроб-овщи́к, час-, резьб-, слон-, плот-, гурт-, газ-, рост-, бронз-, пемз-*; ср. также *кладовщи́к, мостовщи́к* (от *кладова́я, мостова́я*). Отклонения: 1) *лампови́к, нерпови́к*; 2) *старьёвщи́к, клеймбви́к, коврбви́к*.

⁷¹ Ср. также *-ирбви́к* ↓ D (§ 1.41).

Суффиксы *-ян-е (-ан-е), -чан-е*

§ 1.69. Суффиксы названий жителей *-ян-е (-ан-е), -чан-е* выступают в чистом виде во мн. числе производных (*ри́мляне, молдава́не, ростовча́не*), а в ед. числе сопровождаются сингулятивным суффиксом *-ин* ↓ (*ри́млянин, молдава́нин, ростовча́нин*). Акцентные свойства этих суффиксов сложны и отчасти аномальны. Нормальной маркировкой этих суффиксов является ↓ D; ср., например, *во́лжа́нин, па́рижа́нин, киева́нин, воло́гжа́нин, россия́нин, персия́нин, молдава́нин, магомета́нин, ростовча́нин, харькова́нин* (не говоря уже о случаях со слабым базовым компонентом вроде *горожа́нин, поезжа́нин*). Однако наряду с этим суффикс *-ян-е (-ан-е)* обнаруживает еще два типа акцентного поведения: 1) в названиях жителей древнего мира этот суффикс ведет себя по классу ↓ (без доминантности) — *ри́мл-янин, афи́н-, карфаге́н-, лати́н-, македо́н-, вавило́н-, финики́янин* и др. (см. Грамм.), также *во́льбянин*; в *асси́риянин* такой же сдвиг ударения, как в *-и́йск-, -и́йн-*; 2) в замкнутой группе старых слов этот суффикс, сохраняя перед окончаниями (т. е. во множ. числе) обычные свойства класса ↓ (или ↓ D), перед сингулятивным суффиксом *-ин* аномальным образом ведет себя по классу → (т. е. передает этому *-ин* свое ударение): *слова́ни́н* (мн. *слова́не*), аналогично *селя́ни́н, арм-, двор-, мещ-ани́н, чуж-, христи-, ср. семья́ни́н* (мн. *семья́ни́ны*); слова *гражда́ни́н, согражда́ни́н* дважды аномальны, поскольку во мн. числе здесь выступает (*со*)*гра́ждане*. В нелитературной речи некоторые слова из этих особых групп могут следовать основной модели (например, возможны ударения *римля́не, афиня́не, вавилоня́не, селя́нин, христиа́нин*); для слова *египтя́не* такое ударение уже закреплено литературной нормой.

Аномальной акцентной особенностью суффиксов *-ян-е, -чан-е* является также то, что они могут перетягивать на себя ударение с доминантного базового компонента, например, *поморя́нин*; в самом деле, при *-ян-* ↓ ожидалось бы **помб́рянин*, а при *-ян-* ↓ D соединение здесь должно быть вообще невозможным (см. § 1.31). Правда, общелитературных слов с таким эффектом совсем мало: *прихожа́нин, поселя́нин, соборя́нин, поморя́нин* (в *однополча́нин, односельча́нин* естественнее видеть неплотно присоединенное *одно-*). Прочие слова такого рода имеют узкое (часто сугубо местное) распространение, например ⁷² *пореча́нин, подоля́нин, пятигорча́нин, днепропетровча́нин*; сюда же *посельча́нин*. Часть подобных производных явно опирается на соответствующие более простые, ср. *заво́лжа́нин, поволо́жа́нин, приво́лжа́нин* и акцентно правильное *во́лжа́нин, староруша́нин* и *руша́нин, великоустюжа́нин* и *устюжа́нин* и т. п. (т. е. здесь применяется техника неплотного присоединения). Было бы неосторожно, однако, рассматривать местные названия рассматриваемого типа

⁷² Основной источник примеров: Словарь названий жителей СССР. М., 1975.

в одном ряду с общелитературными словами: морфонологические механизмы здесь могут быть несколько особыми, к тому же разными в разных частях русской территории; ср., например, недоминантное *-ян-е* в ряде северных названий (*ки́жа́нин*, *верхова́жанин*, устар. *белозе́рянин*, *заво́лжанин*, *пово́лжанин*, *новгоро́дчанин*).

В целом для суффиксов *-ян-е* (*-ан-е*), *-чан-е* следует констатировать преобладание маркировки ↓ D при значительных следах других, более старых маркировок, а также тенденцию к нарушению правила о несовместимости доминантного базового компонента и доминантного суффикса; по-видимому, это нарушение связано с особым способом функционирования собственных имен, при котором их морфемная членимость становится несущественной и перестает осознаваться (откуда эффект, характерный для случаев опрощения).

ПРАСЛАВЯНСКАЯ И РАННЕДРЕВНЕРУССКАЯ АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ

§ 2.1. В настоящей главе рассматриваются две очень близкие акцентные системы: поздняя праславянская и раннедревнерусская. И та и другая представляет собой результат реконструкции, но в первом случае базой для реконструкции служат все славянские языки, а во втором — главным образом восточнославянские. Раннедревнерусская акцентная система (т. е. восточнославянская система эпохи до падения редуцированных) в сущности представляет собой один из диалектных вариантов поздней праславянской системы. Поскольку основной задачей настоящей книги является изучение акцентной эволюции именно в русском языке, а также в связи с тем, что раннедревнерусская система восстанавливается с большей детальностью и однозначностью, чем праславянская, ниже в основу изложения положена именно раннедревнерусская акцентная система, а ее немногочисленные отличия от праславянской рассмотрены особо (§ 2.31—34). В частности, во всех списках корней и аффиксов, приводимых в настоящей главе, указаны именно те акцентные характеристики, которые обнаруживаются у этих морфем в восточнославянских источниках (тогда как в других ветвях славянских языков некоторые из них имели иные акцентные характеристики). Вопрос о том, какая из конкурирующих диалектных акцентонок является в таких случаях древнейшей, выходит за рамки настоящей работы и ниже, как правило, не обсуждается. Более того, мы не ставили своей целью указать все случаи подобных расхождений, поскольку это потребовало бы таких же разысканий по истории ударения других славянских языков, каким эта книга является для русского.

Основная задача настоящей главы — компактно (но в то же время относительно полно) представить акцентную систему, принимаемую в настоящей работе за начальную точку акцентной эволюции русского языка. Соответственно, здесь нет претензии на изложение лишь собственных результатов автора: предлагаемая акцентная реконструкция во всем существенном следует работам Хр. Станга, В. М. Иллич-Свитыча и в особенности В. А. Дыбо (см. в первую очередь: Станг 1957, Иллич-Свитыч, Дыбо 1962, 1968, 1981); отметим еще важную работу этого же направления: Гард, 1976. Большое значение для настоящей работы имеет тезис Р. О. Якобсона о противопоставлении фонологически ударных и фонологически безударных слогов в праславянском и существовании фонологически безударных словоформ («энклиноменов»; Якобсон 1963).

Используемая система маркировок определенным образом сообразована с той, которая применяется в гл. 1 для современного русского языка. Однако мы не стремились достичь максимума совпаде-

ний между древними и современными маркировками, поскольку, как показывает анализ, такая стратегия описания ведет к недопустимо большому числу натяжек и лишь мешает увидеть тот качественный скачок, который совершило русское ударение за последние 8—10 веков.

В соответствии с основной задачей настоящей главы, описание раннедревнерусской акцентной системы дается ниже в большинстве случаев в «декларативном» стиле, т. е. без аргументации в пользу предлагаемых акцентных реконструкций. Аргументацию по принципиальным вопросам реконструкции см. в работах названных выше авторов; некоторые более частные вопросы обсуждаются в § 2.31—32 и в гл. 3.

Особую проблему составляют диалектные различия в рамках раннедревнерусского языка. Какое-то число таких различий, в т. ч. акцентных, несомненно существовало. При этом важно, что некоторые изоглоссы, разделявшие восточнославянские диалекты, выходили за пределы восточнославянской области и продолжались на западнославянской или южнославянской территории; ср. хотя бы хорошо известную проблему диалектного распределения взрывного и фрикативного *g*. Особое значение имеют пока еще недостаточно изученные специфические особенности новгородско-псковского ареала и его связи с западнославянскими языками (в первую очередь с севернолехитскими) и с южнославянскими (в первую очередь со словенским). Таким образом, традиционное представление о монолитном восточнославянском языке, дальнейшее развитие которого характеризовалось только дивергенцией, является по меньшей мере упрощенным: в действительности здесь значительную роль играли также конвергентные процессы. В частности, в истории великорусского языка сгладился ряд очень старых различий между новгородско-псковскими и восточными (ростово-суздальскими и рязанскими) говорами, например, различие, связанное с тем, что новгородско-псковские говоры вообще не знали второй палатализации.

В настоящей работе учтены некоторые наиболее надежные случаи диалектных акцентных расхождений в рамках раннедревнерусского (заметим, что часть из них образует изоглоссы, выходящие за пределы восточнославянской области; ср., например, § 3.41 о двух акцентовках словоформ типа *И. В. мн. моря*). Но, конечно, на нынешнем этапе исследования выявлены еще не все расхождения такого рода. Предлагаемая раннедревнерусская акцентная реконструкция в принципе отражает данные всех основных частей восточнославянской территории, но в весьма неравном объеме: полнее всего учтены данные великорусской зоны — прежде всего потому, что именно для этой зоны мы располагали обширным материалом непосредственно обследованных нами средневековых памятников; для украинско-белорусской зоны использовались в основном данные описаний. Соответственно, наша реконструкция, го-видимому,

в каких-то деталях неодинаково полно отражает особенности этих двух восточнославянских зон.

§ 2.2. Ниже словоформы рассматриваются в их раннедревнерусском облике; практически это значит, что они даются в нормализованной орфографии эпохи до падения редуцированных (кроме особых случаев, оговариваемых ниже). Для праславянского используется латинская запись; таким образом, раннедревнерусская и праславянская реконструкции легко различаются внешне без дополнительных указаний. При этом, однако, даже и для раннедревнерусского сочетания с *j* могут при необходимости передаваться средствами транскрипции, а не орфографии, например: *ja* (а не *я*), *jь* или *ju* (а не *и*; см. об этом также § 2.3).

В раннедревнерусском, как и в праславянском, так наз. редуцированные (*ъ* и *ь*) еще во всех позициях являются гласными, т. е. образуют слог. Конкретный редуцированный в составе конкретной словоформы и далее, в составе конкретной тактовой группы (см. § 2.4) может быть сильным или слабым. В раннедревнерусском сила или слабость редуцированного зависит только от фонемного окружения (и, в частности, никак не зависит от акцентуации, см. § 3.2). Здесь действуют следующие правила, применяемые последовательно от конца к началу тактовой группы: 1) конечный редуцированный тактовой группы — слабый; 2) в окружениях *С—лС*, *С—рС* (где *С* — любая согласная) редуцированный сильный; 3) в прочих случаях редуцированный является сильным, если в следующем слоге стоит слабый редуцированный, и слабым, если это не так.

Морфы делятся на обычные (содержащие хотя бы одну гласную) и безгласные (не содержащие гласной).

Обычные морфы делятся на этимологически длинные и этимологически краткие¹. Из односложных морфов к первым относятся те, которые содержат *а, я, ѣ, и, ы, у, ю* или сочетание *СълС, СърС, СълС, СърС*, ко вторым — те, которые содержат *ъ, ь* (не перед *р, л*) или *е, о*². Особый случай составляют морфы, оканчивающиеся на *ъл, ѣр, ьл, ьр*: они этимологически долги в составе тех словоформ, где за данным морфом следует согласная (например, *тьр-л-а, за-ньр-т-ъ*), и этимологически кратки там, где следует гласная (например, *тьр-е-ть, за-ньр-е-ть*). Из двусложных морфов к этимологически долгим относятся, во-первых, те, которые содержат полногласное сочетание *оло, оро, ело, ере*, во-вторых, те, у которых последний слог по приведенным выше правилам попадает в число этимологически долгих; прочие этимологически кратки.

¹ Для раннедревнерусского этимологическая долгота или краткость, возможно, еще была и синхронически реальной (хотя бы в некоторых позициях; ср. § 2.33). Но в целях общности с более поздними периодами целесообразно везде говорить именно об этимологической характеристике.

² Однако в церковнославянизмах с неполногласным сочетанием *СлeС* или *СрeС* (например, *млеко, брегъ*) корневой морф считается этимологически долгим.

Требуемое для акцентологии членение раннедревнерусских словоформ на морфы в нормальном случае происходит просто на фонетическом уровне, например: *јав-и-л-ѣ*, *бож-ѣ-а*. Особый случай составляют рефлексы раннепраславянского морфа *-j-* в положении после согласной (**vol-j-a*, **mold-j-e* и т. п.); здесь и для раннедревнерусского в некоторых категориях словоформ целесообразно усматривать особый морф (он обозначается **-j-*), хотя его внешнее выражение на этом историческом этапе уже очень разнообразно и может быть даже нулевым. Тем самым в данном случае мы оперируем с «глубинным», а не «поверхностным» морфом. Случаи, где для акцентологии существенно выделять морф **-j-*, отмечаются в дальнейшем по ходу разбора.

В отношении морфологического членения словоформ отметим, что для раннедревнерусского принимается в целом такое же разделение словоформ на основу и окончание, как в современном языке. Окончания членных форм прилагательных считаются состоящими из двух морфов: а) вокалический соединительный морф; б) собственно окончание. Примеры: *молод-ѣ-ѣ*, *молод-а-ја*, *молод-ы-хѣ*, *молод-ы-ми*. Между тем в местоименном склонении такого разделения нет: окончания здесь одноморфны, например: *т-ого*, *мој-ему*, *-еѣ*, *-ими*, *всѣ-ѣми*. Окончания презенса глаголов (не атематических), кроме 1 ед., также считаются состоящими из двух морфов: а) вокалический соединительный морф (*е*, *у*, *и*, *я*); б) собственно окончание. Примеры: *нес-е-ть*, *нес-у-ть*, *люб-и-ть*, *люб-я-ть*; однако в 1 ед. просто *нес-у*, *люб-ю* (соединительного морфа здесь нет; морф **-j-*, представленный в словоформе *люблю* в виде *л'*, считается частью основы). Специально отметим, что в императиве соединительный элемент отсутствует: он «поглощен» показателем императива *-и-*, *-ѣ-*; например, в *люб-и-те* морф *-и-* есть показателем императива (а не соединительный элемент). Членение на морфы в аористе видно из примеров: *вед-ох-ѣ*, *вед-е-ѹ*, *вед-ос-те*, *вед-ош-я*, *зна-х-ѣ*, *зна-ѹ*, *зна-ш-я*.

В спряжении глагола различаются так наз. система инфинитива (инфинитив, аорист, имперфект, перфект и неличные формы прош. времени) и система презенса (личные и неличные формы презенса и императив).

§ 2.3. Особую проблему составляют сочетания *ѣ*, *ѣ*, *и*, *ы* с последующим или предшествующим *ј*. Для акцентологического описания оказывается необходимым различать: 1) этимологические *ѣј*, *ѣј* и *ыј*, *иј*, например: *къѣѣ* 'какой', *живѣѣ*, *сѣѣ*, *нищѣѣ*, *копѣѣ*, *людѣѣ* — *къѣѣ* 'кий', *стрыѣѣ*, *шија*, *живыји*, *нищији*, *мыју*, *рыју*, *брију*, *гнију*; 2) этимологические *јѣ* и *ји*, например: *јѣму*, *своѣѣ*, *покоѣѣ* — *јива*, *јищю*, *своји*, *покојити*, *тројица*.

Этот тезис неочевиден, поскольку уже в раннем древнерусском (если не еще раньше) произошло совпадение (по-видимому, правда, не во всех случаях) *ыј* с *ѣј*, *иј* с *ѣј* и *ји* с *јѣ*; ср., в частности, одина-

ковость рефлексов в рус. *мой, рой* (императивы) и *живой, брей* и *людей* или в укр. *мий, рий* и *живий*.

Существенно, однако, что это совпадение не привело к последовательному включению гласных, входящих в состав этимологических *ыј, иј, ји*, в класс редуцированных со свойственным ему различием сильных и слабых аллофонов. Такие гласные, как правило, ведут себя, независимо от позиции, как сильные редуцированные, т. е., во-первых, они не падают в слабой позиции, во-вторых, редуцированный предшествующего им слога всегда слабый; ср., например, рус. *шея, мою, рюю, вюю, йва, йней, ищю*, также в *шею, смюю, врюю, взвюю, сбрюю, сгнию, взыщю*, укр. *шійя, мію, рію, вію, йва, йней, змію, збрію, згнию*. Между тем *ъ, ь* в составе этимологических *ъј, ъј, јь* в вопросе о силе и слабости полностью подчиняются общему правилу.

Имеется, правда, несколько случаев, когда этимологическое *иј* во всех отношениях перешло в *ъј*. Из таких случаев общими для всей восточнославянской области можно считать только презенсы *бију* (*бијеши* и т. д.), *вију, лију, пију*; они всегда ведут себя как *бъју, въју, льју, ньју* (и именно с *ь* мы и будем их далее записывать). Прочие случаи такого рода, по-видимому, были ограничены лишь той или иной частью говора. Так, презенс *шију* дал рус. *шью*, однако сохранил гласную в укр. *шію*, белор. *шбію*; ср. также рус. *сошью* и укр. *зішю*. Аналогично: рус. *чей, чья, чье* — укр. *чий, чія, чіє*, белор. *чый, чыя, чыє*. В отдельных великорусских говорах отмечаются такие словоформы, как *шья* 'шея', *мью* (*мью*) 'мою' (см. Шахматов 1915, § 37, 39, 363); возможно, такое же фонетическое развитие отражают и некоторые написания в памятниках.

По-видимому, варьировало по говорам также соотношение между этимологическими *ји* и *јь*. В частности, существовали говоры, в которых всякое *ји* подчинялось правилу о сильных и слабых позициях (а именно, после падения редуцированных оно дало в сильной позиции *ји*, в слабой — *ј*). Один из таких говоров отразился в Мерице Праведном XIV в. (§ 3.26), где находим, например: *свои* /свѡј/ из *своѣ* и из *своји*, также *своими* /свѡјми/, *своима* /свѡјма/, но *своимъ* /свѡјим/, *своихъ* /свѡјих/, см. Противоп., § 22. Конечное *-ји* в местоименном окончании Д. М. ед. *-оји* дало *-јь* повсеместно.

С другой стороны, в определенных случаях даже этимологическое *јь* могло вести себя как *ји* и не подчиняться правилу о сильных и слабых позициях. В частности, именно так обычно вело себя начальное *јь* в говорах будущей великорусской территории (или, по крайней мере, значительной ее части), ср. рус. *идѣт, имѣет, игрѣ, икрѣ*. Специальный интерес для дальнейшего представляют презенсы *јьдетъ, јьметъ*; для них можно предполагать следующие диалектные варианты развития: а) *јь* дало *ји*, функционирующее как гласная полного образования (или как сильный редуцированный), т. е., в частности, способное принимать на себя ударение; отсюда возможность ударений *идеть, иметь*; б) *јь* трактовалось по общему

правилу как слабый редуцированный; отсюда вынужденные ударения *идѣть, имѣть*; в дальнейшем такое *ѣ* давало в одних говорах *ѣ* (укр. *йде*), в других *и* (рус. *идѣт*).

Можно предполагать, таким образом, что переходы $ыj > ѣj$, $иj > ѣj$, $ју > ѣ$ происходили уже после того, как сформировалось различие сильных и слабых редуцированных. На сравнительно поздний характер этих переходов указывает также то, что корни с этимологическими *ы*, *и* при этом не потеряли способность нести на себе неподвижное ударение, тогда как корни со старыми *ѣ*, *ь* такого ударения нести не могут (см. § 2.7); иначе говоря, эти переходы относятся к эпохе, когда указанный акцентологический запрет уже не был живым.

Неполная регулярность рассмотренных выше соотношений указывает также на то, что мы имеем здесь дело не только с чисто фонетическим развитием: на фонетический процесс рано наложились различные выравнивания. К счастью, для целей настоящей работы нет необходимости разбирать детали диалектного фонетического развития данной категории словоформ; важно лишь учитывать сам факт существования рассмотренных различий.

Ниже при записи раннедревнерусских словоформ *ыj*, *иj*, *ју* или *ѣj*, *ѣj*, *ѣ* пишется в соответствии с этимологией (кроме презенсов *бѣју*, *вѣју*, *лѣју*, *нѣју*, см. выше). Этимологическая долгота или краткость морфов определяется при этом по общему правилу (§ 2.2), исходя из указанной записи. Соответственно этой же записи решается вопрос о том, подпадает ли рассматриваемая звуковая единица под действие правил о редуцированных (*ы*, *и* под эти правила не подпадают). Запись с обычным орфографическим *и* вместо *ју* или *ѣ* означает, что данное различие для рассматриваемого вопроса несущественно (или что неизвестно, какое из этих сочетаний здесь было представлено).

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О РАННЕДРЕВНЕРУССКОЙ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

§ 2.4. В раннедревнерусском в потоке речи всякое предложение с просодической точки зрения распадалось на так наз. т а к т о в ы е г р у п п ы. Тактовая группа представляет собой отдельную словоформу или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении (конкретнее о характере этого объединения см. § 2.6).

Все словоформы делятся на а к ц е н т н о с а м о с т о я т е л ь н ы е (способные хотя бы в некоторых случаях сами по себе составить отдельную тактовую группу) и к л и т и к и (не обладающие этим свойством). Клитик всего около 50 (см. § 2.22). Часть клитик (так наз. п р о к л и т и к и) в потоке речи входит в одну тактовую группу с последующей словоформой, другая часть (так наз. э н к л и т и к и) — с предшествующей словоформой. В особом положе-

нии слово *да* (союз и частица ³): в позиции после проклитики оно является энклитикой, во всех прочих позициях — проклитикой.

Тактовые группы делятся на *о д н о с л о в н ы е* (состоящие из одной словоформы, разумеется, акцентно самостоятельной) и *н е о д н о с л о в н ы е*. Последние делятся на *о б ы ч н ы е* (включающие хотя бы одну акцентно самостоятельную словоформу) и *о с о б ы е*, или *п р о к л и т и к о - э н к л и т и ч е с к и е* (состоящие только из одной или нескольких проклитик, за которыми следует одна или несколько энклитик). Обычные неоднословные тактовые группы делятся на *п р о с т ы е* (состоящие из одной акцентно самостоятельной словоформы, сопровождаемой клитикой или клитиками) и *с л о ж н ы е* (включающие более одной акцентно самостоятельной словоформы, с клитиками или без них). Примеры неоднословных тактовых групп: простые — *слово же, на слово, а не за къязя, и не по закону ли*; сложные — *сего дъне, пятьдесятъ, не за пятьдесятъ ли*; проклитико-энклитические — *на ся, не за мя, не бо, ни же, и ли, да бы*.

§ 2.5. Основное просодическое противопоставление на уровне слогов таково: *ф о н о л о г и ч е с к и у д а р н ы й* слог — *ф о н о л о г и ч е с к и б е з у д а р н ы й* слог. Важнейшая особенность рассматриваемой просодической системы состоит в том, что существуют акцентно самостоятельные словоформы, у которых все слоги фонологически безударны (Якобсон 1963, с. 9). Такие словоформы называются *э н к л и н о м е н а м и* (термин Р. О. Якобсона и В. А. Дыбо). Им противопоставлены акцентно самостоятельные словоформы, содержащие фонологически ударный слог; они называются *о р т о т о н и ч е с к и м и* (термин В. А. Дыбо). Данное противопоставление действительно также для тактовых групп: они могут быть энклиноменами или ортотоническими.

Ниже фонологическое ударение обозначается знаком ¹ над ударной гласной; принадлежность словоформы или тактовой группы к числу энклиноменов обозначается знаком ⁻ перед словоформой (тактовой группой). Примеры: *м¹н⁻ого, жен¹а*; *⁻слово, ⁻на слово*.

В каждой ортотонической словоформе фонологическое ударение закреплено за одним из ее слогов; ни при каких фразовых условиях оно никуда не сдвигается и не исчезает. При этом никаких общих ограничений на место фонологического ударения, связанных со счетом слогов от начала или от конца словоформы, в системе нет. Имеется, однако, следующее важное ограничение: фонологическое ударение не может падать на слабый редуцированный (см. § 2.2). Другое ограничение состоит в том, что в полногласных сочетаниях (*оро, ере, оло, ело*) фонологическое ударение может падать только на второй слог.

Фонологическая ударность фонетически реализуется в каком-то виде просодического усиления. Фонологическая безударность реали-

³ Частица, входящая в состав оборота типа *да будеть*; слово *да* (утвердительный ответ) — акцентно самостоятельное.

зается двумя способами, в зависимости от позиции: 1) в начальном слоге энклиноменной тактовой группы — некоторым просодическим усилением, отличным, однако, от того, которым реализуется фонологическая ударность; 2) во всех прочих позициях — отсутствием какого бы то ни было усиления (если не считать возможности так наз. второстепенного, или ритмического, ударения в заударных слогах, о котором см. § 3.7).

Таким образом, например, словоформы *пѣти* (инфинитив) и *пѣти* (причастие, И. мн. муж.), даже взятые в изолированной позиции, не были фонетически тождественны. Ср. еще *жѣто* (зерно) и *жѣто* (причастие, И. ед. сред.), *дѣти* и *дѣры*, *сѣтъ* и *сѣнъ*, *нѣми* и *нѣа миръ*, *вѣлю* и *вѣду*, *уѣнуть* и *уѣмру* и т. п. Чем именно физически различались начальные слоги в таких парах (при изолированной позиции словоформ), в точности неизвестно. В соответствии с традиционным взглядом, в данной позиции слог с ' имел восходящую интонацию, а начальный слог энклиномена — нисходящую. Но даже если это было так, существенно то, что мы не имеем здесь дела с эквивалентным противопоставлением двух интонаций (как это считалось в традиционной акцентологии), поскольку нисходящая интонация не является постоянным свойством первого слога словоформ *пѣти*, *жѣто*, *дѣры*, *сѣнъ* и т. п., а лишь автоматически появляется в определенной фразовой позиции, т. е. функционирует как позиционный вариант безударности. Р. О. Якобсон высказал типологически правдоподобное предположение о том, что фонологическое ударение выражалось увеличением интенсивности и одновременно повышением тона, тогда как начальный слог энклиномена выделялся только увеличением интенсивности, без повышения тона (Якобсон 1963, с. 9).

В дальнейшем фонологическое ударение может быть названо также автономным ударением, а позиционное просодическое усиление начального слога энклиноменной тактовой группы — автоматическим ударением. Такая терминология более удобна для диахронического описания, поскольку она позволяет просто сформулировать основное событие в последующей эволюции ударения: в ходе истории автономное и автоматическое ударения совпали в едином современном ударении (хотя время, к которому относится это событие, пока еще точно не установлено).

Относительно предполагаемого различия двух разных интонаций в рамках автономного ударения см. § 2.31—32.

§ 2.6. Опираясь на введенные понятия, мы можем теперь несколько уточнить вопрос о формировании тактовых групп.

1. В медленной, раздельной речи тактовые группы формируются так: всякая проклитика объединяется в одну тактовую группу с последующей словоформой, всякая энклитика — с предшествующей; никаких иных объединений соседних словоформ не происходит.

2. В обычной (и, тем более, ускоренной) речи могут объединяться в одну тактовую группу две ⁴ соседних тактовых группы медленной речи (кроме случая, когда обе эти группы ортогонические ⁵), если они тесно связаны по смыслу. Особенно характерно такое объединение для синтагм с местоимениями и числительными и для синтагм из прилагательного и определяемого существительного. Примеры: *вы встѣ, сего дѣне*, *въ тѣ поры*, *дѣва дѣни*, *на три дѣни*, *дѣвѣ сътѣ*, *пять десятѣ*, *одинѣ на десяте*, *въ бѣлкѣ городѣ*, *спаси богѣ*, *си рѣчь*.

Точные правила о том, когда происходило и когда не происходило такое объединение, неизвестны. По-видимому, в широком диапазоне случаев такое объединение было факультативно и зависело непосредственно от темпа речи.

Акцентная маркировка морфем

§ 2.7. Для акцентной маркировки морфем в раннедревнерусском требуется несколько иная (более простая) система символов, чем в современном русском (ср. § 1.21). Прежде всего противопоставляются символы + (плюс) и — (минус). Далее, к символу + могут быть добавлены уточняющие символы ↓ («самоударность») и → («правоударность»), что дает + ↓ и + →. Поскольку, однако, знаки ↓ и → возможны только при +, вместо + ↓ и + → разрешается писать также просто ↓ и → (соответственно). Символ ↓, → или — образует основную маркировку морфемы.

В некоторых случаях к основной маркировке морфемы присоединена дополнительная (это возможно только для послекорневых морфем). Она состоит из пометы Re или Min.

Помета Re (от слова «ретракция») при некоторой морфеме означает, что если предшествующая морфема имеет основную маркировку →, то она заменяется на ↓ (и тем самым ударение оказывается на слог левее, чем ожидается).

Помета Min при некоторой морфеме означает, что если в составе словоформы предшествующая морфема имеет основную маркировку →, то эта маркировка заменяется на минусовую.

В нескольких особых случаях суффикс проявляет себя в акцентном отношении по-разному после этимологически долгих и этимологически кратких морфем. Поскольку эта особенность очень редка, для ее отражения не вводится дополнительных помет; она отмечается непосредственно при описании соответствующих суффиксов.

Как можно видеть, важное отличие раннедревнерусской системы

⁴ Вероятно, иногда также и более двух; но относящийся сюда материал слишком мал.

⁵ Объединение двух ортогонических групп (например, *сѣмьдесятѣ* из *сѣмь десятѣ*), по-видимому, становится возможным лишь в более позднее время; см. Станг 1978, где обследованы в этом отношении памятники XVII в.

от современной состоит в том, что здесь не бывает доминантных морфем; нет также и левоударных морфем (отсутствует маркировка ←).

Поскольку в принципе разные морфы одной морфемы могут иметь разную маркировку (хотя это и нетипичный случай), можно говорить, как и для современного языка, также о маркировке морфов, а не только целых морфем.

Акцентную маркировку получают все обычные (не безгласные) морфы. Маркировка считается приписанной к одной из гласных морфа. Нормально это последняя гласная морфа (в подавляющем большинстве морфов она же и единственная). Лишь в очень немногих неодносложных морфах точкой приписки служит не последняя гласная; таковы некоторые корни (по большей части заимствованные, например, *парус-*), а также несколько окончаний (прежде всего *-ами* и *-ама*). При записи неодносложных морфов с основной маркировкой ↓ точка приписки маркировки отмечается знаком автономного ударения, например: *морòз-*, *пáрус-*, *-áми*.

Безгласные морфы маркировки, как правило, не имеют, т. е. операции, связанные с ударением, проводятся так, как если бы этих морфов в составе словоформы вообще не было. Однако в качестве исключения несколько безгласных морфов имеют маркировку (плюсовую); она приписывается к последней (обычно единственной) фонеме морфа.

З а м е ч а н и е. Для дальнейшего почти ничего не изменилось бы, если бы считать, что безгласные морфы, не получившие маркировки, имеют минусовую маркировку; достаточно было бы внести небольшие коррективы в определения. Принятое выше решение технически проще.

Акцентная маркировка представляет собой в раннедревнерусском независимую характеристику морфемы, которую нельзя вывести по каким-либо общим правилам из фонемного состава или значения морфемы.

При этом, однако, важно учитывать, что в (раннем) праславянском имелось следующее ограничение общего характера: морф с краткой гласной (стоящей не перед *r*, *l* + *C*), начинающий акцентно самостоятельную словоформу, не мог иметь маркировку ↓. В раннедревнерусскую эпоху это ограничение уже не было живым; это видно, в частности, из акцентуации некоторых заимствованных слов: например, корни слов *ведро* 'serenum', *кедръ* имеют здесь маркировку ↓. Тем не менее для подавляющего большинства раннедревнерусских словоформ (в частности, для всей глагольной системы) указанное ограничение фактически сохраняло силу; оно лишь превратилось из автоматического в традиционное. Соответственно, в раннем древнерусском имеется один тип регулярной мены акцентных маркировок, определяемой чередованиями фонем, а именно: если у корневого морфемы имеется этимологически долгий алломорф (см. § 2.2) с маркировкой ↓ и этимологически краткий алломорф, то этот последний получает маркировку →. Например, в *мя-л-ъ*, *тьр-л-ъ* корневые морфы *мя-*, *тьр-* (этимологически долгие)

имеют маркировку ↓; в то же время в *мын-е-ть*, *тьр-е-ть* морфы *мын-*, *тьр-* (этимологически краткие) имеют маркировку →.

В целом раннедревнерусский довольно близок к тому идеальному состоянию, когда каждая морфема имеет постоянную маркировку; но все же имеются и отклонения от этого принципа. Помимо случаев типа *мяль*—*мынеть*, *тьрль*—*тьреть*, отмеченных выше, укажем еще следующие. У небольшой группы глаголов корни имеют в системе презенса и системе инфинитива разную маркировку (без связи с рассмотренным выше ограничением), например: *сѣчи* (в системе презенса —, в системе инфинитива ↓), *яти* (соответственно → и —); списки таких глаголов содержатся в § 2.14—17. Далее, у ряда *ај-*глаголов с итеративным (хотя бы первоначально) значением, в частности, *бѣгати*, *глядати*, *кланятися*, *плавати*, *пѣззати*, *ворочати*, *кушати* корень выступает с маркировкой ↓, тогда как у соответствующих неитеративных глаголов корень имеет (по крайней мере, в презенсе) маркировку — или →; ср. *бѣжить*, *глядить*, *клонить*, *пловеть*, *пѣззеть* (—), *воротить*, *кусить* (→). Имеется также ряд других, не поддающихся обобщению случаев подобного рода; например, в *квасъ* корень имеет —, а в *квасити* ↓; в *страдаи* корень имеет →, а в *страда* —. Наконец, особый вид отступления от принципа постоянства маркировки морфемы создают определенные морфологические категории словоформ (или последовательности словоформ в тактовой группе), акцентуация которых описывается с помощью понятия перемаркировки (см. § 2.9, 21, 26—29); см. об этом понятии § 1.23.

Базисное правило

§ 2.8. Выписанные друг за другом маркировки всех морфов (имеющих маркировку), которые входят в некоторую тактовую группу, образуют так наз. **ц е п ь м а р к и р о в о к** этой тактовой группы (ср. § 1.22). Ниже приводится правило (так наз. **б а з и с н о е**), позволяющее установить акцентуацию произвольной раннедревнерусской тактовой группы (в частном случае — изолированной словоформы) по цепи ее маркировок.

П р е д в а р и т е л ь н а я о п е р а ц и я. Если в словоформе имеется морф с пометой Min, а у ближайшего слева морфа, имеющего маркировку, основная маркировка есть →, то это → заменяется на минус.

Далее следует основная часть правила.

1. Если цепь маркировок содержит только минусы — тактовая группа (или словоформа) является энклиноменом.

2. Если имеется хотя бы один плюс — тактовая группа (или словоформа) является ортотонической; ее ударение привязано к самому левому из имеющихся плюсов. Если этот плюс есть ↓, ударение падает на саму точку привязки ⁶, если →, то на ближайшую к точке

⁶ Если морф безгласный, ударение падает на ближайшую к нему гласную слева.

привязки гласную справа. Если, однако, ударение привязано к →, а ближайшая маркировка справа содержит помету Re, то ударение остается в точке привязки.

3. Если в силу пункта 2 ударение попало на слабый редуцированный (см. § 2.2), оно сдвигается на слог влево ⁷.

Примеры действия базисного правила (маркировки подписаны снизу, результат действия правила показан знаком $\bar{\quad}$ или $\overset{\cdot}{\quad}$).

К пункту 1: $\bar{\text{сло-о}}$, $\bar{\text{на слов-о}}$, $\bar{\text{и не на слов-о}}$,

$\bar{\text{порох-ь}}$, $\bar{\text{голов-у}}$, $\bar{\text{лих-ост-ьн-о}}$, $\bar{\text{при-вед-у}}$,

$\bar{\text{не про-да-л-ь}}$, $\bar{\text{въ т-ь пор-ы}}$, $\bar{\text{за дьв-а дьн-и}}$.

К пункту 2 $\text{голов-}\overset{\cdot}{\text{а}}$, $\text{порох-ов-ьн-ищ-}\overset{\cdot}{\text{а}}$, $\text{стол-}\overset{\cdot}{\text{а}}$, $\text{голов-ьн-ик-}\overset{\cdot}{\text{у}}$,

$\text{молод-ь}\overset{\cdot}{\text{ы}}$ -хь , на слов-о ли , при-вед-у же , про-да-л-ь ся ;

мож-е -ть , $\text{добр-ь}\overset{\cdot}{\text{ы}}$ -хь , сво-е-му .

К пункту 3 стол-ь , голов-ь , $\text{голов-ьн-ич-ьств-о}$;

по-сьл-е -ть , сьл-е -ть , $\text{зьл-ь}\overset{\cdot}{\text{ы}}$ -хь .

Как можно видеть, в отличие от базисного правила для современного русского языка (§ 1.22), которое обслуживает только основы словоформ, базисное правило для раннедревнерусского является универсальным: оно обслуживает не только целые словоформы, но и целые тактовые группы.

§ 2.9. Неоднословные тактовые группы, в которые входят энклимены, обладают некоторыми особыми свойствами, которые можно

⁷ Если же это невозможно (в тактовой группе влево других слогов уже нет), то ударение сдвигается на слог вправо (такой слог обязательно имеется).

описать в терминах перемаркировок (предшествующих применению базисного правила). Правила здесь таковы.

1. Односложная словоформа с минусовой маркировкой, стоящая в конце тактовой группы после неодносложного энклиномена, меняет свою минусовую маркировку на ↓. Примеры: *слово сѣ*, *землю тѹ*, *варю вѣ* 'предваряю вас', *мирѣ сѣ* (из *мирѣ сѣ* по п. 3 базисного правила).

2. Если тактовая группа состоит из неодносложного энклиномена, оканчивающегося не на *ѣ*, *ь*, и энклитики (или перемаркированного по п. 1 односложного энклиномена), то такой неодносложный энклиномен факультативно меняет свою минусовую маркировку (последнюю, если она не одна) на ↓. Примеры: *стыжѹ сѣ*, *варю вѣ*, *землю тѹ*, *оба та* — наряду с *стыжю сѣ*, *варю вѣ*, *землю тѹ*, *оба тѣ*.

Примечание. Данный факультативный вариант рано стал господствующим в сочетаниях *l*-причастий с *сѣ* (например, *дало сѣ*, *родило сѣ*, *опустило сѣ*) и в *никѣто же*, *ничѣто же*.

3. Такой же перемаркировке, как в п. 2, факультативно подвергается первый член тактовой группы из двух неодносложных энклиноменов (перед первым из которых может также стоять предлог). Примеры: *живѹ воду*, *въ вѣки вѣкомѣ* (ср. § 3.46), *оба полы* — наряду с *живу воду*, *въ вѣки вѣкомѣ*, *оба полы*.

Примечание. Данный факультативный вариант рано стал господствующим в названии Новгорода: *новѣ городѣ* (из *новѣ городѣ* по п. 3 базисного правила), *новѣ города*, *новѹ городу*, *новѣ городѣ*. Но не исключено также, что здесь представлен след древнейшей акцентуации прилагательного *новѣ* (в праславянском, в отличие от древнерусского, корень этого слова имел маркировку →).

Возможно, распределение акцентных вариантов, указанных в п. 2 и 3, определялось какими-то синтагматическими условиями (пока еще не выясненными).

Акцентные парадигмы

§ 2.10. С акцентологической точки зрения основы словоформ изменяемых слов делятся на следующие три класса:

1) цепь маркировок, входящих в основу морфов, состоит из одних минусов⁸;

2) эта цепь заканчивается маркировкой →, а левее этой маркировки имеются только минусы (или вообще ничего нет);

3) эта цепь имеет любой иной вид.

⁸ Наличие или отсутствие помет Re и Min для рассматриваемого в настоящем параграфе разделения на классы роли не играет.

Имя, у которого основы всех словоформ относятся к 3-му из перечисленных классов, называется словом *а к ц е н т н о й п а р а д и г м ы* (сокращенно: а. п.) *a*, ко 2-му — словом акцентной парадигмы *b*, к 1-му — словом акцентной парадигмы *c*.

П р и м е ч а н и е. У прилагательных разные степени сравнения рассматриваются как разные слова.

По этому же правилу определяется акцентная парадигма глагола, но здесь учитываются не все словоформы, а только словоформы презенса.

У раннедревнерусского слова в рамках указанных совокупностей словоформ в нормальном случае представлены основы одного и того же класса (как правило, основы здесь просто одинаковы или различаются только чередованием согласных). Возможна, однако, акцентная вариантность (слово допускает сразу две или даже три разных акцентных парадигмы); особый случай составляет глагол *хотѣти* (см. § 2.17). Таким образом, если отвлечься от случаев вариантности, каждое изменяемое слово относится к одной из трех акцентных парадигм.

У глаголов иногда бывает целесообразно рассматривать акцентные парадигмы отдельных частей морфологической парадигмы (чаще всего — системы презенса и системы инфинитива).

Из базисного правила непосредственно вытекают следующие свойства слов разных акцентных парадигм (для глаголов имеется в виду презенс).

Слова а. п. *a* имеют только ортотонические словоформы с неподвижным ударением на определенном слоге основы (если не считать возможных сдвигов ударения влево со слабого редуцированного).

У слов а. п. *b*, если отвлечься от немногочисленных словоформ, где окончание несет помету *Min*, положение таково. Они имеют ортотонические словоформы с ударением на первом слоге окончания или (в случае, когда первый послеосновной слог содержит слабый редуцированный или когда первый послеосновной морф несет помету *Re*) на последнем слоге основы. Таким образом, здесь представлено *с м е ж н о - п о д в и ж н о е* ударение, т. е. распределенное между смежными слогами (первым слогом окончания и последним слогом основы); ср. § 1.10. Теоретически возможно также, но практически почти не встречается неподвижное ударение на первом слоге окончания.

Описанная картина нарушается, правда, в тех словоформах, где окончание имеет помету *Min*. В этих словоформах слова а. п. *b* ведут себя как слова а. п. *c* (см. ниже)⁹; отсюда возможность появления, во-первых, энклименов (так обстоит дело в звательной форме), во-вторых, словоформ с ударением на втором слоге окончания.

⁹ Дело в том, что помета *Min* отражает именно проникновение в а. п. *b* акценто-вок, возникших по аналогии с а. п. *c*.

Слова а. п. с имеют словоформы двух типов: 1) если окончание имеет минусовую маркировку — энклиномены; 2) если окончание имеет плюсовую маркировку — ортотонические словоформы с ударением на окончании. Таким образом ударение здесь маргинально-подвижное (ср. § 1.10), т. е. противопоставлены автоматическое начальное ударение энклиноменов и автономное флекссионное ударение. Маргинально-подвижное ударение может быть двух подтипов: 1) строгое — если во всех случаях флекссионного ударения оно падает на конечный слог словоформы; 2) нестрогое — если имеется хотя бы один случай неконечного автономного ударения (на первом слоге двусложного окончания или [в силу сдвига ударения с окончания] на последнем слоге основы).

Для глаголов нормальными являются следующие акцентные соотношения между системой презенса и системой инфинитива.

	Система презенса	Система инфинитива	
		у <i>С</i> -корневых глаголов	у прочих глаголов
а. п.	<i>a</i>	а. п. <i>a</i>	а. п. <i>a</i>
а. п.	<i>b</i>	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>a</i>
а. п.	<i>c</i>	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>c</i>

Любые другие соотношения представляют собой исключения; важнейшее из них — а. п. *a* в системе инфинитива при а. п. *c* в системе презенса у группы корневых глаголов (см. § 2.17).

Акцентная парадигма *a* называется также баритонированной, *b* — окситонированной, *c* — подвижной.

Акцентные кривые

§ 2.11. Запись, показывающая, к какой из трех акцентных категорий (ортотоническая словоформа с ударением на основе, ортотоническая словоформа с ударением на окончании, энклиномен) относится каждая словоформа некоторого изменяемого слова, образует так наз. акцентную кривую (или схему ударения) данного слова. Такая форма данного определения необходима для праславянского и раннедревнерусского. Для систем более поздней эпохи, когда энклиномены перестали отличаться от начальнударных ортотонических словоформ, тройное противопоставление превращается в двойное (ударение на основе — ударение на окончании); ср. § 1.8 о схемах ударения в современном языке.

В праславянском и раннем древнерусском между акцентными кривыми и акцентными парадигмами существовало следующее простое соотношение: в каждом морфологическом классе слов каждая акцентная парадигма представлена не более чем одной акцентной кривой (т. е. ровно одной, кроме случаев, когда данная акцентная парадигма в данном классе вообще отсутствует).

В более позднее время это простое соотношение оказалось нарушенным: появились случаи «расщепления» одной акцентной парадигмы на две или более акцентных кривых в одном и том же морфологическом классе. Впрочем, первые признаки такого развития проявляются довольно рано: они отмечаются уже в памятниках XIV в. (ср. § 2.18 о словах «группы *воля*») и, возможно, их истоки относятся к раннедревнерусской эпохе.

Конкретный вид акцентных кривых в раннедревнерусском непосредственно определяется маркировкой окончаний, см. § 2.18—21.

Зависимость между акцентуацией производящих и производных слов

§ 2.12. Из базисного правила вытекают также простые соотношения между акцентуацией производящих и производных слов. При суффиксальном словообразовании эти соотношения таковы.

Любые производные от слов а. п. *a* относятся тоже к а. п. *a* и сохраняют место ударения исходного слова. Например, от слов а. п. *a* *правъ*, *слабъ* получаются производные *п^равити*, *п^равление*, *п^равитель*, *п^равьда*, *п^равьдивьши*, *слабити*, *слабѣти*, *слабѣшиши*; также с приставками (не влияющими здесь на акцентуацию) — *нап^равление*, *нап^равляти*, *исп^равительньши*, *оп^равьдати*, *оп^равьдательньши*, *ослабление*, *ослабляти*.

Производные от слов а. п. *b* в нормальном случае имеют ударение на первой гласной, не входящей в производящую основу; но если это слабый редуцированный, то ударение падает на слог левее. Например, от слов а. п. *b* *слуга*, *чьрнъ* получаются *служити*, *слѹжьба*, *служьбьньши*, *слѹжьба*, *чьрнити*, *чьрнѣло*, *чьрнѣць* (но *чьрнѣца*), *чьрнѣчество*. Особый случай составляют немногочисленные суффиксы с пометами Re и Min: здесь ударение отклоняется (сообразно действию пометы) от указанного положения.

Акцентуация производных от слов а. п. *c* зависит от маркировки суффикса. Если суффикс минусовый, производное тоже относится к а. п. *c*, как, например, *мужьскъ* от *мужь*, *чьстьнь* от *чьсть*, *лѣньность* от *лѣнь*, *пустота* (В. ед. *пустоту*) от *пустъ*. Если суффикс плюсовый, ударение привязано к этому суффиксу (а его конкретное место определяется маркировкой ↓ или →), например: *свѣтълица*, *лѣнивъ*, *рогѣтъ* (при суффиксе с ↓); *мужьство*, *мужикъ*, *-а*, *крѣпостьца* (при суффиксе с →).

Что касается словосложения и приставочного словообразования, то здесь возможны особые соотношения между акцентуацией производящих и производных слов, не вытекающие из базисного правила (см. § 2.26—29).

СВЕДЕНИЯ О МАРКИРОВКАХ КОНКРЕТНЫХ МОРФЕМ

КОРНИ

§ 2.13. Между акцентными парадигмами производных слов и маркировкой их корней имеется следующее простое соотношение: при а. п. *a* ↓, при а. п. *b* →, при а. п. *c* —¹⁰ (отклоняется только особая группа слов, рассматриваемая в § 2.15). Соответственно, маркировку корней (кроме «остаточных») можно задать, указав а. п. соответствующих производных слов. Практически это даже удобнее, поскольку при таком способе задания гораздо проще решается проблема различения омонимичных корней и не возникает трудностей, связанных с особыми случаями, когда корень имеет непостоянную маркировку (см. § 2.7 о *бѣгати* — *бѣжить* и т. п.).

Ниже приводятся списки (неполные) раннедревнерусских производных слов каждой из трех акцентных парадигм. Предлагаемая реконструкция раннедревнерусской акцентуации конкретных слов основана в первую очередь на акцентуации этих слов в обследованных нами памятниках XIV—XVII вв. (см. гл. 3). Прочие источники сведений: акцентуация соответствующих производных в памятниках XIV—XVII вв.; показания памятников и современных говоров относительно наличия /ɔ/ или /ô/ в рассматриваемых словах и их производных (см. § 3.3—5); акцентные показания современных восточнославянских языков; акцентные показания южнославянских и западнославянских языков.

Разумеется, при реконструкции использованы результаты, полученные в имеющейся акцентологической литературе; но все они дополнительно проверялись на обследованном нами материале. Объем настоящей работы не позволяет нам разбирать существующие между разными авторами расхождения (к сожалению, весьма многочисленные) относительно первоначальной акцентуации отдельных слов, а также фиксировать и обсуждать все частные отличия настоящей реконструкции от предложенных ранее.

Как уже отмечено в § 2.1, реконструируемые раннедревнерусские акцентные характеристики не всегда совпадают с праславянскими. Следует учитывать, что в существующих работах, как правило, дается праславянская реконструкция, т. е. часть их расхождений с настоящей работой объясняется именно этим.

Специально подчеркнем, что приводимые ниже списки имеют для настоящей работы лишь вспомогательное значение; их разработка и обоснование не входит в число непосредственных исследовательских целей работы. Эти списки необходимы для того, чтобы в после-

¹⁰ У слов а. п. *c* с безгласной основой (например, *т-ч*) основа просто остается без маркировки, ср. § 2.7, замеч. 3.

дующих разделах можно было опереться на некоторый относительно надежный (но в то же время не слишком узкий) фонд реконструкций. Разумеется, в этих условиях списки не могут быть полными.

В соответствии с этой установкой в списки включались в первую очередь слова, встретившиеся в обследованных памятниках (и при этом обнаружившие свои акцентные свойства достаточно ясно). Слова, не встретившиеся в этих памятниках (или засвидетельствованные лишь в недостаточно показательных формах), отмечены в списках звездочкой; из слов этой категории в списки включены лишь немногие. Вопросительный знак указывает на меньшую, чем в среднем, надежность акцентной реконструкции (при том, что отсутствие этого знака, разумеется, еще не означает полной надежности); однако большинство слов, заслуживающих вопросительного знака, в списки просто не включалось.

В списки входят, наряду с исконными словами, также некоторые церковнославянизмы (поскольку в раннедревнерусскую эпоху они, несомненно, уже употреблялись). Существенно, что они далеко не всегда акцентуируются одинаково с их русскими эквивалентами (ср., например, *врагъ* и *ворогъ*, *брада* и *борода*).

Оказалось практически целесообразным включить в приводимые ниже списки вместе с непроизводными также слова переходного типа (находящиеся на той или иной ступени опрощения) и даже некоторое число явно производных слов (в частности, существительных с суффиксом *-j-, глаголов с суффиксом -ну- и др.), для которых иной способ задания акцентной информации почему-либо затруднен¹¹. Так, в списки включены слова с «остаточным» корнем (при вычлененном суффиксе), типа *сърдьце*, *овьца*; при этом для части таких слов (например, для прилагательных с -ък-) акцентологическая информация дана в виде непосредственного указания маркировки корня. В списках глаголов (в особенности *i*-глаголов), помимо непроезводных, содержатся также некоторые категории исторически или даже синхронически отыменных, в частности, двусмысленные в словообразовательном отношении (например, *судити*, *служити*), семантически обособившиеся (например, *простити*, *пустити*), с «остаточным» корнем (например, *высити*), а также некоторые глаголы, ударение которых не соответствует ударению исходного имени (например, *кръстити*, *поститися*).

В рамках морфологического класса первыми обычно перечисляются слова с односложной (или двусложной в силу полногласия) основой; далее идут слова иной структуры.

Неполная акцентная устойчивость слова отражается следующими пометами:

1) «следы *a* (*b*, *c*)» — наряду с основной для данного слова а. п. оно иногда может акцентуироваться по указанной здесь иной а. п.,

¹¹ Таким образом, одно и то же слово может оказаться упомянутым и в данном разделе и в разделе о суффиксах.

причем эта второстепенная а. п. является для данного слова исторически более старой;

2) «нов. *a (b, c)*» и «откл(онение) к *a (b, c)*» — то же, но указанная второстепенная а. п. является для данного слова исторически более новой; при этом помета «нов.» указывает на постепенный достаточно широкий (или даже всеобщий) переход к новой а. п., помета «откл.» — на спорадические, относительно неустойчивые отклонения;

3) «изредка *a (b, c)*» — то же, что при пометах «следы» и «откл.», но без указания об относительной древности конкурирующих а. п.;

4) «//*a (//b, //c)*» — слово может акцентуироваться по двум разным а. п., причем неясно, какую следует считать основной; указаний об относительной древности конкурирующих а. п. данная помета не дает; слово с такой пометой заносится в списки как одной, так и другой а. п.

Перечисленные пометы ставятся на основании акцентного поведения соответствующего слова в обследованных памятниках; при этом, однако, не учитываются те отклонения, которые можно объяснить поздними явлениями, происходившими в части говоров (обычно не учитываются также единичные отклонения, поскольку они могут быть случайными). Но, конечно, даже и при этих предосторожностях нельзя исключать того, что акцентное колебание в действительности возникло не в раннедревнерусскую эпоху, а позже; такая возможность наиболее реальна для случаев, отражаемых пометами «откл.», «нов.» и «изредка». Тем самым эти три пометы фактически дают информацию о колебаниях в XIV—XVII вв. (но все же не всех, а таких, которые могут иметь и более раннее происхождение). Помета «следы», напротив, указывает на акцентовку, которая, по нашей оценке, в раннедревнерусском определенно существовала и при этом, возможно, даже была основной.

Акцентная парадигма *a*

§ 2.14. Существительные. *o-* и *u-masculina*¹²: *адѣ, братѣ, волѡхѣ, вѣтрѣ, гадѣ* (нов. *c*), *горѡхѣ, градѣ* 'grando' (откл. к *b*), *дымѣ, дѣдѣ, жидѣ* (нов. *c*), *жукѣ, јилѣ**, *клинѣ**, *краи* (откл. к *b*), *курѣ* 'петух', *кустѣ, лукѣ* (растение), *макѣ, морѡзѣ, плачь, плугѣ, порѡзѣ, порѡмѣ**, *пунѣ, ракѣ, сватѣ, скитѣ* (откл. к *b*), *стрыи, сырѣ, узлѣ, хлѣбѣ, холѡпѣ, хорѡмѣ* (следы *b*), *югѣ*; также церковнославянизмы *мразѣ* (откл. к *c*), *нравѣ* (следы *c*), *членѣ* (следы *c*); сюда же ряд других специфически книжных слов — *кедрѣ* (откл. к *b*), *китѣ* (откл. к *b*), *тигрѣ, удѣ* (нов. *c*). Из слов более позднего происхождения отметим *стулѣ, фунтѣ*. Слов с многосложной основой очень много (особенно заимствованных); ограничимся характерными примерами: *апрѣль, борѡнѣ, бѣбѡнѣ, вельб(л)ѣдѣ, вѣнѣкѣ, вѣртѣпѣ* (Р. ед. *вѣртѣпѣ*), *глаголѣ* (изредка *b*), *жѣньчѣюгѣ, июнѣ, кабанѣ, ка-*

¹² К *u-masculina* в этом списке, по-видимому, относится только *јилѣ*.

но́нъ, ковьчѣгъ, кумиръ, кърчагъ, мѣнихъ, орѣхъ, скоморѣхъ, товѣръ, философъ, чвъанъ, чъртогъ, языкъ; анггелъ, бисъръ, жюпелъ, зѣяць, јиньјѣ*, кашель, колѣдязь, мѣстеръ, мѣсяць, пѣнъязь, сѣверъ, тиунъ, якорь, ястрябъ; апѣстолъ, дьяволъ, дьяконъ. Сюда же опростившиеся коньць (Р. ед. коньца), отьць (Р. ед. отьца); ср. также § 2.16, примеч. 1.

i-masculina: зять, угль; господь (/|с), гъртань, медвѣдь. Консонантные *masculina*: камы (камень), олень, печѣть, степень.

o-neutra: берѣсто*, блюдо, болѣто, ведро 'serenum', вѣко, гърло (изредка *b*), дѣло, жито, зърно, лѣто, лыко*, масло, миро, мѣсто, право, рало, сало, сито*, стадо, утро, чадо; желѣзо, колѣно, копыто, корыто, полѣно*, сѣльнице (следы *b*); зѣркало, яблѣко. Прочие *neutra*: чодо (нов. с); берѣмя* (и брѣмя), рѣмя (рѣмо); ягня.

a-основы: баба, баня, берѣза, буря, вира, волѣга (и влага), ворѣна, вѣлна 'шерсть' (откл. к *b*), вѣра, глина, грива, груша, грыжа, губа ('labium', 'spongia', 'sinus maris'), дорѣга, дума (откл. к *b*), дыня, дѣва, жаба, жила, јува, јускра, капля (откл. к *b*), каша, колѣда, корѣва, корѣста, кыла, ласка, липа, лихва (откл. к *b*), мука 'supplīciūm', мѣлва (откл. к *b*), мѣра, мята, нива, нужа, папа (римский), пара ('пар', 'пара'), пасха, пища (ц.-сл.), пуля, пѣна, рака (откл. к *b*), рана, риза, руга, рыба, рѣпа, рѣса, сажа, сила, слава, слива, слина, солѣма*, сорѣка, спина, струна, ступа, сѣра (откл. к *b*), сѣча, тина, туча (откл. к *b*), уда*, уза, харя, хула (откл. к *b*), жыжа*, чаша, шија, цюка, язва, яма. Для многосложных ограничимся лишь некоторыми примерами: бесѣда, бумѣга, вечеря, икона, комѣра, котѣра, кѣнига, могыла, невѣста, полѣта, субѣта, телѣга; тѣсяча, ягода. Особо отметим слова с ударным редуцированным во втором слоге: обѣжа > обѣжа (но Р. мн. обѣжь), ольха > ольха (но Р. мн. ольхъ).

В особую группу («группа чаща») целесообразно выделить те слова с *-j- (при этимологически долгом корне), которые в других славянских языках обнаруживают рефлексы новоакутовой интонации (см. § 2.31—32): горѣжа, гуца*, жаж(ѣ)а (изредка *b*), круца*, купля, кърмя, сторѣжа, суца, тѣлица (изредка *b*), тяжа, чаща (изредка *b*); сюда же примыкает клятва (изредка *b*), с -тѣ-, а не *-j-. В восточнославянском эти слова относятся к а. п. а при некоторых колебаниях в сторону а. п. *b*. Не исключено, что эти колебания представляют собой следы древнейшей акцентуации данной группы слов; но более вероятно, что они носят здесь такой же характер, как у ряда слов исконной а. п. а (ср. выше), т. е. являются вторичными. Относительно соответствующей группы слов с этимологически кратким корнем («группа воля») см. § 2.16.

i-feminina: вѣтвь, долѣнь* (и длань), жизнь, казнь, кисть, мѣдь, мысль, мышь, нить, пѣснь, рать, скърбь (/|с), стѣнь (также муж.; следы *b*), сѣнь, сѣть, тварь; кровѣть, лохань, псалѣтирь, рѣтуть,

скатьрть, скрижалъ, pluralia tantum *гусли, пьрси, ясли*. Консонантные feminina: *мати* (Р. ед. *матере*); *бўкы* (Р. ед. *бўкѣве*), аналогично *жърны, пўгы**, *тўкы, ўты* 'утка', *хорўгы, църкы*.

Прилагательные: *быстръ* (откл. к *b*), *дългъ, јистъ, малъ, милъ, нищъ, правъ, приснъ* (откл. к *c*), *пълнъ, пьрвъ, пѣшь, радъ, русъ* (?), *синь, слабъ, старъ, суи* (откл. к *c*), *сыръ* (нов. *c*), *сытъ, сѣръ* (?), *тихъ, хоробръ* (и *храбръ*), *хытръ* (нов. *b*), *чистъ*; *мъногъ, сверѣпъ, съдоровъ* (и *съдравъ*), *готовъ*. Сюда же: *вѣторъѣ, четвѣртъѣ; четвѣро*.

Маркировку ↓ имеет также корень *глад-* (в *гладъкъ*). По-видимому, такую же первоначальную маркировку имели корни *выс-*, *шир-* (см. § 2.25) и *мърз-*. Для *близ-* и *низ-* вероятно колебание между ↓ и →.

Местоимение: *јинъ*. Числительное: *четьѣре*.

Глаголы (здесь и в § 2.15—17 приводятся в форме 1 ед. презенса, кроме *i-* и *ѣ-*глаголов, для которых дается основа 3 ед. презенса). *C-*корневые: *вьргу* (*верѣчи*), *краду, лѣзу, съ-ряцю* (*съ-рѣсти*; также церковнославянизмы *съ-ряцю, об-ряцю*), *сяду* (*сѣсти*). У *лягу* (*лечи*) система инфинитива относится к а. п. с.

*V-*корневые: *брию, вью, грѣю, дую, знаю, крыю, мыю, ныю, рью, спѣю, об-ую, по-чую, чую, шию*; также *буду* (*быти*), *стану* (*стати*).

*a-*глаголы: 1) с йотовым презенсом — *брызжю**, *движю, дышю* (*дыхати*) (?), *зыблю, каплю**, *кличю, мажю, плачу, прыщю**, *прячу, пьшю, рѣжю, сыплю, тьчю**, *по-яшю* (также церковнославянизм *алъчю*); *баю**, *блюю* (*блѣвати*), *вѣю, дѣю* (следы *c*), *каю, лаю, лѣлю**, *плюю* (*плѣвати*), *рѣю, сую* (*совѣти*), *сѣю, таю* 'liquescō', *чаю* (следы *c*); 2) с безйотовым презенсом — *ѣду* (*ѣхати*).

*пo-*глаголы: *дуну, зину**, *плину* (позднее *пмону*), *рину, суну; бѣгну, висну, выкну, вяну, гасну, гы(б)ну, дви(г)ну, ка(п)ну**, *кликну, кысну, мързну, мъркну, мякнү**, *никну, -пряну, по-сагну, -стигну, стыну, тихну, -търгну*.

*ѣ-*глаголы: *вид-, вис-, движ-, мърз-* (?), *слыш-*.

*i-*глаголы: *-бав-, вад-, выс-, вѣр-, вѣс-, глад-, граб-, у-дар-, жал-* 'lamento', *квас-, лаз-, мълв-, мѣт-, -низ-, нуд-, нар-* 'лететь', *плав-, плющ-, прав-, пѣрт-, ран-* 'ferio', *съ-рѣт-, слаб-, став-, по-сѣт-* (нов. *c*), *тѣш-, хыт-* (откл. к *b*), *цѣст-, шир-, ѣзд-*.

*ova-*глаголы: *жалую, пѣстую, сѣтую*.

*aj-*глаголы: *кўтаю, кыдаю, прыгаю**, *прядаю**, *хвастаю*; отметим также производные, отличающиеся от исходных слов маркировкой корня (§ 2.7): *бѣгаю, ворочаю, вѣдаю, глядаю, кланяю(ся), кўшаю**, *плѣваю, пѣлаю, чѣрнаю*. (Все *ѣj-*глаголы а. п. а с корневым ударением — отыменные.)

Отметим еще некоторые неизменяемые слова с маркировкой ↓: *да* (утвердительный ответ), *ли* 'или' (союз, не частица), *у* 'уже', *ещѣ*.

§ 2.15. Особо стоят непроезводимые слова с постоянным ударением на основообразующем элементе в тех морфологических классах,

где последний не сливается с окончанием, а входит в состав основы. Такие слова принадлежат к акцентной парадигме *a*, но корень здесь имеет маркировку → или — (а не ↓). Ударение таких слов определяется теми же правилами, что для производных: основообразующий элемент ведет себя с акцентологической точки зрения как обычный суффикс; например, у *копѣти*, *копѣю* основа состоит из *коп-* → и *-а(j)-* ↓, отсюда постоянное ударение на *-а(j)-*.

Укажем важнейшие слова этой категории. Глаголы: *витаю*, *желѣю*, *копѣю*, *питаю*, *у-пѣваю*, *рыдаю*, *сыю*, *шатаю**; *-ботѣю*, *говѣю*, *о-долѣю*, *желѣю*, *зръѣю*, *ймѣю*, *питѣю*, *сѣмѣю* (членение этого слова на морфемы спорно), *тьлѣю*, *умѣю* (ср. *роз-умѣю*). Существительные: *желы* (Р. ед. *желѣве*; также *жылы*, *жѣльѣве*) 'черепаша', *зѣлы* (*зѣльѣве*) 'золотка', *Москы* (*Москѣве*), *мѣркы* (*мѣркѣве*), *смокы* (*смोकѣве*); *племѣ* (*племѣне*). Сюда же можно отнести *мѣлнѣ*, Р. ед. *мѣлнѣѣѣ* (позднее И. ед. получает *-ѣѣ* вместо *-и* и аналогическое ударение: *мѣлнѣѣѣ* или *мѣлнѣѣѣ*). Во всех этих случаях мы можем приписать корню маркировку → (ср. производные слова с заведомой маркировкой → у корня: *любы*, *любѣве*; *судѣ* [позднее *судѣѣѣ* или *судѣѣѣ*], Р. ед. *судѣѣѣ*).

Акцентная парадигма *b*

§ 2.16. Существительные. *o-* и *u-masculina*: *бобрѣ*, *бобѣ*, *бои* (откл. к *с*), *бѣриць*, *быкѣ*, *вепрь*, *вожь*, *вои* 'воин', *волѣ*, *врачь*, *вѣлхѣ*, *вѣпль*, *вѣрхѣ*, *грѣхѣ*, *дворѣ*, *дѣжжѣ* (*дѣждѣ*), *жезлѣ* (//*с*), *задѣ* (?), *змѣѣ*, *клопѣ*, *ключѣ*, *колѣ*, *конѣ*, *король*, *котѣ**, *кошѣ*, *кремль*, *кровѣ* (откл. к *с*), *крѣстѣ* (откл. к *с*), *кутѣ**, *ларѣ*, *лѣбѣ* (?), *лѣвѣ*, *мѣхѣ**, *мѣчь* (*мечѣ*), *ножь*, *одрѣ*; *панѣ* (?), *Петрѣ*, *плащѣ**, *плодѣ* (откл. к *с*), *плѣтѣ* 'ratis', *полонѣ* (следы *с*), *понѣ*, *постѣ*, *прудѣ*, *прыщѣ*, *пѣлкѣ* (изредка *a*), *пѣрстѣ* (откл. к *a*), *пѣсѣ*, *пѣстѣ**, *раи* (следы *a*), *Римѣ* (нов. *a*, откл. к *с*), *рои*, *рубль*, *рѣтѣ*, *сварѣ*, *скотѣ*, *снопѣ*, *сомѣ**, *стихѣ*, *столѣ*, *студѣ* (*стыдѣ*; следы *с*), *стѣлпѣ* (*стѣлѣѣ*), *судѣ* 'iudicium', *сѣнѣ*, *сѣрпѣ*, *трудѣ*, *тѣрѣ*, *умѣ*, *устѣ**, *хвостѣ*, *хлѣвѣ*, *часѣ* (следы *a*), *шипѣ**, *шьстѣ*, *щитѣ*; также церковнославянизмы *вождѣ*, *врагѣ*, *рабѣ*, *стражѣ*. Выборочно из многосложных: *баг(ѣ)рѣ** (краска), *батогѣ*, *воробѣѣѣ*, *Дѣнѣпрѣ*, *дѣякѣ*, *животѣ*, *кисель*, *козьлѣ*, *комарѣ*, *корабль*, *котѣлѣ*, *овощѣ* (следы *a* [овощѣ]), *овьнѣ*, *овьстѣ*, *олѣ-тарѣ*, *Ольгѣ*, *орьлѣ*, *осетрѣ*, *остѣнѣ*, *осьлѣ*, *оцьтѣ*, *пирогѣ*, *псалѣмѣ*, *пѣпърѣ* 'перець', *пѣсѣкѣ*, *рожьнѣ*, *сапогѣ*, *соболь* (? : *b* или *a*), *соколѣ*, *топорѣ*, *фонарѣ*, *хомутѣ*, *хрѣбѣтѣ*, *цѣсарѣ* (позднее *царѣ*), *шѣтьрѣ*; также *генуарѣ*, *феврарѣ* (-лѣ), *сентябрь* (*сеп-*), *октябрь*, *ноябрь*, *де-кѣябрь* (и ряд более поздних заимствований).

П р и м е ч а н и е 1. Для части многосложных с редуцированным в последнем слове основы (например, *козьлѣ*, *котѣлѣ*, *Ольгѣ*, *орьлѣ*, *осьлѣ*) не удается надежно отличить старое флексивное ударение (т. е. а. п. *b*) от старого предфлексивного ударения типа *козьлѣ*- (т. е. а. п. *a*), поскольку в дальнейшем эти два типа акцентировки часто давали одинаковый результат (ср. § 3.8).

i-masculina: *огнь, моль* (?), *путь*.

Neutra: *весло, вино, вѣдро, гнѣздо, долото**, *дѣно, жерело**, *звено**, *крило, лице, ложе* (откл. к *a*), *лоно* (нов. *a*), *молоко, мыто, нутро, пекло, перо, плече, плоче, пругло, ребро, руно, рухло, село, сыло, стегно, стѣкло, тѣло, чело, чересло**, *число, ядро*; также церковнославянизмы *млеко, чресло*; plurale tantum *уста*; *бървьно* (*бръвьно*), *веретено, волок(ѣ)но**, *говьно, гувьно, копье, окѣно**, *письмо, полотьно* (и *платьно*), *пѣшено, решето**, *седьло, сук(ѣ)но, сърдьце* (изредка *c*), *сърребро* (*серебро*), *тенето**, *толок(ѣ)но, яъце*. Отметим, кроме того, рано субстантивировавшиеся *добро, зѣло, тепло*.

a-основы: *борозда**, *брѣня* (откл. к *c*), *бѣда, вина* (следы *c*), *глиста, дуга, жена, змѣя* (*змѣя*), *яѣра, Илья, краса**, *крупа, лука, Лука* (имя), *луна, луча* 'луч', *лѣжа, мука* 'farīna', *мьзда, Ока, оса**, *роба, руда, рѣжа**, *рѣка, свѣча, сестра, слуга, сова**, *сосна* (откл. к *a*), *стопа, страда, сьрна* (откл. к *a*), *трава, труба, туга, тѣма, узда, уха, Фома, хвала, череда**, *чѣрта* (откл. к *a*); также церковнославянизмы *брада* (следы *c*), *бразда, глава* (следы *c*), *раба, стража* (изредка *a*), *страна* (следы *c*), *стѣзя, чреда*; *вѣдова, господа, госпожа, литѣва, мошьна, мѣрдѣва, овьца* (/ / *c*), *пелена* (изредка *c*), *сатана* (*сотона*), *свинья* (откл. к *c*). Из слов более позднего происхождения отметим *казна, орда, сума, тюрьма*.

Примечание 2. У части твердых *a*-основ разграничение а. п. *b* и *c* оказывается для восточнославянской области весьма ненадежным (показания памятников малочисленны и отчасти противоречивы). Помимо случаев, выделенных выше соответствующими пометами, можно указать ряд слов, для которых надежно устанавливается лишь их непринадлежность к а. п. *a* (а от выбора между а. п. *b* и *c* осторожнее воздержаться), в частности: *блѣха, борона, бѣчела, коромола* (и *крамола*), *кѣрѣха, куна, кѣрма, межа, мѣна, пила, рѣзга, рота, снѣха, щена*.

Особо стоит «группа *воля*» — слова с *-*j*- (при этимологически кратком корне), обнаруживающие в других славянских языках рефлексy новоакутовой интонации; сюда относятся прежде всего: *воля, воня, доля, кожа, ловля, ноша, роца, тоня, тѣца*; по-видимому, также *ноздря* (не смешивать со словом а. п. *c* *ноздрь*). Для двух слов из этой группы — *воля* и *воня* — в XIV в. засвидетельствована особая акцентная кривая смежно-подвижного класса (т. е. того, которым характеризуется а. п. *b*), см. § 2.18. Возможно, что эта акцентная кривая была представлена и у других слов данной группы. В более поздних памятниках слова «группы *воля*» обычно выступают с корневым ударением, но встречаются также отдельные примеры флексийного ударения (чаще прочих — у слова *воня*). В словообразовании слова этой группы обычно обнаруживают маркировку → (ср., например, *волѣнь, кожѣхъ*; рус. *кѣжанный, рѣщица* и т. п. отражают акцентные отношения более поздней эпохи).

Возможно, что к «группе *воля*» примыкали также слова *кора, скоря*, колеблющиеся в памятниках между а. п. *b* и *a* (ср. рефлексy нового акута в серб. *кѣра*, чеш. *kůra*, словц. *kôra*, пол. *skôra*). Точно

такая же акцентовка (*b//a*) представлена в части памятников у слова *gora* (в большинстве памятников акцентуированного по а. п. *c*); пол. *góra*, чеш. диал. *hůra* (при литер. *hora*). По-видимому, в этих словах по какой-то причине конечное *r* основы могло давать тот же акцентный эффект, что и сочетание *s j*; в этой связи интересно отметить словен. *skóřja* 'кора' (= *skóra*) и лит. *girià*, где действительно обнаруживается *rj*, а не *r*. По своему акцентному поведению со словами *кора*, *скора*, *гора* отчасти сходно также слово *сосна*.

i-feminina: *двѣрь*, *вѣсь* (*//c*); счетные существительные *семь* (*седмь*), *осмь*. Еще у нескольких слов (например, *сѣмьртъ*) сохранились лишь некоторые следы а. п. *b* (при обычной а. п. *a* или *c*).

Прилагательные: *бѣдръ*, *бѣлъ*, *глупъ* (откл. к *c*), *голъ*, *добль*, *добръ*, *дряхлъ*, *жълтъ*, *зълъ*, *круглъ*, *лютъ* (нов. *c*), *мокръ*, *мудръ*, *мъртъвъ*, *наглъ*, *остръ*, *плоскъ*, *порожжъ*, *прочъ* (обычно *прочьѣ*), *пѣстръ*, *рѣзвъ*, *скупъ* (откл. к *c*), *теплъ*, *тѣщъ*, *тягълъ*, *хорошъ*, *хромъ* (откл. к *c*), *чърнь*, *щедръ* (нов. *a*); *тяжелъ*, *зеленъ* (откл. к *c*), *обыщъ* (но здесь не исключено также исходное **обыщъ*, -*a*, -*e*, ср. выше примеч. 1), *утыль*. Сюда же: *сѣ(д)мъѣ*, *осмъѣ*; такое же ударение получили членные формы *пѣтъѣ*, *дѣвътъѣ*, *дѣсѣтъѣ* (хотя корни здесь минусовые); относительно *трѣтъѣ*, -*à*, -*e* см. § 2.24.

Укажем также некоторые связанные корни с маркировкой →, выступающие в составе суффиксальных прилагательных. С -*ѣк*:- *льг-*, *уз-*, *корот-*. С -*ьл*:- *мьд-* (в *мьдѣль* 'медленный'). С -*ьн*:- *дав-*, *клос-*, *порож-*, *ров-*, *роз-* (и церковнославянские *празд-*, *рав-*, *раз-*).

Конечноударные наречия, восходящие к надежным формам: *зѣло*, *тунѣ*; *вѣнѣ*, *кромѣ*, *посыльѣ*; *вѣдѣльѣ*, *вѣзьльѣ*; *вѣчерѣ*.

Местоимения: *онъ*, *овъ* (*//c*), *вѣсь*, *чиѣ*, *одинъ* (и *единъ*).

Глаголы. Атематический: *ѣмамь*.

C-корневые: *ѣду*, *могу*.

V-корневые: 1) *бору*, *колю*, *мелю*, *полю**, *порю**; *дѣму** (*дуги*), *жѣну* (и *жѣню*), *мѣну**; *жѣрю* (и *жѣрю*) 'sacrifico, immolo', *тѣрю* (инфинитивы *жѣрти*, *тѣрти*); *бюю* (в части говоров также *шюю* из *шию*, см. § 2.3); у всех этих глаголов система инфинитива относится к а. п. *a* (см. § 2.10); 2) *ѣму*, -*чѣну*; у этих глаголов система инфинитива относится к а. п. *c*. К подгруппе 2 в праславянском относился также глагол *жѣму* (Дыбо 1972а, с. 76); в восточнославянском он перешел в подгруппу 1 (но неизвестно, сколь рано это произошло).

a-глаголы. 1. С йотовым презенсом (где **-j-* стоит после согласной): а) все глаголы с этимологически кратким корневым морфем в презенсе, кроме *орати* 'пахать', например: *стелю*, *стеню* (*стоню*), *сѣлю*, *зоблю*, *клеплю*, *лѣжю* (позднее также *лѣгу*), *мечю*, *рѣжю* (*рѣзати*), *тешию*, *тѣчию* (позднее также *тѣку*), *чишию*, *клевецю*, *лобѣжю*, *скръѣжю*, *трѣпечю*, *тѣпѣчию*, *шѣпѣчию*; но глаголю и емлю (*ѣмати*) имеют также варианты по а. п. *c*; б) из глаголов с этимологически долгим корневым морфем в презенсе — *вяжю*, *дрѣмлю*, *жажю* (*жадати*), *зижю* (*зѣдати*), *ѣжю*, *кажю*, *колышию**, *колѣблю*, *куплю* 'ку-

паю' (купати), лизю, -лячю (-лякати), машю, низю*, пашию*, пишию (пѣсати и писати), пищю (пискати), рищю, скачю, стражю, стружю* (стрѣгати), о-сяжю, хаплю, храмлю. 2. С безйотовым презенсом: съсу, серу (см. также выше о поздних вариантах лѣгу, тѣку). Относительно глагола хотѣти см. § 2.17, ѣ-глаголы.

по-глаголы: а) с этимологически кратким корневым морфом — глѣхну*, гонезну (или гонѣзну), гѣхну*, дрѣхну, дѣхну, косну(ся), вѣс-крѣсну, метну, мокну, мѣхну, пѣхну, о-слѣпну, у-сѣхну, сѣхну, тону, тѣхну, ис-чезну; б) с этимологически долгим корневым морфом — вѣрну, вязну*, грязну, дѣрзну, у-жасну, -зѣбну, крикну*, мѣлкну, сѣкну, тѣрпну*, тя(ѣ)гну.

и-глаголы: блази- (откл. к с), блуд-, борон- 'защищать, запрещать', брод-, брѣс-, бѣс-, вод-, воз-, волоч-, ворот- (откл. к с), вѣп-, -глѣт-, гон-, дав-, казн-, крас-, куп- 'купить', сѣ-вѣ-куп-, кус- 'кусать', ис-кус- 'искушать', кѣрм-, лом-, луп-, люб-, мол-, молот-* , сѣ-мотр-, моч-, мѣс-, нос-, пал-, плод- (откл. к с), прос-, ряд-, свѣт- (откл. к с), скоч-, служ-, соч- 'требовать по суду', строј- (нов. а), ступ- (откл. к с), суд-, у-тол-, том-, точ- 'источать', 'заточать', трав-, туж-, хвал-, хват-, ход-, хорон-, чѣп-.

Акцентная парадигма с

§ 2.17. Существительные. о- и и-masculina: берегъ, блудъ (нов. в), бозъ, бокъ, боровъ*, боръ, бродъ, бѣгъ, бѣсъ, валъ, ванъ (?), варъ, вередъ, видъ, возъ, волокъ, волосъ, ворогъ*, воронъ, воротъ, ворохъ*, воръ, воскъ, вѣлкъ, вѣкъ, вѣсъ, глазъ, гнои, гнѣвъ (откл. к в), годъ, голодъ, голосъ, городъ, гробъ, гроздъ, громъ, даръ, долъ, домъ, Донъ, дроздъ, другъ 'amicus', дубъ, духъ, дѣлгъ, жаръ, жезлъ (//в), желобъ*, знакъ, знои (изредка в), зубъ, квасъ, кленъ, колобъ*, колосъ, коробъ, кругъ, кусъ, кѣрмъ, ледъ, ликъ 'сонм', листъ, ловъ, лои, лугъ, лукъ 'arcus', льнъ*, лѣсъ, медъ, миръ 'рах', миръ 'mundus', мозгъ, молотъ*, морокъ*, моръ, мостъ, мужъ, мѣлъ*, мѣхъ, нерестъ*, норовъ, носъ, пиръ, пискъ, платъ, полозъ, полъ 'половина, sexus', полъ 'настил', порозъ*, порохъ, потъ, пругъ, пруть, пѣртъ, ровъ (изредка в), рогъ, родъ, ростъ, рубъ 'кусочек ткани, рубище', рядъ, садъ (откл. к в), санъ, своробъ, свѣтъ, слонъ (изредка в), слухъ, слѣдъ, смѣхъ (изредка в), снѣгъ, сокъ, солодъ, сорокъ, соромъ, станъ, стогъ, сторожъ, страхъ (откл. к в), стругъ, струпъ, стягъ, судъ 'сосуд, судно', сукъ*, сынъ, теремъ, трупъ, трусь 'землетрясение', туръ*, ходъ, холодъ, хѣлмъ (откл. к в), цѣтъ, черепъ, чинъ, чѣлнъ, чѣртъ, шомъ*, ядъ*; также церковнославянизмы бракъ, брегъ, власъ (откл. к в), вредъ (нов. в), гладъ, гласъ, градъ 'город', класъ, млатъ, мракъ, плѣнъ, прахъ, срамъ, хладъ, храмъ (изредка а), чрепъ; вечеръ (следы а [вечѣръ]), господъ, жеребѣѣ, клопотъ, колоколъ, кѣнзѣ, мѣхъ (изредка в), островъ, пепелъ (попелъ), Пльсковъ, посохъ, поясъ, трепетъ, троскотъ 'трава', угель.

i-masculina: *гвоздь, голубь, господь* (//а [госп^одь]), *гость, гусь, дѣверь**, *звѣрь, лось, тать, тетеревь, тѣсть, чѣрвь*; *plurale tantum* *людье*; *консонантные masculina*: *днь, корень, локѣть, ногѣть*; также счетное существительное *десять* (позднее переходит в *feminina*).

Neutra: *брюхо, горе, дерево, диво, золото, имя, коло, море, мясо, небо, око, пиво, поле, просо**, *слово, съто, сѣно, тѣло, тѣсто**, *ухо, черево*; также церковнославянизмы *благо, брашьно* (откл. к *b*, нов. а), *время, древо, злато, чрево*; *pluralia tantum* *ворота* (и *врата*), *дрѣва; озеро, олово**.

a-feminina: *бедра* 'бедро', *борода, борона, весна, вода, вѣлна* 'unda' (изредка *b*), *вьрста, голова, гора* (откл. к *b* и *a*, см. § 2.16, «группа воля»), *гроза, гряда**, *душа, дѣска, звѣзда* (изредка *b*), *земля* (изредка *b*), *зима, зола, коза* (следы *b*), *копа, коса* (все омонимы), *лоза, нога, пора, пята* (откл. к *b*), *роса, рука, середа, слѣза, смола, соха, сторона, строка, стрѣла* (откл. к *b*), *стѣна, сѣмья, цѣна, щека*; также церковнославянизмы *слана* (откл. к *b*), *среда* (откл. к *b*); *голоვნя* (?), *ягѣла, ястьба, копына, овѣца* (//*b*), *свобода, скворода*; по-видимому, также *коробѣи, лодѣи* (из более ранних *короби, лоди*). См. также § 2.16, примеч. 2.

i-feminina: *боль, волость, вѣшь**, *вьрвь, вѣсь* (//*b*), *вѣсть, грань, грудь, грязь, дань, дробь, дѣбрь, земь, клѣть, кость, лѣсть, масть, мочь, мѣсть, ноздрь* (не смешивать с *ноздря*, § 2.16), *ночь, печь, плеть, плѣть, пѣлѣть, пыль**, *пядь* (?), *пясть, рѣжь**, *рѣчь, скѣрбь* (//а), *сласть, соль, страсть, треть, трѣсть, хлябь* (?), *часть, чепь, чѣсть, шѣрсть*; также церковнославянизмы *брань, вещь, власть, мощь, ношь, пець*; *pluralia tantum* *дѣти, сани; голѣнь, ересь* (?), *кокошь, лебядь, лошадь, область, осень, площадь, посконь, Тѣхѣбрь, студень* 'стужа'. Кроме того, счетные существительные *пять, шесть, девять*. *Консонантные feminina*: *кры* (*крѣвь*); *дѣчи* (Р. ед. *дѣчере*).

Минусовую маркировку имеют также многие связанные корни, в частности *руд-* (в *орудье*), *руж-* (в *оружье*), *ов-* (в *овѣца*), *сърд-* (в *сърдьце*), *јај-* (в *яице*), кроме того, *лон-* (в наречии *лони* 'в прошлом году')

Прилагательные: *блѣдъ, бологъ, босъ, бѣрзъ, воронъ, глухъ, гнилъ, гнѣдъ, грубъ, густъ, гърдъ, деснъ, дорогъ, другъ, живъ, золотъ, косъ, кривъ, крутъ, лихъ, лѣвъ, лѣнъ, лѣпъ, любъ* (следы *b*), *молодъ, нагъ, новъ* (следы *b*), *нѣмъ, плохъ**, *половъ**, *простъ, прямъ, прѣснъ, пустъ, свинъ, святъ, сиръ, скоръ* (следы *b*), *слѣпъ, соловъ, солонъ, сухъ, сѣдъ, таи, твѣрдъ, тугъ, тупъ, тѣлѣтъ, тѣснъ, унъ* (юнъ), *холостъ**, *худъ, цѣлъ, часть, чѣрствъ**, *чюжь, шуи, яръ*; также церковнославянизмы *благъ, драгъ, златъ, младъ, плавъ, сланъ, трезвъ; веселъ, ветѣхъ, голубъ, дебель, дешевъ, свободъ, суровъ*. Сюда же: *шестѣѣ*.

Укажем также некоторые связанные корни с минусовой маркировкой, выступающие в прилагательных с хорошо выделяемыми суффиксами. С *-ѣк-*: *брид-, гор'-, жид-* (?), *крот-, крѣп-, мяк-, слад-* (церковнославянизм), *тѣн-, тяж-* (тяг-); с *-ок-*: *жест-*; с *-ын-*: *чѣрм-*;

с *-ьн'*: *древ.* В прилагательном *тъмьнъ* корень допускает маркировки → (как в *тъма*) и —.

Местоимения: *къто, чьто, јь, тъ, овъ* (///*b*), *самъ*, также опростившиеся *какъ, якъ, такъ*. К а. п. с относятся также личные местоимения 1 и 2 лица и возвратное; см. о них § 2.19. Местоимение *јьже* акцентуируется как *јь*, причем *же* ведет себя как минусовая морфема (не как обычное *же*). Местоимение *съ* акцентуируется по а. п. с, но в словообразовании с- имеет маркировку → (тем самым сохраняя следы прежней а. п. *b*).

Числительные: *дъва, оба, три*.

Глаголы. Атематические: *сѣмь, дамь, есмь, ѣмь* (*ямь*); при этом, однако, у *сѣдѣти* и *ѣсти* (*ясти*) система инфинитива относится к а. п. а.

С-корневые: *берегу, блюду, боду, бреду, веду, везу, володу**, *волоку, -вързу* (нов. а), *вязу**, *гнету, гребу, гряду, жьгу* (и *жегу*), *мету, мяту, несу, -нъзу, пеку, плету, -прягу, пълзу, реку* (и *ръку*), *росту, стерегу, сѣну* 'сыплю' (*сути*), *теку, тепу**, *трясу, тѣлку, цѣту, чьрпу, чьту* (*чисти* и *чьсти*); также церковнославянизмы *брегу, владу**, *елеку, расту, стрегу*. У нескольких глаголов в системе инфинитива представлена а. п. а; таковы *грызу, кладу, паду* (следы а также в презенсе), *пасу* (нов. с во всей парадигме), *пяду, стригу, сѣку, шибу*; возможно, также *бляду*.

V-корневые: *вюю, гиюю, люю, пюю, пою* (*пѣти*); *живу, жьру* (и *жеру*) (*жерети, жьрти*) 'devoгo', *кльну, мьру* (*мерети*), *-нъру* (?), *плову* (*плути*; позднее *пльву, плыти*), *пъну, -пъру* (*-перети*) 'запираю' и т. д., *рову* (и *реву*) (*рюти*), *слову* (*слути*; позднее *слыву, слыти*), *-сѣру* (*-стерети*), *тъну*.

а-глаголы: *даю* (*даяти*), *жюю** (и *жьву*) (*жьвати*), *клюю* (*кльвати*), *кую* (*ковати*), *лѣю* (*лѣяти*), *смѣюся* (*смѣяться*), *снюю* (*сновати*); *беру, въру* 'болтаю, лгу', *деру, жеру* (и *жьру*) 'devoгo', *зеву, орю* (и *ору*) 'папу', *ору** 'кричу', *перу* 'мою, стираю', *по-перу, рѣву; жьду* (и *жиду*), *сѣю**. У глагола *жену* (*гънати*) система инфинитива относится к а. п. а. О колебаниях у глаголов *емлю* (*јьмати*) и *глаголю* см. § 2.16, а-глаголы.

по-глаголы: *по-вину* (также *обинуся*), *-ману**, *мину, помяну*.

ѣ-глаголы: *бој-, бол-, бѣд-, бѣж-, вел-, върч-, върт-, гор-, грѣм-, дрѣж-, дыш-, държ-, звьн-, зър-, крич-, кып-, лет-, мѣлч-, мѣч-, пол-* 'пылать', *пър-, свѣт-* (*свѣтѣтися*), *скѣрб-* (изредка а), *смърд-, стој-, стыд-* (*стыдѣтися*), *сѣд-* 'сидеть', *тѣщ-* (*тѣщатися*), *тѣрп-, сѣ-тяж-, хрип-, шом-, щад-*. Сюда же относятся основная часть парадигмы глагола *хотѣти*, т. е. все словоформы, кроме *хочеши* (и *хочи, хочь*), *хочеть, хочемъ, хочете* в презенсе (также в церковнославянском варианте с *щ*), которые идут по типу а-глаголов и относятся к а. п. *b*; словоформа *хочю* (*хоцю*) может интерпретироваться двояко (и, соответственно, двояко акцентуироваться).

і-глаголы: *буд-, бѣд-, вал-, вар-* 'варить', *вар-* 'предварять', *веред-, върш-, гас-, говор-, год-, город-, груз-, губ-, дој-, дроб-, душ-*,

дѣл-, у-жас-, кад-, каз- (?), кат-, клон- (откл. к *b*), ключ-, кор-, кроп-, круш-, кръст-, крѣс-, лиш-, лов-, лож- (следы *b*), луч- (в *стѣлчѣтисѣ*, *получити*), лѣн-, лѣч- (?), мор-, мут-, съ-мѣж-, мѣн- 'менять', норов-, раз-ор-, въ-пер-, пој-, полон-, пост-, прост-, пуст-, рад-, раз-, род-, рост- (изредка *b*), съ-о-руд-, въ-о-руж-, рѣш-, сад-, сел-, скоп-, спѣш-, студ-, тај-, тац-, твор- (следы *b*), топ- (все омонимы), труд- (изредка *b*), туш- 'гасить', уч-, цѣд-, цѣл-, чин-, яв-; также церковнославянизмы влач- (следы *b*), врат- (следы *b*), вред-, град-, съ-крат- (следы *b*), срам- (следы *b*), -треб-, хран-.

ОКОНЧАНИЯ И СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ

§ 2.18. У окончаний плюсовая маркировка всегда означает ↓; поэтому ниже пишется просто + (без уточнений). В двусложных плюсовых окончаниях место приписки маркировки отмечено лишь в тех немногих случаях, когда это первая гласная окончания; в прочих случаях маркировка приписана к последней гласной окончания.

Пометы «следы», «нов.» и др. и символ // употребляются ниже в значениях, указанных в § 2.13. Дополнительная помета «диал.» (т. е. «диалектное распределение») означает, что сосуществующие маркировки выступали как диалектные варианты (но сведений о характере географического распределения этих вариантов помета не дает).

Тематические элементы у имен, как правило, сливаются с окончаниями и, следовательно, самостоятельных маркировок не имеют. Те, которые не сливаются с окончаниями (-я/-ен-, -ес-), имеют минусовую маркировку; для -ы/-ѣв- маркировка неясна (— или ↓; см. § 2.25, конец).

Маркировки окончаний именного склонения показаны в табл. 3; для *a*- и *o*-основ даны только твердые варианты окончаний (соответствующие мягкие варианты имеют ту же маркировку). Клетки, для которых нет необходимой информации, не заполнены. Зв. мн. в восточнославянском не отличается от И. мн.

В дополнение к табл. 3 укажем следующее. У консонантных основ окончание -е в Р. ед., М. ед. и И. мн. имеет минусовую маркировку; нулевое окончание в И. ед. по общему правилу для безгласных морфов (§ 2.7) вообще не имеет маркировки (прочие окончания консонантные основы заимствуют из основных типов склонения). У *ja*-основ с И. ед. на -и (например, *простыни*, причастия *несущи*, *несѣши*) это -и имеет плюсовую маркировку. В словоформах Д. Т. дв. *очима*, *ушима* окончание есть -има+.

Относительно распределения акцентных вариантов у окончаний, отмеченных в таблице записью «диал.», см.: М. ед. -и — § 3.37, М. ед. -у — § 3.38, И. В. мн. -а — § 3.40, Д. мн. -омъ — § 3.45—46, М. мн. -ѣхъ — § 3.47. Можно предполагать также, что у окончания Т. ед. -ою рано появился диалектный акцентный вариант, выражаемый маркировкой + Min (что давало ударение типа *женою* для слов

Таблица 3

Акцентная маркировка окончаний у существительных

		о-основы		и-основы	і-основы		
		а-основы	муж.		сред.	жен.	муж.
ед.	И.	-а +	-ѡ —	-о —	-ѡ —	-ѡ —	
	В.	-у —	-ѡ —		-ѡ —	-ѡ —	
	Эв.	-о — Min	-е — Min		-у — (?)	-и —	
	Р.	-ы +	-а —		-у — (следы +)	-и — (следы +)	
	Д.	-ѣ — (нов. +)	-у —		-ови —	-и —	
	М.	-ѣ + (следы —)	-ѣ —		-у +//— (диал.)	-и +//— (диал.)	
	Т.	-ою +	-ѡмѡ —		-ѡмѡ — (следы +)	-ѡю — (следы +)	-ѡмѡ — (следы +)
мн.	И.	-ы —	-и —	-а +//— (диал.)	-ове —	-и —	-ѡѣ —
	В.		-ы —		-ы —	-и —	
	Р.	-ѡ +	-ѡ +		-овеѡ +	-ѡѡѡ +	
	Д.	-ѡмѡ +	-омѡ —//+ (диал.)			-ѡмѡ —	
	М.	-ѡхѡ +	-ѡхѡ — Re//+Re (диал.)		-ѡхѡ —	-ѡхѡ —	
	Т.	-ѡми +	-ы +		-ѡми +	-ѡми +	
дв.	И. В.	-ѣ —	-а —	-ѣ —		-и —	
	Р. М.	-у +	-у +			-ѡју +	
	Д. Т.	-ѡма +	-ома +			-ѡма +	

а. п. *ѡ*, ср. *рукоѡ* и т. п. в а. п. *ѡ*). Говор с такой особенностью отразился в Мериле Праведном XIV в., см. Акц. Мер., § 35.

Акцентная характеристика окончания *-а* в И. В. мн. сред. представлена в табл. 3 упрощенно, а именно, не отмечена возможность появления эффекта Re (дающего ударения типа *числа*, *сѣла* в а. п. *ѡ*). В старовеликорусских памятниках этот эффект в одной диалектной

зоне регулярен, в другой нерегулярен или вообще отсутствует (см. § 3.41). Судя по наличию аналогичной оттяжки ударения влево в ряде южнославянских акцентных систем, истоки данного эффекта уходят в праславянскую эпоху. Но в настоящее время недостаточно ясно, в какой стадии развития находился этот эффект в раннедревнерусском и имелись ли уже тогда диалектные различия в этом пункте.

По данным внешнего сравнения можно предполагать также эффект Re для окончаний Т. мн. *-ы* и Р. М. дв. *-у*; но однозначных свидетельств этого эффекта в памятниках не усматривается.

Не исключено, что в М. мн. и в Д. мн. *о*-основ были какие-то акцентные различия между словами мужского и среднего родов; но надежных свидетельств этого нет (ср. § 3.45—47).

Понятно, что таблицей 3 определяется вид раннедревнерусских акцентных кривых во всех морфологических классах имен; см. § 2.11. В частности, в а. п. *с* акцентные кривые определяются тем, что минусовое окончание дает энклиномен, плюсовое — ударение на окончании.

В памятниках XIV в. (Чудовском Новом Завете и Мериле Праведном) у слова а. п. *в* *воля* (несколько менее надежно также у слова *воня*) обнаруживается особая акцентная кривая, не вытекающая из приведенных выше маркировок, а именно: И. ед. *воля*, В. ед. *волю*, Д. М. ед. *воли*, Т. ед. *волюю*, Р. ед. *воля* при окончании *-я*, но *воли* при окончании *-и* (мн. число устанавливается ненадежно); см. Акц. Мер., § 35. Не исключено, что эта акцентная кривая была свойственна всей «группе *воля*» (§ 2.16). Пока еще не выяснено, сколь древней является эта особенность и была ли она повсеместной; вполне возможно, что она сформировалась уже в раннедревнерусскую эпоху.

Счетные существительные а. п. *с* *пять*, *шесть*, *девять* (*i-femīnīna*) имеют ту особенность, что у них все окончания ед. числа, кроме И. В. ед., ведут себя в соответствии с маркировкой +, например: *пяти*, *пятью*. Слово *десять* (консонантная основа) обладает этой особенностью только при склонении по *i*-типу.

§ 2.19. У прилагательных нечленные формы в акцентном отношении не отличаются от существительных. Акцентуация членных форм может быть представлена (несколько идеализированно) так: вокалический соединительный морф (§ 2.2) имеет маркировку ↓ Re (тем самым для собственно окончаний маркировка безразлична; можно условно считать ее плюсовой). Таким образом, в а. п. *в* ударение в членных формах всегда на последнем слоге основы (*хорош-ѣъ*, *-ая* и т. д.), в а. п. *с* — на соединительном морфе (*молод-ѣъ*, *-ая* и т. д.).

Однако акцентная структура членных форм не полностью стабилизировалась в указанном виде. Были возможны небольшие диалектные вариации, следы которых могли сохраняться и позже. Одну из таких вариаций отражают ударения типа *Суховѣ*, *Благовѣ*, *Дурновѣ*. Другая вариация состояла в том, что отдельные прилагательные а. п. *с* получали (может быть, факультативно) наосновное ударение в членных формах (типа *холоднѣъ*); по-видимому, однако,

в раннедревнерусском, в отличие от южнославянских языков, такая акцентовка была представлена еще очень слабо.

В местоименном склонении в И. и В. падежах всех чисел выступают те же окончания и с теми же маркировками, что в именном склонении (у *a*- и *o*-основ). Отсюда, например, акцентовки: И. ед. *тѣ, тѣ, то*, В. ед. *ту*, И. мн. *ти, ты, тѣ/та*; И. *дѣва, дѣвѣ, оба, обѣ*. В остальных падежах все окончания имеют маркировку ↓ Min, приписанную, как и положено, к последнему слогу (при этом существенно, что в отличие от членных форм прилагательных здесь все окончания одноморфны, см. § 2.2). Практически это означает, что у слов а. п. *c* и *b* все эти словоформы конечноударны, например: *тогѡ, тою* (Т. ед. и Р. М. дв.), *тѣми, самому, самоѣ, самѣми, дѣвою, дѣвѣма, обою, обѣма, вьсего, своему, своею, своеѣ*.

У личных местоимений 1 и 2 лица и возвратного: словоформы *язъ, ты, мы, вѣ* (?), И. *вы* — энклиномены, *мя, тя, ся, ми, ти, си* — плюсовые энклитики, В. Д. *ны, на, вы, ва* — минусовые энклитики. Словоформы *насъ, намъ, нами, нама, наю* и *васъ, вамъ, вами, вама, ваю* — ортотонические с ударением на первом слоге. Словоформы *мене, тебе (тобе), себе (собе), мѣнѣ, тобѣ (тебѣ), собѣ (себѣ)* — энклиномены, но наряду с этим они допускают уже и конечное ударение (более новое); *мѣною, тобою, собою* имеют конечное ударение. Таким образом, эта группа местоимений акцентуирована по а. п. *c*, причем маркировки окончаний косвенных падежей — практически те же, что у тождественных именных окончаний.

§ 2.20. В глагольном словоизменении маркировки аффиксов таковы.

Тематические элементы. *aj*- и *ej*-глаголы: *-a(j)-, -ѣ(j)-* ↓; *ova*-глаголы: *-ová-* ↓ Min в инфинитиве, *-yj-* ↓ в презенсе; *ě*-глаголы: *-ѣ-* ↓ в инфинитиве; *a*- и *i*-глаголы: в инфинитиве *-a-* —, *-и-* —. В прочих случаях тематического элемента нет, или он не имеет маркировки ввиду безгласности. У *ng*-глаголов тематический элемент *-н(y)-* обладает особыми акцентными свойствами, см. § 2.25 (конец).

Прочие аффиксы. В личных формах презенса вокалический соединительный морф (*-e-, -y-, -и-, -я-*, § 2.2) имеет маркировку —Re (такую же маркировку имеет морф *-a-* в презенсе глагола *имамь*). Собственно окончания: 1 ед. *-у —, -мь* ↓; все прочие (*-ши [-шь], -ть, -мъ [-мо, -ме, -мы], -те, -тѣ, -вѣ, -та*) имеют ↓. Суффикс императива *-и-/ѣ-* имеет ↓. Проиллюстрируем фактические различия трех акцентных парадигм на нескольких характерных формах.

		а. п. а	а. п. б	а. п. с
Презенс	1 ед.	<i>стáвлю</i>	<i>хожю</i>	<i>тпроцю</i>
	3 ед.	<i>стáвить</i>	<i>ходить</i>	<i>простить</i>
	2 мн.	<i>стáвите</i>	<i>ходите</i>	<i>простите</i>
Императив	2 ед.	<i>стáви</i>	<i>ходи</i>	<i>прости</i>

Суффикс инфинитива *-ти (-чи)* имеет маркировку ↓. Особенность: в инфинитиве *a*- и *i*-глаголов, корневых глаголов на *-ити, -ити* (кро-

ме *-ити*) и глагола *дати* минусовая маркировка конечного морфа основы заменяется на ↓; отсюда такие ударения, как *бѣрѣти*, *простѣти*, *пѣти*, *жѣти*, *бѣти*, *дѣти* (на формы, образованные от основы инфинитива, эта особенность, кроме специально оговариваемых случаев, не распространяется).

Примечание. В памятниках XIV—XVII вв. эту особенность обнаруживают также *нр*-глаголы (ср. *помянутѣ*, *минутѣ* и т. п.); возможно, распространение данной особенности на *нр*-глаголы (которые в праславянском ее не имели) относится еще к раннедревнерусской эпохе.

Суффикс супина *-тъ* (*-чь*) имеет минусовую маркировку.

В аористе в праславянском положении было таково. Окончания 2—3 ед. *-е* и *-тъ* были минусовыми, все прочие (*-ъ*, *-омъ*, *-те*, *-е*, *-овѣ*, *-та*) — плюсовыми; соединительное *-о-* в новом сигматическом аористе, вероятно, было минусовым. При этом у *a-*, *i-* и корневых глаголов, подвергавшихся перемаркировке в инфинитиве (см. выше), такая же перемаркировка происходила и в аористе, кроме 2—3 ед. В древнерусском, однако, акцентуация аориста подверглась значительной перестройке, окончательный результат которой таков. Соединительное *-о-* и окончание 2—3 ед. *-е* имеют плюсовую маркировку. В аористах, где этих морфов нет, у всякой основы с минусовым конечным морфом этот минус заменяется на ↓ (тем самым маркировка окончаний, кроме *-е*, безразлична). Отсюда такие ударения, как *несо́хомъ*, *несѣ*, *бѣрѣхъ*, *бѣрѣ*, *простѣ*, *помяну́*, *бѣсть*, *дѣсть*, *прокля́тъ*, *начѣ́тъ*. Эта перестройка произошла рано: уже в XIV в. от прежней системы сохраняются лишь ничтожные следы.

Для имперфекта по восточнославянским данным можно предполагать только систему с маркировкой ↓ у морфов *-ах-*, *-аи-* (маркировка окончаний в этом случае безразлична).

Причастные суффиксы, содержащие гласную, а именно, *-уч-*, *-яч-*, *-ъш-*, *-ьш-* (в II. ед. муж. и сред. соответственно *-а*, *-я*, *-ъ*, *-ь*), *-ом-*, *-ем-*, *-им-*, *-ен-*, имеют основную маркировку —. Безгласные суффиксы (*-л-*, *-н-*, *-т-*, *-в-*) по общему правилу маркировок не получают. У глаголов с разной маркировкой корня в презенсе и в системе инфинитива причастия презенса опираются в акцентном отношении на презенс, а причастия прош. времени — на систему инфинитива. Исключение составляют причастия с *-ъш-* от *яти*, *-чати*, *жати* (*жѣмь*): они опираются на маркировку презенса (→), ср. *поѣ́мъ*, *начѣ́вши*.

§ 2.21. В акцентуации причастий имеется, однако, ряд особенностей.

1. У *C*-корневых глаголов перед суффиксом *-л-* минусовая маркировка корня заменяется на →; отсюда такие ударения, как *несло́*, *несла́* и т. п.

2. Такой же эффект у *C*-корневых глаголов перед суффиксом *-ъш-* (*-ъ*), ср. *принѣ́съ*, *принѣ́сши* и т. п.

3. Суффикс *-ен-* в нечленных формах ведет себя в соответствии с маркировкой →, ср. *принесено́*, *проше́ны*. Уже в раннедревнерус-

ском в части говоров маркировка → распространилась и на членные формы, т. е. наряду с *принесёное, прощёное* в некоторых говорах уже было *принесёное, прощёное*, см. Акц. Мер., § 91; позднее последняя модель победила повсеместно.

4. Суффиксы *-ом-*, *-ем-* допускали в качестве варианта маркировку ↓, отсюда *несомо* наряду с *несомо* и т. п.; впоследствии новая маркировка повсеместно победила. Для суффикса *-им-* маркировка ↓ уже в раннедревнерусском была господствующей.

5. Суффиксы *-уч-*, *-яч-* (но не их алломорфы *-а-*, *-я-*, выступающие в И. ед.) и *-ен-* получали дополнительную маркировку Re, когда они выступали после этимологически долгого корневого морфа; отсюда *пишючи, любячи* (хотя *пишá, любя́*), *сужено, жо́рьдючи, могючи, носячи, молено*. Однако весьма рано появились диалектные системы с обобщением корневого или суффиксального ударения.

Примечание. Церковнославянские причастные суффиксы *-ущ-* и *-ящ-* в раннедревнерусскую эпоху, по-видимому, обладали теми же акцентными свойствами, что и их русские эквиваленты *-уч-* и *-яч-*.

6. Такой же, как в предыдущем пункте, особенностью обладал, по предположению В. А. Дыбо (Дыбо 1981, с. 225—226), морф *-а-* (конечная гласная основы инфинитива *а-* глагола), когда он стоял перед причастным суффиксом *-н-*; отсюда *писанъ, на́казанъ, но́чесанъ, глоданъ, по́сланъ*. И в этом случае процессы выравнивания начались весьма рано.

7. Окончания причастий в принципе ведут себя в акцентном отношении как обычные именные окончания. Однако у причастий действительного залога уже в Чудовском Новом Завете XIV в. представлена сильная тенденция трактовать все окончания как плюсовые (И. В. ед. муж. и сред. на *-а-*, *-я-*, *-ъ-*, *-ь-* не в счет); отсюда Д. ед. *давъшию́*, И. мн. *живущё* и т. п. (ср. лексикализованный реликт такой акцентировки в современном *горя́ч, горяча́, -о́, -и́*). Вероятно, истоки этой тенденции относятся к раннедревнерусской эпохе.

КЛИТИКИ И ПРИСТАВКИ

§ 2.22. Энклитики. Из их числа имеют маркировку ↓: частицы *же, ли*¹³, *бо, се (сь)*¹⁴, также *да* в позиции после проклитики, см. § 2.4; местоименные словоформы *мя, ты, ся, ми, ти, си*; глагольные словоформы *бѣ, бы* (у этих последних имелся также и акцентно самостоятельный вариант, см. Дыбо 1975, с. 68). Основные минусовые энклитики — местоименные словоформы В. надежда *жь, жу, же, жѣ*, В. и Д. падежей *ны, на, вы, ва*. Обычно получали свойства (вероятно, минусовых) энклитик также словоформы *есмь, еси, есме (есмо, есмы), есте, есвѣ, еста* (2 дв.), когда они выступали в роли связки.

¹³ Не смешивать с союзом *ли* 'или', который представляет собой акцентно самостоятельное слово (тоже с маркировкой ↓).

¹⁴ Частица, возникающая из местоименных словоформ *се, съ*, потерявших способность к согласованию, ср. *ночь съ, осень съ, а́лто съ*.

Маркировку ↓ имеют приставки *вы-*, *па-*, *пра-*, *су-*; кроме того, *нѣ-*, образующее неопределенные местоимения и наречия.

Прочие приставки и все проклитики имеют маркировку —. Сюда относятся: предлоги, они же приставки — *без*, *въ*, *въз*, *до*, *за*, *из*, *къ*, *на*, *надъ*, *о* (*об*), *отъ* (*от*), *передъ* (также *предъ*), *по*, *подъ*, *при*, *про*, *съ*, *у*, *черезъ* (также *чресъ*); приставки *пере-*, *роз-* (также *пре-*, *раз-*); союзы и частицы — *и*, *а*, *нъ*, *не*, *ни*, также *да* не после проклитики.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ

§ 2.23. В списки включены лишь относительно более важные суффиксы, причем такие, для которых в памятниках имеется удовлетворительное количество материала. Порядок суффиксов в списках — обратный алфавитный. Суффиксы, имеющие твердый и мягкий варианты, представлены только твердым вариантом; не отмечается также вариант с *а*, выступающий после шипящих и *ј* у суффиксов с *ѣ*.

Примеры за немногими исключениями даны из числа слов, реально встретившихся с указанным ударением в памятниках (разумеется, многие из них можно встретить в памятниках также и с более новым ударением). При существительных в случае необходимости дается Р. ед. (у *а*-основ — В. ед.), при прилагательных — И. ед. жен. и И. ед. сред., при глаголах — 1 ед. презенса.

Следует учитывать, что при образовании производных от глаголов с непостоянной маркировкой корня нормой является использование той маркировки, которая выступает в системе инфинитива. Например, от *класти* (*а. п. а* в системе инфинитива, *а. п. с* в презенсе) образуется *покла́дати* (опирающееся на *клад-* ↓, а не на *клад-* —). В производных от *ен*-причастий суффикс *-ен-* сохраняет минусовую маркировку, ср. *учени́къ* и т. п.

Отметим, что суффиксы, совпадающие с основообразующими элементами (точнее, одновременно играющие роль такого элемента и полноценного суффикса, ср. § 1.19), одинаковы с ними и по маркировке.

Об акцентных свойствах важнейших суффиксов на праславянском уровне см. основополагающую работу: Дыбо 1968.

Суффиксы с основной маркировкой ↓

Суффиксы существительных: *-ил-о*, *-ѣл-ь* (жен.), *-им-ѣ*, *-ин-ѣ* (сингулятив), *-ин-а* (все значения, кроме отадъективного имени качества), *-ын-и* (следы минусовой маркировки), *-ят-* (в названиях детенышей), *-иц-а*, *-ич-ь*, *-ищ-е*; *-еж-ь* (муж.; откл. к →), *-ѣк-а* (*-ѣк-а* после *к*, *г*, *х*) (следы маркировки →); прилагательных: *-ив-*, *-ѣј-*¹⁵,

¹⁵ Поскольку *-ѣј-* имеет ↓, маркировка морфа *-ѣш-* (в составе *-ѣј-ѣш-*, выступающего в косвенных падежах) уже безразлична.

-ик-, -ат-, -ит-, -ист-, -ьн' (следы —); наречий (производных от местоимений): *-амо*, *-огда*, *-ѣде*, *-уда* (*-уды*, *-уду*); глаголов: *-а-ти* (в *ај*-глаголах), *-ѣ-ти* (в *ѣј*- и *ѣ*-глаголах), *-ова-ти* (маркировка ↓ Min). Относительно суффикса *-ы/-ѣ-* см. § 2.25 (конец).

Примеры. Производные от слов а. п. *а*: *правило*, *вѣтрило*, *мѣрило*; *отъчимъ* (от *отъц-*); *поганинъ*; *язвина*, *маслина*, *мѣсячина*, *отъчина* (от *отъц-*), *старѣшина*; *инокыни*, *милостыни*; И. мн. *ягнята*, *күрята*, *үтята*, *внүчата*; *рыбица*, *колѣдица*, *күрица*, *үтица*, *баг(ѣ)-ряница*, *плащаница*, *четверѣца*; *дѣдичь*, *брѣтаничь*, *отъчичь* (от *отъц-*); *сѣньмище* (от *сѣньм-*), *сѣборище*, *сѣдалище*; *грабежь*, *правезжь*; *политѣка*, *нитѣка*; *незлѣбивъ*, *правѣдивъ*, *милостивъ*; *слабѣ*, *старѣ* (ср. также *слабѣишии*, *старѣишии*, *малѣишии* и т. п.); *дымъчатъ* (от *дымѣка*), *јиловатъ*, *тиноватъ*, *кручиноватъ*; *знаменитъ*, *нарочитъ*; *каменистъ*; *матерньнъ*, *үтрньнъ*; *јинамо*, *јиногда*, *јинѣде*, *јинуду*; *оправѣдати*, *үжинати*, *велѣчати*, *остригати*, *поклѣдати*, *вѣпадати*, *сѣдати*, *сѣнѣдати*, *избѣвяти*, *поставѣяти*, *испѣляти*, *увѣряти*, *утѣшати*; *ослабѣти*, *окаменѣти*, *сѣстарѣтися*; *печѣловати*, *миловати*, *знаменовати*, *најѣмовати* (от *најѣм-*).

Производные от слов а. п. *в*: *чърнило*, *носило*, *точило*; *купѣль*; *попѣнъ*; *конѣна*, *пѣстрина* 'пятно, крапина', *скотѣна*; *рабыни*; И. мн. *орѣята*, *отрѣчата*; *вѣдовица*, *орѣвица*; *судѣище*, *огнище*, *дворѣище*; *жѣнѣка*, *рѣчыка*; *лѣживъ*; *добрѣ*; *коликъ*, *толикъ*; *крилитъ*, *жѣнатъ*; *плечистъ*; *жѣньнъ*; *онамо*, *вѣсѣгда*, *ѣнѣде*, *вѣсюду*; *пожинати*, *стунати*, *осужати*; *бѣлѣти*; *вѣлѣховати*.

Производные от слов а. п. *с*: *кадило*, *солило*, *хранило*; *печѣль*; *господинъ*, *гражданѣнъ*, *мирянѣнъ*; *богѣни*, *кѣнягѣни*, *святѣни*, *благостѣни*, также *гусѣни*, *гѣрдѣни*, *простѣни*, *пустѣни* (наряду с вариантом *гусѣни*, В. ед. *гусѣню*, *гѣрдѣни*, *гѣрдѣню*, *простѣни*, *пустѣню*, ср. § 2.25); И. мн. *жеребѣята*, *поросѣята*; *троѣица*, *шюјица*, *десница*, *гробѣница*; *кѣняжичь*, *-а*, *островичь*, *-а*, *пѣсковичь*, *-а*, *тѣхвѣричь*, *-а*; *гробѣище*, *городѣище*, *пѣртище*; *мятѣжь*, *-а* (но довольно рано появляются также примеры типа *градѣжь*, *-а*); *вѣдѣка*, *слобѣдѣка*, *ножѣка*, *дѣщѣка* 'досочка, доска' (наряду с архаичным *дѣщѣка* 'дочка'); *лѣнивъ*, *лѣстивъ*, *страшивъ*; *свѣтѣлѣ*, *жестѣчѣ*; *великъ*; *рогатъ*; *именитъ*; *рѣчистъ*; *серѣдѣньнъ*, *мүжѣньнъ*, *дрүжѣньнъ*, *зимѣньнъ*, *осѣньнъ*, *горѣньнъ* (однако *древѣньнъ*); *тамѣ*, *тогда*, *когда*, *кѣде*, *күдѣ* (*күды*); *сѣблѣдати*, *сѣбирѣти*, *явѣяти*; *цѣловѣти*, *именовѣти*.

Маркировку ↓ можно предполагать также для ряда других суффиксов, более бедно представленных в древнерусском материале. Таковы, в частности, суффиксы, выступающие в словах: *дѣржавѣ*, *верѣга*, *кольчѣга*, *владѣка*, *брѣтанъ*, *најѣмитъ*, *дѣлѣжѣбитъ* 'должник'. Превратившийся в суффикс элемент *-шьд-* (первоначально часть сложного слова), по-видимому, получил маркировку *-шьды* ↓, ср. *дѣвѣшьды*, *трѣшьды*, *чѣтырѣшьды*.

В качестве исключения маркировку ↓ имеют некоторые безгласные суффиксы, в частности, *-тв-а*, *-зн-ь*, *-сн-ь* (см. также ниже о **-j-*). Так, например, от минусовых корней (или основ) *кля-*, *лови-*, *жи-*, *пѣ-* образованы *клятва* (см. об этом слове § 2.14, «группа чаща»), *ловѣтва*, *жизнь*, *пѣснь*.

У нескольких суффиксов имеются индивидуальные особенности.

Суффикс притяжательных прилагательных *-ин-* получает маркировку ↓ в том случае, когда он прибавляется к *i*-основе (тогда как в прочих случаях он имеет маркировку → Min, см. § 2.24); ср. *гостинъ*, *-а*, *-о*, *звѣринъ*, *-а*, *-о*, *голубинъ*, *-а*, *-о*, *лошадинъ*, *-а*, *-о* от *i*-основ а. п. с.

Морф **-j-* в сравнительной степени, несмотря на свою безгласность, имеет маркировку и притом нестандартную, а именно: ↓ после этимологически долгого морфа, → после этимологически краткого. Примеры: 1) *моложе*, *сѹше*, *гѹще*, *короче* (Р. ед. *моложьша* и т. д.; о морфе *-ыш-* см. сноску 15) от *молод-*, *сух-*, *густ-* (все с —), *корот-* (→); 2) *болѣ*, *мьнѣ*, *горѣ* (но Р. ед. *больша*, *мьньша*, *горьша* и т. д., поскольку *ь* здесь слабый), сюда же *древлѣ*. Указанное распределение маркировок вызвано действием древнего правила о невозможности ↓ при этимологически кратком начальном слоге (§ 2.7; ср. *мя-* ↓ и *мьн-* → и т. п.).

В значительной мере сходными (но менее четкими) свойствами обладал морф **-j-* в составе *ja*-основ (*грьжа*, *чаща*, *воля* и т. д.), а именно, при этимологически долгом корне здесь обычно получалось слово а. п. *a*, при этимологически кратком — почти всегда слово а. п. *b* (в особом варианте, представленном «группой *воля*»). Заметим, что в составе *o*-основ указанные свойства морфа **-j-* проявлялись гораздо слабее, а именно, здесь он достаточно часто выступает как обычный безгласный морф, не имеющий самостоятельной маркировки. Поскольку в раннедревнерусском существительные с суффиксом **-j-* с акцентологической точки зрения уже нерегулярно соотносятся с соответствующими исходными словами, они рассмотрены выше вместе с производными (см. в особенности § 2.14, «группа *чаща*» и § 2.16, «группа *воля*»).

Суффикс вторичных имперфективов, который в более позднее время выглядит в великорусских памятниках как *-ыва-ти*, для раннедревнерусского, по-видимому, должен реконструироваться как *-ѣва-ти* (ср. великорусское произношение типа *подска[кѣ]вать*, украинский рефлекс *-ыва-ти* и в особенности белорусский рефлекс *-ва-ць*, например: укр. *показувати*, белор. *пакáзваць*). В составе *-ѣв-а-ти* морф *-ѣв-* имеет маркировку ↓ (морф *-а-* здесь тот же, что во всех *a**j*-глаголах); поскольку *ѣ* здесь слабый, ударение фактически всегда падает левее суффикса, например: *оправѣдѣвати* (от а. п. *a*), *пока́звати* (от *b*), *завáръвати* (от *c*). При последующих нефонетических заменах *ѣ* на другие гласные ударение уже не менялось. Следует учитывать, впрочем, что историческое развитие данного суффикса

известно очень неполно, поскольку в раннюю книжную письменность он проникал довольно редко и, возможно, в части случаев записывался не в соответствии с произношением.

Суффиксы с основной маркировкой →

§ 2.24. Суффиксы существительных: *-ак-ъ*, *-ик-ъ* (маркировка → Re¹⁶), *-ин-а* (отадъективное имя качества), *-ун-ъ*, *-ар-ь*, *-ач-ь*; *-ьб-а*, *-ьств-о*, *-ьј-е* (изредка —), *-ьј-а* (изредка —), *-ък-ъ* (*-ьк-ъ* после *к*, *г*, *х*), *-ък-о* (*-ьк-о* после *к*, *г*, *х*), *-ьц-ь*, *-ьц-е*, *-ьц-а*; прилагательных: *-ин-* (кроме случая, когда этот суффикс присоединяется к *i*-основам, см. § 2.23), *-ьј-* (изредка —).

Большинство этих суффиксов впоследствии обнаруживает эффект Min. Однако по крайней мере у некоторых из них (в частности, у всех суффиксов с редуцированными) этот эффект, по-видимому, возник лишь в позднеревнерусскую эпоху, см. § 3.8. Бесспорных свидетельств раннего появления эффекта Min нет ни для одного суффикса данной группы; поэтому мы считаем возможным не включать помету Min в их раннеревнерусскую маркировку.

Примеры. Производные от слов а. п. а: *брáтикъ*, *лáрьчикъ* (от *ларьц-*); *мáликъ*, *стáрикъ*, *чíстикъ*, *лóbимикъ*; *пáвина*, *јíстина*, *тíшина*, *велíчина*, *вьсьячина*, *мъньшина* (от *мъньш-*); *пѣстунъ*; *рыбарь*; *свáтьба*, *áльчьба*; *мъножьство*, *богáтьство*, *отъчьство* (от *отъц-*); *сѣдорóвьје*, *колóдьје*, *кáменье*, *велíчьје*, *знáньје*, *бítьје*; *холóнья*, *брáтьја*; *четвѣртъкъ*, *орѣшкъ*; *желѣзко*; *стáрьць*, *брáтьць*, *јíстьць*; *стáдьце*; *мышьца*; *бáбинъ*, *мáтеринъ*; *бáбьѣ*, *корóвьѣ*. С суффиксами *-ак-ъ*, *-ач-ь* ударений типа *рыбакъ*, *силачь* в памятниках не засвидетельствовано; по-видимому, они устранялись довольно рано.

Производные от слов а. п. б: *своѣкъ*, *-а*; *ключикъ*, *ножикъ* (уменьшительные; эффект Re); *служьба*, *просьба* (но Р. мн. *служьбъ*, *просьбъ*, аналогично и далее); *рабьство*, *своѣство*, *головничьство*; *кóльје*, *пѣрьје*, *острьје*, *устьје*, *батóжьје*, *овощьје*; *пѣпья* (собирает.); *бобъкъ* (*бобъка*), *сапожькъ* (*сапóжька*), *пѣсцькъ* (*пѣсцька*); *явьчко*; *корабльць* (*корáбльца*), *чърньць* (*чърньца*), *пѣпърьць* 'перец' (*пѣпърьца*), *овьсьць* (*овьсьца*); *двѣрьца*; *бычьѣ* (*бычьја*, *-е*), *псьѣ* (*псьја*, *-е*), *овьчьѣ* (*овьчьја*, *-е*). В памятниках, однако, как уже отмечено выше, у одних суффиксов спорадически, у других постоянно проявляется эффект Min, например: *мытáрь*, *-ѣ*, *писáрь*, *-ѣ*, *судьбá*, *мольбá*, *борьбá*, *сатанинъ*, *á*, *-ó*.

Производные от слов а. п. с: *шестáкъ*, *-á*; *мужикъ*, *-á*, *ученикъ*, *-á*, *головникъ*, *-á*; *густина*, *тајина*; *бѣгунъ*, *-á*; *вратáрь*, *-ѣ*, *клеветáрь*, *-ѣ*; *ковáчь*, *-á*; *цѣльбá*, *татьбá*; *божьство*, *мужьство*, *къня*

¹⁶ Точнее, эффект Re достоверен для *-ик-ъ* уменьшительного; имеется ли он у *-ик-ъ* отадъективного, неясно, поскольку нет соответствующего материала.

*жьство́, дѣтьство́, суровьство́, дебелъство́; дубьѣ́, орудьѣ́, оружьѣ́, житьѣ́, питьѣ́, бытьѣ́, даньѣ́, веденьѣ́; кѣняжьѣ́, сыновьѣ́; горо-
дѣкъ, -а́, лѣсъкъ, -а́, начатѣкъ, -а́; озерѣ́, ушьѣ́, брюшьѣ́; моло-
дѣць, -а́, слѣпѣць, -а́; словьѣ́, кольѣ́; пыльѣ́, крѣпостьѣ́; дѣче-
ринѣ́, -а́, -о́; божьѣ́, божьѣ́, божьѣ́ (но наряду с этим была воз-
можна также акцентовка *божьѣ́, божьѣ́, божьѣ́*), ср. еще *чи́ѣ, чия́, чия́; сюда же третѣ́, третѣ́, третѣ́.**

П р и м е ч а н и е. В отношении притяжательных прилагательных с *-ин-, -ѣ-* следует учитывать, что они первоначально не имели членных форм. Появившиеся позднее (и то только в косвенных падежах) членные формы заимствовали ударение у нечленных форм; отсюда такие ударения, как, например, современные *Голови́ных, Голови́ными, Бородин́ых, Бородин́ыми*, старовеликорус. *божьѣ́хъ, божьѣ́ми* и т. д. (но также и *бжьѣ́хъ, бжьѣ́ми*).

Маркировку → можно предполагать также для суффиксов, представленных, в частности, в словах: *рука́вѣ, -а́, видо́кѣ, -а́, веретенó, пышенó, живото́, -а́; студе́нѣ, -а́, -о́, зеле́нѣ, -а́, -о́.* В слове *жени́хѣ, -а́* суффикс ведет себя в соответствии с маркировкой → Min, но более ранним, по-видимому, было *жени́хѣ, -а.*

В качестве исключения маркировку → имеет безгласный суффикс, а именно, *-л-о* (не в составе *-ил-о*, о котором см. § 2.23); так, от минусовых корней *тяг-, пек-, жере-* образованы *тягло́, пекло́, жерело́.* В опростившихся *весло́, число́* такой же акцентный эффект дал суффикс *-сл-о.*

Суффиксы с минусовой основной маркировкой

§ 2.25. Суффиксы существительных: *-ив-о, -мя (-мен-), -ян-* (в именах жителей; откл. к ↓), *-от-а* (откл. к →), *-ост-ь* (от простой минусовой маркировки сохраняются лишь следы; обычно — Re, откл. к — Min¹⁷), *-ош-ь*; прилагательных: *-ав-, -ов-, -ој-* (от числительных), *-ак-* (от местоимений), *-ѣк-, -ѣск-, -ѣл-, -ѣн-, -ян-, -ес-, -ер-* (от числительных); глаголов: *-и-ти.* Минусовую маркировку имеет также соединительный морф *-ов-* (выступающий, например, в *яд-ов-итѣ, поп-ов-ѣскѣ, поп-ов-ичѣ, корол-ев-ѣство, сват-ов-ѣство* и т. п.).

Примеры. Производные от слов а. п. *а:* *моло́зиво* (от **моло́з-* 'доить'); *зна́мя, сѣ́мя; И. мн. огни́щане; пра́вота, вы́сота, чи́стота, ни́щета; сла́бость, ра́дость, ми́лость, ста́рость; ла́скавѣ, короста́вѣ; а́довѣ, бра́товѣ, китовѣ; јина́кѣ; гла́дѣкъ, рѣ́зѣкъ; золо́ньскѣ, бра́тьскѣ; сла́внѣ, вѣ́рнѣ, си́льнѣ; мѣ́дянѣ, гли́нянѣ; ба́бити, гото́вити, порабо́тити.*

Производные от слов а. п. *в:* *огни́во; писмѣ́ (Р. ед. писме́не); И. мн. дво́ряне; рабо́та, тепло́та, хро́мота, добро́та, щедро́та, мокро́та, пы́строта; бѣ́лость, му́дрость, лю́тость* (но встречаются

¹⁷ По данным памятников эффекты Re и Min здесь часто бывает невозможно различить.

также следы ударений типа *мудрѠсть*; с другой стороны, возможны такие примеры, как *бѠдрость*, с эффектом Min); *лукѠвь*, *рѠжавѠь*; *львѠвь*, *королѠвь*, *конѠвь*; *одинѠкъ*, *всякъ*; *льгѠкъ* (*льгѠна*, -o), *узѠкъ* (*узѠка*, -o), *коротѠкъ* (*коротѠка*, -o); *женѠскѠ* (*женѠска*, -o), *конѠскѠ* (*конѠска*, -o), *скотѠскѠ* (*скотѠска*, -o), субстантивированное *воѠьско* (из *воѠьско*); *мѠдѠль* (*мѠдѠла*, -o) 'медленный'; *бѠдѠнь* (*бѠдѠна*, -o), *волѠнь* (*волѠна*, -o), *огнѠнь* (*огнѠна*, -o), *серебрѠнь* (*серебрѠна*, -o), *животѠнь* (*животѠна*, -o) (о слове *красѠнь* см. ниже отдельно); *стѠклянь*, *пѠпѠрянѠ*, *овсянѠ*; *бѠлесѠ*; *трубитѠ* (*трубѠю*), *служитѠ* (*служѠю*), *женитѠ* (*женѠю*), *чѠрнитѠ* (*чѠрнѠю*).

Производные от слов а. п. с: *кѠруживѠ*, *варивѠ*, *сочивѠ*; *по-ломя* (ср. *полѠти* 'пылать'); И. мн. *гѠраж(Ѡ)анѠ* (однако, например, *мирянѠ*); *тяготѠ* (*тяготѠу*), *лѠпотѠ* (*лѠпотѠу*), *сирѠтѠ* (*сирѠту*), *пустѠтѠ* (*пустѠту*), *сухѠтѠ* (*сухѠту*) (однако рано появляется также акцентовка *тяготѠу*, *лѠпотѠу*, *сирѠту*, *пустѠту*, *сухѠту* и т. п.); *гѠрубѠсть*, *благѠсть*, *лѠбнѠсть*, *кѠрѠбнѠсть*; *пустѠшѠ*; *кѠрѠвавѠ* (*кѠрѠвава*, *кѠрѠваво*; аналогично и последующие примеры прилагательных); *дѠубѠвь*, *ледѠвь*, *гѠромѠвь*, *снѠговѠвь*; *обоѠе*, *двоѠе*, *троѠе*; *такѠ*, *какѠ*, *якъ*; *кѠрѠпѠкъ*, *тяжѠкъ*; *людѠскѠ*, *мужѠскѠ*, *земѠскѠ*; *сѠвѠтъль*; *свѠбодѠнь*, *холодѠнь*, *вѠчьнѠ*, *чѠстьнѠ*; *ледѠнѠ*, *рѠжанѠ*, *вощѠнѠ*; *пепелѠсѠ*; *пятерѠ*, *шестѠерѠ*, *девѠятерѠ*, *десятерѠ*; *живитѠ* (*живѠю*), *даритѠ* (*дарѠю*), *кѠрѠвавитѠ* (*кѠрѠвавлѠю*), *свѠбодитѠ* (*свѠбожѠю*), *пустѠшитѠ* (*пустѠшѠю*).

В сущности равносильны минусовым также безгласные суффиксы, не получающие маркировки, т. е. все, кроме немногих, оговоренных выше в § 2.23 и 24. Так, энклиноменами являются, например, словоформы: *да-н-ь*, *волос-т-ь*, *чьс-т-ь*, *пи-в-о*, *гни-л-ь* (все корни здесь минусовые). Специально отметим, что не имеет маркировки морф *-j- (после согласной), образующий притяжательные прилагательные; ср., например, *кѠнѠнѠжѠ*.

В нарушение базисного правила в отдельных случаях (сравнительно немногочисленных) энклиноменами оказываются также некоторые производные с безгласными суффиксами от плюсовых, а не минусовых корней, например: *мас-т-ь*, *стрѠс-т-ь* (*маз-↓*, *страд-→*).

Имеются также некоторые особые случаи.

Суффикс *-ок-* (у прилагательных) обнаруживает минусовую маркировку в *жѠстокѠ*, *жѠстокѠа*, *жѠстоко*; этому не противоречат также *ѠнокѠ* и *одинѠкъ*, -a, -o. В то же время в группе *высокѠ*, *широкѠ*, *глубокѠ*, *далекѠ* для раннедревнерусского необходимо реконструировать ударение по модели *высѠкъ*, -Ѡ, -Ѡ, т. е. а. п. *Ѡ* (со следами корневого ударения — по крайней мере для слова *высокѠ*). Ударения *выситѠ*, *высота* и *ширитѠ* указывают на исходную маркировку ↓ у этих двух корней (для *глуб-* и *дал-* положение менее ясно). Можно предполагать, таким образом, что *-ок-* есть исконно минусовый суффикс, но в группе *высокѠ*, *глубокѠ*, *широкѠ*, *далекѠ* произошла акцентная перестройка, нарушившая регулярные акцент-

ные отношения (причем еще в праславянскую эпоху, поскольку окситонеза здесь представлена также и в южнославянском).

Ранняя акцентная перестройка произошла также в слове *красѣнь*: первоначальная акцентовка *красѣнь*, *красѣна*, -о сменилась здесь (по аналогии с непроизводными типа *чѣрнѣ*, *чѣрнѣ*, -ѣ) на *красѣнь*, *красѣнѣ*, -ѣ. В более позднюю эпоху такая перестройка охватила значительное число слов (см. § 3.57); однако в слове *красѣнь* (возможно, также в *розѣнь*) она происходила раньше, чем в остальных.

Суффикс *-тель* обнаруживает минусовую маркировку в словах *прѣитель*, *непрѣитель* (от архаичного а-глагола *прѣяти*, *прѣю* 'faveo', позднее преобразованного в *прѣяти*, *прѣю*), *властель*, *волостель*. Такой маркировке не противоречат также производные типа *дѣлатель*, *списатель*, *служитель*, *избавитель*, где ударение в любом случае должно принадлежать производящей основе. Однако в производных *податель*, *предатель*, *житель*, *учитель*, *святитель* и т. п. (где все морфы производящей основы минусовые) ударение не соответствует ожидаемому; оно явно заимствовано из соответствующих инфинитивов.

Суффикс *-ну-ти* (презенс *-н-еть*) обладает нестандартными акцентными свойствами. Несколько упрощенно их можно представить так. Данный суффикс ведет себя как двуморфный: *-н- + -у-*; первый морф постоянен, а второй представлен только в инфинитиве, но не в презенсе. Морф *-у-* всегда имеет минусовую маркировку. Морф *-н-* имеет минусовую маркировку после корней, оканчивающихся на гласную (сюда же *мя-/мьн-* 'упоминать'), и маркировку → после корневой, оканчивающихся на согласную (даже если перед *-ну-* эта согласная исчезает). Примеры (дается только презенс). Корень с ↓: *дѣну*, *-еть*, *вѣснѣ*, *-еть*. Корень с →: *можнѣ*, *можнѣть*. Корень с —: 1) *помяну*, *помянѣть* (ср. еще *мину*, *минѣть*, *ману*, *манѣть*, *повину*, *повинѣть*, где корень вычленяется с трудом); 2) *тонѣ*, *тонѣть*, *устанѣ*, *устанѣть*, *вѣрнѣ*, *вѣрнѣть*, *крикнѣ*, *крикнѣть* (ср. а. п. с в презенсах *топѣть*, *стѣпѣть*, *вѣртѣть*, *кричѣть*).

Для некоторых редких суффиксов не удается установить маркировку, поскольку в имеющемся материале нет надежных примеров их соединения с минусовым корнем. Например, неясна маркировка (— или ↓) суффикса (и основообразующего элемента) *-ь/-ѣв*¹⁸, суффикса *-об-а*. Иногда акцентные показания разных слов с одним и тем же суффиксом не согласуются между собой. Например, для суффикса *-ьн-о* слова *бѣрвьнѣ* (*бѣрвьнѣ*), *говьнѣ*, *полотьнѣ* указывают на маркировку →, а *гузьнѣ*, *судьнѣ* — на минусовую маркировку; для *-ьн-я* *горѣдья*, *вечѣрня* указывают на ↓, а *головья* (И. мн. *головья*) на —. В условиях, когда общее число слов с данным суффиксом мало, выявить природу таких расхождений не удается.

¹⁸ Слово *свекры* (имевшее, по-видимому, акцентовку *свекры*, *свѣкрѣе*) здесь недостаточно показательно, поскольку неясна маркировка корня: акцентуация слова *свекръ* устанавливается ненадежно.

ОСОБЫЕ АКЦЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРИСТАВОЧНЫХ ИМЕНАХ И СЛОЖНЫХ СЛОВАХ

§ 2.26. У имен с основой, состоящей из минусовой приставки (кроме *не*) и корня, ударение в раннедревнерусском обычно уже не подчинялось базисному правилу. Их фактическое ударение может быть описано в терминах перемаркировок.

В раннедревнерусском для *о-* и *а-*основ указанной структуры¹⁹ (существительных и прилагательных) нормой является следующая модель («модель *потопъ*»): корень выступает с маркировкой ↓, хотя бы его исходная маркировка была иной. Примеры: *потопъ*, *-а* (*топ-* —), *переломъ*, *-а* (*лом-* →), *досада* (*сад-* —), *постеля* (*стел-* →), *убогъ*, *-а*, *-о* (*бог-* —), *безбородъ*, *-а*, *-о* (*бород-* —). Если корень содержит редуцированный, получают такие ударения, как, например (в перечни включены как собственно русские слова, так и церковнославянизмы): *наѣмъ* (*наѣма*), *сѣньмъ* (*сѣньма*), аналогично *заѣмъ*, *переѣмъ*, *подѣѣмъ*, *причьтъ*, *учьтъ*, *росчьтъ* и др.; *притъча* (но Р. мн. *притъчь*), *подъшьва* (но Р. мн. *подъшьвь*), аналогично *проръва*, *переръва*, *ошьва*, *прошьва*, *польза*, *проѣма*, *уѣма*, *бездъна*, *пожъня*, *осъна*, *засъна*, *присъна*, *расъня*. Специально отметим хорошо засвидетельствованные памятниками ударения *пристаѣвъ*, *облакъ*, *признакъ*, *призракъ*, *насмѣркъ*, *приступъ*, *заговоръ*, *сзговоръ*, *ужасъ*, *зипахъ*, *въздѣхъ*, *проволака*, отличающиеся от современных (ср. еще *изврѣгъ* 'изверг', *отпѣсть*).

Наряду с этой основной моделью существует три второстепенных.

Модель *отрокъ*: корень выступает с маркировкой →, хотя бы его исходная маркировка была иной. Пример: *отрокъ*, *-а* (*рек-/рок-* —). Для раннедревнерусского эта модель является уже реликтовой: речь идет о следах состояния, предшествующего победе модели *потопъ*. В памятниках акцентовка по этой модели (например, *законъ*, *народы*, *прилогы*, *своды*, *позорѣмъ* Т. ед., *покровъ*, *поклонѣвъ*, *ослопы*, *обѣды*, *искусъ*) обычно встречается лишь в виде крайне редкого отклонения от обычной акцентовки тех же слов по модели *потопъ*. Устойчиво следуют модели *отрокъ* только *посѣлъ*, *-а* и *замѣкъ*, *-а* (слово *утѣкъ* не встретилось). Опростившееся слово *отрокъ* сохраняет эту модель лишь в рукописях западной части великорусской территории; в восточной ее части оно выступает уже в модели *окупъ* (ср. карту 8), на украинской территории — в модели *потопъ*. Слово *побѣда* в ранних рукописях акцентуировано по модели *окупъ* или *отрокъ*, позднее переходит в модель *потопъ*; слово *похвала* акцентуруется по модели *отрокъ* или *потопъ*.

Модель *окупъ*: корень выступает с минусовой маркировкой, хотя бы его исходная маркировка была иной. К этой модели принадлежит прежде всего ряд слов с исконной минусовой маркировкой корня

¹⁹ А также отличающихся от них только наличием суффикса *-j- (*постеля*, *притъча*, *пожъня* и т. п.).

(для них в принципе можно предполагать простое сохранение первоначальной акцентовки), в частности: *образъ* (наряду с *о́бразъ*, -а), *поваръ*, *възрастъ*, *обручь*, также опростившиеся *островъ*, *потрохъ*, *посохъ*. Однако достаточно рано акцентовка по данной модели появляется также и при иных корнях, в частности: *поясъ*, *розумъ* (и *разумъ*), *подвигъ* (следы *подви́гъ*), *окупъ*, *отъкупъ*, *похороны*; сюда же *побѣда* (В. ед. *побѣду*, но также *побѣдѹ* — по модели *отрокъ*). В ряде случаев (например, *замыслъ*, *помыслъ*, *промыслъ*, *западъ*) модель *окупъ* конкурирует со следующей («засуха»), причем по показаниям памятников эти модели далеко не всегда удается разграничить.

Модель *засуха*: приставка меняет свою минусовую маркировку на ↓ (маркировка корня после этого уже безразлична). Пример: *засуха* (*сух-* —); заметим, что при такой перемаркировке уже не соблюдается древнее правило, запрещающее маркировку ↓ для этимологически краткого начального слога (§ 2.7). Акцентовка по данной модели прослеживается (в том или ином объеме) в большинстве славянских языков, что заставляет относить истоки такой перестройки (природа которой еще остается невыясненной) к весьма ранней эпохе. Как показывают данные памятников и современных языков и говоров, в восточнославянской области модель *засуха* активно развивалась на украинско-белорусской территории, а также в западной и дальнесеверо-восточной частях великорусской территории. На остальной части великорусской территории она представлена слабо (тогда как модель *окупъ*, напротив, получила здесь значительное распространение). Можно предполагать, таким образом, что инновационные модели *окупъ* и *засуха* уже в раннедревнерусском конкурировали друг с другом и их распределение в основном носило диалектный характер. В ходе истории модель *засуха* особенно широко развилась в украинском; ср., например, *загорода*, *закрутка*, *перéгляд*, *перéпад*, *недбóгляд*, *недбук* и т. п. (см., в частности, Устинова 1980). В литературном русском языке однозначно восходит к модели *засуха* лишь небольшая группа слов: *засуха*, *прóволока*, *зámорозки*, *зáработок* и др., см. § 1.28, А III, п. 3 (слова на -а) и 4; очевидно, это «вклад» западных и северо-восточных говоров. В группе слов мужского рода типа *зáпуск* (§ 1.28, А II) соединилось историческое развитие древних моделей *засуха* и *окупъ* (первоначальные различия в акцентовке мн. числа здесь в значительной мере стерлись); ср., например, тотемское *рòгр'ор* (Брок 1907, с. 33), где фонема /ò/ свидетельствует о модели *засуха*, и рязанское *п/ò/греб* (Васильев, с. 40), где фонема /ò/ свидетельствует о модели *окупъ* (об /ò/ и /э/ см. § 3.3).

Сосуществование всех указанных моделей (при отсутствии каких-либо фонетических правил их распределения) говорит о том, что переход от одной модели к другой был не фонетическим, а аналогическим процессом, который охватывал не весь соответствующий массив слов одновременно.

§ 2.27. Рассмотрим теперь *i*-основы, состоящие из минусовой приставки (кроме *не*) и корня, а также те, которые сверх того имеют суффикс *-т-ь*, *-н-ь* или *-л-ь* (*зависть*, *пристань*, *поросль* и т. п.). Здесь можно выделить те же модели акцентовки, что и выше, но их распределение иное.

Прежде всего, для значительной части слов распределение моделей *потопъ* и *окупъ* непосредственно соответствует исходной маркировке корня; иначе говоря, эти слова просто подчиняются базисному правилу (без перемаркировок). Таковы, в частности: 1) *напáсть*, *пропáсть* (ср. *пáсти*, *пáлл*), *звйáсть*, *ненавйáсть*; 2) *заповѣдь*, *проповѣдь*, *исповѣдь* (ср. *вѣмы*, *вѣсте*), *звѣдь*, *повѣдь*, *изгородь*, *упряжь*, *оторопь*, *прихоть*, *похоть*, *подать*, *область*, *прелесть*, *повѣсть*, *сѣвѣсть*, *почѣсть*, *поросль*, *отрасль*, *прибыль*.

Как можно видеть, здесь практически преобладает модель *окупъ*. Такое же положение и у тех слов, где фактически происходит перемаркировка. Так, перемаркировку по модели *окупъ* можно констатировать (по крайней мере, в некоторых говорах), в частности, для слов *обувь*, *привязь*, *связь*, *запись*, *опись*, *недопись*, *пропись*, *опашь*, *помочь* (*помощь*); она рано отмечается также для слов *зависть*, *ненависть*, *пропасть*. Напротив, перемаркировка по модели *потопъ* очень редка, ср. опростившиеся *юдѣль* (*удѣль*), *утварь* (корневое ударение изредка отмечается также у слов *заповѣдь*, *помощь*). Модели *отрокъ* у *i*-основ, по-видимому, почти не было: одно лишь слово *сѣмьрть* обнаруживает некоторые следы флексийного ударения (при обычной акцентовке по модели *потопъ*, которая в более поздних памятниках заменяется моделью *окупъ*).

Модель *засуха* здесь довольно трудно выявить по показаниям памятников, но она несомненно существовала, ср. ударение *ненависть* в части более поздних памятников (при *ненависть* в большинстве великорусских памятников). Весьма показательны также современные украинские ударения *ненависть*, *перев'язь*. В отличие от этих примеров, в литературных русских *ненависть*, *перевязь*, *перепись*, *недопись* отразилась характерная для восточновеликорусских говоров модель *окупъ*.

Что касается сложений с плюсовыми приставками (*вы-*, *па-*, *пра-*, *су-*), то они ни в чем не отклоняются от базисного правила, т. е. ударение здесь всегда на приставке. Примеры: *вынось*, *пáволока*, *пáгуба*, *пáмять*, *пáбаба*, *пáвѣнукъ*, *пáродитель*, *сѣгубь*, *сѣмракъ*, *сѣпостать*.

Сложения с приставкой *не* также обычно подчиняются базисному правилу, ср. *недрукъ* (*друкъ*), *немочь* (*мочь*), *непростъ* (*простъ*), *немѣногъ* (*мѣногъ*). Лишь в тех редких случаях, когда сложение с *не* синтаксически не равно второму члену, *не* ведет себя как прочие минусовые приставки, а именно, сложение подвергается стандартной перемаркировке, например: *небѣдъ* 'убогий, несчастный', *неплѣдъ* 'бесплодный', *недѣдъ*.

§ 2.28. В сложных словах (с бессуффиксным вторым членом) в раннедревнерусском господствует следующая акцентная модель: последний корень меняет свою маркировку на ↓, а все прочие морфы — на минус. Примеры: *богослѡвъ*, *Въсеслѡвъ*, *зълѡдѣѣ* (один из акцентных вариантов), *коловорѡтъ*, *дѣлгорукѣ*, *рукоятѣ*, также *Ростислѡвъ*, *Мъстислѡвъ* (один из акцентных вариантов). Эта модель соответствует модели *потопѣ* у приставочных имен.

В качестве второстепенной была возможна также архаичная модель без перемаркировок; она давала такие ударения, как, например: *лѣтопись* (лѣт- ↓), *Стѣродубѣ* (стар- ↓), *зълѡдѣѣ* (один из акцентных вариантов; зѣл- →), *Въсѣволодѣ* (вѣс- →), также *Звѣнигородѣ* (с императивом в первой части), *Володимѣръ*, *Мъстиславѣ* (один из акцентных вариантов). Судя по тому, что в более позднее время ударение на соединительной гласной отмечается в украинском (реже в белорусском), но не в великорусском (ср. укр. *добрѡбут*, *добрѡдѣй*, *жовтѡбрюх*, *злѡдѣй*, *злѡчин*, *чорнѡзем*, *чорнѡклен*, *чорнѡслив*, *тернѡслив*, *конѡв'язь* и др.), можно предполагать, что оно достаточно рано стало приобретать диалектный характер. В современном украинском такое ударение изредка встречается также и в словах, где первый член не имел в древности маркировки →, например, *Житѡмир*, *правѡпис*, *простѡлюд*, *твердѡколос*. Напротив, в русском языке со временем вышла за свои первоначальные рамки модель *лѣтопись* (у *i-feminina*): ср. *кѡновязь*, *рукопись* и т. п., где первый член не имел в древности маркировки ↓. Заметим, что различие, например, между укр. *конѡв'язь* и рус. *кѡновязь* сходно с различием между укр. *ненѡвистѣ* и рус. *нѣнавистѣ* и т. п.

§ 2.29. Участвуя в дальнейшем словопроизводстве, приставочные и сложные имена выступают уже в своем перемаркированном виде (т. е. особенности их ударения соответствующим образом «наследуются» их производными). Таким образом, получают, например, ударения: *допотѡпънѣи*, *постѣльникѣ*, *убѡжьство*, *наѣъмникѣ*, *наѣъмитѣ*, *наѣъмовати*, *сѣънѣмище*, *притѣчьникѣ*, *полѣзьнѣи*, *отрокѡвица*, *отрѡча*, *поясьнѣица*, *помощъникѣ*, -а, *богослѡвъѣ*, *лицемѣръѣ*. В ряде случаев, однако, при приставочных именах, подвергшихся перемаркировке по новым моделям *окупѣ* или *засуха*, производные отражают более раннюю акцентовку по модели *потопѣ*; таковы, в частности: *разумѣнѣ*, *подвѣжьникѣ*, *пропѣстънѣ*, *завистъ-ѣнѣ*, -ѣникѣ, *ненавистъ-ѣнѣ*, -ѣникѣ.

Правило о перемаркировке по стандартным моделям (*потопѣ*, *богослѡвъѣ*) в принципе действительно и для тех случаев, когда соответствующего бессуффиксного имени нет, а образуется сразу суффиксальное производное, например: *безвѡдънѣ*, *самовѡльнѣ*, *правѡвѣръѣ*. Заметим, что сюда же относятся, например, *лѣтописьѣ*, *рукописьѣ* и т. п., поскольку они образованы не от *лѣтопись*, *рукопись*, а непосредственно от соответствующих словосочетаний. Интересный пример акцентно правильных производных от словосо-

четания составляют *новѣгородѣць*, *новѣгородскѣ* (*новѣ городъ* — первоначально не сложное слово, а словосочетание, ср. § 2.9).

Здесь мы сталкиваемся, однако, с важной для акцентологии проблемой неоднозначности деривационной истории довольно большого класса производных. Например, *бесчѣстьнѣжь* может трактоваться как ((*бесчѣст*-*ьн*)-*ѣжь*) и тогда получит ударение *бесчѣстьнѣжь*, но также и как *бес*-((*чѣст*-*ьн*)-*ѣжь*) и тогда получит ударение *бесчѣстьнѣжь*. Аналогичная неоднозначность: ((*бѣло*-*город*)-*ьск*)-*ѣжь* и *бѣло*-((*город*-*ьск*)-*ѣжь*). В памятниках всех периодов такие производные в подавляющем большинстве случаев трактуются первым из указанных способов, что дает такие ударения, как *бесчѣстныи*, *надгробныи* и т. д. Однако в небольшом количестве встречаются также (в ранних памятниках несколько чаще, чем в более поздних) ударения типа *бесчѣстнѣбе*, *бѣлогородскѣго*, *надгробнѣбе*, *подземнѣя*, *всенощнѣбе*, *обнощнѣбе*, *многогострастнѣя*, *любострастнѣбе*, *зѣбровѣцѣи*, *иконоборѣць*. Эта двойственность дожила и до современного языка, где она предстает в виде различия между плотным и неплотным примыканием, например, *неотвѣзныи*, *межзубныи* — *непроходнѣи*, *межплеменнѣи* (см. § 1.4). Имеющийся материал пока еще недостаточен для того, чтобы восстановить историческую динамику конкуренции этих двух трактовок и закономерности их распределения; поэтому ограничимся констатацией того, что обе они существовали уже в раннедревнерусском, равно как и во все последующие периоды.

ИТОГИ РАННЕДРЕВНЕРУССКОЙ АКЦЕНТНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

§ 2.30. В предшествующем изложении фактически содержатся сведения о предполагаемой (в рамках данной реконструкции) раннедревнерусской акцентуации большинства словоформ, встречающихся в памятниках.

С формальной точки зрения, акцентуация произвольной раннедревнерусской словоформы устанавливается по этим сведениям так. По спискам, данным в § 2.14—25, определяется маркировка каждого морфа, входящего в рассматриваемую словоформу. Если хотя бы один из этих морфов в списках отсутствует, конечного результата обычно уже получить нельзя (это не так только в том случае, если окажется, что в данном окружении недостающая маркировка не может повлиять на акцентный итог). Если в списках при каком-либо из морфов даны указания о его индивидуальных особенностях (ср., в частности, § 2.21), они должны быть соответствующим образом учтены. Если словоформа подпадает под действие § 2.26—29, должны быть произведены требуемые перемаркировки. После этого акцентуация словоформы определяется по базисному правилу (§ 2.8).

Аналогичным способом можно установить также акцентуацию тактовой группы; в этом случае должны быть выполнены, сверх про-

Комментарии. Для *на розѣхъ* был возможен также вариант *на розѣхъ* (§ 2.18). В *болъ* перемаркировка по § 2.21, п. 1 (*бод—*). В *на бедръ* представлено слово женского (а не среднего) рода, ср. ниже *на бедры*; был возможен также вариант *на бедръ* (§ 2.18). В словоформе *подъкладъ* такое ударение было бы и при иной исходной маркировке морфа *клад-*, поскольку здесь должна быть перемаркировка по § 2.26. Для сочетания *къ мѣнѣ* более архаичным является акцентный вариант *къ мѣнѣ* (§ 2.19). В *невреженѣ* перемаркировка по § 2.21, п. 3. Для *сѣблюдѣ* более архаичным является акцентный вариант *сѣблюде* (§ 2.20). В *вередихъ* перемаркировка по § 2.20. Для *въ уности* был возможен также вариант *въ уности* (§ 2.18). Разделение на тактовые группы могло быть в ряде случаев и иным, чем указано; например, *лютѣъ звѣрь*, *и руцѣ и носѣ* могли быть и разъединены.

Разумеется, при оценке всех полученных таким образом реконструкций нельзя забывать того, что в действительности надежность реконструкции разных элементов текста очень различна. Например, акцентуация слова *конь* восстанавливается вполне надежно, а слов *туръ*, *вепрь* — гораздо менее надежно; то же можно сказать соответственно про окончание *-ами* в *ногами* и *-ома* в *рогома*. Нет уверенности в том, что, скажем, вариантность *на розѣхъ* и *на розѣхъ* относится к той же эпохе, что вариантность *сѣблюде* и *сѣблюдѣ* и т. п. Во многих случаях, выглядящих как простое акцентное колебание, в действительности могло быть какое-то закономерное распределение, пока еще не выявленное.

С другой стороны, однако, существенно то, что раннедревнерусская акцентная реконструкция — сравнительно неглубокая в хронологическом отношении: лишь два столетия отделяют конец раннедревнерусского периода от первых памятников, дающих акцентологическую информацию (середина XIV в.), причем за эти столетия, насколько можно судить, никакой радикальной ломки акцентной системы не происходило. Это дает возможность предполагать, что в рассматриваемой реконструкции, даже если речь идет не о словоформах, а о фрагментах текста, ошибки и лакуны в основном касаются частных случаев.

В целом раннедревнерусская акцентуация предстает как сравнительно строго организованная система, в основе которой лежит противопоставление оротонических словоформ и энклиноменов. В этой системе действуют достаточно четкие механизмы, предопределяющие принадлежность словоформы к одному из двух акцентных классов, а также место ударения внутри оротонической словоформы. Существенно, однако, что эти механизмы в раннедревнерусском имеют уже традиционный, т. е. морфонологический (а не чисто фонетический) характер. Отсюда принципиальная возможность их нарушения под влиянием аналогии и других нефонетических воздействий. В самом раннедревнерусском таких нарушений еще сравнительно мало, но уже имеются предпосылки для их распространения в ходе дальнейшей эволюции.

АКЦЕНТНЫЕ ОТЛИЧИЯ РАННЕДРЕВНЕРУССКОГО ОТ ПРАСЛАВЯНСКОГО

§ 2.31. Акцентные отличия раннедревнерусского от (позднего) праславянского можно разделить на две группы. Во-первых, это некоторые отличия общего характера, касающиеся самой просодической системы, во-вторых — различия в маркировке отдельных морфем. Различия второго рода мы здесь рассматривать не имеем возможности (косвенным указанием на них может служить помета «следы такой-то акцентовки», данная выше при части морфем: обычно речь идет именно о следах праславянской акцентовки).

Главное различие общего характера касается вопроса об интонационных противопоставлениях в рамках автономного ударения. Для позднего праславянского обычно реконструируется противопоставление двух интонаций у этимологически долгих гласных, несущих автономное ударение: акута (или «старого акута») и нового акута. Новый акут стоит там, где автономное ударение сместилось на слог влево (со слабого редуцированного или в силу эффекта Re). Кроме того, по-видимому, та же самая интонация представлена при автономном ударении в послекорневых морфемах с так наз. «несокращающейся долготой» (с генетической точки зрения это морфемы с балтославянским циркумфлексом); см. Дыбо 1968, с. 151, 174. Акут стоит в прочих случаях. Акут (‘) и новый акут (‘) могут выступать в одинаковой позиции, ср., например, **mōrzь*, **rāniši* и **kórljь*, **pāliši*. Вполне вероятно, впрочем, что с самого момента возникновения нового акута отличие новоакутовых долгих гласных от акутовых было не чисто интонационным, а прежде всего количественным. Даже те славянские языки, которые и сейчас имеют тональные противопоставления, отражают это различие (в позициях, где не было позднейших метатоний) именно как количественное, а не как интонационное: ср. краткость в чакавск. *mřaz*, словен. *mřaz* и долготу в чакавск. и словен. *krālj*.

Что касается этимологически кратких гласных, то здесь наличие чисто интонационного противопоставления между новым акутом (например, в **bōbь*, **nōsiši*) и старым ударением (например, в **selō*, **gotōvь*, **dobrōta*) еще менее вероятно. По-видимому, разница здесь могла состоять лишь в том, что краткая гласная под новым акутом удлинялась; однако это удлинение было непоследовательно, а в части диалектов, вероятно, вообще отсутствовало.

Особенность восточнославянской ветви состоит в том, что здесь не обнаруживается никаких достоверных следов различия между старым акутом (или старым ударением на краткой гласной) и новым акутом. Правда, в ряде работ можно найти утверждение, что специфическим следом нового акута на *o* является старовеликорусская и современная диалектная фонема /*ô*/. Однако в действительности весь относящийся к данной проблеме материал с несомненностью показывает, что точно такой же результат (т. е. /*ô*/) давало *o* под старым

ударением (ср. Станг 1957, с. 13, где этот факт специально отмечается). Неизвестно ни одного великорусского памятника или говора, различающего /ɔ/ и /ô/, где /ô/ выступало бы только в соответствии с новым акутом, но не со старым ударением. Заметим, что Л. Л. Васильев в своей классической работе об этом явлении нигде не говорит именно о новом акуте как условии возникновения /ô/; он везде говорит просто о «восходящем ударении» (в котором фактически объединяются новый акут и старое ударение). Таким образом, аргумент о великорусском /ô/ как свидетельстве существования особой интонации нового акута основан просто на неточности формулировки.

В. В. Колесов выдвинул тезис о том, что в древнерусском колебания типа *дѹма—думѹ* происходили «только в исконно баритонированных именах» (Колесов 1972, с. 22), иначе говоря, при акутовой интонации корня, но не при новоакутовой. Однако фактический материал (в т. ч. содержащийся в самой цитируемой книге) никак не согласуется с этим тезисом: колебания типа *дѹма—думѹ* отмечаются не менее широко, чем в исконно баритонированных именах, также в словах *чаща, толща, жаж(ѡ)а, воля, воня, доля, обжа, ольха* и других, где реконструируется новоакутовая интонация корня.

§ 2.32. Единственный пункт, где можно было бы подозревать отражение былого различия акутовой и новоакутовой интонаций на восточнославянской почве, — это противопоставление украинских *орѡ, олѡ, ерѡ* (например, Р. мн. *ворѡн, колѡд, мерѡж*) и *орі, олі, ері* (например, Р. мн. *борід, голів, черід*) в случаях, где в последующем слоге пал редуцированный. Л. А. Булаховский, как известно, выдвинул гипотезу о том, что здесь представлены прямые фонетические рефлексy соответственно акутовых и новоакутовых полногласных сочетаний (Булаховский 1947, 1961). Однако против гипотезы Л. А. Булаховского говорит то, что рефлексy *орі, олі, ері* отмечаются (и то непоследовательно) лишь в нескольких морфологических позициях, где могла действовать аналогия с морфемами, обнаруживающими стандартное украинское чередование *o/i*; во всех прочих морфологических позициях выступают только *оро, оло, ере* (см. Гард 1974, с. 113; отметим еще Селищев 1951, с. 170, Якше 1965, с. 30). Целесообразно рассмотреть украинский материал несколько подробнее, чем это сделано у П. Гарда и других критиков гипотезы Л. А. Булаховского. Ниже материал дается в основном по словарю под редакцией Б. Гринченко и по словарю М. И. Погрибного.

Основная группа примеров с *орі, олі, ері*, на которые опирается гипотеза Л. А. Булаховского, — это словоформы Р. мн. и производные на *-к-а*: *бородѹ — борід, борідка; боронѹ — борін, борінка; головѹ — голів, голівка* (однако *голѡвка* о луке, маке и т. п.); *сковородѹ — сковорід, сковорідка; сторонѹ — сторін, сторінка; чередѹ — черід, черідка; долотѡ — доліт; pluralia tantum ворѡта — воріт, ворітка*. Эти примеры ничем не отличаются от действующего морфологического стандарта, представленного, скажем, в *ногѹ — ніг, ніжка, слободѹ — слобід, слобідка, бджолѹ — бджіл, бджілка, селѡ —*

сил и т. п. По крайней мере для непроеизводных слов некнижного характера модель с чередованием представляет собой норму (в Р. мн. чередование может отсутствовать, если у данного слова мн. число малоупотребительно). Не подлежит сомнению, что эта модель оказывала сильное аналогическое воздействие на слова, первоначально к ней не принадлежавшие. Это видно, в частности, из следующих примеров, где исходным был старый акут: *корѡва* — *корѣв*, *корѣвка*; *дорѡга* — *дорѣг*, *дорѣжка* (наряду с *дорѡжка*); *берѣза* — *берѣз*, *берѣзка* (наряду с *берѣзка*); диалектное *ворѡна* — *ворѣн* (при литературном *ворѡн*); *смерѣка* — *смерѣчка* (наряду с *смерѣчка*); *солѡма* — *солѣмка* (наряду с *солѡмка*); *волѡка* — *волѣчка* (наряду с *волѡчка*); *полѡва* — *полѣвка* (наряду с *полѡвка*); *болѡто* — *болѣт*. Показательны также *блѡхѡ* — *блѣх*, *блѣшка*, *бровѡ* — *брѣв*, *брѣвка*, *слѡзѡ* — *слѣз*, *слѣзка*, где в корне были ъ, ь, т. е. *i* не могло получиться фонетическим путем. Для сравнения приведем словоформы тех же морфологических групп, сохраняющие орб, олб, ерѣ: 1) с исходным старым акутом — Р. мн. *ворѡн*, *колѡд*, *сорѡк*, *верѣт*, *мерѣж*, производные на -к-а *колѡдка*, *верѣтка*, *мерѣжка*, также *волѡшка*, *голѡпка*; 2) с исходным новым акутом — Р. мн. *горѡж*, *сторѡж*, *джерѣл*, *дерѣв*, *черѣв* (ср. также *сѣред*, *тѡлок*, от *середѡ*, *толѡкѡ*), производные *борѡзка* (от *борознѡ* 'борозда'), *ворѡжка* 'гадалка', *ворѡника*, *голѡвка* (лука и т. п.), *горѡбка* 'воробьяха', *дерѣзка*, *дерѣнка*, *корѡбка*, *молѡчка* (растение), *сорѡчка* 'рубаха', *сторѡжка*. Итак, как в группе с исходным новым акутом, так и в группе с исходным старым акутом фактически имеются рефлексы с *орѣ* и т. д. и с *орѡ* и т. д., причем даже количественные соотношения *орѣ* и *орѡ* в этих двух группах различаются довольно мало. Тот факт, что у слов типа *корѡва*, *колѡда* чередование *o/i* (*e/i*) распространилось в несколько меньшей степени, чем у слов типа *борѡдѡ*, *голѡвѡ*, следует связывать с тем, что в украинском языке слова с неподвижным ударением вообще менее склонны к чередованиям, чем слова с подвижным ударением: подавляющее большинство слов без чередования (например, *свѡбѡда*—*свѡбѡд*, *опѡра*—*опѡр*, *затѡка*—*затѡк*) — это именно слова с неподвижным ударением.

В условиях постоянного давления со стороны стандартной модели *ногѡ* — *нѣг*, *нѣжка* сохранение *орѡ*, *олѡ*, *ерѣ* естественно считать архаизмом — как в случаях типа *колѡд*, *колѡдка*, так и в случаях типа *дерѣв*, *борѡзка*. В говорах встречаются и другие архаизмы; в частности, важным примером сохранения старого состояния является Р. мн. *нѡлѡѡ* (равно как *кѡрѡѡ*) в закарпатском говоре села Убли, ср. и в Р. мн. *пѣн*, *ѡп* (Брок 1900, с. 81).

Далее, *олѣ*, *ерѣ* в соответствии с новым акутом выступает в форме прош. муж.: *волоктѣй*, *волоклѡ* — *волѣк*; *берегѣй*, *береглѡ* — *берѣг*; *стерегѣй*, *стереглѡ* — *стерѣг*. Однако точно такая же картина и в стандартных *могѣй*, *моглѡ* — *мѣг*, *пекѣй*, *пеклѡ* — *пѣк* и т. п.

Прочие случаи *орѣ*, *олѣ*, *ерѣ* в соответствии с новым акутом совершенно единичны (ср., например, диалектное *хорѣш*, наряду с *хорѡш*). В то же время имеется значительное число примеров *орѣ*, *олѣ*, *ерѣ*

при других исходных акцентовках (т. е. явно аналогического происхождения), в частности: *смѡрид*, *Тѣтерѣв*, также *бѣриг*, *вѣрис*, *вѡриг*, *вѡрин*, *жбѡлѣб* (наряду с *бѣрег*, *вѣрес*, *вѡрог*, *вѡрон*, *жбѡлоб*); *порѣг*, *Запорѣжжя*, *хорѣмци*; *болѣтцѣ*, *ворѣтцѣя*; по-видимому, сюда же *оборѣг*, *поворѣт* (наряду с *поворѣт*).

Во всех остальных случаях в соответствии с исходным новым акутом находим только *орѣ*, *олѣ*, *ерѣ* (в любой позиции, в частности, и там, где в последующем слоге пал редуцированный). Особенно показательны здесь: *корѣль* (*короля*), *дерѣн* (*дерену*), *хворѣст* (*хворосту*); *корѣткий*, *порѣжний*; *джерѣльный*, *джерѣльце*, *молѣчний*, *хорѣство*; *перѣрва*, *перѣсна*, *перѣйми* (мн.), *перѣйдеи*, *перѣймеш*. По-видимому, сюда же относятся *поворѣзка*, *оголѣска*, *поголѣска*, *поперѣчка*, *оторѣчка*, *похорѣнка*. Кроме того, имеется значительное число слов, где ударение на полногласном сочетании не первоначально, но, вероятно, было перенесено довольно рано и при этом должна была появиться новоакутовая интонация. Таковы, в частности: *волѣсся*, *волѣття*, *голѣддя*, *колѣсса*, *полѣззя*, *черѣп'я*; *голѣдний*, *перѣдний*, *серѣдний*, *солѣдкий*, *сорѣмний*, *сторѣбний*, *холѣдний*; *горѣбчик*, *жерѣбчик*, *молѣдчик*.

Существенно то, что рефлекс типа *орѣ* в соответствии с новым акутом встречается в самых разных морфологических моделях, при этом нередко в таких словах, которые в силу своей морфологической структуры максимально ограждены от аналогического воздействия; ср., например, *перѣсна*, *порѣжний* (опростившиеся слова), *корѣткий* (корень не встречается без суффиксов), *ворѣнка*, *сорѣчка* (исходные **ворѣна*, **сорока* не сохранились, ср. русск. диал. *ворѣна* [Даль], укр. *сорочина*, русск. диал. *сорочина* [Даль]). Между тем рефлекс типа *орѣ*, как уже отмечено, ограничен лишь тремя морфологическими моделями, для каждой из которых характерны регулярные чередования *o/i*, *e/i*. Такое соотношение отчетливо говорит против признания *орѣ* собственно фонетическим отражением *oro* под новым акутом.

Таким образом, украинское различие типа *орѣ*—*орѣ* не может быть признано надежным основанием для реконструкции двух разных интонаций в рамках автономного ударения. Заметим, что в любом случае украинские данные, не находящие никакого аналога в великорусском, еще не могли бы служить достаточным основанием для реконструкции соответствующего явления во всех диалектах восточнославянской ветви.

Вопрос о том, совпали ли в восточнославянском две разные интонации праславянского (акутовая и новоакутовая) или в данной группе праславянских диалектов этого различия вообще не сформировалось, остается открытым. Для настоящей работы существенно прежде всего то, что в истории русского языка указанное различие нигде и ни в чем не проявляется.

§ 2.33. В праславянском до некоторого момента его развития каждая гласная фонема обладала постоянной количественной характеристикой: *o*, *e*, *ъ*, *ь* были краткими, *a*, *ѣ*, *y*, *i*, *u*, *e*, *o* — долгими;

как долгие функционировали также сочетания кратких гласных с *r*, *l* в позиции перед согласной. Эти старые количественные различия не создавали чистых противопоставлений по долготе—краткости, поскольку любые две гласные различались, кроме того, также качественно.

Новые количественные различия возникли в результате процессов сокращения старых долгих и удлинения старых кратких в определенных просодических условиях. До тех пор, пока эти условия сохранялись, различие по долготе—краткости фонологического значения не имело; но в случае исчезновения таких условий оно становилось фонологически значимым. Процессы формирования новых количественных различий протекали в разных праславянских диалектах по-разному. Поэтому единого праславянского распределения новых долгот и краткостей не было. Однако сами оппозиции типа *a—ā*, *i—ī* и т. д. в большинстве диалектов сформировались; так, по крайней мере в части диалектов противопоставлялись, например, *māzalbъ* и *māzānъ*, *rybina* и *jisīna*, *stāviti* и *stāviši*.

Как старые, так и новые количественные различия могли быть в определенных случаях существенными для действия акцентных правил.

В восточнославянских языках, однако, рассматриваемые количественные различия (как старые, так и новые, если они успели сформироваться) не сохранились, если не считать отличия слабых *ъ*, *ь* от всех прочих гласных, выразившегося впоследствии в их падении. Когда именно утратились эти различия, остается недостаточно ясным. Древнейшие заимствования из восточнославянского в балтийские и прибалтийско-финские языки еще указывают на различие долгих и кратких гласных (см. Станг 1957, с. 52—55). Но никаких достоверных свидетельств сохранения праславянских количественных различий в эпоху после падения редуцированных нет. В памятниках XIV—XVII вв. имеются, правда, некоторые случаи, когда в определенной группе словоформ место ударения обнаруживает зависимость от этимологической долготы или краткости гласной (рассматриваемой или соседней); например, в памятнике XVI в. Косм. (§ 3.28) обнаруживается акцентное противопоставление типа *могучи*, *носячи* — *пйшучи*, *тѣжачи* (см. Глаг. акц., § 21). Однако все такие случаи могут быть истолкованы как наследие праславянской эпохи; ни для одного из них не удастся показать, что акцентуация определяется синхронически актуальной долготой или краткостью.

§ 2.34. В прочих случаях, где можно говорить об акцентных различиях общего характера между раннедревнерусским и праславянским, мы имеем дело не с поздней, а с более ранними стадиями развития праславянского, т. е. речь идет уже фактически об акцентной эволюции самого праславянского. Если двигаться в процессе акцентологической реконструкции против течения времени и последовательно «снимать» относительно более поздние явления, вскры-

вается ряд более древних состояний праславянской акцентной системы. Бегло укажем здесь (в терминах маркировок) важнейшие из этих состояний.

«Снятие» определенных аналогических выравниваний выявляет систему, где еще не было эффекта Min.

Далее, «погружаясь» во время, предшествующее оттяжке ударения влево со слабых редуцированных (а также, в определенных случаях, с долгих гласных, в прошлом характеризовавшихся балтославянским циркумфлексом), мы вскрываем систему, где маркировка → во всех случаях означала ударение на следующей за данной морфемой гласной (т. е., в частности, не было эффекта Re).

На еще более раннем этапе, предшествующем переносу ударения на слог вправо со слогов с балтославянским циркумфлексом (или краткостью), не было маркировки →: имелась единая плюсовая маркировка (действовавшая как ↓). Акцентная система строилась на противопоставлении всего двух акцентных парадигм: неподвижной (при наличии хотя бы одной плюсовой морфемы в основе слова) и подвижной (при основе из одних лишь минусовых морфем).

Описание и обоснование указанных шагов акцентологической реконструкции содержится в работе: Дыбо 1981.

Глава третья

АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ XIV—XVII ВЕКОВ

§ 3.1. После падения и «прояснения» редуцированных древнерусский язык переходит в новое состояние, с типологической точки зрения уже довольно близкое к современным восточнославянским языкам.

Так наз. позднерусский период охватывает время от падения редуцированных до конца XIV в. В этот период имеются весьма значительные диалектные различия (частью унаследованные от более ранней эпохи, но в основном возникшие в связи с процессом падения и «прояснения» редуцированных). Однако определяемое этими различиями диалектное членение еще далеко не соответствует трем будущим языкам.

Памятники XV—XVII вв. обозначаются уже как старовеликорусские (или старорусские), староукраинские и старобелорусские; последние две группы, впрочем, не всегда легко разграничить. В настоящей работе из памятников этого периода непосредственно изучаются только старовеликорусские.

Как показывает анализ, старовеликорусские памятники с акцентологической точки зрения распадаются на две группы: западную (исторически связанную с Новгородской и Смоленской землями) и восточную (связанную с Ростово-Суздальской, Рязанской и отчасти Черниговской землями). Различия (довольно значительные) между этими двумя группами рассматриваются на протяжении всей настоящей главы (их итоговый обзор дан в § 3.77).

Акцентные системы памятников, даже относящихся к одной диалектной зоне, как правило, в ряде деталей различаются между собой. Поэтому целесообразно говорить о точечных (по месту и времени) акцентных системах (или, иначе, акцентных микросистемах). Отдельную микросистему образует акцентуация практически любого памятника и любого говора¹.

При цитировании памятников ниже используются следующие упрощения записи. Буквы *а* и *ѣ* передаются одинаково как *я*; *е*, *ѣ*, *є* — как *е*; *у*, *ѳ*, *ѳ*, *ѳ* — как *у*; *ѣ*, *ѣ* — как *ы*; *о* широкое, *о* узкое, *о* очковое — как *о* (об особых случаях см. § 3.19); *з*, *з* — как *з*. Надстрочные буквы передаются и в печати как надстрочные, но при этом ставятся на соответствующее им место в словоформе (знак выноса опускается), например: *кр^етити*. О передаче надстрочных

¹ Подобно тому, как слово «система» применяется и к языку в целом и к отдельным его уровням или звеньям, слово «микросистема» ниже тоже может использоваться как применительно ко всей совокупности языковых характеристик памятника или говора, так и к некоторой их части (например, относящейся к склонению, к какой-то группе форм и т. п.).

знаков см. § 3.18. В прочих случаях (т. е. не при цитировании) используется нормализованная запись, отражающая состояние языка после падения редуцированных. Из реальных памятников к такой записи ближе всего стоят памятники XIV в. (до начала второго южнославянского влияния), например, Чудовский Новый Завет или Лаврентьевский список «Повести временных лет». В презенсе глаголов в нормализованной записи используются окончания *-шь* и *-ть*. Ударение в такой записи обозначается над конечной гласной тактовой группы знаком ` , в прочих случаях — знаком ' (т. е. по правилам так наз. «старопечатной» системы надстрочных знаков, см. § 3.16).

Каждому из использованных памятников присвоено условное сокращенное наименование; см. описание памятников в § 3.21—33, а также общий список сокращений в конце книги. При цитировании памятников, написанных в два столбца, ссылки даются на лист и столбец (а, б, в, г), например: 12а, 35г (какие именно памятники разделены на столбцы, указано в их описании). Для прочих памятников ссылки даются на страницы (если в описании памятника не оговорено иное); при этом страница на лицевой стороне листа обозначается просто номером листа, на обороте — тем же номером с буквой «б», например: 12, 12б.

Конкретное употребление некоторой словоформы в определенном месте памятника ниже мы обычно называем просто «примером» (чтобы избежать громоздкого термина «словоупотребление»); соответственно, мы стремились использовать слово «пример» в обычном значении («образец», «образчик») только там, где контекст исключает двусмысленность.

Адрес примера может записываться по модели *в гной Чуд. 35в* или *Чуд. в гной 35в* — в зависимости от удобства для соседних записей. Отметим, что запись «и др.» после серии номеров страниц означает «и на других страницах» (а не «и другие словоформы»). Примеры, переходящие с одной страницы на другую, помечаются номером первой из этих страниц. Запись со знаком + типа *по лѣсѡмъ 27 (+12б)* показывает, что пример на странице 12б отличается от приведенного какими-то деталями орфографии, несущественными для нашего разбора (например, это может быть *по лѣсѡмъ*, *по лѣсѡмъ*, *по лесѡмъ* и т. п.). Вместо адреса может быть указано общее число встретившихся примеров (несущественное орфографическое варьирование при таких подсчетах не принимается во внимание). Знак × заменяет слово «раз». Если подсчет дан после серии примеров, при которых нет адресов (или подсчетов), то он относится ко всей серии (то же верно для указания «часто»). При перечислении словоформ возможна сокращенная запись, например: *закѡнъ, -а (=закѡна)*; *прáведн-аго, -ому (=прáведному)*. При цитировании знаки | (конец строки) и || (конец страницы) даются не систематически, а только при особой необходимости.

ОСНОВНЫЕ АКЦЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПОЗДНЕДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРИОДА

ПАДЕНИЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ И УДАРЕНИЕ

§ 3.2. Как указано в § 2.5, уже в раннедревнерусском слабый редуцированный не мог нести автономного (т. е. фонологически значимого) ударения; ср., например: *сто́ль, по́слеть, сълѣть, зьльихъ* и т. п. вместо **сто́ль, *по́слеть, *сълѣть, *зьльихъ*. Процесс падения и «прояснения» редуцированных сам по себе не вызывал никаких сдвигов автономного ударения; например, из приведенных р.-др.-р. словоформ получились п.-др.-р. *сто́ль, по́слеть, слѣть, зльихъ*. Специально отметим, что сказанное верно и для тех словоформ, где слабые редуцированные по тем или иным причинам сохранились в виде гласных, например: *о́гньо, се́рѣрьно, мъртавно, о́стрые* дали *о́гнено, се́рѣрено, мѣртвено, о́стрее (о́стрие)*.

Что касается энклиноменов, то процесс падения и «прояснения» редуцированных не изменил их просодического статуса, т. е. соответствующее п.-др.-р. слово тоже было энклиноменом. Например, *кънязь, ѣсто, чьстьно* дали *кънязь, сто, чьстьно*. Поскольку энклиномены с фонологической точки зрения вообще не имели ударения, здесь бессмысленно говорить о каких-либо сдвигах ударения — даже в случаях типа *князь, сто*, где в изолированной позиции автоматическое начальное усиление реально приходится уже не на тот слог, что в раннедревнерусском. Это «автоматическое ударение» (§ 2.5) падает на начальный слог тактовой группы совершенно безотносительно к тому, был ли этот слог начальным и раньше или стал таковым лишь в силу падения редуцированного. Показательно в этом отношении случаи, где слабый редуцированный факультативно сохранялся (из-за скопления согласных или по каким-либо иным причинам): как регулярные варианты *дску, дчере, льсти, свѣсть* 'совесть', *с свѣта, в гнѣвъ* и т. п., так и нерегулярные *доску, дочере, лести, совѣсть, со свѣта, во гнѣвъ* имели автоматическое ударение на начальном слоге.

Итак, хотя разделение редуцированных на сильные и слабые аллофоны в свое время заметно повлияло на позицию автономного ударения (вызвав сдвиги ударения со слабых редуцированных), сам процесс падения и «прояснения» редуцированных уже никак не менял позиции автономного ударения. С другой стороны, позиция ударения (даже автономного, не говоря уже об автоматическом) не влияла на процесс падения редуцированных (ср. также Кипарский 1963, т. I, с. 96—97).

Поскольку последнее утверждение противоречит тому, что говорится на эту тему в очень многих работах по истории русского языка, в том числе в ряде весьма авторитетных, необходимо рассмотреть этот вопрос несколько подробнее. Согласно А. А. Шахматову (Шахматов 1915, § 28), в общеславянском праязыке ударение переносилось со слабых редуцированных на предшествующий слог,

а если такового не было, то на следующий слог (приводятся примеры *vъši, tьsti* из *vъši, tьsti*). «Но иногда, — пишет он, — на ѣ, ѥ начального слога ударение переносилось под влиянием грамматической аналогии; они становились при этом краткими вместо полукратких» (т. е. сильными вместо слабых); приводятся примеры *dъskq, stьkla* (по аналогии с *vodq, sela*). Далее в § 380 сказано: «Ударяемые ѣ, ѥ, ѧ в начале слова (где они получали или сохраняли ударение по аналогии) перешли в о, е, ѧ. Примеры. В памятниках: *дощере* Добр(илово) ев. 102b. В совр. языке. Великор. *дбску, стькла, сбхнуть, дбхнуть, мбху, пьстрый, сбты, тьстя, тьца, чьсти*. Малор. *мбху*, р. ед. *мьсти*, р. ед. *сбта*, числ. *сбтеро, тьца*. Белор. *дбжджу, мбху*». В ряде более поздних работ этот тезис предстает в следующей более категорической формулировке: ударяемые ѣ, ѥ начального слога находились в сильной позиции (см., например, Якубинский 1953, с. 140 и многие другие работы); шахматовская оговорка о том, что такая ситуация могла возникнуть лишь аналогическим (но не собственно фонетическим) путем, здесь уже отсутствует. Заметим, что разбираемые при этом примеры нигде не выходят за рамки списка, данного А. А. Шахматовым; особенно популярен пример *дбску* (часто используются также примеры *дбхнуть, сбхнуть*, где начальное ударение заведомо неисконно).

При разборе этих утверждений необходимо прежде всего указать, что для праславянского и раннедревнерусского еще никоим образом нельзя объединять автономное и автоматическое ударения: в эту эпоху их свойства совершенно различны. В частности, какие бы то ни было переносы по аналогии можно предполагать только для автономного ударения, поскольку оно в принципе могло падать на разные слоги словоформ; для автоматического ударения такой перенос был невозможен, поскольку его место было полностью предопределено фонетическим составом словоформы (тактовой группы). Тем самым совершенно нереальна гипотеза А. А. Шахматова о том, что, например, в словоформе *dъskq* (энклиномене) ударение сперва было фонетическим путем вытеснено со слабого редуцированного на второй слог, а затем по аналогии с *vodq* снова перешло на первый слог.

Далее, очевидно, что для получения серьезного ответа на поставленный вопрос нельзя ограничиваться разбором крохотного списка иллюстративных примеров, приводимого в курсах истории русского языка, а необходимо обозреть всю совокупность раннедревнерусских словоформ с редуцированным в первом слоге.

Рассмотрим сначала э н к л и н о м е н ы. Совокупность р.-др.-р. словоформ-энклиноменов с редуцированным в первом слоге довольно велика. Отбросим те из них, где редуцированный должен «проясниться» по общим правилам, не имеющим отношения к акцентуации, а именно, словоформы, где: 1) во втором слоге стоит слабый редуцированный (например, *чьсть, чьстью*); 2) редуцированный первого слога находится в окружении *С—pС, С—лС, Ср—С, Сл—С, См—С,*

Сн—С или *Св—С*. В оставшийся список войдут, в частности, следующие словоформы (мы не претендуем здесь на полноту): 1) словоформы-энклиномены (с гласной полного образования во втором слоге) существительных *дньнъ*, *льнъ*, *пньнъ*, *сътъ* 'сот, соты', *тсть*, *кньнъзъ* (ср. еще *Пльсковъ*), *съто*, *дъска*, *въшь*, *лъсть*, *мьсть*, *ръжь*, *чьсть*, *Тьхвърь*, *дъчи*; 2) словоформы *къто*, *чьто*, *дъва*, *дъвъ*, *дъвое*; 3) словоформы-энклиномены, имеющиеся у ряда производных от слов группы 1, например: *лньнънъ*, *чьстьнъ*, *кньнъжъскъ*; 4) словоформы 1 ед. презенса *жьгу*, *жьду*, *сью*, *чьту*, *ръву*, *пньу*, *тъну*, *въру*, *жьру* 'пожираю', *мьру*, *вью*, *лью*, *пью*, *бъжо*, *зрю*, *мъчо*, *мьню*, *сплю*, *льцю*, *мьцю*, *чьцю* и соответствующие причастия в II. ед. на *-а*, *-я* (*жьга*, *бъдя* и т. д.); 5) словоформы-энклиномены *l-* и *v-*причастий, от глаголов *брати*, *врати*, *ждать*, *жьрати*, *звати*, *рвати* *спати*, *сыати*, *лстити*, *мстити*, *чстити*, например, *бьралъ*, *-о*, *-и*, *бьравъ*, *мьстилъ*, *-о*, *-и*, *мьстивъ*; 6) широкий класс глагольных словоформ, состоящих из приставки *съ-* (*сън-*), *въ-* (*вън-*) или *въз-* и энклиномена (с гласной полного образования в корне), например, *въведу*, *възлечу*, *съпуста*, *съдалъ*, *съгнило*, *възяли*, *съданъ*, *възято*, *вълиты*, *съдавъ*, *въливъ*. Заметим, что с акцентологической точки зрения от словоформ группы 6 в сущности ничем не отличаются также сочетания предлогов (*въ*, *къ*, *съ*) с именными энклиноменами, например: *въ домъ*, *въ мори*, *къ носу*, *съ берега*.

Рассматривая современные русские словоформы, восходящие к приведенному списку, легко убеждаемся, что редуцированные в первом слоге в подавляющем большинстве случаев пали; ср., например: *дня*, *князь*, *сто*, *ржи*, *кто*, *два*, *жгу*, *сплю*, *брал*, *веду*, *влечу*, *в дом*, *в море*. Случаев, где это не так, совсем немного; из бесприставочных таковы: *сѣты*, *тѣстя* (-ю и т. д.), *лѣсти*, *мѣсти*, *чѣсти* (ср. также *чецу*), *дѣску*, *дѣчь*, *дѣчери*. Обращение к памятникам XIII—XVII вв. показывает, что у всех этих словоформ существовали также варианты, где редуцированный пал: *сты* 'соты', *тсти* (*цти*, также *тстя*, *цтя*, *стя*) 'тестя', *лсти*, *мсти*, *чти*, *дску* (*цку*), *дчи* (*тчи*), *дчере* (*тчере*). Легко видеть, что во всех этих словоформах, кроме *соты*, падение редуцированного приводит к сложному скопленiu согласных, а, как хорошо известно, в подобных случаях редуцированный часто восстанавливался (или сохранялся). Этот эффект не зависел от места ударения: он прекрасно засвидетельствован также и в заведомо безударной (в эпоху падения редуцированных) позиции; ср., например, *дождя*, *дождить*, *стеклб*, *тощя*, *пестрб*, *доска* и т. п. (наряду с фонетически закономерными вариантами *дзя*, *джить*, *скло*, *тица*, *пстро*, *ца*, встречающимися в памятниках). С другой стороны, в образовании словоформ *сѣты*, *тѣстя*, *лѣсти*, *мѣсти*, *чѣсти* и т. п., конечно, существенную роль играло также выравнивание основы внутри парадигмы; ср., например, словоформы Р. ед. *лѣсти*, *мѣсти*, сохраняющие *е* в силу прямой парадигматической связи с II. ед. *лестъ*, *местъ*, и словоформы презенса *льцу*, *мцу*, связанных с *лестъ*, *местъ* уже гораздо менее тесно.

Из проведенного разбора ясно, что автоматическое ударение энклиномена само по себе никоим образом не предохраняло редуцированный от падения.

Обратимся теперь к ортотоническим словоформам. Согласно § 2.8 (сноска 7), уже в раннедревнерусском действовало правило о том, что ударение, попадавшее в таких словоформах на слабый редуцированный начального слога, смещалось на последующий слог. Таким образом, тезис о «прояснении» ударяемого редуцированного начального слога имеет здесь смысл лишь при отрицании указанного правила или при постулировании (как у А. А. Шахматова) случаев аналогического переноса ударения к началу уже после завершения действия этого правила. Рассмотрим материал. До действия данного правила автономное ударение на редуцированном начального слога должны были иметь следующие группы р.-др.-р. словоформ: 1) словоформы презенса, кроме 1 ед., глаголов а. п. *б* (приводим 3 ед.) — *ѣдетъ, ѣметъ, дѣметъ, жѣметъ, жѣнетъ, мѣнетъ, тѣретъ, лѣжетъ, тѣчетъ, сѣлетъ, сѣсетъ, бѣжетъ, гѣнетъ, дѣхнетъ, льнетъ, пѣхнетъ, сѣхнетъ, тѣкнетъ, чѣхнетъ* (и некоторых других); 2) членные формы прилагательных а. п. *б* — *зъл-ѣѣ* (-ая и т. д.), *лѣж-ѣѣ* 'ложный', *бѣдр-ѣѣ*, *пѣстр-ѣѣ*, *дѣхл-ѣѣ*, *тѣщ-ѣѣ*, также *мн-ѣѣ* 'меньший'; 3) словоформы М. мн. существительных а. п. *б* — *лѣбѣхъ, лѣѣхъ, мѣсѣхъ* (*мѣхѣхъ*), *пѣсѣхъ, рѣтѣхъ, сѣнѣхъ, шѣѣхъ, дѣнѣхъ, стѣклѣхъ, тѣлѣхъ* (последняя группа словоформ менее показательна, поскольку в ходе истории она подверглась морфологической перестройке). По-видимому, сюда же относились некоторые словоформы слова *тъща* (ср. § 2.16, 18).

При сравнении с современными восточнославянскими языками здесь обнаруживается практически такая же картина, как для энклиноменов: редуцированные почти везде пали; ср., например, *жмѣт, трѣт, лжѣт, бѣт, льнѣт, пхнѣт, ткнѣт, чхнѣт* и т. п., также *злой*. В нескольких случаях в русском (по крайней мере, литературном) гласная сохранена, но в украинском отсутствует: рус. *идѣт, имѣт, дѣхнет* (и *дохнѣт*), *сѣхнет, сосѣт* — укр. *їде, їме, тїне, сїне, ссе*. Заметим, что расхождение *идѣт, имѣт* — *їде, їме* отражает хорошо известное диалектное различие в развитии начального *ѣ* (никак не связанное с ударением), ср. рус. *игрѣть, игѣлка* — укр. *грѣти, гѣлка* и т. п. (см. также § 2.3). В памятниках встречаются, в частности, написания *ссетъ, дхнетъ, лжихъ, пстрѣго, тцѣю, мни*. Таким образом, не засвидетельствованы в варианте без гласной только *ббдрый, дбхлый, тѣща*. Как и в группе энклиноменов, восстановление или сохранение гласной (обычно лишь факкультативное) в рассмотренных ортотонических словоформах практически везде связано с фактором «угрозы скопления согласных». Таким образом, в данной группе, как и у энклиноменов, не находится ни одного достоверного примера «прояснения» редуцированных, обусловленного ударностью и ничем более. Главное же состоит в том, что даже если бы нашлись два-три примера, где было бы

предпочтительно акцентологическое объяснение, мы все равно никоим образом не могли бы приписать этому факту характер общей фонетической закономерности, поскольку имеются десятки надежных примеров, где при таких же исходных просодических условиях редуцированный начальный слог пал.

Поскольку все известные случаи «незаконного» сохранения редуцированного в начальном слоге могут быть объяснены факторами, действующими безотносительно к ударению (угроза скопления согласных, выравнивание основы внутри парадигмы), отпадает всякая необходимость в шахматовской гипотезе о раннем аналогическом переносе ударения на первый слог в случаях типа И. мн. *stьkla*.

Сделанный здесь для восточнославянских языков вывод не может, однако, быть автоматически распространен на все вообще славянские языки. Сравнение показывает, что в классе энклиноменов ситуация, по-видимому, одинакова во всех славянских языках: автоматическое ударение никак не влияет на процесс падения редуцированных. Но с ортотоническими словоформами дело обстоит иначе. Так, по крайней мере, в некоторых южнославянских языках автономное ударение на редуцированном начальном слоге (в этом случае оно может быть только новоаккутовым) обеспечивает его «прояснение»; ср., в частности, словенские презенсы *jáme, máne, táre, zánje, láže* (см. Дыбо 1972б, с. 71—73; ср. также Станг 1957, с. 120). Таким образом, сдвиг автономного ударения вправо в случаях типа *мьнетъ, тьретъ* является восточнославянским, но не праславянским. В настоящей работе он рассматривается как событие, предшествующее падению редуцированных; но не исключено (хотя и менее вероятно), что он происходил одновременно с падением редуцированных. Между прочим, различие между восточнославянским и южнославянским в трактовке редуцированных в **mьnetъ, *tьretъ* и т. п. может служить дополнительным косвенным аргументом в пользу того, что в восточнославянском не сформировалась особая новоаккутовая интонация (ср. § 2.32).

З а м е ч а н и е. По своему акцентологическому эффекту с падением редуцированных отчасти сходна эволюция сочетаний «гласная+й, y» (относящаяся частью к древнерусской, частью к более поздней эпохе). В позиции, где *й* (*y*) завершало слог (по позднерусскому слогаделению), в таком сочетании ударение обычно сдвигалось влево. Потерявшая ударение гласная в ряде случаев становится неслоговой, например: *стоjу > стоj > стjй; поjло* (ср. польск. *roidło*) > *поjло > пjйло; за jтра > zjтра (zajтра)*. В других случаях слоговой характер *и, у* был сохранен (или восстановлен), например: *трjица* (ср. укр. *трjйця*, с утратой слоговости), *вbина* (Р. ед.), *стрbили, удвbили, утрbили, клэйили; рjута* (Р. ед.), *Рjутово*; с этой группой частично сходны также *прбjзгыш, нjигыш* (где *и* из *jь*). В словоформах *вbин, рjут, стрbил* и т. п. ударение выровнено по остальным словоформам парадигмы. К рассматриваемой группе, возможно, относятся также *нjук, нjуч*. Словоформы (довольно многочисленные), где описанного акцентного эффекта нет, например, *мой, твоj, своj, бjй, холуj, мойми, доj, поj, доjли, стоjте, бjйтесь*, в большинстве случаев объясняются аналогическим выравниванием (по образцам типа *кjючj, варjли, сидjте* и т. п.); у многих из таких словоформ в говорах или в памятниках отмечено сдвинутое ударение (см., в частности, Противоп., § 22).

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ФОНЕМ /ɔ/ И /ɔ̄/

§ 3.3. Одним из результатов процесса падения и «прояснения» редуцированных было возникновение на всей (или почти на всей) восточнославянской территории противопоставленных фонем /ɔ/ («о открытое») и /ɔ̄/ («о закрытое») (о способах графической передачи этих фонем см. § 3.19).

Фонемы /ɔ/ и /ɔ̄/ возникли в основном из р.-др.-р. ъ (там, где этот ъ не выпал) и о, в некоторых особых случаях также из ь и е. При этом следует различать обычные р.-др.-р. о и е и «вставные» о и е, т. е. вторые гласные полногласных сочетаний *оро, оло, ере, ело*: как показал П. Гард (Гард 1974), «вставные» о и е в раннедревнерусском еще не отождествились с фонемами /о/ и /е/.

Общим для восточнославянских диалектных систем с двумя фонемами «типа о» было правило: /О/², восходящее к р.-др.-р. ъ или ь, есть /ɔ/. Например, в словоформах *ротъ, кусокъ, горбъ, шовъ* было повсеместно представлено /ɔ/.

Диалектные различия касаются распределения /ɔ/ и /ɔ̄/, возникших из р.-др.-р. о и е (обычных или «вставных»). В настоящее время известно четыре основных принципа распределения /ɔ/ и /ɔ̄/ такого происхождения (ниже они описываются очень сжато и без примеров; подробнее см. Противоп., § 3—5).

1. «Великорусский» принцип: а) /О/ из р.-др.-р. о (обычного или «вставного») есть /ɔ̄/ под автономным ударением и /ɔ/ во всех прочих случаях (Якобсон 1963, с. 17—20); б) /О/ из е (обычного или «вставного») есть /ɔ/. Данный принцип отражен во всех великорусских говорах и памятниках, различающих /ɔ/ и /ɔ̄/ (если не считать рукописи Мерило Праведное, см. пункт 4).

2. «Украинский» (точнее, «южноукраинский») принцип: а) /О/ из р.-др.-р. обычного о есть /ɔ̄/ в перестроенном слоге³ и /ɔ/ в неперестроенном; б) /О/ из «вставного» о есть /ɔ/; в) /О/ из е (обычного) распределено так же, как /О/ из обычного о. Данный принцип отражен в двух позднедревнерусских галицко-волинских рукописях — евангелии библиотеки МГУ № 1367 (см. Новые данные, § 1) и в тексте конца XIII—нач. XIV в., писанном киноварью на полях так наз. Венского октоиха («кодекса Ханкенштейна», см. Шевелев 1978). Далее, этот принцип отражен (с переходом /ɔ̄/ в *i* и /ɔ/ в *o*) в современном литературном украинском языке и в южноукраинских говорах.

3. «Полесский» принцип: он отличается от украинского только тем, что в безударных слогах (т. е. лишенных того единственного ударения, в котором совпали прежние автономное и автоматическое ударения)

² Символ /О/ используется ниже как обобщающее обозначение для фонем /ɔ/ и /ɔ̄/.

³ Под перестроенным понимается слог, за гласной которого прежде (т. е. в раннедревнерусском) шел слог с редуцированным, впоследствии выпавшим (подробнее см. Противоп., сноска 14).

/О/ любого происхождения есть /о/. Этот принцип представлен в большинстве полесских говоров (северноукраинских и южнобелорусских).

4. «Смешанный» принцип (или «принцип Мерила»), известный в настоящее время только по позднерусской рукописи Мерило Праведное (см. § 3.26). Он отличается от великорусского следующей основной особенностью: в перестроенном начальном слоге словоформы (или фонетического слова) р.-др.-р. о (обычное) независимо от акцентуации дает /ô/. Иначе говоря, в начальном слоге здесь одновременно действуют великорусский и украинский принципы появления /ô/. Еще одна особенность Мерила состоит в том, что во втором заударном слоге ортотонической словоформы р.-др.-р. о здесь дает /ô/ (эффект второстепенного ударения). О некоторых более частных особенностях см. Противоп., § 4.

Таким образом, при великорусском и смешанном принципах распределение /о/ и /ô/ в определенных случаях зависит от наличия или отсутствия автономного ударения (т. е. фонологического ударения древнерусской эпохи), при полесском оно зависит от наличия или отсутствия единого ударения позднейшей эпохи; при украинском принципе оно вообще не зависит от акцентуации. Разумеется, указанные принципы определяют только главнейшие особенности распределения /о/ и /ô/; в конкретных говорах и памятниках возможны разнообразные вариации в частности (см. ниже). Важным позднейшим свойством многих диалектных систем с великорусским или полесским принципом распределения /о/ и /ô/ является аканье, в силу которого в безударных слогах находим уже не [э], а [а] или [э].

§ 3.4. Памятники и говоры с великорусским принципом распределения /о/ и /ô/ различаются между собой небольшими деталями этого распределения. Такие различия связаны с частными отступлениями от общего принципа, которые обусловлены позднейшими фонетическими процессами или аналогическими перестройками. Эти явления изучены пока еще недостаточно полно; но уже сейчас можно указать ряд различий такого рода, имеющих определенное диалектологическое значение. Речь идет о выборе между /о/ и /ô/ в следующих морфемах (или словоформах): 1) ударный элемент *-го* в Р. ед. местоимений и прилагательных (условное обозначение этой группы примеров: *его*); 2) тот же элемент в безударной позиции (точнее, не под главным ударением, поскольку второстепенное ударение здесь, очевидно, было), например, в *нашего*, *сильного* (или *-аго*), *живбого* (*-аго*) (обозначение: *нашего*); 3) конечное ударное *-о* (в ортотонических словоформах) не в составе элемента *-го*, например, в *селѡ*, *краснѡ*, *зашилѡ* (обозначение: *село*); 4) словоформа *тотъ*; 5) ударное *-омъ* в Д. мн. существительных; 6) *-ою* (с ударением на *о*) в Т. ед. существительных и личных местоимений (обозначение: *женою*, *мною*); 7) то же в Т. ед. прилагательных (обозначение: *злою*); 8) словоформы *плоть*, *плотью*; 9) словоформы слова *воинъ* и его производных.

Исходя из различий по этим признакам, можно предложить сле-

дующую классификацию памятников и говоров с великорусским (а также смешанным) принципом распределения /ɔ/ и /ɔ̆/.

Северный тип: а) памятник XIV в. со смешанным принципом распределения — Мерило Праведное (Мер.), см. выше; б) северо-западная группа — Час., Т. пс., Новг., Вас. пс., Вас. сб.; в) северо-восточная группа — Муз., говоры тотемский (Тот.; по работе: Брок 1907) и вятский (Вят.; по изданию: Сборник ОРЯС, т. 95, № 1, с. 67—75); г) ближнесеверная группа — Амф., Чет., Хр.; менее чистый представитель этой группы — Жит. (см. о нем в § 3.26).

Переходная (центральная) группа: Дос., Узк. и лекинский говор к юго-востоку от Москвы (Лек.; по работе: Шахматов 1913).

Южный тип: а) юго-восточная группа — говоры новосёлковский под Рязанью (Нов.; по работе: Васильев) и задонский (Задон.; по работе: Тростянский); б) ближнеюжная группа — Лес., Хл.; в) юго-западная группа — Трав.

В классификацию не включены памятники, содержащие недостаточное количество различительного материала (Сенн., Лих., Ег., Прол., Пат., Егор., Пск.).

Таблица 4

Диалектные различия великорусских источников в распределении /ɔ̆/ (+) и /ɔ/ (—)

Признаки	Северный тип				Переходная группа	Южный тип		
	Мер.	сев.-зап.	сев.-вост.	ближне-сев.		юго-вост.	ближне-южн.	юго-зап.
	Час. Т. пс. Новг. Вас. пс. Вас. сб.	Муз. Тот. Вят.	Амф. Чет. Хр.	Дос. Узк. Лек.	Нов. Задон.	Лес. Хл.	Трав.	
его	+	+	+	+	+	—	—	—
нашего	+	+	п. +	+	п. —	нет	—	—
село	+	+	+	+	+	+	—	—
тотъ	+	нет	г. +	Чет., Хр. +	г. +	Задон. —	нет	—
Д. мн. -омъ	—	—	п. —	—	п. — *	нет	Лес. — * Хл. —	+
жемою, много злою	ударение -ою	+	—	—	+	+	+*	—
плоть	+	+	п. + г. +	—	+	+	+	—
воинъ	+	+	п. +	Амф., Хр. —	п. +	нет	+	+
			п. —	—	п. —	Задон. —	Хл. —	—

В табл. 4 показано, в чем конкретно состоят различия перечисленных групп источников (при составлении таблицы существенным образом использованы материалы и наблюдения Е. В. Тугай). Плюс означает /ô/, минус — /э/, ± — колебание. Единичные отклонения не отражены; наличие заметной доли отклонений отмечается звездочкой. Если между источниками внутри группы есть расхождения или если материал имеется только в части источников, знак дается с указанием источника; при этом «п.» означает памятники, «г.» — говоры (данной группы).

Как можно видеть из табл. 4, противопоставление северного и южного типов основано прежде всего на первых четырех признаках.

§ 3.5. Особую проблему составляет выбор между /э/ и /ô/ в ударном слоге оротонической словоформы, у которой по тем или иным причинам место ударения отличается от раннедревнерусского. Ниже рассматриваются только системы с великорусским или смешанным принципом распределения /э/ и /ô/. Непосредственно наблюдаемая картина здесь довольно сложна, поскольку в данной сфере происходили многочисленные выравнивания по аналогии и междиалектные заимствования. В отвлечении от этих вторичных эффектов основные факты могут быть объяснены с помощью следующей схемы.

1. До некоторого момента сохраняется автоматическая зависимость между ударностью (фонологической) и реализацией р.-др.-р. о в виде /ô/. Тем самым в этот период, если автономное ударение в словоформе почему-либо сдвигается, в слоге, принявшем на себя ударение, р.-др.-р. о дает /ô/. Понятно, что этот принцип соблюден, в частности, для тех древнейших сдвигов, которые произошли еще в праславянском (прежде всего для сдвига ударения влево со слабых редуцированных); отсюда /ô/ в старовеликорусских *пѡпъ, пѡпѣхъ, кѡнни, мѡжетъ, пѡслеть, прѡзвище* и т. п. Примеры словоформ, отражающих несколько более поздние сдвиги ударения: *стѡи, пѡи, бѡися* (императивы), *трѡица; тѡлико, кѡлико* (позднее *тѡлько, кѡлько*); *рѡсти, мѡчи, волѡчи* (инфинитивы); *вѡлю* В. ед. (позднее также *вѡля* И. ед.), *сѡсна*. По-видимому, описанная ситуация сохранялась в одних говорах дольше, в других менее долго, но в среднем примерно до конца древнерусского периода; во всяком случае в говоре Мерила она еще сохранена.

2. В более поздний период, если ударение сдвигается или заменяется, в новоударном слоге в соответствии с р.-др.-р. о в нормальном случае выступает уже /э/. Так, например, в современных говорах, различающих /ô/ и /э/, находим: *сл/ѡ/ман, нам/ѡ/тан, раск/ѡ/пан, дар/ѡ/ван, облюб/ѡ/ван, осн/ѡ/ван* и т. п.; И. мн. */ѡ/кна, /ѡ/сы* (при наличии /ô/ было бы **вѡкна, *вѡсы*), *г/ѡ/вна, с/ѡ/вы; кр/ѡ/мѣ, п/ѡ/слѣ, пр/ѡ/тив*. Во всех этих случаях р.-др.-р. ударение было иным; появление нового ударения относится в разных случаях к разным моментам последующей истории.

Специально отметим, что как сдвинутое трактуется также «специфически книжное» ударение (см. § 3.11), с которым может выступать ряд словоформ книжного характера. Соответственно, мы почти всегда находим /о/, а не /ѡ/, например, в *дѡбрѣ* (наречие), *дѡхбѣннѣ*, *лѡно*, мн. *скѡти*, *бѡи* 'воины', где ударение «специфически книжное». Очень нагляден материал памятника Хл. («каморная» система, см. § 3.28) по слову *скотѣ*: примеры с «народным» ударением — *скѡтѣ* И. В. ед. (4×), *скотѣ* 305б; примеры со «специфически книжным» ударением — *скѡти* И. мн. 274, 275, *скѡтомѣ* Д. мн. 286б, *сѣ скѡтомѣ* 293. Огласовка /о/ вместо ожидаемого /ѡ/ могла появляться в словах книжного характера даже и там, где ударение занимает исторически законное место; например, *вождѣ* (*вожь*), *пѡприще* часто отмечаются в памятниках с /о/, а не с /ѡ/. Вероятно, по этой же причине мы почти всегда находим в памятниках XVI в. огласовку /о/ в слове *канѡнѣ* (тогда как в XIV в. в Мериле оно выступает с закономерным /ѡ/).

Как уже указано, на описанные соотношения накладываются многочисленные выравнивания по аналогии. Например, *кѡсишь*, *лѡвишь* в современных говорах огласованы по аналогии с *нѡсишь*, *хѡдишь* и т. п.; ср. в этом отношении такие недвусмысленные случаи, как *свѡришь* 'сваришь', *свѡлишь* 'свалишь' или *проглѡтишь* (из **гльт-*). Весьма интенсивными были процессы взаимного выравнивания членных и нечленных форм; например, вместо *нѡвѣ*, *нѡвѣй* находим по говорам *нѡвѣ* и *нѡвѣѣ*, *нѡвѣй* и *нѡвѣйѣ*. В ряде случаев одна и та же огласовка в принципе может определяться разными факторами и неясно, какие из них реально действовали. Например, /о/ в *пѡчтеть* или в Р. ед. *вѡды* может объясняться как поздним характером акцентного сдвига, так и аналогией соответственно с 1 ед. *пѡчту* и с В. ед. *вѡду*, И. В. мн. *вѡды*. В слове *рѡзга* огласовка /о/, выступающая постоянно во всех источниках, может быть, определяется эффектом книжности, но не исключено также выравнивание по В. ед. *рѡзгу*, И. В. мн. *рѡзги*, если это слово первоначально принадлежало к а. п. с.

Таким образом, огласовка /ѡ/ или /о/ может быть важным аргументом в вопросе о времени возникновения того или иного ударения, но ввиду сложности общей картины для каждого конкретного примера необходим индивидуальный анализ. Так, например, тотемское *пѡгребѣ*, тотемское и новоселковское *сѡсна* указывают на раннее возникновение этих ударений, поскольку здесь не усматривается возможных источников для аналогического выравнивания. Напротив, из *кѡсишь*, *лѡвишь*, приведенных выше, было бы ошибочно делать вывод, что смена ударения в исконных *кѡсишь*, *лѡвишь* относится к древнерусскому периоду: точно так же, например, *кѡни* в тотемском говоре, *б/ѡ/бы* в Трав., *в/ѡ/лы* в Дос. еще не свидетельствуют о древности таких ударений, поскольку огласовка здесь могла выравниваться по И. ед. *кѡнѣ*, *бѡбѣ*, *вѡлѣ*.

СОВПАДЕНИЕ АВТОНОМНОГО И АВТОМАТИЧЕСКОГО УДАРЕНИЙ

§ 3.6. Утрата физического различия между автономным и автоматическим ударениями представляет собой главное собственно фонетическое событие в истории восточнославянского ударения. Оно привело к образованию единого динамического ударения — такого же, как в современных восточнославянских языках. Прежние энклиномены перестали фонетически отличаться от прежних начальнo-ударных ортотонических словоформ (в традиционных терминах это событие описывается как падение интонационных различий; П. Гард характеризует его как «реакцентуацию», т. е. как приобретение самостоятельного ударения фонологически безударными словоформами, см. Гард 1976, § 358—359). К какому времени относится это событие, в точности неизвестно. Из общих соображений можно предполагать, во-первых, что оно происходило в разных говорах неодновременно, во-вторых, что оно в целом не слишком сильно отстояло во времени от падения редуцированных (а в каких-то говорах, возможно, происходило одновременно с ним). Так, аканье реализуется в слогах, безударных по новому, а не по древнему счету, а именно, слоги с древним автоматическим ударением образуют с точки зрения аканья такую же позицию, как слоги с автономным ударением, и не такую, как безударные. Этот факт дает серьезные основания предполагать (хотя и не доказывает прямо), что совпадение автономного и автоматического ударений произошло раньше, чем возникло аканье. Новое, а не древнее разделение слогов на ударные и безударные отражено также в полесском распределении /ɔ/ и /ô/ (§ 3.3). Между тем это распределение, по-видимому, сформировалось не позже XIV в.: об этом говорит совпадение некоторых нетривиальных деталей распределения /ɔ/ и /ô/ в полесских говорах и в Мериле Праведном (сер. XIV в.) — прежде всего /ô/ в безударных окончаниях М. ед. -омь и -ои (см. Противоп., § 29). Указанные факты не позволяют отнести совпадение двух типов ударения к слишком позднему времени. С другой стороны, против отнесения этого события (для всех говоров) к очень раннему времени говорит тот факт, что Мерило Праведное содержит косвенное свидетельство сохранения просодических различий (или каких-то их остатков) между энклиноменами и ортотоническими словоформами. В отразившемся здесь говоре автономное ударение создавало после себя (т. е. в заударной части словоформы) правильное чередование безударных и полударных (несущих второстепенное ударение) слогов, тогда как автоматическое ударение этим свойством не обладало: у энклиноменов все слоги вели себя как безударные; см. Противоп., § 12, 19. Во всех более поздних источниках, отражающих второстепенное ударение, оно уже не ограничено классом прежних ортотонических словоформ, а в равной мере проявляется и в прежних энклиноменах.

Если в раннедревнерусском сочетании типа *на золото, на руку* (где *золото, руку* — энклиномены) получали начальное ударение

в силу чисто фонетической автоматике, то после совпадения автономного и автоматического ударений стало принципиально возможным также ударение *на зѣлото, на рѹку* (как в сочетаниях *на прѣвило, на рѣбу* и т. п.). Ударение *на золото, на руку*, хотя оно фактически еще долго господствует, определяется в этой ситуации уже морфонологическим (т. е. традиционным) правилом. Таким образом, на месте энклиноменов в первоначальном (чисто фонетическом) смысле появляется то, что можно назвать «морфонологическими энклиноменами», т. е. начальноударные словоформы, которые обычно (но все же без полной обязательности) переносят ударение на проклитики. В разные периоды и в разных говорах реальное содержание понятия «морфонологического энклиномена» несколько различно; так, со временем сокращается список проклитик, принимающих ударение, перенос становится менее регулярным и т. д. В дальнейшем изложении уточнение «морфонологический» при слове «энклиномен» обычно опускается (это не ведет к двусмысленности, поскольку в старовеликорусском собственно фонетических энклиноменов уже не было).

ВТОРОСТЕПЕННОЕ УДАРЕНИЕ

§ 3.7. Уже в позднедревнерусских памятниках (Чуд. и Мер.) обнаруживается эффект второстепенного ударения в заударной части словоформы, т. е. некоторого просодического усиления определенных заударных слогов, в значительной мере сходного с обычным автономным ударением. Первоначально второстепенное ударение выступало только в ортотонических словоформах, но не в энклиноменах; см. выше о положении в Мериле. Таким образом, второстепенное ударение заведомо сформировалось раньше совпадения автономного и автоматического ударений; вполне возможно, что оно существовало уже в раннедревнерусском. После указанного совпадения второстепенное ударение постепенно распространяется также на прежние энклиномены.

Выбор слога или слогов, на которые падает второстепенное ударение, определяется несколькими факторами. Основной из них — ритмический: второстепенное ударение падает через слог *вираво* от главного, затем еще одно через слог от этого второстепенного и т. д. Примеры (слоги с второстепенным ударением выделены светлой линией): *ми́лостиво, свѣдѣтельствуемое*. С этим основным фактором в части систем взаимодействуют дополнительные. Таков фактор конечного слога: второстепенное ударение тяготеет к конечному слогу, хотя бы это нарушало ритмический принцип, например: *ми́лостиво, ми́лостивое*. Далее, таков морфологический фактор: второстепенное ударение тяготеет к определенным морфемам или, напротив, никогда не падает на определенные морфемы. В частности, во многих микросистемах на элемент *-го* в Р. ед. прилагательных регулярно падает второсте-

пенное ударение (*наше́го*, *пра́ведного* или *пра́веднаго*, *злого́* или *злаго́*, ср. также § 3.4, п. 2); с другой стороны, например, в глагольном суффиксе *-ова-* второстепенное ударение, как правило, может падать только на *ва*, но не на *о* (*вѣр^овати*, *прорѣс^оствовати*). В микро-системах, где действует сразу несколько факторов, обычно устанавливается некоторая их иерархия, но она может быть и не вполне жесткой, и тогда при конфликте разных факторов возникают колебания, например, *ми́лостиво* и *ми́лостиво* и т. п. Ситуация такого рода представлена в Мериле и в Чуд.; см. ее разбор в Противоп., § 12—19.

В рукописях XIV—XVII вв. второстепенное ударение передается теми же знаками, что и главное, но только очень редко; систематического обозначения второстепенного ударения нет ни в одной рукописи. В силу факультативности акцентных знаков иногда в словоформе оказывается проставленным лишь второстепенное ударение при необозначенном главном. Отдельные примеры второстепенного ударения встречаются во многих старовеликорусских рукописях (в основном западных и северо-восточных); повышенным количеством таких примеров отличаются рукописи Т. пс., Лет., Хлын., Авв., Цел. Ограничимся немногими иллюстрациями: Т. пс. *пра́веденъ* 132, *ис ка́менѣ* 151б, *разрѣшагѣ* 175, *тысоуца́ми* 3б, *іерѣѡвѣма* 163б; Ион. *ва́рваринъ* 'варвар' 250б, *го́сподѣви* 298; Хрон. *нача́лникѡмъ* Д. мн. 217, *иноплеме́нникѡмъ* Д. мн. 218б; Жит. *не^остаточнѣ* 303; Лет. *ты́сяцки* И. ед. 103, *гра́мотѣ свои* 208, *короле́вичѣ* В. ед. 145б, *на колоко́лницѣ* М. ед. 341; Фер. *рѡ^отелѣма* 49б, *всякомѡу* 81б; Хлуд. *еди́нь|ственѣ* 120, *кото́рогѣ* 128, *по нашемоу* 117; Смол. *ста́рѣиши́нъ* 58, *наше́му* 44; Трав. *вели́чествомъ* 78, *ящери́цино* 45, *ѡстровѣ* И. мн. 477б, *молока́ ма́ковѣ* 49б, *ѡгненѣ* 43б, 275, *надобѣ* 454; Сол. *вологдѣ* 222, *а́гло́мъ* Д. мн. 38б; Хлын. *на^ата́вничѣ* Зв. ед. 209б, *ни еди́ному́ же* 130б, *вѣ бо хѡцетѣ* 135, *приближа́етсѣ* 14б, *слѣшавше́й* И. ед. 148; Авв. *по пра́виламъ* 209б, *робѣночѣкъ* 225, *богдѣновичѣ* 238, *на лопати́щахъ* 86б, *бояронѣ* 200б, *милостивѣ* 214, *ска́зыва́ль* 229б; Цел. *ра́ди бы́стрѡсти* 168б, *дубѡвагѣ* 185б, *заечѣй мо́згъ* 165, *прикла́дывати* 47б, *хѡщешѣ* 170, 173б. Приведем также несколько примеров, где место второстепенного ударения определяется фактором конечного слога (а не ритмическим): Лет. *си́мановско́и* И. ед. 221; Хлуд. *члѣско́моу* 125; Клон. *васи́льевичѣ* Р. ед. 55; Авв. *бе^о испѡвѣдѣ* 220б, *бѣгаючѣ* 209, *заду́мались* 204, *совѣтова́ли* 227; Цел. *судоро́гѣ* И. мн. 189, *выгорелѣ* 89, *дѣйстви́тѣи* 172. К этой же категории относится отмечаемое во многих рукописях второстепенное ударение в сросшихся сочетаниях *нова́городѣ*, *новѣу́городѣ*, *в новѣ́городѣ*, *с новѣ́мъгородѡмъ*, *бѣло́зерѣ*, *бѣло́зера*, *на бѣлѣ́озерѣ*; этот эффект иногда встречается и в других подобных сочетаниях, например, Лет. *из ѡря́града* 211, Авв. *до иръгѣ́нѣ ѡзерѣ* 216б.

АКЦЕНТНЫЕ ПЕРЕСТРОЙКИ АНАЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

§ 3.8. Уже в древнерусский период начинаются частные акцентные перестройки аналогического характера (полное их развитие приходится на более позднюю эпоху). Почти все такие перестройки представляют собой акцентное выравнивание в рамках некоторой совокупности словоформ. Различаются два основных типа таких выравниваний.

1. Выравнивание происходит в рамках морфологической парадигмы (или одной из субпарадигм) отдельного слова; оно состоит в достижении колонного ударения в данной совокупности словоформ. Важнейший частный случай такого выравнивания, актуальный уже для позднедревнерусских памятников, составляют производные имена, имевшие в праславянском ударение на редуцированном последнем слоге основы (например, *čьrnъcъ*, *pričьbtъ*, *služьb-a*, *ženъskъ*), откуда разноместное ударение в позднедревнерусском: *чернѣць*, *чѣрнѣца*; *причѣтъ*, *причѣта*; *слѹжба*, Р. мн. *служѣбъ*; *женѣскъ*, *жѣнѣска*, -о. Направление выравнивания здесь в принципе может быть различным, например: *чернѣць*, *чѣрнѣца*, но *слѹжба*, *слѹжебъ*, *жѣнѣскъ*, *жѣнѣска*. Возможны колебания, например: *причѣтъ*, *причѣта* наряду с *причѣтъ*, *причѣта*.

2. Выравнивание происходит внутри совокупности слов, образованных с помощью одного и того же суффикса. Оно направлено к тому, чтобы у всех этих слов ударение располагалось относительно суффикса одинаково (например, всегда на самом этом суффиксе или всегда непосредственно после суффикса). Как легко понять, достижение этого идеала означало бы не что иное, как доминантность суффикса. В позднедревнерусский период этот идеал, по-видимому, ни для одного суффикса еще не достигается; речь идет лишь о движении в данном направлении. Практически наблюдаются: 1) частичное или даже полное акцентное уподобление производных от слов а. п. *b* производным от слов а. п. *c* (при том, что производные от слов а. п. *a* сохраняют свое ударение); 2) частичное уподобление производных от слов а. п. *a* производным от слов а. п. *b* и *c* (там, где между последними нет различия).

Первый из этих процессов (в случае его полного осуществления) в терминах маркировок означает приобретение суффиксом характеристики Min (см. § 2.7). Как отмечено в § 2.24, такое развитие в особенности характерно для суффиксов с маркировкой →. У части из них оно началось не позже, чем в позднедревнерусский период, поскольку первые примеры подобного выравнивания представлены уже в Чуд. и Мер. Так, например, в Чуд. находим *молбоу* 35в, *молбы* В. мн. 136в (вместо **мольбу*, **мольбы*, ожидаемых в силу маркировки → у корня *мол-*), ср. *татбы* И. мн. 9в, ω^т *татѣбъ* 153а (где ударение правильно соответствует минусовой маркировке корня *тат-*). Неисконное ударение имеют также, например, Чуд.

вдовствѣ 108а, свойствѣ 142в, -оу 88б, Мер. единствѣ 2б (= единствѣ). Заметим, что у тех немногих морфем, маркировка которых содержит помету Min уже на раннедревнерусском уровне (например, у окончаний местоименного склонения, см. § 2.19), данная особенность сложилась в силу таких же аналогических выравниваний, только относящихся к еще более ранней эпохе.

Второй процесс внешне выглядит как замена корневого ударения суффиксальным (или постсуффиксальным) у части производных от слов а. п. а. Важнейшим частным случаем здесь является так наз. тематизация ударения у глаголов, т. е. перенос ударения с корня (или производящей основы) на тематический элемент (см. § 3.73), например: *оправдати, впадати, оставляти, слабѣти, умалити, вмѣстити, поработити* вместо исконных *оправдати, впадати, оставляти, слабѣти, умалити, вмѣстити, поработити*. Некоторое число примеров тематизации содержится уже в Чуд., в частности, *оправдающеи И. мн. 36б, помышляеши же ли 99в, приближающе 35в, размырилъ 110г, ѿставиши 93б* и ряд других.

Следует учитывать, однако, что, в отличие от собственно фонетических процессов, аналогические перестройки почти никогда не бывают абсолютно последовательными. Отдельные слова из перестраиваемой группы могут сохранять старое ударение дольше прочих или даже вообще не подвергнуться перестройке: ср., например, старое ударение в *служба, дѣлать, увеличить* при новом ударении в *мольба, оправдать, обогатить*.

ДЕФИНАЛИЗАЦИЯ УДАРЕНИЯ

§ 3.9. В старовеликорусских памятниках, в особенности западных, в большом числе случаев мы находим предконечное ударение там, где в раннедревнерусском ударение стояло на гласной, завершающей словоформу. Примеры: *кня, вино, твою, блюди, кромѣ* в соответствии с р.-др.-р. *коня, вино, твою, блюди, кромѣ*. Такую замену мы будем называть дефинализацией ударения. Первые примеры дефинализации обнаруживаются (хотя и в незначительном количестве) уже в памятниках XIV в. Чуд. и Мер.

Природа данного явления в настоящее время еще не полностью ясна. Считать его обычным собственно фонетическим процессом нельзя из-за того, что в подавляющем большинстве памятников его эффекты ограничены лишь определенными морфологическими группами словоформ. По-видимому, мы имеем здесь дело с несколькими различными явлениями, дававшими сходные результаты, причем эти явления могли быть одновременными и часть из них носила собственно фонетический, а часть морфологический характер. Важнейшим компонентом здесь является фонетическая ретракция ударения с конечного открытого слога, происходившая в основном в западновеликорусской зоне (по-видимому, также по крайней мере на части белорусско-украинской территории). Этот процесс, однако,

не осуществился до конца, и его результаты рано стали подвергаться морфологизации и лексикализации. Если в результате данного процесса ударение попадает на *о, оно отражается в нормальном случае в виде /ɔ/. Соответственно, этот процесс не может быть отнесен к глубокой древности (но все же вероятно, что его начатки относятся к позднедревнерусскому периоду).

Другим компонентом является более ранняя ретракция (при которой *о отражается в виде /ɔ/); она представлена, в частности, в инфинитивах, ср. *мбчи*, *ббсти*, *рбсти* и т. п. Характер ее диалектного распространения недостаточно ясен; по-видимому, она не ограничивалась одной лишь западной зоной. О ее древности могут свидетельствовать также некоторые данные западнославянских языков, ср. польск. *móc*, *bósć*, *rosć* (где *ó* не может объясняться просто закрытостью слога, поскольку конечные согласные глухие), далее в.-лужицк. *móc*, словацк. *môcť*, чешск. *růsti*, ст.-чешск. *bósti* (однако в.-лужицк. *bosć*, *rosć*, чешск. *moci*).

Далее, в некоторых случаях смена ударения может быть результатом морфологической перестройки. Возможно, к этой категории относятся ударения И. В. мн. сред. типа *сѣла*, *чѣсла*. Во всяком случае, диалектное распространение данного явления совершенно иное, чем у типовых случаев дефинализации (см. § 3.41); с другой стороны, на относительно поздний характер явления указывают как данные акцентуированных памятников, так и огласовка /ɔ/ в словоформах типа *бѣна*.

Поскольку, однако, разграничить перечисленные компоненты удастся далеко не всегда (к тому же в ряде случаев могло действовать несколько факторов одновременно, например, инфинитивы могли подвергаться по говорам не только ранней, но также и поздней ретракции), мы будем ниже рассматривать различные явления, объединяемые именем дефинализации, вместе.

Дополнительную трудность для анализа составляет то, что результаты дефинализации как комплекса восточнославянских процессов нередко оказываются внешне неотличимыми от ударений, заимствованных из южнославянского (ср. § 3.14). И все же, несмотря на эту трудность, в принципе необходимо различать эти два разных источника оттянутых влево ударений.

Тезис о том, что многочисленные примеры типа *кбѣна*, *вѣно* и т. п., представленные в некоторых старовеликорусских памятниках, не могут целиком объясняться южнославянским влиянием, а отражают диалектный процесс ретракции ударения с конечного открытого слога, был сформулирован В. В. Колесовым на основе анализа Патриаршего списка Никоновской летописи (Колесов 1965); в то же время он отметил, что этот процесс не реализовался полностью (в связи с резко возросшим с XV в. влиянием говоров основной части Московского государства).

Наблюдаемые в конкретной микросистеме случаи дефинализации можно разделить на две группы: 1) устойчивая дефинализация;

2) неустойчивая (факультативная) дефинализация. Понятно, впрочем, что надежно провести грань между этими двумя группами можно лишь там, где материал достаточно велик. Результаты устойчивой дефинализации с синхронической точки зрения функционируют в микросистеме совершенно так же, как словоформы с исконным предконечным ударением. Напротив, словоформы, подвергающиеся неустойчивой дефинализации, так или иначе сохраняют в микросистеме свою просодическую нетождественность обычным предконечноударным словоформам. Чаще всего различие проявляется в виде оппозиции «устойчивое — неустойчивое ударение» (например, *сла́ва*, *вѣ́рю*, но *же́на* и *женá*, *ска́жу* и *скажу́*) и/или в виде разного ударения при наличии энкли *ик* (например, *сла́ва же*, *вѣ́рю ти*, но *женá же*, *скажу́ ти*). В глагольных словоформах неустойчивая дефинализация обычно порождает характерное соотношение типа *блюди́*, *бере́чи* (наряду с *блюди́*, *беречи́*) — *блюди́ся*, *беречи́ся*.

Устойчивая дефинализация, как правило, бывает морфологизованной или лексикализованной, т. е. закрепленной за определенной морфологической группой словоформ или за определенными лексемами. Примеры морфологизованной дефинализации: ударение *-íte*, *-éте* в 2 мн. презенса глаголов а. п. с (*прости́те*, *несéте* и т. п.), ударение *-éна*, *-éно*, *-éны* в причастиях глаголов а. п. с (*прощё́на*, *-о*, *-ы* и т. п.), предфлексивное ударение в морфологической группе *высбо́*, *глуббо́*, *ширбо́*, *далéко*.

Неустойчивая дефинализация обычно в меньшей степени соотносена с морфологическими группами словоформ. В идеале это эффект чисто фонетического правила, позволяющего всякое конечное ударение (на открытом слоге) факультативно реализовать как предконечное. В конкретных памятниках, однако, обычно обнаруживается некоторая неравномерность этого эффекта: в одних морфологических группах он отмечается чаще, в других реже. Таким образом, и здесь возможна определенная степень морфологизации или лексикализации.

Как показывает изучение памятников, два типа дефинализации имеют неодинаковое географическое распространение. Устойчивая дефинализация в подавляющем большинстве случаев выступает лишь в пределах западной зоны; неустойчивая дефинализация характерна для более широкой территории, охватывающей всю западную зону и дальний северо-восток (подробнее см. § 3.35 и карту 3).

Для слов а. п. *б* дефинализация порождает характерную вторичную подвижность ударения типа *же́на*, *же́ны* и т. д. — *женбо́*, *женáмъ*, *женáми*, *женáхъ*, также *ви́но* — *винбо́мъ*, *сво́я* — *свои́хъ* и т. п. В некоторых случаях в таких парадигмах наблюдается, кроме того, эффект выравнивания, который дает ударения типа *же́ною*, *ви́номъ*, *свои́хъ*. Если бы такой эффект носил массовый характер, мы вправе были бы говорить просто об общей ретракции ударения на один слог; в действительности, однако, он встречается в памятниках

с дефинализацией сравнительно редко и обычно закреплен за отдельными словами (например, *трудъ, постъ, вино, мои, твои, свои*).

Дефинализация может проявляться также в сочетаниях, состоящих из проклитики и односложной ортотонической словоформы, например: *нѣ лъзя, вѣ тще, нѣ зло, нѣ все, зѣ все, нѣ дно, вѣ ртѣ*. Возникшие таким путем акцентовки не следует смешивать с рефлексами прежних энклиноменных групп.

В некоторых случаях дефинализация обнаруживает определенную зависимость от длины словоформы, а именно, проявляется в более длинной словоформе и не проявляется в более короткой. Такой тип развития был характерен для разных говоров в разной степени. Довольно широко его отражает, в частности, современный украинский язык; ср., например: *гоню—відгону; воджу—приводжу; ношу—переносу; чого—до чого, нічого; колі—ніколи*. Для русского языка характерно лишь небольшое число пар такого рода (но некоторые из них отмечаются уже со времени Чуд.): *куда—откуда, докуда; туда—оттуда, дотуда; сюда—отсюда, досюда; давно—недавно, подавно*. В рукописи Колм. при *далекѣ* и *далѣко*, *высокѣ* и *высоко* и т. п. совершенно последовательно выступает *недалѣко* (см. § 3.56).

Следует упомянуть также одно диалектное явление, отчасти сходное с дефинализацией, — перенос ударения с конечного слога многосложного фонетического слова (в частном случае словоформы) на начальный. Начатки этого явления, известного сейчас преимущественно в онежских говорах, по-видимому, отразились в некоторых акцентовках, встречающихся в рукописях северного происхождения. Значительное число таких акцентовок представлено, в частности, в записях Ричарда Джемса (см. § 3.31), например: *bálaخان 34, béllaina* 'белена' 55, *bicheva* 62, *bóhatir* 16, *bórona* 37, *βórota* 'ворота' 46, 58, *dólogi* 'доложи' 56, *dólota* 12, *zólotnic* 14, *cároβan* 'караван' 51, *córoβai* 25, *lédenets* 42, *mógorrets* 'могорец, магарыч' 41, *nádewait* 'надевать' 69, *pópetai* 'попытай' 18, *préxazal* 'приказал' 17, *prinemoi* 'принимай' 71, *sárransha* 'саранча' 39, *sérafan* 7, *cérebro* 8, *tárankan* 24, *tchérnaslive* 13 (при том, что в этих же записях многократно отразилась также и обычная дефинализация, например; *né βri* 'не ври' 21, *zaswéati* 'засвети' 21, *ne osǵdi* 43, *podími* 'подыми' 15, *rosbǵdi* 71, *sǵéasda* 'звезда' 9, *skóba* 13, *skorǵpa* 57, *smóla* 13, *swéatki* 'цветки' 11).

§ 3.10. Чтобы дать более наглядное представление о дефинализации, рассмотрим в качестве примеров два памятника, где это явление выражено очень ярко: западный памятник Пат. и северо-восточный Цел.

В Пат. словоформы с первоначальным ударением на конечной гласной представлены так. Подавляющее их большинство оставлено без знака ударения. Там, где знак ударения есть, он обычно стоит на предконечном слоге, например: *вѣ́ага, -оу, вѣ́ачя* Р. ед., *грѣ́хоу, -ы, лѣ́вци, в мона́стыри, о́гня, -ю, -и, о́цоу, пѣ́троу, пѣ́ска, по́стоу,*

поути Р. ед., -ю Д. ед., соуда, стоуда, троуда, -оу, -ы, часы; вино, -а, лице, сребро, число, -а, оусты; вина, -оу (жеп.), глава, -ы, жена, -оу, -ы И. В. мн., страна, -ы; роука; словоформы Р. ед. воды, горы, зумы, смолы; двери И. В. мн.; ббла В. ед., дббра В. ед., збло, пестры, черны; красно, -оу, -ы; глуббоко, далече; сама И. ед., нага И. ед.; к немоу, к семоу; взмбогу (и взмбогу), йдоу, лбблю, скажоу; даси, вбси; есмы, есте; индикативы мните, положите; слоужа, соудя; аористы вложи, забы, преста, рече; взяти, йти, рещи, чести; была; положено, -а, прочтено, -ы, створено и т. п.; кромб; йбо. Конечное ударение относительно последовательно показано в союзе иль, наречиях на -гда (егда, когда, тогда, всегда и др.) и почто, в Р. ед. на -го (егò, оу негò, ω^x негò, сегò, твоегò, своегò и др.). В этой группе, напротив, почти нет предконечного ударения (встретились лишь тогда 572а, всегда 612а, сел 628в, тогò 595в и некоторые др.). Прочие примеры конечного ударения (при отсутствии энклитики) единичны: оустà 574а, 619г, на земль М. ед. 621в (ср. также на землю 583б, 586в), зблò (4×), зблò 600а, зблò (3×), селò 566в (ср. также гоустò 589в), иди (4×), ω^xтолй 617б, занелй 597г и нек. др.

При наличии энклитики первоначальное конечное ударение словоформы в Пат. часто сохраняется. Такое сохранение является нормой по крайней мере в следующих группах: существительные — отмечены женá же, женá бо, женоу же, женй же И. мн., молвá бω, водá же, теслй же, словесá же; местоимения — она́ же, они́ же, томоу́ же, к семоу́ же и др. (особо отметим имй́ же Т. мн. 589б, 594б, 649б); 1 ед. презенса — лоблю́ тя, молю́ тя, молю́ же; императив — блюди́ же, купи́ ми, моли́ся, ω^mпоустй́ мя, прости́ мя и др.; аорист — показá ми, поклонй́ся, послá мя, родй́ся, яви́ ми ся и др.; инфинитивы — взнеситй́ся, ω^xрещй́ся. Прочие примеры единичны: насрбди́ бо поути 589б, добрò же 643, третйá же И. ед. 640в. Таким образом, по крайней мере для указанных групп мы имеем дело в данной микросистеме с неустойчивой дефинализацией, ср. такие соотношения, как жена́ — женá бо, к семоу́ — к семоу́ же, лбблю́ — лоблю́ тя, йди (наряду с иди́) — блюди́ же, преста́ — послá мя, рещи́ — ω^xрещй́ся. С другой стороны, в Пат. имеются также и группы словоформ с устойчивой дефинализацией, в частности, презенс с -ите, причастия на -ена, -ено, -ены; ср., например, аще не ωбратитесь 606г (впрочем, собственный материал Пат. здесь невелик; данный вывод опирается в значительной мере на показания географически близких к Пат. микросистем).

Отметим еще следующую особенность Пат.: в словоформах с исконным неконечным ударением (брáта, слáва, мáло, слы́ши и т. п.) писец, как правило, выставляет знак ударения; между тем в словоформах типа соуда, жена, лоблю и т. п. он выставляет его лишь в незначительном меньшинстве случаев. В этом статистическом различии естественно усматривать свидетельство того, что в говоре

писца словоформы типа *соуда* не были просодически тождественны словоформам типа *брѣта*.

Бесспорных южнославянизмов в акцентуации Пат. практически нет; довольно редки также примеры обобщения сдвинутого ударения (типа *поўтемъ* Т. ед. 587в, 600а, *доўшею* 591а).

Перейдем к памятнику Цел. Для него характерна прежде всего неустойчивая дефинализация (тогда как случаев устойчивой дефинализации здесь совсем мало). Основная сфера неустойчивой дефинализации — существительные а. п. *б*. Здесь мы находим, в частности: *глісты* (5×), *глісты* 23б, *деготку* Р. ед. 114б, *по животу* 36б, *золотника*, -и (5×), *квасцы* (6×), *квасцы* 44б, 98, *ис кола* 247 (от *колъ*), *с коня* 29, *на платки* 124, 124б (от *платокъ*), *пузыри* 5б, *в пути* М. ед. 274б, *о пути* (5×), *о пути* 276б, *скоту* Д. ед. 20б, 52б, *и³ смолнику* 95б, *на судѣ* 275, *с ужа* 201б (от *ужь*), *почаса* 11; *вино* (10×), -а (6×), -ѣ (11×), *и³ гнезда* 245, *лице*, -а, -ѣ (12×), *лице* В. ед. 57б, М. ед. 24, *в нутро* 43б, *в тепле* 262б; *змія*, -ю (жен.; 3×), *змія* И. ед. 25б, *лебѣды* Р. ед. 260 (ѣ вместо *е*), *в мѣку* 'in farinam' 124б, *свин'я* 81б, *свин'и* Р. ед. 183б, *сулѣмы* Р. ед. 118б, *трава* 72б, -ы Р. ед. (6×), -у 84б, 175б, *травы* Р. ед. 48, *уха* 'бульон' 151, 204, *в ухе* 151, *цѣлба* 270б и ряд других (не говоря уже о многочисленных случаях, где наосновное ударение в принципе может быть и архаизмом, например, *в горшкѣ*, *на конце*, *бѣлмо*, *молочко* и т. п.). Для тех же самых слов, как правило, отмечается (причем существенно чаще) также и конечное ударение, например: *глісты*, *животѣ*, *золотникѣ*, *квасцы*, *колѣ*, *коню*, *в пути*, *о пути*, *скоты*, *ужь*, *часѣ*, *винѣ*, -ѣ 'vinum', *и³ гнезда*, *лице*, -ѣ, -ѹ, -ѣ, *из нутра*, *в теплѣ*, *змея*, *лебеда*, *мука*, -ѣ, -ѹ, *трава*, -ѣ, -ѹ, *в ухѣ*, также *в горшкѣ*, *бѣлмѣ*, *молочкѣ* и др. Отсутствие некоторых акцентовок (например, **свинья*) в принципе может отражать более устойчивую дефинализацию, но, конечно, может быть и случайным. Разумеется, в Цел. есть и такие существительные а. п. *б*, для которых отмечено только конечное ударение (например, *быка*, *врача*, *грѣхѣ*, *двора*, *по двору*, *клопы*, *кнути*, *ножѣ*, *прыщѣ*, *сапогѣ*, *соколѣ*, *угрѣ*, *молокѣ*, *перѣ*, *по писму*, *сукнѣ*, *лицѣ*, *лунѣ*, *свѣчѣ*, *трубу* и др.); показательно, однако, что почти все они встречаются в Цел. сравнительно редко, поэтому едва ли следует предполагать, что их ударение было более устойчивым, чем у прочих слов а. п. *б*.

Далее, дефинализация широко представлена в Цел. в императивах и в части инфинитивов. Императивы: *соблѣди*, *сѣри*, *звѣжи*, *дѣржи*, *издрѣби*, *разѣжги*, *сѣжги*, *кѣди*, *лѣжи*, *влѣжи*, *испѣки*, *пѣсти*, *потѣрни*, *истѣлки*, *истѣпи*, *тѣри*, *не хѣди*, *процѣди* и др. (также *положѣ*, *приложѣ*) — всего около 50 раз; но все же существенно чаще встречается конечное ударение (*сварѣ*, *приложѣ*, *не ходѣ* и т. д.). Инфинитивы на -чи: *сжѣчи*, *ужѣчи*, *истѣлчи*, *стѣлчи*, также

по^ожечь, испечь, стеречь, истолчь и др. (всего 25×) при несколько более частых *беречь, жечь, мочь, истолчь* и т. п. (всего 38×; см. § 3.71). В обеих группах при наличии *-ся* сохраняется старое ударение: только *берег^яся, береч^ися* и т. п. В инфинитивах типа *нести* дефинализация представлена заметно слабее: *розв^ести, скр^ести, бл^ост^и* (всего 5×) при обычном конечном ударении (19×); ср., с другой стороны, практически устойчивую дефинализацию в инфинитивах типа *взять* (только *взят^и* 89, *взят^и* 35, 51 на фоне господствующих *взять, пон^яти, поч^ати* и т. д.). Отметим, что эти три группы инфинитивов (*взять, беречь, нести*) отчетливо демонстрируют зависимость степени дефинализации от морфологической группы.

Из прочих примеров дефинализации в Цел. укажем: *зима* 186 bis, 31 bis (ср. *зим^а* 161б, *в зим^ь* 198), *и^а* *голови* 66б, *и^а... гол^овы* 51б, *в чер^епу* М. ед. 41б, *на лошади* М. ед. 159б, *т^леси* Р. ед. 19б, *л^одми* 16б, 286б, *с л^одми* 274б, *с л^одм^и* 275б; *по дев^ети* 95б, *до сед^ми* 19б, *о сед^ми* 5 bis, 11; *ж^арка* 269 bis, *не ск^ора* (3×), *ск^ора* 285, *тяж^ка* 221, *жел^та* 261, *высо^ка* 239, *добр^о* 43б, *нед^авно* 265б, *нед^авн^о* 221, *гор^яче* 82, *-ю* В. ед. 16, *крас^ны* 9б, *чер^ны* 8б, *б^ла же* Р. ед. 52, *хит^ра* Р. ед. 25б, *пор^овну* 59, 71; *в одн^о* *м^ьсто* 35, *сво^е* 120, *-я* 224б, *сво^ю* 228, *сво^й* В. мн. 235б, *тво^я* 275, *тво^я* 285б; *то^е* Р. ед. (5×), В. ед. 28, *то^я* Р. ед. 17, *с н^е* Р. ед. 83б, *у н^е* 205б, *в н^е* 119б, *на н^ь* 265б, *все^е* Р. ед. 54б, *с то^го* 22, *одн^ово* 129б, *с^ем^у* 20, *по все^му* 21б; *пр^ишла* 144б, *б^ыла* 91, 116б, *ож^ила* 243, *д^ана* 4б. Сюда же *посл^ь* 218, 288б, *посл^е* 178, *опосл^е* (5×), *сквоз^ь* (3×), *сквоз^е* 215 (ср. *кром^ь* 137, *подл^ь* 155б, *опосл^ь* 67, *сквоз^ь* 171б, 217), также *добр^ь* (8×), *добр^ь* 37, 40б (ср. *добр^ь* [11×]), *не одн^ова* нареч. 4б, *поодн^ова* нареч. 143.

Отдельно отметим *на дно* 51, *во рт^ь* (5×: 22б и др.), *изо рта* (4×: 78б и др.), *на тще ср^оце* 181б, 187, *на тще ср^оце* 203 (+227б, 248) (ср. *на дн^ь* 'in fundo' 252б, *во рт^ь* 23, *во рт^у* 234б, *изо рта* 78, *ко лбу* 37, *во сн^ь* 24, 237б, *на дще ср^оце* 227б).

В Цел. иногда встречаются также случаи обобщения сдвинутого ударения: *столпов^ь* 5, *с вином^ь* 63, 100 (+52б), *з женою* 15, *лит^овою* 6б, *статья^ь* 107б, также *б^лок^ь* (муж.) 46б, *желток^ь* 110б, *гнилец^ь* 261б и другие; *сво^о-его* 7, *-ея* 202, *-еи* 11 (+115), *-ем^ь* 66б, *-им^ь* Т. ед. 150, Д. мн. 20б, *-ими* 163б, *твоем^ь* 287б (при более обычном флексийном ударении во всех этих случаях).

НАРОДНАЯ И КНИЖНАЯ АКЦЕНТОВКА

§ 3.11. Важнейший общий вопрос, возникающий при изучении старовеликорусской акцентуации, состоит в том, каковы были акцентные различия между двумя языковыми системами, существо-

вавшими в средневековой Руси, — собственно русской (народной) и церковнославянской (книжной).

Наблюдения над памятниками позволяют заключить, что в книжном (т. е. литературном) произношении Московской Руси XVI—XVII вв. акцентуация словоформ в большинстве случаев определялась следующим основным принципом: 1) словоформы, существующие (с тем же фонемным составом) также и в живой разговорной речи, имели в книжном произношении то же ударение, что и в разговорном; 2) словоформы, представленные (вообще или, по крайней мере, в варианте с данным фонемным составом) только в книжном языке, имели «специфически книжное» ударение — как правило, предфлекссионное.

Поскольку в живом русском языке имелись диалектные акцентные различия, словоформы первого класса также и в книжном произношении акцентуировались по-разному в разных районах, например: *в дбму, стойте, прощёно* во Пскове, но *в дому, стоитѣ, прощёнѣ* в Рязани. Это обстоятельство очень важно для лингвиста: оно позволяет извлекать сведения по диалектологии акцентных явлений даже из памятников со строжайше выдержанным книжным языком, например, из канонических церковных текстов (ср. Станг 1957, с. 180, замеч. 8). Напротив, словоформы второго класса обычно имеют единое ударение на всей русской территории, например: *вѣмы, вѣсте, стойвѣ, стойта, прияль, -а, -и, приятъ, -а, -ы, избранныи, избранны, -а, -ы*; для диалектологии эти словоформы не имеют значения.

Соответственно, для старовеликорусского нехарактерно, чтобы одна и та же словоформа в одном и том же фонемном составе имела в светском памятнике одно ударение, а в церковном памятнике того же места и времени — другое. Это видно, например, из сравнения Улож. и Матф., напечатанных в одном и том же 1649 г. на московском Печатном дворе. Статистические акцентные характеристики этих двух памятников в ряде пунктов различны, но это различие почти целиком возникает за счет мощного пласта книжной лексики (или книжных вариантов словоформ), содержащегося в Матф. и отсутствующего в Улож.

Контраст между народной и «специфически книжной» акцентовой особенно заметен в памятниках восточной зоны (акцентологически более архаичной). Здесь мы нередко в одном и том же памятнике встречаем, например, *приняль* и *прияль*, *принялѣ* и *прияла*, *принятѣ* (инф.) и *приятѣ*, *воитѣ* и *внѣти*, *говоренѣ* и *речено*, през. *молчитѣ* (мн.) и *молчитѣ* (дв.) и т. п. В западной зоне этот контраст не столь велик (а в предельных случаях почти совсем исчезает), поскольку здесь и живая разговорная речь в большинстве морфологических категорий обнаруживает тенденцию к предфлекссионному ударению (*приняль, -а, говорено, молчите* и т. п.).

§ 3.12. В качестве развернутой иллюстрации действия сформулированного выше основного принципа рассмотрим акцентовку

словоформ *даси*, *ѣси* (*яси*), *вѣси* (и соответствующих приставочных) в старовеликорусских памятниках.

У словоформ *даси*, *ѣси* (*яси*) старое ударение на *-си* представлено, если не считать памятника XIV в. Чуд., в двух ареалах.

1. Основной ареал — памятники вологодские, белозерские, онежские, часть новгородских и часть беломорских. Приводим материал (без словоформы *снѣси*, о которой см. ниже отдельно): Час. *подаси* 356; Т. пс. *взздаси* 1366; Сenn. *предаси* 205г (наряду с *даси* 168б, *взздаси* 25а, 26а); Муз. *даси* 204, *воздаси же* 22, *да яси* 161б; Новг. *даси* 97б, *даси* 51б, *взздаси* 110б, 231б, *-и* 220; Ion. *даси* 38, 270б, 405б, *не даси* 453, *подаси* 21б, *-и* 481, *предаси* 514, *продаси* 404 (+427б); Корн. *даси* 187, *подаси* 398, 441б; Лук. *даси* 16г, *взздаси* 96а, *воздаси* 263в, *предаси* 267в, *яси* 74а, 150а, 165а; Карг. *даси* 24б, *-и* 509б, *не аси* 523; Клон. *даси* 76б (наряду с *подаси* 12); Печ. *не даси* 16б, 50б, *воздаси* 137 (+483), *да подаси ми* 308б. *яси* 114б (наряду с *да ми даси* 24б, *яси* 114б), Цел. *яси* 267.

2. Дополнительный ареал, охватывающий часть памятников центра: Биб. *даси* (часто), *вдаси* 45б, 121б, *вздаси* 121б, *ω^тдаси* 83б и др., *да не предаси* 122б, 406б, *яси* (часто), *изъяси* 113б и др.; Дос. *даси* 11б; еще в нескольких памятниках старое ударение встретилось лишь наряду с корневым (обычно преобладающим); таковы *даси* Тар. 25, Библ. 609 и др., Цв. 126б, *не даси* Ап. 25б, *не подаси* Пер. 19б.

Во всех остальных памятниках, где эти словоформы вообще отмечены, они имеют корневое ударение. Таковы северо-западные памятники Лих., Ег., Пр., Пат., Егор., Пск., ближнезападные Дан., Лет., Фер., Рж., Сел., центральные и южные Амф., Матф., М. пс., Дом., Ряз., северо-восточные Увар., Яр., Костр., Сол., Хлын.

Словоформа *снѣси*, за исключением Корн. *снѣси* 228, Новг. *снѣси* 218б, выступает всегда в виде *снѣси*.

У словоформы *вѣси* (и приставочных) старое ударение на *-си* представлено, помимо Чуд., в Час., Сenn., Лих., Муз., Новг., Ion., Корн., Стар.; единичные примеры (обычно на фоне корневого ударения) отмечены также в Прол., Тар., М. пс., Печ. Во всех прочих памятниках выступает только *вѣси*. Таким образом, ударение *вѣси* представлено существенно уже, чем *даси*, *яси*; в частности, в Карг., Лук., Биб. мы находим комбинацию *даси*, *яси* — *вѣси* (близкая картина также в Печ.), в Клон., Ап., Цв., Пер. комбинацию *даси* // *даси* — *вѣси*.

В настоящее время словоформы *даси*, *йеси* 'ешь' отмечаются в межзональной группе северного наречия (онежские, лачские, белозерские говоры) и в западной группе южного наречия (Диал. член., с. 117, 123). В начале XX в. по данным МДК они засвидетельствованы также в ряде точек бывшей Вологодской губернии. Словоформа *вѣси* в современных говорах отсутствует. Основной ареал, где в XVI—XVII вв. господствует акцентовка *даси*, *ѣси*, практи-

чески совпадает, таким образом, с ареалом распространения словоформ *дасѝ*, *ѣсѝ* в XX в.

Приведенные факты могут быть интерпретированы следующим образом. В XVI—XVII вв. словоформы *дасѝ*, *ѣсѝ* сохранялись в значительной части северных говоров, а также в некоторых говорах центра и юго-запада; но в большинстве великорусских говоров они уже были вытеснены более новыми *дашь*, *ѣшь*. Книжники тех районов, где сохранялись *дасѝ*, *ѣсѝ*, использовали для этих словоформ такое же ударение и в своей книжной речи (и, соответственно, выставляли его на письме). Напротив, для носителей говоров, где победили *дашь*, *ѣшь*, словоформы *даси*, *яси* были чисто книжными и потому акцентуировались по-книжному: *д́аси*, *я́си*. Например, в Дом. находим *дашь* 68, *не дод́ашь* 68, *прод́ашь* 78б и т. п. в тексте о домашнем хозяйстве, но *д́аси* 122 в моральном наставлении. Возможно, впрочем, что в каких-то говорах с развитой дефинализацией (т. е. западных или дальнесеверо-восточных) могли существовать варианты *д́аси*, *ѣ́си* (в современных говорах отсутствующие); но в основной части восточной зоны таких вариантов явно не было. Соответственно, ударение *д́аси* в таких памятниках, как, например, Увар., Ряз., Яр., Костр., Матф., объясняется только книжностью.

Комбинация *дасѝ*, *ясѝ* — *ѣ́си* (см. выше) прозрачным образом связана с наличием в соответствующем говоре первых двух словоформ и отсутствием третьей. Точно так же почти повсеместное ударение *снѣ́си* объясняется отсутствием этой словоформы в говорах: ей соответствовало народное *сѣ́си* или *сѣ́шь*.

§ 3.13. Сформулированный выше (в § 3.11) основной принцип не имел, однако, непреложного характера. Частные отступления от него встречаются в первую очередь там, где он вступает в противоречие с тенденцией к колонному ударению в парадигме (или субпарадигме). Например, книжная словоформа *скоти* может иметь как «специфически книжное» ударение *скѣ́ти*, так и ударение *скотѝ*, колонное со словоформами *скотѝ*, *-ѹ*, *-ѹ* и т. д. Изредка встречаются и некоторые другие случаи, когда книжная словоформа оказывается втянутой в сферу действия акцентных механизмов живого говора (например, *ѹзбранѝ*, *ѹзбранѝ*).

В некоторых особых случаях может возникнуть даже противоположное обычному соотношение книжной и народной акцентовок. Это возможно прежде всего в тех немногочисленных точках системы, где даже в восточной зоне народное ударение — исторически новое (сдвинутое влево). В этих случаях принцип оппозиции народного и книжного ударения, если он вообще реализуется, может выразиться только в том, что книжные словоформы сохраняют конечное (т. е. архаичное) ударение. Описанной схеме соответствует, в частности, соотношение между народными *мочь*, *берѣчь* и т. п. и книжными *моѹѝ*, *берѣѹѝ* (ср. § 3.71), между народными И. В. мн. *ѹица*, *полѣтна*, *бѣна* и т. п. и книжными *чреслѝ*, *лицѝ* (ср. § 3.41). Далее,

в части микросистем сходная акцентная поляризация наблюдается в некоторых парах типа *голова* — *глава*: при русской огласовке выступает исконная акцентовка по а. п. с (*гблову*, И. В. мн. *гбловы*, *бброду*, -ы, *стброну*, -ы, *скбвороду*, -ы), при церковнославянской — по а. п. *б* (*главѹ*, И. В. мн. *главыѣ*, *брадѹ*, -ѣ, *странѹ*, -ѣ, *сковрадѹ*, -ѣ). В И. В. мн. *ja-feminina* такое же акцентное противопоставление, отмечаемое в ряде микросистем, базируется всего лишь на различии между народным окончанием -и и книжным -я; ср., в частности: Чуд. *бвци* И. мн. 84в — *овцѣ* И. мн. (6×), В. мн. (4×); Дан. *бвци* В. мн. 174 — *овцѣ* В. мн. 174; Пск. *ѡвцы* И. мн. 201 (при *ѡвца* В. мн. 262) — *ѡвцѣ* И. мн. (10×); Лет. *зѣри* И. мн. 198 — *зарѣ* В. мн. 422, *лѣи* В. мн. (4×) — *лѡвѣ* В. мн. 74, *на ѡвцѣ* В. мн. 226 (ср. *зѣ ѡвцу* 3); Пер. *дѣиѣ* И. мн. 191 (ср. *дѹшу* 114); Сол. *душѣ* В. мн. 59б (ср. *дѹшу* 60); сюда же Хр. *в брѣнѣ* В. мн. 761 — *брѣнѣ* В. мн. 761.

Необходимо учитывать также, что такой внешний признак, как неполногласие, сам по себе еще не обязательно означает книжный характер словоформы: многие словоформы с неполногласием (например, *власть*, *сладкии*, *предати*) уже прочно вошли в живой старорусский язык и, соответственно, обычно не обнаруживают акцентных признаков книжности. Таким образом, граница между тем, что воспринималось и что не воспринималось как специфически книжное, проходила не в точном соответствии с этимологией и, конечно, в небольших деталях варьировала в зависимости от культурного центра и от периода.

Перечислим наиболее важные категории словоформ, где в XVI—XVII вв. всегда или почти всегда выступает «специфически книжное» предфлексивное ударение.

1. У глаголов а. п. с — все отсутствующие в народном языке этой эпохи грамматические формы, где в данной а. п. в раннедревнерусском было конечное ударение. Таково двойственное число презенса (например, *несѣвѣ*, *несѣта*, *молчѣвѣ*, *молчѣта*), причастия и деепричастия с -уц-, -яц- (например, *несѹще*, -и, -а, *молчѣще*, -и, -а и т. д.); предфлексивное ударение выступает здесь, в частности, и в тех микросистемах, где не книжные формы имеют конечное ударение (типа *несетѣ*, *молчитѣ*, *несучѣ*, *говорячѣ* и т. п.). Примеры древних ударений типа *несевѣ*, *несетѣ* в XVI—XVII вв. совершенно единичны. «Специфически книжное» предфлексивное ударение имеют также нечленные формы *n-* и *en-* причастий (в т. ч. адъективированных) в книжном варианте — с двойным *нн* (например, *предѣнно*, *избрѣнна*, *речѣнно*, *отрѣшенны*); при этом варианты с одним *н*, соответствующие живой речи, в тех же микросистемах могут иметь иное ударение (*предѣно* или *прѣдано*, *рѣшенѣ* и т. п.).

З а м е ч а н и е. Предфлексивное ударение представлено также в аористе (кроме 2—3 ед.) и имперфекте (*несѣхъ*, *несѣша*, *несѣше*, *несѣху* и т. д.), но здесь оно установилось уже в более раннюю эпоху (см. § 2.20). Что касается формы 2—3 ед. аориста, то она обычно имеет ударение, колонное с остальными формами

аориста, т. е. в данном случае конечное (*несѣ, протѣ* и т. п., ср. *несѣхъ, несѣша, протѣхъ, протѣша*). Лишь в некоторых памятниках выступает (факультативно или последовательно) словоформа *рече*; прочие примеры подобного ударения (*несѣ, прѣсти* и т. п.) встречаются только в западных памятниках и потому скорее должны объясняться как результаты дефинализации (а не как эффекты книжности).

2. Атематические словоформы презенса *вѣмы, вѣсте, дамы, дасте, ямы, ясте* (*ѣмы, ѣсте*). При этом словоформы *есмѣ* (*есмя*), *естѣ*, сохранявшиеся в живой речи, в тех же микросистемах почти всегда представлены с конечным ударением (такое ударение обычно также для словоформы *есмы*). Относительно словоформ *вѣси, даси, яси* (*ѣси*) см. § 3.12.

3. Словоформы системы инфинитива глаголов на *-яти* 'взять' с [j] после приставки (т. е. *заяти, наяти, пояти, прияти, объяти, изъяти* и т. д.), например: *прияти, приялъ, -а, -о, -и, приятъ, -а, -о, -ы*. При этом в тех же микросистемах могут быть представлены, например, *принятѣ, прѣнялъ, прѣняла, прѣняло, -и, прѣнятъ, прѣнятѣ, прѣнято, -ы*.

Далее, имеются группы словоформ, где «специфически книжное» предфлексивное ударение реализуется не столь последовательно (главным образом, из-за конфликта с принципом колонности, ср. выше).

4. И. мн. (и аналогический В. мн.) на *-и*⁴ у существительных мужского рода с твердой основой (преимущественно непроизводных). Эти книжные словоформы во многих памятниках факультативно или даже последовательно представлены как *връзи, сапѣзи, вблсеи, скѣти, стѣли, брѣи* и т. п. (особенно заметен этот эффект в словоформах с книжными *ц, з, с* на месте *к, г, х*). При этом в тех же памятниках словоформы, представленные также и в живой речи, обычно выступают с флексивным ударением; особенно показателен здесь В. мн. (и аналогический И. мн.) на *-ы* (или *-и* после *к, г, х*), например: *врагѣ* (*врагѣ*), *сапогѣ* (*сапогѣ*), *скотѣ, орлѣ* и т. д.⁵ Как известно, в XVI—XVII вв. в живом языке прежние словоформы И. мн. на *-и* от твердых основ в большинстве случаев уже просто исчезли, а немногочисленные реликты (*сусѣди, черти, холопи, комари* и др.) были переосмыслены как словоформы с мягкой основой, откуда косвенные падежи мн. числа типа *сусѣдеи, сусѣдемъ* (*сусѣдямъ*) и т. д. Примеры подобного переосмысления отмечены и в книжном

⁴ Сюда не относится, однако, вторичное *-и*, получившееся из *-ы* после *к, г, х* (эта оговорка действительна также для двух последующих пунктов).

⁵ Было бы неверно, однако, усматривать здесь акцентное выражение противопоставления И. и В. падежей. В действительности здесь существенно только окончание: *-и* или *-ы* (у основ на *к, г, х* — соответственно исход на *-ци, -зи, -си* или на *-ки, -ги, -хи*). В силу смешения старых форм И. мн. и В. мн., которое в XVI—XVII вв. уже широко представлено даже в церковных текстах, словоформы типа *скотѣ, сапогѣ, врагѣ* часто встречаются в функции именительного падежа, а словоформы типа *скѣти, сапѣзи* вполне могут встретиться в функции винительного (ср. § 3.42).

языке; например, при И. мн. *волсви* встречаются Д. мн. *волсвелъ*, Т. мн. *волсви* (с характерным обобщением *с* в корне). С акцентологической точки зрения, подобное переосмысление, по-видимому, тоже способствовало наосновному ударению в И. мн., поскольку у непроизводных мягких основ в этой форме господствовало именно такое ударение (чаще всего в рамках подвижного акцентного типа: *лѣди*—*лѣди*, *дѣти*—*дѣти*, *звѣри*—*звѣри*, *гуси*—*гуси* и т. п.); ср. в особенности современное *кѣни*, *конѣи* на месте старого *конѣи*, *конь* (*конѣи*).

5. Нецеленные формы прилагательных и страдательных причастий, носящие исключительно или преимущественно книжный характер. Таковы в XVI—XVII вв. практически все нецеленные формы, кроме форм И. падежа ед. числа и И. мн. на *-и*, выступающих в предикативной функции (подробнее см. § 3.51). К числу книжных форм этой группы следует присоединить также наречия на *-ѣ*. В памятниках часто встречаются, например, ударения *мѣртва* Р. ед., *мѣртву* Д. ед., В. ед., *мѣртви* И. мн., аналогично *процѣна*, *-у*, *-и*, *принесѣна*, *-у*, *-и* и т. п., также наречия *дѣбрѣ*, *тѣплѣ*, *высоцѣ* и др., при том, что в живых формах сохраняется флексийное ударение: *мертва* И. ед., *-ѣ*, *-ѣ*, *процѣна*, *-ѣ*, *-ѣ*, *принесѣна*, *-ѣ*, *-ѣ*, *дѣбрѣ*, *-ѣ*, *-ѣ*, *тѣплѣ*, *-ѣ*, *-ѣ*, *высоцѣ*, *-ѣ*, *-ѣ*. Следует учитывать, правда, что у прилагательных форма И. мн. на *-и* при твердой основе на части великорусской территории (центр и юго-восток) еще была живой, ср. современные *сыти*, *ради*, *богати* и т. п. в говорах. Однако все отмечаемые диалектные словоформы типа *сыти* имеют наосновное ударение (примеров такого рода для старой а. п. *b* нам неизвестно); возможно, что это акцентное ограничение связано с теми же причинами, что у существительных (см. предыдущий пункт). Таким образом, предфлексийное ударение в словоформах типа *мѣртви*, *чѣрни*, *тѣпли*, *процѣни*, *принесѣни*, широко представленное в памятниках, для большинства районов было просто книжным, а там, где еще были живыми словоформы группы *сыти*, такое ударение поддерживалось также и акцентными особенностями живых словоформ этой группы.

6. Членные формы прилагательных с твердой основой, выступающие с книжными окончаниями — прежде всего И. мн. *-и*, М. ед. *-ѣмъ* (*-ѣмъ*, *-емъ*), Д. М. ед. *-ѣи* (*-еи*), особенно варианты с книжными *ц*, *з*, *с* на месте *к*, *г*, *х*. Так, например, во многих памятниках с регулярным ударением *ветх-аго*, *-ѣму*, *-аѣ* и т. д., *вѣчи-аго*, *-ѣму*, *-аѣ* и т. д. факультативно или даже последовательно представлены *вѣтс-и*, *-ѣмъ*, *-ѣи*, *вѣчнии*, *-ѣмъ*, *-ѣи* (также *вѣтс-ѣхъ*, *-ѣми*, *вѣчи-ѣхъ*, *-ѣми* в микросистемах, где использовались окончания *-ѣхъ*, *-ѣми*).

Помимо перечисленных, имеется и много других случаев «специфически книжного» ударения, но здесь уже речь идет о более узких группах слов (или словоформ) или даже об индивидуальных словах. Таковы, например, ударения *двѣма*, *трѣми* (там, где в живом говоре

уже было *двумà, тремà* или *двумя, тремя*), Р. М. дв. *ру́ку, нòгу, бòку* и т. п., Д. Т. дв. *мúжема, гра́дома, вéцма, нòцма* и т. п. В ряде случаев можно предполагать взаимодействие фактора книжности с другими факторами. В частности, в Р. мн. во многих памятниках выступают словоформы на *-ии* с корневым ударением, например, *лòдии, дѣтии, нòциии, вéциии, кòстии*, причем нередко в том же памятнике встречаются словоформы *людéи, дѣтéи, нощéи* и т. д. Такое соотношение говорит в пользу того, что ударение типа *лòдии* — книжное; однако следует считаться также с возможностью акцентного выравнивания по форме И. В. мн. Другой пример составляют членные формы ряда прилагательных а. п. с, имеющие корневое (а не флексивное) ударение, в частности, *чю́ждыи, духбвныи, душéвныи, стрáнныи, бра́чныи, вѣ́чныи, слéзныи* и др. Есть основания полагать, что в некоторых памятниках такое ударение определяется эффектом книжности. Поскольку, однако, собственно русское развитие тоже приводило к такому ударению у значительной части прилагательных а. п. с (ср. § 3.58—59), вычленить здесь «вклад» фактора книжности оказывается (для большинства слов) довольно трудно.

Примеры ударений, определяемых книжным характером самой лексемы (приводимые ударения представлены не во всех микро-системах, но в очень многих): *дрéвле, тýне; рáвен, рáвна, -о, -ы*, (ср. *ровéнь, ровнà, -ò, -ỳ*); *праздeнь, праздeна, -о, -ы* (ср. *порождeн*); *едíнь, -а, -о, -ы* (ср. *одíнь, однà, -ò, -ỳ*). В XVI—XVII вв. слово *дщeрь* практически повсеместно акцентируется по а. п. а: *у дщeри, отъ дщeрии, о дщeрeхъ* и т. д.; ср. слово *дчи* (*дочи, дочь*), которое в тех же памятниках относится к а. п. с: *на дочeрь, дочeрeи, дочeрми* и т. д. В некоторых памятниках в сходных отношениях находятся *млéко* и *молокò, плáтно* и *полотнò*. В XVI—XVII вв. почти везде представлены книжные ударения *вби* (мн.), *вбпля, -ю*; широкое распространение имеют ударения *жítтие, пítтие, бýттие*. Поскольку старовеликорусский и староукраинский в рассматриваемом отношении в принципе сходны, мы можем позволить себе здесь привести также несколько наглядных примеров из «Лексикона» Беринды: *врата : воротà* 26; *плáтно : полотнò* 156; *сковрада : сковородà* 220; *среда : середà* 232; *чреда : . . . чередà* 305; *по'ятie : по'нятьe* 163; *предáние : поданьe* 175; *прия́tie : принятьe* 193; ср. еще *дамы : дамò* 49 (следует учитывать, впрочем, что отраженная здесь староукраинская традиция в ряде конкретных деталей могла и не совпадать со старовеликорусской; ср., например, выше об акцентовке слов *глава, брада, страна, сковрада* в части великорусских микро-систем).

§ 3.14. Особую проблему, актуальную прежде всего для памятников XV—первой пол. XVI в., но отчасти также и для более поздних, составляют южнославянские акцентовки. К сожалению, в настоящее время еще недостаточно изучен вопрос о том, в каких случаях акцент-

ные знаки, скопированные с южнославянских оригиналов, реализовались в книжном произношении русских писцов этой эпохи в виде соответствующих ударений и в каких расценивались лишь как элементы необходимого графического оформления текста. Естественно предполагать, однако, что какая-то часть таких акцентовок была фонетически реальной.

На Русь попадали южнославянские рукописи, отражавшие (в графике, морфологии, акцентуации) различные южнославянские диалекты; различна была также (в частности, по акцентуации) речь южнославянских выходцев. Поэтому нельзя говорить о какой-то единой и последовательной южнославянской акцентуации, занесенной на Русь. Речь может идти лишь о нескольких ярких чертах, характерных для большинства южнославянских акцентных систем конца XIV и XV вв. Главной из таких черт является ретракция ударения на один слог влево по сравнению с праславянским (в одних говорах всеобщая, в других ограниченная определенными морфологическими позициями), например, : *сапогъ, работа, животъ, бгня, жѣна, жѣнами, число, творити, разбити, служити*. Внешне сходный эффект представлен также во вторичных имперфективах: *бывати, начинати, умйрати* и т. п. Из прочих особенностей можно отметить, в частности, нередкое отсутствие оттяжки ударения на предлог (например, *по чину*), ударение по модели *отпусти, отпустися* в 2—3 ед. аориста.

Как уже отмечено в § 3.9, многие южнославянские акцентовки внешне неотличимы от результатов собственно русской дефинализации (ср. *бгня, жѣна, число* и т. п.). Соответственно, надежными примерами южнославянской акцентовки оказываются прежде всего те, где ретракции подверглось ударение неконечного и/или закрытого слога (*сапогъ, творити* и т. п.).

Имеется значительное сходство между южнославянской акцентовкой и «специфически книжной» акцентовкой старовеликорусского периода, а именно, в обоих случаях вместо исконного флексийного ударения выступает предфлексийное. Можно предполагать, что это сходство не случайно, т. е. что «специфически книжная» акцентовка на Руси сформировалась хотя бы отчасти под влиянием южнославянской.

Большой интерес представляют в этом отношении показания Чуд. Правда, этот памятник относится ко времени до начала так наз. второго южнославянского влияния на Русь, но он был написан в Константинополе, и потому его составители могли находиться в контакте с южнославянскими книжниками. В Чуд. имеется значительное число примеров, где ударение стоит на слог левее своего исконного места. Их можно разделить на несколько групп (приводимые списки не претендуют на полноту, поскольку ряд спорных случаев опущен).

1. Словоформы (преимущественно не книжного характера), где сдвинутое ударение в дальнейшем распространяется на всю или почти на всю восточнославянскую территорию. Таковы, в частности:

ими, нѣми, тѣми (также ѡма, нѡма, тѣма); И. В. мн. *лиця, сѣла, рѣбра* и т. п.; инфинитивы *отплѣйти, помянути*. В этой группе уже в Чуд. новое ударение преобладает над старым.

2. Словоформы (преимущественно некнижного характера), у которых в XVI—XVII вв. сдвинутое ударение встречается на великорусской территории, как правило, только в памятниках, отличающихся заметной дефинализацией (т. е. западных и северо-восточных). Примеры этой группы встречаются в Чуд. лишь в качестве отклонений от господствующего флексийного ударения. Таковы, в частности: *вѣрху* и^х 'поверх них' 11г, *вѣну* В. ед. 'sultram' 120б, *виноу* Д. ед. 'vino' 136г, *връгы* В. мн. 127г, *грѣху* Д. ед. 45г, *в корабли* В. мн. 44б, *на лице* В. ед. 117б; *зѣло* 95а, *мѡю* В. ед. жен. 11в, *никѡго*^{жс} 51а, *того* 80б, *тѡмоу* 95а, *обѣма* 30в; *вѡзни* аор. (3×), *изгѡно* 7г, *изгѡн*^н 17а, *предана* И. мн. 163б, *приложѣ* аор. 66в, *помѡлѣся* аор. 73г, *основана* бѡ И. ед. 5г, ед. *оупѡва* 137б; по-видимому, к этой же группе можно отнести И. мн. *и слѡбуги* 51а.

3. Словоформы (обычно с теми или иными чертами книжности), которые в XVI—XVII вв. постоянно или факультативно выступают со сдвинутым ударением на всей старовеликорусской территории, будучи частью лексического пласта со «специфически книжным» ударением. Так, обобщенное новое ударение в Чуд. имеют *взѣмля* 41в, *превзѣмляся* 134г, *приѣмлю* 43г (+ 44а), *приѣмли* 137г (и другие формы с *емл-*), *сзѣжю* 24б, *сзѣжю* 69а, *призри* 61а (+ 32а), *оуцѣдрю* 103г bis. В прочих случаях речь идет о единичных примерах (обычно на фоне преобладающего старого ударения): *ω^х дщѣри* 25г, *лѡдѣи* 74в, *отрѡчи*^ш И. ед. 44а, *о нѣрстѣ* 33б, *нѣтѣи* М. ед. 146а, *пѡбѣдоу* 115в, *пѡлѣма* 'пополам' 13г; *дѡбрѣ* нареч. 123г, *ни едѣно же* 142а; *обратятѣ*^с 48в, *прѡзрѣ*^х 46б, *изѣти* 41г, 70в, 73а, *оумѣртвите же* повел. 131б, *распѣти тѣ* 51б, *пооустѣти* 52г, *-вѣ* 142б, *ицѣзнѣте* повел. 67г; далее, примеры причастий с *-ѣна, -ѣно, -ѣни* (*оболѣна* В. ед., *принесѣно, ицѣлѣни* и др., см. § 3.66) на фоне обычных *-енѣ, -енѡ, -енѣ*. Возможно, сюда же относятся *праздни* 137в, *равна* И. мн. 24б, аористы типа *издѣше, оусте* и др. Необходимо подчеркнуть, однако, что приведенные здесь примеры составляют лишь очень незначительную часть представленного в Чуд. массива словоформ, получивших впоследствии «специфически книжное» ударение; нормой для Чуд. является сохранение у таких словоформ «народного» (т. е. исконного) ударения.

4. Словоформы, которые в XVI—XVII вв. вообще не встречаются на великорусской территории со сдвинутым ударением или отмечаются с таким ударением лишь в памятниках с явными следами южнославянских акцентовок. В Чуд. таковы, в частности: *вѣнецъ* В. ед. 85г, *живѡ*^м В. ед. 44в, *и живѡ*^м И. ед. 90г; *не брѣжѣши ли* 33а, *бѣвае*^м 15в, *ω^мвѣрзае*^м 46г, *повѣнитѣся* повел. 84в (от *повину-тѣся*), *повѣноушасѣ* 61г bis, *повѣноуощасѣ* 84в, 84г, *облѣчете*^с 41б, *ωбѣтѡванѣ* 116г, *грѣде*^м 43а, *дерзѡвати* 71г, *лѡбити* 85а, *при-*

миренъе 104г, *оумблчаша* 164а, *всадиша* 60в, *рациёненье* 94г, *нэш-вена* II. ед. жен. 51в; сюда же можно отнести *облещися* 118а, *со-влещися* 118а.

Представляют особый интерес группы 2—4, где в принципе допустимо усматривать влияние южнославянских акцентовок. Следует учитывать, что во всех этих трех группах некоторые акцентовки (но далеко не все) могут объясняться морфологическими аналогиями. В остальном же для группы 4 можно предполагать только прямое южнославянское влияние. В группе 2 источник сдвига может быть как южнославянским, так и русским (дефинализация), но более вероятно второе. В группе 3, по-видимому, отразился начальный этап формирования «специфически книжного» ударения на Руси. Объяснить примеры группы 3 русской дефинализацией нельзя — как потому, что во многих из них исконное ударение не было конечным, так и по характеру географического распространения таких акцентовок в XVI—XVII вв. Соответственно, здесь естественнее видеть заимствование южнославянских ударений. По-видимому, в основе сформировавшегося в последующий период (в XV в.) «специфически книжного» ударения лежит прежде всего механизм закрепления за чуждыми живой речи словоформами чужого (иноязычного) ударения.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

§ 3.15. Основным источником сведений о восточнославянской акцентуации XIV—XVII вв. служат акцентуированные рукописные и (со 2-й пол. XVI в.) печатные книги. Старейшей (и при этом очень богатой по материалу) русской акцентуированной рукописью является Чуд. — Чудовский Новый Завет XIV века (по-видимому, 1355 г.). Далее, однако, следует период в 130—140 лет, крайне бедный для историка русского ударения: хотя от этого периода дошло значительное число акцентуированных рукописей, писанных на Руси, подавляющее их большинство отражает не русскую, а южнославянскую (болгарскую или сербскую) акцентуацию или какую-то форму смешения русской акцентуации с южнославянской. Немногочисленные рукописи этого периода (или отдельные их части) с русской акцентуацией бедны материалом: ударение проставлено в основном лишь в «банальных» для акцентолога случаях.

С 80—90-х годов XV в. начинается основной период создания русских акцентуированных рукописей, продолжающийся до начала XVIII в. (а именно, до петровской реформы гражданской азбуки, исключившей акцентные знаки из гражданской печати и письма). На протяжении этого периода процент рукописей, последовательно акцентуированных по-русски, постоянно возрастает; в XVII в. такие рукописи уже составляют большинство (см. Колесов 1973б, с. 229).

Дополнительным источником сведений об акцентуации являются рукописи (в т. ч. неакцентуированные) с графическим различием фонем /ɔ/ и /ô/ (см. § 3.20), а также рукописи, где этимологическое *ѣ* последовательно отражается буквой *ѣ* в ударной позиции и (последовательно или хотя бы факультативно) буквой *е* — в безударной позиции.

Нельзя думать, однако, что знаки ударения или знаки для /ɔ/ и /ô/, представленные в памятниках, соотносены с фонетической реальностью столь же прямо, как знаки фонетической транскрипции. В действительности интерпретация написаний, находимых в памятниках, представляет собой самостоятельную и далеко не прямолинейную операцию. В последующих параграфах очерчены основные проблемы, которые приходится решать в ходе этой операции. После того, как удалось провести «считывание» ударений с написаний памятника, можно приступать к выявлению акцентной микросистемы этого памятника, ее сходств и различий с другими микросистемами. При этом, в частности, достигается разделение конкретных примеров ударения на типичные для данной микросистемы (или хотя бы вполне допустимые для нее) и на нетипичные, носящие характер исключений.

Следует специально остановиться на проблеме соотношения системного и единичного, с которой исследователь сталкивается на всех этапах интерпретации. Акцентология, в особенности историческая, требует системного подхода с большей императивностью, чем многие другие лингвистические дисциплины. Это объясняется прежде всего тем, что единичное акцентное показание есть результат выбора из очень малого числа возможностей (т. е., говоря математически, несет очень малую информацию). Например, для русской двусложной словоформы разных акцентных возможностей всего две; между тем любая из ее фонем есть уже результат выбора из нескольких десятков возможностей. Соответственно, даже единичное написание вроде *земля* вместо *зѣмля*, встретившееся в памятнике, может иметь некоторое значение для характеристики памятника, поскольку вероятность чисто случайной замены *з* именно на *ж*, а не на любую другую букву, сравнительно мала, а возможная неслучайная причина здесь в сущности одна — «шепелявость» псковского типа (у самого писца или у писца оригинала). Между тем единичное написание *зѣмля* (с надстрочным знаком в неожиданном месте), взятое в отрыве от остальных характеристик памятника, почти ничего не значит; это может быть, в частности: 1) употребление надстрочного знака для каких-то целей, не связанных с ударением; 2) «акцентная описка» (вероятность которой примерно в 15 раз выше, чем, например, для случайной замены *з* на *ж*); 3) южнославянская акцентовка; 4) результат дефинализации; 5) результат аналогического выравнивания по форме В. ед. или И. мн. На материале единичного написания различить эти возможности нельзя.

Таким образом, для исторической акцентологии единственный способ повысить надежность своих заключений — это оперировать

не с единичными фактами, а с их крупными массивами, обладающими внутренней системной организацией. При изучении памятников акцентные *hарах legomena*, не подтверждаемые другими аналогичными фактами в самом данном памятнике или в близких к нему акцентных микросистемах, должны расцениваться как материал второго сорта, несопоставимый по надежности с фактами, встречающимися систематически. Неслучайно многие из таких раритетов при более тщательном изучении оказываются просто ошибками интерпретации (ср. § 3.17 о примере *zež`ri* у Аввакума). В настоящей книге мы рассматриваем именно типичные, широко засвидетельствованные свойства старовеликорусских акцентных микросистем.

Особая проблема связана с тем, что писец мог механически списывать некоторые акцентные знаки с оригинала. Наблюдения над рукописями позволяют предполагать, что у опытных писцов-профессионалов доля таких скопированных акцентных знаков, не соответствующих их собственной акцентной системе, как правило, была совершенно незначительна. В расстановке акцентных знаков, точно так же, как в орфографии, квалифицированные писцы руководствовались прежде всего усвоенными ими нормами, а не оригиналом. Главным основанием для такого вывода служит высокая внутренняя последовательность акцентных микросистем большинства изученных нами памятников. Соответственно, подозрение на то, что некоторый акцентный знак механически перенесен из оригинала, уместно лишь там, где соответствующее ударение резко «выламывается» из микросистемы памятника.

АКЦЕНТНЫЕ ЗНАКИ И ИХ СИСТЕМЫ

§ 3.16. Основными средствами передачи ударения в русских рукописях и старопечатных книгах являются три идущих из греческого письма надстрочных знака: ' (оксия), ` (вария), ˆ (камора). В дальнейшем они именуются «акцентными знаками», причем не только там, где они действительно передают ударение (или, как мы будем говорить, являются и к т у с н ы м и), но и там, где они его не передают (являются н е и к т у с н ы м и). В тесной связи с акцентными знаками стоит знак ' (спиритус, или псиль), которым снабжаются неприкрытые гласные буквы ⁶. Спиритус в принципе совместим с акцентными знаками (при этом он ставится левее акцентного знака). Комбинация из спиритуса и оксии ('') носит название *исо* ⁷.

⁶ Прикрытая гласная буква — такая, которая непосредственно следует за согласной буквой (принадлежащей той же словоформе), причем записанной в строке, а не над строкой; в противном случае гласная буква является неприкрытой. Не следует смешивать графическую прикрытость с фонетической (например, в *юноша* начальная буква — неприкрытая).

⁷ В рукописях XVI—XVII вв. имена перечисленных здесь знаков акцентуируются так: *оксия, вари́я, камо́ра (камю́ра), изо*.

Способы применения акцентных (и прочих надстрочных) знаков в разных рукописях неодинаковы. В качестве образцовой можно рассматривать систему употребления надстрочных знаков, принятую, в частности, в старопечатных московских изданиях XVI—XVII вв.; мы обозначаем ее условно как «старопечатную». В этой системе ударение передается в нормальном случае оксией или варией, а именно, вария ставится над конечной гласной фонетического слова (т. е. акцентно самостоятельной словоформы с примыкающими к ней клитиками), оксия — в прочих случаях. Камора является заменой (обычно лишь факультативной) для вари или оксии в некоторых особых случаях, прежде всего над односложными словоформами местоимений и частью односложных служебных слов, оканчивающихся на гласную⁸. Спиритус в «старопечатной» системе регулярно ставится над начальной гласной словоформы, не вполне регулярно над неприкрытой срединной; над конечной гласной он обычно не ставится. С практической точки зрения, важнейшим свойством «старопечатной» системы является отсутствие в ней неиктусных акцентных знаков. «Старопечатная» система в ее последовательной форме встречается начиная со второй четверти XVI в.; с середины XVI в. она уже становится преобладающей, а с начала XVII в. — господствующей.

З а м е ч а н и е 1. В позиции «конец словоформы, но не конец фонетического слова» выбор оксии или вари фактически колеблется, т. е. возможны как написания типа *водá же, мнитé ли* (по общему правилу), так и типа *водá же, мнитè ли* (под влиянием обычных *водá, мнитè*). Эта особенность не рассматривается как отклонение от «старопечатной» системы.

З а м е ч а н и е 2. Не является также отклонением от «старопечатной» (или иной) системы акцентных знаков факультативное обозначение второстепенного ударения, встречающееся (обычно лишь изредка) во многих памятниках (см. § 3.7); второстепенное ударение обозначается теми же средствами, что и главное.

Отличия других систем, встречающихся в рукописях XIV—XVII вв., от «старопечатной», бывают прежде всего следующих двух родов.

1. Оксия, вария и камора, передающие ударение, находятся между собой не в том позиционном распределении, что в «старопечатной» системе. При этом, однако, полного отказа от принципа «вария над конечной гласной фонетического слова — оксия в прочих случаях» (прозрачным образом связанного с употреблением вари и оксии в греческом) практически не встречается. Обычно речь идет лишь о расширенном употреблении того или иного знака по сравнению со «старопечатной» системой.

2. Один, два или даже все три акцентных знака могут при определенных условиях быть неиктусными, т. е. служить не для пере-

⁸ Круг словоформ, снабжаемых каморой, в разных памятниках со «старопечатной» системой несколько различен; соответственно, можно различать варианты «старопечатной» системы в зависимости от употребления каморы.

дачи ударения, а для каких-то других целей. Понятно, что эти свойства системы особенно существенны для исследователя, поскольку при незнании их он рискует тем, что использованный им акцентный материал окажется фиктивным. Самыми распространенными типами неуктусного использования акцентных знаков являются:

а) неуктусное *исо* над начальной гласной словоформы, например, *ѡдежда* (или *ѡдѣжда*), *ѣзыкъ* (или *ѣзыкъ*); такое *исо* выступает просто как знак начала словоформы;

б) неуктусная *вария* над конечной неприкрытой гласной словоформы, например, *живая* (или *живѣя*), *вашей* (или *вѣшей*); аналогично *свой* И. ед., *своей*, *вашей* и т. п. (где *и* передает неслоговой звук); такая *вария* есть просто знак конца словоформы.

З а м е ч а н и е 3. В некоторых ранних рукописях над конечной гласной может ставиться особый неуктусный знак, похожий на варию, — так наз. «долгая» (или «лонга»). Этот знак несколько длиннее варию и располагается более полого. Надежно отличить долгую от варию удастся не всегда; но для акцентологического описания достаточно установить, что мы имеем дело с неуктусным знаком.

Прочие виды неуктусного использования акцентных знаков встречаются существенно реже (см. о них в § 3.18). Относительно использования *каморы* для передачи фонемы /ѡ/ см. § 3.19.

В любом акцентуированном памятнике XIV—XVII вв. встречаются пропуски знака ударения; но их количество в разных памятниках весьма различно. Отношение числа обозначенных ударений к общему числу ударений, приходившихся, по нашим предположениям, на рассматриваемый текст, можно назвать «общим коэффициентом акцентуированности» (или, иначе, «общей плотностью акцентовки») данного текста.

Необходимо учитывать, однако, что знак ударения не ставится почти никогда, если сама подударная гласная в силу сокращения (в частности, под титлом) не выписана, и лишь крайне редко, если над подударной гласной стоит выносная буква. Если отбросить все фонетические слова, которые, по нашим предположениям, подпали под действие данного правила, и подсчитать коэффициент в остальной части текста, мы получим «индивидуальную плотность акцентовки», свойственную писцу (или печатнику) данного памятника. В печатных книгах и в некоторых тщательно исполненных рукописях индивидуальная плотность акцентовки близка к 100% (но все же никогда не достигает этой величины). Для подавляющего большинства использованных нами рукописей данная характеристика превышает 60%.

При раздельном подсчете индивидуальной плотности акцентовки для разных категорий акцентно самостоятельных слов, почти во всех рукописях эта плотность оказывается более низкой для служебных слов, местоимений и глагола *быти*. Очевидно, эти слова в каких-то случаях могли быть неполноударными.

У части писцов встречаются также сознательные пропуски акцент-

ных знаков в словоформах, где ударение фактически колебалось: писец предпочитал не брать на себя ответственность за выбор одного из двух или трех возможных ударений и оставлял этот выбор читателю. Такая тактика писца может быть обнаружена с помощью статистики: например, Федор Сеннянский, писец рукописи Сenn., ни разу не выставил акцентного знака в словоформах *предано*, *-оу*, *-а*, *-и*, встретившихся 10 раз, при том, что в Сenn. индивидуальная плотность акцентовки для неслужебных слов составляет 89 %. Несколько реже встречается другая тактика: при колеблющемся ударении выставлять два (или даже три) акцентных знака; так часто поступает, например, писец рукописи Фер.

§ 3.17. Из сказанного выше ясно, что для акцентологического исследования пригоден материал только таких рукописей, в которых полностью выявлена система использования надстрочных знаков. Если рукопись писана не одним писцом, в качестве самостоятельного объекта обследования выступает каждый из почерков⁹. Для выявления системы надстрочных знаков желателен анализ всего материала рукописи (или почерка); при особенно больших объемах можно ограничиться представительной выборкой.

Прежде всего необходимо установить, каков инвентарь используемых в почерке надстрочных знаков и насколько надежно они различаются между собой. Сравнительно безвредны случаи плохого различения самих акцентных знаков, например, вертикальные штрихи, промежуточные по начертанию между оксией и вариет. Гораздо более опасна возможность смещения акцентного знака со спиритусом, паерком (знаком, заменяющим *ъ* или *ь*) или иным неакцентным знаком. В некоторых системах такая опасность снята наличием дополнительного распределения между похожими знаками; например, в Косм. спиритус очень похож на камору, но он может стоять только над неприкрытой гласной, а камора — только над прикрытой. Если же такого распределения не обнаружено, исследователь не имеет права интерпретировать двусмысленные начертания как акцентные знаки; во имя надежности результатов необходимо исключать такие примеры из акцентологического анализа (или по крайней мере особо их оговаривать).

Сходная проблема возникает в тех случаях, когда акцентный знак стоит между двумя гласными — над промежуточной согласной или согласными. Здесь необходимо прежде всего выяснить, нет ли какой-то постоянной для данного почерка манеры смещения акцентного знака. Так, например, Аввакум часто смещает вариет (которая в Дружининском списке [см. § 3.31] встречается не только в конце, но и в середине словоформы) вправо, если она относится к букве *ѣ* (из-за высокой верхней части этой буквы); ср. *велѣ`ль* 200б bis, *зарѣ`жутъ* 201б, *крѣ`пко* 205б, *дѣ`ло* 209б, 212б, *тѣ`ло* 209б, *бѣ`дны* 212б,

⁹ Иногда обнаруживается (по характеру чернил и т. п.), что часть акцентных знаков проставлена позже написания рукописи. Понятно, что подобная «редакторская» акцентовка при разборе не должна смешиваться с основной.

зѣрь 212б, *тѣшилъ* 214б и множество других — во всех этих случаях вариация стоит над следующей за *ѣ* буквой. Напротив, смещение конечной вариации влево для Аввакума нехарактерно. Поэтому, например, несомненно ошибочна интерпретация написания *зѣри* И. мн. 212 (с вариацией над *р*) как *зѣрѣ* (приведенная без всяких оговорок в Колесов 1972, с. 174). Важно отметить, что этот пример ударения *зѣрѣ*, если бы он не был фиктивным, был бы практически единственным во всем ныне известном старовеликорусском материале. Если в почерке каких-либо характерных приемов смещения акцентного знака не выявлено, примеры с двусмысленным положением акцентного знака не должны использоваться (по крайней мере, без специальных оговорок) в акцентологическом исследовании.

Максимального внимания требует вопрос о наличии в рукописи (почерке) неиктусных акцентных знаков. Так, например, рассматривая вопрос о неиктусной вариации над неприкрытой конечной гласной, мы можем столкнуться со следующими ситуациями: 1) надежных примеров неиктусной вариации в почерке нет вообще; 2) встретилось лишь очень небольшое количество таких примеров; 3) неиктусные вариации встречаются сравнительно часто или даже систематически. В случае 1 мы вправе расценивать представленные в тексте конечные вариации как иктусные. В случае 3, напротив, даже такие написания, как, например, *своѣ*, *своѣ*, *судийѣ*, *житиѣ* (где, казалось бы, нет сомнений в конечном ударении), ни в коем случае не могут рассматриваться как акцентно значимые, поскольку в рамках данного памятника они ничем не отличаются от написаний типа *живаяѣ*, *покоѣ*, *знаѣ*, *знаниѣ*; из акцентологического материала памятника они должны быть просто исключены. Наиболее сложен случай 2; здесь можно различить иктусную и неиктусную вариацию лишь на основании статистического критерия: например, окончания *-я*, *-е*, *-ю* в словоформах местоимений *мой*, *твой*, *свой* выступают с конечной вариацией часто или даже систематически, а окончания *-ая*, *-ое*, *-ую* у прилагательных типа *живой* — лишь в качестве редкого исключения. Если же речь идет о редко встречающейся и морфологически нетривиальной словоформе, надежно отличить иктусную вариацию от неиктусной в памятниках этой категории нельзя.

Особую проблему составляют надстрочные знаки, выставленные писцом просто по ошибке. Средневековые писцы лишь в очень редких случаях зачеркивали или выскабливали ошибочный акцентный знак; иногда они ставили правильный знак рядом с ошибочным, а чаще всего просто оставляли такую ошибку без внимания. Особенно велика вероятность ошибочных акцентных знаков там, где писец делал какие-то буквенные исправления. Дело в том, что, подскабливая часть написанного слова (скажем, чтобы заменить *прбидешь* на *прбидѣ*), писец обычно не зачеркивал и не соскабливал ставший ненужным знак ударения (т. е. получалось *прбидѣ* или даже *прбиди*). «Акцентные описки» встречаются в рукописях, по-видимому, не реже, чем буквенные; но выявить их труднее, поскольку случайная за-

мена буквы, как правило, приводит к несуществующей словоформе или дает бессмыслицу, тогда как ошибочное ударение обычно не выглядит как что-то принципиально невозможное. Единственное эффективное средство борьбы с ложной акцентной информацией такого рода — неполное доверие к любым акцентным *haraх* *legomena*, не подтверждаемым системой (ср. выше, § 3.15).

Следует коснуться, наконец, еще одного аспекта, от которого кардинальным образом зависит достоверность извлекаемой из памятника акцентной информации. Речь идет о правильности прочтения текста, его филологической интерпретации. К сожалению, в акцентологических работах можно встретить фиктивные акцентные данные, основанные на ошибочной интерпретации текста¹⁰. Анализ древнерусского текста нередко бывает очень труден; для многих переводных текстов необходимо обращаться к греческому оригиналу. Дело еще более осложняется тем, что трудные места сам переписчик мог уже понимать неверно, т. е. мы не всегда можем быть уверены, какую форму (например, Т. ед. или Д. мн.) он имел в виду, ставя знак ударения. Едва ли можно требовать от акцентолога, чтобы он в полном объеме решал все подобные филологические задачи, возникающие по ходу чтения; однако он обязан правильно оценить степень надежности своей интерпретации. Акцентная информация, полученная из темных или испорченных мест текста, должна либо просто отбрасываться, либо использоваться лишь с соответствующими оговорками. Заметим, что и здесь наибольшего недоверия заслуживают именно акцентные раритеты, не подтверждаемые остальными данными памятника (ср. в этом отношении примеры из сноски 10: почти все они при указанной там неправильной интерпретации резко «выламываются» из акцентной микросистемы Чуд.).

§ 3.18. Рассмотрим более конкретно системы акцентных знаков, используемые в памятниках, на которые опирается настоящая работа¹¹.

¹⁰ Приводим в этой связи несколько существенных для нашего дальнейшего разбора исправлений, касающихся чтения Чудовского Нового Завета: *могутъ* 66а, *преломитъ* 73а (приводимые как презенсы в Колесов 1974, с. 87) — это в действительности существительное и супин, ср. *аз же кьи бѣхъ могоутъ* (*δυνατός*) *взбранити боу* 66а 'а что был я за титак, чтобы воспрепятствовать богу?' (Деян. XI.17), *сбранымъ оучикмъ преломитъ хлѣба* 73а 'когда ученики собрались, чтобы преломить хлеб' (Деян. XX.7); *виноу* 136г, *извѣроу* 114г (приводимые как В. ед. от *вина* 'суфра' и 'из оврага' в Колесов 1972, с. 38, 162) — это Д. ед. от *вино* (I Тим. III.8: *μή σίψη πολλῶν προέχοντας*) и Д. ед. от *изврагъ* 'изверг' (I Кор. XV.8); далее, *водѣ* 45б — не И. мн., а Р. ед. (Ио. VII.38: *ὕδατος ζῶντος*), *слоба* 33а — не В. мн., а Р. ед. (Лук. X.39: *ἤκουε τὸν λόγον*), *слоухи* 144в — не И. мн., а Т. мн. (Евр. V.11: *ταῖς ἀκοαῖς*), *глухѣ* 33б — не мн., а членная форма И. ед. муж. (Лук. XI.14: *ὁ κωφός*), *не воля* 39в — не слово *неволя*, а слово *воля* (Лук. XXII.42: *обаχ* не *воля* *моя* но *твоя* да *будемъ*) (ср. Колесов 1972, с. 43, 201, 144, 217, 20).

¹¹ Не рассматриваются памятники Вас. пс., Вас. сб., Нв. и памятники, перечисленные в § 3.32.

«Старопечатную» систему акцентных знаков (в чистом виде или с совсем незначительными огрехами) имеют, во-первых, все печатные книги, кроме Узк., во-вторых, рукописи (здесь и в последующих длинных списках они перечисляются по алфавиту): Биб., Библ., Дом., Ик., Кирил., Колм., Косм., Костр., Лес., Лук., М. пс., Пат., Пер., Рж., Рум., Ряз., Сел., Тамб., Тит., Тих., Увар., Хл., Хлуд., Яр. Самый ранний из этих памятников — Увар. — относится к 1540-м годам. Особенность Биб. состоит в том, что в Т. ед. здесь выступают написания типа *мною, тобою, женою, трубою* (где вария, возможно, является неиктусной).

Отличия прочих памятников от «старопечатной» системы таковы.

В качестве знака ударения над конечной гласной фонетического слова используется оксия (а не вария): почти регулярно — в Лих. и Амф.; в большинстве случаев — в Лет.; нередко — в Чуд., Час., Ион., Новг.; сравнительно редко — в Т. пс., Ег., Муз., Жит., Кир.; единичные примеры встречаются во многих памятниках.

В качестве знака ударения над неконечной гласной словоформы используется вария (а не оксия): сравнительно часто — в Угл., Ион., Егор., Кир., Авв. (Дружининский список), изредка — в Чуд., Новг.; единичные примеры есть и в других памятниках. В Бук. срединная вария используется для отличения причастий от словоформ презенса, например: *оублаждаемъ онъ ѿ насъ — оублажяемъ мы его*. Отметим, что в Угл. и Ион. вария обычно сдвинута (на одну, иногда даже на полторы—две буквы) влево от соответствующей гласной; напротив, в Авв. вария может сдвигаться вправо (ср. § 3.17). В ряде памятников (в частности, Новг.) в качестве знака ударения изредка встречается двойная вария (так наз. кендема).

В некоторых памятниках расширена (по сравнению со «старопечатной» системой) сфера иктусной каморы. Так, в Чуд. и Дос. камора часто стоит над конечной гласной (т. е. вместо вари); в Чуд., кроме того, она встречается (хотя и не очень часто) также над неконечной гласной. Особо стоит передача через *ѡ*, *ѡ* ударной фонемы /ѡ/, см. § 3.19.

В Час., Нил., Фер., Трав., Цел. знак ударения, как правило, вытесняет спиритус (а не совмещается с ним). В Авв., напротив, при наличии спиритуса (который здесь имеет вид точки под каморой) знак ударения не ставится.

Далее следуют особенности, связанные с наличием *н е и к т у с н ы х* акцентных знаков.

Неиктусное *исо* в начале словоформы (иногда также внутри словоформы после гласной) встречается в следующих памятниках (звездочка здесь и в последующем списке означает, что явление представлено редко): Дос.*, Ев., Ег., Жит.*, Ион.* (только над буквой *ѡ* и изредка над *оу*), Клон.*, Лет.*, Муз., Пр., Сенн.*, Смол., Сол.*, Стар., Такт.*, Т. пс., Фер.*, Хлын., Хрон.* (только над *ѡ*), Цел. Из этого списка к XVII в. относятся только северо-восточные памятники Сол., Хлын., Цел.

Неиктусная вариация над неприкрытой конечной гласной словоформы встречается в памятниках: Амф., Дан., Дос., Ев., Ег., Егор., Карг.*, Кир., Клон., Корн.*, Лет.*, Муз., Нил.*, Новг.*, Печ.*, Пр., Прол.*, Пск., Сенн., Смол., Стар., Такт., Т. пс., Узк., Хр., Час., Чет. (ср. также выше о Биб.). Самый поздний из этих памятников — Печ. — относится к 1605 г. Сверх этого списка в нескольких памятниках (в частности, Увар., Ап.) изредка встречается специфическое употребление неиктусной вариации над неприкрытым конечным *и* для обозначения его слогового характера, например: *обычай* (Т. мн.) Увар. 541б (см. разбор этого присема в Васильев, с. 156—158).

Неиктусная вариация над любой конечной гласной (т. е. даже и над прикрытой) представлена в Дорог. (ср. это же явление в сборнике 1620-х годов, ГИМ, Барсов 1466). Не исключено, что следами данного графического эффекта являются также некоторые труднообъяснимые вариации в Авв., Карг., Смол., Стар., Трав., Т. пс., Хлын.

Оксия вместо спиритуса (т. е. неиктусная оксия над начальной гласной) изредка встречается в Ев., Ег., Пр., Прол., Смол., Стар., Т. пс., Трав., Фер., Час. Самый поздний из этих памятников — Трав. — относится к началу XVII в.

Неиктусная камора над прикрытой конечной гласной словоформы представлена в Ев., изредка также в Такт. и Нил. (все эти памятники относятся к XV в.).

Встречаются также многочисленные мелкие особенности; отметим здесь лишь некоторые из них. Оксия и вариация над буквой *ω* могут быть неиктусными в Такт. и Стар. (т. е. они как бы составляют здесь часть буквы; ср. неиктусное *исо* именно над *ω* в Ион. и Хрон.). Оксия может быть неиктусной над сочетаниями *ръ*, *лъ* (в южнославянских орфограммах типа *съвр̑шити*, *вльна*) в Смол., изредка также в некоторых ранних северо-западных рукописях. Оксия над буквой *i*, стоящей в конце строки, может быть неиктусной в Ион. Вариация над концом словоформы может быть неиктусной в Смол. (возможно, иногда и в других рукописях), если за этой словоформой стоит точка: вариация образует здесь с этой точкой как бы единый знак препинания. Корень *кры-*, *кров-* 'tego, tectum' часто снабжается каморой (безотносительно к месту ударения) во многих рукописях XV—1 пол. XVI в.; камора своим видом как бы иллюстрирует здесь значение слова. Аналогичным образом в Такт. корень *пад-* обычно сопровождается удлинённой вариацией (безотносительно к месту ударения), которая символизирует здесь «падение».

В некоторых памятниках с обозначением ударения сопряжен выбор графемы в паре *ou* — *ŷ*, *и* — *i* или *о* широкое — *о* узкое. Так, в Улож. под ударением обычно пишется *ou*, без ударения — *ŷ* (хотя полной строгости здесь нет). В Фер., Корн., Карг., Кир. и Яр. соблюдается (с разной степенью последовательности) следующая система: в начале и в конце словоформы пишется *и*; в прочих позициях под ударением пишется *i*, без ударения — *и*. В Ап. и более поздних изданиях московской печати под ударением обычно ставится

о широкое, без ударения (кроме позиции начала словоформы) — о узкое.

Специально отметим некоторые графические особенности Чуд. (ввиду важности этого памятника). Начертание спиритуса здесь неустойчиво, поэтому он ненадежно отличается от акцентных знаков. Соответственно, над неприкрытой гласной надежным обозначением ударения обычно можно считать лишь комбинацию спиритуса с оксией или варией (но над *ou* — также и одиночную оксию или варию, поскольку в Чуд. спиритус над *ou* не ставится). Вария, передающая ударение на конечном слоге, в Чуд. может смещаться как влево (создавая иллюзию предконечного ударения, см. Акц. Мер., § 35, замеч.), так и вправо (создавая иллюзию ударения на конечном *ь* или *ь*).

В настоящей работе при цитировании оксия, вария и камора в принципе ставятся в соответствии с оригиналом. При этом, однако, опускаются вария (конечная) и *исо* в памятниках с систематически представленными неиктусной варией и неиктусным *исо* (соответственно); см. списки таких памятников выше (помеченные звездочкой не в счет). Во всех прочих случаях акцентные знаки, которые мы считаем неиктусными, воспроизводятся, но дается соответствующее пояснение. Об особых случаях применения каморы при цитировании см. § 3.19 (конец). Спиритус не воспроизводится, за исключением комбинаций ' и ' в Чуд. (ср. выше). Не воспроизводится также паерок (кроме случая, когда он стоит между согласной и гласной, например: *свин'я*).

СИСТЕМЫ ГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРЕДАЧИ ФОНЕМ /o/ И /ô/

§ 3.19. Для передачи фонем /o/ и /ô/ (§ 3.3) в памятниках XIII—XVII вв. служили «графемы»¹² класса *O*: *o* узкое, *o* широкое, *o* единое (т. е. обычное *o*, выступающее в графических системах, где нет различия *o* узкого и *o* широкого) и ω . Существовало несколько систем графического различия фонем /o/ и /ô/.

1. Омеговая система: /ô/ передается через ω , /o/ — через *o* узкое, *o* широкое, *o* единое.

2. Каморная система: /ô/ передается через графемы класса *O* с каморой, /o/ — через те же графемы без каморы.

3. Узколитерная система: /ô/ передается через *o* узкое, /o/ — через *o* широкое и ω .

4. Широколитерная система (обратная предыдущей): /ô/ передается через *o* широкое, /o/ — через *o* узкое (графема ω обычно выступает в этой системе как обобщенное обозначение обеих рассматриваемых фонем).

¹² Об этом термине см., в частности: Зализняк А. А. О понятии графемы. — В кн.: Valcanica. Лингвистические исследования. М., 1979.

Помимо этих четырех «чистых» систем, встречаются также комбинированные.

Система 2 + 3 («каморно-узколитерная»): /Ѡ/ передается через любую графему класса *O* с каморой, а также через *o* узкое без каморы, в прочих случаях графема класса *O* передает /о/.

Система 1 + 2 + 4 (ее можно назвать «кумулятивной»). Основное значение здесь имеет выбор графемы: *ω* и *o* широкое передают /Ѡ/, *o* узкое — /о/. Дополнительным средством является камора, а именно, *ω* и *o* широкое почти всегда выступают с каморой (кроме начала словоформы), а *o* узкое — обычно без каморы. Комбинация *o* узкого с каморой в односложных словоформах передает /о/; в неодносложных словоформах (где она встречается очень редко) ее значение менее ясно, но, по-видимому, это тоже /о/.

Каморную систему (самую распространенную) впервые обнаружил Л. Л. Васильев, омеговую — независимо друг от друга В. В. Колесов, О. А. Князевская и Дж. Шевелев, узколитерную (а также каморно-узколитерную) — Е. В. Тугай (Стадникова), широколитерную (а также ккумулятивную) — автор настоящей работы.

Из памятников с различием /о/ и /Ѡ/, используемых в настоящей работе, омеговую систему имеют: Мерило, Лес., Трав. (также евангелие МГУ № 1367 и Венский октоих, см. § 3.3); каморную — Час., Т. пс., Лих., Новг., Ег., Вас. пс., Сени., Егор., Пск., Дос., Хл., Прол.; широколитерную — Пат., Жит., Узк., Чет., Хр.; каморно-узколитерную — Муз., Вас. сб.; ккумулятивную — Амф. (узколитерная система в чистом виде пока известна только в почерке 7—666 рукописи ГИМ, Хлуд. 147Д).

Поскольку в настоящей работе ради упрощения набора различие между *o* узким и *o* широким не передается, при цитировании памятников с системой 4 (или 1+2+4) используется условный прием «перевода» записи в каморную систему, а именно, *o* широкое (не в начале словоформы) передается как *Ѡ*. Точнее говоря, *o* широкое с оксией передается в виде *Ѡ̇*, с вариет — *Ѡ̇̇*, с каморой *Ѡ̇̇̇*, без акцентного знака — тоже *Ѡ̇̇̇*, но с пометой «б. уд.» после словоформы. Случаи, когда в системе 2+3 использовано *o* узкое без каморы, при цитировании оговариваются.

§ 3.20. Необходимо учитывать, что практически во всех памятниках, различающих /о/ и /Ѡ/, существуют те или иные графические позиции, в которых выбор графемы класса *O* подчинен каким-то механическим правилам, не связанным с передачей /о/ и /Ѡ/. Особенно часто такую позицию образует начало словоформы; например, в ряде памятников с омеговой системой в начале словоформы ставится *ω*, безотносительно к тому, какая из двух фонем там выступает. Подробнее о частных правилах такого рода см. Новые данные, § 23—24.

Важнейшим свойством всех перечисленных систем, без знания которого нельзя эффективно использовать материал памятников, является принцип факкультативности выраже-

н и я фонемы /ѡ/. Он состоит в том, что «знаки для /ѡ/» (т. е. графемы или их комбинации, передающие в данной системе фонему /ѡ/), могут в принципе употребляться и там, где фактически произносилось /ѡ/, тогда как обратное неверно. Иначе говоря, «знак для /ѡ/» может использоваться также в качестве общего безразличного обозначения для фонемы «типа о» (т. е. как /ѡ/, так и /ѡ̆/). Запись фонемы /ѡ̆/ через «знак для /ѡ̆/» мы будем называть *п о л н о й*, а через «знак для /ѡ/» — *у п р о щ е н н о й*. С точки зрения писцов, использование упрощенной записи не было ошибкой; это было вполне допускаемое правилами «облегчение» письма, сходное с различными сокращениями, выносом букв над строкой и т. п.

Под *к о э ф ф и ц и е н т о м* *в ы р а ж е н н о с т и* /ѡ̆/ (в некотором тексте) понимается отношение числа полных записей фонемы /ѡ̆/ к общему числу ее записей (при этом, однако, из подсчета выбираются те точки, где в силу каких-либо частных правил, действующих в данной графической системе, выбор графемы класса *О* не связан с противопоставлением /ѡ/ и /ѡ̆/). Подробнее о факультативности выражения /ѡ̆/ и о коэффициенте выраженности /ѡ̆/ см. Новые данные, § 16—22.

В ряде рукописей различие /ѡ/ и /ѡ̆/ достаточно последовательно проводится только в тех точках, где писец поставил знак ударения (в качестве такового выступает и камора); в прочих точках различие проводится небрежно или даже вовсе отсутствует. Соответственно, важным показателем здесь оказывается коэффициент выраженности /ѡ̆/ не в тексте в целом, а в совокупности акцентуированных словоформ.

В Мериле коэффициент выраженности /ѡ̆/ (за вычетом словоформ, находящихся в некоторых особых условиях, см. Новые данные, § 20) составляет около 97%. Высокий коэффициент выраженности /ѡ̆/ в совокупности акцентуированных словоформ (выше 95%) имеют: Час., Т. пс., Новг., Вас. пс., Вас. сб., Муз., Амф., Чет., Хр., Жит., Дос., Узк. (в подсчеты не включены спорные примеры и иные особые случаи). Несколько ниже (70—90%) этот коэффициент в Пат., Лес., Хл., Трав. В рукописях Сѣнн., Лих., Ег., Прол., Егор., Пск. этот коэффициент столь низок, что из них удается извлечь лишь очень немного сведений о распределении /ѡ/ и /ѡ̆/.

Памятники, различающие /ѡ/ и /ѡ̆/ (в соответствии с великорусским или смешанным принципом, см. § 3.3), представляют для акцентологии большую ценность. Во-первых, сведение о том, что в памятниках определенной диалектной группы в некоторой словоформе представлено /ѡ/ (или /ѡ̆/), в принципе позволяет восстановить, с учетом особенностей данного диалекта, акцентуацию этой словоформы в раннедревнерусском. Особенно существенны показания этого рода для разграничения исконных ортотонических словоформ и энклиноменов (о восстановлении акцентной истории слова по огласовке /ѡ/ или /ѡ̆/ см. также § 3.5).

Во-вторых, поскольку фонема /ô/ выступает в памятниках указанного класса в нормальном случае под ударением (а без ударения только в особых, строго определенных случаях), мы часто можем, зная фонемный состав некоторой словоформы из памятника, определить ее ударение, даже если писец не поставил над ней акцентного знака¹³. Это обстоятельство немаловажно для памятников с редкой акцентуацией, но, конечно, наибольшее значение оно приобретает для неакцентуированных памятников.

Самым показательным примером здесь является Мерило. Эта исключительно важная для русской исторической акцентологии рукопись XIV в. не акцентуирована. Все сведения об ударении в соответствующей микросистеме «вычислены» по написаниям, содержащим *o* и/или *ω* (которые отражают соответственно /o/ и /ô/). Так, исходя из § 3.3, п. 4, мы должны, например, заключить, что написания *злω*, *добрω*, *заклнъ*, *проценлω*, *положенлω* однозначно указывают на конечное автономное ударение, *гннть*, *готлви* — на предконечное, *то*, *кто*, *просто*, *городъ*, *свободно*, *таково* — на статус энклимена. Разумеется, во многих случаях ударение устанавливается таким методом неоднозначно, а при отсутствии в словоформе букв *o*, *ω* оно вообще не может быть установлено. Полные правила установления ударения по написаниям Мерила см. в Акц. Мер., § 2—4.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПАМЯТНИКИ

§ 3.21. Единичным объектом анализа в настоящей работе является: в рукописи — отдельный почерк, в печатном издании — все издание. Лишь в некоторых особых случаях многопочерковая рукопись рассматривается как единый объект анализа (см. ниже о Чуд. и Мер.). Всякий единичный объект анализа может быть для краткости назван просто памятником. Если в рукописи рассматривается только некоторая ее часть, то соответствующее условное обозначение (например, Мер., Прол.) относится именно к этой части, когда речь идет о любых языковых (в частности, акцентологических) характеристиках; но то же обозначение может быть использовано и применительно к рукописи в целом, когда речь идет о ее неязыковых характеристиках (время и место создания, состав и т. п.).

Особый случай составляет группа из двух или более рукописей (или их частей), написанных одним и тем же писцом (мы будем именовать такую группу «блоком»). Как показывает анализ, с акцентологической точки зрения блоки в большинстве случаев можно рассматривать как единые объекты.

Использованные памятники делятся на основные (образующие

¹³ Заметим, что при каморной системе знак ударения ставится рядом с каморой далеко не всегда (а в некоторых рукописях почти никогда не ставится); таким образом, сам писец здесь фактически рассматривает знак закрытости (камору) одновременно и как знак ударения.

главную базу последующего анализа) и дополнительные. Основные памятники обследованы автором по некоторой относительно единой¹⁴ программе (достаточно обширной), почти все в полном объеме¹⁵. Каждая из соответствующих акцентных микросистем изучена, таким образом, относительно полно. К числу дополнительных отнесены памятники, где по тем или иным причинам акцентная система выявлена не столь полно. Таковы прежде всего памятники, содержащие мало материала или обследованные по неполной программе; по последней причине сюда попадают, в частности, все памятники, материал которых почерпнут нами лишь из публикаций или из чужих росписей.

Часть дополнительных памятников обследовали (по программе, близкой к той, которая принята для основных памятников) аспиранты и студенты, работавшие под руководством автора: Е. А. Аксёнова — Бук., Дан., Ег., Лук., Пр., Сел., Тит., Тих.; Е. В. Тугай (Стадникова) — Лес., Муз., Узк., Пат. (последний памятник был прочитан также автором); К. К. Богатырев — Нил. (и Нил. М, Нил. Т). Кроме того, С. М. Евграфова обследовала прилагательные в Цв., М. А. Кронгауз — глаголы в Ап. (оба этих основных памятника были прочитаны также автором). В настоящей работе использованы как опубликованные (см. библиографию), так (с любезного согласия авторов) и неопубликованные результаты этих обследований.

Филиграни рукописей: Биб., Амф., Ик., Клон., Стар., М. пс., Цел. — определены А. А. Туриловым, Дос. — Б. М. Клоссом, Час. — Л. П. Грязиной (Саенко).

Ниже перечисляются (по географическим районам) использованные памятники. В начале каждого раздела даются основные памятники; дополнительные специально отмечены. Если памятник обследован не в полном объеме, это оговаривается; следует учитывать, однако, что в таких случаях сверх обследованного фрагмента обычно просматривались и другие части памятника и некоторые примеры из них могут быть использованы в работе в дополнение к основной выборке.

Г. Новгород

§ 3.22. Час. — основной почерк (187—462) часослова, входящего в состав рукописи: Псалтирь с воследованием (623 л.), ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 329. Данная часть рукописи относится к по-

¹⁴ Неполное единство связано с тем, что по ходу работы программа расширялась и уточнялась. Соответственно, памятники, обследованные в начальной стадии работы, были позднее прочитаны заново.

¹⁵ Исключение составляют крупнообъемные памятники Фер., Увар., Биб., Библ., которые не было возможности расписать целиком; в каждом из них обследован фрагмент объемом в 35—50 тыс. акцентуированных словоформ (т. е. превосходящий по длине большинство прочих рукописей, взятых в их полном объеме).

следней четв. XV в. (филиграни зафиксированы под 1484, 1485 гг., см. Глаг. акц., § 13).

Т. пс., т. е. Троицкая псалтирь — почерк (не совсем ясно, единый ли) псалтири (1—186б) в составе той же рукописи. По-видимому, близок по времени к Час. (филиграней в этой части рукописи нет).

Лих. — Пролог, мартовская половина (267 лл. в два столбца). ГПБ, Соф. 1345. Писан с апреля по август 1501 г. повелением игумена св. Спаса валаамского Якима (явно в самом этом монастыре, т. е. на острове Валаам на Ладожском озере); писал дьяк Гридица Лихач¹⁶. Исследовано по микрофильму.

Новг. — Псалтирь лицевая (339 лл.). ГИМ, Увар. 592 (по Леониду 13). Почерк единый. Как гласит запись, книга «свершена» в 1548 г. при новгородском архиепископе Феодосии. Богатейшее, поистине роскошное оформление рукописи указывает на крупный центр, т. е. на Новгород или Псков; однако Псков можно считать практически исключенным из-за отсутствия слова «псковский» в титуле архиепископа.

Дополнительные памятники. Окт. — л. 1 рукописи: Октоих (260 лл. в два столбца, пергамен), ГИМ, Синод. 199. Новгород, 1436 г. Первый лист написан особым почерком, с плотной чисто русской акцентуацией. Основной почерк (2—260) акцентуирован очень слабо, причем со значительными южнославянскими примесями.

Ег. — Евангелие-тетр (212 лл.). ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 20. Рубеж XV и XVI вв. (филиграни зафиксированы под 1489—1504, 1491—1515, 1492, 1498—1502 гг.).

Пр. — Пролог, мартовская половина (350 лл. в два столбца). ГБЛ, ф. 247 (Рогожское собр.), № 461. Новгород, 1518—19 г. Писал Ильинский дьякон Тимофей Никифоров сын Попов.

Муз. — часть 1—226б (без листов 51, 121, 122, 178; один или, может быть, два почерка) в рукописи: Евангелие-тетр (365 лл.), ГБЛ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3650. 1-я пол. XVI в. (филиграни зафиксированы под 1510—13, 1523, 1525—38 гг.). Рукопись принадлежала монастырю Св. Духа в Новгороде.

Пат. — почерк 566а—662в (за вычетом ряда вкраплений, см. Тугай 1983) в рукописи: Патерики Печерский, Синайский, Азбучный, Скитский, Египетский (782 л. в два столбца), ГИМ, Синод. 216. Рассматриваемый почерк относится к Скитскому патерику. В послесловии к Печерскому патерику указано, что он писан в Новгороде в 1553 г. Следует полагать, что это верно и для остальной части рукописи (филиграни зафиксированы под 1550 и 1553—55 гг.).

Вас. пс. (Васильевская псалтирь) — Псалтирь (227 лл.). ГПБ, F.I.7., XVI в. (по-видимому, 1-я пол.).

¹⁶ Рукопись отмечена в работе Колесов 1973а, с. 126; к сожалению, дата (в записи — 7009) ошибочно расшифрована в этой работе как 1491 г.

Вас. сб. (Васильевский сборник) — Сборник (496 лл.). ГПБ, Соф. 1460, XVI в. Эта и предшествующая рукописи были исследованы Л. Л. Васильевым в его основополагающей работе (Васильев). Ниже они цитируются по этой работе, а также по работам В. В. Колесова (Колесов 1972, 1974, 1978а, б), где эти рукописи обозначены соответственно как Псл. и Сб. 0.

Важной особенностью новгородской группы рукописей (кроме Пр.) является графическое различие фонем /ɔ/ и /ɔ̆/. Для этого используются системы (см. § 3.19): в Час., Т. пс., Лих., Новг., Ег., Вас. пс. — каморная, в Муз. и Вас. сб. — каморно-узколитерная, в Пат. — широколитерная. Интересно отметить, что три примера применения каморной системы встретились уже в Октоихе 1436 г. (но не на первом листе, а в начале основного почерка: *грѣхѡ|въ* За, *живѡтъ* Зб, *плѡтию* Зб).

Почти во всех рукописях этой группы имеются случаи смешения *ѣ* и *и*, в т. ч. под ударением (обычно, правда, наряду с некоторым числом смешений безударных *ѣ* и *е*); в Час., Лих. и Пр. есть примеры смешения *џ* и *ч*. В большинстве рукописей есть примеры написаний типа *кровѣ*, *скорбѣ* (вместо *кровь*, *скорбь*). Лингвистически значимых примеров смешения *а* и *о* не отмечено.

Отнесение к данному району тех памятников, где нет записей (Час., Т. пс., Муз., Ег., Вас. пс., Вас. сб.), основано на их сходстве с заведомо новгородскими памятниками по целому ряду признаков — прежде всего по графическому выражению фонем /ɔ/ и /ɔ̆/ (и характеру их распределения) и по акцентной системе. На карте 2 новгородские памятники условно помещены в разные части соответствующего района, чтобы таким способом отобразить большее или меньшее сходство их акцентных систем с системами соседних районов; так, например, Муз. и Новг. обнаруживают ряд акцентных сходств с более восточными памятниками, Пат. — с псковскими.

II. Обонежье

§ 3.23. Сенн. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия от Матфея и от Марка (219 лл. в два столбца). ГИМ, Синод. 302 (по Горск. Нев. 87). Писано в 1499—1500 гг., при архиепископе Геннадии повелением игумена св. Спаса валаамского Якима (ср. выше Лих.); писал священноинок Феодор «Сѣнняньской». Таким образом, писец, по-видимому, происходит из Сенной Губы (Сенногубский погост на Большом Климецком острове Онежского озера). Изредка встречается камора над *о* и *ω* (для передачи /ɔ̆/), а также над *ѣ* и *у*. Отмечены случаи смешения *џ* и *ч*. Часто смешиваются *ѣ* и *и* (как без ударения, так и под ударением), тогда как случаи смешения *ѣ* и *е* крайне редки; написание *въ телѣжнѣй поу^м* 133г (с *ле*, а не *лѣ*) соответствует диалектному произношению *телѣга*, характерному для современных онежских и лачских говоров. Отме-

тим следующие примеры диалектной морфологии: ω^m *злббѣ* 86б, *всякыѣ злббѣ* 12г, *с высотѣ* 113г, *до высотѣ* 147б, *ббле шлнѣ* (Р. ед.) 54г; *тѣи* 'те' 34а, 164а; *кѣ шлѣ* 165а.

III. Псков

§ 3.24. Егор. — Евангелие учительное, лицевое (570 лл.). ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 80. Почерк единый. По оценке Н. Б. Тихомирова (устное сообщение), конец 1530-х—начало 1540-х годов.

Пск. — Житие и творения Феодора Студита (361 л.). ГБЛ, ф. 242 (собр. Прянишникова), № 134. Как явствует из записи, книгу написал в 1590 г. священник Фома, «служитель святого великомученика Дмитрия из придела от Покрова пресвятой Богородицы изо Пскова», и отдал ее в Крыпецкий монастырь (дата не полностью надежна, так как именно это место записи надорвано).

В обеих рукописях изредка встречается (в Егор. несколько чаще, чем в Пск.) камора над *о* для передачи / δ /; при этом, хотя коэффициент выраженности / δ / крайне низок, ошибочных камор почти нет, т. е. мы имеем дело с еще живой системой различения / σ / и / δ /. В обеих рукописях встретились единичные примеры смешения *ц* и *ч*; многочисленны примеры смешения *ѣ* и *е* (обычно без ударения, изредка под ударением) при отсутствии случаев смешения *ѣ* и *и*. Имеются также некоторые примеры смешения *о* и *а* (правда, не совсем показательные). Часты написания *люббѣвъ*, *црковѣвъ*, *удббѣ* и т. п. Отметим особо: Пск. *оу брѣтъю* 'в братию' 315б, *испраливаютъ* 76 (л вместо вл), *сѣвы*. . . *сѣрбьскомоу* Д. ед. 35б; Егор. *воуже* 'веревка' 470б, *-емъ* 470б, *возрастю* 'взрачу' 412б (+ 417, 418б). В Егор. многократно встретилось смешение Р. мн. и М. мн. у существительных, например: *паче всѣхъ твѣрехъ* 346б, *паче прѣчихъ звѣрехъ* 396б, *умртвие свиняхъ* 336б, *по всѣхъ градѣхъ и странѣ* 392 и ряд других. Особенно важно то, что в Егор. и Пск. представлена почти одинаковая акцентная система (в то же время несколько отличная даже от географически наиболее близких систем). Это сходство является наиболее веским аргументом для отнесения Егор. к тому же району, что и заведомо псковская рукопись Пск.

Дополнительный памятник. Нв. — Новгородская летопись. БАН, 34.4.32; лл. 384—634. 1-я четв. XVII в. По В. В. Колесову, предположительно Псков (Колесов 1972, с. 240); не исключено, впрочем, и новгородское происхождение памятника. Цитируется по работам Л. Л. Васильева (Васильев) и В. В. Колесова (Колесов 1972, 1974, 1978а, б).

IV. Смоленск

§ 3.25. Смол. — Сборник епитимийных правил и уставов (178 лл.). ГБЛ, ф. 173 III (собр. Моск. духовной академии), № 108. Смоленск, 1580 г. Писал поп церкви Иоанна Богослова Михайла Фомин сын

Попов. Рукопись с множеством проявлений диалектной фонетики, в частности, с многочисленными смешениями *ѣ* и *е* (во всех позициях), безударных *о* и *а*, безударных *е* (также *ѣ*) и *и*; показательно *по мунастыремъ* 123б. Часты написания *крѡвъ* 'кровь', *цѣрковъ* и т. п.; отметим также *в монастырь* 122, *пáстырь* 127б, *рызы* 'ризы' 60. Имеются единичные примеры смешения *ц* и *ч*. Из морфологии отметим: *жены* Д. ед. 160б, *пуцѣнѣцую* Т. ед. 42, *о приходящи^х сѣцнни-кѡвъ* 128б.

V. Ближний запад

§ 3.26. Мер. (или Мерило) — Мерило Праведное XIV в. ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 15¹⁷. Ниже рассматривается только часть рукописи — т. наз. зона А (см. Новые данные, § 9), охватывающая не менее трех почерков. Памятник подробно описан нами в работах: Новые данные, Противоп. и Акц. Мер. Рукопись не акцентуирована, но в ней различаются /*о*/ и /*ѡ*/ (омеговая система), что дает возможность извлекать из нее акцентологическую информацию; см. об этом § 3.20 и подробнее — Акц. Мер., § 4. Предположительная локализация говора Мерила — от южной части Тверского княжества до юго-западных границ (будущей) великорусской территории; см. Новые данные, § 14 и Противоп., § 31. К диалектологически значимым особенностям Мерила, указанным в этих работах, можно добавить следующие.

1. Безударные окончания М. ед. *-ум* (в *дѡлгум* и т. п.) и Д. М. ед. *-уй* (в *дѡлгуй* и т. п.), которые естественно сопоставить с *-умь*, *-уми*, выступающими в Мериле (*всякѡумь*, *всякѡуми*, *котурѡумь*, *сельскѡумь* и др., см. Противоп. § 29), представлены, во-первых, во многих полесских говорах (белорусских и украинских)¹⁸, а также в восточно-могилевских, *-ум* еще и в полоцких и некоторых минских (см. ДАБМ, карты 118, 122), во-вторых, в отдельных пунктах Псковской, Калининской, Смоленской и Калужской областей (Атлас сводный, карта 47 — для *-ум*; Мат., вып. 8, с. 112 [г. Торопец]; Чернышев Пущк., с. 384).

2. По частным особенностям распределения /*о*/ и /*ѡ*/, отраженным в табл. 4 (§ 3.4), Мерило попадает в северный тип великорусских источников, различающих /*о*/ и /*ѡ*/ . При этом, правда, нельзя считать показательными те пункты, где в Мериле представлены архаизмы (например, /*ѡ*/ в *его*, *село*), поскольку они могут определяться просто древностью Мерила. Наиболее показательны здесь инновации — прежде всего /*тѡт*/ и Д. мн. /*-эм*/. Огласовка /*ѡ*/ в *тѡтѡ* Мер. 149, 225 объединяет Мерило с ближнезападными памятниками Чет. и Хр. и с северо-восточными говорами (тотемским, вятским, см. Противоп., § 8); ср. еще *тѡтѡ бо* 271 в одном из почерков конеч-

¹⁷ Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.

¹⁸ Южноукраинские говоры в расчет не принимаются, поскольку здесь *у* (*ю*, *и*) в рассматриваемых окончаниях определяется просто закрытостью слога.

ной части рукописи Прол. Напротив, архаичный вариант /тэт/ отражен в южновеликорусском Трав. и в задонском говоре (Тростянский, с. 57, 135, 155, 156), а также в галицко-волинском евангелии МГУ № 1367 и в укр. *тѣт*. Далее, /-эм/ в Д. мн. объединяет Мерило прежде всего с ближнезападными (Чет., Хр., Жит.) и с северо-западными памятниками (Час., Т. пс., Новг., Вас. сб. и др.), тогда как в Трав. (а также в полесских говорах) сохраняется архаичное /-ѡм/.

3. В Мерило (в зоне А) компаративы *меньше*, *оунше* и их производные (*менишця*, *менишньствѡ*) последовательно пишутся с *ниш*, а не *нши* (всего 20×), за исключением *меньши* 263б. Это можно было бы считать чисто орфографическим явлением, если бы не то обстоятельство, что перед суффиксами *-ск-* и *-ств-* о столь же последовательно пишется *нь* (равно как *ль* и *рь*), а не *н*, *л*, *р*, например: *женьско*, *влинскихъ*, *равенство*, *мирьске*, *коварство* (при том, что после других согласных изредка встречаются и написания без *ь*: *иерусалимско*², *городскихъ* и др.). В настоящее время твердое *н* в компаративах типа *меньше*, *тоньше* представлено в украинском и белорусском языках, а в русском языке в северных говорах, в рассеянном распространении также в западных среднерусских и в юго-западных говорах (Диал. член., карта 4). Примерно такую же зону распространения имеют и случаи сохранения в русских говорах мягких *н'*, *р'* перед *-ск-* (см. Образ., с. 205); в белорусском это явление отмечается во многих говорах (см. там же), для украинского оно представляет собой норму.

4. В Мерило встретилось написание *многѡ* 226б, которое, по-видимому, отражает колеблющееся ударение. С этим следует связать: Хр. *многѡ* 242, *многѡ* (5×: 877 и др.), Т. пс. *многѡ* 1, *многѡ* 446; Муз. *многѡ* 212, также *многѡ* (3×) и *многѡ* (7×) с узким *о* после *г*, что в данной рукописи соответствует фонеме /ѡ/; Лет. *многѡ* 167б; Цел. *многѡ* (часто), *непомногѡ* 93б, *неотмногѡ* 67. Далее, в современных говорах: [тпагѡ] под Мосальском (Брок 1916, с. 31, 120, 126), под Мещовском (Мат., вып. 11, с. 56), в северной части Брянской обл. (МДК, вып. 3, с. 158; Мат., вып. 9, с. 203), *многѡ* в Торопце (Мат., вып. 8, с. 114).

5. В Мерило последовательно проведено необычное для восточнославянских памятников ударение *икѡномъ* (*икѡномъ*, *-а*, *-у* и т. д., см. Акц. Мер., § 22), не соответствующее греческому οἰκονομος. Обнаружены следующие следы такого ударения: Дос. *икѡнома* В. ед. 9б (при более частом *икѡндѡмъ*), Пат. *икѡно*³ 568а, *къ икѡномоу* 628а. Кроме того, в словаре Берынды (Бер. 54) дано *домостройте*⁴: οἰκονομος; возможно, перед нами свидетельство существования у книжников западной Руси особого «провинциального» акцентного варианта этого греческого слова.

Отметим также несколько написаний из Мерила, имеющих меньшую доказательную силу, поскольку они вполне могли быть перенесены из оригинала; *охвѡчь* 'охочий' 31 (*хв* в этой основе характерно для украинского и белорусского языков и для новгородских, псковских и архангельских говоров); *ширынѣ* (В. мн.) *мѡрьскиѣ*

35б (ср. блр. *шырыня* и прочие на *-ыня*); с другой стороны, *приперетися* 'опереться' З (ср. рус. *-переть*, в отличие от укр. *-пéрти*, блр. *-пéрці*); *рвы* В. мн. 26б (ср. рус. *ров*, *рва*, в отличие от укр. *рiв*, *рóву*, блр. *роў*, *рóва*).

В целом приведенные здесь дополнительные факты подкрепляют указанную выше локализацию говора Мерила. Если исходить из сетки позднедревнерусских диалектных зон, предложенной Г. А. Хабургаевым (Хабургаев 1980, § 86 и карта 16), Мерило должно быть отнесено к центральной диалектной зоне, причем, по-видимому, к ее северо-восточному углу. Наиболее вероятен район, очерченный примерно так: Ржев — Торопец — Смоленск — Мосальск.

Дос. — Синайский патерик в редакции Досифея Топоркова (инока Иосифо-Волоколамского монастыря, племянника Иосифа Волоцкого), 296 лл. ГИМ, Увар. 883 (по Леониду 960). Филигрань — Брике, № 13909 (1525 г.). Почерк единый. В пространном послесловии от лица Досифея сообщается, что по благословению и повелению архиепископа Великого Новгорода и Пскова Макария он (Досифей) переработал старые неисправные переводы Синайского патерика и что он начал писать в 1528 г., а кончил в 1529 г. Поскольку почерк писца не совпадает с известными автографами Досифея Топоркова (сообщение Б. М. Клосса), мы имеем здесь дело не с оригиналом, а со списком, в котором воспроизведена запись оригинала. Судя по филигрань, рукопись создана вскоре после указанной в ней даты. По-видимому, писец был связан, как и сам Досифей, с Иосифо-Волоколамским монастырем. Это предположение согласуется также с тем, что в рукописи имеются случаи смешения безударных *о* и *а*, *е* и *я*, безударных (изредка также ударных) *ѣ* и *е*. В рукописи различаются /*о*/ и /*ѳ*/ (каморная система). Камора часто используется в качестве знака ударения также над *ѣ* и *ѣ*. По распределению фонем /*о*/ и /*ѳ*/ Дос. относится к переходной группе, см. § 3.4, табл. 4. Важнейшее отличие от новгородских рукописей состоит здесь в том, что безударное *-го* (в *нашего*, *сильнаго*, *живѳго* и т. п.) не имеет здесь каморы; этим Дос. объединяется с московскими и южными рукописями (Узк., Лес., Хл., Трав.).

Фер. — Кормчая, так наз. Ферапонтовская (1001 л.). ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 248. По-видимому, 1540-ые гг. (см. Правда Русская, I, с. 235—236). Вложена в Ферапонтов монастырь его бывшим игуменом Касьяном (известен как игумен в 1543 г.). Нами обследованы: 468—556б, 748—853, 957—1001. Имеются отдельные случаи смешения безударных *о* и *а*, безударных *е*, *ѣ* и *я*. Отражение аканья не позволяет отнести рукопись к месту ее вложения. По характеру акцентной системы она тоже сильно отличается от белозерских и вологодских памятников и более всего похожа на памятники ближнего запада (в особенности Дос., Дан., отчасти Стар., Рж.).

Лет. — основной почерк (1—432б, строка 3) так наз. Троицкого летописца (439 лл.), ГИМ, Синод. 645. По М. Н. Тихомирову, ру-

копись написана «примерно между 1544 и 1550 гг.» (Тихомиров 1942, с. 274). В рукописи нередко встречается *ô*, но системы различения /*ɔ*/ и /*ô*/ здесь в действительности нет: широко представлены не только написания без каморы типа *мнôго*, *кôнь* и т. п., но и написания с ошибочной каморой типа *гôло*^о, *гôрода*, *вôлохи*, *кô граду*, *пô граду*^а и т. п. По-видимому, в говоре писца противопоставление фонем /*ɔ*/ и /*ô*/ уже было разрушено. Какая-то часть камор могла быть перенесена писцом из оригинала. В Лет. многократно встречается смешение безударных *o* и *a*, а также смешение *ѣ* и *e* во всех позициях. Встречаются написания *ѣрѣвъ*, *кровѣ* 'кровь', ср. еще *дôроговѣ* 'дороговица' 150б, *долôвъ* 'долой' 308, а также гиперкорректные написания типа *покрôвъ* 'покров' 40, *из угрôвъ* 96б; отметим еще *оу явузы* 'у Яузы' 366, *въ ѣзское мѣсто* 295. Из случаев смешения *ц* и *ч* существенно *на личи* 'на лице' М. ед. 88б (менее показательны *не ѡцѣтятся* 37)¹⁹. Примеры *постихающе* 116 (*x* вместо *г*), *четвѣ*^в 138 (без *г*), вероятно, обусловлены фрикативным характером *г*; но это не вполне надежно. Из морфологических особенностей наиболее показательны: Р. ед. с *мôсквъ* 243б, *из вѣткѣ* 291б, *ѡ вѣткѣ* 293б, *сестры и аниѣ* 80, *у... странѣ* 'у стороны' 397б; М. ед. на *рѣкѣ* 168б, *на... рѣкѣ* 372, *на рѣцѣ* 182, *ѡ рѣкѣ* 113, *в руки* 163 (исправлено на полях на *в руцѣ*), *в орды* 202, *въ мнôзѣ же бѣды* 14б, *въ градѣ*^{юс} *москвы* 347б; Т. мн. с *рôды своѣмы* 87б. Для локализации памятника особую ценность представляют также несколько частных акцентных особенностей, известных в современных говорах. Таковы: *молонѣ* 338, с *молонѣю* 335, с *молмѣю* 365, *маланѣю* 338б, *моланѣями* 173; *туча* И. ед. 247 (при более частом *туча*); *дочкѣ* В. ед. 391б; *толстôе* 84 (ср. также фамилию *толстôи* 337); *помôжѣ*^м (2 уд.) 142. Диалектологический анализ (который мы здесь опускаем) приводит к выводу, что совокупность диалектных особенностей, отраженных рассмотренными выше написаниями, указывает на территорию к западу от Москвы. Правда, едва ли возможно указать современный говор, в котором соединились бы сразу все эти особенности²⁰; но можно выделить район, где из них почти все присутствуют, а остальные распространены неподалеку: это примерно треугольник Торопец—Ржев—Вязьма. Если не ограничиваться зоной фрикативного *г* (для Лет. этот пункт не совсем ясен), то другим таким районом оказываются западнопсковские говоры. Характер

¹⁹ Непоказательны смешения *ц* и *ч* в географических названиях: *каменѣч* 46^а *галицѣ* 47, *сѣслоцѣ* 47б, *воронач* 49 и нек. др. В рукописи (неакцентуированной) ГИМ Увар. 188, которая списана с того же протографа, что Лет. (см. Тихомиров 1942, с. 274), в соответствующих местах во всех этих названиях выбор между *ч* и *ц* сделан совершенно так же. Таким образом, эффекты цоканья здесь следует считать перенесенными из общего протографа.

²⁰ Например, в настоящее время, по-видимому, не соединяются ударение *толстôи* (северновеликорусские и псковские говоры) и ударение *туча* (срединная часть южновеликорусских говоров и Подмосквье).

акцентной системы Лет. заставляет предпочесть первую из этих возможностей: в этой системе восточных черт почти столько же, сколько западных (что характерно для ряда памятников ближнего запада); между тем, например, система Пск. — целиком западная.

Хр. — Хронограф лицевой (1442 л.). ГБЛ, ф. 98 (собр. Егорова), № 202. Филигрань зафиксирована под 1584—92 гг. (Клосс 1980, с. 206). За вычетом листов 413, 414, 597, 604, 613, 620, 694 почерк единый. Судя по роскошному оформлению, рукопись была изготовлена для очень высокопоставленного заказчика, скорее всего для царя. Различаются /з/ и /д/ (широколитерная система). После ч всегда пишутся я, ю, и, ь, после ж, ш, щ и ц — всегда а, у и часто ы, ъ. Показательны во оторыи 1000, *ioудивь* 'Юдифь' 1233 (*ioуди*^в 1234б и др.; ср. *о ioудиое* 1231б, но также *ioудиве* Д. ед. 1233, 1234). Вместо безударного ѣ обычно пишется е; отмечено также несколько примеров е вместо ѣ под ударением. Изредка смешиваются безударные я и е (имеющиеся случаи смешения безударных а и о не вполне показательны); отметим и вместо е в *празнiствѣ* 905б. Акцентная система носит компромиссный характер; она обнаруживает существенные сходства с рядом микросистем ближнего запада (Дос., Дан., Лет., также Фер., Чет.). По распределению /з/ и /д/ Хр. входит в северный тип, а внутри него наиболее близок к Чет. и Амф. (см. § 3.4, табл. 4). В целом для говора Хр. наиболее вероятно локализация к северо-западу или западу от Москвы, не слишком далеко от нее (при том, что писался памятник, по-видимому, в самой Москве).

Рж. — Псалтирь (283 л.). ГИМ, Муз. 95. Ярославль, 1612 г. Писал Георгий Евсевьев сын Комынин. Он же в 1617 г. переписал (тоже в Ярославле) сочинения Дионисия Ареопагита, ГБЛ, ф. 173, № 26 (далее обозначается: Рж. А²¹); здесь в записи сказано, что книга написана «рукою. . . Георгия Евсевиева сына Комынина ржевитина». В Рж. отмечено несколько случаев смешения безударных о и а. В настоящей работе используется рукопись Рж., а из Рж. А взято лишь несколько примеров, дополняющих картину акцентуации.

Дополнительные памятники. Хрон. — почерк 215—246б в рукописи: Хронограф, ГБЛ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 650. Рукопись создана в скриптории Иосифо-Волоколамского монастыря в 1520-х гг. (Клосс 1980, с. 158). Имеются случаи смешения безударных о и а.

Жит. — почерк 267—310б в рукописи: Сборник (жития святых), ГБЛ, ф. 173 (собр. Моск. духовной академии), № 57. Филигрань этой части рукописи — типа Брике, № 1734 (1522—37 гг.). Рукопись была создана в конце 1520-х или в 1530-х гг. в скриптории при ка-

²¹ При ссылках на материал Рж. и Рж. А адрес некоторой словоформы может иметь, например, такой вид: Рж. 71б, А 15 (т. е. символ Рж. не повторяется). При разборе акцентологических вопросов символ Рж. представляет (если не оговорено иное) весь блок (Рж. и Рж. А). Сказанное относится и к прочим блокам.

федре митрополита Даниила; в этом скриптории работало много волоколамских писцов (см. Клосс 1980, с. 76). В рассматриваемом почерке различаются /ɔ/ и /ô/ (широколитерная система). Распределение этих фонем — северного типа. Внутри этого типа Жит. ближе всего стоит к ближнесеверной группе (Амф., Чет., Хр.), но отличается от нее тем, что в Т. ед. местоимений здесь выступает /ô/ (*мнѡю, тобѡю, собѡю*), а в Т. ед. существительных огласовка колеблется (*-ѡю* или *-ѡю*); эта особенность несколько сближает Жит. с северо-западной группой. Из элементов диалектной морфологии можно отметить Т. ед. *властею* 306, *сповѣдоу* (3 мн.) 289б. Акцентная система западного типа. Локализация говора Жит. внутри западной зоны не вполне определена: он может быть волоколамским, но не исключена и более западная локализация (например, восточно-псковская).

Дан. — первый почерк (1—174) рукописи: Сборник грамматических и иных статей, ГБЛ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 490. Рукопись написана в 1543 г. «во Иосифов монастырь». Рассматриваемый почерк принадлежит, по свидетельствам XVI в., митрополиту Даниилу (Клосс 1980, с. 90). Отмечены случаи смешения безударных *о* и *а*, *ѣ* и *е*. Поскольку митрополит Даниил, по свидетельству его современников, имел прозвище «рязанец» (Клосс 1980, с. 103), можно было бы ожидать в его автографе рязанских диалектных особенностей. Фактически, однако, акцентная система Дан. носит отчетливо западный, а не восточный характер; она близка к системам Хрон. и Дос. и далека, например, от Ряз. Учитывая, что Даниил с юношеских лет пребывал в Иосифо-Волоколамском монастыре (причем неизвестно, где прошло его детство) и был связан с ним всю жизнь, следует предполагать, что его книжный язык вполне соответствовал нормам, принятым в этом культурном центре.

Чет. — Минея-четья на апрель, домакарьевского состава (790 лл.). ГИМ, Синод. 91. Большинство филиграней соответствует 1560-ым годам. Почерк единый. Различаются /ɔ/ и /ô/ (широколитерная система). Отмечены случаи смешения *ц* и *ч*. Встретились: *тѡй оутрѡбы* Д. ед. 42б, *три зѣрны* В. мн. 20б. Акцентная система компромиссного типа, близкая к Стар., Лет. и Хр. Распределение /ɔ/ и /ô/ очень близко к Хр. и Амф. (см. § 3.4, табл. 4). Обследованы: 1—146б.

Рум. — почерк. 315—347б, 671—680б в рукописи: Творения Златоуста и Ефрема Сирина; ГБЛ, ф. 256 (Румянцевское собр.), № 181. Филигрань указанных листов зафиксирована под 1550—1585 гг. Локализация говора определяется тем, что акцентная система здесь практически совпадает с Сел.

Стар. — Книги 16 пророков (273 лл.). ГИМ, Синод. 301 (по Горск. Нев. 81). Конец XVI — нач. XVII в. (филигрань типа Хивуд, № 141: 1598 г.). Как гласит запись, писано в Старице. Обследованы: 1—51, 90—113б. Встречается смешение безударных *о* и *а*. Отметим

раскае ли ся (без *-т*). Особенностью рукописи является то, что в ней изредка встречаются южнославянские акцентовки; отсюда необходимость определенных предосторожностей в использовании ее материала.

Сел. — Канонник (487 л.). ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 283. Писан в 1616 г. в Троице-Сергиевой лавре иноком Арсением селижаровцем. Наименование «селижаровец» указывает на Селижаровский посад (ныне поселок Селижарово) и одноименный монастырь, но, возможно, и просто на весь район озера Селигер.

Дорог. — Сборник (205 л. малого формата). ГИМ, Барсов 1280. Село Извольское Дорогобужского уезда, 1626 г. Писал Евпл, сын местного попа Ивана. Ярко выраженное смешение безударных *a* и *o*, *e* и *я*; отметим в *че^ев^ер^хъ* 98, частое *-аю* вместо *-ую* в В. ед. жен. К сожалению, акцентной информации мало, поскольку конечная гласная получает здесь варию независимо от ударения.

VI. Москва

§ 3.27. Основные московские памятники — это следующие старопечатные книги.

Ап. — Апостол. Москва, 1564. Печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец.

Тар. — Псалтирь. Москва, 1568. Печатники Никифор Тарасиев и Андроник Невежа. Исследован экземпляр ГБЛ с инвентарным номером 2553; часть листов в нем отсутствует, пагинация позднейшая (библиотечная).

Цв. — Триодь Цветная. Москва, 1591. Печатник Андроник Невежа. Три пагинации (ниже при ссылках вторая пагинация отмечается цифрой II, третья — III).

Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. Москва, 1649.

Матф. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелие от Матфея; в составе издания, включающего толкование на все четыре евангелия. Москва, 1649.

Помимо собственно московских памятников в данную группу входит следующая рукопись, написанная поблизости от Москвы.

Амф. — Святцы с воследованием (282 л.). ГБЛ, ф. 7 (собр. Амфилохия), № 27 (=Муз. 667). Согласно записи, книга написана в ноябре 1571 г. в Голутвине монастыре на Коломне; правда, лист 256, содержащий запись, не первоначальный: этот лист был заменен (вместе с листом 182), судя по филиграну, в середине XVII в. (вероятно, в связи с тем, что рукопись была чем-то залита: пострадали также соседние листы). Филигрань основной части рукописи — типа Лихачев, № 4067 (1588 г.); таким образом, нет оснований предполагать, что запись была переписана с целью фальсификации даты.

Почерк рукописи единый (кроме замененных листов). Письмо отличается исключительной тщательностью и безукоризненной грамотностью (соответственно, о диалектных фонетических или морфологических особенностях не может быть и речи). В рукописи различаются /э/ и /ѡ/ (кумулятивная система, см. § 3.19). Распределение этих двух фонем — северного типа; в рамках этого типа Амф. стоит ближе всего к Хр. и Чет. (см. § 3.4, табл. 4). Акцентная система восточного типа, очень близкая к Ап. Таким образом, Амф. — это явно рукопись московского круга; от попыток локализовать ее говор более точно осторожнее воздержаться (во всяком случае, судя по распределению /э/ и /ѡ/, едва ли следует связывать его именно с Коломной).

Дополнительные памятники. Такт. — Тактикон Никона Черногорца (335 л.). ГПБ, Ф.1.207. Писана в Москве в Симоновом монастыре с сентября 1460 г. по апрель 1461 г. «рабом божьим Василием» (рукопись отмечена в Колесов 1973а, с. 124). Обследованы (по микрофильму): 1—100б, 300—335б. Орфография в значительной мере ориентирована на среднеболгарские нормы; так, обычно соблюдается различие этимологических у и ж (при возможности смешения ж и а), вместо та часто пишется ѣ и т. п. При этом, однако, письмо тщательное, без ошибок, определяемых диалектной фонетикой. В акцентуации поразительно мало для столь ранней рукописи заведомых южнославянизмов (правда, в конце рукописи их больше, чем в начале). Акцентуация (кроме первых двух листов) редкая; наиболее интересные для акцентолога словоформы чаще всего оставлены без ударения. Акцентная система (насколько ее удается выявить на основании скудного материала) носит компромиссный характер; она близка к системам некоторых ближнезападных памятников XVI в. Однако это еще не обязательно означает, что писец Василий был, скажем, волоколамцем. Вполне возможно, что именно такая акцентная система была престижной нормой для московских книжников XV в. (см. об этом также ниже).

Узк. — безвыходное евангелие, так наз. узкошрифтное, напечатанное в анонимной типографии, которая работала, как предполагают, в Москве в 1553—64 гг. (подробнее см. Новые данные, § 6). Различаются /э/ и /ѡ/ (широколитерная система). В акцентной системе наряду с восточными чертами есть и заметное число западных черт (возможно, акцентуация Узк. частично определялась новгородским оригиналом).

Лес. — почерк 1—6б, 126—268 в рукописи: Лествица, ГИМ, Чуд. 227. Москва, Чудов монастырь, 1558 г. Различаются /э/ и /ѡ/ (омеговая система). Акцентная система близка к Ап.

Кроме того, еще две старопечатные книги. Постн. — Троида постная. Москва, 1589. Печатник Андроник Невежа.

Ратн. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. Москва, 1647. Цитируется по работе: Станг 1952.

Если сравнить (в хронологической последовательности) московские церковные памятники XVI—XVII вв. Узк. (после 1553 г.), Лес. (1558 г.), Ап. (1564 г.), Тар. (1568 г.), Цв. (1591 г.), Матф. (1649 г.), то обнаруживается постепенный переход от акцентных систем с заметным числом западных черт к более последовательной восточной системе. Что же касается светских памятников XVII в. (Улож. и Ратн.), то они отражают (особенно Улож.) практически чистый восточный тип. По-видимому, причина здесь не в диалектном сдвиге, а в эволюции книжной нормы, которая постепенно отказывалась от ориентации на западные (прежде всего новгородские) системы и признавала допустимым для книжного произношения все большее число черт живой московской акцентуации. Смешанный характер акцентной системы Такт. позволяет предполагать, что Такт. представляет собой просто более раннее хронологическое звено в том же ряду. Таким образом, принцип, описанный в § 3.11, в Москве победил не сразу.

VII. Юг

§ 3.28. Чуд. — Чудовский Новый Завет (170 лл. в два столбца)²². XIV в. (предположительно 1355 г.). Несколько почерков, но никаких системных различий в акцентуации между разными писцами усмотреть не удастся; поэтому практикуемый всеми акцентологами подход к Чуд. как к единой системе, по-видимому, можно считать оправданным. Возможно, что единая акцентная система Чуд. — это система самого митрополита Алексия, если он действительно диктовал текст перевода писцам. Эта акцентная система весьма архаична; лишь считанное число инноваций (большой частью мелких) отличает ее от раннедревнерусской. Между тем для диалектологической оценки здесь существенны (помимо тех точек системы, где уже в раннедревнерусском были диалектные варианты) именно инновации. С этой точки зрения Чуд. представляет собой довольно сложную картину.

Прежде всего здесь обнаруживается ряд великорусских инноваций (отсутствующих в староукраинском и старобелорусском); таковы, например, ударения (постоянные или хотя бы факультативные): *инбмоу*, *инбми*, *иногда*, *вторбму*, *седмья*, *осмаго*, *болший*, *меньший*. При этом часть этих инноваций (см. последние четыре примера) представлены преимущественно или даже исключительно в восточновеликорусской зоне. Восточновеликорусским является также выбор акцентного варианта (для слов а. п. с) в формах, представленных образцами *вратѧ*, *въ дому*, *въ кровѧ*, *въ водѧ* (впрочем, такая же акцентовка была известна и в определенной части говоров будущей белорусско-украинской территории).

²² По фототипическому изданию: Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси (издание Леонтия, митрополита Московского). М., 1892. Все примеры из Чуд., в том числе взятые из лингвистических работ, выверены нами по этому изданию.

С другой стороны, в Чуд. отразились некоторые инновации, общие для западновеликорусской зоны и белорусско-украинской территории, — прежде всего тематизация ударения в глаголах (§ 3.73) и акцентовка типа *продѣнь* (§ 3.69). Далее, выделяются явления, известные на белорусско-украинской территории и в соседних с ними частях великорусской территории: Чуд. *никѡго^м* 51а, *пѡ то^м* 'после' 121в (оксия не совсем надежна); ср. Бер. *нѣчѡго* 120, 146 и др., укр. *нікѡго*, *нічѡго*, блр. *нікѡга*, *нічѡга*, укр. *пѡтім*, блр. *пѡтым*; аналогично и в юго-западновеликорусских говорах (ср. также Новые данные, § 14, п. 5 о *ни ѡ^т кѡго же* и т. п. в Мер.). Большой интерес представляет акцентуация в Чуд. формы М. ед. у *о-та-скуліна* а. п. с с мягкой основой: *в гноѡ* 35в, *о кн^н|зѡ* 17г (+ 6в), *о...кнѡзѡ* 7г, *о моужѡ* 71б (+64б, 77а, 110г); конечное ударение (неисконное) появилось здесь под влиянием *i*-основ. Такая инновация характерна для белорусского, ср. блр. *у баѡ*, *у гаѡ*, *у глѡ*, *у краѡ*, *на краѡ*, *у раѡ*, *у страѡ*, *у хмялѡ*, *у плачѡ* — при наосновном ударении в остальных словоформах ед. числа (Лобан 1957, с. 193); на сходство в этом пункте между Чуд. и белорусским указал В. А. Дыбо. Данная инновация известна и в юго-западновеликорусских говорах, где отмечается, в частности, *на краѡ* (Диал. член., с. 123; Оч. морф., с. 74); ср. также данные близких к этому району памятников: Трав. *в май* 'в мае' (регулярно), Лет. *на бой* 398 (однако также Цв. *въ гноѡ* 76, Увар. *о...гноѡ* 724б, Ряз. *на зноѡ* 85 — в несколько более дальних памятниках).

Наконец, в Чуд. представлены некоторые акцентовки, характерные для староукраинского и старобелорусского, но не для старовеликорусского; *трапѣзы*, *-у*, *-ою* и т. д. (регулярно) (Бер. *трапѣза* 464, *-ы* 345); *храмина*, *-ѡ*, *-ѡ*, *-ѡ* (регулярно) (Бер. *храмина* 280); *серна* 64г bis (Бер. *серна* 105, 462); *чѣрта* 4г, *-ѡ* Д. ед. 36б (Бер. *чрѣта* 304); *злѡдѣя* В. дв. 40б (Бер. *злѡдѣѡ* 69, 254, укр. *злѡдѡй*, блр. *злѡдзей*); *дѣвѣствѣници* И. мн. муж. 154г (Бер. *дѣвѣствѣникѡ* 443). В старовеликорусских памятниках XV—XVI вв. эти слова акцентуются (за редчайшими исключениями) как *трапѣза*, *храмина*, *серна*, *чѣртѡ*, *злѡдѣѡ*, *дѣвѣстве(н)никѡ*. В качестве единичных отклонений от иного, более обычного ударения, в Чуд. встретились также: *во имѡ мое* 49а (Бер. *имѡ* регулярно, укр. *ім'я*, блр. *ім'я*); *наро^о* 9в (Бер. *нароѡ* 132); *павлѡва* И. ед. жен. 127г, *-ы* 75г (ср. укр., блр. *Павлѡ*); *ѡ такѡвы^м* 138а (Бер. *такѡв-аа* 182, *-оѡ* 294, *-ои* Р. ед. 208); *малѡмѡ* Д. мн. 153г (оксия не совсем надежна) (Бер. *мал-аа* 453, 463, *-бе* 451 и др. формы, наряду с *малѡы* 40б, 453 и др. формами; укр. *малѡй*, блр. *малѡ*); *изгѡно* 7г, *изгѡн^н* (прич.) 17а, *понѡсити* 7б (ср. укр. *вигѡнити*, *вигѡно*, *пронѡсити*, блр. *пранѡсѡць*); для старовеликорусских памятников приведенные ударения не характерны.

Совокупность приведенных данных указывает на какую-то форму взаимодействия будущего великорусского и будущих украинского

и белорусского языков. С другой стороны, сосуществование восточновеликорусских и западновеликорусских акцентных черт заставляет связывать Чуд. с границей между этими двумя зонами. Соответственно, на наших картах мы условно помещаем Чуд. к юго-западу от Москвы. Условность состоит здесь прежде всего в том, что Чуд. в действительности едва ли является последовательным отражением какого-то одного местного говора; вероятно, он соединяет некоторые черты (в частности, акцентные) книжной речи Москвы и юго-западной Руси. И. Огиенко предполагал (Огиенко 1928, с. 445), что митрополит Алексей, будучи сыном черниговского боярина (Федора Бяконта), мог сохранить некоторые ударения, усвоенные в детстве в семье. А. В. Дыбо, исследовавшая морфологические особенности Чуд., пришла к заключению, что они имеют западнорусский характер²³. Фонетические особенности Чуд. сами по себе не очень выразительны (поскольку отступления от книжных норм здесь чрезвычайно редки); но они не противоречат рассмотренным выше данным. Отметим смешение *оукроу*^х (Р. мн.) 31г, 44а — *оукру*^г 44а, смешения типа *агарь* 123в — *агарь* 123в, *кесарю* 38б — *кесару* 38б; далее *совоузъ* 63г (при обычных *сооузъ*, -а), *не истезаи* 29в (колебание *ашють* 122г и др. — *о|шю*^г 4г едва ли показательны)²⁴.

Библ. — второй почерк (474—994б) рукописи: Библия (1013 л.), ГИМ, Синод. 30 (по Горск. Нев. 3). Вкладная запись по листам 16—26 от имени рязанского епископа (с не совсем понятно записанной датой) подверглась частичному уничтожению. По Горскому и Невоструеву, это запись епископа рязанского и муромского Сергия, относящаяся к 1570—71 г. Филиграния хорошо согласуются с этой датой; основная филигрань рукописи (с цифрой «1551») — Лауцявичюс, №№ 1752 и 3392, в рукописи 1569 г. (в Литве); филигрань последних листов рукописи — Брике, № 1844 (1562—1581 гг.). Нами обследованы: 474—494б, 590—625, 669—693, 799б—810б, 947—994б, а также записи на полях во всем почерке. Отметим случаи смешения *о* и *а* (в частности, *оугодѣ* 'угадал' 949, *не ражѣши* 'не родивши' 947б; менее показательны регулярное *испокастѣти* вместо *испакастѣти*); ср. также *ω*^г *сняты* 951б (вместо *синетѣ*). В безударной позиции вместо *ѣ* нередко пишется *е*. Не совсем надежны примеры смешения *ц* и *ч* (*памятопѣсчи* 475б, *въ что ѡблецѣтеса* 673). Отметим *е* *конѡбъ* 603 (вместо -бъ), *гѡлубы* 'голуби' 685б, *кумѣры* В. мн. (часто), наряду с *кумѣры*. Из морфологии существенны: *ω* *вбиску* 630б (+991), *гумны* И. мн. 610, *лаины* В. мн. 616б (ср.

²³ Дыбо А. В. К вопросу о диалектной принадлежности Чудовского Нового Завета. — В кн.: Филология. Исследования по древним и новым языкам. Переводы с древних языков. М., 1981, с. 41.

²⁴ Следует учитывать, что в Чуд. в тексте Апокалипсиса некоторые написания — позднейшие (по подтертому); так, *змеи* И. ед. 153г bis, 154а ter и др. переделано из *змиш*, *востръ* 155а ter — из *остръ*, *въ|зиде* 152б — из *въ|зиде*, *в чѣшъ* 155а — из *в чѣши*, *печатеи* 151б — из чего-то иного и т. д.

лаино В. ед. 984б). Акцентная система восточного типа, с рядом черт, характерных для южных и части московских (в особенности Цв.) рукописей. В целом наиболее вероятно локализация говора Библ. к югу от Москвы, неподалеку от нее; но не исключено также собственно московское или рязанское происхождение писца.

Косм. (или Космография) — Космографические разделы «Всемирной хроники» Мартина Бельского (191 л.), ГБЛ, ф. 152 (собр. Лукашевича и Маркевича), № 2. Последняя четв. XVI в. Почерк единый. На основании отразившихся в рукописи диалектных фонетических и морфологических особенностей говор писца должен быть отнесен к срединной части южновеликорусской территории (курско-орловские и прилегающие к ним межзональные говоры); подробнее см. Глаг. акц., § 8—11. Поскольку акцентная система Косм. носит ярко выраженный восточный характер, наиболее вероятной представляется локализация говора Косм. у восточных границ указанного ареала.

Дом. — основной почерк (4б—124) Домостроя по Коншинскому списку, ГПБ, Q.XVII.149. Конец XVI—начало XVII в. Наиболее вероятная локализация говора — к юго-западу или югу от Москвы, сравнительно недалеко от нее; подробнее см. Глаг. акц., § 12. Цитируется по изданию Орлова²⁵.

Трав. — Травник и лечебник (538 лл.). ГБЛ, ф. 37 (собр. Большакова), № 431. По оценке А. А. Турилова, начало XVII в. (или даже рубеж веков). Почерк единый. Рукопись с различием /з/ и /д/ (омеговая система); см. Новые данные, § 3, 19, 24. На основании отразившихся в рукописи диалектных фонетических и морфологических особенностей говор писца должен быть отнесен примерно к той же территории, что и Косм.; см. Глаг. акц., § 12. Судя по характеру акцентной системы, уместно локализовать Трав. несколько западнее, чем Косм.

М. пс. (Максимова псалтирь) — основной почерк (5 листов предисловия и 1—199) рукописи: Псалтирь в переводе Максима Грека, ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 62. Начало XVII в.; филигрань «две короны под ветвями» типа Гераклитов, № 1474—1476 (1606 г.), но с подписью Oradour (другой вариант: Propanei) и с датой 1607 (шестерка зеркальная). В 1665 г. была вложена в Троице-Сергиеву лавру. В тексте имеется правка другими (более бледными, чем у писца) чернилами, причем она в ряде случаев касается акцентуации. Есть примеры смешения безударных *o* и *a*; вместо безударного *ѣ* часто пишется *e*. Обычны написания типа *вѣщѣ*, *пѣмощѣ*; отметим *плѣшма* 100б (*ш* вместо *щ*), *щвчы*^x 158; *скѣрбѣ* 20. Акцентная система очень близка к Косм. и Трав., что позволяет предполагать диалектную близость М. пс. к этим рукописям.

²⁵ Домострой по Коншинскому списку и подобным, кн. 1. К изданию приготовил А. Орлов. М., 1908.

Дополнительные памятники. Хл. — почерк 271—384 в рукописи: Сборник, ГИМ, Хлуд. 147 Д. 1560-ые гг.²⁶ В почерке различаются /ɔ/ и /ɔ̃/ (каморная система); распределение этих фонем — южного типа, близко сходное с Лес. (см. § 3.4, табл. 4). Акцентная система компромиссного типа. Наиболее вероятна локализация говора поблизости от Москвы, к юго-западу или западу от нее.

Хлуд. — почерк 112—1596 в той же рукописи. Есть случаи смещения *a* и *o*, *я* и *e*; отметим в *арханьиле* 131, в *литвы* 129. Акцентная система близка к Хл., но содержит несколько меньше западных черт. Наиболее вероятна локализация говора к юго-западу или к югу от Москвы.

Ик. — почерк 31—1326 в рукописи: Иконописный подлинник, ГБЛ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 409. Посл. четв. XVI в.; филигрань: Лихачев, № 2992 (1589 г.). Много случаев смещения *e* и *ѣ* (в т. ч. под ударением) и безударных *a* и *o*. Прочие следы диалектной фонетики и морфологии: *вери*^x 'вериг' 616, в *шатра* 'у шатра' 90, *киновъръ* 1036, не *бленймся* 'не обленимся' 124, *маленке* 'маленько' 55, с *лѣвою роукою* В. ед. 51, *правою роуку* 58. Фонетические и акцентные особенности рукописи указывают на какой-то район к юго-западу от центра.

VIII. Юго-восток

§ 3.29. Ряз. — Лествица (335 лл.). ГИМ, Барсов 246. Писана в 1611 г. в монастыре Рождества Богородицы на Солотче повелением Феодорита, архиепископа рязанского и муромского. Имеются некоторые случаи смещения безударных *a* и *o* (впрочем, не вполне показательные), смещения *e* и *ѣ*. Отметим *мыша* Р. ед. 264, *мыша же мысленаго* 264. Акцентная система восточного типа.

Дополнительный памятник. Тамб. — основной почерк (1—296) рукописи: Синодик Троицкой Новой пустыни на Цне (Тамбовской губ.), 1621 г. ГИМ, Барсов 961.

IX. Ближний северо-восток

§ 3.30. Ион. — Маргарит Иоанна Златоуста (623 л.). ГБЛ, ф. 256 (Румянцевское собр.), № 195. Книгу написал в 1530 г. «черец Ионишко пореклом Тофа»; он же вложил ее в Ферапонтов монастырь. Этот же писец в 1542 г. написал Сборник (656 лл.), ГБЛ, ф. 178, № 6456 (далее обозначается: Ион. С) и вложил его в Кирилло-Белозерский монастырь. В настоящей работе используется рукопись Ион.; из Ион. С взято лишь несколько дополнительных примеров.

²⁶ См.: *Лопарев Х.* Описание Хлудовской рукописи № 147. — ЧОИДР, кн. III. М., 1887, отд. II, с. 1—18; Повесть о Петре и Февронии. Подготовка текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979, с. 148.

Увар. — Кормчая (843 л.). ГИМ, Увар. 296 (по Леониду 560). Сер. XVI в. (филиграни зафиксированы под 1538, 1540 гг.; см. Правда Русская, I, с. 208). Почерк единый. Обследованы: 49—82, 294—307, 384—402б, 479б—618, 673б—737б, 802—843. Отклонений от орфографических норм почти нет. Акцентная система восточного типа. Совокупность акцентных особенностей делает наиболее вероятной локализацию говора Увар. несколько к северу от Москвы.

Биб. — первый почерк (1—473б) рукописи ГИМ, Синод. 30; об этой рукописи см. выше (§ 3.28) в разделе Библ. Обследованы: 71б—89, 109—123, 328—343, 365—410б, 420—427б и записи на полях во всем почерке. Отклонений от нормативной орфографии чрезвычайно мало. Изредка встречается смешение *ѣ* и *е* (в т. ч. под ударением). Отметим *грѣжены* Т. мн. 23б, *наляцѣ|на лоукѣ* Р. ед. 429, *михдалѣ* 425, *посредѣ сѣнма* 437, *парѣца* 'парящая, летящая' 465б, *въ дне* М. ед. 388; также *блѣды* В. мн. 88, *крѣпчѣе* 'крепче' 113б, *легчѣе* 'легче' 435, *еще бѣде* 81б. Акцентная система восточного типа, но, в отличие от Библ., без особенностей, характерных для южных памятников. Имеется ряд частных акцентных сходств с Увар. и Пер. (есть также черты сходства с Сел. и Стар.). Таким образом, акцентологические характеристики делают наиболее вероятным отнесение говора Биб. к близкому северо-востоку.

Костр. — почерк (4—253б) первой половины рукописи: Слова Аввы Дорофея и беседы Григория, папы римского; ГБЛ, ф. 138 (Костромское собр.), № 25. Писано в 1628 г. для костромского Ипатьевского монастыря повелением его архимандрита Пафнутия (очевидно, в самом монастыре). Отметим *во фторѣю* 49, *фторѣе же* 51, *ѡнѣдѣ* 61 и др., *пѣжитѣ* 59б, *багрѣницу* 36б, *багрѣно* 36б. Акцентная система сходна с другими рукописями близкого северо-востока, но есть и некоторые частные акцентные сходства с дальним северо-востоком.

Пер. — Слова Аввы Дорофея (289 л.). ГБЛ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 194. Как гласит запись, книгу написал в 1633 г. инок черный поп Илья; в 1644 г. он уже был игуменом переяславского патриаршего Борисоглебского монастыря, куда и вложил эту книгу (о чем имеется отдельная запись 1644 г.). Отметим частые *чы, щы*, написания *сам са* 'сам себя' 3б, *пѣтъ* 'путь' 98, *ѡнѣдѣ* 179, *нѣготѣ* И. ед. 185; есть случаи смешения *ѣ* и *е*, в т. ч. под ударением.

Яр. — основной почерк (33—283б, 287—289б, 292—329) рукописи: Служебник (354 л.), ГИМ, Барсов 1149. Ярославль, 1635 г.

Дополнительные памятники. Угл. — часть 10—14б в рукописи: Псалтирь с воследованием (475 л.), ГИМ, Увар, 569 (по Леониду 671). Книга написана в Угличе в ноябре 1491 г. (или 1492 г., если дата дана по мартовскому году). Несколько почерков. Часть 10—14б соответствует началу самих псалмов и имеет довольно плотную

чисто русскую акцентуацию (восточного типа). Начиная с листа 15, хотя почерк не сменился, количество акцентных знаков резко падает и появляются южнославянские акцентовки. По-видимому, этот перелом отражает упадок усердия писца по мере удаления от начала (явление, известное и по многим другим рукописям): вначале писец прилагал специальные усилия к тому, чтобы последовательно отразить на письме реальное ударение (установка весьма редкая для его эпохи), а затем отказался от этих усилий и стал писать в стандартной для этого времени манере.

Бук. — Буковница старца Герасима Ворбозомского (грамматическое пособие, построенное как словарь форм словоизменения). ГБЛ, ф. 173 (собр. Моск. духовной академии), № 35, листы 130—234. Писана в 1592 г. в доме дьякона Тимофея Яковлева сына воженина (от названия реки Вага) по его заказу; писец — постриженник Благовещенского Ворбозомского монастыря (под Белозерском) Павел.

Кир. — основной почерк (7—162б, писец Вениамин Калганов) рукописи: Сборник (256 л.); ГБЛ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 327. Кириллов монастырь, 1612 г.

Кирил. — почерк 177—218б в той же рукописи.

Тих. — первый почерк (1—117) рукописи: Сборник грамматический, ГБЛ, ф. 289 (собр. Тихонравова), № 336. Филигрань зафиксирована под 1622 г. Имеется владельческая запись о принадлежности рукописи архимандриту суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Питириму (был архимандритом в 1650—54 гг.). Судя по характеру акцентной системы, рукопись скорее всего создана примерно в том же районе, где она находилась в 1650-ые гг.

Х. Дальний северо-восток

§ 3.31. Прол. — второй почерк (3б—127б) рукописи: Пролог, сентябрьская половина (391 л.), ГБЛ, ф. 354 (Вологодское собр.), № 19. Начало XVI в., не позднее 1516 г. Как гласит запись, в июне 1516 г. чернец Прохор вологжанин Трифионов сын послал эту книгу на Вологду из Великого Новгорода от Воскресения Христова из монастыря с Деревяницы. Несколько почерков; из них первый (1—3), более торжественный и более архаичный, чем все остальные, возможно, принадлежит старому мастеру, который лишь «задал тон» остальным писцам. Во всех почерках встречается *ѡ*, передающее фонему /*o*/, но коэффициент выраженности /*o*/ очень низок; при этом только второй почерк имеет относительно плотную акцентуацию. В акцентной системе этого почерка восточные черты преобладают над западными. Поэтому наиболее вероятной здесь представляется вологодская локализация (возможно, в частности, что это почерк самого Прохора вологжанина); но все же не исключена и восточно-

новгородская локализация (ср. Муз. и Новг., с которыми Прол. имеет ряд общих особенностей).

Корн. — Василия Великого о постничестве (451 л.). ГИМ, Увар. 255 (по Леониду 180). 1543 г. Писал в Перфирьевой пустыни (при Корнилиевом Комельском монастыре под Грязовцем) инок Артемий, принявший пострижение от Корнилия (основателя монастыря).

Печ. — Минеи-четыри на сентябрь и октябрь (562 л.). ГБЛ, ф. 138 (Костромское собр.), № 17. Печенгский монастырь (у «великого понта мурманского моря окіяна»), 1605 г. Писал Яков Иванов сын Горюшкин.

Сол. — основной почерк (1—274) рукописи: Житие Зосимы и Савватия соловецких, ГБЛ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 235. Соловки, 1632 г.

Хлын. — Златоуст (280 л.). ГБЛ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 539. 2-я четв. XVII в., не позднее 1644 г. Почерк единый. Имеется запись о том, что в 1644 г. книгу продал володимирцу Федору Михайлову сыну Хорохову вятчанин Хлынова города Ивашко Андрейцев сын Воротцов. Встречается написание *въ* вместо *въ* на конце слова, смешение *и* и *иу*. Написания *паняеу* 211, *оуставъ апталескъ* 'апостольский устав' 39 не свидетельствуют об аканье (первое может быть инодиалектным заимствованием; у второго иногда встречается вариант с *та*, ср. *апбалы* Тих. 16 в рукописи без всяких следов аканья). По акцентным характеристикам рукопись более всего сходна с вологодскими памятниками и с Авв.; таким образом, вятское происхождение рукописи вполне вероятно.

Колм. — Космография Герарда Меркатора²⁷. Колмогоры, 1670 г. Насколько можно понять из предисловия издателя, почерк единый. Имеется ряд написаний, указывающих на северное происхождение писца: *роспеливаютъ* 'распяливают' 202, *болнимъ* Д. мн. 82 (+ 63), *удблнимъ* 87 (и другие с *ни* вместо *ны*), *деготъ* 232, *подалисе* 212, *беретчисъ* 26, *моичи* 'мочь' 63, *ей* 'её' В. ед. 52; также ударения *то'стбе* 220, *тощбе* 149, *тощбе* 149, *пресню* 98, *на спине* 229. С этими примерами хорошо согласуются и многие другие (сами по себе не столь однозначные), в частности: *на лошади* 68, *в браку* М. ед. 151, *на гробу егѡ* 129, *с лѡвой сторонѡ* 95, 143. Таким образом, нет причин сомневаться в местном происхождении писца (ср. Хазагеров, с. 166, где этот памятник без всякого обоснования объявлен московским).

Авв. — два автографа протопопа Аввакума: 1) Житие протопопа Аввакума, БАН, собр. Дружинина, 746 (1886—2856); исследовано по фотоконии; 2) то же в пустозерском сборнике И. Н. Заволоко (листы оригинала 1—1156, 1306—163); исследовано по фототипиче-

²⁷ По изданию: Космография 1670. СПб., 1878—1881. — Ссылки даются на листы оригинала (но в издании лицевая сторона листа и оборот не разделены).

скому изданию²⁸. Рукописи написаны Аввакумом в пустозерской темнице, первая предположительно в 1673 г., вторая — в 1675 г. Ниже при ссылках не уточняется, какой из двух рукописей принадлежит пример: это видно просто из номера листа. Как показал В. Н. Сидоров (Сидоров 1969, с. 35—55), с фонетической точки зрения говор Аввакума — северновеликорусский и уже, владимироповолжский (но отнюдь не московский). С акцентологической точки зрения этот говор тоже заметно отличается от московского; ближе всего он стоит к памятникам дальнего северо-востока.

Цел. — основной почерк (1—290) рукописи: Целебник с добавлениями, ГИМ, Музейск. 1226. По оценке А. А. Турилова, посл. четв. XVII—нач. XVIII в. В написаниях отразилось большое количество диалектных особенностей. Из фонетики отметим: постоянное смещение *e* и *ѣ* во всех положениях; случаи замены *я* на *e* между мягкими (*прогорѣчь* 77б, *утѣчьа* Р. ед. 202б, 247б и другие); *синявы* 'синяки' 110б (при обычном *синевѣ*), *во пшаничнѣй мукѣ* 88б, *смърди*^м 177 (с перенесенным ударением, ср. *смердитъ* 177); *ѿ тѣвту* 'в тафту' 175б bis (но, с другой стороны, *врѣны* 'урины' Р. ед. 237, 239); случаи смешения *ш* и *щ* (но, с другой стороны, *немоуцнѣмъ* 100б, *сѣвей* 239б). Однако самая поразительная фонетическая особенность Цел. — десятки случаев смешения твердых и мягких согласных, причем не только губных и не только на конце слова. Так, здесь встречаются, например, написания *кровѣ* 'кровь', *голубѣ* 'голубь', *на день*, *в день*, *огонѣ*, *коренѣ*, *ревѣнѣ*, *гортанѣ*, *кашель*, *киселѣ* 'кисель', *прибылѣ* 'прибыль', *декабрь*, *нутрѣ*, *шнюдѣ*, *мокрѣдѣ*, *пускаѣтъ* (инф.), *лечитѣ* (инф.), *ломѣтъ*, *ртѣтъ*, *нѣжитѣ* (существ.) и другие и, напротив, *сонѣ* 'сон', *пепѣль*, *овѣсь* и т. п. Далее, перед гласной: *нѣхати* 'нюхать', *о ревенѣ*, *киселѣ*, *колѣтъ* 'колют', *полѣбитѣ*, *всѣплы* (повел.), *брѣхо*, *горѣчая*, *студонѣ*, *натира*^м 'натирать', *мизѣнымъ пѣстѣмъ*, *изѣмѣ*, *красѣтъ* 'красят' и другие и, напротив, *хренѣвъ коренѣ*, *прищѣ*, *гризѣтъ*, *блюдѣ* 'блуда' и т. п.; из этого ряда особо отметим словоформы *дѣржитѣ* 'держит', *дѣржатѣ* 'держат', хорошо известные в северных говорах. Морфологические особенности: *к нѣче* (часто), *квѣсцей* Р. мн. 130б и др., *водѣ* Р. ед. 167б, *лунѣ* Р. ед. 1, *о дрѣве вѣрбы* 212б, 235, *перелогѣма* (по-видимому, Т. мн.) 184, *онѣ* 'они' 175, *к емѣ* 245, *тѣю* В. ед. 175б, *скорѣе* 85б, *плошѣе* 114б; в Р. ед. прилагательных представлены написания *-ого*, *-ово* и *-ова*. Случаев смешения Т. мн. с Д. мн. нет. Отметим также: *лѣг* (повел.) 257, *гвоѣдѣга* 'гвоздика' 47б, *и кукишицѣвъ* 111, *кушницѣвои цвѣтъ* 111. Совокупность всех перечисленных особенностей определенно указывает на великорусский север. Вероятная более узкая локализация — район, охватывающий лачские, поморские и северновологодские говоры (сам диа-

²⁸ Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

лектологический анализ мы, к сожалению, вынуждены здесь опустить). Некоторую трудность составляет, правда, наличие нескольких случаев смешения *o* и *a*, но почти все они непоказательны; таковы колебания в заимствованных словах (типа *кордамбѣнъ*—*кардамбѣнъ*), написания *начевать* 1176, *на. . . начлѣзѣ* 2046 (это слово встречается в северных говорах с *на-*) и др. Существенны лишь *кармѣтъ* 203 и *гарнастѣлеи хвѣстъ* 1746; но первое может быть и опиской, а второе — инодиалектным словом. Акцентная система Цел. — восточного типа, с ярко выраженными чертами, отличающими дальний северо-восток от основной части восточной зоны (из этих черт особенно широко представлена дефинализация ударения, см. § 3.10).

Целеб. — второй почерк (292—3076) той же рукописи; по фонетическим и акцентологическим особенностям очень близок к Цел.

Дополнительные памятники. Нил. — три тома Житий святых, писанные в 1490-х гг. Нилом Сорским²⁹, а именно: ГБЛ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 630 (ниже обозначается просто Нил.); ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 684, часть 1—2726 (обозначается Нил. Т); Босуд. Литературный музей, № 126 (обозначается Нил. М). Нил Сорский (около 1433—1508) был постриженником Кирилло-Белозерского монастыря; последние десятилетия жизни провел в основанной им Сорской пустыни близ Белого озера. Акцентуация автографов Нила Сорского редкая. В акцентной системе преобладают западные черты, но имеются и некоторые частные сходства с вологодскими и белозерскими памятниками.

Ев. — Евангелие-тетр (286 л.). ГБЛ, ф. 113 (Волоколамское собр.), № 39. По-видимому, конец XV в. Было привезено Нилом Полевым с Белого озера и в 1514 г. вложено в Иосифо-Волоколамский монастырь. Листы 1, 8 и 81 — вставные. Акцентуация редкая; акцентная система в ряде черт сходна с Нил.

Тит. — Пятидесятница (404 л.). ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 146. 1541 г. Писал в Троице-Сергиевой лавре чернец Тит, постриженник Николаевского Комельского (Озерского) монастыря под Грязовцем. Акцентуация довольно редкая; акцентная система близка к Лук. и Корн.

Карг. — Василия Великого о постничестве (597 л.). ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), № 133. 1556 г. Писал (по-видимому, в Троице-Сергиевой лавре) инок Исайя каргополец. Обследованы: 1—160, 478—5976.

Лук. — Скитский патерик (274 л. в два столбца). ГБЛ, ф. 256 (Румянцевское собр.), № 307. 1570 г. Писал дьякон вологодского

²⁹ См.: Клосс Б. М. Нил Сорский и Нил Полев — «писатели книг». — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974, с. 150—167; Прохоров Г. М. Автографы Нила Сорского. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия (письменность, искусство, археология). Ежегодник 1974. М., 1975, с. 37—54.

Богоявленского собора Лука «прозвищем Русин» для Якова Аникиева сына Строганова.

Клон. — основной почерк рукописи: Сборник житий (547 лл.), ГБЛ, ф. 209 (собр. Овчинникова), № 271. Вклад 1595 г. в Клоновской монастырь (Шенкурского уезда Архангельской губ.). Филиграни: Брике, № 12802 — 1594 г.; № 12871 — 1595 г. По-видимому, писано в самом Клоновском монастыре. Из рассматриваемого почерка обследованы части 1—1316 и 254—3116.

Джемс — Записи Ричарда Джемса, сделанные в 1618—19 гг. в Колмогорах (по фототипическому изданию³⁰; ссылки даются на страницы оригинала). Около 600 словоформ, записанных со знаком ударения, дают важный материал по диалектной акцентуации. Следует учитывать, однако, что гравис над конечным *e*, по-видимому, не означал у Джемса ударения; скорее всего Джемс просто показывал грависом, что *e* здесь не немое (или использовал \grave{e} как знак для *i*-образного звука).

§ 3.32. Сверх всех перечисленных источников в отдельных случаях используются также некоторые другие.

Бер. — Памво Беринда. Лексикон славеноросский и имен толкование. Киев, 1627. По фототипическому изданию: Лексикон словеноросский Памви Беринди. Київ, 1961. Ссылки даются на столбцы оригинала.

Полик. — Федор Поликарпов. Лексикон трязычный. Москва, 1704.

Вед. — Ведомости времени Петра Великого, вып. I—II. М., 1903—1906.

Далее, имеется группа рукописей, материал которых (по именам) цитируется по работам В. В. Колесова (Колесов 1972, 1974, 1978а, б); рукописи обозначены (кроме Вер.) так же, как у В. В. Колесова.

Пс. — Псалтирь (по В. В. Колесову, предположительно псковская). ГПБ, Погод. 86. XV в.

Вер. — Сборник. ГПБ, Ф.П.255. XVI в., Верея (у В. В. Колесова обозначено как Сб. 5).

Зап. — Записная книжка монаха. ГПБ, Q.XVII.67. Конец XVI—нач. XVII в., Кубенское озеро.

Пч. — Пчела. ГПБ, Кирил.-Белоз. 114/1191. 1640 г., Вологда.

Св. — Стоглав. ГПБ, Q.П.102. 1645 г., Серпухов.

Леч. — Лечебник. ГПБ, собр. Колобова, № 649. XVII в., Шуя.

Уст. — Житие Прокопия и Иоанна устюжских чудотворцев. БАН, 45, 10.2. Конец XVII в., Великий Устюг.

³⁰ Ларин В. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959.

ВОПРОС О ПРИМЕНЕНИИ КАРТ

§ 3.33. В настоящей работе некоторые результаты акцентологического обследования старовеликорусских памятников представлены в виде карт. Поскольку само такое картографирование — занятие нетрадиционное, необходимо вначале обсудить вопрос о том, до какой степени и в каких границах оно является целесообразным. Имеется ряд причин, по которым картографирование в исторической диалектологии не может достигнуть (ни теперь, ни даже в будущем) той степени точности и надежности, которая возможна в современной диалектологии.

1. Лишь в редчайших случаях говор писца удается локализовать (например, по биографическим сведениям о писце) в строго определенной географической точке. Гораздо чаще локализация оказывается приблизительной, нередко в рамках весьма обширного района.

2. Даже если бы удалось обследовать и локализовать в несколько раз большее число рукописей, чем, например, в настоящей работе, плотность «покрытия» картографируемой территории все равно оказалась бы гораздо меньшей (и гораздо менее равномерной), чем в синхронических диалектологических атласах.

3. Невозможно собрать удовлетворительное число памятников всех районов, относящихся к одному и тому же узкому хронологическому интервалу; отсюда необходимость сравнения разновременных памятников. Так, в настоящей работе в основном используются памятники, входящие в 150-летний интервал (1500—1650 гг.); но представлено и несколько памятников более ранних и более поздних. Понятно, что в этих условиях на исторической карте могут оказаться смешанными различия собственно территориальные и различия хронологические.

4. Наконец, следует учитывать возможные искажения диалектологической картины, связанные с тем, что рукописи обычно лишь косвенно и в ограниченной степени отражают диалектные особенности речи писца.

Названные трудности столь значительны, что можно усомниться в правомерности картографирования памятников вообще. Представляется, однако, что было бы все же неправильно из-за отсутствия желаемой точности совсем отказаться от столь наглядного способа отражения диалектологических результатов. Необходимо лишь постоянно помнить, на что могут и на что не могут претендовать предлагаемые историко-акцентологические карты, и не поддаваться иллюзии, будто это документы того же порядка точности, что и современные диалектологические карты (заметим, что во избежание этой иллюзии мы предпочли не наносить на наши карты одновременно древних и нынешних границ распространения рассматриваемых явлений).

Содержащиеся в настоящей книге карты (кроме № 1) фактически соединяют некоторые свойства обычной карты со свойствами схемы.

Так, внешние границы и контуры диалектных районов даны с географической точки зрения точно; но расположение точек, соответствующих памятникам, внутри диалектных районов в значительной мере условно (т. е. отвечает принципу схемы, а не карты). Разумеется, точно локализованные памятники помещены на карте, как правило, достаточно близко к соответствующему географическому пункту; однако претензии на полную точность даже и в этих случаях нет и, чтобы подчеркнуть это, на карты (кроме № 1) вообще не наносятся города (периферийные памятники севера на карте несколько сдвинуты к центру, чтобы сделать карту компактнее; в связи с этим Онежская губа на картах № 2—20 не показана). Памятники, локализованные менее определенно, помещаются внутри своего диалектного района по возможности так, чтобы более сходные (с акцентологической точки зрения) памятники оказывались ближе друг к другу, чем менее сходные. В некоторых случаях схематичность расположения определяется также чисто графическими причинами; так, при мелком масштабе многочисленные московские памятники неизбежно должны занять на карте довольно большое пространство вокруг Москвы (аналогично и с новгородскими памятниками). Существенно, однако, что при всех элементах условности в расположении памятников на карте это расположение на всех наших картах одинаково (эталонном здесь служит карта 2).

Линии на карте, ограничивающие группы памятников с тем или иным акцентным свойством, мы будем именовать *схематическими изоглоссами*. В отличие от настоящих изоглосс, схематические изоглоссы по целому ряду причин (элементы условности в размещении памятников на карте, слишком большие пустые пространства между ними, разновременность памятников) не могут претендовать на географическую точность. Более того, например, схематические изоглоссы, разделяющие московские памятники, не соответствуют вообще никаким границам на местности. Таким образом, схематические изоглоссы, строго говоря, должны рассматриваться прежде всего как средство наглядной классификации памятников по различным акцентологическим признакам; никакая таблица не может сравниться с ними по наглядности. Лишь на следующем шагу анализа допустимо строить на основе схематических изоглосс предположения о виде реальных изоглосс рассматриваемой эпохи.

Понятно, что разрежение сетки пунктов приводит к меньшей потере информации там, где картографируемая территория распадается по рассматриваемому признаку на малое число (в идеале два) крупных связных массивов с не слишком извилистыми границами. Например, карта современного великорусского аканья и оканья, составленная на основе сетки из 50—70 пунктов, конечно, показала бы общий принцип географического распределения этих явлений (хотя граница получилась бы при этом весьма неточной). Напротив, для явлений со сложным, «чересполосным» распределением разреже-

ние сетки может привести к совершенно искаженной картине. Соответственно, в настоящей работе мы считаем целесообразным прибегать к картографированию лишь в тех случаях, где вырисовываются достаточно крупные цельные массивы памятников с одинаковой акцентной характеристикой.

Отметим некоторые дополнительные условности, соблюдаемые при картографировании. Точкой памятника на карте считается самый левый из условных знаков, относящихся к этому памятнику (обычно это кружок); таким образом, схематическая изоглосса должна правильно обходить только этот левый знак. Схематическая изоглосса, проведенная через сам этот знак, показывает, что в памятнике нет соответствующего материала. Там, где схематическая изоглосса должна быть сильно искривлена, чтобы «захватить» памятник XIV в. (Чуд. или Мер.), и есть основания полагать, что в XIV в. она проходила иначе, чем в XVI—XVII вв., памятник XIV в. заключается в знак незамкнутого круга (так наз. «хронологическая ниша») и схематическая изоглосса только подходит к этому кругу, но не охватывает его (см., например, карты 6, 11, 15). При пересечении значительного пустого пространства схематическая изоглосса проводится по возможности вдоль границ географических районов.

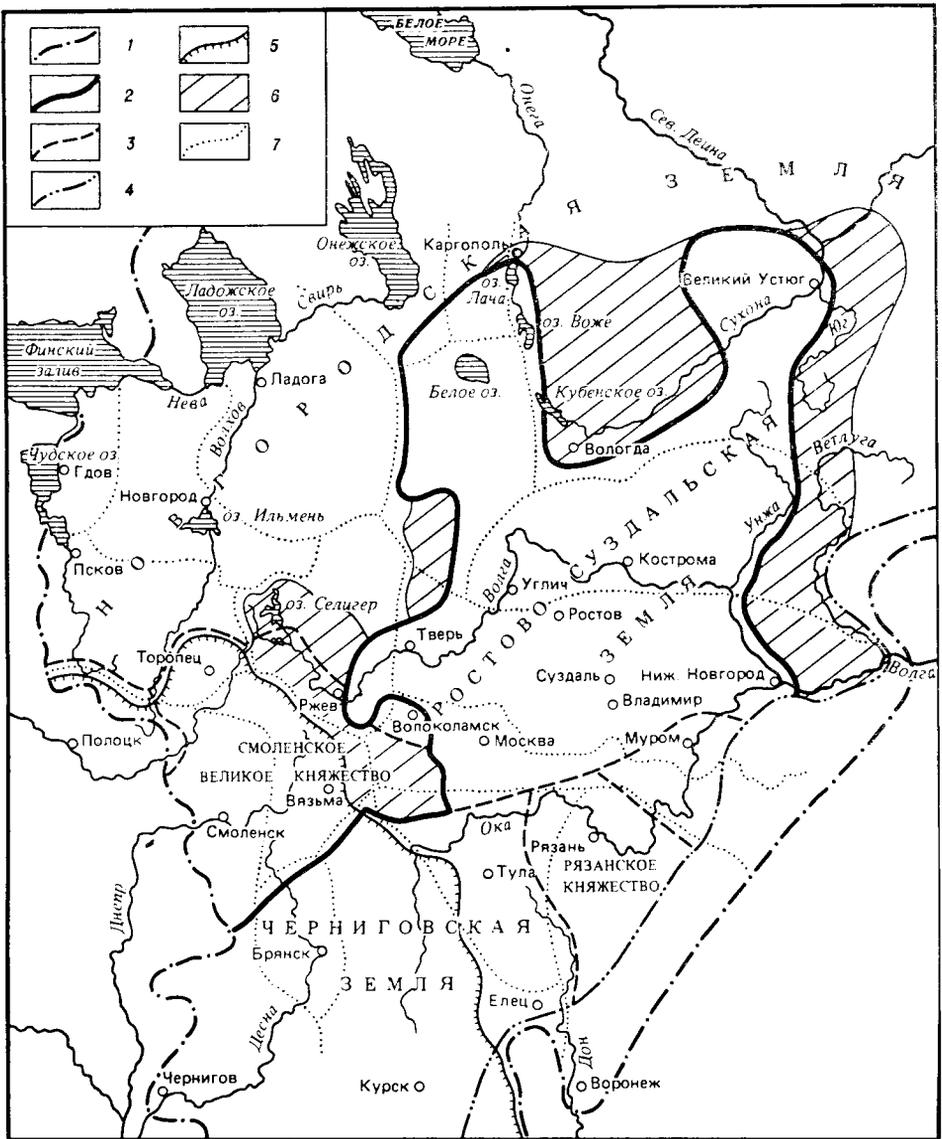
Основные условные знаки, применяемые на картах, — кружки и треугольники. Покажем используемую символику на примере кружков (допустим, они отражают акцентуацию определенного класса словоформ):

- — 1-й тип акцентовки;
- — 2-й тип акцентовки;
- ◐ — колебание (с равновесием обоих типов или с незначительным преобладанием одного из них);
- ◑ — господство 1-го типа акцентовки с небольшими отклонениями в сторону 2-го;
- ◒ — обратное соотношение.

Знаки уменьшенного размера показывают, что материал памятника по данному пункту очень мал (1—2 примера; до трех в случае колебания). Таким образом, при конкретной карте в принципе достаточно указать, что такое 1-й и 2-й типы акцентовки; дополнительные разъяснения даются лишь там, где условным знакам приписаны значения, в чем-либо отклоняющиеся от приведенной общей схемы.

Карты 1 и 2 содержат основные историко-географические и диалектологические сведения, необходимые для понимания остальных карт.

На карте 1 показаны границы основных земель и княжеств (на территории будущего Московского государства) в первой трети XIII в., т. е. перед татаро-монгольским нашествием. Выделена черным граница между Новгородской и Смоленской землями, с одной стороны, и Ростово-Суздальской, Рязанской и Черниговской, с другой (поскольку она сыграла существенную роль в последующем формировании диалектных групп, ср. ниже). Показана также восточ-

Карта 1. Политическое деление древней Руси и современное диалектное членение русского языка:

1 — граница Московского государства к 1550 г. (все прочие границы показаны только внутри этой); 2 — граница между Новгородской и Смоленской землями, с одной стороны, и Ростово-Суздальской, Рязанской и Черниговской землями, с другой, в первой трети XIII в.; 3 — прочие границы между землями и княжествами в первой трети XIII в.; 4 — общая восточная граница русских княжеств в первой трети XIII в.; 5 — восточная граница Литовского великого княжества в 1462 г.; 6 — новгородские и смоленские земли, отошедшие к Московскому великому княжеству до 1462 г.; 7 — границы групп современных русских говоров. См. также дополнительные пояснения в § 3.33.

ная граница Литовского великого княжества в эпоху его максимальной экспансии (XV в.).

С другой стороны, на карту 1 нанесены (пунктиром) границы групп современных русских говоров (см. Рус. диал., карта-вкладка). Фактически показаны следующие группы или подгруппы (на карте они опознаются по городам или озерам, находящимся на их территории): Новгородская, Гдовская, Псковская, Селигеро-Торжковская, Ладого-Тихвинская, Онежская, Лачская, Вологодская, Белозерская, Костромская, Владимиро-Поволжская, восточные среднерусские акающие говоры (Москва), Западная (Смоленск), Верхне-Днепровская (Вязьма), Верхне-Деснинская (Брянск), Тульская, Рязанская и Курско-Орловская (вместе с примыкающими к ней с запада и с востока межзональными говорами). Таким образом, карта 1 дает общее представление о том, в какой степени современные диалектные группы могут быть соотнесены с древнерусскими политическими объединениями.

Карта 2 демонстрирует распределение памятников, использованных в настоящей работе, по географическим районам (не нанесены на карту лишь некоторые сравнительно мало используемые памятники из числа дополнительных). Для каждого памятника показано, на основании какого рода сведений он отнесен нами к соответствующему географическому району; об элементах условности в помещении памятника внутри географического района см. выше. С помощью шрифта различены памятники, относящиеся к разным периодам. Специально отмечены памятники, различающие /ɔ/ и /δ/.

Карта 2 показывает также само членение на географические районы, используемое нами везде в дальнейшем (названия районов условны). Как видно из сравнения с картой 1, это членение в основном представляет собой лишь некоторое укрупнение сетки современного диалектного членения. Прочие отличия незначительны: волоколамские и торопецкие говоры включены в ближнезападный район, территория к востоку от Унжи — в район дальнего северо-востока.

Наконец, на карте 2 показаны основные итоги классификации акцентных микросистем, отраженных в памятниках. С этой точки зрения выделяется два основных класса микросистем, которые образуют соответственно восточную и западную зоны; их границы показаны на карте жирными линиями. Между этими границами находится промежуточная полоса, включающая некоторое число микросистем переходного типа (при этом Мер. образует «хронологическую нишу», см. выше). Каждая из двух главных зон делится на основную часть и кромку. Акцентные микросистемы основной части зоны воплощают относительно чистый диалектный тип; микросистемы кромки обнаруживают некоторое число акцентных черт, свойственных противоположной зоне. Как видно из карты, кромки зон довольно узки на юге и в центре, но чрезвычайно расширяются на севере; северная часть

кромки восточной зоны охватывает почти весь дальний северо-восток. Территория, состоящая из двух кромок и промежуточной полосы, может быть названа также широким промежуточной полосой.

Границы зон и их основных частей, нанесенные на карту 2, представляют собой результат некоторого «усреднения» тех разбиений, которые получаются на картах, посвященных частным акцентологическим характеристикам памятников. Широкая промежуточная полоса — это не что иное, как «полоса схематических изоглосс», т. е. территория, покрываемая пучком многочисленных схематических изоглосс, отделяющих восточный тип акцентировки того или иного класса словоформ от западного; см. ниже карты 3—20.

Из сравнения карт 2 и 1 видно, что основная часть восточной зоны в целом соответствует Ростово-Суздальской и Рязанской землям, а основная часть западной зоны — Смоленской и ядру Новгородской земли. Территория севера, где столкнулись новгородский и ростово-суздальский колонизационные потоки, вошла в широкую промежуточную полосу (т. е. акцентные характеристики здесь более размыты).

На всех последующих картах без дополнительных разъяснений даются, во-первых, границы Московского государства к 1550 г. (см. карту 1), во-вторых, границы выделяемых нами географических районов (пунктиром; см. карту 2).

АНАЛИЗ УДАРЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ ВАЖНЫХ ЗВЕНЬЯХ СТАРОВЕЛИКОРУССКОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

§ 3.34. В настоящем разделе разбирается акцентуация некоторых морфологических классов словоформ, точнее, их подклассов, соответствующих той или иной акцентной парадигме (например, Т. мн. *i-feminina* а. п. с, *v*-причастия *V*-корневых глаголов а. п. с и т. п.). Дать подобный разбор для всех таких классов не позволяет ни объем настоящей работы, ни характер собранного нами материала (где одни классы отразились с удовлетворительной полнотой, другие же очень неполно). Ниже для анализа выбраны классы словоформ, акцентуация которых оказывается существенной характеристикой конкретной акцентной микросистемы; практически разбор чаще всего касается слов а. п. с. Наибольшее внимание уделено акцентным особенностям, соотношенным с достаточно четко очерченной территорией, т. е. имеющим непосредственное диалектологическое значение.

В основу анализа положен разбор конкретных микросистем; при этом наиболее подробно изучаются те из них, которые содержат максимум материала по рассматриваемому вопросу. Для каждого анализируемого класса словоформ предварительно выявляются по-

бочные факторы, влияющие на акцентуацию тех или иных словоформ данного класса; отделяются лексемы, обнаруживающие индивидуальные колебания или иные особенности. Тем самым вычленяется некоторое ядро рассматриваемого класса («основной материал»), которое наиболее непосредственно отражает собственную диалектную характеристику конкретной микросистемы. Указанная схема анализа позволяет во многих случаях обнаружить достаточно четкое диалектное распределение акцентов там, где чисто «словарный» подход к материалу (от словоформы ко всем примерам ее фиксации в памятниках) оставляет лишь обескураживающее впечатление безграничного и беспорядочного акцентного варьирования.

При анализе в центре внимания везде находится акцентная эволюция целых классов словоформ (и диалектные различия в этой эволюции), а не индивидуальные особенности отдельных лексем. В самом деле, эти особенности смогут быть правильным образом оценены лишь после того, как будет проделана более «грубая» работа по выявлению соответствующих массовых фактов. Поскольку в данной области пока еще известно очень мало, мы вынуждены в основном заниматься ниже именно подобной «грубой» работой.

При изложении результатов анализа приводится в первую очередь материал наиболее показательных и хорошо документированных микросистем. Материал микросистем, вполне сходных с образцовыми, но документированных слабее, может и не приводиться. В тех случаях, когда дана карта, часть информации (касающаяся относительно менее важных памятников) передается непосредственно картой и в тексте уже не дублируется.

В разборе часто фигурирует противопоставление флексийного и основного ударения. Специально отметим, что при этом в понятие основного ударения в качестве частного случая включается также энклименная акцентовка, предполагающая перенос ударения на проклитику. Для презенса флексийное ударение понимается уже в том же смысле, что для современного языка, т. е. как ударение на *-ешь*, *-ишь*, *-еть*, *-итъ* и т. д. Там, где существенно различать синхронически наблюдаемую (в рассматриваемой микросистеме) и первоначальную (раннедревнерусскую) а. п. некоторого слова, последняя обозначается как его «историческая а. п.».

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

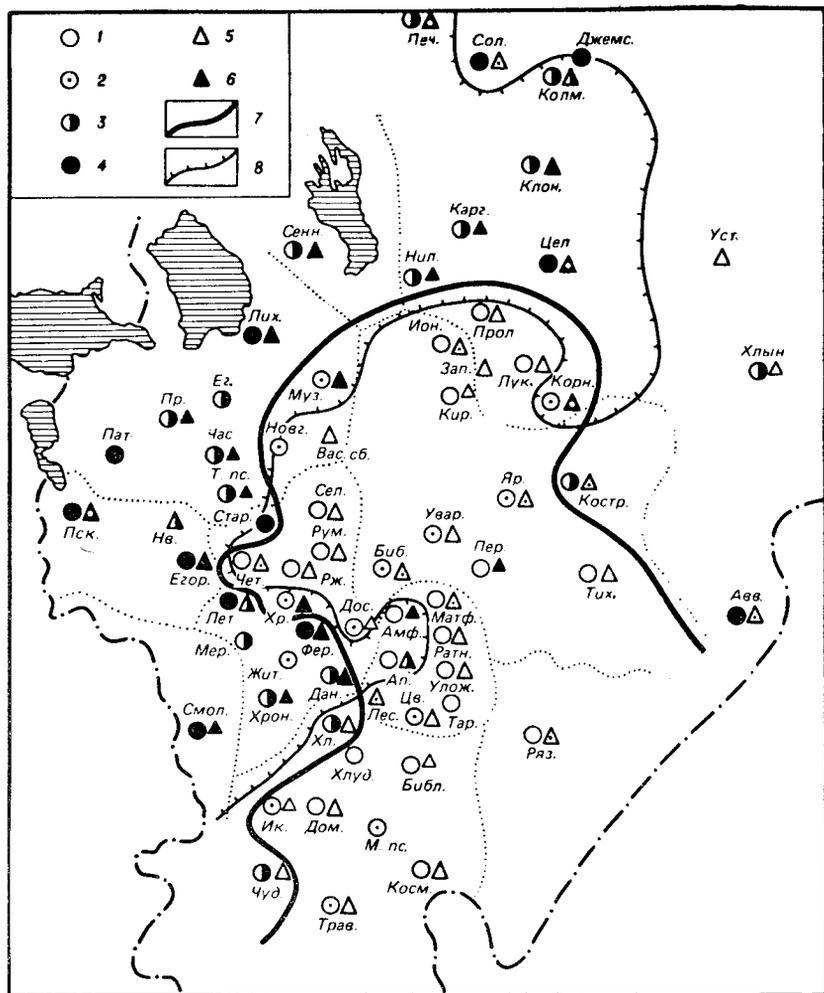
Дефинализация ударения в склонении существительных а. п. в

§ 3.35. Дефинализация ударения в словоформах ед. числа существительных а. п. *в* образует важнейший частный случай неустойчивой дефинализации (см. § 3.9) и может служить мерилем ее распространенности в конкретной микросистеме. Из карты 3 видно, что дефинализация в ед. числе существительных а. п. *в* имеет четкую

географическую границу, а именно, она характерна для западной зоны и дальнего северо-востока. В памятниках основной части восточной зоны (кроме Костр., примыкающего в этом отношении к дальнему северо-востоку) данное явление отсутствует или представлено совершенно единичными примерами.

Положение в памятниках Пат. и Цел., отличающихся особенно яркой дефинализацией, продемонстрировано выше, в § 3.10. В прочих памятниках рассматриваемое явление представлено не столь широко. Так, например, в Лет. находим: *по днѣпру* 70, 73б, *ω днѣпрѣ* 83б, *дьяка* 367, *дьяка* 262, *на кони* М. ед. (3×), *в корабли* 73, *в торжкѹ* М. ед. 175б; *винѹ* Р. ед. 32, *на лицѹ* М. ед. 41; *доузѣ* Д. ед. 133, *литвѹ* 149б, *тѹга* 282б, *в... тѹзѣ* 262 (+226); менее показательны словоформы В. ед. (поскольку здесь не исключено влияние со стороны а. п. с) — *вражѹ* 127б, *в литву* 367, *в литвѹ* 267, *в мѹрѹву* 209, *на мѹрѹву* 150. Но во всех этих случаях много чаще выступает флексийное ударение. Лексикализованную дефинализацию можно предполагать в регулярно выступающих в Лет. *пѹста*, *-у*, *ѹка*, *-и*, *-ѣ*, *-у*, *-ѹю* 'Ока'. Другие образцы. Фер.: *ѹгну* 532б, *по роѹблю* 755б, *сѣрни* 996б, *гѹмно* 982б, *сѣстрѹ* 809, *слоѹгѹ* 992б, возможно, сюда же *о полѹнѣ* 796, *чясы* В. мн. 970, *ѹцу* 'отцу' 519б, *кѹние* 521, *кѹниѹ* Р. ед. 523, *рѹта* И. ед. 507, *тѹтѹба* 497б. Пск.: *грѣха* 260, *кѣ врагоу* 172, *зміѹ* Р. ед. 62б, 169б, *в корабли* М. ед. 281б, *без соѹда* 112, *бес троѹда* 104, *оѹма* 89, *ω оѹма* 222, *оѹму* 7, *во оѹмѣ* 256, *ω винѣ* 'vinum' 133, *срѣбро* 60б, *-а* 60б, *число* 57, *зміѹ* И. ед. 174б, *-и* Р. ед. 187, *сѹтѹна* 98, *слоѹга* 105б; возможно, сюда же *ѹца* Р. ед. 218, 225б, *кѹниѹ* Р. ед. 141 и ряд других; лексикализованную дефинализацию можно предполагать в *ѹгня*, *-ѹю*, *-емь*, *-и* М. ед. (14×; флексийное ударение не встретилось), в непоследовательной форме также у некоторых других слов. Авв.: *двѹрѹ* 208, *ко двѹру* 201, *дурѹка* 31, *по живѹту* 278, *у... колѣдѹнѹ* 225, *ωлтѹтѹрѹ* 206б; *по... лицѹ* 157, *мѹсца* Р. ед. 218б; *у двѹвы* 199, *глѹвы* Р. ед. 79б, *глѹвѣ* Д. ед. 218, *к жѣнѣ* 237б, *пелѣны* Р. ед. 265б, *простѹты* Р. ед. 35, *на тѹрмѹ* 37, *в тѹрѹмѣ* 89б. Как и в Лет., во всех этих памятниках в тех же словах (кроме оговоренных случаев) гораздо чаще выступает флексийное ударение. Сходные примеры (в таких же или несколько меньших количествах) обнаруживаются и в других памятниках, отмеченных соответствующими знаками на карте 3.

Что касается самых ранних памятников, то в Мер. отражением дефинализации можно считать, во-первых, написания *бервьно* (1×), *вино* (3×), *гнѣздо* (1×), *гумно* (2×), *число* (2×), *лото* (4×), *мѣдрѹ* (1×), *зѣло* (4×), где конечное *-о* вместо ожидаемого *-ω* представлено заметно чаще, чем в среднем по Мер. (18 *-о* на 28 *-ω*, см. Акц. Мер., § 28, 51), во-вторых, *живѹта* Р. ед. 122б (при обычных

Карта 3. Дефинализация ударения в склонении существительных а. п. *б*, ударение в Т. мн. на *-ьми* у существительных а. п. *с*:

1 — в ед. числе произвольных существительных а. п. *б* примеров предфлексивного ударения (*добра, число, жена* и т. п.) нет (слова с колеблющейся а. п. не в счет); 2 — отмечено 1—2 примера такого ударения; 3 — отмечено 3—10 таких примеров; 4 — отмечено более 10 таких примеров; 5 — Т. мн. на *-ьми* у существительных а. п. *с* по модели *костьми* (не в счет словоформы: *людьми; книжные вещьми, кровьми, лосьми, стрьсьми*; многосложные с начальным ударением, например, *пѣхотьми*); 6 — Т. мн. на *-ьми* у существительных а. п. *с* по модели *костьми* (не в счет те же группы словоформ); 7 — граница между зоной, где ударений типа *добра, число, жена* нет или почти нет (1—2 примера), и зоной, где они встречаются; 8 — восточная граница зоны преобладания или значительного распространения модели *костьми* в Т. мн. на *-ьми*.

живота, -у, -ѣ и т. д.). Относительно возможных отражений дефинализации в Чуд. см. § 3.14 (п. 2).

Рассматривая дефинализацию в склонении существительных а. п. *b* только на материале словоформ ед. числа, мы избегаем трудностей, связанных с тем, что в словоформах мн. числа (например, *чѣсла, слѹги, жѣны, кѡни*) предфлексивное ударение может иметь иной, а именно чисто морфологический источник. Это не значит, конечно, что во мн. числе дефинализации не происходило; просто здесь ее труднее надежно опознать. Так, вполне вероятно, что Лих. *бѣды* В. мн. 32а, Фер. *жѣны* В. мн. 771 и некоторые другие подобные примеры отражают всего лишь неустойчивую дефинализацию (ср. § 3.49).

М. ед. в а. п. с

§ 3.36. Акцентологические характеристики М. ед. на -у (у и-и o-masculina) и М. ед. на -и (у i-feminina) в значительной мере сходны. Как можно видеть из карты 4, основной принцип диалектного распределения состоит в том, что в западной зоне ударение в этих формах наосновное, а в восточной — преимущественно флексивное. При этом модель *в нѡчи* встречается в восточной зоне заметно чаще, чем модель *в дѡму*; в частности, она распространена почти на всем северо-востоке.

Наосновное ударение в М. ед. — это почти всегда ударение энклиноменного типа, т. е. на начальном слоге фонетического слова (например, *в нѣмоци, на части, в пѣру, б миру*), с факультативной неоттяжкой ударения на предлог (например, *о крѡви, на бѣрегу*) в микросистемах, где оттяжка на проклитики уже перестала быть регулярной. Лишь в очень редких случаях встречаются ударения типа *на площáди, в черѣпу*, которые явно возникли из конечного ударения путем дефинализации (конечно, в части случаев такой же источник могут иметь и ударения типа *в чѣсти, в пѣру*, но этого нельзя выявить).

В XVI—XVII вв. в восточной зоне обнаруживается также зависимость акцентовки М. ед. на -у и на -и от нескольких дополнительных факторов.

1. При наличии определения между предлогом и существительным вместо акцентовки *домѹ, нѡчи* обычно выступает *дѡму, нѡчи*, например, *в домѹ, но в тѡмѣ дѡму, в чѣсти, но в великои чѣсти* (у существительных мужского рода сочетания типа *в тѡмѣ домѹ* могут устраняться и другим путем — заменой окончания -у на -ѣ, например, *в тѡмѣ дѡмѣ*).

2. При неодносложной (не за счет полногласия) основе в большинстве памятников вместо флексивного ударения выступает наосновное, например, *в бѣстроу, в нѣмоци* (а не *в остроуѹ, в немоциѹ*).

3. В части памятников уже действует (хотя и не вполне строго) семантический фактор: в локативном значении представлено флекси-

онное ударение, в нелокативном (так наз. «изъяснительном») — наосновное. Например, оказываются противопоставленными *в пеци* и *о пеци* (*о пѣци*), *в честѣ* и *о чѣсти* и т. п. Возможно также противопоставление при одном и том же предлоге, например, *да омочитя нога твоя в кровѣ* (в псалме 67) и *кая польза в кровѣ моги* (в псалме 29); именно такая акцентовка представлена в этих фразеах, например, в Биб. Действие данного фактора заметно прежде всего в М. ед. на *-и*; но его можно усмотреть (хотя и не в столь отчетливой форме) также и в М. ед. на *-у*, ср., например, в Лет. *на миру* 'во время мира' (3×), но *о миру* (23×).

4. Некоторые сочетания книжного характера могут выступать с наосновным ударением даже в микросистемах, в целом характеризующихся флексийным ударением. Таковы прежде всего сочетания *в плѣти* (*вб плоти*), *в брани* (*вб брани*), *на брани*, *в страсти* (*вб страсти*), *в вѣщи* 'в сущности', 'по существу'. Заметим, что сама вокализация исконного *ъ* в предлоге в таких сочетаниях (противоречащая обычным древнерусским нормам эволюции редуцированных) является дополнительным указанием на их книжный характер.

5. Наконец, для сочетаний с предлогом *по* 'после' необходимо учитывать отмечаемые уже с очень раннего времени случаи взаимного влияния акцентовки дательного и местного падежей, т. е. примеры типа *пѣ страсти* 'после мучения' (вместо *по страстѣ*) под влиянием *пѣ страсти* 'по мучению', 'в соответствии с мучением' и, наоборот, *по властѣ* 'по области' (вместо *пѣ власти*).

Таким образом, при анализе конкретных микросистем необходимо различать основной материал по М. ед. (т. е. такой, где не действует ни один из перечисленных выше особых факторов, способствующих наосновному ударению) и дополнительный (где хотя бы один из этих факторов действует). С диалектологической точки зрения основной материал всегда является показательным; напротив, дополнительный материал показателен обычно лишь в случае флексийного ударения.

Ниже рассматривается материал памятников. При этом в первую очередь всегда приводятся слова исконной а. п. с. К ним могут быть добавлены и те, которые перешли в эту а. п. именно в данной микросистеме (при необходимости они могут быть выделены пометой «вторичное»). Иногда сверх того приводятся также (с указаниями «еще», «ср.» и т. п.) слова с неизвестной или неустойчивой а. п. В микросистемах, где отдельно дан основной и дополнительный материал, первый приводится без особой пометы, а второй вводится пометой «дополн.».

М. ед. на *-и*

§ 3.37. Микросистемы с моделью *в ноци* (основной и дополнительный материал дается вместе, поскольку здесь между ними нет различия). Сенн.: *въ веси* 176б, 176в, *въ плоти* 45г, 100г, 203в, *въ брани* (М. ед.?) 128б, *прикнуоуся* (аор.) *рѣза*^х *хъвахъ се же е*^с

въ плоти 60б). Егор.: в нѣщи (часто), въ крѣви 379, в чѣсти 354, въ плоти 98, 159б, 427б, ѡ плоти 36 ter, ѡ страсти 250, ѡ чести 467, въ... нѣщи 294б, ѡ... вѣщи 301б bis, 461б, ѡ... нѣмощи 218 bis (особо на... плоти 163б, 164, 560б). Пск.: в нѣщи (4×), в пѣщи 315, въ стрѣсти 141б, во стрѣти 118б, на брани 59б, во плоти 135 bis, 137б, ѡ вѣщи 20, 176б, в нѣмощи 139б, въ... вѣщи 115, 188, в... стрѣсти 82б, въ... чѣсти 162. Дос.: в нѣщи 52б, 119б, 151 (с неясной каморой), во власти 83б, на брани 171б, ѡ вещи 261, ѡ... вѣщи 51. Смол.: въ крѣви 28б, 31б, 44б, во... ѡбласти 103, 103б. Аналогично и в ряде других памятников (но в них материала меньше); см. карту 4.

Весьма близка к чистой модели в нѣщи микросистема Хр.: в нѣщи же 1251б, в дѣбри 547, в крѣви 953б (+317), на плоти царѣве 1000б, в чѣсти 560, 1183, на чѣсти 1012 (+1011б), также по трѣтеи нѣщи 106б, во... чѣсти 1211б quater и т. п.; отклоняется только в ноцѣ 702б. Аналогично: Лук. в нѣщи (часто), в вѣси 195б — в весѣ 189б; Хлын. в нѣщи (часто), в пѣщи 125, во плоти 272б, в плоти 183 (отметим еще на тве^рди 117б) — во льстѣ 151 (+153б).

Микросистемы с моделью в ноцѣ. Прежде всего сюда относятся Чуд.: въ благости 118б, в вещи 133в, о всякой вещи 10в, о власти 119г, в кровѣ 13а, о кровѣ 39б, о его кровѣ 100г, о моеи кровѣ 113а, в кротости 81б, 139в, о крѣпости 85в, во лстѣ 87б, во всякой лстѣ 135а, о лстѣ 92а, в немощѣ 43в, 108г, 120г, в ноцѣ 133г, в ноцѣ 87г, въ области 136в, в плоти 90а, 124б, 125в и др. (часто), на плоти 100б, на площадѣ 153в, в похотѣ 86в, въ чѣтъ свѣстѣ 136г, в чѣстѣи сеи 119в, в сеи частѣи 117б, ни во чѣтъ коеи 131б (отметим еще о дщери 31б). Отклоняются только: в пѣщи ражженѣ 149б, в плоти 128б, о еже по тѣлоу нѣмощи 116б. Как можно видеть, в Чуд. еще почти не ощущается различия между основным и дополнительным материалом.

В XVI—XVII вв. в значительном числе памятников в основном материале всегда или почти всегда выступает флексивное ударение, а в дополнительном наосновное или смешанное. Таково большинство памятников восточной зоны, в частности, все памятники ее основной части (подробнее см. карту 4). Приводим несколько наиболее наглядных микросистем. Ион.: в ноцѣ (часто), в пещѣ 155, 230 (+49, 185), в частѣи 51; дополн.: в... власти 528б, о... чѣсти 116б, ереси 487б, въ прѣлести 615, о вещи 8б, о чѣсти 124, по стрѣти 363б, по прелести (скорее М., чем Д.) 615; с другой стороны, в бѣлшей чѣстѣи 119, в немощѣ 153б, въ брани 312. Увар.: в ноцѣ 689, 731б, 839б (но также в нѣщи 737б), въ клетѣи 837б, въ кровѣ 28 (+49б), во ржѣи 601б; дополн.: въ егдѣ власти 709, во... чѣсти 70, в... вѣщи 700, о... вѣщи 679б и др., в нѣмощи 689, в крѣви моеи 512 (изъяснительное значение), на брани 244б (сюда же устаревшее к XVI в.

в *вѣрви* 'в общине' 803б), по *стрѣти* 'после мучения' 560. Косм.: в *ночи* 4б, в *чести* 177 (отметим еще в *руси* 32б, в *розни* 164, в *западѣ* 83б, в *западѣ* 77); дополн.: в... *части* (5×: 20б, 24б и др.), во... *шерсти* 135б, в... *рѣчи* 77б (+114), во... *ѡбласти* 11б; с другой стороны, ѡ *данѣ* 97. Дом.: в *ночи* 94б, в *грязи* 93б, на *печи* 102 bis, во *чтѣ* 32б, на *власти* 42 (ср. еще в *сушѣ* 81б); дополн.: ѡ *соли* 118б, ѡ *помощи* 17б. М. пс.: в *нощи* 44б, 82, 115б, 132, 139 (но также в *нощи* 19б, в *нощи* 13), в *грязи* 71, в *дѣбри* 62, в *кровѣ* 70 (+27б), в *печи* 170, в *чести* 52 (+51); дополн.: в *помощи* 100б (не говоря уже о таких, как в *крѣпости* 27, в *гордости* 29б), о *печи* 170, в *кровѣ* 60б (изъяснительное значение); с другой стороны, в *брани* 22б, 98б, въ *плоти* 39, в *плоти* 39 (ударение над о зачеркнуто). Авв.: в *нощи* (7×), в *грязи* 62 (но также в *грязи* 225б), в *кровѣ* 153б, на *лошеди* 202б, в *немощи* 142б, в *печи* 135, в *печи* 225, 245б, на *печи* 225, на *чепѣ* 62, 206 bis, 247 (отметим еще на *руси* 219, 242б, на *ѡбѣ* 237б, во *цркви* 198, в *паметѣ* 204). Только дополнительный материал представлен в Костр. (в частности, ѡ *вещи* 136б, въ *страсти* 139б) и Пер. (в частности, о *вещи* 153б, в *вещи* 'по существу' 152б, во *плоти* 285б).

Несколько отличается от рассмотренной группы Цел. (но и здесь акцентовка восточного типа преобладает): в *нощи* (часто), в *ночи* 268, в *печи* (часто), на *печи* 83б, 267, при *печи* 59 (+189), на *волоти* 96б; с другой стороны, в *ночи* 21б, в *печи* 85, 97, 158, в *чести* 10; особо стоит на *лошадѣ* 159б (вероятно, результат дефинализации); дополн.: в... *печи* 43, ѡ... *кровѣ* 214, в *немощи* 138, о *кровѣ* 214 (+253), о *рѣчи* 27, о *пѡхоти* 27б, 165; с другой стороны, в... *печи* (8×: 93, 117б и др.), в *немощи* 113, о *кровѣ* 214.

В нескольких памятниках в основном материале оба типа акцентовки встречаются одинаково часто или слегка преобладает наосновное ударение. Таковы Лет., Новг., Карг., Ап., Биб., Рж., Печ., Сол. Приводим образцы микросистем этого типа (дополнительный материал ради краткости дается лишь выборочно). Лет.: во *тверѣ* (7×: 141, 166б и др.), въ *тверѣ* 246б, 28б, в *тверѣ* 184, 18б, на *тверѣ* 170б, 17б, 263б, на *площади* 197б (не вполне надежно), в *болести* 51 (ср. еще в *шертѣ* 40б, на *веси* 'на вѣсах' 70б, на *ловоти* 'на Ловати' 49, на *перми* 70б, на *стыри* 47, в *казни* 49б) — в *нощи* (часто), въ *тверѣ* 6, на *земи* 41, в *кровѣ* 219б (+155б), в *немощи* 3б, во *ѡбласти* 239б, въ *ѡсени* 73 (ср. еще в *руси* [часто], на *нѣрли* 112); особо стоит на *лошадѣ* 400 (результат дефинализации). Биб.: в *нощи* 334б, 421б, 460, въ *кровѣ* 381б, въ *плоти* 5, 453б, на *плоти* 20 (ср. еще на *плѣши* 75б bis, на *тверди* 392) — в *нощи* 423б, 425б, 42б, въ *власти* 343, в *дѣбри* 121, 468, 473, в *части* 223, в *чести* 376б, 465, в *чѣсти* 377б, также много дополнительного материала (на *брани*, въ *брани*, ѡ *вещи*, въ *кровѣ* [изъясни-

тельное] и т. д.; сюда же *въ бл̄гости* 393). Печ.: *в нощѣ* 233, 365б, *въ... нощѣ* 37, 37б, 42 (+16б), *въ тверѣ* 398б, *на бранѣ* 173б bis, также вторичное *во... ратѣ* 537, *по... ратѣ* 'после битвы' 148 — *в нощѣ* (7×), *в... нощѣ* (3×), *в вѣси* 158б, 176, 269, *в пѣщи* 443б, *в чѣсти* 546б, *во ѡбласти* 501, 516б, *о вещи* 354б, *о страсти* 128б, 142, *о части* 291, *о похоти* 428, *во плоти* 112б, *по страсти* 209б.

М. ед. на -у

§ 3.38. Разбор проводится по той же схеме, что для М. ед. на -и (не учитывается *полу*, входящее в состав сложений типа *полудне*, поскольку их ударение подчиняется особым правилам).

Модель *в дѡму*. Сenn.: *в мѣру* 115а, *въ чину* 70в. Лих.: *в дѡму* 116а, *в чину* 109а. Час.: *в мѣру* 23б, *ш... рѡду* 199б. Пат.: *в дѡмоу* 618г. Пек.: *в мѣроу* 72б, 122б, *в рядоу* 200. Жит.: *в дѡмоу* 279 (+275), *въ... чиноу* 302. Только дополнительный материал представлен в Чет. (*на тѡмъ полу* 18) и Смол. (*в... рѡду* 129б, *въ... сѡну* 83, *в... чину* 58, *о... чину* 81, 85). Та же модель с единичными отклонениями: Т. пс. *въ стѡну* 116, *в дѡму* 134б, но также *в домѣ* 148; Ег. *в дѡмоу* 33, 197, но *в домѡу* 43; Стар. *в дѡму* (очень часто: 7б, 8б, 9б и др.), но *в домѣ* 32. Сравнительно близко к этой группе стоит Ик.: *во грѡбу* 67б, 86б, *въ грѡбу* 70, 88б, 93б, *въ ѡблакоу* 80б — *во грѡбоу* 77, *на мостоу* 90б.

Из микросистем с моделью *в домѣ* необходимо прежде всего указать Чуд. За одним исключением (*в дѡмѣ* 6б), здесь представлено последовательное флексивное ударение как в основном, так и в дополнительном материале: *в домѣ*, *-оу* (16×), *на домѡу* 145в, *в томъ^{юс} домѣ* 32в, *въ велицѣ же домѣ* 139б, *в мирѣ* 81а, *въ | мирѡу* 89а/б, *в рядѡу* 142б, *в чиноу* 25г, *въ свое^ю чиноу* 115а (отметим еще *низоу* 'внизу' 59г).

Среди памятников XVI—XVII вв. выделяется группа со строго соблюденным флексивным ударением. Таковы: ближний северо-восток — Увар., Бук., Костр., Пер., Тих.; дальний северо-восток — Нил., Прол., Корн., Клон., Хлын.; ближний запад — Рум., Рж., Сел.; Москва — Лес., Тар., Цв., Улож., Матф.; юг — М. пс.; прочие — Новг., Егор. (следует учитывать, правда, что в некоторых из этих памятников мало материала). Приводим образцы микросистем. Увар.: *в домѣ* (часто), *в наймно^{мъ} домѣ* 684 (аналогично 300, 723б, 724б, 731 и др.), *в пирѣ* 429, 804, *в кѡемъждо рѡду* 598, *въ... чинѣ* 305 (отметим также *въ ездѣ* 618, *в римѣ* 495). Улож.: *на... воскоу* 237 и др., *в домѣ* 57б, 153, 318 и др., *в томъ домѣ* 318б, *в долгоу* 145, 146 и др., *ш долгоу* 21б (+313б), *на донѣ* 51б, *ш кормѣ* 51, *в лѣсоу* 20, 158 и др., *на... станѡу* 84б (отметим еще *на боѡ*, *в боѡ* [часто], *в дѣлоу* 29, 196б, *въ полонѣ* 44б, *в садоу* 153, а также *во... искоу* [часто], *в сыскоу* 3б, 125б и др., *ш сыскоу* 40б [+162], *в обыскѣ* 55, 56 и др., *в откупѡу* 241б).

Чрезвычайно близок к данной группе также Авв.: на берегу 38, 49б, 211, 216, 228б (но один раз на берёгу 235, где ре является следом дефинализации), на бору 39б, на броду 102, в году 144, в то^м году 282б, в дому (часто), во едино^м дому 153, в лесу 51б, 230б, на носу 52б, 231, на полу 28б, 68, 93б и др., в углу 90, 98б. (отметим еще на льбу 274б, на поду 245б). Аналогичная картина в Ион. и Хл. (наосновное ударение только в Ион. в дому 467, Хл. в миру 306б); по-видимому, сюда же относится Ратн. (отклоняются только при валу 204б, в страху 172).

Далее, имеется группа памятников, где в основном материале всегда или почти всегда выступает флексивное ударение, а в дополнительном наосновное или смешанное. Таковы: Лет., Фер., Хр., Ап., Амф., Биб., Библи., Косм., Дом., Трав., Ряз., Печ., Сол., Колм. Приводим образцы микросистем. Лет.: на броду 82, 170, в дому 34, на дону 218, в леду 122б, на леду 376б, на миру 'во время мира' 187б, 188б, 233б, на пирю 88б, в плбну 279б, в стану 148 (неясно, где ударение в на снбгу 132б; отметим еще в полону 272, на низу 151, на бою [часто], в полку 158, на полку 123) и только один раз в пйру 62б (ср. также в риму 292б). Дополн.: сочетания с определением — ѱ черн^о бору, ѱ нѣмецк^о миру 402б, в вечно^м миру 40б, на тд^м мосту 319б, ѱ аврам^ли роду 59б, в то^м сану 383, ѱ блудн^д сну 369б, во мнйшеск^о чину 235, 279 (ср. еще на то^м бою 150), однако во мнйшеск^о чиню 279 (в примерах на лл. 134б, 161 место ударения неясно), сочетания с изъяснительным значением — ѱ миру 'de расе' (23×) ѱ миру 91б, о мору 242б; сочетание с по 'после' — по миру^м 'post расет' 180б. Косм.: на берегу 21, 189, в валу 46б, в лесу 74б, на лесу 75, в миру 3б, 105б, в роду 33, на роду 17б, в ряду 169б, на холоду 122, в чиню 175 (ср. еще на бою 153), при единичном отклонении на берёгу 74б; дополн.: в то^м же году 28, на... ѱстрову 29б, 178б, 181б, в... ѱстрову 180; с другой стороны, во всяк^ом году 41б, в то^м же лесу 48, в то^м ѱстрову 142б, во все^м чиню 57б; также о дону 43б (ср. еще о бою 76б). Трав.: во зною 173б, в зною 523б, в медю 476б, в цвѣту 108б (отметим также в маку 491), колебание — в роду 128; дополн.: в том цвѣту 217б, на томъ пйру 328, в мўжескомъ полу 477; с другой стороны, в... цвѣту 101, 138б, 304б, о сухомъ листу 515. Печ.: в дому (часто), на берегу 42б, в чиню 247б, 542 (ср. еще на выгу [5×]), при единичном в чину 418б; дополн.: вь... дому 194б, вь... чиню 380б, во... чиню 29, о сну 405, при единичном на сѣмъ полу 170. Укажем примеры наосновного ударения в прочих памятниках данной группы: Биб. ѱ домоу 78 (ср. ѱ домоу 78, 78б), Библи. ѱ дому 993 (ср. ѱ дому 505б), ѱ чину 989, ѱ чину 547, Хр. во сѣноу 412б, о сѣну 985, по сѣноу своемъ 818б, Сол. на ѱстрову 115 (у переправлено в ѣ и, может быть, ударение поставлено уже после этой переправки), Колм. на гробу 129, в браку 151, Амф. о... роду 82,

Муз. на... *пóлу* 132, Фер. в... *рядóу* 241; сверх этого встретились только в... *чíну*, в... *дбму*.

Несколько особо стоит Цел.: на *бору* 85б, в *вечеру* 145б, 153 и др., на *вороту* 104б, при *воску* 58б, в *дому* (часто), на *жару* 109, в *квасу* 91, на *лугу* 176, в *лѣсу* 89, в *меду* 150б и др., в *носу* 253б, в *пару* 261б, на *плату* 96б, в *снѣгу* 161б, в *соку* 168б, на *стану* 204б, в *ряду* 100, в *холоду* 118б, на *холоду* 164б и др., на *черепу* 206 (отметим также в *калу* 140б, в *паху* 80, на *поду* 84, в *целоку* 97б, 152); с другой стороны, в *дóму* 272б, в *знóу* 189, 239б, в *нóсу* 253б, в *пáру* 98б, 151, в *соку* 85б (отметим также в *гóрну* 117б, на *гóрну* 101б); явный результат дефинализации представляет собой в *черепу* 41б. Дополнительный материал обнаруживает здесь почти такое же распределение, как основной: в... *жару* 37б, 129б, в... *квасу* 178б, на... *мѣду* 81б, в... *пару* 75б, 158, в... *пепелу* 61, 107, 166б, на... *черепу* 206б (ср. еще в... *целоку* 97б, на... *целоку* 88б), также о *громку* 1 (ср. еще о *опухлу* 'об опухоли' 75, о *туску* 'о тусклости' 48б); с другой стороны, о... *дúху* 23, 78, в... *жáру* 44б (ср. еще о *хмѣлю* 213, 249).

М. ед. в а-склонении

§ 3.39. У существительных а. п. с некоторое акцентное сходство с М. ед. на *-и* и на *-у* обнаруживает также М. ед. а-склонения. Правда, наосновное ударение представлено здесь значительно уже, а именно, оно выступает в западных системах лишь наряду с флексийным и лишь в некоторых словах. В восточных системах в данной форме, как правило, известно только флексийное ударение.

Шире всего распространено наосновное ударение в М. ед. слова *земля*. Ударение в *зѣмли*, *на земли* господствует (или по крайней мере выступает не реже, чем в *земли*, *на земли*): 1) во всей основной части западной зоны, кроме Егор. (где оно представлено реже, чем конечное), — конкретно в Сени., Лих., Час., Т. пс., Пр., Пат., Пс., Пск., Жит.; 2) из памятников кромки западной зоны и промежуточной полосы — в Чуд., Дос., Фер., Лет., Чет., Вас.сб., Новг., Клон. Наглядным образцом здесь может служить Чуд.: в *зѣмли* 62г, 63а, 67в, *на земли* 104а, 130б, 111б, 127а, 153в, 154б, 157а, и *на земли* 153а; с другой стороны, в *земли* 14а, *ни в земли* 35в, *на земли* 59г, 151а. Интересны также показания нецерковного памятника Лет.: *на земли* 41б, 44, 45б, 46, 234, но в *земли* 32б; при наличии определения почти всегда флексийное ударение — на... *земли* (3×), в... *земли* (9×), но в *лѣмской земли* 217б. Как редкие отклонения от обычных для соответствующих памятников ударений на *земли*, в *земли* выступают примеры: в *зѣмли* Хр. 603, *на земли* Ап. 245, Сол. 73, 79б, Хлын. (3×), в *зѣмли* М. пс. 83б, *на земли* Амф. 273, *на земли* Стар. 13б, Пер. 243. Во всех остальных памятниках встретились только на *земли* (-лѣ), в *земли* (-лѣ); из западной

зоны в эту группу попадают только Муз. и Смол. (но в Смол. весь материал состоит из одного примера: *в землй* 606).

В памятниках северо-запада и ближнего запада неоднократно встречается наосновное ударение в М. ед. слова *гора*. Наиболее показательны здесь *на горѣ* Сенин. 78а/б, Час. 270, 286, 339, Егор. 776, 1206, 545, Пск. 266, Лет. 1416, 1486, 275, *при горѣ* Сенин. 1636 (при этом, однако, в Сенин. представлено также *на горѣ* [6×], в Лет. также *на горѣ* 266, 2536, 265 и *на горѣ* 806). Менее показательны *в горѣ*, *на... горѣ*, *в... горѣ* (встречающиеся в Час., Т.пс., Лих., Муз., Новг., Пат., Вас.сб., Вас.пс., Пс., Егор., Дос., Лет., Биб.), поскольку во многих микросистемах северо-западного ареала слово *гора* вообще имеет тенденцию перейти в а. п. а. Поэтому ограничимся примерами лишь из таких микросистем, где в И. ед. и Р. ед. последовательно сохраняется ударение *горѣ*, *горы*: Новг. *в горѣ* 92, 172, 2836 (ср. *на горѣ* 4); Муз. *в горѣ* 212; Егор. *в горѣ* 2656; Биб. *в горѣ* 306 (при обычном *в горѣ*). Открытое /ɔ/, обнаруживаемое в словоформе М. ед. *горѣ* в Час., Муз., Новг., Пат., Дос., говорит об ее энклиноменном характере или по крайней мере о том, что ее вокализм выровнен по энклиноменам *гору*, *горѣ*: Д. ед., *горы* И. В. мн. С другой стороны, в Т.пс., наряду с *в горѣ* (5×), представлен также вариант *на горѣ* 16 (с фонемой /ɔ/), ср. еще Р. ед. *горы* Час. 318; этот же вариант можно предполагать при ударении *на горѣ*, *на гору*, *по горѣ*, *на горы* В.мн., отмеченном в целом ряде памятников (Сенин., Лих., Нил., Лет., Стар.).

Для прочих слов материал таков: *в водѣ* Чуд. 41г, Нил. 15, Лих. 130г, Цв. 186, Авв. 32, 38, Цел. 64, 122, *в водѣ* Печ. 356, *в головѣ* Трав. 4906, Цел. 226, *на души* Егор. 696, 756, *о души* Егор. 5196, 5236 (+1956), Пск. 7, *в лодии* Сол. 2576, *в рѣцѣ* Сол. 186, 2046, Цел. 136 (+2266), *в рѣцѣ* Сол. 184, *в... роуцѣ* Ик. 39 (+Сол. 2046), *на рѣце* Цел. 195.

Можно предполагать, что наблюдаемые примеры наосновного ударения в М. ед. а-склонения имеют несколько разных источников. Часть этих примеров может объясняться просто дефинализацией; это в особенности вероятно для таких памятников, как Цел. и Сол. Для примеров с оттяжкой ударения на предлог такое объяснение невозможно. Ввиду показаний Чуд. необходимо признать, что в древнерусском языке XIV в. существовал энклиноменный вариант данной формы. Примеры *на земли*, *на горѣ*, *при горѣ*, *в головѣ*, *на души*, *о души* (а также /gɔrʲbʲ/) в памятниках XVI—XVII вв., по видимому, в основном отражают именно этот старый вариант. Однако следует учитывать, что определенное влияние тут могли оказывать также другие формы той же парадигмы, а именно, энклиномены Д. ед. на -ѣ, В. ед. на -у, И. В. мн. на -ы. Совпадение Р. ед., Д. ед. и М. ед. а-склонения в единой косвенной форме, наблюдаемое в большом числе западных и южных говоров, должно было приводить и к акцентному выравниванию этих форм. Ввиду первоначального

чального различия их акцентовок такое выравнивание могло идти в двух направлениях; отсюда возможность акцентных колебаний в каждой из этих форм. Так, например, в микросистеме Лет. колебаниям в М. ед. (*на́ земли, в землѣ, на... землѣ, на горѣ, на гóрѣ, на горѣ*, см. выше) соответствуют такие же колебания в Д. ед. и Р. ед. В Д. ед. здесь находим, в частности: *землѣ* (часто), *по... землѣ* (часто), *к зе^нлѣ* 183, *зѣмлѣ* 222, *по земли* 70, 93, *к гóрѣ* 275, *по гóрѣ* 245б, *по горѣ* 245б, ср. еще *звѣздѣ* 42б. В Р. ед.: *землѣ* (часто), *до землѣ* 138б, *из (ω^н)... землѣ* (4×), *зѣмлѣ* 288б, *зѣмли* 269б, *сре^д зѣмли* 162, *из... зѣмли* 361, 364б, 365, *горѣ* 395б, *гóры* (часто), *з гóры* 265, *ω^н гóры* 115, также *гóловы* 357б, 364 (при обычном *гóловѣ*), *звѣзды* (5×).

Примеры Р. ед. а. п. с с начальным ударением (например, *зѣмли, дв земли, вбды, гóры, рѹки, гóловы* и т. п.) отмечены в том или ином количестве прежде всего в западных (и близких к ним) памятниках Час., Т. пс., Лих., Новг., Пат., Егор., Хрон., Дос., Лет., Хр., Стар.; кроме того, на дальнем северо-востоке — в Нил., Прол., Клон., Авв., Цел.; на юге (и юго-востоке) — в Биб., Ик., Косм., Трав., Ряз.; наконец, в Биб., Увар., Цв. Как можно видеть, зона распространения таких ударений в значительной мере сходна с зоной, где такие же ударения встречаются в М. ед. Таким образом, фактор взаимного акцентного влияния косвенных падежей был несомненно актуальным.

И. В. мн. у neutra а. п. с и b

§ 3.40. Ниже разбирается акцентовка И. В. мн. у neutra а. п. с и b. Хотя, с нашей точки зрения, И. и В. падежи здесь акцентно не различаются (см. также § 3.41, конец), для большей достоверности мы все же обычно отмечаем падеж при цитировании примеров (кроме памятников, где в рассматриваемой точке системы нет никаких акцентных колебаний).

Рассмотрим вначале И. В. мн. у o-neutra а. п. с. Как видно из карты 5, восточная зона характеризуется господством флексивного ударения в этой форме (модель *мясѣ, вратаѣ*), в западной зоне представлено наосновное ударение (*мяса, врата*) или компромиссные системы. Часто встречающаяся словоформа *врата* отражена на карте отдельно, поскольку она отличается от основной группы neutra а. п. с своим церковнославянским происхождением (и вдобавок принадлежностью к pluralia tantum); однако, как показывает карта, ее акцентовка в целом хорошо согласуется с основной группой.

Особой трактовки требуют словоформы: 1) *древа, чрева, тѣла*; 2) *ворота, озера (езера)*. При флексивном ударении они с диалектологической точки зрения вполне показательны, но при наосновном ударении это не так: ударения *дрѣва, чрѣва, тѣла, ѣзера* могут быть

простым проявлением книжности; относительно ударений *ворота*, *озера* (*езера*) см. отдельно ниже.

Образцы микросистем с моделью *мяса*, *врата*. Ион.: *мяса* (6×), *колà* В. 'повозки' 776, *врата* (7×) (ср. *дрéва* 550б, *езера* 52б). Увар.: *мяса* В. 496, 540, 817б, 818б (но *мяса* В. 835 [не считая менее надежных примеров]), *слова* 831б, *ворота* 617б, *врата* 612, 724 (ср. *дрéва* 609, *озера* 600). Косм.: *слова* 54, 187 bis, *поля* 2б, 5б (также вторичное *стада* 147б). Дом.: *дрова* 68, 94б bis, *пива* 105б, *ворота* 101 (также вторичное *дѣла* [4×] при *дѣла* [2×]). М. пс.: *мяса* 52б, 163б, *поля* (4×), *моря* 171, *врата* (5×), *во врата* 107б (ср. *дрéва* 112б, *въ эзера* 120б). Рж.: *мяса* 80, 260б, *поля* (3×), *слова* 283, *древà* И. 174б, Зв. 249б (но *дрéва* И. 163б), *врата* (9×), *во врата* 167б (иначе *кола* 'повозка' А 13б, 18, 20; ср. *въ эзера* 187). Ратн.: *слова*, *дрова*, *ворота*, вторичные *дѣла*, *стада* (см. Станг 1952, с. 22). Колм.: *мяса* (7×), *пива* (6×), *ворота* 107, 177 (при более частом *ворота* [14×]), *поля* (очень часто), *на поля* 2б, 5б (но *поля* И. 31, *поля* И. 25), *моря* И. 179 bis (+8б), *древà* (16×) (но *дрéва* И. 213, 235, В. 5б), *тѣла* 23б, *по^о облака* 119, 131 (но *по^о облака* 27) (также вторичное *дѣла* [часто]; ср. *узера* [8×], *езера* [3×], *озера* 61, 231 bis, *в озера* 61; отметим еще *прóса* И. 168, 188).

Модель *мяса*, *врата*. Егор.: *мяса* И. 499, *дрóва* В. 524б, *мóря* И. 168б, *злата* В. 388б, *врата* (5×), также *дрéва* (3×), *чрéва* 357. Нил.: *мяса* Т 5, 7б, *слова* 17б. Хрон.: *мяса* 24б, *врата* 225, 232б, также *дрéва* 241.

Приведем также некоторые микросистемы компромиссного типа. Т. пс.: *поля* И. 79, *врата* И. 163, В. 48 bis, 99б — *поля* И. 108, *врата* И. 176б bis. Лет.: *мяса* В. 65б, 139, *слова* И. 252, *врата* 22б (ср. еще *езера* 302б, *ворота* 153б) — *на кола* 82б, *врата* (6×), *во врата* 32б (также вторичное *житá* В. 242б; отметим еще *вѣча* И. 341б, В. 140б). Биб.: *мяса* В. 116б ter, 117 bis, *слова* И. 420б (ср. *дрéва* [3×], *въ эзера* 394б) — *мяса* В. 377б, *дрова* В. 424б, *въ дрова* 120, *поля* И. 381, 390б, 392, *врата* (часто).

Оттяжка на предлог отмечена только в Новг. *въ врата* 172, Вас. пс. *во врата* 135б. Ср. также огласовку [о] в Т. пс. *поля* И. 79, Вас. пс. *мóря* И. 219.

У *es-*, и *en-neutra* а. п. с флексии ударение в И. В. мн. господствует практически повсеместно: *словеса*, *небеса*, *древеса*, *тѣлеса*, *именя*, *временя* и т. д. Речь может идти лишь о наличии или отсутствии отклонений от этой нормы. Важнейшими отклонениями такого рода являются случаи энклиноменной акцентовки; как видно из карты 5, они характерны в основном для западной зоны. Приводим эти случаи: *словеса* Т. пс. 39, 41б, 114б, Ег. 305, Стар. 10б, 27, 44, 4б, *слóвеса* Т. пс. 2, 39, *слóвеса* Нил. Т 21б, Стар. 1, 11 (+8, 38), *слóвеса* Т. пс. 79, *за слóвеса* Новг. 300, *за слóвеса*

Т. пс. 41, *щеса* Нил. Т. 33, *кóлеса* Цв. 486 bis, *на́ нбса* Сени. 1616, Лих. 56г, 209в, Егор. 101б, 102 и др. (12×), Муз. 10б, Пат. 622а, Пск. 151, 260, Рж. 89б, *и́мена* Егор. 421б, *врѣмена* Хл. 294б, Хлуд. 116б, 153, *четы́ри врѣмена* Смол. 79, *на́ времена* Пск. 15, *въ времена она* Егор. 395б, *въ́ времена* Рж. 175 (почти все эти словоформы и сочетания в тех же памятниках встречаются также и с флексийным ударением). Часть этих примеров несомненно порождена аналогией; например, частое *на́ нбса* (при отсутствии **нѣбеса*) явно связано с М. мн. *на́ нбсехъ* (или *-ѣхъ*), представленным в большинстве памятников. Едва ли можно, однако, объяснить подобным образом весь этот материал.

Другой тип отклонения, известный также у многосложных *o-neutra*, состоит в обобщении акцентовки Р. мн. Сюда относятся: *ворóта* (в Лет., Колм., см. выше), *озѣра*, *езѣра* (в большом числе памятников), *колѣса* Цв. 61 bis, Авв. 134б, *словѣса* Пск. 341б (+ Егор. 540), *на словѣса́* Т. пс. 132б, *телѣса* Пск. 21. Данная инновация не ограничивается формой И. В. мн.: она распространяется на все падежи мн. числа, которые получают здесь, таким образом, колонное предфлексийное ударение: *ворóта*, *-ѣ*, *-омъ* (*-амъ*), *-ы* (*-ами*), *-ѣхъ* (*-ахъ*), *озѣра*, *-ѣ*, *-омъ* (*-амъ*), *-ы* (*-ами*), *-ѣхъ* (*-ахъ*) и т. д. Примеры таких ударений представлены во многих памятниках; ср. закрепление акцентовок *ворóта*, *озѣра*, *колѣса* в современном литературном языке.

Элементы такого же выравнивания по Р. мн. иногда отмечаются во мн. числе слова *поле*. Надежным примером здесь является Трав. *по нóлемъ* 342, где /*о*/ явно перенесено из Р. мн.; возможно, тот же источник имеют Егор. *по нóлемъ* 214б, Библи. *на нóле*^x 992б, Цв. *на нóлѣхъ* 183 (+ Ратн. 91).

§ 3.41. Рассмотрим теперь *neutra a. п. b* (непроизводные или опротившиеся). Для И. В. мн. в старовеликорусских памятниках представлены две акцентовки: наосновная (а именно предфлексийная) и флексийная. Как видно из карты 5, преобладание наосновной акцентовки (*сѣла*, *чѣсла*) характерно для восточной зоны, преобладание флексийной (*селà*, *числà*) — для основной части западной зоны.

Несколько слов стоят особо. Во-первых, повсеместно представлено ударение *устà*, *плещà*, почти повсеместно — *чреслà*; соответственно, ниже в разбор материала первые две словоформы вообще не включаются, а последняя включается только при наосновном или колеблющемся ударении. Особое положение этих слов связано с тем, что *устà* и *чреслà* — *pluralia tantum*, и, по-видимому, также с тем, что все три слова имеют книжный характер; в данном случае, в отличие от большинства других, в функции книжного оказывается флексийное ударение (архаичное), поскольку оно здесь противопоставляется народному наосновному ударению (ср. § 3.13). Во-вторых, у слова *сердце* наблюдается колебание между а. п. *b* и *c* (например,

ной наосновной акцентовки в И. В. мн. а. п. *b*. Сочетание *не на лица* (в новозаветном выражении [из Яков II. 1] *не на лица зряще*) имеет ударение *лицѧ* повсеместно; оно сохраняет такое ударение и в нынешней церковнославянской норме. Поскольку в этом выражении ударение *лицѧ* несомненно функционирует как книжное, допустимо предполагать, что и в большинстве прочих случаев источником ударения *лицѧ* является книжный характер данного слова (особенно в значении 'persona') или его контекста; существенно, что все примеры ударения *лицѧ* встретились либо в церковных текстах, либо в цитатах из них.

Микросистемы с последовательным наосновным ударением. Косм.: *сѣла* 16, *стѣкла* 188, *гнѣзѧ* 34 (вместо *гнѣзда*), *плѧтна* 157б, *полѧтна* 133 bis, *сѣкна* 106, 19 (ср. также *дерѣвца*³¹ 185). Фер.: *сѣла* 245б, 290, *рѣбра* 520б, 523б, *полѧтна* 757, *лица* 493б. Хр.: *сѣла* (4×), *кѣлца* В. 424б bis, *кѣпѧ* В. 1212б (но также *кѣпѧ б.* уд. [3×]), *гоѣмна* 622б, *числа* 89б. Ряз.: в *рѣбра* 187б, *лица* 87б, *лица* 257, *чрѣсла* 55б. Тих.: *рѣбра* 102, *ѡкна* 48, *числа* (часто), *ядра* 102 (ср. также И. В. мн. *естѣства* 63б при ед. *естество*). Ратн.: *сѣла*, *рѣбра*, *плѣча*, *кѣпѧ*, *крѣла*, *числа*, *ядра* (однако *ремеслѧ*) (см. Станг 1952, с. 22). Аналогично в Тар., Трав. и Улож. Памятники этой группы относятся к южной части восточной зоны и к центру.

В ряде микросистем флексивное ударение отмечено только в словоформе *лица* (ср. выше). Увар.: *сѣла* И. 731, В. 600, 603, 677 и др., *рѣбра* И. 395б, 542б, В. 398б, *полѧтна* В. 606, *лица* В. 537 bis — *лицѧ* И. 206б, 712, 719, В. 401, 545б, *не на лицѧ* 633 bis. Ап.: *сѣла* И. 52, *рѣбра* И. 232, в *рѣбра* 23, на *лица* 93, на *лица* *ли* 142б — *не на лицѧ* 57б. Матф.: *сѣла* В. 78б, *числа* И. 72, *лица* В. 89б, *трѣ лица* В. 237 — *не зрѣши бо на лицѧ* 172б. Аналогично Корн., Хл., Рж., Яр., где материала меньше (сюда же Сенн., если здесь *лицѧ* 104в есть В. мн., а не Р. ед.).

Микросистемы, где наосновное ударение лишь преобладает. Чуд.: *сѣла* И. 79в, В. 93в, на *сѣла* 35г, *рѣбра* В. мн. 51в, в *рѣбра* 52а, 66в, *гнѣзда* В. 32б, *лица* И. 152г, В. 40в, *чрѣсла* И. 34б — и *сѣла* В. 31г, и *лицѧ* *ихѣ* И. 152г (и *лицѧ* *ихѣ* яко *лица* | *члѣкѣмѣ*), *не на лицѧ* 164в, *чрѣслѧ* В. 84а; отметим также на *плѣцѧ* 12г (пример *брашнѧ* В. 27в двусмысленен, поскольку а. п. этого слова в Чуд. колеблется). Лет.: *сѣла* В. 112, 120б и др., *плѣча* И. 219б, *кѣпѧ* В. 282 — в *рѣбрѧ* 182б. Биб.: *сѣла* И. 387, 425, в *сѣла* 157, *рѣбра* И. 377, В. 335, 448б, *крѣло* И. 427, *соѣкна* В. 339 — *лицѧ* В. 121б, 463, также *лицѧ* В. 387. Дом.: *сѣла* В. 40б, *ѡкна* В. 61б, *брѣвна* (И. В. при инф.) 94б, *решѣта* В. 61, *решѣта* И. 92б, *сѣдла* И. 91, *вѣна* И. (?) 90б, *молѡка* И. 71б, *полѧтна* (И. В. при инф.) 106б, *лица* И. 71б, 90 — *рѣбрѧ* В. 24б, *винѧ* (И. В. при инф.) 91, *мытѧ*

³¹ Здесь и ниже приводятся некоторые из отчетливо членимых производных, если их акцентовка уже подчинилась правилам для непроезженных.

В. (?) 41, также не на *лицѣ* 124. Колм.: *сѣла* И. 208, В. 62, 145 (также *сѣлы* И. 7), *лицѣ* В. 209, 239, 256, *вина* (часто), *гнѣзда* В. 80, *полѣтна* И. 186, В. 124, *сѣкна* В. 15, 71, 135, 240, *числа* И. 143, *лица* И. 227, В. 90, 193, 212 (ср. еще *клѣйма* И. 105, *дрѣвка* В. 80, 197) — *селѣ* И. 83, *винѣ* В. 47, *плѣтнѣ* В. 52, также не на *лицѣ* 134. Аналогично в Библии, Цв., Хлын., Цел. (отметим, что при этом в Библии и Хлын. последовательно, в Цв. факультативно выступает И. В. мн. *лицѣ*).

В Дос., Дан., Жит., Рум., Сел., Кир., Клон., Сол. представлено только наосновное ударение, но материал очень скуден. С известной осторожностью здесь можно предполагать микросистемы восточного типа.

Микросистемы с флексивным ударением. Егор.: *селѣ* И. 19, В. 19, 2706 и др. (5×), на *селѣ* 18, 19, *ребрѣ* В. 1156, 116, в *ребрѣ* 118, 1186 (+119), *сребрѣ нѣша* В. 5546, *гнѣзда* В. 2236, 226, 2266, *гнѣздѣ же* И. 2266, *лицѣ* В. 396 bis. Т. пс.: *ребрѣ* И. 68, *лицѣ* И. 556. Смол.: *селѣ* И. 101, 1236, В. 816, *числѣ* И. 7. Пск.: в *селѣ* 265, 3526 (но также *сѣла* В. 3386), *числѣ* И. 276, *лицѣ* В. 2236, 282, не на *лицѣ* 269, 274. Памятники этой группы относятся к южной части западной зоны. К данной группе приближается также Новг.: на *селѣ* В. 17, *ребрѣ* И. 92, в *ребрѣ* 3106 — *сѣла* И. 150, В. 1896.

Примерное равновесие акцентовок (если не считать слова *лице*). Ион.: *ребрѣ* В. 371 bis, 372, в *ребрѣ* 4146, *лицѣ* В. (7×), на *лицѣ* (4×) — *сѣла* В. 5306, на *сѣла* 5306, *ребра* В. 371, 3716, 568, *лицѣ* В. (?) 1736, *лицѣ* В. 2066, *вина* В. 5306. Печ.: в *селѣ* 383, *ребрѣ* В. 5486, 584, в *ребрѣ* (3×), *лицѣ* И. 127, 5106, В. 726, 102, 4826, *лицѣ же* И. 143 — *сѣла* И. 520, В. 351, *вѣсла* В. 4716, 4756, *кѣпя* И. 548, на *кѣпя* 494. Сюда же можно отнести Муз. (*селѣ* В. 1476, *гнѣзда* В. 220, *лицѣ* В. 246 — *сѣла* В. 133, 2156, *числа* В. 2, 36), Стар. (*селѣ* И. 386, В. 386, *ребрѣ* И. 76 — *сѣла* И. 176, Зв. 116, В. 106, 20, *гнѣзда* И. 766), по-видимому, также Прол., Карг. и Лук.

В нескольких рукописях отмечены лишь единичные примеры, которые могут быть и непредставительными для соответствующей микросистемы в целом: Час. в *ребрѣ* 3986, *лица* В. 2486, 249; Нил. *сѣла* В. Т 53в; Амф. *сѣла* 101, *ребрѣ* В. 184, *лицѣ* В. 130; Ик. *ребрѣ* И. 816, *дрѣвца* И. 119; М. пс. *ребра* И. 50, *ребрѣ* В. 1976, *лица* И. 326, *лицѣ* В. 916; Пер. *лицѣ* И. 19, 196; Авв. *вѣсла* И. 1986, по *плѣча* 796, на *плѣчѣ* 1086, 214.

Карта 5 показывает, что в старовеликорусском имелась определенная корреляция между акцентовкой И. В. мн. у neutra а. п. *b* и neutra а. п. *c*. В восточной зоне эволюция вела к выработке четкой акцентной оппозиции чисел: *мѣре*—*морѣ*, *селѣ*—*сѣла*. В западной зоне, напротив, действовала тенденция к колонному ударению в парадигме: *мѣре*—*морѣ*, *селѣ*—*селѣ*. Для а. п. *c* различие восточно-

великорусской и западновеликорусской моделей, по-видимому, отражает праславянскую диалектную вариантность (ср., в частности, расхождения типа штокавск. *pòlja, sěna, měsa* — чакавск. *pòlja, sěna, měsa*). В а. п. *b* восточновеликорусская модель закрепляет эффект Re, истоки которого восходят к праславянскому (§ 2.18); в западновеликорусской зоне этот эффект либо вообще изначально отсутствовал, либо выступал в ограниченной или непоследовательной форме и был устранен при развитии тенденции к колонному ударению.

Размежевание восточной и западной моделей наиболее отчетливо в южной половине великорусской территории; в северной половине многие микросистемы содержат элементы компромисса. Уже в XV—XVI вв. влияние восточной модели на западную заметно сильнее, чем противоположное. В дальнейшем восточная модель окончательно побеждает и становится нормой современного русского языка. В сферу ее действия втягивается также ряд слов а. п. *a*, а именно, акцентная оппозиция чисел достигается здесь путем замены наосновного ударения флексийным в одном из двух чисел. Таким путем возникают, с одной стороны, оппозиция типа *стадо—стадà, дѣло—дѣлà, мѣсто—мѣстà*, с другой, типа *зерно—зѣрна*. Как показывают, однако, единичные примеры типа Лет. *дѣло* 27, Смол. *мѣстò* 1056, Цел. *зернà* В. мн. 376 (ср. здесь же *но. . . зѣрну* 376), выбор первого или второго пути развития для названных слов определился лишь после некоторых колебаний.

В работе Колесов 1969 был выявлен ряд важных особенностей акцентной эволюции древнерусских *neutra*, прежде всего возможность древнего флексийного ударения в И. В. мн. а. п. *b* и древнего начального ударения в И. В. мн. а. п. *c*. При этом, однако, выдвинут тезис об акцентной дифференциации И. и В. падежей у *neutra* (в обоих числах), представляющийся нам крайне уязвимым. Так, для а. п. *b* в древнерусском реконструируются, в частности (с. 28): И. ед. *винò, селò*; В. ед. *вѣнò, селò*; И. мн. *вина, сѣла*; В. мн. *вѣна, сѣла*. Заметим прежде всего, что в ед. числе колебания типа *винò—вѣно*, вызванные дефинализацией, в действительности свойственны только одной диалектной зоне (западной) и при этом распространяются как на В., так и на И. падеж. С другой стороны, как можно видеть из приведенного выше материала, во мн. числе и в И. и в В. падежах встречаются как *вина, сѣла*, так и *вѣна, сѣла*. Правда, среди примеров с ударением типа *вѣна, сѣла* действительно гораздо чаще встречается В. падеж (в нашем материале примерно в 80 % случаев). Но этот факт оказывается гораздо менее значимым, если учесть, что у *neutra* вообще В. падеж встречается в памятниках примерно в 2,5 раза чаще, чем И. (т. е. доля В. падежа в сумме И.+В. составляет в среднем около 70 %). Таким образом, различие между ожидаемыми 70 % и наблюдаемыми 80 % сравнительно невелико; оно связано с существованием устойчивых сочетаний типа *не на лицà*, а также, возможно, с какими-то особенностями ритмических позиций, в которые по син-

тактическим причинам чаще попадают словоформы В., а не И. падежа. Вообще гипотеза о том, что в древнерусском оказался нарушенным принцип внешнего тождества словоформ И. и В. падежа у *neutra*, неизбежно сохранявшийся с общиндоевропейской эпохи и прекрасно соблюдаемый (у неодушевленных) также в современном русском, столь маловероятна, что для ее обоснования нужны чрезвычайно сильные и недвусмысленные аргументы. Ясно, что отмеченное выше небольшое статистическое различие таким аргументом служить не может.

И. мн. и В. мн. у *masculina a. n. c*

§ 3.42. В старовеликорусский период в живом языке у *masculina* уже исчезло древнее противопоставление И. мн. на *-и* и В. мн. на *-ы* (типа *роди—роды, бози—богы* или *боги*). На их месте образовалась (в основном на базе В. мн.) единая форма на *-ы* (после мягких и *к, г, х — -и*), которую можно назвать исходной формой множ. числа: *роды, боги, кони, цари* и т. д. Эта форма у неличных существительных (позднее — только у неодушевленных) выполняет функции И. и В. падежей, у личных (позднее — у всех одушевленных) — только функцию И. падежа (тогда как В. падеж совпадает здесь с Р.). Таким образом, живой язык вообще утратил возможность внешнего различия И. и В. падежей мн. числа у неодушевленных существительных. Старая оппозиция И. и В. падежей, не зависевшая от значения слова, сменилась новой, целиком подчиненной семантическому противопоставлению личных и неличных, позднее одушевленных и неодушевленных существительных.

У нескольких существительных с твердой основой в качестве исходной формы мн. числа закрепилась древняя форма И. мн.: *черти, сусѣди, холопи, комари* и др. Существенно, однако, что и в этих случаях новый принцип не был нарушен: словоформы данной группы были переинтерпретированы как содержащие мягкую основу (подобно *кони, цари*), и, соответственно, косвенные падежи множ. числа получили вид *чертей, чертемъ (чертямъ)* и т. д.; древняя оппозиция типа И. мн. *черти*—В. мн. *черты* и в этих случаях исчезла.

Между тем книжный язык сохранял древнюю систему противопоставления И. и В. падежей — по крайней мере в идеале (поскольку на практике многочисленные нарушения — прежде всего словоформы на *-ы* в функции И. падежа — встречаются даже в канонических церковных текстах). Сосуществование двух разных морфологических систем — книжной и народной — приводило к тому, что многие пишущие воспринимали такие словоформы, как *бози, снѣзи, рози, скоти, орли*, также *домове* (и *доми*), *чинове* (и *чини*), *дарове* (и *дари*), просто как книжные эквиваленты народных *боги, снѣги, роги* (и *рога*), *скоты, орлы, дома, чины, дары*. Подобно последним, первые воспринимались просто как исходные формы мн. числа, только книжные. Отсюда многочисленные ошибки, состоящие в употреблении словоформ на *-и* или *-ове* в функции В. падежа, например: Ап. и

скóти привестѣи 44, Дос. *зѹби* В. 646, Лет. в *кболоколи* 2996, 302, Печ. *дрѹзи* В. 1526, Косм. *дáрове* В. 60, 1866.

В описанной ситуации наиболее существенным для акцентологического анализа оказывается противопоставление (у слов с твердой основой) словоформ с *-и*, т. е. книжных, и с *-ы*, т. е. народных. У слов а. п. с первые практически всегда выступают в памятниках с начальным ударением: *бóзи, бѣси, во́лци, глáси, грóби, грóми, дрѹзи, дѹси, крѹзи, лѣди, лóви, нóти, прѹзи, рóзи, рóди, снѣзи, трѹси, цвѣти, чѣни* и т. д. (отклонения совершенно единичны).

Что касается словоформ с *-ы* (или *-и* после *к, г, х*), то здесь исконная энклиноменная акцентовка тоже безусловно преобладает; однако наряду с ней встречается (а в XVII в. уже заметно распространяется) также флексивное ударение. Большинство имеющихся примеров с таким ударением относится к В. падежу; поэтому возникает мысль о развитии акцентного противопоставления форм И. мн. и В. мн. (см. Колесов 1972, с. 147, 188). Однако при более внимательном анализе материала это предположение не получает подтверждения. Дело в том, что из разбора должны быть прежде всего исключены все словоформы И. мн. на *-и* (при твердой основе), поскольку акцентное противопоставление типа *цвѣти—цвѣты* при всей его кажущейся наглядности может не иметь отношения к падежам, а просто отражать различие народного и книжного вариантов (ср. также § 3.13, п. 4 о соотношениях типа *скóти—скотѣи*). Что же касается примеров с *-ы*, то среди них вообще В. падеж представлен существенно чаще, чем И.; приблизительно такое же соотношение В. и И. падежей обнаруживается и среди примеров с флексивным ударением (типа *цвѣты*).

Словоформы И. В. мн. на *-и* у существительных а. п. с с мягкой основой (прежних *i-* и *jo-masculina*), например, *гблубли, гбóсти, гѹси, звѣри, князи, мѹжи, чѣрви*, практически всегда имеют начальное ударение (отклонения чрезвычайно редки).

По акцентовке И. В. мн. на *-ы* у *masculina* а. п. с рассматриваемые в настоящей работе памятники можно разделить на основную и особую группы. Особую группу образуют несколько рукописей XVI в. с преобладанием или значительным распространением флексивного ударения в данной форме; для них можно предполагать несколько особый путь развития. Остальные памятники составляют основную группу; здесь флексивное ударение встречается лишь изредка, но его доля явно возрастает со временем (в некоторых памятниках XVII в. она уже довольно заметна).

Ниже приводятся образцы микросистем основной группы. Ввиду массового характера приводимого материала адреса примеров и их численность в большинстве случаев не указываются. Демонстрируются только существительные с твердой основой и только в И. В. мн. на *-ы* (или *-и* после *к, г, х*). Отсутствие пометы означает В. падеж; И. и Зв. особо отмечаются. Не учтено сочетание *въ вѣки*

вѣкомъ (см. § 3.46). Из многосложных (без полногласия), как правило, приводятся лишь такие, для которых в рамках данной микросистемы засвидетельствована подвижность ударения. Отдельно от основного материала учитываются примеры, где флексивное ударение может отражать тенденцию слова к переходу в а. п. *b* (например, именно такой тенденцией следует объяснять повышенную частоту ударения *власы*: оно представлено в Авв., Биб., Библ., Егор., Карг., Клон., Колм., Лет., Печ., Фер., Цв., Цел. и др.; ср. также И. мн. *власй* в Сенн., Корн. и Дос.).

Чуд.: *богы* (63а; чтение *богы* маловероятно), *бѣсы*, *и бѣсы*, *власы*, *в вѣки*, *грады*, *в грады*, *гробы*, *дары*, *дары же* И., *долги*, *домы*, *други*, *класы*, *в мѣхи*, *пйры*, *подвигы*, *в полы* 'пополам', *разоумы*, *роды*, *на ряды* (пример *и ликй* 'крики ликования' 3ба, вероятно, отражает акцентовку по а. п. *b*). Ион.: *богы*, *брѣгы*, *власы*, *грѣмы*, *длѣгы*, *домы*, *пйры*, *платы*, *повары*, *посохы*, *поты*, *пругы*, *ровы*, *рогы*, *саны*, *струпы*, *тлѣкы*, *хлѣмы*, *цвѣты* (также *врѣды* 481, 588б, *господы* 41б); *на бѣсовы*, *сыновы*; отклонения: *сады* 19б, *помыслы* 17б (ср. еще *санѣвы* 181). Лет.: *богы*, *на бѣсы*, *за валы*, *возы*, *города*, *грады*, *на грады*, *дары*, *домы*, *дубы*, *колоколы*, *по*^о *колоколы*, *листы*, *ловы*, *в лобы*, *в лѣсы*, *мѣды*, *мосты*, *носы*, *снѣги* (и *снѣгы* И. 372), *станы*, *в станы*, *за сторожи*, *на сторожи*, *стяги*, *суды* 'naves', 'vasa' В., И., *в суды* (также *дерева* 'древлян' 81); отклонения: *сны* 10, 29, 155б (наряду с *сны* 153), *боры* 285б, *луки* 217 (наряду с *луки* 277); особо стоят *власы* 265б, *мечты* И. 91б. Хр.: *боги*, *на бѣсы*, *власы* В., И., *за власы*, *гробы* В., И., *грозды*, *дары*, *домы*, *клопоты*, *колоколы* И., *нокъты*, *на ободы*, *на поля* 'пополам', *порты*, *поясы*, *роды*, *слоны*, *станы*, *в стогы*, *на сторожи*, *сыны* В., И., *за сыны*, *на сыны*, *во храмы*, *цвѣты* (также *бравы* 295, *в кровы* 898б, *на отроки* 805б, *слоки* 'драконов' 92б); *саны*овы; отклонение: *на четыре оуглы* 1240б (*градъ* 1292б похоже на описку).

Приведем также материал нескольких памятников, где И. мн. практически всегда уже нового типа — на -ы. Косм.: *боги* И., *волки* И., *волосы* В., И., *во вѣки*, *годы*, *города* В., И., *гробы* В., И., *дары* В., И., *по дары*, *домы* В., И. (2×), *в домы*, *зубы* В., И., *луки*, *лѣсы* И., *недруги* И., *образы*, *островы* В., И., *слоны* И., *снѣги* И., *сторожи* И., *суды* 'naves' И., *углы*; отклонения: *домы* В. 57б, *мосты* В. 52. Улож.: *береги* И., *воры* И., *годы*, *города* В., И., *в города*, *дары*, *долги* (В., И. В. при инф. — часто), *в долги*, *в домы*, *кормы*, *лоуги* В., И. (7×), *лѣсы* (1×; обычно *лѣса*), *мосты* В., И. (4×), *носы* (И. В. при инф.), *обыски*, *окупны*, *повары* И., *погребы* И., *в полы* 'пополам', *роды*, *соуды* 'naves', *чины* (также *гоны*); отклонения: *броды* И. 91, В. 91б, *долги* (И. В. при инф.) 128, *луги* И. 77, *мосты* В., И. (13×), *на станы* 82б, *ряды* (И. В. при инф.) 100б. Колм.: *береги* И., *на бѣги*, *города* И., *гробы* В., И., *домы* В., И.

в *дóмы*, *жа́ры* И., *кúсы*, *на́ ловы*, *лúги* В., И., *на́ луги*, *но́сы*, *островы* В., И., *прóмыслы*, *ро́ги* И., *снѣ́ги* И., *сúды* 'naves', 'vasa', *те́ремы* И., *у́глы*, *цвѣ́ты* (2×), *чѣ́ны*; отклонения: *валы́* И. 94, 200, В. 187, *во^акúи* И. 229, *о́стровы* В. 253 (если здесь не второстепенное ударение), *пиры́* В. 203, 215, *сады́* И. 75, 249, *цвѣ́ты* И. 89, 191; особо стоят *власы́* И. 100, 102, 215, 220 и др., В. 23, 38, 39, 93 (наряду с *власы́* И. 10, 36, В. 44, 233), *слоны́* И. 101, 224 bis.

В основной группе постепенное распространение акцентовок типа *валы́*, *мости́*, заметно убыстряющееся в XVII в., по-видимому, следует связывать с действием общей тенденции к акцентному противопоставлению чисел с одновременным выравниванием ударения внутри субпарадигмы множ. числа. Такому выравниванию весьма благоприятствовала замена старых окончаний косвенных падежей новыми (-амѣ, -ами, -ахѣ), ср. § 3.49.

Из микросистем особой группы наиболее яркой является Егор.: *власы́* В. 496, *въ бескúнечныа вѣ́ки* 1036, *грады́* 192, 392, 560, *гробы́* 73 (+75), *домы́ бо* 192, *в домы́* 34, 2986, 3136, 404, *зубы́* И. 1476, *въ слоужѣ* 956, *цвѣ́ты* 313, *чѣ́ны* 1576, также *нравы́* 4176 — *в вѣ́ки* (11×), *да́ры* (часто) (а. п. устанавливается не совсем надежно в примерах *глады́* 4956, *зра́ки* 202, *хра́мы* 176; ср. еще *оуды́* 3056 при Р. мн. *удовѣ* 293). При этом наосновное ударение представлено при многосложности (*бѣ́совы*, *рúдовы*), в В. мн. и И. мн. *i-* и *jo-*основ (*го́луби* И., *кня́зи* И., *-я* В., *моу́жи* И., *-а* В., *че́рви* И.) и в И. мн. на *-и* при твердой основе (*бо́зи*, *влѣ́ци*, *гра́ди*, *грúби*, *грúми*, *дроу́зи*, *сади́*; отклонения: *градѣ́* 409, *чѣ́ны* 20, 315). Существенно, что в Егор. флексивное ударение господствует также и в И. В. мн. *a-feminina* а. п. с: *воды́* В. 676, 511, *в воды́* 246 (+246), *ногѣ́* И. 22, *на ногѣ́* 22 (+216), *рукѣ́* В. 1186, *в рукѣ́* 84, 1276 (+2506, 2646), *слезы́* И. 136, В. 94, 3096, 5306, 5676 — *го́ры* В. 249, *слѣ́зы* И. 104.

Менее продвинутую стадию такого же развития отражает Новг.: *в вѣ́ки* 292, *грóбы* 307, *своа дѣ́ны* 178, *сыны́* (14×) — *въ вѣ́ки* 1566 и др., *въ вѣ́ки* 128 и др., *да́ры* (3×), *дроу́ги* 2636, *зоу́бы* И. 1046, В. 1056, *рúги* 123, 135, *строу́гы* 1656, *на сыны́* 41, 1466 (+996, 198), *о́блаки* 178, *-ы* 223 (ср. также *крúвы* 223). В И. В. мн. *a-feminina* а. п. с находим: *гвры́* Зв. 1186, *роуки́* В. 111, *в роуки́* 1116, 2566, *слезы́* В. 323 (менее показательны И. В. мн. *доушѣ́* [3×], ср. § 3.13) — *вúды́* (часто), *гúры́* (часто), *в гúры́* 215, *на гвры́* 2216, *за́ря* В. 1336, *зѣ́мли* В. 746, *нúгы* В. 262, *рúсы́* И. 2596, *слѣ́зы* В. 1036, *стрѣ́лы* (часто), *стѣ́ны* И. 98 (не считая менее надежных).

Возможно, к рассматриваемой особой группе относится также Зап.: *богы́* В., И., *бѣ́сы* В., И., *валы́*, *вѣ́сы* И., *на вѣ́сы*, *дары́* (наряду с *да́ры*), *домы́*, *зубы́* В., И., *росты́*, *саны́*, *сыны́*, *цвѣ́ты* И. (и даже

мужѣ И.) — *вѣкы, на годы, другы, за други, листы И., мѣды И., носы И., в полы* (см. Колесов 1972, с. 142—145, 188—189). Сюда же, вероятно, *Клон.*, где находим, в частности, *бѣсы 126, 25, на бѣсы 24, 71, власы (2×), образы 22, струны 106, во оуглы 190, также воды В. мн. 72.*

По-видимому, Егор. и Новг. отражают особый диалектный вариант акцентной эволюции И. В. мн. на *-ы* (в а. п. с), при котором флексийное ударение в этой форме развивалось как в мужском, так и в женском роде. Отметим в этой связи, что в качестве единичных отклонений от нормы ударения типа И. В. мн. *воды* встречаются во многих памятниках: *воды (И.) Тар. 2146, Биб. 407, Сол. 115, (В.) Трав. 5016, в воды Лет. 308; и ноги ихъ (В.) Чуд. 70а, ноги (В.) Т. пс. 1606 (+ Муз. 1836), под ноги Т. пс. 67 (+ Биб. 335); руки (В.) Т. пс. 1376 (+ Лет. 76, Ик. 506), руки (В.) Т. пс. 65 (+ Вас. пс. [3×], Увар. 5216), в руки Т. пс. 636 (+ Стар. 50); цѣны (В.) Улож. 178; кроме того, И. В. мн. *земли* отмечен в Библ., Смол., Косм., Ратн., Колм., И. В. мн. *горы* — в Сенн., Биб., Косм., Колм., И. В. мн. *стѣны* — в Лет., Биб., Пер.*

Т. мн. на *-ы (-и)* в а. п. с

§ 3.43. У *o-masculina* ударение словоформ Т. мн. на *-ы*³² нельзя рассматривать изолированно от словоформ В. мн., со временем превращающихся в «исходную форму мн. числа» (§ 3.42). Дело в том, что в старовеликорусский период часть пишущих уже переосмыслила существительное в сочетаниях типа *съ други, со своими други* как стоящее просто в исходной форме мн. числа. Смещения, свидетельствующие об этом явлении, отмечаются весьма широко. В наших памятниках находим, например: Сенн. *самыми вещи* 8г, Ап. *оузы желѣзными* 165, Биб. *руки своими* 341, *воды ('водами') покрыты бѣша* 330 (о египтянах; ср. *твоя воды* И. мн. 407), Косм. *с великими дарове* 102, *ме^{же} тѣми двѣма земли* 86, *чахове раз^ееляю^{тца} горы ('горами')* ω^т *нѣме^н* 1406, Дом. *многими торговли* 1166, *или корчѣмнымъ прикупомъ или лихвы* 41, М. пс. *со бесплѣтными твоими слугы* 177, Кирил. *скѣти различными* 189, Улож. *с тѣми холѣи* 2786 (ср. *в холѣи* В. мн. 476 и др.), *зѣрню и карты играютъ* 300, Колм. *травы разноцвѣтными* 188, *с трубы* 22. В Ратн. представлены Т. мн. *мѣры, рѣты, телѣги, тѣсяци, тѣсячи, оулицы* (Станг 1952, с. 27). Подобные смещения, конечно, были в значительной мере связаны с тем, что в живой речи уже все шире использовалось новое окончание *-ами*, т. е. мы имеем здесь дело с переосмыслением уходящего в прошлое окончания.

Естественно ожидать, что столь тесная связь Т. мн. с исходной формой мн. числа может проявиться и в сфере акцентуации. Ниже памятники разделены на группы соответственно представленному

³² Здесь и далее «на *-ы*» подразумевает: после мягких и *к, г, х* — на *-и*.

в них соотношению акцентовок Т. мн. и И. В. мн. на *-ы*. При этом документируется только Т. мн., поскольку И. В. мн. на *-ы* уже рассмотрен выше.

Группа 1: микросистемы с господствующим флексийным ударением в Т. мн. при начальном ударении в И. В. мн. на *-ы*. Чуд.: *власы* 16в (+30в), *-ы* 47б, 48а, *-ы* 30в, *гласы* 40а, *зубы* 21а, *зоубы* 63б, с *моужей* 33в, с *облакы* 24б, *послоухы* 139а, *-ы* 138а, *разоумы* 107г, *роды* 125г, *слоухы* 14'в. Прол.: *бѣсы* 81б, *власы* 30б, с *зубы* 88б, *князи* 98, с *князи* 98, *платы* 124б, однако *мужы* 31б. Несколько менее последовательна микросистема Ион.: *бѣгы* 620б, с *богы* 323б, *власы* 397, *дары* 559, *другы* 335б (+403б, 571б), с *другы* 104б, *зубы* 258б (+425, 489), *мужы* 412 (+576), с *мужы* 545б, *облакы* 40б, *посохы* 551, *слухы* 150; однако *гласы* 174, 622, *свѣцными свѣты* 606б, *слухы* 316 (ср. еще *врѣды* 287б), также многосложные *образы* 612, 623б, *пѣмыслы* 200б, 478б. Сюда же Чет.: *зубы* 132б, *ногты* 22б, *посохы* 49, *рубы* 3б; однако *дары* 82б, *саны* 23б, также многосложные *облакы* 139б, *образы* 10б. В Муз., Лук. и Тих. встретилось лишь по одному примеру Т. мн.

Группа 2: микросистемы с господствующим флексийным ударением как в Т. мн., так и в И. В. мн. на *-ы*. Егор.: *власы* 495б (ср. В. *власы*), *зоубы* 79, 79б (ср. И. *зубы*), *нравы* 19, 87, 128б, 505б (ср. В. *нравы*), *саны* 524б, *цѣты* 197 (ср. В. *цѣты*); с другой стороны, *дары* 5бб, 170б, 273, 361б (ср. В. *дары*). У многосложных ударение наосновное: *бѣсовы* 338 (ср. В. *бѣсовы*), *вѣзрсты* 501, *образы* 152б, *пѣдвиги* 78б, *пѣмыслы* (3×), *разоумы* 371. По-видимому, сюда же относится Зап.: *бѣсы* (ср. *бѣсы* В., И.), *зубы* (ср. *зубы* В., И.), *поты*, однако с *вѣсы* (при И. *вѣсы*, В. на *вѣсы*) (см. Колесов 1972, с. 151—152).

Группа 3: микросистемы с господствующим начальным ударением как в Т. мн., так и в И. В. мн. на *-ы*. В ряде памятников этой группы в Т. мн. на *-ы* встретилось только начальное ударение. Образцом может служить Хр.: *богы* 762, *власы* 632б, 816б, *гласы* 707, *дары* 1271, з *дары* 1332б, з *дѣмы* 1158, *зоубы* 49б, 1274, 1329б, *князи* 1042б, *моужы*, с *моужы* (5×), *носы* 1361, *ряды* 425б, *пре^дсаны* 647б, сюда же *слоны* 'заслонами' 1303б, также вторичное *сѣ греки* 1394б, 1398б, 1399б. Аналогично (при меньшем объеме материала) Амф., Библ., Дос., Корн., Костр., Пат., Пск., Рж., Сенн., Сол., Трав., Уст., Хлын., Хрон., Час. Лишь по одному примеру встретилось в Кир., Кирил., Тамб., Цел. Если не считать одного не совсем ясного примера (*ходи^а за сторожы* [Т.?] 40б), такую же картину обнаруживает Косм.: *городы* (7×: 16б, 82 и др.), *грады* 31б, *грѣбы* 23б, *дары* 112, 176б, *недруги* 67, 148б, *образы* 29б, *островы* (4×: 142б и др.), *роды* 5б, 9 (ср. при новом окончании — *городами* 45, *дарами* 17б, 186б, *зубами* 89, *киями* 50б, с *луками* [4×], *островами* 141б).

В других памятниках этой группы изредка встречается Т. мн. с флексийным ударением, но лишь у слов, которые допускают такое ударение также и в И. В мн. на *-ы*. Лет.: *межи бѣреги* 391, *за вoзы* 124б, *мѣ^же гóроды* 237б, *на^д грoбы* 331б (скорее Т., чем В.), *дáры*, с *дáры* (часто), *со кнѣзи* 147б, 373, *кнѣзи* 176, 188б, 245 (+164б), *по^д колоколы* 391 (скорее Т., чем В.), *лѣсы* 290б, *мужи* (Т.?) 204б, *о́бразы* 14б, *пóрты* 183, *рóгы* 172, с *рóды* 71б, 87б, *стáны* 113, 153б, *за сторожи* 183б (скорее Т., чем В.), *за стóрожи* 267, с *стóрожи* 148, *суды* 'navibus' (5×: 312б bis и др.), *тpуны* 418б. Отклонение: *снѣ* 136б (наряду с *ѣны* 229), ср. В. мн. *снѣ* и *ѣны*. Колм.: *вáпы* 104, *гpáды* 4, 7, *кóлоколы* 6 (Т. или И.), *лiсты* 223, *мужы* 163 bis, *óстрова* (часто), *прóмыслы* 201, *тѣремы* 219, *цвѣты* 182, с *цвѣты* 71, *чiны* 26, 78. Отклонение: *валы* 72, 81, 111, 130, 209 (наряду с *вáлы* 64), ср. И. мн. *валы*. С новым окончанием находим *богáми* 35, *городáми* (часто), *зубáми* 53, *лѣсáми* 29, 47, 155, 251, *островáми* 8, 210, *рогáми* 48, 53, 96, *снѣгáми* 253, *тетере-вѣми* 193, *чинáми* 80 (сюда же *рвáми* 129); ср. также *парусáми* 201, с *парусáми* 184 при более старом *пáрусами* 203 (непоказательно с *лúками* 50 и с *лúки* 42, 29, ввиду Р. мн. *лúкусъ* 35). Возможно, сюда же относилась микросистема Ратн., где в Т. мн. реально встретились только *валы*, *ряды*, *станы*, но все они выступают с таким ударением и в И. В. мн. (Станг 1952, с. 17, 20).

В ряде памятников флексийное ударение в Т. мн. представлено только словоформой *зубы* — обычно в сочетании *скрегчить* (*скрежецеть*) *зубы* *своими* (при том, что в И. В. мн. такого ударения не отмечено). Так, в Биб.: *бóгы* 390б, 400б, *дáры* 258, *съ князи* 460, *съ кнѣзи* 395б, *пóясы* 218, *рóды* 469б, однако *зубы* 373. Аналогично Нил., Ап., М. пс., Стар., Сел., Матф.

В Печ. Т. мн. представлен так: *глáсы* 338, 372, *звóки* 447, *зубы* 225б, *кнѣзи* 524б, *съ кнѣзи* 199, *мужи* 538б, *нóгты* 140б, *на^д о́блаки* 544б, *со о́блаки* 125, *о́бразы* 423б, 425б, *цвѣты* 316 (также *со о́троки* 165б) — *зубы* 22б, 233 (в отличие от В. *зубы*), *власы* 482б (ср. В. *власы* регулярно), *съ бѣсы* 421б, 429 (для В. отмечено только *бѣсо́вы* 343). Ср. также Ряз.: *глáсы* 84, *дрóги* 287б, *пóты* 201б, *о́бразы* 170б — *зубы* 77, *съ бѣсы* 66 (ср. В. *бѣсы* и *бѣсы*), *о́бразы* 120, 259 (ср. В. *о́бразы* [8×] и *о́бразы* [2×]); Т. пс.: *бóгы* 107б, *-и* 138, *съ дáры* 66б, с *кнѣзи* 122б, *рóги* 65 — *зубы* 185б, *богы* 172.

За рамками трех названных групп находятся микросистемы переходного типа. Например, в Новг. как в Т. мн., так и в В. мн. конкурируют два типа акцентовки, но в Т. мн. флексийное ударение представлено шире, чем в В. мн. Так, в Т. мн. находим: *зоубы* (4×), с *дары* 297б, *рогы* 87, *пре^д сыны* 65б — з *дары* 89б, *бóги* 168б, 170, *съ кнѣзи* 196б, с *кнѣзи* 196б, с *моужи* 59, также *о́блаки* 237б,

и(умыслы 263б. Ср. В. мн. *сынѣ* (но *на сыны*), также *дѣѣ*, *грѣбѣ*, но *зоубѣ*, *дѣры*, *рѣги*, *дрѣги*, *стрѣги*, *облаки*. Ряд микросистем занимает промежуточное положение между группами 1 и 3: в Т. мн. ударение колеблется, тогда как в И. В. мн. на *-ы* господствует начальное ударение. Сюда можно отнести Цв., Тар., вероятно, также Авв., Дом., Кург., Лих., Пер., Увар., Улож., Фер., Хл., Яр., материал которых беден.

Приведенный материал ясно показывает, что, как и можно было ожидать, акцентуация Т. мн. во многих случаях оказывается в прямой зависимости от акцентуации И. В. мн. на *-ы*. Особенно выразителен материал Егор., Лет., Колм., Ратн.

Древнейший памятник Чуд. четко противопоставляет флексийную акцентовку Т. мн. энклиноменной акцентовке В. мн. В XVI в. эту систему сохраняют, хотя и безупречно, только Прол. и Ион., акцентуация которых вообще отличается большей консервативностью (бедные по материалу памятники не в счет). Прочие памятники обнаруживают разные степени акцентного отождествления Т. мн. с И. В. мн. на *-ы*; в силу такого отождествления оказываются возможными даже оттяжки ударения на предлог (см., например, материал Лет.). Показательно, что следы флексийного ударения в Т. мн. встречаются почти во всех частях русской территории; никакой четкой изоглоссы они не дают. Таким образом, совокупность всех имеющих данных данных недвусмысленно указывает на историческое движение Т. мн. от флексийного ударения к акцентному отождествлению с И. В. мн. на *-ы* (ср. Станг 1957, с. 73).

Т. мн. на *-ьми* в а. п. с

§ 3.44. Как видно из карты 3, для восточной зоны характерно ударение типа *костьми*, для западной зоны (а также части северо-восточных памятников) — типа *кѣстьми*. Ударение типа *кѣстьми* является исторически более новым. Оно представляет собой характерный пример морфологизованной дефинализации (§ 3.9); ср. место ударения в таких примерах, как *лакѣтьми* Печ. 60б, *с отрубѣми* Цел. 3б. Соответственно, здесь практически не бывает оттяжек ударения на предлог (единичные отклонения явно носят аналогический характер).

В особом положении находится словоформа *людьми*: она сохраняет (хотя бы факультативно) старое ударение *людьми*, по-видимому, повсеместно (ударение *лѣдьми* отмечено только в Т. пс., Ап., Сол. и Цел., см. ниже). С другой стороны, у многосложных (без полногласия), например, *похоть*, *немоць*, *заповѣдь*, *повѣсть*, *крѣпость*, в XVI—XVII вв. чаще всего выступает начальное ударение, выровненное по И. ед. и И. мн. Это явление возможно в любом диалектном районе. Соответственно, словоформы типа *похотьми* диалектологически показательны только при флексийном ударении. Далее, некоторые словоформы с книжным оттенком могут иметь наосновное ударение даже в восточной зоне; таковы прежде всего *кровьми*,

лестьми, страстьми, вещьми. Они тоже показательны только при флексиионном удареении.

Слово *скорбь* в одних микросистемах акцентуируется по а. п. с, в других по а. п. а. Именно этот последний вариант представлен, в частности, в Чуд., Увар., Ап., Дом., Сол., Костр., где находим *скóрбьми*, при том что господствует (или преобладает) модель *кóстьми*. Таким образом, для нашего разбора может быть показателным только ударение *скорбьми*.

В акцентуации словоформ на *-ьми* не обнаруживается каких-либо существенных различий между *i-feminina* и *i-masculina* (а также допускающими в некоторых системах такое окончание *jo-masculina*), например: *кóстьми*, *звѣрьми*, *князьми* или, напротив, *кбстьми*, *звѣрьми*, *князьми*. При этом, однако, словоформы на *-ми* у *u-masculina* (изредка также *o-masculina*), например, *сынми*, *дарми*, *чинми*, *власми*, стоят несколько особо: в микросистемах с моделью *кбстьми* они всегда имеют наосновное ударение (*сѣнми*, *дѣрми* и т. д.), но такое же ударение выступает и в части микросистем с моделью *кóстьми*; возможно, это связано с книжным оттенком данной группы словоформ.

Ниже приводятся образцы микросистем. Словоформа *людьми* учитывается только при наосновном удареении. Словоформы прочих особых групп, названных выше (например, *похотьми*, *кровьми*, *скорбьми*, *сынми*), обязательно приводятся при флексиионном удареении, а при наосновном могут быть и опущены.

Модель *кóстьми*. Печ.: *лакóтьми* 60б, *гвóздьми* 105б, *звѣрьми* 177, *звѣрми* 170, 173, 174б, 177, с *чѣрвьми* 145, *плóтьми* 543б, *слáстьми* 110б, *чѣстьми* 541б (также *вѣцьми* 421, *стрáстьми* 466б [+70], *пóвѣстьми* 356б; ср. еще *дѣрьми* 198б [+373], *влáсьми* 319б); однако *дѣтьми* 151б, сѣ *дѣтьми* 402 (+402б). В прочих памятниках материала меньше. Сенин.: сѣ *дѣтьми* 68а, *чѣрвьми* 170а. Лих.: з *дѣтьми* 64б (+136в), также *вѣцьми* 129г, 266а. Корн.: *рѣчьми* 23, *слáстми* 389б, *чястьми* 114б (+434), также *вѣцьми* 165б, *стрáстьми* (6×), особо стоит сѣ *страстми* и *пóхотми* 348б, 389б; однако флексиионное ударение в *мужьми* 422б. Муз.: *слáстми* 210, *дѣньми* 165. Егор.: *слáстьми* 76, 132, 319 bis, также *вѣцьми* 76б, *стрáстьми* (7×) (помимо *зѣповѣдьми*, *пóвѣстьми*, *пóхотьми* и т. п.). Фер.: *дѣньми* 35б, *плóтьми* 779б, также *вѣцьми* 289б, 962б, *крѣвьми* 469б, *лѣстьми* 550. Дан.: *нóчьми* 72, *гвóздьми* 160, *чѣрвьми* 133б, также *вѣцьми* 29 ter. Хр.: со *звѣрми* 1168б (+1176), также *крѣвьми* (6×). Пск.: *звѣрми* 174б, *чѣрвьми* 179, также *вѣцьми* 329б, однако *страстми* 126б. Клон.: *звѣрми* 52, 300б, *князьми* 91. Цел.: *людми* 16б, 286б, с *людми* 274б, с *лбдми* 275б (при этом *людми* не встретилось), *мáстьми* 9б, 129, с *отрѣбми* 3б (отметим еще *кбстми* Целеб. 292). Остальные примеры единичны:

Нил. *чѣстьми* 48б, Час. *сластьми* 239, Т. пс. *лю́дми* 109 (наряду с *людми* 174), также *страстьми* 25б, Пр. *властьми* 293в, Хрон. *звѣздыми* 241б, Карг. *мужми* 462б, Амф. *сластьми* 113 (также *лѣстьми*, *страстьми*), Смол. *рѣчми* 87, Пер. *звѣрьми* 4 (также *вѣщми* 40б). В М. пс. представлено только непоказательное *страстьми* 181.

Модель *костьми*. Чуд.: *вервьми* 75б, *немоцми* 144б, *похотми* 124а, 139в, *прелестми* 87б, *дньми* 24б, *звѣрьми* 151в, с *звѣрьми* 16г, со *князьми* 68б, и *моужми* 77в, *червьми* 67а (помимо *людми* [3×]). Ион.: *вещми* 124, 189, *рѣчми* 513, *съ звѣрьми* 55б, *червми* 335б, однако *червьми* 583б, *дѣнми* 246б (непоказательно *крѣвми* [3×]). Увар.: *дѣтьми* 601 и др., *съ дѣтьми* 49б и др., *вещми* 434, 582б, *стрѣтьми* 517б; также *дарми* 70б, 706б. Лук.: *дѣтьми* 77в, *сластьми* 230б, *страстьми* 61в, 97а, *страстьми* и *похотми* 232а, *червми* 83а (также *скорбми* 156г); кроме того, *дарми* 234б, *гробми* 267г, *рубми* 65б. Биб.: *дѣтьми* 29б, *бровми* 215, с *костьми* 232б, *межу полотми* 19, однако *червьми* 54 (непоказательны *крѣвми* 393б, *страстьми* 420б); также *съ сынми* 341б (наряду с *дарми* 407б, *чинми* 454). Цв.: *вещми* 9, *костьми* 10 (+ 12), *крѣвьми* III 228, *нощми* 212, *сластьми* 58, *страстьми* 22, 38б, *звездьми* II 30, 68б и некоторые другие, однако *мастьми* II 39, 52; также со *сынми* III 60, *чинми* 54б, II 44б, III 6 (наряду с *чинми* 209). Косм.: *деми* 68, *костми* 26б, 176б, *речми* (б. уд., но с е, а не ъ) 94б и др., *звѣрьми* 55. Яр.: *властьми* 161, с *моцми* 253, *сластьми* 159, колебание в *сластьми* 118б, *частьми* 98; также *дарми* 153, *чиньми* 160б (наряду с *чинми* 120). Сол.: з *дѣтьми* 147б, *моцми* 137, *страстьми* 37б (+ 23б), *звѣрьми* 8б, *съ князьми* 146б, однако колебание в *лю́дми* 11 (непоказательно *похоми* 37б); также *съ снѣми* 143. Ратн.: *детми*, *блядьми*, *рѣчьми*, *снастьми*, *страстьми*, *лошадьми*, *податьми*, *прибыльми* (Станг 1952, с. 29, 40). Улож.: *дѣтьми* 79, 14б и др., за *властьми* 44, 257, *властьми* 22б, з *дочерми* 198б, *лошадьми* 77б, 82б, (+ 5), *рѣчьми* 186б, *крѣвностьми* 99, 157, *податьми* 253, 253б, з *записми* (часто; однако з *записми* 142б), *приписми* 298, *татьми* 5б, за *татьми* 311 (также вторичные *матерми* 268, *памятьми* 130 ter и др.). Матф.: *крѣвьми* 123, *страстьми* 231, со *страстьми* 155, *частьми* 17б, *заповѣдьми* 88, со *звѣрьми* 85б, *мужми* 148б, однако *трѣми дѣньми* 218б, 227. Авв.: *дѣтьми*, з *дѣтьми* (часто), за *лошеми* 223, *плетми* 252 (+ 67), *рѣчми* 214б, *санми* 208 (но *санми* 27б), *сластьми* 218, *звѣрьми* 155, со *звѣрьми* 33, 212 (также *скобми* 213б). Аналогично и в большинстве прочих памятников восточной зоны (но материала в них меньше), см. карту 3; отметим лишь сравнительно редкие словоформы: Прол. *пястьми* 113, Чет. *лакотми* 11б, Лес. *съ страстьми* и *похотми* 255б. Поздний переход слова *дверь* из а. п. *в* в *с* отразился в примерах: Ик. *дверми* 45, Трав. *дверми* 132б.

Колебание между моделями *костьми* и *кóсьми* (с некоторым перевесом первой). Лет.: *дѣтми*, з *дѣтми* (очень часто), *вещми* 210, со *властьми* 251, *волостми* 331, 399б, *костьми* 77, *моцми* (5×: 317б bis и др.), с *по^дстми* 259, *рѣчми* (4×: 267б и др.), *записми* 415б, *кнзми* 281, 384, *кнзьми* 346, также *снми* 136б; с другой стороны — з *дѣтми* 167, з *дѣтми* 107б, *властми* 241, с *моцми* 320б, з *гвóздьми* 26б, *чѣрвьми* 13 (также *дѣрми* [3×]). Ап.: *дѣтми* 39, *вервьми* 42б, со *страстьми* 155б — с *людьми* 223 (ср. с *людми* 108, *пре^д людми* 31б [+ 35, 38]), *чѣстьми* 52, также *крóвми* 209б, *лѣстьми* 71б, *страстьми* 172, *пóхотми* 155б, 201. Нв.: з *дѣтми*, *волостми*, *костьми*, *моцми*, з *гостми*, *звѣрми* — *властьми*, *кльтми*, *звѣрми*, также *вещми*, *крóвми*, *лѣстьми* (Колесов 1972, с. 87—88, 92, 173—174). Колм.: з *дѣтми* (часто), *плетми* 23, *крѣпостми* 21, *податми* 5б, *ересми* 258, *гвóдми* 220, *звѣрми* 14 (+ 14, 102), также вторичные *скатертми* 203, *соболми* 191 (ср. еще с *лушми* 52) — *дѣнми* 3, 7, *мастьми* 211, *рѣчми* 211, *звѣрми* (7×: 12, 14 и др.) также *вещми* 43, 210, *областьми* (5×).

В некоторых сравнительно поздних восточных микросистемах ударение на -ми аналогическим путем распространяется на отдельные слова а. п. б, например: Лук. *комарьми* 65а, Косм. *по^д коро^мми* 14б, Сол. *црвьми* 146б (+ Колм. 193₂), *овощми* Колм. (9×).

Заметим, наконец, что Т. Д. дв. на -ьма, -ьма, который в Чуд. еще сохраняет исконное конечное ударение (*вещма* Т. дв. 144г), в XVI—XVII вв. ввиду своего книжного характера почти всегда выступает с наосновным ударением, например: Ап. *вещма* Т. дв. 216б, Ряз. *лѣтьма* Т. дв. 62, Печ. *брóвма* Т. дв. 195б; отметим колебание в Ион. *рогма* Т. дв. 105 и *рогма* 101б.

Д. мн. на -омъ (-емъ) в а. п. с

§ 3.45. Ниже рассматриваются в первую очередь существительные мужского рода. В материале памятников не усматривается сколько-нибудь четкого акцентного различия в Д. мн. между прежними *o-* и *u-masculina*; поэтому ниже эти группы рассматриваются вместе. Менее очевидно акцентное единство прежних *jo-* и *i-masculina* в этой форме, поскольку материала здесь существенно меньше. Ниже при разборе мы учитываем как *jo-*, так и *i-masculina*, кроме словоформы *людемъ*, которая ведет себя в акцентологическом отношении особо (новое ударение *людемъ* отмечено только в северо-западных памятниках Сени., Т. пс., Вас. пс., Новг., Егор., Пск., Лет., Нв. — везде на фоне более обычного *людемъ*).

С другой стороны, твердые и мягкие основы в части микросистем в рассматриваемой форме акцентно различаются. Используя *зуб-* как символ твердых основ, а *муж-* — мягких, можно представить

основные модели акцентовки в Д. мн. так: 1) *зубомъ, мужемъ*; 2) *зубомъ, мужемъ*; 3) *зубомъ, мужемъ*.

Как видно из карты 6, модель *зубомъ, мужемъ* характерна для большей части территории западной зоны и для некоторых памятников дальнего северо-востока. Модель *зубомъ, мужемъ* в ее чистой или почти чистой форме распространена в основной части восточной зоны. Между этими двумя ареалами, а также на большей части дальнего северо-востока выступают компромиссные модели: *зубомъ, мужемъ* или колеблющиеся.

Для отдельной микросистемы наиболее показательными являются существительные с односложной (или неодносложной полногласной) основой. Слова с неодносложной основой (без полногласия) могут сохранять в Д. мн. наосновное ударение (*образомъ, послухомъ* и т. п.) даже в тех микросистемах, где представлено *богомъ, зубомъ* и т. д. Соответственно, словоформы типа *образомъ* показательны только тогда, когда они имеют флексийное ударение; при наосновном ударении они практически ничего не дают для характеристики соответствующей микросистемы (и ниже обычно просто не приводятся). Аналогичной особенностью обладают словоформы со «вставным» морфом *-ов-*, перенесенным из И. мн. (типа *бѣсовомъ, духовомъ, сыновомъ*): даже в микросистемах с регулярными *богомъ, зубомъ* и т. д. они могут сохранять начальное ударение (*бѣсовомъ* и т. д. — под прямым влиянием И. мн. *бѣсове*), а иногда обнаруживают ударение на *-ов-* (*бѣсѣвомъ* и т. д. — по-видимому, под влиянием Р. мн. *бѣсѣвъ*). Ниже такие словоформы при наосновном ударении могут быть просто опущены. Не включено в основной материал сочетание *въ вѣки вѣкомъ* (об акцентуации которого см. § 3.46), а также *господеви господемъ* (из псалма 135), в котором вторая часть повсеместно имеет акцентовку *гѣсподемъ* (так в Т. пс., Новг., Тар., Рж.).

Приводим материал важнейших микросистем, использующих модель *зубомъ, мужемъ*. Чуд.: *влѣсомъ* 84г, *вѣкомъ* 112б, 146б (не считая сочетания *въ вѣки вѣкомъ*, ср. выше), *пѣ градо^н* 140б, *пѣ всѣмъ градомъ* 69б, *дѣромъ* 113б, *дѣмомъ* 136г, *зубо^н* 6а, *слѣдомъ* 101а, *ѣ холмо^н* 40б; *моужемъ* 124в, 131в, 135г, *к моужемъ* 65б (отклонения: *пѣ градѣмъ* 73в, *проугомъ* 152в). Лет.: *бѣсо^н* 81б, *црѣю вѣко^н* 378б, *гѣродо^н* 199, *пѣ городо^н* 367, 385б, *градо^н* (8×: 20, 184, 263 и др., ср. также *градовѣмъ* || 67), *пѣ градо^н* 114, 140, 182, 290, *пѣ градо^н* 137б, *кѣ гробомъ* 304б, *дрѣго^н* 82, *пѣ тѣ^н листо^н* 321б, *пѣ лѣсо^н* 417б, *пѣ лесомъ* 344, *пѣ лѣсо^н* 308б bis, *рѣдо^н* 26б, *к сѣдо^н* 'navibus' 75б (отметим также *снѣво^н* 81); *бѣле^н* 'больным' 240, *гѣсте^н* 368 bis, 399б, *кнѣзе^н* 9б, 131, 208, 219, *кѣ кнѣзе^н* (5×: 127, 373б и др.), *моужемъ* 93б (+ 64, 71б), *к моуже^н* 39б (отклонения: *пѣ градо^н* 84б, *пѣ угломъ* 316б). Фер.: *брѣкѣ^н* 827, *пѣ чинѣмъ* 203; *моужемъ* 263, 491, 802б, *тѣтемъ* 995б. Биб.: *бѣго^н* 117, *градомъ* 329, *пѣ всѣ^н градомъ* 340б, *кѣ грѣбо^н* 436б, *вѣко^н* 430б, *пѣ домомъ* 89,

по домовь 86 bis, по домо^м (12×: 86 bis, 86б [5×] и др.), также бѣсово^м 393б, сыновомь 388б (отклонение: бѣ богóмь 387); звѣремь 430, звѣремь (4×: 12б, 13 и др.), княземь (4×: 384б и др.), моужемь (6×: 328 и др.), тате^м 469. Смол.: по... градомь 80, 84б, 85, 112, 113; моужемь 115б. Отдельно отметим северо-восточные памятники. Карг.: градо^м 510, до^м 510б, чин^м 5б (+ 564); му^{же} 5б, 16, 18, 500б. Хлын.: бѣсомь (14×: 2, 2б и др.), гласо^м 118б, друго^м 4б, 204, зубо^м 49б, не к зубо^м 21, ле^{до} 118, м^{ра}ко^м 118, снѣго^м 118; звѣре^м 122б, му^{же} 22б, 253б, че^рве^м 232б.

Несколько менее последовательно данная модель выдержана в Егор.: бѣсомь (7×: 18б, 83б и др.), вѣкомь 163, даромь (4×: 284б и др.), къ другомь 25б, доухомь 250б, гостемь 275, 275б, моужемь 51б, 258, 470б, однако скрежетъ зубомь 283б, скреже^м зубомь 510б, моужем же 465б, мужемь i жена^м 50б. Сюда же Чет.: бóгомь 86б (с неясным б), бѣсомь 132б, вѣкомь 114б, градомь 147, по градомь 24б, друго^м 33, звѣремь 82, княземь 143б, моужем же 25, но также богóмь 91б, бѣсомь 24б, 88; Клон.: бѣсомь 22, 24б (также бѣсовомь 10б), по градомь 92, къ... грóбом 99, другомь же 68б, лѣдомь 105б (+ 71б), че^рве^м 188, но также бѣсомь 11б, мужемь 279. Бедны материалом рукописи Лих., Ег., Пр., Пат., Жит.

Перейдем к модели с флексивным ударением: зубомь, мужемь. Прол.: бѣс-омь 4, -омь 9, зубомь 69; звѣремь 58. Вас. сб.: богóмь, бѣсомь, бѣсовомь, вѣкомь, облакомь, образомь, помысломь; мужемь (см. Васильев, с. 123, Колесов 1972, с. 155). Дос.: бѣс-омь 280, 282б, -омь 8б, по градомь 2б; звѣремь 64б. Ап.: бóгомь 153б, бѣгомь 232б, бѣсомь 32б, 123 bis, 157, власомь 124, по градомь 203, по всѣмь градомь 260, даромь 61б, къ другомь 49б, духовомь 35б, 193б, къ духовомь 165, родомь 161, сномь 136б bis, 224б bis; господемь 173, княземь 8, ко княземь 31, мужемь (часто: 4, 61б, 62 и др.), к мужемь 61б и др. (отклоняется только книжное црю же вѣкомь 192; особо стоят домовомь 9б, образомь 218б, дховомь 224б, ср. о таких словоформах выше). Тар.: бѣсовомь 218, сновомь (4×: 109б bis и др.); звѣремь 104б, княземь 107, 125б (отклоняется только книжное пругомь 112б). Цв.: власомь 65, вѣкомь (часто), гробомь 4, другомь (часто), духомь III 184б, помысломь 37б и др., свѣтомь III 101б, слѣдомь 69б, сновомь (часто), оугломь 63б, чиномь II 18; гвоздемь II 3, 24б, звѣремь III 224б, княземь 70 и некоторые другие (отклонения: другомь 81, родомь родóвь 179б). Бук.: бωгомь 131, гласомь 133 (и гласωвомь 138), гробомь 133б, рωгомь 139; гдѣмь 133, червемь 135. Ряз.: бѣсомь (часто), бѣсовомь 3б и др., волкомь 310б, даромь 174б, духомь 65б, духовомь

178 и др., *зубомъ* 90, *сново́мъ* 145; *зѣбрѣмъ* 88б, *татѣмъ* 205б, 210, 285 (отклонения: *со́комъ* 139, *зѣбрѣмъ* 268б). Костр.: *бѣсомъ* 99 bis, *волокомъ* 225б, *даромъ* 33б, *саномъ* 33б, *сыномъ* 204б; *мужемъ* 8б. Ратн.: *валомъ*, *воромъ*, *рядомъ* (4×), *оугломъ* (4×) (также вторичное *мастеромъ*); *кнзѣмъ*, *сторожемъ*; отклонение: *рядомъ* 67 bis, 112 (см. Станг 1952, с. 19); наряду с этим в Ратн. представлено значительное количество словоформ с новым окончанием *-амъ* (при отклоняющемся *оугламъ* 109, 116). Улож.: *воромъ* 308, 311б, *по гордомъ* 242б, 320б, *по городомъ* (часто), *къ городомъ* 254, *по домомъ* 84, 133, 199, *кормомъ* 81, *мостомъ* 91б, *по мостомъ* 6б, 86б, *поваромъ* 110, *по рядомъ* 143б, *чиномъ* 183, *по чиномъ* 245б (также *обыскомъ* [часто], *по обыскомъ* 302б bis); *гостемъ* 64, 107б, 232б, 237, 248, *сторожемъ* 298, 320б, *татемъ* 299б, 311б (особо отметим *мужемъ* 278); наряду с этим *лугамъ* 155б, *сторожамъ* 320б, *судамъ* 'navibus' 91. Матф.: *бѣсомъ* (часто), *бѣсовомъ* (часто), *градомъ* 85б, *гробомъ* 183б, *даромъ* 34, *другомъ* 83б, *зубомъ* (часто), *помысломъ* 105б, *родомъ* 227, *сново́мъ* 157, *-омъ* 231₂ (также вторичные *жидовомъ*, *оудомъ* и др.); *кнзѣмъ* 11, 29, 172б, *мужемъ* 147б, *червемъ* 221б. Аналогичная картина обнаруживается также в Хл., Вер., М. пс., Рж., Сел., Колм. (отклоняются только Вер. *кнзѣмъ* 13б, Колм. *кнзѣмъ* 87). В ряде памятников, сравнительно бедных материалом, встретились только твердые основы (с акцентовкой по модели *зубомъ*); таковы Хлуд., Рум., Зап., Пер., Яр., Тих., Авв. В Косм. представлено только *по лесомъ* 179, 180 (без ударения, но с е, а не ѣ); по-видимому, здесь было флексивное ударение (менее вероятно двукратный пропуск ударения над *по*). Флексивное ударение заметно преобладает в Нил.: *богомъ* (4×), *бѣсомъ* (8×), *дугомъ* Г 212, *къ дугомъ* Г 57, *помысломъ* (4×) — *бѣсомъ* Г 93, Г 146б. Сходная картина в Вас. пс. (см. Васильев, с. 123—124), Муз., Лес.

Промежуточную модель *зубомъ*, *мужемъ* обнаруживают следующие микросистемы. Час.: *бѣсомъ* 24б, *-омъ* 324б, 441, *на конецъ вѣкомъ* 420б, *другомъ* 399 — *кнзѣмъ* 189, 200б. Т. пс.: *бгъ богомъ* 98 (+ 69б), *а не бгоу бгомъ* 152, *к пискомъ* 1б, *пругомъ* 93, также *сново́мъ* 91 (наряду с *сыновомъ* 145, *чїново*^м 1б) — *кнзѣмъ* 89б, 100. Сенн.: *бѣсомъ* 9в, 55б, 158а, *зоубомъ* 61г, *пругомъ* 15б (также вторичное *оудомъ* 13г; отметим еще *щепомъ* 'затмению' 215б bis) — *моужемъ* 17в (+ 26г), *червемъ* 12а (отклонения: *гробомъ* 110в, *даромъ* 218г). Корн.: *къ... вредомъ* 227б, *другомъ*^{жс} 434, *скреже*^м *зубомъ* 125 (ср. *градомъ*^м 108б) — *моужемъ* 110 (+ 110, 351б). Хрон.: *богомъ* 237б, *къ богомъ* 235б, *к рогомъ* 23б — *моужемъ* 226б, 237б (отклонение: *богомъ* 224б). Амф.: *бѣсомъ* (10×: 79б, 142 и др.), *помысломъ*

165б, также *бѣсово^м* 128б, 165б, 197б, *градо^{во}м* 145, *дѣхово^м* 167, *сново^м* 27б (колебание: *дрѹго^м* 199б) — *звѣре^м* 19б, *князе^м* 42, 161. Библ.: *бесомъ* 489б, *градомъ* 477, 480б, *рц^о* *родомъ* 488, *сно^м* 949б и др., *къ сно^м* 610б (отклонение: *градо^м* 658б) — *князе^м* 699, *к муже^м* 607.

В прочих памятниках представлены различные варианты колебания между основными моделями. Вариант *зубомъ* // *зѹбомъ*, *мѹжемъ*. Новг.: *зоубѹмъ ихъ* 216б, *бгъ богѹмъ* 95, 305, *бѹгу богѹ^м* 267 (+ 224, 247) (ср. также *вѣвки вѣкѹмъ* 260б, *ѹ вѣвки вѣкѹ^м* 264), однако *бѣсомъ* 247 (+ 186), *к пѹску^м* 20б, *проѹгомъ* 142б (также *плѹдомъ* 142б — по а. п. с; непоказательно *сыновѹмъ* 121 [+ 139б bis, 235б]); при мягкой основе — *звѣремъ* (6×: 6 bis, 119б и др.), *князе^м* 68б, *к моѹжемъ* 8б, но один раз *кнзѣмъ* 13б. Увар.: *богомъ* 633, *бѣсомъ* (5×: 495б и др.), *волкомъ* 61б, *по градомъ* 61б, *по... градомъ* 488, 489б, 601, *домомъ* 677б, 678, *сново^м* 396б, 614 (также вторичное *жидомъ* 4, 396б bis и др.) — *вѣко^м* 584, *по... градо^м* 607, *къ грѹбомъ* 726б, *домо^м* 297, *по чиномъ* 491б; с другой стороны, *звѣремъ* 563 (+ 297б), *звѣре^м* 297б, *князе^м* 733б, *мѹже^м* 303, но один раз *мужемъ* 841б. Хр.: *богомъ* 599б, 1102, *богомъ* 599б, 1050, *бгъ богѹ^м* 1161, *родомъ* 1056б — *ко бѹго^м* 1301б *градо^м* 1315, *долгомъ* 513б, *дрѹго^м* 1229, *родомъ* 89, *сыно^м* 398б, 422б; при мягкой основе — *звѣре^м* (8×: 520б, 762 и др.), *княземъ* 317б (+ 526б), *ко княземъ* 637, *ко князе^м* 1014, 1014б, 1197б, *ко княземъ* 1014, *моѹже^м* (7×: 951, 1058б и др.); Нв.: *богомъ*, *вѣкомъ*, *градомъ*, *зубомъ*, *сынѹмъ* — *дрѹгомъ*, *по лѹгомъ*, *родомъ*, *трѹпомъ*; *гостемъ*, *мѹжемъ* (см. Васильев, с. 124, Колесов 1972, с. 154—156, 173). Сходная картина в *Дом.*, но материал здесь очень ограничен: *по судѹмъ* 'in vasibus' 76б — *к бѣсомъ* 39, *градомъ* 37б; *к гостемъ* 100, *княземъ* 10б.

Вариант *зубомъ*, *мужемъ* // *мѹжемъ*. Печ.: *богомъ* (часто), *къ брегѹмъ* 533б, *бѣсомъ* (часто), *вѣко^м* 71, *по градомъ* 360, *дарѹмъ* 370, *дрѹгомъ* 437б, *къ другѹмъ* 524б, *духомъ* 211б, *облакомъ* 113, *образѹмъ* 36б, *по родѹмъ* 301б, *сынѹмъ* (5×) (вероятно, сюда же *глѹмомъ* 420б), также вторичные *вѣтрѹмъ* 419б, *гадомъ* 19б, 113б (ср. еще *цтрокѹмъ* 416б, 481); с другой стороны, *кнзѣмъ бѹ* 240б, *мужемъ* 464, *мѹжемъ* 434 (оксия над *у* выскребена), *червемъ* 534б — *звѣремъ* 88б, 204б, *къ звѣремъ* (5×), *мѹжемъ* 91, 112, 365б, *к мѹжемъ* 538б, *червемъ* 6б. Трав.: *бокѹмъ* 325, *власѹмъ* (8×: 93, 234 и др.), *лугѹмъ* 106б, *-ѹмъ* 146б, *цтровокѹмъ* 371б, 397, *цтрокѹмъ* 142, *родѹмъ* 288б, также вторичные *мастерѹмъ* 248б, *недугѹмъ*, *-ѹмъ* (часто), *цтрокѹмъ* (часто), *оудѹмъ*, *-ѹмъ* (часто); с другой стороны, *мужемъ* 128 — *мѹжемъ* 237б.

Общее колебание в Сол.: *бѣсомъ* (5×), по *градомъ* 147б, *гробомъ* 270, 270б, *ко гробомъ* 154б, по *домомъ* 155, по *родомъ ихъ* 95б — *бѣсомъ* 21б, *лѣдомъ* 165б, 180 (также *лѣдовомъ* 114б), *чиномъ* 5б; *гостемъ* 193б — *гостем* 128. Разные формы колебания (см. карту 6) представлены также в Дан., Ион., Лук., Стар., Пч., Цел., где материала сравнительно мало.

Содержащийся в памятниках материал по Д. мн. на *-омъ*, *-емъ* у существительных среднего рода, к сожалению, весьма невелик. Все же он дает возможность установить, что у основной группы относящихся сюда словоформ: *вратомъ*, *мясомъ*, *моремъ*, *полемъ* — в конкретной микросистеме ударение обычно такое же, как в мужском роде. Приводим материал. Начальное ударение: Лих. *вратомъ*^м 233в, Лет. *ко вратомъ*^м 219б, *по || вратомъ*^м 218, Егор. *мѣремъ* 220б, Дан. *моремъ* 97б, Биб. *по поле*^м 114б, Чет. *мясомъ* 15б, *къ вратомъ* 27б; отметим, кроме того, Авв. *к воротамъ*^м 67б, *к воротамъ*^м 252. Флексивное ударение: Чуд. *ко вратомъ* 66г, Прол. *ко вратомъ* 55б, 118 (+ Муз. 99, 205, Вас. сб. 210б, Егор. 61, Матф. 219б), Биб. *къ вратомъ* 334б (+ 284б), Цв. *вратомъ* 204 (+ Хр. 424б, Пел. 529б), Трав. *мясомъ* 95; ср. также Цв. *временомъ* II 6б, Улож. *по имяномъ* 133б; далее, с новым окончанием — Хр. *по... морямъ* 41б, Ратн. *словамъ* 92, 182, Колм. *по полямъ* 217б (+ Авв. 217б), Авв. *мясамъ* 218, также Колм. *воротамъ* 201. Сравнивая эти данные с картой 6, мы видим, что они почти везде согласуются с ударением *masculina* (прямыми отклонениями являются лишь *к воротамъ*^м в Авв. и *ко [къ] вратомъ* в Чуд., Егор., Биб.; пример *брашномъ* Чуд. 135г, возможно, сюда не относится, поскольку в Чуд. а. п. слова *брашно* колеблется, а именно, иногда выступает акцентовка по а. п. б).

В особом положении находятся: 1) словоформы с ударением, перенесенным из Р. мн. — *воротомъ*, *озеромъ* (сюда же *по полемъ*), см. § 3.40; 2) книжные словоформы *словесемъ*, *телесемъ*, *древесемъ* (нередко также с *-ѣмъ*); они постоянно выступают с именно таким ударением; 3) книжные словоформы *эзеромъ*, *чревомъ*; сюда же примыкает словоформа *тѣломъ* (в церковных памятниках; конкретно она отмечена в Час., Амф., Яр.). Перечисленные категории словоформ имеют постоянное ударение, не зависящее от общих свойств акцентной микросистемы.

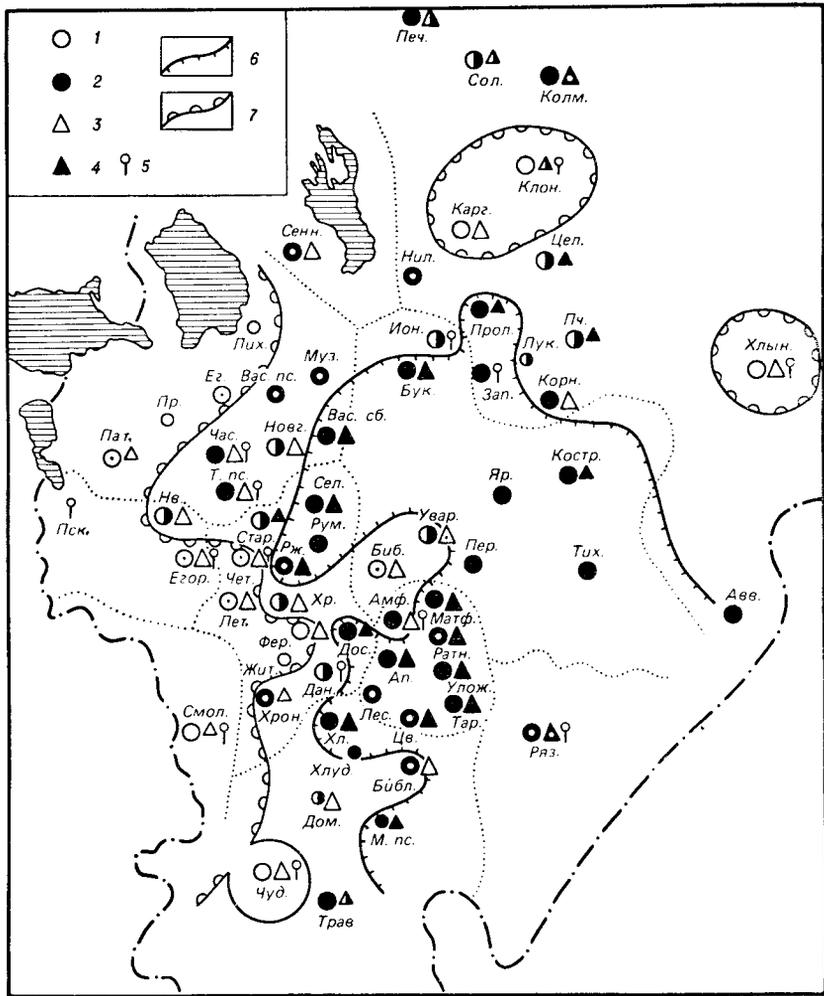
§ 3.46. Совокупность приведенного материала показывает, что в восточнославянской области энклиноменная акцентовка Д. мн. на *-омъ* (*-емъ*) представляет собой весьма старое явление (даже если первоначальной для праславянского здесь была флексивная акцентовка, см. Дыбо 1981, с. 29). На это указывают, во-первых, господство энклиноменной акцентовки в Чуд., во-вторых, многочисленные примеры оттяжки ударения на проклитику: *по градомъ*^м, *і холмомъ*^м в Чуд., *по городомъ*^м, *по градомъ*^м, *по лѣсомъ*^м, *къ гробомъ*^м, *ко кнзю*^м, *ко вратомъ*^м, *по вратомъ*^м в Лет., *къ гробомъ*^м, *по домомъ*^м, *по полемъ*^м в Биб.,

но́ чиномъ в Увар. и Фер., *ко́ княземъ* в Хр. и другие (ср. также явно реликтовое *к вóрата^м* в Авв.). Для названных памятников неисконные оттяжки нехарактерны; напротив, в частности, в Лет. уже устранена ощутимая часть исконных оттяжек. Таким образом, отнести приведенные примеры за счет каких-то поздних преобразований невозможно.

Поскольку едва ли можно считать поздним флексийное ударение Д. мн. (ср. отдельные примеры такого ударения в Чуд., а также положение в памятниках XV в. Час., Т. пс., Нил., Сенн.), необходимо признать сосуществование диалектных вариантов *зубомъ* и *зубомъ* уже в древнерусском. По-видимому, картина их распределения в XVI—XVII вв., отраженная картой 6, уже изменена по сравнению с первоначальной в пользу флексийного ударения. Об этом говорит, в частности, тот факт, что микросистемы с моделью *зубомъ* расположены в виде разорванных участков на западной и северной периферии великорусской территории. Значительно более широко распространение начального ударения при мягкой основе, чем при твердой, очевидным образом связано с влиянием *i*-склонения, в котором форма Д. мн. повсеместно была энклиноменом.

Заметим, что у *i*-femina развитие в Д. мн. нового ударения типа *стристѣмъ* наблюдается примерно на той же территории, где представлена модель *мужѣмъ*; но оно протекает менее интенсивно. Примеры ударений *стристѣмъ*, *валстѣмъ*, *дочерѣмъ* и т. п. отмечены (всегда лишь на фоне преобладающего начального ударения): в Москве и поблизости — в Ап., Цв., Вер., Ряз., Ратн., Улож., Матф.; на северо-востоке — в Бук., Зап., Костр., Яр., Печ., Сол.; сверх этого, только в Лет., Фер. и Нв.

Для восстановления акцентной истории Д. мн. на *-омъ* представляет особую ценность акцентовка устойчивого сочетания *въ вѣки вѣкомъ*. В большей части памятников оно просто подчиняется общим для данной акцентной микросистемы правилам. Так, в Ап., Тар., Цв., Рум., Сел., Печ., Пер., Костр., Яр., Тих., Авв., где представлена модель *зубомъ*, регулярно выступает акцентовка *во вѣки вѣкомъ* (*во вѣки* вместо *въ вѣки* отражает книжный вариант реализации предлога); сюда же М. пс. *во вѣки вѣкомъ* 92, Хлуд. *в вѣки вѣкомъ* 123. Далее, *во вѣки вѣкомъ* находим также в Увар., Лук., Сол., Цел., где конкурируют модели *зубомъ* и *зубомъ*; сюда же Новг. *и в вѣки вѣкомъ* 264 (NB ударение на *и*), *в вѣки вѣкомъ* 260б. С другой стороны, в Чуд., Смол., Клон., Хлын., где господствует модель *зубомъ*, мы находим и в данном сочетании ударение *вѣкомъ*: Чуд. *в вѣки вѣкомъ* 153а (также *в вѣки вѣкомъ* 153г), Смол. *въ вѣки вѣкомъ* 70 (+ Клон. 270б), Хлын. *во вѣки вѣкомъ* (5×: 20б, 37 и др.), *во вѣки вѣкомъ* 41, *во вѣки вѣкомъ* 17б, 29. Сюда же примыкают Пск. *в вѣки вѣкомъ* 56б, ср. *въ вѣки вѣкомъ* 124 (других примеров группы *зубомъ* здесь нет), Дан. *въ вѣки вѣкомъ* 129б, 171 (в группе *зубомъ* здесь колебание).

Карта 6. Ударение в Д. мн. masculina a. p. s:

1 — при твердой основе (кроме сочетаний *въ вѣки вѣкомъ*, *царь вѣкомъ*) модель *богомъ*, 2 — модель *богомъ*; 3 — при мягкой основе модель *мужемъ*, 4 — модель *мужемъ*; 5 — ударение *вѣкомъ* в формуле *въ вѣки вѣкомъ* (хотя бы наряду с *вѣкомъ*); 6 — основная граница ареала с последовательной или почти последовательной системой *богомъ*, *мужемъ*; 7 — границы ареалов с последовательной или почти последовательной моделью *богомъ*, т. е. с системой *богомъ*, *мужемъ* (не учтено Виб.).

Имеются, однако, случаи, когда акцентовка сочетания *въ вѣки вѣкомъ* не выводится из общих свойств соответствующей микросистемы. Прежде всего, в нескольких рукописях с господствующей моделью *зубомъ* находим *въ вѣки вѣкомъ*: Т. пс. *въ вѣки вѣкомъ* 1596, Амф. *во вѣки вѣкомъ* 260б, Ряз. *во вѣки вѣкомъ* (4×: 262 и др.), также *во вѣки вѣкомъ* 115. Колебание в Час.: *въ вѣки вѣкомъ* 363б (+ 371б), *въ вѣки вѣкомъ* 206б, 258, *въ вѣки вѣкомъ* 451, но также *въ вѣки вѣкомъ* 241. Далее,

в нескольких рукописях выступают различные комбинации с начальным *въ вѣки*: Прол. *в вѣки вѣк^м* || 109б, Егор. *в вѣки вѣкомъ* (20×: 34б, 59, 93 и др.), *въ бесконечный вѣки вѣкомъ* 98а (один раз также *в вѣки | вѣкомъ* 230б), Лет. *в^о | вѣки вѣк^м* 45б, *въ вѣки вѣкѡмъ* 31б, Чет. *в вѣки вѣк^м* 23б, *и в вѣки вѣкомъ* 74б (в Прол. представлена модель *зубѡмъ*, в Егор., Лет., Чет. — *зубомъ*); заметим, что в Проя. и Егор. (а также в Час. и Новг.) изредка встречается ударение *въ вѣки* в независимом употреблении (при более обычном *в вѣки*).

Аномалии в акцентуации рассматриваемого сочетания лучше всего объясняются исходя из предположения, что в раннедревнерусском это было сочетание двух синтагматически тесно связанных полнозначных энклименов: *въ вѣки вѣкомъ*. Как отмечено в § 2.9, просодическое поведение таких сочетаний было не вполне устойчивым. Наряду с трактовкой всего сочетания как единого энклимена была возможна трактовка его как ортотонической единицы с ударением на последнем слоге первого члена, ср. *новъ городъ* (> *новъ городъ*), *новѧ города*, *новѧ городу*, также *обѧ поля* и т. п. Акцентовка *въ вѣки вѣкомъ* в точности соответствует этой модели. В единичном *в вѣки вѣкѡмъ* Лет. 31б второе ударение имеет ритмическое происхождение; этот случай совершенно параллелен многократно отмеченным в рукописях написаниям *новгородъ*, *новѧгорода*, *новѧграда* (ср. § 3.7). Акцентовка *въ вѣки (вѡ вѣки) вѣкомъ* отражает неслитный вариант реализации данного сочетания. В качестве архаизма старое ударение *вѣкомъ* (а не *вѣкѡмъ*) сохраняется в данном устойчивом сочетании даже в ряде рукописей (Т. пс., Час., Амф., Ряз.), уже получивших в независимом употреблении акцентовку *зубѡмъ*.

Разумеется, акцентная эволюция, состоявшая в расширении сферы флексивного ударения в Д. мн. на *-омъ* (*-емъ*), была актуальна лишь для эпохи, когда еще было живо (хотя бы в части говоров) само окончание *-омъ* (*-емъ*), т. е. приблизительно до конца XVII в. Пришедшее ему на смену окончание *-амъ* (*-ямъ*) у существительных а. п. с почти всегда ударно (по крайней мере, в восточной зоне): *городѡмъ*, *волкѡмъ* и т. д. (ср. § 3.49).

М. мн. на *-ѣхъ* (*-ихъ*) в а. п. с

§ 3.47. Рассмотрим вначале существительные мужского рода. Как видно из карты 7, флексивная акцентовка (модель *лѣсѣхъ*) характерна прежде всего для Москвы и близких к ней районов (акцентовку московского типа имеет в этом пункте также Чуд.), наосновная (модель *лѣсѣхъ*) — для всей периферии.

Каких-либо явных различий в акцентовке М. мн. при твердой и при мягкой основе в нашем материале не усматривается; но следует учитывать, что для мягких основ примеров очень мало. Не удастся также провести сколько-нибудь четкое акцентное разграничение

между бывшими *o-* и *u-masculina*. К словоформам с *-ѣхъ* в акцентном отношении примыкают также словоформы М. мн. с *-охъ*; ниже при разборе микросистем они даются отдельно в конце списка. В качестве дополнения к основному материалу отмечаются также *i-masculina*.

Как и для формы Д. мн., словоформы с неодносложной основой (без полногласия), например, *образѣхъ*, *послусѣхъ*, диалектологически показательны только при флексиином ударении (при наосновном ударении они могут быть ниже просто опущены). То же верно для словоформ со вставным морфом *-ов-* (*садовѣхъ* и т. п.). Ряд книжных слов (в частности, *бракъ*, *ликъ* 'сон', *храмъ*) обнаруживает склонность к переходу в а. п. а; соответственно, ударения *браѣхъ*, *лицѣхъ*, *храмѣхъ* могут быть диалектологически непоказательными.

Приводим наиболее наглядные микросистемы.

Наосновная (а именно энклиноменная) акцентовка. Лет.: *вѣ градѣхъ* 247, *градѣхъ* (5×), *на двѣ гробѣхъ* 298, *в домѣхъ* 34, *домѣхъ* 316, *в лѣсѣхъ* 285б, *в розѣхъ* 335б, *по всѣхъ стѣнѣхъ* 260б, *в судѣхъ* 'in pavi-bus' (14×), *судѣхъ* (idem) 295, также *на сороцѣхъ конѣхъ* 247б, *сороцѣхъ же* 247б (отклонение: *в лесѣхъ* 70); *в князехъ* 152б. Егор.: *вѣ градѣхъ* 396б, *вѣ гробѣхъ* 332б, *не вѣ гробѣхъ* 214, *ω дарѣхъ* 462б, *рѣдѣхъ* 468 (отклонения: *на домѣхъ* 201, *в домѣхъ же* 48б; ср. еще *в жидовѣхъ* 39б при *о жидовѣхъ* 287б); *по mouжехъ* 469. Новг.: *в бѣзѣхъ* 153б, 244, *вѣ гробѣхъ* 254б, *вѣ гробѣхъ* 117б, *на снѣхъ* 177, ср. также *пѣ домохъ* 18б (в примере *в хѣлмѣхъ* 143б неясна а. п.). Биб.: *в вѣцѣхъ* 420, *вѣ градѣхъ* (15×), *ω градѣхъ* 138б, *вѣ гробѣхъ* (4×), *в дѣлѣхъ* 25, *рѣдѣхъ* 6б, *ω родѣхъ* 6б, *на снѣхъ* 435, *в хѣлмѣхъ* 385б, *на хѣлмѣхъ* 227; *ω князехъ* 200б; ср. также *в домохъ* 464б, *зѣрехъ* 16. Библи.: *вѣ градѣхъ* (3×), *градѣхъ* 967б, *ω градѣхъ* 956б, *ω гробѣхъ* 994б bis, *в домѣхъ* 558б, *при поасѣхъ* 675б, *на розѣхъ* 904, *ω снѣхъ* 994, *в черепѣхъ* 'в черепках' 489б. Рж.: *в бѣзѣхъ* 254, *вѣ гробѣхъ* (3×), *в хѣлмѣхъ* 132б; ср. однако, *в сынѣхъ* 149. Колм.: *в городѣхъ* 202, *градѣхъ* 5, *в домѣхъ* (7×), *домѣхъ* 193₂, 209, *ω слѣнѣхъ* 224, *чинѣхъ* (часто), *в чинѣхъ* 193₂ (отметим еще *в клѣпотѣхъ* 43, *островѣхъ* 17); ср. *о богѣхъ* 220, *на островѣхъ* 211, *на тѣхъ островѣхъ* 210 bis, но также *ω городахъ* 206, *лѣптяхъ* 37. Приведем также несколько примеров из прочих микросистем этого класса: Муз. *на дусѣхъ* 35б (+ Сел. 236), *на князехъ* 175б, Чет. *в рѣдѣхъ* и *рѣдѣхъ* 4б, Ик. *вѣ власѣхъ* 62б, *вѣ круѣцѣхъ* 92, Клон. *вѣ гласѣхъ* 3, Кирил. *ω бозѣхъ* 197б (ср. еще Фер. *ω властѣхъ* 994, *ω татѣхъ* 946б).

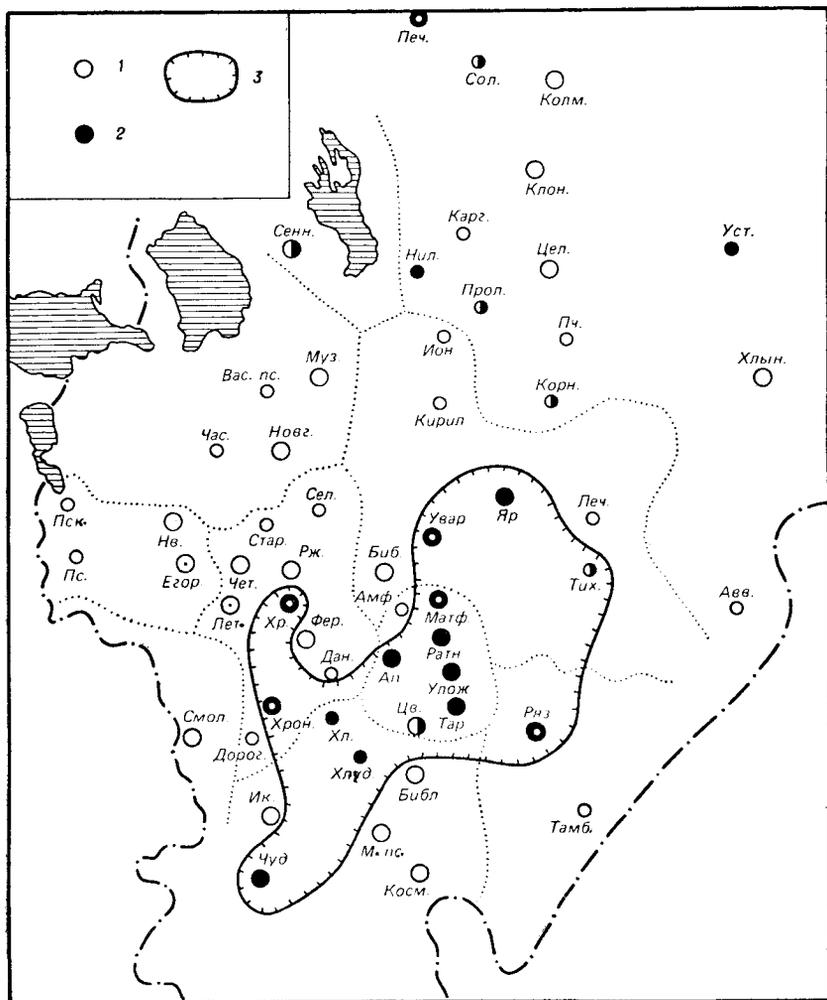
Флексиионная акцентовка. Чуд.: *в гробѣхъ* 31а, *о... подвизѣхъ* 132б. Увар.: *о власѣхъ же* 545б bis, *в дарѣхъ* 706б, *о дарѣхъ* 673б, 719б (+ 714б), *домѣхъ* 726б, *пирѣхъ* 427, *в поварѣхъ* 804б (отклонения: *вѣ градехъ* [4×], *градехъ* 67, 719; непоказательны *о браѣхъ* 341, *браѣхъ* 337б [+ 326б], ввиду Р. мн. *браковъ* 341б, 343б); ср. также

по рядо́хъ 77, в стано́хъ 737. Ап.: во градѣхъ 144б, градѣхъ 29б, 179б, о дарѣхъ 222, в домѣхъ 11б, в сыно́хъ 160. Хр.: бозѣхъ 368 (+ 1129), во градѣхъ 1049б, на домѣхъ 368б, родѣхъ 96б, во сынѣхъ 778, на оуглѣхъ 400 (отклонение: во градѣхъ 1128 [+ 1103б]); ср. также звѣре^x (4×). Печ.: власѣхъ 179б bis, градѣхъ 98, дарѣхъ 316б, в домѣхъ 438, дусѣхъ 424, ѡбразѣхъ 419, на пирѣхъ 523б, садѣхъ 425б, также храмѣхъ 407б (отклонение: во всѣхъ родѣхъ 57б; малопоказательно в ми́цѣхъ 'в сонмах' 383); мужѣхъ 278б; ср. также о снѣхъ 173б (и вторичное гадѣхъ 291), однако на западохъ 113. Матф.: во градѣхъ 80, во гробѣхъ 63б, не ѡ друзѣхъ 199б, на дусѣхъ 71, при поясѣхъ 72б, также во храмѣхъ 185б (отклонение: во ѹглѣхъ 47; непоказательны на облацѣхъ [3×], садовѣхъ 99); ср. также въ домѣхъ 82 (+ 82), не по ѡбразо́хъ бо 133б. Улож.: ѡ ворѣхъ 53б, годѣхъ (часто), в городѣхъ (часто), долгѣхъ (часто), в долгѣхъ 274б, домѣхъ 257б, въ домѣхъ 18б, в послуѣхъ (часто), в рядѣхъ 9, 101 и др., в станѣхъ 5б, 312, на станѣхъ 4, 83б, 301, чинѣхъ 251б, 252, также вторичные искѣхъ (часто), ѡбыскѣхъ (часто), мастерѣхъ 74б (но ѡ масте́рехъ 3, 58); на сторожѣхъ 321б, ѡ сторожѣхъ 57б; ср. также ѡ татѣхъ, -ѣхъ (6×), но въ гостехъ 334б ter; кроме того, с новым окончанием в бѣгахъ, вора́хъ, долгахъ, луга́хъ, лѣсахъ, моста́хъ, сторожа́хъ, также в недоросля́хъ 29 (однако в бѣга^x 286б, недоросля́хъ 292б).

Коллеблющаяся акцентовка. Сенин.: въ гробѣхъ 163а bis, 163б, дру́зѣхъ 25г, на^o (вместо на) доусѣхъ 166г, въ облацѣхъ 115г (ѵ, вероятно, неиктусное), также вторичное ѡ оудѣхъ 25г — въ граде^x 45г, не въ граде^x 167а, на облацѣхъ 203г, на облацѣхъ (3 уд.!) 203б, при поясѣхъ 41г. Цв.: в бозѣхъ 136б, градѣхъ III 247, во гробѣхъ (4×: 153б и др.), в домѣхъ 180 — во гробѣхъ 221б, на облацѣхъ III 165 (ср. на облацѣхъ 61б), о сынѣхъ 184.

Общие сведения о ситуации в остальных памятниках дает карта 7.

Для среднего рода картина такова. У словоформ М. мн. вратѣхъ, дровѣхъ, мясѣхъ, словѣхъ, морихъ (-ѣхъ), полихъ (-ѣхъ) ударение в конкретной микросистеме в большинстве случаев такое же, как в мужском роде. Материал, удовлетворяющий этому принципу: 1) Пс. в мори́хъ 93, в по́лѣхъ 91, 319; Вас. пс. во вратѣхъ 11б, 181б, в мѡрѣхъ 186б, 224б, на морѣхъ 29, в пѡлѣхъ 183б, Ион. врато^x 280; Новг. во вратѣхъ 36б, въ вратѣхъ 218б, 305б (наряду с въ вратѣхъ 132 [+ 121]), в мѡри^x 223, в мѡрѣхъ 265б, на мѡрѣхъ 55б, в пѡлѣхъ 220б; Лет. во вратѣхъ 73, 103 (наряду с во вратѣхъ -218б, на вратѣхъ 218б), ср. еще въ ѡзерѣхъ 181; Фер. въ дрѡвѣхъ 987б; Биб. в мѡри^x 400б, на мѡри^x 370; Библ. въ вратѣхъ 618б, сло́ве^x 971б (о на по́ле^x 992б см. § 3.40); Стар. на по́лихъ 92; Рж. в мѡри^x 229, на морѣхъ 35б; Нв. на по́лехъ 630б;

Карта 7. Ударение в М. мн. *o*-masculina а. п. с:

1 — модель *лѣсѣхъ*; 2 — модель *лѣсѣхъ*; 3 — основной ареал преобладания модели *лѣсѣхъ*.

М. пс. *во вратѣхъ*² 72; ср. еще Цел. *в мясахъ* 265; сюда же примыкают Т. пс. *съ вратѣхъ*² 94, *на мори*² 48, Вас. сб. *в мѣри*² 283 (в этих памятниках не представлены соответствующие masculina); 2) Чуд. *при вратѣхъ* 65б; Хрон. *на мясѣхъ* 230; Увар. *в мясѣхъ* 834б; Тар. *на морѣхъ* 29; Хр. *на вратѣхъ* 512, 534; ср. еще Улож. *в поляхъ* 77; 3) Цв. *во вратѣхъ* 5б и *во вратѣхъ* 5б (о *на полѣхъ* 183 см. § 3.40; двусмысленно *в полѣхъ* 50б). Отклонения от указанного принципа таковы: а) в нескольких случаях neutra показывают начальное ударение при флексийном ударении у masculina — Увар. *в дрѣвѣхъ* 811б (также *на дрѣвѣхъ* 723), Тар. *во вратѣхъ* 94, Ряз.

въ... *вратѣхъ* 85б, также *Матф. при моряхъ* 93; б) ударение во *вратѣхъ* отмечено в Егор., Биб., Рж., см. также выше о колебаниях в Новг. и Лет. (ср. выпадающую из микросистемы акцентовку Д. мн. *вратомъ* в Чуд., Егор. и Биб., § 3.45). Оставляем в стороне примеры *древѣхъ*, *чревѣхъ* (где ударение может быть книжным), а также *воротѣхъ*, *озерѣхъ*, *езерѣхъ* (см. § 3.40). У *es-* и *en-* neutra в М. мн. обычна энклиноменная акцентовка: *на небесехъ* (очень широко представленное сочетание), *словесехъ*, *именехъ*, *временехъ* и т. д. (часто также с *-ѣхъ*). Флекссионное ударение отмечено (часто наряду с начальным) лишь в меньшинстве памятников (Нил., Сenn., Т. пс., Пск., Ап., Печ.).

Поскольку флекссионное ударение в М. мн. *o-*склонения представлено у слов а. п. с уже в Чуд., оно должно быть признано достаточно древним (тем более, что его древность подкрепляется инославянскими данными). Существенно, однако, что для восточнославянской области несомненно древней является также энклиноменная акцентовка данной формы. Географическое распределение этих двух акцентных вариантов, отраженное картой 7, по-видимому, свидетельствует о постепенной экспансии флекссионного ударения, направленной от центра к периферии.

Дополнительные замечания о существительных

§ 3.48. Коснемся вкратце (без разбора материала) также некоторых других вопросов акцентной эволюции существительных.

Система переноса ударения с субстантивных словоформ на проклитики в XVI—XVII вв. предстает в следующем виде. Оттяжки ударения на союзы и частицы (кроме *не*) уже практически отсутствуют, оттяжки на частицу *не* весьма нерегулярны. С другой стороны, оттяжки ударения на предлог в большинстве микросистем осуществляются в эту эпоху с высокой степенью регулярности. Для непроезженных существительных а. п. с ударение на предлоге при словоформе-энклиномене является нормой (поздние отыменные предлоги типа *позади*, *среди* не в счет). Иначе говоря, при описании памятников в качестве выдающихся фактов должны отмечаться редкие примеры типа *без мужа*, *о мирѣ*, *на гробѣ*, *надъ домомъ*, тогда как бесчисленные примеры типа *бѣз мужа*, *о мирѣ*, *на гробѣ*, *надъ домомъ*, *дб Пскова*, *кб Твѣри*, *на мясо*, *пѣредъ городомъ*, хотя они и поражают носителя современного языка, в действительности для рассматриваемой эпохи совершенно стандартны. Отсюда следует, между прочим, что принятая в большинстве акцентологических описаний манера цитировать из средневековых памятников именно примеры типа *бѣз мужа* и не отмечать примеры типа *без мужа* не соответствует синхронической ситуации в этих памятниках. Она создает ложное представление, что разница между XVI и XX в. в данном вопросе чисто количественная, тогда как в действительности за это время произо-

шел переворот в соотношении нормального и исключительного: без *мужа* и т. п. стало нормой, *на голову* и т. п. — исключением.

Новое ударение типа *без мужа* выступает несколько чаще, чем в среднем по памятнику, при наличии хотя бы одного из следующих особых факторов: 1) входящий в сочетание предлог есть *отъ, подъ, надъ, передъ, предъ, чересь (-зъ), чресь (-зъ)*; в некоторых памятниках (Библ., Матф.) к числу таких особых предлогов относится еще *о*; 2) основа именной словоформы неодносложна; 3) именная словоформа начинается с гласной; 4) именная словоформа или все сочетание имеет отчетливую книжную окраску. В последнюю рубрику попадают, например, словоформы от *злато, чрево, вещь, гладъ, срамъ*, словоформы двойственного числа (*нозѣ, ногу* и т. п.), словоформы с *ц, з, с* вместо русских *к, г, х* (М. ед. *брауѣ, брезѣ, усѣ* и т. п.), сочетания *во вѣки, во вѣкъ*.

Если отбросить все перечисленные особые случаи, а также слова с неустойчивой акцентной парадигмой (например, *вредъ, гнѣвъ, ровъ, смѣхъ, холмъ, гора, овца, страна, весь, скорбь*), мы получим для непроезженных существительных «основной материал», т. е. тот массив сочетаний, где оттяжкам ударения на предлог не препятствуют никакие особые факторы.

В зависимости от степени развития нового ударения (типа *без мужа*) можно выделить несколько типов микросистем.

1. Архаичный тип: в основном материале нового ударения нет вообще или оно отмечено лишь 1—2 раза. Таковы: а) все памятники основной части восточной зоны, кроме Библ. и Костр.; б) из широкой промежуточной полосы — Нил., Прол., Корн., Карг., Лук., Клон., Печ.; Муз., Новг.; Дос., Дан., Фер., Рж.; Биб., Ап., Дом., Трав.

2. Переходный тип: в основном материале новое ударение составляет уже заметную долю (но не более 20 %, обычно менее 10 %); в особых условиях, указанных выше, оно может даже преобладать. Таковы: а) все памятники основной части западной зоны, а также Чуд., Библ., Амф., Лет., Хр.; б) памятники дальнего северо-востока Сол., Колм., Хлын., Авв., а также Костр. Например, в Лет. (где материал весьма велик) новое ударение составляет в основном материале 9 %, в сочетаниях с предлогами *отъ, подъ, надъ, передъ* — 17 %, при неодносложной основе — 17 %.

3. Новый тип: в основном материале новое ударение встречается не реже, чем старое, или даже преобладает. Таковы только Стар. и Цел.

Таким образом, новое ударение типа *без мужа* встречается в данную эпоху преимущественно в западной зоне и на дальнем северо-востоке. В основной части восточной зоны вне особых условий, указанных выше, его еще почти нет.

У производных существительных а. п. с оттяжки ударения на предлог гораздо менее регулярны, чем у непроезженных. Подавляющее большинство примеров такого рода (*на промыслъ, по разуму,*

на окупъ, по заповѣди, на проповѣдь, на похоть, на дъ пропасть, на немощь, на болести, за грубость, по благости, до скорости, за кротость и т. п.) отмечено в тех памятниках, которые по оттяжкам у непроизводных относятся к архаичному типу.

Особое явление составляют неисконные оттяжки. В части случаев они отражают полный перевод слова в а. п. с (из другой а. п.) в конкретной микросистеме; таково, например, положение слов *сердце*, *смерть*, *кровь* во многих микросистемах. В других случаях мы имеем дело лишь с аналогическим расширением сферы оттяжек, необязательно предполагающим смену акцентной парадигмы у существительного, ср. такие примеры, как *по двору*, *по суду*, *на плачь*, *на лѣто*. Подобные примеры изредка встречаются во многих памятниках; в значительном числе они представлены только в периферийных памятниках запада и северо-запада (особенно Сенин., Пск., Печ.). Так, в Печ. отмечены, в частности: *на плачь*, *на полки*, *на постъ*, *на сонъ*, *на оуды*, *на югъ*, *на жизнь*, *на перси*, *на рать*, *на русь*, *до ложа*, *ѡ^т ложа*, *на лонѣ*, *на чюдо*. Возможно, что данное северо-западное явление находится в некоторой связи с тенденцией к переносу ударения на начальный слог, отмеченной в § 3.9.

§ 3.49. В ряде элементов акцентной эволюции существительных может быть усмотрена общая тенденция к установлению колонного ударения в косвенных падежах мн. числа (В. здесь и далее не в счет), а в отдельных морфологических классах — и во всей субпарадигме мн. числа (некоторые проявления этой тенденции уже рассматривались по различным частным поводам выше).

В восточной зоне речь идет о постепенном установлении колонного ударения на первой (или единственной) гласной окончания в косвенных падежах мн. числа всех существительных а. п. с (а у *masculina* и *feminina* — также а. п. b).

Для *o-masculina* в центральной части восточной зоны (прежде всего в районе Москвы) этот идеал был почти достигнут уже в XVI в. В а. п. с здесь представлена акцентовка Р. *зуббѣвъ*, *мужѣи*, Д. *зуббѣмъ*, *мужѣмъ*, М. *зуббѣхъ*, *мужѣхъ* (*мужихъ*), см. карты 6, 7; Т. мн. на -ы, -и стоит особо ввиду его потенциального переосмысления как частного случая исходной формы мн. числа (§ 3.43). В а. п. b выступают Р. *дворобѣвъ*, *царѣи*, Д. *дворобѣмъ*, *царѣмъ*; в М. мн. конкурируют новое ударение (возможное для всех слов) *дворѣхъ*, *царѣхъ* (*царихъ*) и старое (сохраняющееся лишь у немногих слов) типа *дворѣхъ*. У *neutra* а. п. с (но не а. п. b) акцентуация практически такая же, как у *masculina*. В периферийных частях восточной зоны описанная здесь ситуация еще не вполне достигнута (из-за возможности начального ударения в М. мн. и Д. мн. а. п. с).

Как можно видеть, в центре восточной зоны рассматриваемая тенденция почти полностью реализовалась уже на базе старых окончаний: -омъ, -ѣхъ, -ы. Замена этих окончаний новыми (-амъ, -ахъ, -ами) радикально ускорила данный процесс во всей восточной зоне. Есть много свидетельств того, что новое окончание несло с собой

и новое ударение, если его требовал принцип колонности, ср. *бостровѣх^х*—*островѣх^х* в Колм., *в лѣсе^х*—*в леса^х* в Косм. (б. уд., но с разным распределением ѣ и е) и т. п.; ср. также, например, *дворѣх^х* и *дворѣхъ*, *попѣх^х* и *попѣхъ*, но только *дворѣхъ*, *попѣхъ* и т. п. (в памятниках, где встречаются оба типа окончаний).

У *i-feminina* рассматриваемая тенденция выражается в появлении новых ударений типа Д. *страстѣмъ*, М. *страстѣхъ*. Относительно Д. мн. типа *страстѣмъ* см. § 3.46; М. мн. типа *страстѣхъ* отмечен (всегда лишь на фоне *страстехъ*): в Москве и поблизости — в Ап., Хл., Дом., Рж., Ратн., Улож., Матф.; на северо-востоке — в Прол., Зап., Леч.; сверх этого, в Т. пс., Сенн., Лет., Смол., Нв. (это примерно те же районы, где отмечается модель *страстѣмъ*); в прочих памятниках представлена только модель *страстехъ*. Таким образом, в частности, в районе Москвы представлена акцентовка типа Р. *страстѣи*, Д. *страстемъ* и *страстѣмъ*, М. *страстехъ* и *страстѣхъ*, Т. *страстѣми*, т. е. допускающая как одну из возможностей колонное ударение. Переход к новым окончаниям (*-ямъ*, *-яхъ*, *-ями*) и в этом морфологическом классе означает достижение колонности, ср., например, в Улож. *гранемъ* 156б — *гранѣмъ* 157, *но...* *рѣчемъ* 265 и др. — *но рѣчамъ* 331 (но *рѣчамъ* 311 и др.), также *крѣпост-ямъ*, *-яхъ*, *запис-ямъ*, *-яхъ*, *лошадѣмъ*, *пустошѣхъ*, *на грязѣхъ* и т. п.

В западной зоне тенденции развития выявляются не столь отчетливо, поскольку в XVI—XVII вв. здесь уже заметно сказывается влияние восточных моделей. По-видимому, собственная акцентная эволюция, по крайней мере в части этой зоны, была направлена к колонному предфлексийному ударению во мн. числе всех существительных а. п. с, кроме *a-feminina*, т. е. к акцентовке типа: *зубы*, *зубовъ*, *зубомъ*, *зубѣхъ*, Т. *зубы*; *слова*, *словъ*, *словомъ*, *словѣхъ*, *слова*; *страсти*, *страстеи*, *страстемъ*, *страстехъ*, *страстѣми*. Однако реальные микросистемы лишь в той или иной степени приближаются к этой схеме. К сожалению, наш материал не позволяет дать надежного ответа на вопрос о том, к каким акцентным последствиям приводила в западной зоне замена старых окончаний новыми.

Что касается *a-feminina*, то здесь в косвенных падежах множ. числа колонное ударение на первом слоге окончания было представлено (как в а. п. б, так и в а. п. с) уже в раннедревнерусском. При этом в И. В. мн. а. п. б в рассматриваемый период еще полностью господствует флексийное ударение, например: *бѣды*, *вдовы*, *вины*, *жены*, *змеи*, *игры*, *казны*, *колбасы*, *коноплѣ*, *крупы*, *луны*, *руды*, *свѣчи*, *сестры*, *слуги*, *стопы*, *струи*, *судьбы*, *травы*, *трубы*, *тюрьмы*, *тяжбы*, *узды*³³. У слов с надежно установленной а. п. б примеры

³³ Этим старовеликорусский заметно отличается от староукраинского, где ударение типа *жены* представлено уже довольно широко. Поскольку ударение типа *жены* последовательно проведено в старовеликорусском как в церковных, так и в светских памятниках, объяснять его как результат книжного церковнославянского влияния (как предлагает В. Г. Скаяренко) не предста-

И. В. мн. с наосновным ударением в памятниках, где нет дефинализации, крайне редки: Косм. *змеи* 2 (ср. еще *на шрды* 172), Дом. *слўгѣ* 113, Ратн. *рѣки* 195, 200; в памятниках со слабой дефинализацией — Увар. *игры* 208б, 429, Хр. *троубы* 504б, 704б, Трав. *жѣны* 99б, *глісты* (неоднократно). Примеры из памятников с заметной или сильной дефинализацией (в частности, Чуд. *слоуги* 51а, Т. пс. *стопы* 59б, Лих. *бѣды* 32а, Фер. *жѣны* 771, Сол. *бѣды* 154, *казны* 147б, Авв. *двѣ вѣды* 32, *за вѣды* 213, *травы* 235б, Цел. *глісты* [5×]) по понятным причинам недостаточно показательны.

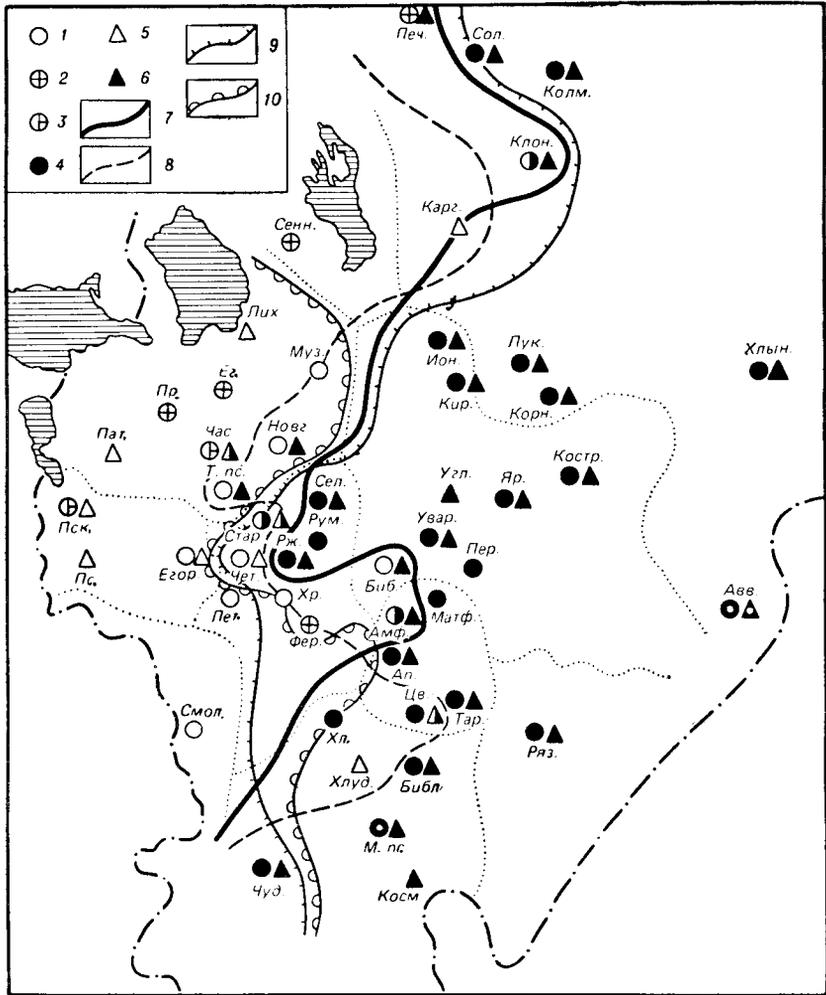
Лишь ударение *рѣки*, встречающееся заметно шире прочих, можно считать относительно надежным свидетельством акцентного сдвига. Непоказательны для рассматриваемого процесса примеры И. В. мн. с наосновным ударением от слов с колеблющейся или ненадежно установленной а. п., в частности: *брѣни*, *воины*, *овцы*, *пѣлены*, *свѣны*; *главы*, *страны*; *кѣны*, *кѣрмы*, *мѣжи*, *плѣсны*, *пѣлы*, *пчѣлы*, *рѣзги*, *толпы*, *щѣпы*. В косвенных падежах мн. числа а. п. *б* и *с* редчайшие примеры с наосновным ударением (в частности, Т. пс. *ногамъ* 141б, Корн. *в рѣка*^х 174, Фер. *вѣлами* 256, Лет. *на 7 вѣста*^х 168б, *на 20 вѣста*^х 234б, Библ. *брѣня*^н 655б) скорее всего объясняются различными индивидуальными причинами; едва ли они могут рассматриваться (кроме, может быть, Хлын. *бѣдами* 132б, Колм. *играмъ* 5, *овца*^х 102) как предвестники будущего сдвига.

§ 3.50. Не имея возможности давать здесь очерки по ударению в словообразовании и лексике, отметим лишь несколько частных явлений, имеющих диалектологическую значимость (наиболее важные из них отражены на карте 8).

Акцентовка слов *глубина* и *высота* по а. п. *б*: *глубинѣ*, *высотѣ* (В. ед. -ѣ, И. В. мн. -ѣ в обоих случаях) — характерна для восточной зоны. В западной зоне ей противостоит акцентовка по а. п. *а*: в первом случае *глубина* и *глубѣна*, во втором *высота* (ударение *высота* в памятниках почти не встречается; отмечено только *на высоту* Сол. 32, где можно предполагать неустойчивую дефинализацию). Вот несколько примеров, показывающих, что мы здесь действительно имеем дело с а. п. *а*, а не с той или иной формой подвижности ударения: Лет. *глубина* 335, *и^а глубины* 243б, 258б, Пр. *на глубинѣ* 132а, Фер. *глубиноу* 994, *из глубѣны* 470б, 471б, Цв. *высота* 193, Егор. *ω^м высоты* 480 bis, Пск. *на высотѣ* 4б (+ Хлуд. 150б). Распределение указанных акцентовок в памятниках демонстрируется картой 8.

Сходное географическое распределение акцентовок обнаруживают также некоторые другие слова с суффиксами *-ота*, *-ина*. Так, старое ударение (*не*)*чѣстота* выступает практически во всем ареале, характеризующемся ударением *высота* (реально в Смол., Чет., Хр., Лих.,

влияется возможным. Соответственно, мы не можем согласиться с гипотезой В. Г. Скляренко (Скляренко 1969) о том, что акцентовка типа *жѣны* в И. В. мн. восходит к праславянской эпохе.

Карта 8. Ударение слов *глубина*, *высота*, *отрокъ*, *жилице*:

1 — *глубина*; 2 — *глубина*; 3 — *глубина* и *глубина*; 4 — *глубина*; 5 — *высота*; 6 — *высота*; 7 — восточная граница зоны распространения ударений *глубина* и *глубина*; 8 — восточная граница зоны распространения ударения *высота*; 9 — восточная граница зоны распространения ударения *отрокъ*, -а (учтена также точка Прол.); восточнее этой границы — только *отрокъ*, -а; 10 — восточная граница зоны распространения ударения *жилице* (учтена также точка Дос.); восточнее этой границы — только *жилице*.

Пат., Карг., с колебанием также в Фер., Цв.), сверх этого, только в белозерско-вологодских рукописях Ион., Корн. и (с колебанием) Лук., а также в Амф. (с колебанием). В прочих памятниках выступает (не)чистота (реально в Ап., Хл., Библи., Трав., Ряз.; Дос., Рум.; Увар., Библи., Кир., Костр., Яр., Пер., Тих.; Прол., Клон., Печ., Сол., Колм., Хлын., Авв.; из западной зоны — в Новг., Егор.);

в Трав., Ряз. сохраняются единичные следы старого ударения. Старое ударение *нищета* сохраняется несколько лучше, чем (не)чй-стота: оно выступает в Чуд., Дос., Чет., Новг., Пат., Ион., Корн., а также Тар., Ряз.; колебание в Увар., Лук., Кир.; ударение *нищета* — в Ап., Амф., Цв., М. пс., Матф.; Рум., Рж., Сел.; Биб., Яр.; Клон., Печ., Сол., Хлын.; кроме того, в Егор. Еще лучше сохраняется старое ударение *тишина* (последовательно в Жит., Лет., Хр., Чет., Рж.; Сenni., Муз., Новг., Пск.; Ион., Кир, Костр., Пер., Тих.; Ев., Корн., Лук., Карг., Клон., Печ., Сол.); новое ударение *тишинѧ* представлено в XVI в. только в Библ. и (с колебанием) в Цв., в XVII в. — в М. пс., Сел., Ратн., Колм., Авв., с колебанием также в Ряз., Яр., Хлын. Таким образом, очаг распространения новых ударений *чистота*, *нищета*, *тишинѧ* находится в восточной зоне. Скорость их распространения, как обычно бывает при аналогических заменах, для разных слов различна. Выявленная картина позволяет предполагать, что и у слова *высота* первоначальным было ударение *высота*, ср. § 2.25 (со словом *глубина* дело обстоит сложнее, поскольку здесь в западной зоне обнаруживается не только ударение *глубина*, но и *глубина*, тогда как у слова *тишина* варианта **тишина* нет).

Для слова *отрокъ* возможна акцентовка *отрѡкъ*, -ѧ (по а. п. *b*) и *ѡтрѡкъ*, -а (по а. п. *c* или *a*, например, Р. мн. *отрѡковѣ* или *ѡтрѡковѣ*). Первая характерна для западной зоны, вторая для восточной. Акцентовка *отрѡкъ*, -ѧ представлена, во-первых, в рукописях XIV в. Чуд. и Мер., во-вторых, в Т. пс., Сenni., Прол., Муз., Вас. пс., Лет., с единичным отклонением также в Новг. Обе акцентовки отмечены в Дос., Егор., Нил., Карг., Клон., Печ. Акцентовка *ѡтрѡкъ*, -а представлена в Ап., Тар., Амф., Цв., Матф.; Библ., М. пс.; Дан., Жит., Фер., Чет., Хр., Рум., Рж., Сел.; Ион., Увар., Биб., Яр.; Лук., Колм. Соответственно этому списку на карте 8 показана восточная граница распространения акцентовки *отрѡкъ*, -ѧ. Как можно видеть, она приблизительно соответствует границе западной зоны.

Слово *жилище* выступает с ударением *жѣлище* в Чуд., Дос., Дан., Жит., Лет., Час., Муз., Пат., с незначительными отклонениями также в Лих., Т. пс., Новг., Вас. пс., Вас. сб., Егор. На карте 8 показана восточная граница этого ареала, который соответствует средней и южной частям западной зоны. Восточнее этой линии представлено только ударение *жилѣще*; оно отмечено в Ап., Амф.; Хл., Библ., Трав., Ряз.; Фер., Чет., Рум., Сел.; Ион., Биб., Кир.; Нил., Карг., Клон., Печ. Сол., Колм. (сверх того, еще в западном памятнике Пск.).

У слова *молва* ударение *мѡлва* (а. п. *a*) тяготеет к западной зоне, *молвѧ* (а. п. *b*) — к восточной, но граница здесь не столь четка, как в предыдущем случае. Ударение *мѡлва* выступает: в западной зоне и промежуточной полосе — в Чуд., Хрон., Фер., Хр., Смол.; Пс., Егор., Пск.; Ег., Новг., Вас. пс., Вас. сб. (с колебанием также

в Лих.); Нил., Ев., Печ.; в восточной зоне — в Ион., Корн., Лес., Хлуд. Ударение *молвъ* выступает: в восточной зоне — в Тар., Библ., Вер., Дом., Ряз., Матф.; Рум., Рж.; Биб., Пер., Костр.; Прол., Лук., Авв. (с колебанием также в Ап., Увар., Сол.); в западной зоне — в Час., Т. пс., Муз., Сенн., Клон.

Исконное ударение *сѹпостатъ* сохраняется (хотя бы факультативно) в памятниках центра — Тар., Цв., М. пс., Фер., Хр., Биб.; кроме того, в двух периферийных северных памятниках — Печ., Сол. Во всех прочих памятниках, где встречается это слово, отмечено только новое ударение *супостатъ*.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 3.51. При анализе акцентуации прилагательных необходимо прежде всего учитывать, что для них актуально (особенно в нечленных формах) противопоставление народной и книжной акцентовок (§ 3.11). Народная акцентовка здесь в разных диалектных зонах различна, а книжная всегда состоит в основном ударении (и, конкретнее, почти всегда в предфлексиионном).

Условимся различать среди нечленных форм главные и второстепенные. Главным относятся все нечленные формы *И. ед.* и форма *И. мн.* на *-ы* (или на *-и* после *к, г, х* и после исконно мягкой основы), а также омонимичные им формы *В. падежа*; кроме того, мы будем относить сюда же наречие на *-о (-е)*. Второстепенным относятся все остальные нечленные формы; сюда же мы будем относить наречие на *-ѣ*. Главные нечленные формы свободно употреблялись в живой речи рассматриваемой эпохи (во всех говорах); как легко видеть, это именно те формы, которые дожили до нашего времени. Второстепенные формы употреблялись в живой речи во много раз реже, а некоторые из них не употреблялись вообще. Форма *И. мн.* на *-и* (от твердых основ не на *к, г, х*) в одних говорах еще имела определенное распространение, в других уже была полностью вытеснена формой на *-ы*.

В XVI—XVII вв. начинает формироваться также акцентная дифференциация нечленных форм в зависимости от их синтаксической функции. Различаются прежде всего предикативная и атрибутивная функции. Кроме того, имеется несколько промежуточных случаев, которые можно объединить под условным названием «полупредикативной» функции. Сюда относятся: а) конструкции с аппозитивно-предикативным членом (например, *пришелъ бось*), со знаменательным глаголом в связочной роли (*вода становится мутна*) и *poicipativus duplex* (*вода видится мутна*); б) конструкции с обособленным определением (например, *есть иная гора, именуется N., зѣло высока и широка*); в) *accusativus duplex* и *dativus cum infinitivo*, т. е. конструкции, где предикативное значение заключено в словоформе *В.* или *Д.* падежа (например, *вижу его скорбна, творю его покорна, быти ему убиту*). Тенденция состоит в том, чтобы словоформы с искон-

ным флексийным ударением при атрибутивной функции меняли его на наосновное (т. е. на ударение книжного типа), например, *буря страшна, черна кручина*. Заметим, что у прилагательных а. п. *b* (а также у тех прилагательных а. п. *c*, которые в эту эпоху уже получили наосновное ударение в членных формах) данная тенденция поддерживалась ударением членных форм, т. е. основных носителей значения атрибутивности; например, в сочетаниях *в дѣбрѣ наказании, на высѣжѣ мѣстѣ* и т. п. определение явно ассоциировалось с членными формами (*дѣбрыи, высѣжи*). Полупредикативная функция занимала по своему влиянию на акцентуацию промежуточное положение между атрибутивной и предикативной; во многих микро-системах полупредикативная функция дает почти такой же эффект, как предикативная.

Таким образом, в XVI—XVII вв. основной принцип распределения народной и книжной акцентовок, сформулированный в § 3.41, для нечленных форм прилагательных и причастий практически сводится к тому, что народную акцентовку получают главные нечленные формы, выступающие в предикативной функции (обычно также в полупредикативной), при условии, что соответствующая лексема (вариант лексемы) не является специфически книжной; в прочих случаях выступает книжная акцентовка. В XIV в. (в Чуд.) этот принцип еще не действует; он здесь лишь только намечается. Но и в XVI—XVII вв. он соблюдается нестрого: возможны некоторые отклонения как в ту, так и в другую сторону.

Понятно, что для акцентологической характеристики памятника определяющими оказываются главные нечленные формы в предикативной (и полупредикативной) функции; показания прочих нечленных форм имеют лишь подчиненное значение.

Для сокращения записи условимся опускать при цитировании некоторые часто встречающиеся грамматические пометы при морфологически двусмысленных словоформах прилагательных и причастий. Словоформы на *-а* и *-ая*, не имеющие в нашей записи грамматической пометы, относятся к И. ед. жен., на *-ы* (или *-и* после *к, г, х*) — к И. мн., на *-и* (или *-ии* после *к, г, х*) — к И. ед. муж.

Нечленные формы прилагательных а. п. с и а

§ 3.52. У прилагательных а. п. *c* и *a* акцентуация главных нечленных форм в значительной мере сходна. Если отвлечься от отяжек ударения на *не* и на предлоги в а. п. *c* (которые в XVI—XVII вв. у прилагательных уже довольно нерегулярны), различие сводится к форме ед. жен., например, *живѣ* (а. п. *c*) — *чѣста* (а. п. *a*). В XVI—XVII вв. обнаруживается заметная тенденция к снятию этого различия, причем в западной зоне выравнивание происходит в сторону а. п. *a*, в восточной — в сторону а. п. *c*. Здесь, как и во многих других случаях, эволюция западного типа ведет к сужению грамматической роли ударения и установлению колонного (чаще всего

предфлексиионного) ударения, эволюция восточного типа — напротив, к усилению грамматической роли ударения. Характерный для западной зоны процесс замены модели *жива̀* моделью *жива́* (являющийся одним из проявлений морфологизованной дефинализации) в рассматриваемый период зашел в своем развитии дальше, чем восточный процесс замены модели *чи́ста* моделью *чиста̀*.

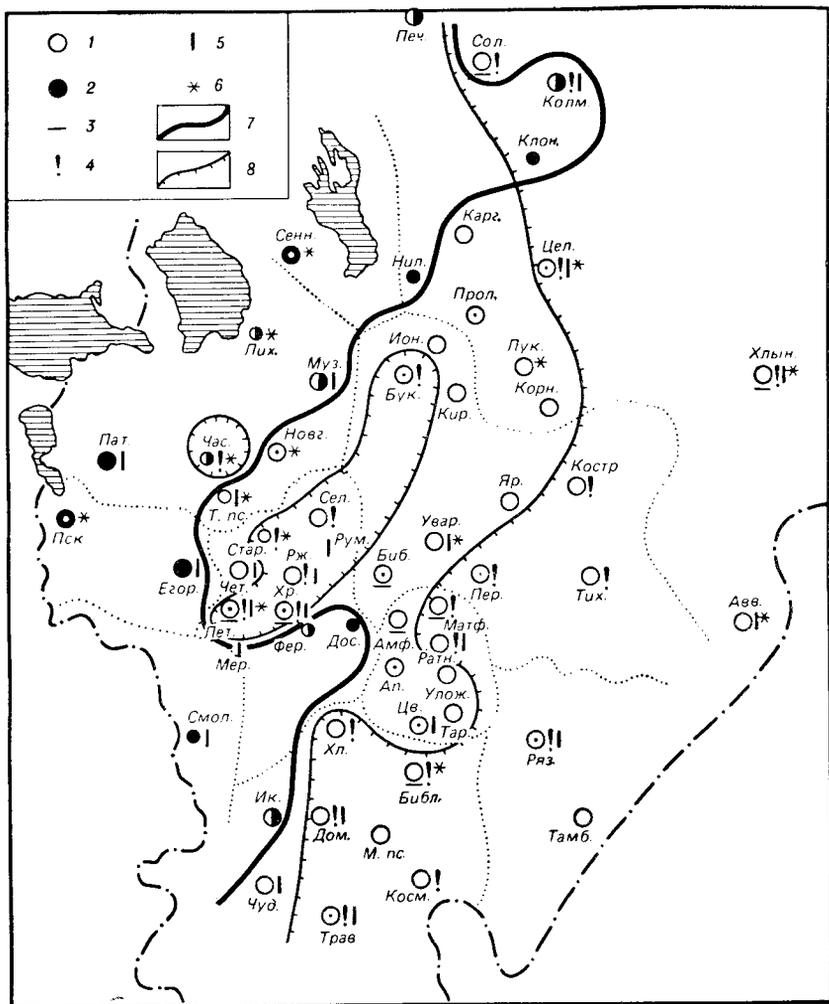
Карта 9 показывает соотношение этих двух противоположных тенденций эволюции. Как можно видеть, граница ареала, где преобладает или достаточно распространено ударение типа *жива́*, в основном соответствует границе западной зоны. Восточнее этой линии большинство микросистем (в т. ч. почти все микросистемы XVII в.) обнаруживают те или иные проявления процесса «*чи́ста* → *чиста̀*». Для наглядности ареалы с такими проявлениями очерчены на карте особой линией; но следует учитывать, что эта линия до известной степени условна, поскольку в памятниках, бедных материалом, примеры типа *чиста̀* могли не встретиться случайно. В ряде микросистем (в основном расположенных поблизости от линии соприкосновения двух противоположных процессов) отмечаются небольшие колебания как в а. п. а, так и в а. п. с, т. е. несколько расшатаны границы между акцентными парадигмами.

Западный процесс «*жива̀* → *жива́*» охватывает прилагательные как с односложной, так и с многосложной основой. У многосложных новое ударение в II. ед. жен. — колонное с прочими нечленными формами, например, *жéстока*, *влáсьяна* как *жéстокъ*, *-о*, *-и*, *влáсьянь*, *-о*, *-ы*. Заметим, что это обстоятельство не позволяет считать данный процесс проявлением чисто фонетической дефинализации (которая дала бы **жестб́ка*, **влася́на*).

Восточный процесс «*чи́ста* → *чиста̀*», напротив, в основном ограничен прилагательными с односложной основой (производный или непроизводный характер основы при этом роли не играет); например, словоформа *вели́ка* регулярно встречается только с таким ударением (она отмечена почти во всех памятниках). Более того, при многосложной основе возможен противоположный эффект (т. е. такой же, как в западной зоне), например, *немо́щна*, *дрéвяна* вместо *немо́щнá*, *древя́нá*.

Независимо от указанных диалектных процессов действует тенденция к наосновному ударению при атрибутивной функции (§ 3.51); она может давать ударения типа *жива́* даже и в восточной зоне. То же верно для словоформ с книжной окраской: например, ударения *ю́на*, *дйéвна*, *зёмна́*, *стра́стна*, *чю́жда* встречаются как в западной, так и в восточной зоне; для характеристики микросистемы они непоказательны.

Несколько прилагательных а. п. с с неодносложной основой имеют тенденцию к полному переходу в а. п. а с предфлексиионным ударением в членных и нечленных формах. Таково прежде всего прилагательное *свободныйи*. В XIV в. оно еще почти полностью сохраняет исконное ударение: Мер. *свободенъ*, *свободно*, *-а*, *-и*, *-ы*, *свободн-шму*, *-ую*, *-ыхъ*

Карта 9. Ударение нечленных форм прилагательных а. п. с и а:

1 — И. ед. жен. а. п. с по модели *жива́* (книжные, многосложные и выступающие в атрибутивной функции не в счет); 2 — И. ед. жен. а. п. с по модели *жи́ва*; 3 — в атрибутивной функции отмечена модель *жи́ва* (знак ставится только при общем преобладании модели *жива́*); 4 — в И. ед. жен. (или И. В. мн. сред.) а. п. а отмечен хотя бы один пример модели *чи́ста*; 5 — в И. В. ед. сред. а. п. с или а отмечен хотя бы один пример по модели *свѣтла́* (малод); 6 — в И. В. ед. муж. а. п. с или а отмечен хотя бы один пример по модели *долже́нь* (силенѣнь); 7 — восточная граница зоны преобладания или значительного распространения модели *жива́*; 8 — граница ареалов, где встречается модель *чи́ста*.

и т. д., с -бод-, а не с -бѡд- (см. Акц. Мер., § 56); Чуд. *свободнѣ* 102б, *свободни* 8'в (+ 45г bis), *о свободнѣ* 121г, *свободнѣя* Р. ед. 123г bis, ω^m *свободнѣя* 123в, при единичном ω^m *свободнѣя* 123в. В конце XV в. старое ударение еще сохраняется в Сенн.: *свободно* 214а, -и 81в, *свободни* *ли* 81б (членные формы не встретились). В Хр.

начальное ударение обобщено: *свободно* 33б, 1211б, -и 1354, также *свободн-и* 299б, -ы^м Д. мн. 950б, -ыми 1208б. В остальных памятниках выступают *свобод-ныи*, -енъ, -на, -но, -ны и т. д. (единичными отклонениями от нормы являются Фер. *свѣбѣдни* 80б, *свѣбѣдна* В. ед. 495, Авв. *свободна* 278б, *свобѣдна* 94). Аналогичное развитие прошло *пустошныи*: лишь в Печ. сохранилось *пѹстошна* Р. ед. 431 (в членных формах *пѹстошнѣ^м* 424б — *пѹстѣшныи* 422б); во всех прочих памятниках отмечено только ударение на втором слоге. Прилагательное *временныи* в одних микросистемах выступает с обобщенным ударением *времѣнн-*, в других с обобщенным ударением *врѣменн-* (точно такая же картина наблюдается для прилагательного *трепетныи*, первоначальная акцентовка которого не вполне ясна). Прилагательное *кравыи* лишь незначительно продвинулось в сторону ударения *кравѣ-*: в нечленных формах такое ударение отмечено только в Сени. *кравѣво* 136а, Прол. *кравѣва бѣ* 64б, Лет. *кравѣво* 115б, -ы В. мн. 231, Сол. *кравѣву* В. ед. 189; в прочих случаях нечленные формы сохраняют древнее подвижное ударение: *крѣвавь*, *кравѣвъ*, *крѣваво*, -ы. Ниже при разборе материала у прилагательных данной группы примеры с ударением на втором слоге не учитываются.

§ 3.53. Рассмотрим материал нескольких памятников по II. ед. жен. прилагательных а. п. с и а (для а. п. а — только с односложной основой [или неодносложной полногласной]). В число примеров могут входить также *t*-причастия. При разборе материала пометы «а. п. с», «а. п. а» имеют историческое (не синхроническое) значение; этим обеспечивается сопоставимость данных разных микросистем (к тому же синхроническую а. п. в конкретной микросистеме во многих случаях не удастся надежно установить). Слова с неясной исторической а. п. обычно опускаются (*темна*, *мякка*, *ясна* приводятся в составе а. п. с); адреса тривиальных примеров могут не приводиться. Синтаксическая функция, в которой выступает нечленная форма, указывается только при особой необходимости.

Микросистемы восточного типа. Чуд.: а. п. с — *блѣга* 105б, *дивнѣ* 12б, *должнѣ* 112г, *живѣ* 137б, *златѣ* 145г, *мирнѣ* 82б, *моцнѣ* 164в, *немоцнѣ* 111б, в, 161б (+ 14г, 24а), *мяккѣ* 23в, *новѣ* 116а, -ѣ 118б, *свобѣднѣ* 102б, *не сланѣ* 21б, *страшнѣ* 136а, *соухѣ* 29б, также *акѣ* 'какова' 13в, *такѣ же* 133а, *самѣ* 18б, 147б, -ѣ 156в, -ѣ 103б, 156в; а. п. а — *вѣрна* 137в, *невѣрна* 110г, *многа* 4в, 29в, *полна* 82б, *сдрѣва* 7г, 29б (ср. также регулярное *велика*); инновации отсутствуют. Косм.: а. п. с — *веселѣ* 27б, *гряннѣ* 5б, *лихѣ* 155, *любѣ* 157, *пустѣ* 1б, 20б, *твердѣ* 133б, *холоднѣ* 5, 51б, *цветнѣ* 185б (вероятно, сюда же *топкѣ* 15б); ударение в *дѣвна* 121 книжного происхождения; а. п. а — *каря* 4, *чѣстя* 12, также *здорѣва*, *мѣрна*, *рѣйна*, *слѣвна*, но новое ударение в *полнѣ* 119, 121. Матф.: а. п. с — *жестокѣ* 21, *немоцнѣ* 98, 215 bis, *самѣ* 38б, *страшнѣ* 110, *суровѣ* 84б, *тучнѣ* 151, *цѣлѣ* 91б, однако *рѣза же вѣтха* 67б (атрибутивн.);

ср. книжное *есть дівна* 168; а. п. *а — мала* 1376, *нечїста* 68, однако *гладка* 846, *полна* 183, *чиста* 1086, 1696.

В ряде микросистем сходного характера ударение типа *жїва* представлено несколько шире, а именно, оно изредка встречается и там, где его нельзя объяснить книжностью или атрибутивной функцией. Биб.: а. п. *с — горка бѣ* 536, *жестокѣ* 461, *живѣ* 2186, *крѣпка* 407, *люба* 1216, *нелюба* 1216, *мягка* 429, *проста* 410, *поуста* 85, 114, *сама* 3346 и др., *свѣтла* 369, *темна вода* 368, *тяжка* 4356; с наосновным ударением книжное *дівна* 381, в атрибутивной функции *жїва* 75 (ср. предик. *живѣ* 2186), *крѣпка* 110 (ср. полупредик. *крѣпка* 407), *млада* 230, *мірна* 408, *моужеска* 1216, но также в предикативной функции *странна* 158, *така* 432, *темна* 75 bis; а. п. *а — мала* 427, *сила* 3376, *чїста* 334. Лет.: а. п. *с — ветха* 3166, *грозна* 257 (+ 285), *крута* 275, *крѣпка* 115, 2156, *некрѣпка* 107, *немоцна* 325, *свѣтла* 406, *снѣжна* (название реки) 372, *суха* 3386, *темна* 285, *тяжка* 2876, *цѣла* 32, также *взятѣ* 2316, 272, *початѣ* 2356; с наосновным ударением в атрибутивной функции *страшна* 285, *тяжка* 2576, *древяна* 2256, 394, в предикативной функции многосложные *дрѣвяна* 2866, *немоцна* 1976, но также *цѣла* 332; а. п. *а — мала* 3656, *немала* 246, 30, *сила* 342; новое ударение в *чюдна* 3316. Трав.: а. п. *с — живѣ* 109, *жидка* 4776, *лиха* 525, *молода* 4016, *мягка* 2476, *сама* (часто), *свѣтла* 235, 352, *суха* (часто), *цвѣтна* 500, также *пита* (часто), однако *сама же та трава* 340, *взятѣ* 259; а. п. *а — сїня* 307, *стара* 363, также *здраво*, *мала*, *немала*, *сила*; новое ударение в *долга* 242, 524, *чїста* 480 (ср. еще *мелка* 155 с неясной а. п.); отметим колебание *сыра* 4626 — *сырѣ* 5006. Большой материал представлен в Бук. (Аксенова 1982): а. п. *с — глуха*, *гнила*, *драга*, *злата*, *лѣна*, *млада*, (*пре*)*проста*, (*не*)*святѣ*, *тверда*, *толста*, *резва*, *тѣсна*, (*не*)*худѣ*, *частѣ*, *ясна*; *гладна*, *глумна*, *гнусна*, *грозна*, *грузна*, *должна*, *темна*, *тучна*, *цвѣтна*; *горка*, (*не*)*кротка*, *прекрѣпка*, *тонка*; *земскѣ*, *мирскѣ*, *кровава*, *жестокѣ*; наосновное ударение показано в *вѣчна*, *гласна*, *гноина*, *громна*, *зѣмна*, *мірна*, *мрачна* (в основном это книжные слова); колебание в *древяна* — *дрѣвяна*; а. п. *а* преимущественно с новым ударением — *долга*, *чѣта*, *силна*, *чюдна* (возможно, *сюда же ѣдка*); *злѣбна*, *тиха* — *тихѣ*, *храбра* — *храбрѣ*; *сырѣ* отражает полный переход в а. п. *с* (ср. *сырѣи*).

Микросистемы западного типа. Егор.: а. п. *с — вѣчна* 76, *дівна* 86, 121, 263 (при единичном *дивна* 268), *жестока* 1756, *жїва* 1366, *крѣпка* 2416, *мрачна* 193, *нова* 256 (+ 1136), *прїста* 130, *поуста* 3166, 4096, *сама* 516, *странна* 2906, *страшна* 2496, 2526 bis, *тверда* 2416, *тяжка* 560, *чѣстна* 5536; а. п. *а — зрѣла* 4076, *нища* 471, *ноужна* 4296, *права* 58, *славна* 86, *чїста* 112, 4796, 5026. Сенн.: а. п. *с — власяна* 46г, *друга* ω^м *другы* 199а, *мягка* 203в,

нѣмоуца 173в, соуѣрова 150а, таѣка 190б (ср. еще небрачна 39в), колебание в самѣ 23б; старое ударение в дивнѣ 196в bis, 196г bis (возможно, сюда же неприснѣ же 176б); а. п. а — здрава 165а, нѣща 200а, славна 123г, нечѣста 39б. Пск.: а. п. с — крѣпка 294б, свѣтла 136, тѣжка 51б; старое ударение в самѣ 5б, не страшнѣ ли 85; а. п. а — чѣста 5, чѣдна 15. В Пат. из а. п. с встретились только нага 633б, сама 601а, 624в.

В некоторых микросистемах переход «живѣ → живѣа» выражен не столь ярко. Печ.: а. п. с — должна 94б, 213, нѣма 20, 561б, сама 21б, слѣпа 561б, страшна 8б, 80, 540б (все эти словоформы выступают в предикативной или полупредикативной функции), также дѣвна 8б, 247б, хлѣдна 137б, юна 56б; с другой стороны, горкѣ 11б, живѣ (4×), златѣ 82б, самѣ (6×), сладна 115б, 548, цѣлѣ 60; а. п. а — вѣрна 92б, мѣла 41б, немѣла 318б, полна (3×), тѣха 240б, чѣста 58б. Аналогичная картина в Колм., только здесь в а. п. а наряду с чѣста, здрава, прѣна, силна, славна находим чѣстѣ 135, дога 22б.

Общее представление о ситуации во всех остальных памятниках дает карта 9. Отметим, что новое ударение чѣстѣ встретилось, помимо уже указанных случаев, в Библ., Дом., Тих., Хлын., полна — в Час., Сел., Сол., Костр., Пер., Ратн., долга — в Хл., Хлын., Цел., тихѣ — в Ряз., синѣ, нужнѣ — в Цел. (вероятно, новым является также ударение зѣлнѣ Рж. 79б). Из архаизмов представляют интерес: сѣта Дом. 70, 73б, 95б, пѣна Дом. 113, прѣва Ряз. 200.

Следует отметить также акцентные свойства нечленной формы И. В. мн. сред. на -а, поскольку в части микросистем она обнаруживает непосредственную акцентную связь с И. ед. жен. У прилагательных а. п. с эта форма в принципе имеет флексивное ударение в восточной зоне и наосновное в западной (как у существительных, ср. § 3.40). Поскольку, однако, эта форма имеет ярко выраженный книжный характер (в светских памятниках, например, Лет., Косм., Колм., Трав., Цел., ее просто нет), она очень часто получает собственно книжное наосновное ударение даже и в восточных памятниках. Помимо Чуд., флексивное ударение преобладает в И. В. мн. сред. на -а (в а. п. с) только в Ион., Новг., Увар., Костр.; заметную роль оно играет также в Тар., Ряз., Рж. В качестве единичных отклонений от нормы (1—2 примера) такое ударение встретилось еще в нескольких памятниках (в т. ч. даже западных — Сenn., Егор., Печ.). По-видимому, некоторые писцы, акцентируя эту книжную форму, считали нужным приравнивать ее по ударению к И. ед. жен. Этим объясняются примеры: полна И. мн. Хр. 1324б, Стар. 17, полна Костр. 165; новое ударение явно проникло здесь из И. ед. жен. (невозможно предполагать в мертвой форме самостоятельную инновацию такого рода).

§ 3.54. Обратимся к остальным нечленным формам (из числа главных): ед. муж. и сред. и мн. В XVI—XVII вв. у прилагательных

а. п. с во всех этих формах господствует старое ударение, т. е. начальное. Материал чрезвычайно велик; мы вынуждены здесь ограничиться лишь несколькими иллюстрациями (без адресов). Так, например, безусловной нормой являются ударения: *бѣреж-енъ*, -но, *бѣленъ*, *бѣльно*, -ы, *вѣселъ*, -о, -ы, *вѣсяно*, *вѣщаны*, *дѣбелъ*, -о, *дѣлж-енъ*, -но, -ны, *дрѣвянъ*, -о, -ы, *дубовъ*, *зѣмленъ*, -о, *злотъ*, *крѣтокъ*, *крѣтко*, -и, *нѣлюбъ*, -о, *нѣмочно*, *нѣмоц-енъ*, -но, -ны, *обое*, *пѣпелесо*, *плѣтянъ*, -о, *сѣмо*, -ы, -и, *свѣтелъ*, *свѣтло*, *суровъ*, -о, *тѣменъ*, *тѣмно*, -ы; преобладают также ударения *жѣстокъ*, -о, -и, *крѣвавъ*, -о, -ы. Многократно встречаются *нѣблагъ*, -о, *нѣкрот-окъ*, -ко, -жы, *нѣкрѣпко*, *нѣпросто*, -ы, *нѣскоро*, *нѣхудо*, *нѣчасто* (хотя представлены также примеры без отяжек); из более редких отметим *нѣлѣно* Сенн. 217г bis, *нѣлѣно же* Дос. 279, *нѣнаго* Сенн. 177б, *нѣспо*^р Увар. 500б, *нѣспѣшно* Цв. III 193б, *нѣтѣсно* Печ. 388.

У нескольких слов с неодносложной основой обнаруживается тенденция к индивидуальному переходу в другой акцентный тип. О словах *свободныи*, *пустошныи*, *временныи*, *трепетныи*, *кровавыи*, переходящих в а. п. а, см. § 3.52. Иное развитие обнаруживает *жестокѣи*: нечленные формы здесь в части микросистем переходят к флексionному ударению. Отмечены: *жестокѣ* Чуд. 44г, *жестокѣ* Увар. 402б, Биб. 438, 467б, Дом. 64б, Матф. 84б, Хлын. 132б, Авв. 79б, 268б, *жестокѣ* Авв. 219б (в Биб., Матф. также и *жестокѣ*); *жестокѣ* В. мн. Хлын. 253 (ненадежно *жестокѣ* В. мн. Рж. 23), *жестокѣ* В. ед. Биб. 429 (+ Цв. III 185б), -ѣ Р. ед. Увар. 302б, Биб. 431б. Соответственно этому также *жестѣ*^р Чуд. 14а, *жестѣкъ* Нил. Т 215б, Сенн. 194в, Биб. 420б, Тих. 73б, Матф. 101, 200, 201б bis, Колм. 149, Цел. 224, *жестѣ же* Лук. 99в, 103б, Авв. 92 (при этом в Сенн., Биб., Колм. встретилось также и *жестѣкъ*). Суффиксальное ударение при ненулевом окончании практически отсутствует (только Егор. *жестѣци* 377, Авв. *жестѣко* 250). Во всех прочих случаях (гораздо более многочисленных) представлены, в т. ч. в названных выше рукописях, *жестѣкъ*, -о, -и и т. д. Флексionное ударение при ненулевом окончании отмечено только в памятниках восточной зоны и Чуд. При этом в Чуд., Увар., Цв., Колм., Цел. в членных формах старое ударение *жестѣкии* уже сменилось на *жестѣкии*, т. е. это прилагательное здесь уподобилось или почти уподобилось группе *высѣкии*, *глубѣкии*, *ширѣкии*, *далѣкии* (ср. § 3.56). По-видимому, влияние этой группы и является источником особой акцентной эволюции слова *жестѣкии*.

Еще дальше продвинулись к флексionному ударению нечленных форм местоименные прилагательные *таковыи*, *каковыи*: ударение *такѣвъ*, *такѣвѣ*, -ѣ, -ы, *какѣвъ*, *какѣвѣ*, -ѣ, -ы повсеместно господствует. Старое ударение выступает регулярно только в Мер.: *таково* (8×) (энклитомен, см. Акц. Мер., § 62); но и здесь *такѣвъ* 223 отражает уже новое ударение. В более позднее время от старого ударения сохраняются лишь незначительные следы (прямые в нечленных формах или косвенные в членных): Сенн. *такѣвъ* (по-види-

мому, И. мн.) 23, Лих. *та́ковъ* 51г, *-ы^н* 4в, в *ка́ковыя* 158б, Корн. к *та́ковым* 244, Дос. *та́ково* 229, *въ та́ковыя* 23б, Жит. *та́ково* 284б, *-оу* В. ед. 306, *-ы^х* 276б, Фер. *та́ковд* 822, Лет. *та́ковыи* 34б, Пат. *та́ковоу* В. ед. 591г, *ка́кова* мн. 594в, Хлуд. *ка́ковыи* 127б, Смол. *та́ковыхъ* 126, Карг. *ка́ково* 83, Сол. *та́ковая* 197, Костр. *та́ковъ* 93, Пер. *та́ковий* 81б, *та́ковыя* В. мн. 222б, Хлын. *та́ковыи* 52, 141. В членных формах сдвига в сторону *та́ковыи*, *ка́ковыи* (характерного для староукраинского) в великорусских памятниках почти не отмечается. В некоторых случаях словам *та́ковыи*, *ка́ковыи* акцентно уподобляются также слова *та́кыи*, *ка́кыи*, ср. Чуд. *ка́кд* 90б, *ка́цй* 132в, *та́коу* В. ед. 117б (+161б), *та́цй* 115в, Сenn. *та́цй* 183а, *та́кы* В. мн. 133а, Прол. *та́кй* В. ед. 43.

Помимо рассмотренных особых случаев, встречаются также отступления от исконного начального ударения, затрагивающие не слово в целом, а ту или иную форму.

В форме на *-о* (И. В. ед. сред. и наречие) таким отступлением является конечное ударение (модель *свѣтлѡ*); аналогичное нарушение изредка встречается и в а. п. *а* (например, *малѡ* вместо *мáло*). Приводим материал (по а. п. *с* и *а* вместе). Ближний запад. Мер.: *цѣлм* 97 (при *цѣло* [3×]), *несвободнм* 31 (при *свободно* 68, 183б), *мнмгв* 226б (при обычном *мнмго*); возможно, сюда же *властельскм* 57, *нелѣпотнм* 222б (Акц. Мер., § 48, 50, 57, 61). Лет.: в *чюжѡ* 93б, *тѣмнѡ же* (2 уд.) 292 (при *тѣмно* 336б, *тѣмно* 285), *мнѡгѡ* (2 уд.) 167б (при обычном *мнѡго*). Чет.: *надеснѡ* 21, *бѣсовскѡ сѹще* 4б; ср. еще *мѣнулѡ* 18б. Хр.: *нѣ надеснѡ* 514б, *страшнѡ* 1252, 1268 (+193б), *чюднѡ* (13×: 225, 1232, 1244б и др.), *мнѡгѡ* 242, *мнѡдѡ* (5×; наряду с *мнѡго*, *мнѡго*), *ярѡ* 1374 (чтение ненадежно), *тяжкѡ* 216б (б. уд.) (ср. *тяжко* 691); ср. еще *оуталѡ* 1297. Рум.: *немоцнѡ* 673б, *не немоцнѡ* 671б (при *моцно* 328б); ср. *провозвѣстилѡ ти ся* 330. Рж.: *земленѡ чтѡ* А 3б. Ср. еще Сел. *потаилѡ* 555б. Памятники, расположенные неподалеку от ближнезападного района. Т. пс.: *дивнѡ* 180, *твердѡ* 18б, *частѡ* 20, *мерзьскѡ* 27, *мнмгѡ* 1, *мнѡгѡ* 44б. Муз.: *мнѡгѡ* 212, также *мнѡго*, *мнѡго* (10×) с узким *о* после *г*. Егор.: *веселѡ* 78б (при *вѣсело* 35 bis). Пат.: *гоустѡ* 589в. Увар.: *страшнѡ* 81б, *чюднѡ* 484б, 485б, 502 (при *страшно* [6×], *чѡдно* 48б). Смол.: *малѡ* 57б (чтение ненадежно), *извѣстнѡ* 11б. Москва, юг, юго-восток. Чуд.: *темнѡ* 33в. Цв.: *скорѡ* 134б (при *скѡро* [30×]). Дом.: *бережнѡ* 83б (при *бѣрежно* 98б). Трав.: *веселѡ* 453б. Ряз.: *мяккѡ* 98б. Ратн.: *мочнѡ* 15б, 18б, *вестнѡ* 214б. Дальний северо-восток. Хлын.: *мошнѡ* (2 уд.) 50б (при *мошно* 187б bis, *моцно* 145). Колм.: *толстѡ* 194, *во^ахкѡ* 214. Авв.: *крѣнкѡ* 77б, *таинѡ* 222б. Особенно велик материал Цел.: *густѡ* 47, 179, *гѹстѡ* 258, *немочнѡ* 20б, *немоцнѡ* 127, *свѣтлѡ* 169, 172, *свѣтлѡ* 172, *долѡд* (8×), *дѡлѡд* 32б, *мнѡгѡ* (часто), *мнѡдѡ* 40, *немногѡ* (3×), *толкѡ* 22, *чистѡ* 172б, также *ладнѡ* 84, *мѣлкѡ* (6×) (практически везде наряду с наосновным ударением); ср. еще *былѡ* 137б, *не далѡ* 92б. Следует учитывать, однако, что некоторые

из приведенных выше акцентовок (а именно, *темнѡ*, *мякѡ*, *скорѡ*) могут относиться не сюда, а отражать старые акцентные варианты. Особо стоит Сенн. *древяно́ же* 162г, где могла отразиться древняя акцентовка сочетания с *же*.

В форме И. В. мн. аналогичное нарушение встречается гораздо реже: Чуд. *сирѣ* В. мн. 496; Лет. *златѣ* 406, *простѣ* В. мн. 44, *самѣѣ* 31, *снѣжныѣ* 282, *литѣ* 1926 (ср. еще *кнѣжѣ борисовы* 2006); Фер. *чюжыѣ* В. мн. 9466; Чет. *оуныѣ* В. мн. 106; Рум. *златѣ* 677, *дебелѣ* В. мн. 347; Трав. *обой* 796, 1176, *трой* 220; Улож. *болныѣ* 806; Авв. *жѣрныѣ* 2356; Цел. *сѣдыѣ* 146. Ударение *чермныѣ* Трав. 3846, 403 (+ Библ. 4886) непоказательно: оно возникло под влиянием синонимичного *красныѣ* (ср. *чермнѣ* Р. ед. Биб. 756, *чермнѣ* В. дв. Хр. 456).

Как видно из материала, новое ударение по модели *свѣтлѡ* встречается во многих районах (см. также карту 9), но ярче всего оно представлено на ближнем западе и, с другой стороны, в Цел. Ударение по модели *свѣтлыѣ* отмечается тоже в основном в ближнезападных памятниках (Лет., Фер., Чет., Рум.).

Эти инновации естественно сопоставить с переходом от подвижности к флексийному ударению, наблюдаемым в нечленных формах нескольких групп причастий от глаголов а. п. с. Самый ранний переход такого рода дал ударение типа *процѣнѣ*, *процѣнѣ*, -ѡ, -ы в *еп*-причастиях; ср. далее *данѣ*, *данѣ*, -ѡ, -ы, *проданѣ*, *проданѣ*, -ѡ, -ы и т. п. в значительной части старовеликорусских микросистем (§ 3.69), ударение типа *далѡ*, *продалѡ* в некоторых районах. Такую же эволюцию испытали нечленные формы прилагательных *таковыѣ*, *каковыѣ*, отчасти также *жестокыѣ*, см. выше. Механизм инновации, по-видимому, состоит в выравнивании ударения по форме И. ед. жен. Следует предполагать, что такое выравнивание вначале распространяется только на ед. число, что создает акцентную оппозицию чисел. О возможности такого этапа говорит более широкое распространение модели *свѣтлѡ* по сравнению с моделью *свѣтлыѣ*, а также существование микросистем с акцентовкой типа *проданѣ*, -ѡ — *проданыѣ* (§ 3.69); особенно отчетливо акцентная оппозиция чисел выступает в некоторых случаях, где мн. число имеет окончание -и: *далѣ*, -ѡ — *далиѣ*; *самѣ*, *самѡ* — *самиѣ*. При мн. числе на -ы описанная ситуация оказывается, однако, по каким-то причинам не вполне устойчивой; одна из возможных перестроек состоит в полном обобщении флексийного ударения.

В современном языке ряд ударений по модели *свѣтлѡ* вошел в литературную норму: *самѡ*, *светлѡ*, *темнѡ*, *смешнѡ*, ср. также *чуднѡ*. Большое число таких ударений (*веселѡ*, *холоднѡ*, *грязнѡ*, *можнѡ*, *мошнѡ*, *страшнѡ*, *тугѡ*, *целѡ* и т. д.) выступает в говорах. Насколько можно судить, шире всего такие акцентовки представлены в южно-великорусском наречии (кроме Смоленской группы) и в восточных среднерусских говорах. В частности, к северо-западу и западу от Москвы граница зоны преобладания акцентовки *холоднѡ* проходит

примерно по линии Дмитров—Волоколамск—Вязьма—Брянск (Атлас Запад, карта 316); к северу от этой зоны преобладает *холодно*, к западу — *холодно*.

Что касается ударений по модели *свѣтлы*, то в современном литературном языке их очень много (по крайней мере, в качестве допустимых вариантов), однако подавляющее их большинство — недавнего происхождения; вопрос о характере их связи с аналогичными акцентовками в XVI—XVII вв. требует дополнительного исследования.

В форме И. В. ед. муж. у прилагательных а. п. с встречается нарушение, состоящее в акцентовке типа *должѣнь* (вместо *дблженъ*); аналогичная замена изредка встречается и у прилагательных а. п. а. Приводим материал (по а. п. с и а вместе). Северо-запад и ближний запад. Сenn.: *дівѣнь* 101в, 200б, *должѣнь* 86в, 153а, *длѣжѣнь* (5×: 68б, 86в и др.); но 1 раз *длѣжѣнь* 109б), *странѣнь* 122а, *страшѣнь* 76в, ср. также *словесѣнь* 134б, *бесцѣнѣнь* 134а. Т. пс.: *дівѣнь* 150б, 177, 183, *дівѣнь* 82 (но *дівѣнь* 106), *на поу^т мирѣнь* 160б (но *мірѣнь* 134). Час.: *ясѣнь* 278б (возможно, сюда же *храбѣрь* 305, с аналогичским /ѣ/). Лих.: *дівѣнь* 173б, *страшѣнь* 45г, 219г (но *дівѣнь* 110в, *страшѣнь* 5в, 141а). Новг.: *дівѣнь* 120, 165б, 244, 274б, *страшѣнь* (5×: 135б, 157 и др.). Лет.: *свободѣнь* 64, *страшѣнь* 171б (+285, 309) (но *страшѣнь* 240, 247), *чюдѣ^н* (2 уд.) 152б. Пск.: *крѣтокъ* 139 (если это инновация, а не старый акцентный вариант; ср. *крѣтокъ* 50б), *подобѣнь* 6. Стар.: *немощѣнь* 3б (ср. *храбѣрь* 17). Дальний северо-восток. Лук.: *страшѣнь* 253г. Хлын.: *горѣкъ* 21 (если это инновация, а не старый акцентный вариант). Авв.: *приалчѣнь* 20б (ср. еще *кѣсенъ* 229 и *кѣсенъ* 50б). Цел.: *ясѣнь* 278б. Прочие — Увар. *земѣнь* 483б, *свободѣнь* 521б, Библ. *до^лжѣнь* 968б (ср. *дблже^н* [2×]). Во всех этих памятниках господствует или по крайней мере преобладает обычная акцентовка. Например, даже в Сenn., где данное явление представлено ярче всего, мы находим *бѣленъ*, *бѣсенъ*, *гѣрекъ*, *крѣтокъ*, *крѣпокъ*, *мѣщенъ*, *нѣмоощенъ*, *мрѣченъ*, *свѣтелъ*, *чѣрменъ*, *чѣстенъ*.

Как видно из материала, модель *должѣнь* развивалась в основном на северо-западе, существенно слабее на дальнем северо-востоке; в прочих районах ее почти нет (см. карту 9). Источником инновации скорее всего было влияние нечленных форм прилагательных типа *красныи*, *легкии*. В западной зоне у них преобладала акцентовка *красѣнь*, *красна*, -о, -ы, *лѣгѣкъ*, *лѣгка*, -о, -и (см. § 3.57), тогда как в а. п. с и а здесь выступали *дблженъ*, *дблжна*, -о, -ы, *сѣленъ*, *сѣльна*, -о, -ы, т. е. отличие было только в ед. муж. Разумеется, можно было бы ожидать и противоположного выравнивания (*красѣнь*, *красна*, -о, -ы), и оно действительно встречается в части микросистем (Пск., Печ., Ик., Ратн., см. § 3.57). Примечательно, однако, что как раз в этих микросистемах модель *должѣнь* отсутствует.

Новые ударения типа *должѣнь*, *силѣнь* обнаружили впоследствии значительную жизнеспособность: насколько можно судить по имеющимся разрозненным и крайне неполным данным, они известны

в настоящее время у довольно большого числа прилагательных на весьма обширных территориях. Ограничимся лишь одним ярким примером: в кашинском говоре (Смирнов, с. 110—111) представлены *грозён, должён, жырён, силён, смирён, скромён, страшён, чудён, кисёл*; показательно, что в этом говоре такое ударение выступает в *лёгók, коротók, волён, грѣшён* (где оно исконно), а также в *добёр, храбёр, мудёр, моко́р, быстёр, востёр* (где гласная эпитетическая).

Что касается второстепенных нечленных форм, то мы ограничимся здесь лишь констатацией того, что в подавляющем большинстве случаев они имеют наосновное ударение (даже и в такой форме, как Р. ед. жен., где первоначально было флексийное ударение). В самом деле, здесь почти всегда в одну и ту же сторону (а именно, в сторону наосновного ударения) направлены фактор традиции и фактор книжности. Относительно формы И. В. мн. сред. см. § 3.53.

Нечленные формы прилагательных а. п. *b*

§ 3.55. Акцентуация нечленных форм исторической а. п. *b* в конкретных микросистемах XVI—XVII вв. определяется взаимодействием двух факторов: 1) сохранение исконного флексийного ударения; 2) тенденция к сближению с тем унифицированным типом акцентовки, который вырабатывается в данной микросистеме для прилагательных исторических а. п. *c* и *a*. Практически это означает, что в восточной зоне в нечленных формах а. п. *b* происходит сдвиг в сторону подвижного ударения, в западной — в сторону неподвижного предфлексийного. Понятно, что в западной зоне речь идет фактически о дефинализации. В восточной зоне в целом перевешивает фактор традиции, в западной зоне во многих микросистемах перевешивает тенденция к новому ударению. Во второстепенных формах переход к новому (предфлексийному) ударению повсеместно проходит интенсивнее, чем в главных.

Ниже приводится материал по непроизводным прилагательным а. п. *b* (с добавлением слов *тяжелыи, студеныи*, которые по акцентуации не отличаются от производных) в Чуд. и в некоторых достаточно показательных памятниках XVI—XVII вв. В последних опущен материал по слову *щедрыи* (которое почти везде было переведено в а. п. *a*, вероятно, в связи с его книжным характером), а также по некоторым словам с недостаточно ясной или неустойчивой исторической а. п. (*глупыи, скупыи, быстрыи, хитрыи* и др.); словоформы И. В. ед. муж. приводятся лишь выборочно.

Чуд.: *бѣла̄* 151в, *-оӯ* В. ед. 25в, *-ó* 16б, *-ы̄* 43а, *-ы̄* 150б, 150г, *голд̄* 115а, *добрó*, *-а̄* Р. ед., *-оӯ* Д. ед., В. ед., *-ѣ̄* М. ед., *-ы̄*, *-ы̄*, *-а̄* В. мн. (часто), *добрѣ̄* нареч. (часто), *дряхла̄* И. дв. 40г, *за злò* 85а, *ω^m злà* 85а, *о злѣ̄* 50г, *и злоӯ* В. ед. 144в, *лютó бо* 93г, *лутѣ̄* нареч. 33г, *мертва̄* 81г, *-ò* 103а, *-оӯ* В. ед. 61б, Д. ед. 79в, *-ы̄* 125б, *-а̄* И. дв. 56а, *в полы мертвá* В. ед. 32г, *мртвѣ̄* 16б, *-ы̄* 102а, 125б,

-ы 131а, *моудрѣ* 99б, -ы 107в, *не мдрѣ* 126г, *обоюдоу острѣ* 149б (+ 157б), *обоюдоу острѣ* Р. ед. 144а, *ни студѣнъ* 150в, *ни теплѣ же* 150в bis, *не тощѣ* 132в, *вотщѣ, не вотщѣ* (часто), *храмѣ* Д. ед. 21б, *чернѣ* 151в, *и щѣдрѣ* 83а, *щѣдрѣ* 29в; новое ударение только в *добрѣ* нареч. 123г.

Образцы микросистем XVI—XVII вв. Микросистемы восточного типа. Хр.: *багрѣ* 'багрово' 37, *белѣ* 383, *белѣ же* 206б, *добрѣ* 50б, 317б, 1259, *добрѣ* (4×), -ѣ 592 (+ 1121), -оу Д. ед. 1227б, *зелѣнъ* 1282, *зеленѣ* 1268б, *на зеленѣ* 1272б, *золѣ* (4×), *здѣ* (часто), *мертвѣ* *мясо* 1175б, *мертвѣ* 1420, -ѣ В. ед. 1403а, *цстрѣ* 1255б, -и (В. мн.!) 33б, *пестрѣ* 208б, *теплоу* В. ед. 1426б, *тощѣ* 514, *тцоу* В. ед. 655; наосновное ударение в *цѣвѣта бѣла* Р. ед. 402б, *мертва* В. ед. 577 (полупредик.), 927б (атрибут.), *добрѣ* нареч. 732, 1139, 1338б. Косм.: *бѣлы* 53б (также в составе *белѣ цъзеро, в белѣ городе* и т. п.), *добрѣ*, -ѣ, -ы (5×), *добрѣ* нареч. (часто: 3б, 6, 2б и др., при единичном *добрѣ* 14б), *круглѣ* 135, *мокрѣ* 53, 5б, *теплѣ* 5, *студенѣ* 18б, *тяжелѣ* 133б, -ѣ 35б, 112б, *хорошѣ* 93б, *чернѣ* 24. Трав.: *бѣлѣ*, -ѣ, -ы (16×), *добрѣ* 8б, 500, -ѣ (часто), *недобрѣ же* нареч. 448б, *желтѣ* 435, 442, *зелѣнъ* 468б, *зеленѣ* 111, 216б, -ы 107, *круглѣ* 242, *лютѣ* 15, *мокрѣ* (4×), -ѣ (10×), -ы 489, *цстрѣ* 75б, *цстрѣ* 203б, 303б, -ы 81б, *пестрѣ* 82б, *студенѣ* (3×), -ы 497, *теплѣ* (7×), -ѣ (часто), -ы 489, 501, *тяжелѣ* 453, *не тяжелѣ* 450, *тяжелѣ* 452, -ы 500, *на тщѣ срѣце* 165б, 538, *хорошѣ* 307, *чернѣ* 265б, 270, *чернѣ* 100б, -ѣ (3×), -ы (3×); наосновное ударение (по образцу а. п. с) — *бѣдро цко* 8, *знѣмя добрѣ* 457б, *добрѣ* 534 (предик.), *добрѣ* 497 (предик.), *добрѣ* нареч. 460, *зелены* 319, *кргуло* 521б, *люто* 8, -а В. мн. 10, -ѣ нареч. 9, *мертво дитя* 322 (+ 215б), *мокро* 490, ср. также *на тщѣ срѣце* 114б. Колм.: *бѣлѣ*, -ѣ, -ы, -у В. ед. (8×), *вохлѣ* 238, 25б, -ѣ 25б, *вѣщѣ* 27, *добрѣ*, -ѣ (часто), *добрѣ* нареч. (14×), *жегтѣ* 52, *зелѣнъ* 224, *зеленѣ* 37, 23б, -ѣ 100, -ы 223, *кргуль* 107, *кргулѣ* 70, 102, -ы 99, 240, *мокрѣ* 98, *вопчѣ* 31, 133, 159, 240, *плоскѣ* 197, 202, *рѣзвѣ* 50, *рѣзвы* 104 (+ 238), *студенъ, студенѣ*, -ѣ (8×), *теплѣ* 18б, 189, *тощѣ* 80, *тощѣ* 149, *тяжелѣ* (3×), *чѣнѣ*, -ѣ, -ы, -у В. ед. (13×); наосновное ударение — *добрѣ* 2б (полупредик.), *добрѣ* нареч. (7×), *общѣ* 117, *тощѣ* 210, -и 103, 249, *тяжелѣ* 254, кроме того, регулярно *люто*, -ы. Цел.: *бѣлѣ* (3×), -ѣ (5×), -ы (2×), *воглѣ* 14, 1б, *наголѣ* 69, *добрѣ*, -ѣ (часто), *добрѣ* нареч. (13×), *зелѣнъ* 23б, 258, *зеленѣ* 258, *круглѣ* 178, *мокрѣ* (3×), -ѣ 9б, *пестрѣ* 166б, *травѣ острѣ пестрѣ* 104, *студенъ, студенѣ*, -ѣ, -у В. ед. (12×), *теплѣ* 115, 199б, -ѣ (часто), *в теплѣ* 41б, *тяжелѣ* 267б, *тяжелѣ* (3×), *на тщѣ утрѣбу* (часто), *на тцоу утрѣбу* (часто), *на тщѣ срѣце* 182б (+ 227б), *чернѣ* 217, 218б, -ѣ 199; наосновное ударение — *бѣла* Р. ед. 52, *добрѣ* 43б (предик.), *добрѣ* нареч. (8×, также *добрѣ* 37, 40б), *зелено* 257б, *зелена орѣха* 249.

жёлта 261 (предик.), *в тёпле* 262б, *на тще срѣце*, *на тше срѣце* (4×), *чёрны* 8б, также *люто* 36б.

Приведенные образцы дают достаточно ясное представление о ситуации в памятниках восточной зоны. Сходная картина обнаруживается также в ряде памятников промежуточной полосы и кромки западной зоны (в частности, в Новг., Лог., Печ.). Между микросистемами имеются некоторые различия (сравнительно небольшие) по степени распространения новых акцентовок типа *мёртво*, *мёртвы*, возникших под влиянием а. п. с. Разные лексемы обнаруживают различную сопротивляемость данной инновации. Быстрее прочих переходят к акцентовке нечленных форм по образцу а. п. с прилагательные *лютыи*, *мудрыи*, *зеленыи* (это отчасти можно видеть и по приведенным образцам). Напротив, например, прилагательное *добрыи* сохраняет старое ударение довольно устойчиво.

Микросистемы западного типа. Егор.: *добры* 493, -и 207, -а мн. 388б, -ѣ нареч. (часто), *люта* (3×), -о (3×) (также -у, -и и др. формы [часто]), *мрѣтву* Д. ед. 72, 311б, *моудра* В. ед. 9, -и 180б, 181б, *ўстро* 213, *тёпла* 393б, -у В. ед. 249, -ѣ нареч. 199, *чёрна* Р. ед. 538; флексивное ударение — *добрѣ*, -ѣ (часто), -ѣ Р. ед. 384, И. мн. 477б, *недобра* мн. 36б, *предобра* 263, *тепла* 393б. Пск.: *добры* 18, -ѣ нареч. (часто), *люта* 24б, -о 29б, 34 и др., -ы (3×), -ѣ нареч. 98б, *мёртва* В. ед. 40, *моудрѣ* нареч. 49б, 101б, *немоудроу* Д. ед. 66б, *ωбоѣдоу ўстро* 74б, *тёплѣ* нареч. 6б; ср. также *вѣтше* 151б; флексивное ударение — *добрѣ* 58б bis, 265б. Аналогичная картина в Ег., Карг. (в ряде западных памятников слишком мало материала). Как можно видеть, слово *добрыи* в значительной мере сохраняет старое ударение даже в западных микросистемах.

Нечленные формы «группы высоко»

§ 3.56. Отдельно от основной массы прилагательных исторической а. п. *b* следует рассматривать нечленные формы с основами *высок-*, *глубок-*, *широк-*, *далек-*; мы будем обозначать их как нечленные формы «группы высоко» (как и в прочих подобных случаях, в рассмотрение входят также наречия). Принадлежность «группы высоко» к а. п. *b* не первоначальна, см. § 2.25. У слова *высокии* следы более раннего ударения (корневого) еще в ряде случаев сохраняются (как в членных, так и в нечленных формах): Чуд. *высокою* 67в; Час. *высокою* 231 (ср. *высокая* и др. [4×]); Т. пс. *высокъ* 109 (ср. *высокъ*, 122б, *высокъ* 109), *высокою* 139 (ср. *высокъ*² и др. [5×]); Сени. *высоко* 182а (ср. *высоко* [6×]); Лих. *высокъ* 261б, *высоко* 237в (ср. *высока*, *высоку* и др.); Ион. *высоцѣ* нареч. 617б (ср. *высокъ*, -ѣ мн.); Корн. *высокое* 196б (ср. *высокое* 387); Стар. *высоку* В. ед. 110б, *высокая* 82, также *высоче* нареч. 93 (ср. *высока*, *высоку*, *высокую* и др.); отметим еще Смол. *высокопáръство* 171б.

Если не считать этих реликтов, в данной группе возможны две акцентовки: флексивная (например, *высо́къ*, *высока̀*, -ò, -ù) и суффиксальная (*высо́къ*, -а, -о, -и); в соответствующих членных формах ударение в обоих случаях суффиксальное.

Второстепенные нечленные формы в данной группе преимущественно сохраняют акцентовку главных. Лишь формы на -ѣ (наречие, М. ед. и др.) сравнительно часто обнаруживают суффиксальную акцентовку при флексивной в главных формах (ср. также § 3.51 о примерах типа *на висо́къ мѣстѣ*). Ниже при оценке микросистем учитываются как главные формы, так и второстепенные, кроме форм на -ѣ, имеющих суффиксальное ударение (последние иногда просто опускаются). Не учитываются примеры с приставкой *пре-*, если они имеют суффиксальное ударение (*превысо́ки* и т. п.), поскольку такое ударение может определяться их книжным характером и потому непоказательно.

Как видно из карты 10, ударение типа *высока̀* представлено в восточной зоне, типа *высо́ко* — в западной. Показанная на карте основная восточная граница господства или значительного распространения ударения типа *высо́ко* примерно соответствует границе западной зоны.

Образцы микросистем восточного типа. Чуд.: *высоку́* В. ед. 10а, 27г, -оу 158б, *глубокоу́* Д. ед. 40в. Косм.: *высока̀* 6б, 7, -ò 11, 153, -ù 6б, 96, -у́ В. ед. 22б (ср. *на горѣ висо́ке* 128б), *глубока̀* 4б, -ò 6б, *неглубока̀* 190, *широка̀* (5×: 63 и др.), -ò 63, 152. Цв.: *глубока̀* II 67, -у́ Д. ед. II 27б, 38, III 61, В. ед. 209, II 44, *глубоуѣ́* М. ед. III 237б (ср. *высоуѣ́* М. ед. 35), *широка̀* 161б, II 9. Бук.: *превысо́къ*, *превысока̀*, -ò, -ы 209, *глубо́къ*, *глубока̀*, -ò 157, 193, -ы 193, *широ́къ* 195, *широка̀* 185, 230, -ò 185. Авв.: *высокѝ* 235, *глубока̀* 283б, *далека̀* 234б bis, *широка̀* 54, 235.

Образцы микросистем западного типа. Сенн.: *высо́ка* II. ед. 206г, В. ед. 106г и др., -о (6×: 13в и др.), -оу Д. ед. 89г, В. ед. (7×: 19б и др.), *глубо́коу* Д. ед. 141б, 145б, 217в, *широ́ка* II. мн. 32в. Час.: *высо́ко* 241, также *глубоуѣ́* М. ед. (3×). Т. пс.: *высо́ка* II. ед. 152б, В. ед. 165б, *глубо́ко* 78б, *широ́ка̀* (2 уд.) 129б (наряду с *высока̀* В. ед. 102). Егор.: *высо́ко* 102, 262, 529б (+ 93).

Рассмотрим также некоторые примеры сосуществования двух акцентовок. В Печ. в главных формах ударение флексивное: *высока̀* В. ед. 241б, нареч. 314, 544, также *превысока̀* 304б; во второстепенных формах ударение почти всегда суффиксальное: *глубо́ку* Д. ед. (5×: 236б и др.), В. ед. 129б, 463б, *высо́ка же* В. мн. (?) 314, также *на висоуѣ́ мѣстѣ* 144, 403б, *высоуѣ́* нареч. 422б, *въ ста́рости* *глубоуѣ́* 562; иначе *высока̀* В. ед. 288.

Более сложная картина представлена в Колм. В предикативной и полупредикативной функциях здесь выступают: *высока̀* 138, -ù

(10×: 60, 94 и др.), *глубока́* 60, -и́ 9, *широка́* 3, 116, 138, -д 80; с другой стороны, *высо́ки* (13×: 32, 64, 89 и др.), *глубо́ка* 196, *широ́ка* 12 (также 254?), -и 201; в ед. жен. здесь доля флексийного ударения заметно выше, чем во мн. числе, что явно связано с влиянием прилагательных а. п. с. В атрибутивной функции: *высока́* 83, 98, 164, 243; с другой стороны, *высо́ка* (10×: 32, 67, 76 и др.), -о 190, -и 64 bis, 89, -у В. ед. 225, *глубо́ки* 129, *широ́ка* 91, -и 80, 129; таким образом, в атрибутивной функции здесь господствует суффиксальное ударение. В наречной функции: *высоко́д* 24, 136, 240 (+27), *глубоко́д* 254, *далеко́д* 57, 254; с другой стороны, *высо́ко* 79, 191, *широ́ко* 7, *дале́ко* (7×: 45, 51 и др.), *недале́ко* (20×, ср. § 3.9), также *неподале́ку* 61.

Общее представление о показаниях прочих памятников дает карта 10.

В современном языке ударения *высоко́* (*високо́*), *широко́* господствуют на юго-востоке великорусской территории; в остальных зонах преобладают ударения *высо́ко*, *широ́ко* (они представлены также в белорусском языке, тогда как в украинском господствуют *ви́соко*, *ши́роко*, также *гли́боко*, *да́леко*). Из сравнения этих данных с картой 10 видно, что ударения типа *высо́ко* получили широкое распространение на северо-востоке лишь после рассматриваемого периода. Микросистема позднего северо-восточного памятника Колм., рассмотренная выше, дает некоторое представление об этом процессе.

Нечленные формы «группы красно»

§ 3.57. Особо стоят нечленные формы прилагательных с суффиксами *-ьн-, *-ьк- (нередко уже сросшимися с корнем), у которых в праславянском ударение падало на гласную суффикса (например, **krasъnъ*, -а, -о). Все они подверглись тем или иным аналогическим перестройкам. Значительная часть из них уже не обнаруживает в старовеликорусском никаких отличий от производных с исконным корневым ударением, например, *ско́тенъ*, *ско́тна*, -о, -ы как *сла́венъ*, *сла́вна*, -о, -ы. Такие слова мы ниже не рассматриваем. Имеется, однако, группа слов, у которых обнаруживаются (хотя бы иногда) результаты иной перестройки, а именно, флексийное (в И. В. ед. муж. — суффиксальное) ударение. Нечленные формы таких слов мы обозначаем ниже как «группу *красно*». Сюда входят прежде всего нечленные формы (и наречия) с основами *красн-*, *равн-*, *ровн-*, *разн-*, *вольн-*, *умн-*, *грѣшн-*, *хвальн-*, *давн-*, *легк-*, *узк-*, *коротк-*. В отдельных памятниках имеются примеры такой же акцентуации у некоторых других слов описанного происхождения.

В XIV в. засвидетельствованы две различные системы акцентировки рассматриваемых нечленных форм. В Чуд. при односложной производящей основе последовательно проведено флексийное ударение: *бѣднѡ*, *волнѡ*, *к грѣшиноу*, *грѣшнѡ*, *краснѡ*, -и, -ы, в *роуднѡ одѣжи*, *хоулнѡ* Р. ед., *клоснѡ* Д. ед., *неклоснѡ* Р. ед., *празднѡ*, -оу Д. ед., *равѣнѡ*, *равно*, -ѡ, -и бо, -а В. ед., В. мн. (отклоняются только

празднѣ 137в, *равна* И. мн. 24б), см. Акц. Мер., § 59; также *легко* 160г. С другой стороны, в Мер. флексийное ударение представлено только в *красно* 200, *разно* 4б, 151, тогда как в *волно*, *ключно*, *трудно*, *хулно*, *равно*, *праздно* выступает основное ударение; в *ровень* 27б ударение на *е* (см. там же). При неодносложной производящей основе ударение в обеих системах основное (*животноу* Д. ед. и т. п.).

В XVI—XVII вв. различаются флексийный и основной (а именно предфлексийный) типы акцентировки рассматриваемых нечленных форм. Второстепенные формы в «группе *красно*» получают предфлексийное ударение несколько чаще, чем в «группе *высоко*» (так, помимо форм на *-ѣ*, такое ударение почти всегда имеет И. мн. на *-и*). Ниже при оценке микросистем учитываются как главные формы, так и второстепенные, кроме форм на *-ѣ* и *-и*, имеющих предфлексийное ударение. Слово *прекрасныи* учитывается только в тех немногих микросистемах, где оно не перешло в а. п. а.

Нечленные формы от основ *равн-*, *разн-*, *грѣшн-* в большинстве микросистем имеют предфлексийное ударение книжного происхождения (*равенѣ*, *равна*, *-о*, *-и* и т. д.). Соответственно, они представляют интерес для характеристики памятника только при флексийном ударении.

Рассмотрим вначале нечленные формы с ненулевым окончанием (относительно И. В. ед. муж. см. отдельно в конце параграфа).

Особое место в «группе *красно*» занимает слово *красныи*. По своему акцентному поведению оно более всех прочих приближается к обычным прилагательным а. п. *б*. Акцентировка этого слова отображена на карте 10. Как можно видеть, восточная граница ударения *красна*, *-о*, *-и* почти совпадает с границей западной зоны. Приведем для иллюстрации материал нескольких памятников.

Образцы памятников с флексийным ударением. Ион.: *красна* С 155б, *-о* 591б, 613 (+56б), *некрасно* 508, *красна* В. ед. 427 (+587б), *-у* В. ед. 190б. Библ.: *красна* 975, *-д* 582 (ср. *красни* 687б). Хр.: *красно* 38б (+1328), *-и* В. мн. 933, *-ѣ* М. ед. 1285. Косм.: *красна* (4×: 27б и др.), *-д* 24б, 121, 126б, *-и* 178б, 185, *-а* В. ед. 25, *красну* В. ед. 40б. Цв.: *красна* III 73б, *-д* (8×: 63, 209 и др.), *-и* 202б, III 14б (однако также *красны* 81, 94б, 200б, под влиянием прилагательных а. п. с), *красна* В. ед. III 160б. Колм.: *красна* (6×), *-д* (5×).

Образцы памятников с предфлексийным ударением. Нил.: *красно* Т 68, *-у* В. ед. Т 13. Т. пе.: *красно* 137б. Егор.: *красно* (5×: 269, 322б и др.), *-и* 22, *-а* В. мн. (3×: 283 и др.). Пат.: *красно* 577а, 600а, *-а* Р. ед. 647а, В. мн. 585б, *-оу* В. ед. 600а. Клон.: *красно* 238, *-а* мн. 359. В Час. при *красно* (4×: 267, 294б и др.) находим также *красна* 293 — очевидно, под влиянием прилагательных а. п. с. Аналогично в Печ.: *красна* бѣ 169б, 175б, но также *красна* 127,

480; прочие формы — *красно* 217б, *-ы* 174б, 193б, 559, *-а* В. ед. 275, *-у* В. ед. 15б, 261.

Сходное, но не тождественное распределение акцентонок обнаруживает прилагательное *легкий*; оно показано на карте 10. Как можно видеть, в ареале с моделью *красно* представлено только *легко*, *-и*; в ареале с моделью *красно* безусловно преобладает *легко*, *-и*, однако иногда встречается и *легко*, *-и* (в Фер., Увар., Лук., в качестве акцентного варианта также в Пер., Ион., Цел.). Приводим материал: *легко* Библ. 676б, Ряз. 308, Ратн. 121б, Матф. 5б, 88б, Сел. 585б, Биб. 218, 445, Бук. 165, Костр. 208б, Корн. 68, 68б, 442б, Сол. 9 (см. также выше о Чуд.), *легко* Муз. 42, *легко* Хр. 75б, *легко* Бук. 165, 203, Трав. 500, *легко* Бук. 203, *легко* Колм. 8, 161, 192 (+8), *легко же* Матф. 5б — *легко* Сенн. 32г, 49г, Лук. 150г, Фер. 48б, Увар. 480б bis, 824, Пск. 70, 92, 349, *легко* Сенн. 50а, Карг. 50б (В. мн.), *легко* Пр. 265в (В. мн.), Лет. 333. В нескольких микросистемах встретились обе акцентонок: Ион. *легко* предик. 256б — *легко* нареч. 560, В. ед. 38, *легко* В. мн. 50б; Пер. *легко есть* 237б — *легко* 70б; Цел. *легко* 241б (+32) — *легко* 181, 232, *легко* 265, *легкоства* 231б.

У слова *равный* флексивное ударение нечленных форм отмечено в большинстве памятников восточной зоны и промежуточной полосы — Чуд., Лес., Хл., Цв., Дом., Трав., Ряз., Ратн.; Хр., Сел.; Увар., Бук., Яр., Костр.; Прол., Хлын., Авв., Колм., Цел. (причем в большинстве этих памятников встретились также и примеры основного ударения). Приведем несколько иллюстраций. Хр.: *равно* И. ед. 1243, И. мн. 7б, *равно* (8×: 17, 115 и др.). Цв.: *равно* II 74б, III 45б, *-и* 199, III 239, *-а* В. ед. III 33б, но также *равно* 111, *-а* В. ед. II 58, III 9б, *-у* В. ед. 58, *-е* М. ед. III 150. Авв.: *равно* 153 при более обычных *равно* 10б, 195, *-о* 153, *-ы* 11б, 74, 111б. Только основное ударение встретилось в западной зоне, но также — в качестве книжного — в ряде восточных памятников (ср. также возможность такого ударения во многих памятниках, названных выше).

Для *ровный* флексивное ударение нечленных форм отмечено в Лет., Хлуд., Ратн., Улож., Колм., Цел., например, *ровно* Ратн. (часто) (+Лет. 337б, Улож. 62б), *неровно* Колм. 125, 21б, *ровно* Колм. 63, 92, *-и* Колм. 223, *поровною* Ратн. 42 (+Улож. [3×], Цел. [10×]). Основное ударение отмечено лишь в Косм. *на ровню* 'на ровном месте' 152, Колм. *ровню* 243, *неровно* 241, Цел. *поровну* 59, 71.

Для *вольный*: *волно* Лет. 314б, *волно* Увар. 729б, 840, Цв. 18, Косм. 102б, Ратн. 212, 218, Колм. 145, 161 и др., *вольно* Улож. (часто), Матф. 211, *неволно* Колм. (5×: 141 и др.), *вольно* Улож. 216б, *волно* Колм. 24, 6б. С другой стороны: *волно* Колм. 5б, *неволно* 79, 141, *волно** Лет. 301 (см. также выше о Чуд. и Мер.).

У слова *давно* (также *недавно*, *издавна*, *отдавна*, *вдавню*) флексивное ударение представлено в Прол., Увар., Лет., Косм., Трав., Ратн., Колм., Авв.; один раз также в западном памятнике: Егор.

издана 479. Специально отметим Косм. *недавнѡ* (5×: 32, 426 и др.). Наосновное (или колеблющееся) ударение: Жит. *дѣвно* 286, Пск. *издѣвна* 48, Клон. *издѣвна* 916, Сол. *издѣвна* 1476, Цел. *недѣвно* 2656, *недѣвна* 221 (ср. *и³дѣвна* 250); о соотношении *давнѡ*—*недѣвно* ср. § 3.9.

Прочие примеры флексийного ударения единичны: Бук. *грѣшнѣ* 156, 192, *прегрѣшнѣ* 2096, *оумнѣ* 1776, -ѡ 1776, 220, -ѣ 220; Цв. *оумнѡ* III 172; Ряз. *разнѡ* 586; Ратн. *умнѣ* 213, *порожнѡ* 1086, *короткѡ* 586; может быть, сюда же *познѡ* (б. уд.) Хр. 13406; И. ед. *узкѣ* отмечен в Ион., Ик., Бук., Матф. Наосновное ударение в нечленных формах прилагательных *грѣшнѣи*, *разнѣи* (также *узкѣи*) встречается во многих памятниках. Из прочих отметим Цв. *оумно* 30 (+Матф. 76), Дом. *оумнѣ* 546, Ратн. *порожни* 112, -и 172, *коротко* 57, также Косм. *рѡзно* 86, 29, Трав. *рѡзнѣ* 330, 458, 4966.

Обратимся теперь к нечленной форме И. В. ед. муж. Исконное ударение на втором слоге лучше всего сохраняет словоформа *легокъ*: отмечено *легокъ* Сени. 59г, 182в, 187в, Прол. 31, Лет. 30 (+756, 155), Бук. 203, Трав. 4596, Печ. 333, Ратн. 71, Матф. 1066, Колм. 91, Цел. 216, 195, 268, также *легокъ* Час. 228 (с аналогическим /ѡ/); ударение *лѣгокъ* не встретилось вообще. Хорошо сохраняется также старое ударение *красѣнъ*: оно представлено практически во всех памятниках, где господствует модель *краснѡ*, а также в ряде памятников с моделью *красно* (конкретно в Т. пс., Новг., Лет., Дан., Клон.). Новое ударение — *красѣнъ* Егор. 486, Печ. 18, 5446, Ик. 100 (+63, 806), также Ратн. 12 (при *красѣнъ* 12); Егор., Печ., Ик. — это памятники с господствующей или допускаемой моделью *красно*.

Прочие примеры старого ударения редки: помимо *равѣнъ* Чуд. 666, *ровѣнъ* Мер. 276, это *равѣнъ* Прол. 107, Хл. 358, Рж. А 346, 576, *равѣнъ* Сел. 61 (при *равѣнъ* 1046), *ровѣнъ* Ратн. 182, *волѣнъ* Фер. 7576, Увар. 6066, Улож. 69, Колм. 50, 217, *оумѣнъ* Цв. III 1896, Бук. 1776, *грѣшѣнъ* Муз. 196, Хлуд. 1416, *юзѡкъ* 'узок' Бук. 1876; также *винѣнъ* 'повинен' Сени. 66г, *хвалѣнъ* (от *хвальнѣи*) Т. пс. 172, 180, Новг. 92, 1686, *похвалѣнъ* (от *похвальнѣи*) Пск. 486. Между тем *равѣнъ*, *вѡленъ* (*вѡленъ* в Т. пс., Новг.), *грѣшѣнъ*, *хвалѣнъ* представлены очень широко; ср. также *оумѣнъ* Сел. 31, *юзѡкъ* Егор. 263 (+5266), Колм. 240, *корѡтокъ* Колм. 36.

Акцентовка *легокъ*, *лѣго*, прямо засвидетельствованная в Сени., Лет., Цел. (и, по-видимому, представленная вообще во всех микросистемах с ударением *лѣго*, *лѣгки*), вполне соответствует раннедревнерусскому **льгѣкъ*, **льгѣко* (< **льгѣко*). Поскольку такая акцентовка представлена не только в западных памятниках, но и в ряде восточных (где дефинализации не было), ударение *лѣго* можно непосредственно возводить (по крайней мере, в восточных микросистемах) к раннедревнерусскому. Переход к акцентовке *легокъ*, *лего* (где реализован принцип колонности) носил диалектный характер. Иначе обстоит дело с акцентовкой *красѣнъ*, *красно*, поскольку она реально засвидетельствована только в западной зоне, где и

непроизводные прилагательные а. п. *b* получили акцентовку типа *тѣпла*, *-о*, *-ы*. Поскольку ударение *красно* отразилось (наряду с *разно*) даже в Мер., где другие подобные прилагательные флексийного ударения не имеют (см. выше), можно предполагать, что слово *красныи* получило такое ударение раньше прочих, т. е. уже в раннедревнерусском успело вполне уподобиться обычным прилагательным а. п. *b*. В этом случае ударение *красно* в западной зоне должно быть признано не архаичным, а дважды сменившимся.

Членные формы прилагательных а. п. с

§ 3.58. Не имея возможности рассматривать здесь акцентуацию членных форм всех категорий прилагательных, остановимся лишь на одной группе, акцентуация которой подвергалась в рассматриваемый период наиболее интенсивной перестройке (хорошо отразившейся в памятниках). Речь идет о переходе к новому (наосновному) ударению в членных формах прилагательных а. п. с — прежде всего производных с суффиксами *-к-* и *-н-* (у непроизводных данный переход происходил менее интенсивно).

Уже в старовеликорусский период в части микросистем обнаруживается некоторая связь этого перехода со значением прилагательного, а именно, начинает складываться принцип (усвоенный впоследствии литературным языком, см. § 1.56), согласно которому наосновное ударение в членных формах получают прилагательные с *к а ч е с т в е н н ы м* значением.

Замена старого ударения членных форм новым происходила, как это обычно бывает при нефонетических изменениях, у разных слов с разной скоростью. У ряда прилагательных исторической а. п. с (*лѣвыи, новыи, свѣтлыи, скорыи, твердыи, трезвыи, уныи, цѣлыи, мирныи, мяккии, свободныи, темныи*) эта замена к XVI в. уже в основном завершилась³⁴; в XVI—XVII вв. от старого ударения у них сохраняются лишь незначительные следы. С другой стороны, у некоторых качественных прилагательных эта замена в XVI—XVII вв. выступает еще слишком редко; таковы, например, *густыи, живыи, нагии, нѣмыи, простыи, слѣпыи, больныи, родныи, цѣтныи, честныи*. Для анализа рассматриваемого процесса в XVI—XVII вв. наиболее показательный материал дает «среднее звено», т. е. прилагательные, которые в этот период находятся в средней фазе перехода.

Из качественных прилагательных этого «среднего звена» удовлетворительно представлены в нашем материале прежде всего следующие (взяты только прилагательные с односложной основой): а) с суффиксом *-н-* — *блудныи, вѣчныи, гнусныи, грозныи, грязныи, должныи, древныи, мрачныи, странныи, страшныи, таиныи, тучныи*;

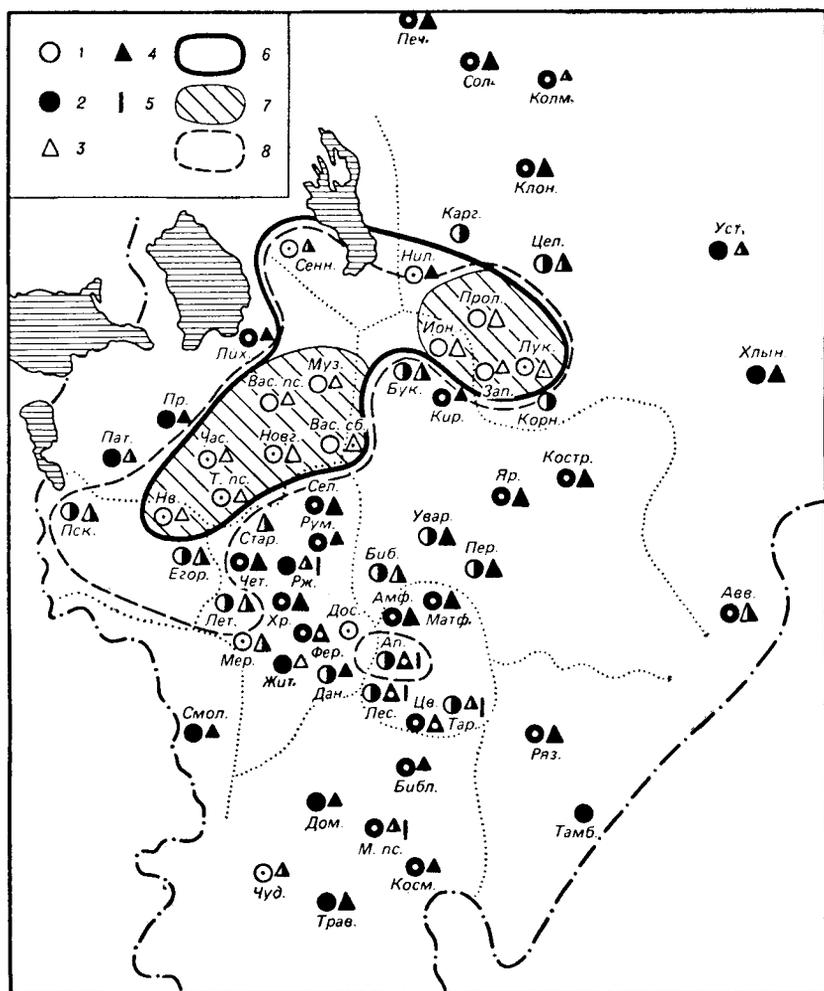
³⁴ У некоторых из этих прилагательных (*новыи, скорыи, мяккии, темныи*, возможно, также *мирныи*) наосновное ударение членных форм может быть в части случаев не инновацией, а следом старых акцентных вариантов.

б) с *-н-*, рано сросшимся с корнем, — *прѣсныи, тѣсныи*; в) непроезженные — *ветхьи, гордыи, грубыи, частьи*. Этот набор мы будем условно обозначать как «основной список». Кроме того, в «среднее звено» входят почти все прилагательные исторической а. п. с с суффиксом *-к-*, а именно, *бриджьи, горькьи, жаркьи, кроткьи, крѣпкьи, сладкьи, тонкьи, тяжкьи*.

При оценке ударения членных форм необходимо учитывать возможный эффект книжности: в словоформах И. мн. на *-ии*, М. ед. на *-ѣмъ (-емъ)*, Д. М. ед. на *-ѣи (-еи)*, мн. на *-ѣхъ, -ѣмъ, -ѣми*, особенно в вариантах с *ц, з, с* вместо *к, г, х*, наосновное ударение может быть специфически книжным (§ 3.13, п. 6) и потому непоказательным для характеристики микросистемы. Ср., например, Биб. *кроткѣя* В. мн. 370 и др., но *крѣтци* 372б, Егор. *нагѣмъ* Д. мн. 34б, но *назѣмъ* Д. мн. 323б, Новг. *живѣму, живѣхъ* и т. д., но *живѣи* 198б, Увар. *слѣпнѣхъ* 431б, но *слѣпнѣи* 527б и множество других подобных случаев. Ниже примеры типа *крѣтции, назѣмъ, живѣи* обычно просто не принимаются во внимание (напротив, ударения *кротции, назѣмъ, живѣи* и т. п. вполне показательны). В некоторых микросистемах (в частности, Увар., Клон.) книжное наосновное ударение может выступать также в И. В. ед. муж. на *-ии* (после *к, г, х*), ср., например, Увар. *ветх-аго, -ѣму, -ѣмъ, -ѣхъ* и т. д. (и реже *ветх-аго* и т. д.), но только *ветхѣи* И. В. ед. (регулярно). В ряде случаев наосновное ударение, по-видимому, определяется книжным характером самой лексемы. Сюда можно отнести, в частности, ударения *братнѣи, властнѣи, граднѣи, зѣмнѣи, нѣщнѣи, пѣщнѣи, смраднѣи*, выступающие в некоторых микросистемах. Возможно, этот фактор в части случаев актуален и для ряда других прилагательных (*гнѣвнѣи, слезнѣи, драгѣи, златнѣи, младнѣи* и др.), однако здесь трудно отграничить его действие от действия других факторов; например, прилагательные *блуднѣи, вѣчнѣи*, несмотря на книжную окраску, обнаруживают такое распределение акцентовок, которое успешно объясняется собственно диалектологическим фактором (см. ниже).

На карте 11 для каждого памятника показана степень распространения нового (наосновного) ударения в членных формах прилагательных основного списка и прилагательных с *-к-*. Как можно видеть, в XV—XVII вв. исконное ударение в этих группах преобладает только в восточно-новгородских и вологодско-белозерских памятниках (в несколько меньшей степени также в Сenn.). Напротив, новое ударение полнее всего и раньше всего побеждает в юго-западной четверти великорусской территории.

Рассмотрим несколько образцов. Микросистемы со старым (флексионным) ударением. Прол.: *блуднѣе* 61б, *блудн-аа* мн. 61, *-ѣми* 66, *вѣчн-ѣе, -аго, -ѣя* Р. ед. (4×), *мрачнѣя* Р. ед. 66, *странныаго* 64б, *страшн-ѣи, -ѣе, -аго, -ѣми* (5×), *таин-ѣи* М. ед. 81б, *-аа* мн. 88, 112, *ветх-ѣи* 82, *-аа* 22 (но *ветх-аго* 17); *горкѣаго* 35б, *кроткѣи* 95б, *крѣпкѣи* 60, *сладкѣе* 86, *сладкѣми* 124б, *тонкѣми* 31. Ион.:

Карта 11. Ударение членных форм прилагательных а. п. с:

1 — в членных формах прилагательных «основного списка» (§ 3.58) представлено флексийное ударение, 2 — наосновное ударение (знаки, промежуточные между 1 и 2, огрубленно отражают соотношения двух акцентов внутри «основного списка»); 3 — в членных формах прилагательных с -к- (*бридки*, *горьки*, *жарки*, *кrotки*, *крѣпки*, *сладки*, *тонки*, *тяжки*) представлено флексийное ударение, 4 — наосновное ударение (о промежуточных знаках ср. выше); 5 — в группе с -к- флексийное ударение представлено только у *кrotки*; 6 — основной ареал преобладания (в XV—XVII вв.) флексийного ударения в членных формах «основного списка» (так наз. «зона архаизмов»); 7 — ареал преобладания (в ту же эпоху) флексийного ударения в группе с -к-; 8 — ареал распространения (в ту же эпоху) ударения *вѣчны*,

блудн-аа 402б, -ыми 463б, -има 463б, вѣчн-ѣи, -бе, -ому, -ѣи и т. д. (13×; но вѣчная мн. 506б), гнусн-ая мн. 487б, -бе С 496б, -аго С 157, длѣжн-бе 385, -ому 397б, -юю 205б, древн-ая мн., -и^х, -ими и т. д. (5×), страшн-ѣи, -бе, -аго, -ѣи и т. д. (14×; ср. страшн-нии 375б), таин-аа 465 (отметим еще гноин-аго 288), ветх-ѣи, -бе, -ыми и т. д. (часто), горд-ѣи, -аго, -ому (4×), груб-ѣа Р. ед. 508б, -ыми 514, чяст-бе 55, -ѣя В. мн. 102б, част-аго 247б, -ыми С 157б; горк-ѣи 615, -аа Р. ед. 487, -юю 568б, -аа мн. 210б и даже горюѣи 346, кротк-ѣи 421б, -бе 317б (ср. крѣтцию 250), крѣпкѣи 578б, тяжкѣе 582; новое ударение в тѣсными 280 bis.

Примечательно, что известные нам микросистемы XIV в. не являются в данном отношении максимально архаичными. Чуд.: должн-бе 10г bis, -ому 33а, вѣчн-бе, -аго, -ому, -ая, -ѣя Р. ед., -юю, -ыми (16×), прегорд-ая В. мн. 92в, груб-аго 114а, крѣпк-имъ 144б, -и^х 157а (также темн-ая И. ед. 39в, В. мн. 106а, -ѣя Р. ед. 130б, мякк-ая В. мн. 7б); однако новое ударение в вѣчн-а^о 148г, -ую 43б (+ 50б, 102б), -ѣи 44б, ветх-ѣи 110а, -бе 29а, -аго 117в, 131б, ветсѣи 29а (двусмысленно ветсѣмъ 127в). Мер.: блуднѣе, вѣчнѣе, должнѣму, страшнѣму, бриткѣе, сладкѣе, гдркѣе; однако новое ударение в ветх-бе, -ому, крѣпкою, тяжкое (Акц. Мер., § 53, 5б, 63). Таким образом, в юго-западной части великорусской территории рассматриваемый процесс уже в XIV в. зашел дальше, чем в новгородско-вологодской зоне в XVI в.

Пример микросистемы переходного типа — Егор.: блудн-ѣи, -аго, -ыми и т. д. (часто), страшн-аго (9×), -имъ Д. мн. 550, тѣснѣмъ Т. ед. 181, част-ѣя В. мн. 68б; сладк-аго 215, 553, -ая мн. 75б, тяжк-имъ Т. ед. 93б, 200б, -имъ Д. мн. 540; колебание — ветх-аго (10×), -аа мн. 417 и ветх-ѣи 29, 351, -бе 189, -ому 451б, -омъ 547, -аа мн. 419, вѣчн-ѣи, -аго, -ѣмоу, -аа (И. ед., И. мн.), -оюю, -ѣя В. мн., -ѣхъ, -имъ (17×) и вѣчн-ѣе, -ѣмъ, -и^х (5×), мрачн-аго 98б, -ая мн. 35 и мрачн-аа мн. 548б, таин-ая мн. 14, 25б и таин-ымъ Т. ед. 567, горд-имъ Д. мн. 93 и горд-аго 67б; новое ударение — длѣжное 55б, дрѣвн-ея, -яго, -емъ и т. д. (более 5×), странн-ѣи 476б, -оюю 477, гдркѣи 64, горк-ѣи, -аго, -бе, -ѣа В. мн., -аа мн., -имъ (10×), кротк-аго, -имъ, -и^х (4×), крѣпк-ѣи, -ую, -ою, -аа мн., -ѣа (8×).

Микросистемы с новым (наосновным) ударением. Смол.: блудн-бе 64б, -аго 144б, вѣчн-ую, -ѣхъ и т. д. (часто), грѣзн-ѣи 100б, длѣжн-ѣи 146б, дрѣвн-ѣи 145б, странн-аго 169, -ѣи Д. мн. 82, страшн-аго, -ѣи, -ыми и т. д. (6×), таин-ѣи 165 (отметим еще бѣснаго 130, кровнаго 22, рѣдн-ѣя Р. ед. 29, срамн-ѣи, -бе, -ѣя, -ѣи [5×], честн-ѣя Р. ед. 119б, -ѣи 119), чяст-ѣмъ Т. ед. 165; крѣпк-ѣя В. мн. 10, тяжк-ѣи Д. мн. 69б, -ѣи 41. Дом.: блудн-ѣе 55б, вѣчн-бе, -ую, -ѣя (4×), грѣзн-бе 62, -ѣе 62 bis, длѣжную 10б, странн-ѣхъ 109б, страшнаго и т. д., прѣснои И. ед. 90, горд-ѣмъ Д. мн. 119; з гор-

кими 111, *тяжкою* 6 (ср., однако, *житкѣя* 86б). В Полик. из 26 рассматриваемых здесь слов представлены 24 (все, кроме *бридкии*, *кроткии*); все они даны с насосновным ударением. Пример несколько менее последовательной микросистемы — Хр.: *блоудное* 93, *вѣчнии* и т. д., *древняя* и т. д., *во странны*^x 1399, *тайный* 1325б, *горд-агд* 1047, 1217, *-агд* (гд б. уд.) 1046б *-ы*^x 829, *чѣстыя* В. мн. 52б; *горк-ое* 1410б, *-и*^m Т. ед. 189б, *горкая* 655, *кротки*^x 1321, *крѣнк-ое*, *-агд*, *-ою* и т. д. (10×), *тяжк-ою* 1085, *-ими* 54, *тяжь|кии* В. мн. 1283б; старое ударение — *страин-ый* 1190б, *-бе* 1259б, *ветх-бе* 14б, *-бмъ* 135 (ср. *вѣтхи* И. ед. 1187б).

Общее представление о ситуации в прочих памятниках дает карта 11.

§ 3.59. Приведем также некоторые дополнительные сведения об отдельных прилагательных. Для нескольких слов, представленных наиболее широко (в 20—50 памятниках), можно указать примерные границы распространения нового ударения в рассматриваемый период (ниже территория, обведенная на карте 11 жирной линией, условно обозначается как «зона архаизмов»).

Территория, где в XV—XVII вв. еще встречается ударение *вѣч-ныи*³⁵, на карте 11 специально выделена. Как можно видеть, она лишь незначительно шире «зоны архаизмов» (в Сенн., Ион., Лук., Егор., Пск., Ап. встречается также и *вѣчнии*, в позднем памятнике Нв. — только *вѣчнии*); единичные примеры ударения *вѣчныи* отмечены также в Цв. и Хлуд. В прочих памятниках (реально в 45) отмечено только ударение *вѣчнии*. Еще у нескольких прилагательных старое ударение ограничено примерно той же территорией, что для *вѣчныи*, т. е. «зоной архаизмов» вместе с соседними псковскими и вологодско-белозерскими памятниками (а также с некоторыми памятниками центра): *древнии* — Т. пс., Нил., Сенн., Ион., Муз., Новг., также Дан., Ап. (//)³⁶, Тар. (//), Амф. (//); *мрачныи* — Окт., Час., Прол., также Егор. (//), Бук. (//), Биб.; *странныи* — Т. пс., Вас. сб., Прол., Ион., Зап., также Дос.; *таинныи* — Час., Т. пс. (//), Прол., Ион., Новг., Лук., также Егор. (//), Ап. (//); *тучныи* — Т. пс., Вас. пс., Новг., также Тар., Цв., Колм. (//); *тѣсныи* — Сенн., Вас. сб., Лук., также Егор., Пск.

У ряда других прилагательных старое ударение сохраняется более широко. В период XV—нач. XVII в. новое ударение здесь обычно отмечается только: а) в юго-западной четверти великорусской территории (и в тех или иных московских памятниках); б) на северо-западной периферии западной зоны. В более поздний период новое ударение встречается и в других районах. Так, ударение *страинныи* в XV—нач. XVII в. выступает: а) в Смол., Фер. (//),

³⁵ Формула «ударение *вѣчныи*» (или даже просто «*вѣчныи*») используется как сокращение — вместо «флексионное ударение в членных формах слова *вѣчныи*»; аналогично и при разборе последующих слов.

³⁶ Знак // здесь и ниже означает: наряду с другим ударением (или ударениями).

Чет., Рум., Стар., Ап., Лес. (//), Амф., Цв., Дом., М. пс. (//); б) в Лих., Пат., Клон., Печ.; сверх этого только в Увар. (//) (в XVII в. это ударение уже отмечается также в ряде памятников дальнего и ближнего северо-востока); старое ударение *страшнѣи* сохраняется, помимо «зоны архаизмов» и Мер., в Корн., Карг., Бук., Егор., Пск., Хрон., Дан., Дос., Лет., Тар., Хл., Биб., в XVII в. также в Ряз., Пер., Кир. (//), Сел. (//), Яр. (//), Костр. (//), Сол. (//), Авв. (//). Ударение *блуднѣи* в XV—нач. XVII в.: а) Смол., Лет. (//), Чет., Хр., Цв., Дом., Трав.; б) Печ. (//); *блуднѣи* сохраняется, помимо «зоны архаизмов» и Мер., в Корн., Егор., Дос., Увар., Ап., Лес., в XVII в. в Ряз., Пер. Ударение *горбѣи* в XV—нач. XVII в.: а) Лет., Хр., Рум. (//), Лес. (//), Косм., Дом., М. пс. (//), Ряз. (//); б) Лих. (//), Егор. (//), Печ. (//); кроме того, Т. пс. (//), Новг. (//), Бук. (//); *горбѣи* сохраняется, помимо «зоны архаизмов» и Чуд., в Корн., Карг., Дан., Ап., Тар., Биб., Библ., Цв., в XVII в. в Авв. Ударение *чѣстыи* в XV—нач. XVII в.: а) Смол., Дан., Хр., Сел., Библ., Трав., Ряз.; б) Пат., Печ.; кроме того, Нил., Корн., Увар. (//); *чѣстыи* сохраняется, помимо «зоны архаизмов», в Бук., Клон., Егор., Биб., Хл., Хлуд., Косм., в XVII в. в Матф., Костр., Леч., Хлын. Распределение такого же типа (но несколько более сложное) имеют *вѣтхѣи* и *ветхѣи*, *дблжнѣи* и *должнѣи*.

Прилагательные с *-к-* ведут себя довольно единообразно: старое ударение сохраняется у них в основном в «зоне архаизмов», в ограниченной степени — также в близких к этой зоне памятниках Лет., Егор., Пск., Стар., Бук., Цел., кроме того, в Биб., Авв. (см. карту 14). Лишь одно прилагательное — *кроткѣи* — встречается со старым ударением также южнее указанных районов (в московских памятниках и в М. пс., см. карту).

Что касается относительных прилагательных, то здесь, если не считать ударений книжного происхождения (*брѣчнѣи*, *граднѣи*, *зѣмнѣи*, *нбщнѣи*, *пѣщнѣи* и др.), повсеместно господствует или хотя бы преобладает старое ударение. Новые ударения типа *вбднѣи*, *зубнѣи*, *лѣснѣи*, *мѣснѣи*, *нбжнѣи*, *рѣчнѣи*, *снѣжнѣи* встречаются сравнительно редко, причем в основном в юго-западных и периферийных северо-западных памятниках, т. е. там же, где шире всего распространено новое ударение у качественных прилагательных.

Таким образом, в «зоне архаизмов» членные формы прилагательных исторической а. п. с в основном сохраняли старое ударение (более того, здесь флексивное ударение распространилось даже на некоторые прилагательные а. п. а и б). С другой стороны, на юго-западе и периферийном северо-западе интенсивно развивался переход к новому (наосновному) ударению, причем он захватывал не только качественные, но отчасти также и относительные прилагательные. В центре мы находим микросистемы, где наиболее заметно выступает формирующийся принцип акцентного распределения в за-

висимости от значения прилагательного. По-видимому, этот принцип возник как один из возможных способов перераспределения акцентонок (т. е. упорядочения их по новому основанию) в большом массиве словоформ, у которых ударение было неустойчиво (особенно в условиях характерного для центра междиалектного общения).

Данные современных говоров (известные, к сожалению, весьма неполно) указывают на то, что некоторые существенные черты диалектного распределения акцентонок, обнаруживаемого в старовеликорусских памятниках, сохраняются до сих пор. Так, по данным МДК и Мат., ударения *горькбѣй, жаркбѣй, тонкбѣй, робкбѣй, ловкбѣй* и т. п. на *-кбѣй* широко распространены в говорах вологодской, белозерской, поморской, онежской групп, отчасти также в новгородских; лишь изредка такие ударения выступают в псковских, владими́ро-пово́лжских и некоторых других говорах. Характерны для севера также такие ударения, как *преснбѣй, теснбѣй, толстбѣй, частбѣй, страшнбѣй, суровбѣй* и др. Вообще в северных говорах принцип связи наосновного ударения членных форм с качественным значением прилагательного практически не развился.

С другой стороны, в современных говорах у некоторых прилагательных исторической а. п. с наосновное ударение ограничено юго-западной (или просто западной) частью великорусской территории. Так, в частности, северо-восточная граница распространения ударения *густый* проходит примерно по линии Велиж—Ржев—Можайск—Серпухов—Моршанск—Кирсанов—Балашов (Атлас Запад, карта 311, Атлас Юг, архивная карта 174). Несколько иначе распространено, например, ударение *рбдный*: его основная восточная граница проходит примерно по линии Петрозаводск—Тихвин—Боровичи—Вышний Волочок—Белый—Юхнов—Орел—Моршанск—Кирсанов—Балашов (Атлас Север, карта 314, Атлас Запад, карта 308 и картотечные данные). Заметим, что в исследованных памятниках ударение *густый* встретилось только в Трав., *рбдный* — в Мер., Фер., Смол., Св.; все эти памятники локализируются внутри очерченных выше зон.

ГЛАГОЛЫ

2 мн. презенса в а. п. с

§ 3.60. У глаголов а. п. с в XIV—XVII вв. представлены три основных модели акцентовки 2 мн. презенса: 1) старая модель *-итѣ, -етѣ* (например, *стоитѣ, несетѣ*); 2) новая модель *-ите, -ете*; 3) промежуточная модель *-итѣ, -ѣте*.

При анализе материала здесь необходимо учитывать следующие особые обстоятельства. Во-первых, церковнославянские сочетания с *да* типа *да сотворите* книжниками XVI—XVII вв. нередко интерпретировались как содержащие императив, а не презенс. Об этом недвусмысленно свидетельствуют такие примеры, как Хлын. *да*

блудитесь 103, Цв. да не приступите 92, Костр. да не оуббитесь 1806 и т. п. По этой причине в памятниках с господствующим ударением *-итѣ* мы нередко находим примеры типа *да сотворите* (с ударением императива), ср. Биб. *да сътворите* 79 bis, Увар. *да не мните* 5436, Пер. *да спешите* 926 и множество подобных. Понятно, что для характеристики микросистемы такие примеры непоказательны (в отличие от примеров типа *да сотворитѣ*); ниже при разборе материала они просто не учитываются.

Во-вторых, глаголы II спряжения с неслоговым корнем обнаруживают повышенную тенденцию к ударению *-ите*. Вот некоторые примеры из памятников, где в остальном господствует *-итѣ*: Ев. *мните ли* 172, 1726 (+Ион. 260 bis, Печ. 345, 507), Прол. *не оусумнитесь* 92 (+Муз. 746), Ап. *зрите* 576, 1426, Ряз. *тщитесь* 376, 1456 (+Печ. 285); возможно, сюда же Биб. *снабдите* 116. Ниже словоформы данной группы при ударении *-ите* обычно просто не приводятся.

При анализе учитываются также словоформы *дадите*, *ѣдите* (*ядите*), если они уже выступают в памятнике в индикативной, а не императивной функции. При разборе материала помимо глаголов исконной а. п. с могут быть приведены также глаголы, для которых эта а. п. вторична (т. е. перешедшие в а. п. с именно в данной микросистеме). Вместо записи типа *живетѣ* 111, *да живетѣ* 114 может быть дано: *живетѣ* 111 (*да* 114). Списки примеров обычно даются в алфавитном порядке корней глаголов (все эти технические указания действительны и для последующих разделов).

Образцы микросистем с моделью *-итѣ*, *-етѣ*. Чуд.: *держитѣ*, *раздражитѣ*, *оузритѣ*, *искоренитѣ*^{мб}, *мнитѣ*, *ω^нпуститѣ*, *разрѣшитѣ*, *осолитѣ*^{мб}, *стоитѣ*, *творитѣ*, *створитѣ*; *сблюдетѣ*, *даетѣ*, *иженетѣ*, *живетѣ*, *оумретѣ*, *принесетѣ*, *пьетѣ*, *пропнетѣ*, *рчетѣ*^в (см. Дыбо 1969, с. 116); отклонение: *что ди|витесь* 606. Биб.: *побѣдитѣ* 218, *сваритѣ* 'соquetis' 54, *не вбратитѣся* 366, *вредитѣ* 576, *погоубитѣ* 116, *належитѣ* 380, *прилежитѣ* 3296, *возложитѣ* 1166, *положитѣ* 796, *по^дложитѣ* 458, *да не приложитѣ* 111, 1196, *да ωлоучитѣ* 806 (ω вместо ω^н), *оунчижитѣ* 218, *творитѣ* 246, 1166, 285, 2866, *сътворитѣ* (9×), также *да не ωживетѣ* 121 (*-ветѣ* ошибочно вместо *-витѣ*); *грядетѣ* 2166, *да... изжетѣ* 116, *съжжетѣ* 506, *живетѣ* 111, 116 (*да* 111, 114, 115), *поживетѣ* 4086 (*да* 119), *да ни жнетѣ* 836, *призоветѣ* 405, *минетѣ* 20, *да помянетѣ* 1186, *ω^ннесетѣ* 846, *принесетѣ* (9×), *впадетѣ* 846, *испечетѣ* 54 (+846), *рчетѣ* 462, 4626, *нарчетѣ* 82, 121, 1576, *да посѣчетѣ* 1136, *четѣ* 506; отклонения: *живѣте* 111, *изжнѣте* 82 (встретились также некоторые примеры с *-ите*, где неясно наклонение). Печ.: *да не... ω^{мб}ѣжитѣ* 4386, *приложитѣ* 344, *оумолчитѣ* 456, *претитѣ* 285, *препритѣ* 466, *сѣдитѣ* 2866, *сотворитѣ* 1346, 135 (*дѣ* 2396); *сблюдетѣ* 109 (*не* 1986), *ведетѣ* 2336, *пожѣ|ветѣ* 44; отклонения: *егда водворитесь* 1676, *блазнитесь* 419.

Богатейший материал по II спряжению (около 180 примеров с *-итѣ*) представлен в Тих., например, *блажитѣ, боитѣся, болитѣ* и т. д. В этот материал входят *i-* и *ѣ-* глаголы с корнями (или основами): *блаж-*, *бој-*, *бол-*, *бран-*, *буд-*, *бѣж-*, *вал-*, *вар-* 'соцоо', *вел-*, *вин-*, *воз-врат-*, *глум-*, *глуш-*, *гнѣв-*, *гнѣт-*, *говор-*, *град-*, *гроз-*, *груз-*, *гром-*, *густ-*, *дар-*, *двој-*, *держ-*, *див-*, *о-дожд-*, *драж-*, *друж-*, *дѣл-*, *о-желт-*, *жив-*, *о-жур-*, *о-зар-*, *на-знамен-*, *зр-*, *кад-*, *крест-*, *крој-*, *кроп-*, *крот-*, *круш-*, *крѣп-*, *леж-*, *лиш-*, *лов-*, *лож-*, *по-луч-*, *лѣч-*, *у-мертв-*, *мир-*, *о-мраз-*, *нов-*, *пој-*, *прет-*, *прост-*, *пуст-*, *о-пустош-*, *по-раз-*, *рѣш-*, *род-*, *о-рос-*, *рост-*, *сад-*, *свят-*, *о-свѣт-*, *слад-*, *сол-*, *срам-*, *о-станов-*, *стој-*, *сул-*, *суш-*, *сѣд-*, *о-сѣн-*, *тај-*, *тверд-*, *твор-*, *уч-*, *хран-*, *о-хром-*, *о-худ-*, *цѣпт-*, *цѣд-*, *цѣл-*, *цѣн-*, *шум-*, *щад-*, *щап-*, *щеп-*, *щит-*, *яв-*, *яр-*. Сюда же *дадитѣ* (буд.) и его приставочные производные. Из I спряжения представлены только: *читѣтѣ, біетѣся* (но также *біетѣся*); не совсем надежно *глетѣ* 1056 (см. Аксенова 1982). Эта же модель отражена и в ряде других восточных памятников, см. карту 12.

Модель *-итѣ, -ѣте*. Прол.: *не оумертвитѣ* 1256, *мнитѣ* 91, *скорбитѣ* 51; *да съберѣтѣся* 20. Ион.: *блажитѣ* 2536, *болитѣ* 3856, *да не... погубитѣ* 746, *не зритѣ ли* 2256 (+ 387 bis), *мнитѣ* 816, *да не оубо мнитѣ* 756 (наряду с *мните ли* 260, *мните ли* 260, ср. выше), *стоитѣ* 387, *стыдитѣ* 1896, *не творитѣ* 1186, *сътворитѣ* (4×); *облечѣте* 369, *привлечѣте* 76, *принесѣте ми* 716; отклонение: *творитѣ* 4476; остаток старого ударения: *зоветѣ* 4116. Корн.: *дрѣжитѣ* 'держите' 49, *мнитѣ* 596 (*не* 2486, 2516), *творитѣ* (8×), *сътворитѣ* 252; *облечѣтѣся* 217 (+ 71), *зовѣте* 426, *впадѣте* 56, *печѣтѣся* 716, *пѣте* (5×); остаток старого ударения: *зоветѣ* 297. Тит.: *оумолчитѣ* 16, *сътворитѣ* 147; *живѣте* 846, 1496, 2586, *облечѣтѣся* 1796, 2886. Пер.: *творитѣ* 356, 92, 926, 2076; *впадѣте* 1136, *поперѣте* 936, *пресѣчѣте* 936, *чтѣте* 251; отклонение: *сотворитѣ* 219. Авв.: *терпитѣ* 36, 2146; *бодѣте* 160, *удѣте ли* 1596.

В московских памятниках Цв. и Матф. на систему *-итѣ, -ѣте* накладывается следующая характерная особенность: при неслоговом корне в I спряжении обычно сохраняется старое ударение *-етѣ* (*жжетѣ, біетѣ* и т. п.). Так, в Цв. при совершенно устойчивом *-итѣ* представлены: *соблюдетѣ, соумведѣтѣся, облечѣтѣся, да... принесѣте, наречѣтѣся*, также *сожжѣте*, но *жжетѣ, біетѣ мя* и др. (см. Глаг. акц., § 32). Материал Матф.: *соблазнитѣся* 2126, *оубѣжитѣ* 184, 1846, *не содержитѣ* 16, *мнитѣ* (часто), *не оусумнитѣся* 1636, *положитѣ* 215, *поститѣся* 50, *разоритѣ* 2326, *разрѣшитѣ* 1436, *стоитѣ* 154, *творитѣ* 46, 1806, *сотворитѣ* 966, 1636, *тщитѣся* 1806, *оучитѣ* 180, *явитѣся* 16; *облечѣтѣся* 516, *не даѣте* 55 (но также *даѣте* 546), *ижденѣте* 1846, *печѣтѣся* 52, *речѣте* (5×); при неслоговом корне *пѣте* 516, *оубѣте* 184 (наряду с *оубѣте* 1846).

Существует также переходный вариант, когда при постоянном *-итѣ* выступают *-етѣ* и *-ѣте*. Увар.: *блазнитѣся* 5106, *привлчитѣ* 5366,

держите (5×), *-еся* 510, *кривитеся* 530, *мните* (6×), *мѣните* 'думаете' 434б, *ститесея* 528б, *осквернѣте* 497б, *престоите* 432б, *творите* (6×), *-еся* 434б, *наоучите* 433, *храните* 538 (не 815б), *схраните* 434; *подаете* 539, *живете* 541б, *да не изъмрете* 427, также *лжете* 503б, *жрете* 'sacrificatis' 534б (наряду с *жрете* 534б) — *да...* *блюдете* 427, *не блюдете* 544, *да съблюдете* 817б, *кладете* 615, *речете* 508 bis (*да* 500), также *пѣте* 508б, 537б, *чете* 526б. Аналогично Муз. (см. Глаг. акц. § 32) и Сел.

Другой переходный вариант: примерное равновесие двух акцентов в обоих спряжениях. Библ.: *ωратитесея* 682б, *зрите* 800б, *възри|те* (2 уд.) 800, *не мните* 689, *не радите* 835б, *стоите* 684б, *творите* 700, 800б, 835, *сътворите* 685б, *терпите* 803б — *сградите* 490, *зрите ли* 800б, *постите ми ся* 621, *поститесея* 621, *не вселите^е* 603, *творите* (5×); *ждете* 836, *живете* 563б (*да* 603б), *изживете* 801б, *пѣте* 621 bis, 835б, *ре^{те}* 800б, *чете* 803б — *бите* 486б, *въ что ωблечетеся* 673, *възопѣте* 490, *прозоветеся* 488, 594, *си несете* 620б, *принесете* 603б, *надетеся* 489б, *печетеся* 673 (не учтены примеры с *-ете* после *да*, поскольку в Библ. императив I спряжения часто оканчивается на *-ете* [вместо *-ѣте*]).

Довольно близко к модели *-ите*, *-ете* стоят Ап. (*-ите* 31×, *-ите* 4×, *-ете* 2×, *-ете* 13×) и Хлын. (*-ите* 22×, *-ите* 4×, *-ете* 5×, *-ете* 12×).

Образцы микросистем с моделью *-ите*, *-ете*. Нил.: *бойтесея* 132, *оубойтесея* 114б, *ω^мпустите мя Т* 66б, *сворите* 96б; *потечете* 331, *чете* Т 65. Егор.: *обратитесея*, *побежите*, *оудержите*, *кр^етитесея*, *мните*, *поститесея*, *сбдите*, *ω^мстойте*, *творите*, *схраните*, *явитесея*; *поженете*, *изнесете*, *принесете*, *пѣте* (см. Глаг. акц., § 32). Дан.: *молчите* 170б bis, *просвѣтите^е* 169, *творите* 153б (также *зрите*, *мните*, *мните^е*); *призовете* 53, *речете* 169б, *бите^е* 6, *лжете* 166 (+ 171б), *пѣте* 101б bis, *чете* 152 bis. Карг.: *сблазните^е* 94б, *не обратите^е* 119, *получите* 21, *разрѣшите* 87б, *стойте* 129, *стыдите^е* 96б, *творите* 105, 108б, 243б (+ 563); *облечете^е* 560б, *пѣте* (часто), *начете* 89б, *почете* 45б. Смол.: *блюдите* 130, *дръжитесея* 4, *не лишитесея* 29, *творите* 4б, 72; *да не... впадете* 174б, *чете* 130. Пск.: *совершите* 159б, *свершитесея* 111б, *весе-литеся* 159, *не ωбратитесея* 145, *соградите* 291, *не ωкратитесея* 216, *искоуситесея* 216, *вложитесея* 153, *ωбленитесея* 132, *не оуподобитесея* 152, *возраститесея* 336б, *свободитесея* 160б, *ω^мстойте* 229, *ωстрастите* 193б, *оутвердитеся* 272б, 323б, *творите* 205, 209б, *сворите* 33б, *терпите* 262б; *ωблечетеся* 192б, *не брежете* 92б, *да... ведетеся* 52, *да оувязетеся* 201б, *воздаете* 274, *предаетеся* 304, *живете* 148б (*да* 120), *поживете* 147б, 198б, *зовете* 107, *вознесете* 82, *-ся* 278, *надетеся* 153 (*да не* 94), *да... не спадетеся* 94, *спсетеся* 323б, *наречетеся* (4×), *течете* 164б, *сопричетеся* 198 (не учтены примеры, где не вполне ясно наклонение). Аналогично

(при более ограниченном материале) и в ряде других памятников, см. карту 12.

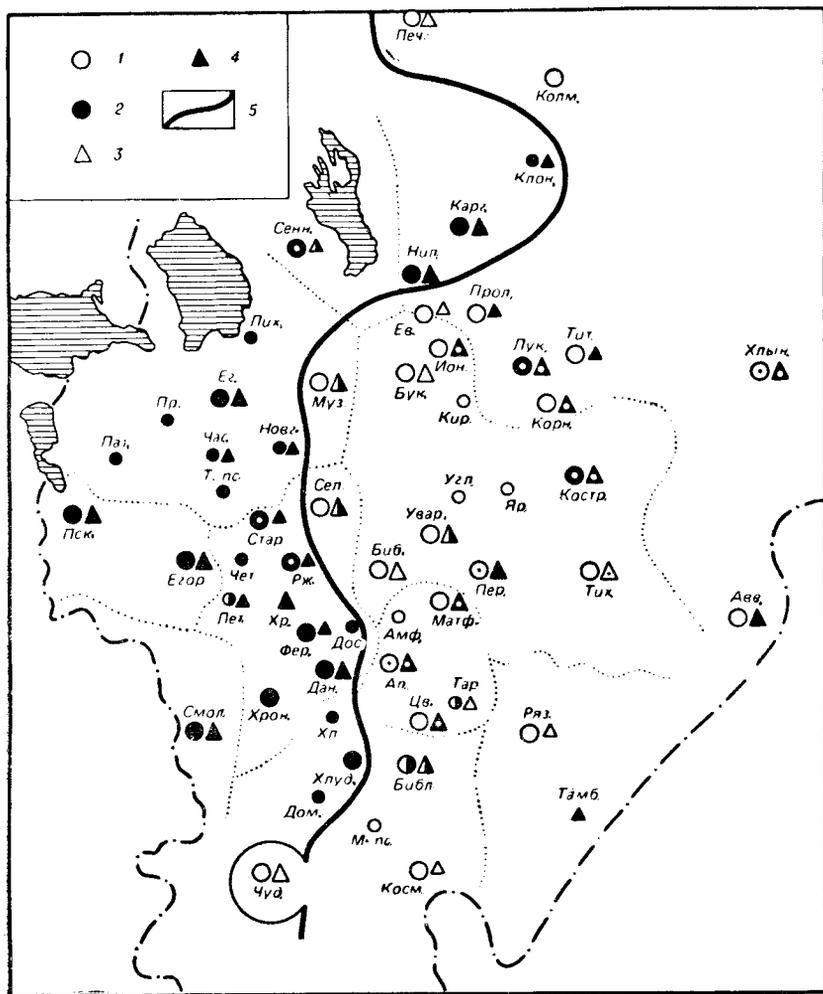
Незначительные остатки *-итѣ*, *-етѣ* на фоне господствующих *-йте*, *-ѣте* представлены в Сенн., Лук., Стар., Рж., Костр.

З а м е ч а н и е. В приведенные списки не включены случаи, когда глагол исторической а. п. *b* или *a* не полностью переходит в а. п. *c*, а лишь изредка встречается с флексийным ударением, например: Биб. *да не присяжетѣ* 1176, Увар. *служитѣ* 529, Т. пс. *судите* (наст.) 966 (+Лук. 626, 1156), Смол. *осудитеся* (буд.) 72, *входитѣ* (наст.) 130, Пск. *приноситѣ* (наст.) 82, *ходите* (наст.) 275_б. Существенно, что в подобных случаях ударение может и не соответствовать действующей в данной микросистеме норме для а. п. *c*; ср. Корн. *чтѣ судите* 266, Увар. *судитѣ* (наст.; 2 уд.) 633, Муз. *будѣте* 158, Хлыв. *яко вбиходите* 2026, 207.

Географическое распределение *-итѣ* и *-йте*, *-етѣ* и *-ѣте* показано на карте 12. Из нее видно, что наиболее отчетливая граница — это линия, разделяющая зоны преобладания *-итѣ* и *-йте*. Она очевидным образом принадлежит к классу схематических изоглосс, отделяющих восточную зону от западной (только Лук. и Костр. образуют островки с преобладающим *-ите* внутри восточной зоны). Для I спряжения в западной половине представлено только *-ѣте* (если не считать одного примера *-етѣ* в раннем памятнике Сенн.); в восточной встречаются *-етѣ* и *-ѣте*, но четкого географического разделения здесь не усматривается.

В настоящее время на восточнославянской территории ударение на *-те* сохраняется, во-первых, в белорусском и украинском языках (его граница почти совпадает с границей РСФСР с БССР и УССР), во-вторых, в северо-восточных великорусских говорах; см. Образ., карта 30. По данным МДК, в начале XX в. *-итѣ*, *-етѣ* отмечалось также южнее и западнее современных границ северо-восточного ареала, в частности, во Владимирской губернии (см. Аксенова 1982). Очевидно, таким образом, что в XVII—XX вв. произошла экспансия ударения *-ите*, *-ѣте* на восток, особенно эффективная в южной и средней части восточной зоны.

Ситуация, отраженная на карте 12, и динамика последующих изменений ясно указывают на то, что инновация *-ите*, *-ѣте* (вместо старых *-итѣ*, *-етѣ*) возникла в западной зоне. Перед нами один из многочисленных примеров морфологизованной дефинализации. Поскольку данная инновация не захватила белорусского и украинского языков, ее очагом следует считать северо-запад, т. е. древнейшую новгородскую территорию. Более быстрое, чем для *-ите*, распространение *-ѣте* естественно связывать с тем, что в I спряжении индикатив (например, *несете*) независимо от ударения отличается от императива (*несите*), тогда как во II спряжении инновация тормозилась стремлением сохранить различие между индикативом (*говоритѣ*) и императивом (*говорите*). Заметим в связи с этим, что старое ударение *-итѣ*, *-етѣ* сохранилось (хотя бы отчасти) именно на северо-востоке, т. е. там, где наименее интенсивен процесс замен типа *со-*

Карта 12. Ударение в 2 мн. презенса глаголов а. п. с:

1 — во II спряжении *-итѣ*, 2 — *-ите*, 3 — в I спряжении *-етѣ*, 4 — *-ете*, 5 — основная восточная граница господства *-ите* во II спряжении.

Примечание. Незначительные отклонения от *-итѣ*, *-етѣ* в сторону *-ите*, *-ете* не отражены (белые знаки с точкой отражают наличие заметных отклонений этого типа).

лѣшь → *сблѣшь* и, следовательно, замена *-итѣ* на *-ите* дала бы очень большое число омонимичных пар типа *солѣте* (индикатив и императив). Ср. положение на юге (в т. ч. на юго-востоке), где господствуют ударения типа *сблѣшь*, *вѣришь* (*вбришь*) и т. п.: здесь случаев омонимии указанного типа гораздо меньше, поскольку императиву типа *солѣте* чаще всего противостоит индикатив типа *сблѣте* (ср. Бромлей 1976, 1977).

Отметим, что смешанная система *-итѣ, -ѣте*, характерная в XVI—XVII вв. для многих памятников центра (Ап., Цв., Пер., Матф.), а также для ряда более северных (Прол., Ион., Корн., Тит., Хлын., Авв.), закрепляется в XVII в. в качестве церковнославянской нормы (действующей и поныне). В работе Аксенова 1982 по данным МДК выявлены остатки именно такой системы в 9 пунктах, разбросанных по территории северо-востока (3 из них — в бывшей Владимирской губернии).

1 ед. презенса в а. п. с

§ 3.61. Замена исконной акцентовки типа *потаю, потаюся* (также *потаю же* и т. п.) флексийным ударением (*потаю́, потаю́ся, потаю́ же*) начинается уже в древнерусский период: в Чуд. наряду с господствующей моделью *пѣтаю* уже представлена также и модель *потаю́*, а в сочетании с энклитиками новая акцентовка даже преобладает (см. Дыбо 1969, с. 116—117, 124). В XV—XVII вв. ударение на энклитике уже почти не встречается, но модель *пѣтаю* в небольшой части памятников еще сохраняется довольно хорошо (в таких памятниках обычно можно встретить и примеры типа *пѣтаюся*).

Приводим образцы микросистем, где без энклитик нормой еще является модель *пѣтаю*, а с энклитиками обычно выступают модели *пѣтаюся, пѣтаю же* и *потаю́ся, потаю́ же*. Сенн. Без *ся* и других энклитик: *нѣ браню* 183г, *вѣлю* 42в, 82в, *сврѣшу* 97в, *нѣ глѣ* 213а, *прѣдаю́* (вария над ю — неиктусная) 138г, 215г, *жѣвою* 206а, *зѣву* 177г, 190а, *пѣложу* 106г, 199в, *пѣражу* 128а bis, 208а, *рѣзю* 211а, *сѣшоу* 194в, *тѣрю* (9×), *стѣрю* (5×), *сѣтворю* 191а, 213б, *трѣплю* 181б, *цѣлю* 152г, *ицѣлю́* 'исцелю́' 34г; ср. новое ударение в *рекоу́* 'то есть' 164г. С энклитиками: 1) *варю́ вы* 128а, 128б, 208а, 208б; 2) *нѣ глѣ́ ти* 85б, *жѣвою́ же* 76а, *спѣдоблю́ вы* 129в (*спѣдоблю́* 195в — вероятно, от акцентного варианта *спѣдобити*), *прѣцу́ ли его* 85б, *стѣрю́ вы* 20в, *нѣ оучю́ же* 24а; 3) *глѣ́ бо* 16а, 24а, *глѣ́ бѣ* 83б, *глѣ́ же* 30г, *глѣ́ ти* 7г (ср. также *глѣ́ ва^м* 29в), *дивѣлю́ же ся* 187а, *принесю́ся* 153а, *да... поклоню́ся* 11б, *рекоу́ же* 118в, *рекоу́ ти* 12г. Дос. Без энклитик: *да дведу́* 154б, *жѣву* 17, *пѣложу* 39б, *нѣ приложю́* 239б, *сѣжу* 60б, *тѣрплю* 104б, *сѣтворю́* 60б; ср. новое ударение в *сѣтворю́* 34. С энклитиками: 1) *лѣжю́ бѣ* 87б, *тѣрплю́ же* 155б, *и нѣ сотворю́ ти* 228; 2) *извѣщю́ ти* 33б, *поклоню́ ти ся* 141, *соумню́ся* 102. Хр. Без энклитик: *наведу́* 584, 953б, 1173б, *прѣведу́* 1127б, *пѣвелю́* 926б, *пѣгоублю́* 1404, *нѣ погоублю́* 129, *даю́* (4×), *прѣдаю́* 959б, *да́же нѣ зажегоу́* 1323б, *жѣвою́* 702б, *прѣзовоу́* 936б, *прѣклену́* 663б, *сѣкрошоу́* 1217б, *вѣзложю́* (3×), *пѣложю́* (7×), *пѣнесоу́* 1404, *сѣжоу́* 1062б, *нѣ потаю́* 127б, *тѣрю́* 667, *сѣтворю́* (7×), *нѣ сотворю́* 958, *яко да пѣтерплю́* 1001 (ср. еще *вѣзрю́* 489); однако *оумроу́* 140б, *оумроу́* 202 (в Хр. этот глагол сохраняет исконную а. п. с: *оумрѣши́, -ѣтъ, -ѣмъ, -ѣте*). С энклитиками: 1) *нѣ*

поуцоу тя 225; 2) *кленоуся* 1363б, *не соумноуся* 1067б, *спасоу тя* 999б, *явлюся* 468, *явлю бд ва^м* 1076б. Сходную ситуацию следует предполагать также для Нил., Дан., Хрон., Жит., Фер. (где материала меньше). В М. пс. модель *потаю* представлена 58×, *потаю* — 15×, *потаюся* — 16×, *потаюся* — 19×, *потаю же (тя, ти и т. п.)* — 7×, *потаю же* — 4× (примеры с двумя ударениями сочитаны дважды); см. Дыбо 1969, с. 118—119. Таким образом, в микросистеме М. пс. модель *потаю* встречается заметно чаще, чем в Сени., Дос., Хр., а из энклитик существенно способствует флекссионному ударению только *ся* (но не *же*, *тя* и др.).

В ряде памятников (см. карту 13) при общем преобладании нового ударения старое ударение еще продолжает играть довольно заметную роль. Так, при отсутствии энклитик примеры со старым ударением составляют, в частности, в Цв. 35 % материала (см. Глаг. акц., § 33), в Амф. 35 %, в Новг. 18 %, в Сел. 16 %. Однако в большинстве памятников XVI в. и во всех памятниках XVII в., кроме М. пс. и Сел. (относящихся к началу века), всегда или почти всегда представлено новое ударение; см. карту 13. Самые ранние памятники с последовательным новым ударением: конец XV в. — Угл.; 1 пол. XVI в. — Прол., Ион., Корн., Увар., Муз., Егор.

Особое место занимают памятники, где отмечается факультативное предфлекссионное ударение в 1 ед. презенса глаголов а. п. *b* (обычно это просто результат дефинализации). Понятно, что в таких памятниках ударение типа *несу* (у глаголов а. п. *c*), если отсутствуют примеры типа *говору*, *пбнесу*, не может рассматриваться как свидетельство сохранения древней акцентовки 1 ед. в а. п. *c*. Однозначно указывают на акцентную инновацию примеры типа *говбрю*. Несколько менее показательны примеры типа *понесу* (поскольку такие ударения встречаются, хотя и редко, также и в микросистемах с энклиноменной акцентовкой 1 ед., например, *исцблю*, *воспбю* под непосредственным влиянием *цблю*, *пбю*).

Так, в Пат. акцентовка 1 ед. в а. п. *b* и *c* явно одинакова, но реально это выглядит так: а. п. *b* *идоу* 613б, 623б, *прбидоу* 617г, *избцоу* 582в, *скажоу* 588а, 610б, *люблю* 635а, *взмбгоу* 638в, *взмбгоу* 617г — *люблю тя* 595б, *молю тя* 661в (+570б), *молю же* 608б; а. п. *c* *сбждоу* 655г, *ствбрю* 640а (возможно, сюда же *оумроу* 618б) — *понесоу тя* 637в bis, *да спсоуся* 645г, *рекоу ти* 579в, 613в. Сходная ситуация представлена также в Лих. В нескольких рукописях на фоне господствующего в 1 ед. как в а. п. *b*, так и в а. п. *c* флекссионного ударения (*молю*, *прошу*, *говору*, *лежу* и т. д.) находим единичные отступления в сторону предфлекссионного ударения; в Т. пс.: *прбидоу* 64, *пбидоу* 140, 143б, *взбцоу* 50 bis, 184 (а. п. *b*), *полбцоу* 72б, *сotвбрю* 153, *исцблю* 153, *воспбю* 181 (с неясным /б/), также *-пбю* 50, *жбвоу* 153 (а. п. *c*); в Стар.: *ω^тбму* 2б, *побму* 3, *взбцоу* 50б, *слбмлю* 100 (а. п. *b*), *оуклбнюся* 108, *сotвбрю ти* 18б,

потрэблю 33б (а. п. с); в Авв.: *молю* 76б (и даже *молюсь* 227б), *не ѡ^мкѹшу* 79, *прошу* 93 (а. п. б), *говóрю* 73, *погляжу* 36б, *крѣчу* 96б, *крѣчу* 211, *лѣжу* 253, *молю* 254б, *сѣжу* 64б (а. п. с). Вполне вероятно, что некоторые из примеров, относящихся к а. п. с (в частности, Т. пс. *пою*, *живоу*), просто сохраняют здесь старое ударение, но надежно отделить такие случаи от инноваций в этих памятниках нельзя.

Из карты 13 видно, что энклиноменная акцентовка формы 1 ед. презенса сохраняется, во-первых, в двух очень ранних северных памятниках (Сенн. и Нил.), во-вторых, в памятниках ближнего запада, Москвы и юга; при этом главным средоточием данного архаизма оказывается район Волоколамска (ср. аналогичную картину, выявляющуюся из карт 14 и 15).

Процесс утраты старой энклиноменной акцентовки формы 1 ед. не был прямолинейным. Имеются свидетельства того, что в некоторых микросистемах эта акцентовка, напротив, могла переноситься на формы с иным исконным ударением. Таковы, во-первых, прочие формы презенса а. п. с; ср. примеры: Сенн. *попусти^м* (буд.) 163г, Дос. *претерпи^м* 65б, Фер. *пѹкропя^м* 522, Библ. *прѣстоя^м* 951, Рум. *сѡтворитѣ* 343б, Трав. *породитѣ* (буд.) 527б, Колм. *говоритѣ* 105, также Дан. *прѣдают^с* 156б (разумеется, такой же эффект в принципе может скрываться и за примерами типа *твѡритѣ*, *рѡстетѣ*, но здесь его нельзя отличить от перехода из а. п. с в а. п. б). Во-вторых, такова форма 1 ед. презенса а. п. б; ср. примеры: Сенн. *пѡслужу ва^м* 94г (ср. еще *сѣзиж^у* 132а, наряду с *сѣзиж^у* 74а), Дос. *пѡкажу* (от *показати*) 207, -у 212, Дан. *пѡхожю* 107б, Цв. *напишу* 193, Трав. *напишу* 155б (также *напишу* 141), М. пс. *вѡздежу* 64б, *нѣ оутону* 72а, *пѡмолюся* 27б, Нв. *да пѡкажу* 192 (сюда же примеры *ѡмочю*, *вѡдѣжу*, *прѣношу* из других памятников XVI в., см. Васильев, с. 47—48); такой же эффект в принципе может скрываться за некоторыми из примеров типа *мѡлю*, приведенных выше. В работе Дыбо 1969 высказано предположение, что существовали системы, где акцентовка 1 ед. презенса в а. п. б и с совпала (в виде двух вариантов — с начальным и с флексионным ударением). В точности такой системы нами не отмечено; в рассмотренных выше памятниках мы скорее имеем дело лишь с некоторой распатанностью границ между акцентными парадигмами.

Деепричастия на -а, -я в а. п. с

§ 3.62. Современное деепричастие презенса на -я, как известно, развилось из формы II. ед. муж. и сред. действительного причастия презенса. В исследуемых памятниках эта форма изредка еще сохраняет свое первоначальное качество причастия, но гораздо чаще она уже выступает в той же синтаксической роли, что и ныне, т. е. в роли деепричастия. Для упрощения формулировок мы везде будем обозначать эту форму как деепричастие.

Акцентная эволюция деепричастий на *-а, -я* в а. п. с в значительной мере сходна с эволюцией 1 ед. презенса, если не считать того, что здесь рано обособилась группа деепричастий, склонных к адвербиализации («группа *стоя*»): *стоя, сѣдя (сидя), лежа, молча, глядя, не хотя*. Они выпали из акцентной эволюции деепричастий как таковых и потому в значительной части говором сохранили свою первоначальную энклиноменную акцентовку (причем эта акцентовка обычно выступает здесь не только при наречном, но и при собственно деепричастном значении). Очевидно, сюда же относились адвербиализованные *зѣгодя, чем нѣпада, чем ни нѣпада* (в наших текстах они не встретились). Напротив, основная масса деепричастий продвигалась к новому (т. е. конечному) ударению быстрее, чем словоформы 1 ед. презенса.

В Чуд. старая акцентовка еще безусловно преобладает: *бѣ|дя* 'убеждаѣ' 132б, *жѣ|ва* 87а, *зѣ|ва* 69г, *крѣ|ча* 18в, *стѣ|я* 69г, 78а, *тѣ|оря* 127г, 137г, *тѣ|рпя* 133а, *оу|ча* (11×), *хѣ|тя* 40а, 66в, 73а, 73б, 77а, 116г, 120г, *щѣ|дя* 119в bis; *бо|ся* 132а, *пост|ся* 65в; при наличии энклитик возможны также другие варианты: *дѣ|вѣ|ся* 40г, *вѣ|чѣ| же* 63в; *вѣ|ня же* 116а, *хѣ|тя же* 74г. Новое ударение (без энклитик): *буде^м лѣ|вѣ* 28в, *буде^м мол|чѣ* 26а, *тѣ|оря* 43в, *учѣ* 4в, *бѣ же оу|чѣ* 34г, *бѣ... оу|чѣ* 24б, *хѣ|тя* 145в, *хрѣ|ня* 74б, 75б (особо стоит *долготѣр|пя* 82г, *-я* 37а, где, по-видимому, представлено сложное слово, а не словосочетание). В а. п. *б* в Чуд. представлено регулярное конечное ударение (*гон|ѣ, ищ|ѣ, мол|ѣ, нос|ѣ, про|ѣ, ход|ѣ* и т. п.).

В памятниках XV—XVII вв. мы находим уже сильно трансформированную картину. В а. п. с наблюдается два основных варианта акцентовки деепричастий: 1) последовательное конечное ударение везде; 2) начальное ударение в «группе *стоя*», конечное ударение у прочих деепричастий. За рамками «группы *стоя*» остатки энклиноменной акцентовки встречаются уже очень редко; таковы Такт. *нѣ|лежа* 9г, Косм. *пѣ|норова* 151, и *зѣ|воря* 71б, Стар. *глѣ|голя* 3б, 45б, М. пс. *тѣ|рпя* 41б; по-видимому, также Нил. *дѣр|жа* 174, Улож. *спѣ|устя* 'после, через' 17, 141б (+ Цел. [3×]); прочие подобные примеры менее надежны. С другой стороны, обнаруживается определенное взаимодействие с деепричастиями а. п. *б*, которое может принимать в разных микросистемах несколько различные формы.

Последовательное флексивное ударение у деепричастий а. п. с и *б* представлено, например, в Сол. В а. п. с здесь находим, в частности, *вар|ѣ, верт|ѣся, подѣ|я, дѣр|жѣ, лѣ|вѣ, плѣ|вѣ, ѿ^тп|устѣ, не тер|пя* и др., а также *мол|чѣ* 143б, *стѣ|я* (4×), *сѣ|дѣ* (4×). Аналогично в Костр.: *лѣ|жѣ* 119б, *мол|чѣ* 17, *стѣ|я* 89, 152б, *сѣ|дѣ* 162б, *не хот|ѣ* 180б; в Пер.: *лѣ|жѣ* 140, *мол|чѣ* 149б, *млѣ|чѣ* 132б, 221, *стѣ|я* 176б, 179б, *сѣ|дѣ* 187б, *не хот|ѣ* 208б, 276б. Такая картина представлена весьма широко, см. карту 13.

Система с сохранением старого ударения в «группе *стоя*»

(кроме *не хотя*) представлена, в частности, в Косм., где находим *лёжа, сідя, стбя* (а также *пónорова, и згбворя*) при *говоря, рос-пустя, нарядя, урядя, бояся, зговоряся* и др. (также *хотя, не хотя*), см. Глаг. акц., § 21. Аналогично в ряде других памятников, см. карту 13.

Описанная картина может нарушаться в западных и северо-восточных микросистемах эффектом дефинализации (затрагивающим деепричастия а. п. *b* и *c*). Так, в Пат. находим: *слоўжа* 608в, *соўда* 612б, *сáдя* 651г, *хотя* 661а (примеров с конечным ударением здесь нет). В других случаях предфлексивное ударение лишь факультативно: Лих. *кóрмя* 115в, *не исхóдя* 108а, ср. *держá* 56в; соответственно, ударения *дбша* 163в, *мóлча* 191в, *хотя* (часто) могут быть здесь как старыми, так и оттянутыми. Ср. также в Печ.: *йца* 270б, *свища* 123б, *скрежéща* 463б, *свѣтя* 185б (при норме *моля* и т. п.); на этом фоне *тёрня* 290 может и не быть архаизмом. Явный пример дефинализации представляет Лет. *стерéга* 107 (при *стерегáся* 109); ср. также *плáшá* 64; ввиду этого двусмысленно *гúда* 64 (от *густы*). В Авв. норму составляют: для «группы *стоя*» (кроме *не хотя*) — начальное ударение (*глядя, лёжа, сідя, стбя* [всего 29×], 1 раз *гля|дя* 249); для прочих деепричастий а. п. *c* и *b* — конечное ударение, например, *браня, вертя, говоря, покроя, сложá, ѿ^mпустя, потащá* и т. п., *бродя, купя, прося, прискочá, ухватя* и т. п. (отметим особо *не хотя* 232, *спустя* 'после' 231, 268). Имеется, однако, несколько примеров с неконечным ударением в а. п. *b*: *хóдя* 47, 56б, 225, 239, *мóля*^с 68б (ср. *ходя* 154б, 211, *моля* 93, 100, 277б, *помоля*^с 94).

Помимо дефинализации, появлению неконечного ударения в деепричастиях а. п. *b* способствовало смешение с а. п. *c* (ср. такой недвусмысленный пример, как современное *пóходя*) и, с другой стороны, влияние презенса (*хóдишь, сýдишь* и т. д.). В силу этого ударения типа *хбдя* иногда отмечаются и в таких районах, где не было дефинализации; ср., в частности, Ряз. *чéша* 172б, *зббля* 131б, Улож. *смóтря по. . .* 233, 244; сюда же современное *сýдя по.*

Подвижное ударение в прош. времени

§ 3.63. В соответствии с позднейшей функцией так наз. *l*-причастий мы как правило будем далее называть их просто формами прош. времени. Эволюция подвижного ударения в прош. времени рассмотрена нами (в основном на материале Чуд., Косм., Цв., Дом., Трав., Час., Егор.) в Глаг. акц., § 22—26, 34—36. Расширение материала не изменило основных выводов, полученных в этой работе, но позволило существенно уточнить диалектологические и хронологические характеристики данной эволюции. Важнейшие итоги этого обследования отражены картой 14.

Из этой карты прежде всего видно, что у *i*- и *o*-глаголов энклिनическая акцентовка в прош. времени (по модели *пўстимь*, *пўстило*, *пўстили*) сохраняется, во-первых, в ранних памятниках района Онежского и Белого озер (Сенн., Нил., Прол.), во-вторых, в обширном ареале, охватывающем ближний запад, Москву и южную половину восточной зоны.

К материалу Чуд., М. пс. (Дыбо 1972а), Косм., Трав., Цв. (Глаг. акц., § 24, 35) можно добавить, в частности, следующие яркие образцы архаичных микросистем. Сенн.: *пóгоубиль* 178б, -и 156а, *прэ-кратиль* 202в, *пóложиль* 122в, *пříложиль* 25г, *пóмрачиль* 30а, *поўстимь* 7г, *ся рóдиль* 207б, *ся нé родиль* 126в, *ся не рóдиль* 207б, *рáз-рушиль* 202г, *твóриль* 63б, -и 204г, *ствóриль* 92г, 213а, -и 26б, *ствóриль бѣ* 185в, *сѣтвориль* 206г, *цѣлиль* 45г; *мíнуло* 64в, *пóмянулъ бѣ* 63в; ср. новое ударение в *сврѣшилъ* 97г, *оугасилъ* 30а. Возвратные: *родилъся* 49б, 126г, *о̀твратилъся* 207в, *сѣкратилъся* 114б. Для ед. жен. находим только *оградилá* 182а, в остальных случаях писец предпочел не выставлять ударения (*варила* 205г, *покорила* 26а, *оулучила* 70в). В а. п. *b* представлены *сѣблазнилъся*, *накормилъ*, *мо̀мили*, *носилъ*, *приносилó*, *просилá бѣ*, *судили*.

Лет.: *свѣрши*^а (5×), -ли 359б bis, 361, *о̀бговорили* 351, *пříго-вори*^а 382б, *пóгуби*^а 114б, *дáриль* 268, *ўкроти*^а 343, *зáложи*^а (8×), *пóложи*^а (6×), *пříложи*^а 394б, *слóжили* 30б, *слóжили бы* 303, *смíриль* 44, 130б, *ўзмени*^а 268, 360, -ли 373б, *перѣмени*^а 405 (NB *перѣ*-), *пóдмени*^а 251б, *нé поусти*^а 353б, *о̀тпусти*^а (47×), -ли 288б, 353б, 412б, *нé о̀тпусти*^а 337, *не о̀тпусти*^а 30б, *пóразило* 338, *срáзи*^а 340б, *пóсади*^а 376б, *пóтаи*^а 326б, *ўтаили* 314, *чíнили* 326б, *нé чини*^а 401, *ўчини*^а 400б, -лъ 269, -ли 273б, 387 (+ 415б), итого 102 примера; также аористы с ударением *l*-причастий — *скóромоли* 354б, *зáложй* 385, *о̀тпусти* 227, *нé застрѣли* 205б, *мíну* 145. С новым ударением: 1) словоформы с книжными приставками *воз-* и *раз-* — *възъ* [браниль 24б, *възвратилъ бы* 311, *възложилъ* 38б, *раздѣмили* 195б, *разорили* 319, *разразило* 365б]; 2) книжные слова — *о̀божилъ* 24б, *о̀твратилъ бы* 283, *блговолѣ*^а 377б, *блѣви*^а (3×: 205б и др.; однако *блѣвь* 378б); возможно, сюда же *плѣни*^а 257; 3) прочие — *о̀тложй*^а 281б, *слóжилъ* 303, *простило* 239б, *посадилъ* 276, *вселилъ* 64б, *слѣпнѣ*^а 'ослепил' 93б, *не учинѣ*^а 129б. Возвратные: *слóжи*^асѣ 93б, *помирилъся* 416б, *роди*^асѣ 259б, *слóжилъся* 102б; с другой стороны, *явилъся* 31, 248б, *слóжилъ*^а 136б, *научилъся* 285б, *учинилъся* 323, вероятно, сюда же *исторопили*^а 350. Ед. жен. представлено так: *блѣвилá* 287б, с другой стороны, *зложилá* 235, *учинилáся* 268б (ср. еще *учинилáся* [б. уд.] 407). В а. п. *b* выступает устойчивое предфлексивное ударение: *о̀боронилъ*, *воротѣ-лъ*, -лъ^а, -ли^а, *гонили*, *пригонилъ*, *женѣилъся*, *казнѣ*^а, *купилъ*, *искупилъ*^а, *совокупилъ*^а, *слóмило*, *мо̀ли-лъ*, -лъ^а, *носилó*, -и^а, *служилъ*, *о̀ступили*, *о̀тступилъся*, *соудѣ*^а, *не хватилъ*, *ходилъ*, -а, -и и др. Глагол *творити* колеблется в Лет. между а. п. *c* и *b* (*творѣтъ* и *твóрятъ* и т. п.); соответственно, при *твó-*

рилъ 326б находим *сътвори́лъ* 27, *створи́лъ* 93б, -и 89б, также *затвори́лся* 275, *затвори́л бо^с* 136. При *не нуди́а* 383б встретилось также *не нуди́а* 382б (презенс *нудя́м* 383 и *не нуди́м* 382б).

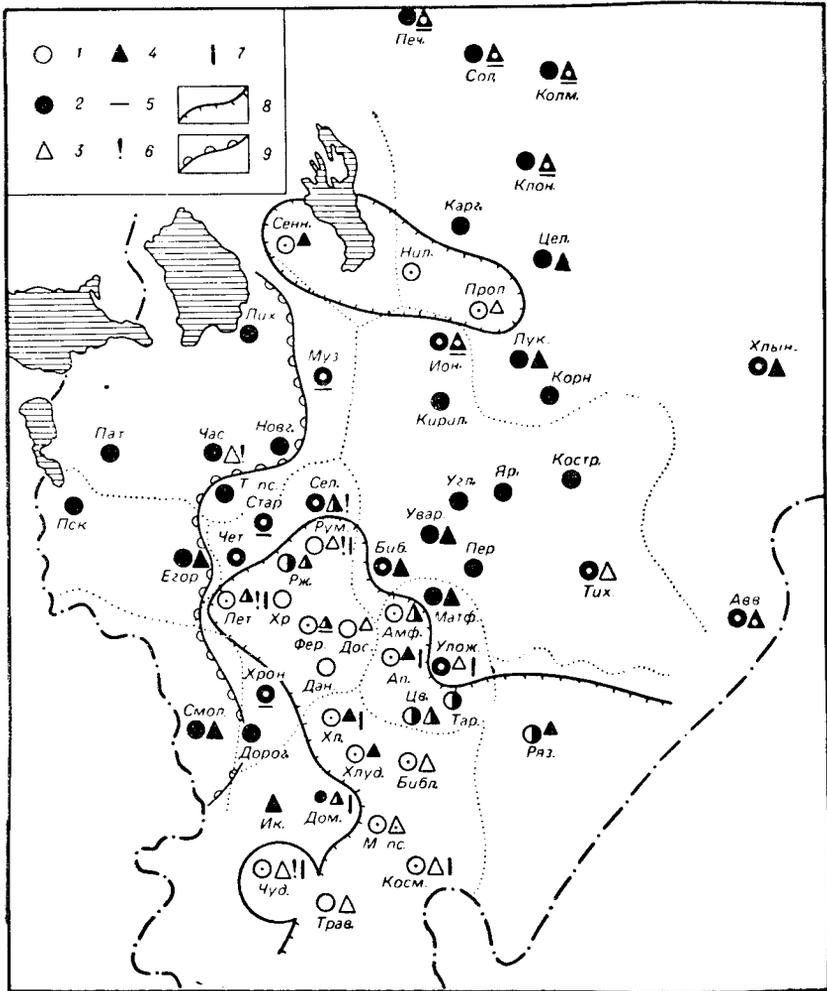
Заметим, что встретившиеся в Лет. контаминированные словоформы прош. времени типа *ѡ^тпусти* (с окончанием аориста, но с ударением *l*-причастия) отмечаются и в других памятниках, например: Ион. *вло́жи* 323б, Фер. *ра́зрѣши* 970, *посади* 996, Амф. *собра́х* 204б, Рум. *оу́чи*^х 336, Печ. *при́зва* 199б. Это, конечно, не реликты древнейшего ударения аориста (ср. хотя бы формы 1 ед., где никогда не было энклиноменной акцентовки), а косвенное следствие отсутствия аориста в живой речи: писец знал, что книжная форма прош. времени получается снятием *-лъ* или заменой его на *-хъ*, но, ставя ударения, имел в виду живую форму на *-лъ*.

Из материала Лет. видно, что книжная окраска глагола (даже если она определяется одним лишь наличием книжного варианта приставки) существенно способствовала выбору предфлексийного ударения в прош. времени. Эта зависимость прослеживается и по ряду других памятников. Так, ударение на *раз-*, *пред-* встречается исключительно редко; довольно редким является также ударение на *воз-*; ударения *прельсти́лъ*, *предвари́лъ* практически постоянны; ударение *сотвори́лъ* часто встречается даже в таких памятниках, где в презенсе представлено только *твори́шь*. Ниже при оценке соотношения старого и нового ударения в прош. времени в конкретной микросистеме перечисленные категории примеров с книжным предфлексийным ударением в расчет не принимаются.

Акцентовка по модели *пусти́лъ*, *пусти́ло*, *пусти́ли* практически безупречно соблюдена в Дос., Дан., Хр., Рум. (правда, материал здесь сравнительно невелик); она безусловно преобладает также в Нил., Прол., Фер., Ап., Амф., Хл. Хлуд., Библ. Ближе к равновесию соотношение в Тар. и Ряз. В Цв., Рж. несколько преобладает уже новое ударение. Далее в этой градации следуют многочисленные памятники, где старая акцентовка встрети́лась лишь в единичных случаях или не встрети́лась совсем; см. карту 14.

В части памятников старое ударение устойчивее сохраняется в ед. муж., чем в ед. сред. и мн. Наиболее заметно это различие в Амф., Библ., Ион., Хлын.

Что касается формы ед. жен., то здесь представительный материал имеется далеко не во всех памятниках (см. карту 14), поэтому диалектологические заключения менее надежны. Сверх материала, приведенного выше и в Глаг. акц., § 24, 35, с флексийным ударением отмечены (не считая *родила́*, *породила́*): Дос. *ѡ^тпусти́ла* 81, Амф. *обнови́ла* 178б, *явилá* 118б, *-áся* 155б, 181б, Библ. *заплати́ла* 962, *оучи́ла* 974, Рж. А *раздѣли́ла* 11б, Сел. *озари́ла* 435, *обложи́ла* 458б, *оулучи́ла* 135б, *обнови́ла* 228, *обнови́ла* 453б, Тих. *ѡбнови́ла* 43, *объяви́лася* 93б; ср. также с вторичным ударением — Прол. *преступи́ла* 69, Рум. *возлюби́ла* 325. По-видимому, ударение по модели *пусти́ла* сохранялось в основном в тех же самых районах, что и ударение типа

Карта 14. Ударение в прош. времени глаголов а. п. с:

1 — у *i*- и *по*-глаголов модель *пѹстѣлъ*, *пѹстѣло*, *пѹстѣли*, 2 — модель *пѹстѣлъ*, *пѹстѣло*, *пѹстѣли*; 3 — модель *пѹстѣлѣ*, 4 — модель *пѹстѣла*; 5 — ударение по модели *пѹстѣлъ*, *-о*, *-и* или по модели *пѹстѣлѣ* представлено только в глаголах *родити*, *породити*; 6 — есть хотя бы один пример ударения по модели *пѹстѣлѣ*; 7 — есть хотя бы один пример ударения по модели *пѹстѣлѣся*, *пѹстѣлѣся*; 8 — основные ареалы, где модель *пѹстѣлъ*, *-о*, *-и* преобладает или хотя бы достаточно распространена; 9 — восточная граница зоны, где в прош. времени *V*-корневых глаголов господствует или преобладает модель *прѣдѣлъ*, *прѣдѣло*, *прѣдѣли* (восточнее этой линии господствует *прѣдѣлъ*, *-о*, *-и*).

пѹстѣлъ, *-о*, *-и*. Правда, в нескольких памятниках (Час., Сел., Дом., Тих.) обнаруживается тенденция к соотношению типа *пѹстѣлъ*, *пѹстѣлѣ* (ср. современное литературное *родѣл*, *родѣлѣ*). Основная группа памятников XVI—XVII вв., хорошо сохраняющих модель *пѹстѣлѣ*, относится к югу: Библ., Косм., Трав., М. пс.

Возвратные формы в целом обнаруживают большую склонность к новому ударению, чем невозвратные. Это более всего заметно

в форме ед. муж.: старое ударение (не считая *родилсь*, отмеченного в Лет., Косм., Сел.) отразилось только в Чуд. *сложилсь* 40в, Час. *поклонилсь* 293б, *явилсь* 280 (также *сподобилсь* 315б, *сбогатилсь* 271), Лет. *сложисъ* 93б, *помирисъ* 416б, Рум. *покорилсь* 345, *поручилсь* 342б, Сел. *явилсья* 83, 364, *явилсья* 443б. Далее, в ряде микросистем с частичным сохранением акцентовки типа *пўстило*, *пўстили*, *пустила* наблюдается тяготение к предфлексиионному ударению (*пуст-йлося*, *-йлися*, *-йлася*) в возвратных формах. В самой резкой форме это различие выступает в М. пс., в менее резкой — в частности, в Лет., Косм., Ряз. В ед. сред. и во мн. старое ударение вообще отмечается редко: Чуд. *сложилсья* 75г, Лет. *сложилсья* 102б, Ап. *изложилсья* 260б, Хл. *родилсья* 307б, Косм. *прилучилсья* 94, *побранилсья* 111б, *договорилсья* 37б, *укрепилсья* 155б (+164б), *пустилсья* 107, *научилсья* 160, Дом. *не родилсья* 75б, Ратн. *обворотилсья* 97б, Улож. *свободилсья* 259, *не обьявилсья* 262, *родилсья* (4×), *породилсья* 270б, 279б; ср. также Рум. *провозвѣстило тй ся* 330.

Вопрос об эволюции подвижного ударения в прош. времени V-корневых и *a*-глаголов разобран в Глаг. акц., § 25, 34, 36. Здесь добавим лишь, что увеличение числа обследованных памятников позволило провести примерную восточную границу преобладания новой модели *продáль*, *продáло*, *продáли* в XVI—XVII вв.; она мало отличается от границы основной части западной зоны, см. карту 14. Только новое ударение встретилось (в ед. муж. и сред. и мн.) в Час., Лих., Пр., Егор., Смол.; в Новг. оно преобладает. Восточнее проведенной на карте линии новое ударение отсутствует или встречается лишь в качестве единичных отклонений от нормы (только в Клон. и Цел. его доля несколько больше).

Деепричастия прош. времени у глаголов с подвижным ударением в прош. времени

§ 3.64. Первоначально словоформы на *-въ* (*-ѣ*) у V-корневых, *a*-, *i*- и *пq*-глаголов с подвижным ударением в прош. времени (кроме *ймъ*, *-чньъ*, *жъмъ*, § 2.20) были энклиноменами. В старовеликорусских памятниках отразился процесс перехода от этой старой акцентовки к новой (предфлексиионной), например, *подáвъ*, *собрáвъ*, *пустйвъ*, *помянѣвъ* вместо прежних *пбдавъ*, *сббравъ*, *пўстивъ*, *пбмянувъ*; ср. регулярно выступающие во всех памятниках *пзнáвъ*, *убйвъ*, *изгнáвъ*, *послáвъ*, *солгáвъ*, *носйвъ*, *дерзнѣвъ* и т. п. (от глаголов с неподвижным ударением в прош. времени).

Рассмотрим вначале этот процесс у V-корневых и *a*-глаголов (где он протекал с умеренной интенсивностью). Из карты 15 видно, что западная граница хотя бы частичного сохранения старых акцентовок типа *пбдавъ*, *сббравъ* относится к классу схематических изоглосс, разделяющих восточную и западную зоны. Правда, микросистемы с полной победой моделей *подáвъ*, *собрáвъ* встречаются и в восточной зоне, но все они (Пер., Матф., Авв., Цел.) относятся к XVII в.

отражает перевод данного глагола в неподвижную а. п.). Дан.: *не бывъ* 122б, *подавъ* 92б, 94, *сздавъ* 85, *поживъ* 169, *избравъ* 89б, 90, *сбравъ* 8, 158б, *позвавъ* 96, *призвавъ* 2, 54, 83, *сзвавъ* 158б, *основавъ* 153б (ср. также *сбравше* 158б, *призавше* 10). Библ.: *оумерь* 618б, *предавъ* 692, 734, *призвавъ* (11×); новое ударение — *прѣбывъ* 607, *призавъ* 675б. Ряз.: *прѣбывъ* 92, 112 (+148б), *подавъ* 4, *сбравъ* 204б.

Образцом микросистемы с приблизительным равновесием двух акцентовок может служить Цв.: *избывъ*, *прѣбывъ*, *обвивъ*, *повивъ*, *подавъ* (4×), *предавъ* (2×), *сздавъ* (4×), *сбравъ* (3×) (ср. также *щковавшѣ* 194б); но примерно столь же часто эти же словоформы встречаются здесь и с предфлексивным ударением (см. Глаг. акц., § 37).

Пример микросистемы, где от старого ударения сохраняются только слабые следы, — Лет.: *пб^онявъ* (2 уд.) 260б при постоянных *пбывъ*, *прѣбывъ*, *подавъ*, *предавъ*, *раздавъ*, *поживъ*, *испывъ*, *припльивъ*, *избрывъ*, *сбравъ*, *пождавъ*, *воздавъ*, *поздавъ*, *призавъ*, *щковавъ* (всего более 30×; ср. также *подня^о* 260б).

Отметим также выборочно некоторые примеры начального ударения из разных памятников: *вздавъ* Ап. 260б, *не давъ* Улож. 119, *оживъ же* Ап. 66б, *распявъ себе* Корн. 395б, *не дождавъ* Фер. 504б, также *сздавъ* Тих. 48б, *начавъ* Стар. 28, *занявъ* Улож. 161.

Микросистемы с полной победой нового ударения. Ввиду однообразия их материала ограничимся здесь лишь самыми ранними из них (конца XV в.). Час.: *обвивъ* 359, *поживъ* (4×: 291б и др.), *испывъ* 260б, 277. Нил.: *предавъ* 198б. Ев.: *призавъ* 97б, *сзвавъ же* 15б. Сенн.: *прѣбывъ* 138в, *подавъ* 34б, *предавъ* 133б, 196б, *продавъ* 133в, *сзвавъ* 215г bis, *призавъ* (часто).

Общее представление о ситуации во всех остальных памятниках дает карта 15.

У *i-* и *по-*глаголов новое ударение развивалось гораздо стремительнее. Так, уже в Чуд. представлена переходная (а не чисто архаичная) система: *не положи^о* 37г, *створивъ* 79г, *наоучивъ же* 140б, *вспомянувъ* 140б (вероятно, сюда же *ощетивъ* 31г) — *пригвоздивъ* 131а, *вложивъ* 95б, *прооубѣдивъ* 127г, *вспомянувъ* 86б, 140б.

Архаичная система (почти без отклонений) зафиксирована только в двух волоколамских рукописях XVI в. Дос.: *врѣдивъ* 57, *оугодивъ* 105 (+204), *проказивъ* 266б, *прѣкльнивъ* 268б, *щключивъ* 120 bis, *кр'тивъ* 8, *прѣкр'тивъ* 5б, *положивъ* 5б, 124б, 274 (+42), *приложивъ* 240, *сложивъ* 131, *щбнаживъ* 106, *щпустивъ* 210, *разоривъ* 277, 278б, *щтивъ* 164, *поучивъ* 82, 185, 287 (ударение *блгодаривъ* 130б обусловлено тем, что здесь сложная основа). Дан.: *не превративъ* 141б, *сѣкративъ* 10б, *сложивъ* 48б, *не преложивъ* 95б, *приложивъ* 111, *и не получивъ* 6б, *не смеживъ* 169б, *створивъ* 82б,

1116, 155 (+ 72, 96) (ср. также *сѣтворивше* 1586, *сѣтворѣше* 151, 1566); новое ударение представлено в *не превратѣвъ* 95, *и³явѣвъ* 1206. При этом в обеих рукописях словоформы с *ся* (или же *ся*) последовательно получают предфлексивное ударение: *крѣтѣвѣся*, *оутѣвѣся*, *лишѣвъ же ся*, *чюдѣвъ же ся* и т. п.

Во всех прочих памятниках XVI—XVII вв. картина совершенно иная: старого ударения нет совсем или от него сохранились лишь небольшие остатки. Наиболее заметные остатки такого рода (на фоне господства нового ударения) обнаруживаются в московских памятниках Ап. и Цв.: Ап. *оугодивъ* 222, *не вмѣнивъ* 1386, *наоучивъ* 166; Цв. *оушивъ* 96, *положивъ* 171, также *рѣдивѣся* III 96, 1346, *явивѣся* III 1456, 154 (ср. еще *миновѣши* Д. мн. III 2086). Прочие примеры совершенно единичны: Фер. *поустѣвше* (2 уд.) 497, Жит. *пѣмянувъ бо* 2816, Кург. *лишѣся* 494, Ряз. *положивъ* 8, Тих. *рѣдивъ* 476 (пример *вмѣнивъ* Час. 286 сомнителен).

Что касается деепричастий на *-ши*, *-ше*, а также всех возвратных, то в XVI—XVII вв. они во всех рассмотренных группах глаголов как правило имеют предфлексивное ударение: *подавши*, *подавѣся*, *подавшися* и т. д. Изредка они заимствуют ударение у формы на *-въ*; некоторые примеры такого рода (*сѣбравши*, *прѣзвавше*, *оковавѣше*) отмечены выше. Старое ударение, еще частично сохраняющееся в Чуд. (*оумерѣи* 108а, *оумерѣи* 102в, *вдавѣи* 766 и некоторые др.), в более поздних памятниках отмечается очень редко: Жит. *сѣтворивѣся* *члѣкъ* 'притворившись человеком' 2716; Лет. *сперѣи* 249; Косм. *собравѣши* 566, 756, 76, 173, *собравѣся* 116, 150, *пустивѣся* 1756; Авв. *запѣишися* 19, 201.

Страдательные причастия прош. времени

§ 3.65. Для страдательных причастий актуальны все те сведения о различии главных и второстепенных нечленных форм и о противопоставлении народных и книжных акцентовок, которые даны выше (§ 3.51) применительно к прилагательным. Далее, следует учитывать, что в части памятников XVI—XVII вв. книжная акцентовка у причастий факультативно сопровождается написанием с *-ни-* (ср. § 3.13, п. 1). Примеры, где при таком написании показана некнижная акцентовка, чрезвычайно редки.

Правила акцентуации причастий, разбираемые ниже, не распространяются на случаи, где причастие подверглось адъективации. Почти все адъективированные причастия, реально встречающиеся в памятниках, носят книжный характер; соответственно, они получают книжное (т. е. предфлексивное) ударение. Таковы, например, *блаженъ*, *явленъ* 'явный, manifestus', *избранъ* 'лучший, превосходный' и т. п. Не подчиняются акцентным правилам о причастиях также сложные прилагательные, включающие причастие, например, *новорожд(д)енъ*, *богоизбранъ*; в большинстве случаев они выступают с неподвижным предфлексивным ударением.

Ниже разбираются наиболее важные с акцентологической точки зрения группы страдательных причастий; относительно грамматических помет при примерах см. § 3.51.

еп-причастия

§ 3.66. Рассмотрим прежде всего еп-причастия от *i*-глаголов а. п. с и С-корневых глаголов с флексийным ударением в прош. времени (для краткости вся эта группа причастий может быть названа далее «еп-причастиями от глаголов а. п. с»). В XIV—XVII вв. в нечленных формах этих причастий представлено две основных акцентовки: 1) более старая (хотя все же не первоначальная, см. § 2.21) — флексийная (главные формы акцентуированы *-ѣнь*, *-енѣ*, *-енѣд*, *-еныѣ*); 2) более новая — суффиксальная (соответственно *-ѣнь*, *-ѣна*, *-ѣно*, *-ѣны*). Как можно видеть из карты 16, суффиксальная акцентовка характерна для западной зоны, флексийная или смешанная — для восточной. При этом, однако, акцентовка западного типа частично проникла и в восточную зону: она встречается в некоторых памятниках северо-востока, Москвы и юга.

Что касается членных форм, то во всех памятниках, кроме Мер., у причастий данного класса они имеют предфлексийное ударение (независимо от акцентовки нечленных форм), например: *процѣн(ныи)*, *приведѣн(ныи)*. Лишь в Мер. частично сохранилась более древняя акцентовка — флексийная, например: *изложенѣ*, *нареченѣ* (см. Акц. Мер., § 88). Далее в настоящем параграфе мы рассматриваем уже только нечленные формы.

В качестве редкого отклонения от нормы иногда встречается также (в членных и нечленных формах) акцентовка третьего типа — корневая, например, *насажен-ыи*, *-ъ*, *-а*, *-о*, *-ы*. Такие примеры собраны в § 3.68 (а в основном изложении они не принимаются в расчет).

Рассмотрим некоторые наиболее показательные микросистемы (для упрощения разбора мы ограничиваемся, если не оговорено иное, лишь теми глаголами, где а. п. с исконна).

Микросистемы с флексийным ударением нечленных форм. Прежде всего сюда относятся древнейшие памятники Чуд. и Мер. В Чуд. безусловно господствует флексийное ударение: *оболченѣ*, *-ѣ*, *ражженѣ*, *спасенѣ*, *свершенѣ*, *-ѣ*, *пороженѣ*, *оучиненѣ*, *-ѣ*, *явленѣ*, *-ѣ* и т. п. (около 90 примеров). Суффиксальное ударение нечленных форм отмечено в Чуд. в следующих случаях. В непредикативном употреблении: *члѣва*... *оболчена* В. ед. 30б ($\bar{+}$ 7б), *в пѣци ражженѣ* 149б, *стрѣль*... *раждены* В. мн. 127б, *сна*... *свершенѣ* (2 уд.) Р. ед. 145в, *рода*... *развращена* Р. ед. 128в, *оутвержены имѣху нѣзѣ в дрѣвѣ* 56б, *явлена* (В. ед.) *тя твори*^т 15б, *предсловье*... *пре^оучинено* (атрибутивн.) 95г, *пре^оучинена* *временѣ* В. мн. 71а. В примерах со словами *свершень*, *развращень*, *явленъ* усматриваются начатки адъективации; ср. еще *яко новорожены младенци* 84б (см.

§ 3.65). В предикативном употреблении отмечены: *принесѣно бы** 74б, *ицѣлѣни бѣша* 56б, 63в, *ѡтпоущѣна бѣста* И. дв. 68в. Отклонения от флексийного ударения, встретившиеся в Чуд., уже отчасти сходны с теми, которые характерны для восточных памятников XVI—XVII вв. (см. ниже), но они представлены здесь гораздо слабее (а форма И. мн. на *-ени* еще практически не отличается от прочих форм И. падежа).

В Мер. находим *сведенѹ, погребенѹ, свершенѹ, прощенѹ, затворенѹ* и т. п., указывающие на флексийное ударение (всего 64 примера); встретилось также 4 примера с *-ено*, но они могут быть упрощенными написаниями, а не отражением суффиксального ударения (см. Акц. Мер., § 88). Об ударении членных форм в Мер. см. выше.

Среди памятников XVI—XVII вв. для изучения причастий особое значение имеет Бук., поскольку здесь демонстрация причастных словоформ с их ударением была одной из непосредственных задач составителя. В Бук. содержится более 500 примеров *еп*-причастий рассматриваемого акцентного класса; они последовательно акцентуированы по модели *-ѣнѹ, -енѹ, -енѹ, -енѹ*. В материал Бук. входят *еп*-причастия со следующими корнями или основами (в список включены глаголы как с исконной, так и с вторичной а. п. с): от *i*-глаголов — *блаж-*, *о-богащ-*, *о-бож-*, *бран-*, *у-бѣжд-*, *от-вал-*, *с-верш-*, *воз-весел-*, *-влач-*, *-вращ-*, *врежд-*, *-вѣщ-*, *-гащ-*, *-глаш-*, *в-глубл-*, *-гражд-*, *горбл-*, *-груз-*, *со-грѣш-*, *-губл-*, *дар-*, *-дивл-*, *о-дожд-*, *от-дож-*, *из-долбл-*, *-дробл-*, *во-друж-*, *у-друч-*, *дѣл-*, *о-жещ-*, *о-зар-*, *злащ-*, *ис-каж-*, *за-ключ-*, *у-кор-*, *ис-корен-* (*у-*), *со-кращ-*, *крещ-*, *о-крил-*, *кропл-*, *о-круж-*, *со-круш-*, *-крѣпл-*, *вос-крѣш-*, *легч-*, *об-миц-* (*у-*), *миш-*, *у-ловл-*, *-лож-*, *от-луч-*, *льщ-*, *лѣч-*, *у-мащ-*, *у-мертв-* (*у-мершв-*), *с-мир-*, *о-мрач-*, *от-миц-*, *воз-миц-*, *в-мѣщ-*, *об-нищ-*, *из-нур-*, *во-площ-*, *за-пож-*, *ис-празн-*, *от-пущ-*, *за-прещ-*, *из-равн-*, *от-раж-*, *в-разумл-*, *рожд-*, *-руч-*, *от-рѣш-*, *-сажд-*, *про-сѣщ-*, *свящ-*, *в-сел-*, *пре-благослов-*, *ис-стуж-*, *ис-суш-*, *таж-*, *за-тверж-*, *твор-*, *ис-требл-*, *-тѣсн-*, *вз-ущ-*, *-уч-*, *за-ущ-*, *хран-*, *ис-цѣл-*, *чащ-*, *чин-*, *щаж-*, *щербл-*, *щич-* (*за-щич-*), *явл-*, *изѣ-ясн-*; от *С*-корневых глаголов — *со-блюд-*, *про-бод-*, *-вед-*, *-влеч-*, *у-вяз-*, *-гнѣт-*, *-греб-*, *-жж-*, *от-жен-*, *жр-* 'sacrificatus', *-мет-*, *-нес-*, *с-пас-*, *об-рѣт-*, *реч-*, *тряс-*, *чт-*, *яд-* (см. Аксенова 1982). Заметим, что Бук. предписывает флексийное ударение для ряда книжных слов, которые в рукописях того времени обычно имеют суффиксальное ударение (во всех формах), в частности: *преблаж-ѣнѹ, -енѹ, -енѹ, смиренѹ, -ѹ, -ѹ, сѣенѹ, сѣенѹ, -ѹ, -ѹ, преблѣв-ѣнѹ, -енѹ*. Вероятно, здесь отразились нормализаторские установки составителя, не вполне соответствующие в этом пункте господствовавшей в то время практике.

Далее, выделяется значительная группа памятников XVI—XVII вв. с практически одинаковой системой акцентовки *еп*-причастий рассматриваемого класса, которую можно охарактеризовать

как образцовую восточную систему данной эпохи. Сюда относятся памятники: светские — Косм., Дом., Трав., Улож., Тих., Колм., Авв., Цел.; церковные — Тар., Рум., Биб., Ряз., М. пс., Сел., Сол. Данная система сочетает народное флексивное ударение нечленных форм и книжное суффиксальное. Их распределение подчиняется принципам, описанным в § 3.51, 65. Конкретно это сводится к следующему.

Адъективированные причастия *блаженъ, воплощенъ, одушевленъ, священъ, смѣренъ* (позднее *смирень*) 'смиранный', *с(о)вершенъ, почтенъ* 'почтанный', *явленъ* 'явнанный, manifestus' (все они носят книжный характер) почти всегда выступают с книжным предфлексивным ударением; сюда следует добавить *с(о)кровенъ, умилень, испещренъ* из числа слов, где встречается неисконная а. п. с. Кроме того, с книжным ударением выступают вообще любые нечленные формы, которые писец счел нужным записать с *-нн-* (и тем самым прямо показал их книжность), например, *явленны, реченно бысть*.

Вне указанных ограничений правила таковы. Главные нечленные формы, выступающие в предикативной функции (ниже они обозначаются как «основной материал»), нормально имеют флексивное ударение. Исключение составляют причастия от специфически книжных глаголов (в первую очередь, *рещи, отрещи, нареци*): они даже и в предикативной функции выступают преимущественно с книжным суффиксальным ударением, например, *речено бысть*. Для главных нечленных форм, выступающих в непредикативной функции, а также для всех второстепенных форм обычным является суффиксальное ударение. Флексивное ударение выступает здесь лишь как факультативный вариант. Его доля в общем числе примеров различна в разных памятниках (например, в Рум., Ряз., Тих. эта доля значительна, в Биб., Сол. весьма мала, в Тар., М. пс., Авв. равна нулю) и для разных грамматических форм (так, для В. ед. на *-ена* и *-ену* и И. В. мн. на *-ена* эта доля несколько выше, для Д. М. ед. на *-енѣ* и И. мн. на *-ени* она минимальна).

В качестве образца рассмотрим микросистему Авв. Из адъективированных причастий здесь находим: *бл̄гословѣна* 9, *ѡд̄шевлѣна* 223б. Через *-нн-* записаны: *реченно бысть* (6×: 107б, 108 и др.), *реченна* 139, *явленны* 248. Основной материал: *привезенѣ* 94б, 279, *возвѣщенѣ* 239б, *говоренѣ* 75, 78б, 227б, 259б, 261б, *не загороженѣ* 20б, *погубленѣ* 264, *не крещенѣ* 233, *положенѣ* 111, 219, 265б, *пущенѣ* 76, 261, *разоренѣ* 37б, *-ѣ* 18, 200, *растащенѣ* 37б, *не затворены* 142, *ѡтворены* 67б, 252. Во всех остальных случаях, напротив, ударение суффиксальное: *приде... двѣца многими грѣхми ѡбременѣна* 14б, *розведѣни бѣдутъ* 142, *изменѣна* В. ед. муж. 5б, -у В. ед. жен. 6б, 191б, *в нещѣ разжеженѣ* 135, *ста^рцы* (В. мн.)... *ѡблечены в бѣлы рѣзы* 13б. Таким образом, в Авв. сформулированные выше правила соблюдаются вообще без исключений. Отметим особую наглядность отразившейся у Аввакума оппозиции *говоренѣ* — *реченно*

(в одной и той же предикативной функции; и то и другое неоднократно).

В нецерковных памятниках Косм., Дом., Трав., Улож., Колм., Цел. картина упрощается тем, что *еп*-причастия здесь почти всегда представлены только главными формами, причем выступающими в предикативной функции (материал по Косм. см. в Глаг. акц., § 31). Отклонения от сформулированных выше правил здесь совершенно единичны: Косм. *устремлены были* 70б, Дом. *просолено* 69б, *сочтено* 90б. Ударение *речено есть* Трав. 5б, 88, *ωречено бысть* Улож. 187 закономерно (см. выше).

Рассмотрим в качестве еще одного образца церковный памятник — Ряз. В этом памятнике позиции флексийного ударения очень сильны: оно представлено здесь несколько шире, чем по общим правилам. Из адъективированных причастий находим, например: *блжэна* 201б, -о 253б, *смирэна* 208, -о 144б, 301б, 318, *совершено* 334б, -а И. мн. 330, *сокровэна* 9б, 128б, -о 152б, *явлэна* В. мн. 42, *явленно* 113б; однако встретились также *блаженны* В. мн. 247б, *смирэнд* 244, *смирены* В. мн. 83б, *совершенд* 94б, 290 и нек. др.; ср. также *надменд срце* 223б, *почтенд* 'почтенного' В. ед. 190б. Из написаний с -*нн*-отметим, в частности: *сотверженна* 115б, *оутвержэнно* 172б, *неоукрощённо* 329б, *проявленно* 255б, 295б, 309. Главные нечленные формы в предикативной функции (а также в функции обособленного приложения, которая здесь дает тот же эффект, что предикативная): *лишенд* 90б, 135б, *оуморенд* 124, *прембненд* 148, -ы 254, *премененд* 200б, *воспущенд* 86б, *не раздрбшенд* 15б, *затверженд* 203б, *оутверженд* 2, 299, *сотворенд* 61б, *срастворенд* 278, *ωтягченд* 139 (отметим еще *оумерщвенд* 172, *ωпалены* 87б, где а. п. с неисконна). Колебание: *реченд* 132, 314б — *речено* 311. Отклонения: *бѣ же. . . оуморено* 9, *еже проявлено* 264 (ср. выше более частое написание *проявленно*). В прочих случаях встречается как флексийное, так и суффиксальное ударение. Флексийное ударение явно преобладает: в главных нечленных формах, выступающих в атрибутивной функции (например, *несокрушенд* 277б, *прельщенд* 200б, *сътверженд* 118, также *оуединенд* 177, *неωскверненд* 218, при более редких *сокрушено* 301, *притворено* 201); в форме В. мн. на -ены (*сокрушены* 83б, 204, *ωмрачены* 62, 83, *смущены* 62, *потоплены* 225; -ены не встретилось). Оно преобладает также в В. ед. муж. на -ена (-енд [3×]: -эна [1×]), В. ед. жен. на -ену (3 : 1), Д. ед. на -ену (5 : 3). Напротив, в И. мн. на -ени безусловно преобладает суффиксальное ударение (-енй [2×]: -эни [10×]); то же в Д. М. ед. на -енѣ (0 : 4). В И. мн. на -ена представлено -енд (2×) и -эна (4×).

Как можно видеть из материала, в форме И. ед. жен. отклонения в сторону суффиксального ударения встречаются в Ряз. реже, чем в других формах. То же самое замечается и в ряде других восточных памятников (Цв., Бук., Хлын., Ратн., Матф.). В повышенной склонности данной формы к флексийному ударению естественно усматри-

вать влияние подвижной модели ударения прилагательных (*жѣвь, живѣ, живо, живы*), которая в восточной зоне и в других случаях обнаруживает тенденцию к расширению своей первоначальной сферы (ср. § 3.52).

В остальных церковных памятниках рассматриваемой группы картина в общем сходна с Ряз., но за рамками основного материала везде, кроме Рум., флексивное ударение представлено реже, чем в Ряз. Специально отметим ярко выраженную склонность формы И. мн. на *-ени* к суффиксальному ударению; счет *-ени* : *-ени* составляет в Ряз. 2 : 10, Биб. 2 : 36, Сел. 0 : 9, Сол. 0 : 4 (ср. еще в Цв. 0 : 20, Хлын. 3 : 17).

Далее, имеется несколько памятников, где доля суффиксального ударения немного выше, чем в рассмотренной группе. Так, например, в Цв. основной материал таков: *совершенѣ же бѣсть сѣ стѣя кнѣга* III 247б, *пѣчь ражженѣ бѣсть зѣд* 195, *лишенѣ* 151, 152, *печенѣ* 82б, *плѣненѣ* II 22б, 28, *разрѣшенѣ* III 203б, *оутверженѣ* 31б, *сотворенѣ* III 186б; *соблюденѣ* 180, *положенѣ* 144б, *сложенѣ* 69, *осушенѣ* 45, *оучиненѣ* III 60, также *реченѣ бѣсть* 170б, *якоже прежде явленѣ* 144б; с другой стороны — *наречѣна бѣсть* III 9, *речѣно бѣсть* (5×: 85 и др.), *бѣ наречѣно* 192б, *наречѣны бѣша* II 52 (здесь книжное ударение закономерно, см. выше); *возвѣщено бѣсть* 184, *вучинѣно... бѣсть* 68, II 51б, *оучинѣны бѣша* II 51б; также *ражженѣ слово твоѣ зѣд* 164б (где *ражженѣ* выступает в значении 'горячее, обжигающее', ср. выше *ражженѣ* в прямом значении). За рамками предикативной функции в Цв. также иногда встречается флексивное ударение (*варенѣ* В. ед. 180, *разрѣшенѣ* В. мн. 32б, *погруженѣ* В. мн. 84, *печенѣ* В. мн. 180, *каменю ѿмвалену* 13 и некоторые др.), но гораздо чаще здесь выступает суффиксальное ударение. Сходная картина представлена в Печ., Хлын., Ратн. (по-видимому, также в Хр. и Кирил., где материала сравнительно мало).

Последовательное суффиксальное ударение (во всех нечленных формах) представлено: 1) во всей основной части западной зоны; 2) из кромки западной зоны и промежуточной полосы — в Дан., Дос., Жит., Новг., Муз., Клон.; 3) из прочих — в московских памятниках Лес., Ап., Амф., в вологодских Корн., Лук. и географически близких к ним Ион. и Яр. Нет необходимости приводить соответствующий материал. Во всех этих памятниках находим только такие ударения, как, например, *соблюденѣ, -а, -о, -ы, приведенѣ, ражженѣна, спасѣна, прочтѣно, погубленѣно, цовленѣно, положѣно, попуцѣно, рож(д)ѣны, поручѣны, учинѣны* и т. д. (не считая случаев, рассматриваемых в § 3.68). В микросистемах этой группы нет противопоставления книжной и народной акцентовки.

В ряде памятников на фоне господствующего суффиксального ударения представлены единичные примеры флексивного ударения. Так, например, в Лет. находим *веденѣ* 331б, *приведенѣ* 152, *свершенѣ* 329, *заложенѣ* 289, *ѿбложенѣ* 338б, *загороженѣ* 115, *заплаченѣ* 3б,

ω^m пущенъ 374, не насаженъ 208б и даже ω^m лученá В. ед. 241б — при гораздо более частых свершенá, неврезженá, пожжженá, положженá, измощенá, принесенá, ω бновленá, плененá, прощенá, порученá, посаженá, сотворенá, положено, сложено, речено, приведены, вреждены, принесены, пленены, съхранены и др. (не говоря уже об И. мн. на -ены и прочих второстепенных формах). Аналогично в нескольких других памятниках ближнего запада, а также северо-востока, см. карту 16.

Примерное равновесие суффиксального и флексийного ударения в основном материале обнаруживается в Ик., Хлуд., Библ., а также в Матф.

§ 3.67. Рассмотрим также вкратце *еп*-причастия от глаголов а. п. *b* и *a*. Для причастий от глаголов а. п. *b* основными являются две акцентовки (общие для членных и нечленных форм): корневая и суффиксальная. Их предполагаемое первоначальное распределение в зависимости от этимологической долготы корневого слога (типа *сужено—молено*, см. § 2.21, п. 5) в памятниках не сохранилось; произошли обобщения в ту или другую сторону или перераспределения. В XIV в. как в Чуд., так и в Мер. встречаются оба типа акцентовки (при этом в Мер. доля корневой акцентовки выше, чем в Чуд.; см. Акц. Мер., § 87, 91).

В XVI—XVII вв. наблюдается тенденция к установлению следующего синхронического соотношения: если в микросистеме нечленные формы *еп*-причастий имеют в а. п. *c* флексийное ударение, то в а. п. *b* — корневое; если в а. п. *c* суффиксальное, то в а. п. *b* преимущественно тоже суффиксальное.

Соответственно, складываются два основных типа акцентовки *еп*-причастий: восточный и западный. Восточный тип характеризуется оппозицией *проценд* (а. п. *c*) — *спрбшено* (а. п. *b*), в членных формах *прощены* — *спрбшены*. Уже в XVI—XVII вв. такая акцентовка в некоторых микросистемах достигает (в книжной сфере) практически полной последовательности (индивидуальные переходы глаголов из одной а. п. в другую не в счет). Именно она легла в основу современной литературной нормы.

Западный тип (распространившийся также на некоторые памятники восточной зоны, см. карту 16) характеризуется тенденцией к унификации всех трех а. п., а именно, к преобладанию суффиксального ударения во всех группах *еп*-причастий, при наличии некоторой доли причастий с корневым ударением. Так, в а. п. *b* преобладает модель *спрошено*, но встречается также модель *спрбшено*. В а. п. *a* наблюдается эффект тематизации (§ 3.73), дающий ударения *очищено*, -ыи, *исполнено*, -ыи и т. п.; но наряду с этим, конечно, возможно и старое ударение (*очищено* и т. п.). Наконец, в а. п. *c*, где господствует модель *прощено*, здесь тоже обнаруживаются колебания в сторону модели *прбщено* (см. § 3.68). В западном типе нет различий между ударением членных и нечленных форм.

В качестве примера микросистемы восточного типа можно взять Трав. При модели -ены, -енд, -енд, -ены, -еныи в а. п. *c* мы нахо-

дим здесь у глаголов а. п. *b*, в частности: *бѣшенъ*, *кѣрменное*, *ѡкѣрменъ*, *-и*, *оукѣшенымъ*, *измѡмленую*, *перелѡмлены*, *-ья*, *-ымъ*, *намѡченъ*, *ѡбмѡченъ*, *-а*, *ѡмѡченъ*, *-а*, *-о* (и др. формы с *-мѡчен-*), *примѣшена*, *смѣшенъ*, *-а*, *-о* (но один раз *смѣшенѡ* 466б), *перестѣплена*, *-о*, *тѣмлен-ая*, *-ымъ*, *истрѣвлено*. Аналогично в Косм., Дом., Улож., Колм., с небольшими отступлениями также в Печ., Ряз., Ратн. (не считая памятников, где слишком мало материала). В Рум., Бук., Цел. у причастий а. п. *b* имеется заметное число отклонений от корневого ударения в сторону флексийного (по аналогии с а. п. *c*).

В качестве примера микросистемы западного типа возьмем Сенн. При модели *-ѣнъ*, *-ѣна*, *-ѣно*, *-ѣны*, *-ѣныи* в а. п. *c* мы находим здесь у глаголов а. п. *b*, в частности: *не бѣленъ* 154в, *оукрашено* 185г, *совокуплено* 124в, *искушено* Д. ед. 177а, *возлюблен-ьи*, *-аго*, *-ому* (6×), *умоленъ* 49б, *смѣшенъ* 136в, *послужено* 191а, *исужены*, *-ьи* (3×), *расточена* 137а, *истяжены* 24а, *сѣтрена* мн. 15а. Ср. также в а. п. *a*: *въврѣженоу* Д. ед. 83б, *исполнены* 154б, *-ое* 210г, *не приобрѣтеное* 29г, *ослабленъ* 151г, *-ому* 152а, *оставленъ* 108в и др. (наряду с примерами, где сохраняется корневое ударение). Сходная картина (но с несколько более заметной долей корневого ударения в а. п. *b*) представлена в Час., Т. пс., Муз., Карг., Егор., Лет., Пск. (не считая памятников, где слишком мало материала). Кроме того, к этой группе близки восточные памятники Увар. и Ап. В ряде памятников (в частности, Ион., Корн., Фер., Биб., Амф., Библ.) суффиксальное и корневое ударение в а. п. *b* находится в примерном равновесии.

§ 3.68. Как уже отмечено, примеры корневого акцентировки встречаются также в а. п. *c* (в нечленных и членных формах); они носят здесь характер отклонений от основной (флексийной или суффиксальной) акцентировки. Приводим материал.

Причастия от *i*-глаголов. Западная зона и промежуточная полоса. Мер. *свобѡженъ* 131б, Окт. *волю*. . . *совѣршеноу* 1г, Нил. *полѡженъ же* 107 (если только вария здесь иктусная), Сенн. *сврѣшенѣ* Д. ед. 136а, *огорчено* 136г, Егор. *пресоуженъ* 327б, Дос. *совѣршеноу* Д. ед. 101б, Фер. *явленоу* Д. ед. 801, Лет. *възбранено бы^с* (2 уд.) 30 (менее надежно *научены* 299б), Карг. *прощена будещи* 37, *рождены* В. мн. 501, *явлено* 75 (если исо здесь иктусное), Стар. *мишени* 28б, Клон. *побѣженъ* 272, Печ. *озвѣре^ч* В. ед. 422, *оулченъ* 150б, *затворена* мн. 64б, *-и* 289, *явлены* В. мн. 402, также почти регулярно *-лѡжен-* (*влѡженыя* В. мн. 553б, *облѡжена* В. ед. 32, 222, 534, *-ое* 60б, *ѡблѡжени* 114, *прелѡженоу* Д. ед. 298, *приложено* 260, *-ая* мн. 351). Восточная зона. Дальний северо-восток: Сол. *ѡпнущенъ* 97, *явлена* мн. 24б, Колм. *закривлены* 9б, *положено* 219, *перемѣнено* 175, *посаженъ* 107, *пострѣленъ* 165, *затворены* 197 (ср. еще *доморощены^с* 140), Авв. *попущено* 30б. Прочие части восточной зоны. Ион. *ра^скривлены* 590б, *помощены* В. мн. 433, Биб. *оукрѣпленно е^с* 33б, Библ. *оугашено* 479б, *раскривлены* 487, *оукривленъ* 614, Ик.

по^дтёмнено 39, чѣнена 79б, 101, 11б, -о 6бб (заметим, что в этом небольшом памятнике приведенные примеры составляют значительную часть всего материала по причастиям), Цв. по^ложена В. ед. 16б, во-плóщенна В. ед. 108, Косм. насáжено 5бб, Дом. не нагрязнено 98б, 101б, 102б, -ы 102, перекрѣплено 81б, перекрѣплены 80б, Трав. спúщена 197, холóщенаго 270 (+ 270) (возможно, сюда же про^долѣб-лени 177), Ряз. штѣмнено 89б, потѣмнени 319²б, явлена 99б, -о 98, проявлена 35, прилѣплены^н 102, Сел. явлено 337, явленна 116б, -ая 11б, проявле-нно 409, -наго 420б, Костр. оустрѣлену Д. ед. 145б, Матф. разрѣшена мн. 143б, не насѣлено 221б, проуѣненъ 222, Улож. домѣренныхъ 26б. Менее показательны ударения прокá-женъ, воорúженъ, встречающиеся во многих памятниках (здесь возможна неустойчивость акцентной парадигмы).

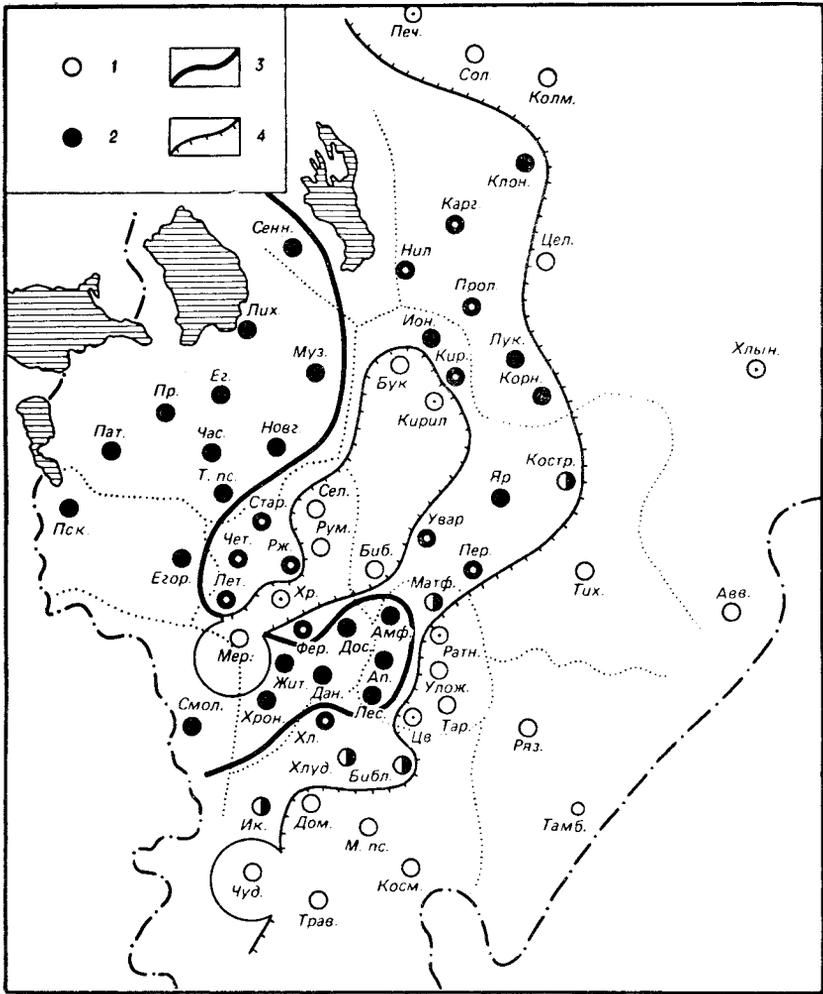
Причастия от С-корневых глаголов отмечаются с корневым ударением существенно реже: Нил. ввѣдену же Д. ед. 239б, Хрон. пре^д-рече^нныхъ 216б, Фер. рече^нному 834, пре^дрече^нныхъ 252б, Лет. бóденъ бѣ^с 69, привѣдѣнъ (sic) бы^с 23б, Цв. съпряженъ дв. сред. 48, Трав. тóлченъ 481, Костр. помѣтенъ 170, Цел. пѣчено 219, тóлчено 105б, утóлченѣ 56б.

Приведенный материал указывает на начало процесса, получившего в русском языке значительное развитие в последующую эпоху (а в белорусском и украинском достигшего почти полного осуществления). Как можно видеть, примеры нового ударения встречаются в обеих зонах.

В западной зоне у *i*-глаголов ударения типа *прóщено*, *пúщено* (при более обычных *проу́щено*, *пуу́щено*) могли возникать, в частности, в силу выравнивания акцентовки *еп*-причастий всех трех а. п. (см. § 3.67).

В восточной зоне (вероятно, также и в некоторых частях западной зоны) основным источником инновации, с нашей точки зрения, было формирование акцентной оппозиции залогов в системе прош. времени и инфинитива³⁷ (ср. также § 3.70 и 4.4). Исходным пунктом развития этой оппозиции послужила модель *писáти*, *писáль* — *пѣсанъ*. В классе *i*-глаголов такая оппозиция очень рано сформировалась в а. п. *b*: *просѣти* — *прóшено*. По этому образцу уже в древнерусском соотношении *пустѣти* — *пууценѣ* могло иногда заменяться на *пустѣти* — *пúщено* (ср. *свобóженъ* в Мер.). В ходе эволюции акцентовка прош. времени *i*-глаголов а. п. *c* неуклонно приближается (хотя и с разной скоростью в разных говорах) к характерной для а. п. *b* модели *просѣти*, *просѣль*, -а (с колонным ударением). Соответственно, стимулы к замене *пууценѣ* на *пúщено* усиливаются. Замены *пúстѣль*, *пустѣла* на *пустѣль*, -а и *пууценѣ* на *пúщено* в сущности составляют две стороны единого процесса акцентной поляризации залогов в прош. времени.

³⁷ См. Хазагеров 1973б (с. 106—108) о важной роли этой оппозиции в истории русского ударения.

Карта 16. Ударение в нечленных формах *en*-причастий от глаголов а. п. с: 1 — в «основном материале» (§ 3.66) модель *прощёнь, прощёнд, прощёнд, прощёнды*, 2 — модель *прощёнь, прощёна, прощёно, прощёны*; 3 — восточная граница основной зоны с последовательным предфлексийным ударением (*прощёна, -о, -ы*); 4 — границы ареалов с господствующим или преобладающим флексийным ударением (*прощёнд, -д, -ы*).

Примечание. Незначительные отклонения от флексийного ударения к предфлексийному не отражены.

В *en*-причастиях С-корневых глаголов а. п. с новое ударение типа *привёдено* (ср. активные формы *привестй, привелй*) развивалось медленнее — по-видимому, в связи с тем, что, в отличие от *i*-глаголов, здесь не было соответствующих акцентных образцов в рамках того же морфологического класса (образцами служили более далекие модели *писа́ль—пи́сань, проси́ль—прóшенъ*). Тем не менее в конечном счете

Важный вопрос составляет соотношение между инновациями типа *пѹщено* в *еп*-причастии и типа *пѹстить* в презенсе (§ 3.75). В современном языке у *i*-глаголов существует акцентная корреляция между презенсом и причастием, реализуемая моделями *спрѣбит*—*спрѣшено*, *покорѣт*—*покоренѣ* (хотя есть и отклонения, например, *осѹдит*, но *осужденѣ*, *раскрѣит*, но *раскрѣено*). Эта корреляция восходит к раннедревнерусскому (см. § 2.21, п. 3, 5). Мы не можем, однако, предполагать, что ударение типа *пѹщено* возникло именно в силу данной корреляции, т. е. просто как следствие инноваций типа *пѹстить* в презенсе: во-первых, в причастиях новое ударение появляется в памятниках в целом даже несколько раньше, чем в презенсе; во-вторых, сдвиг захватывает также причастия типа *приведено*, а в этом классе глаголов ударение презенса не менялось. Акцентные сдвиги в *еп*-причастиях и в презенсе, по-видимому, развились независимо друг от друга. Сдвиг в *еп*-причастиях реализовал тенденцию к акцентной оппозиции залогов. В принципе он был всеобщим; лишь слова книжного характера были относительно устойчивы против этой инновации. Сдвиг в презенсе был связан с перераспределением акцентовок по семантическому и морфологическому основаниям (§ 3.75). Он был ограничен в основном переходными глаголами некнижного характера. Понятно, что в этих условиях инновации типа *пѹщено* и типа *пѹстить* обнаруживаются обычно у одних и тех же *i*-глаголов.

n-причастия

§ 3.69. Нечленные формы *n*-причастий от глаголов а. п. с (практически речь идет о V-корневых и *a*-глаголах, например, *продати*, *прозвати*) обнаруживают в XIV—XVII вв. несколько моделей акцентовки. У причастий с неодносложной основой модель акцентовки определяется: 1) ударением в И. В. ед. муж. (тип I — старое ударение *прѣданъ*, тип II — новое ударение *прѣданъ*); 2) ударением в прочих формах; здесь возможны подвижный, окситонированный и баритонированный варианты. Реально представлены четыре основные модели акцентовки, показанные (в рамках главных нечленных форм) в табл. 5.

Таблица 5

Акцентовка нечленных форм *n*-причастий а. п. с

Формы	Модели			
	I подв.	I окс.	II окс.	II бар.
И. В. ед. муж.	<i>прѣданъ</i>		<i>прѣданъ</i>	
И. ед. жен. И. В. ед. сред. И. В. мн. на -ы	<i>прѣданѣ</i> <i>прѣдано</i> <i>прѣданы</i>	<i>прѣданѣ</i> <i>прѣданѣ</i> <i>прѣданы</i>	<i>прѣдана</i> <i>прѣдано</i> <i>прѣданы</i>	

Ударение второстепенных нечленных форм в принципе совпадает с ударением И. ед. сред. (кроме формы И. В. мн. сред., которая в принципе совпадает по ударению с И. ед. жен.). Однако реально вместо ожидаемого по этому правилу ударения в XVI—XVII вв. часто выступает специфически книжное ударение. Обычно оно реализуется как предфлекссионное (например, *продáни*). Но в типе I в части случаев в качестве книжного может выступать и начальное ударение (например, *прѣдани*); это не что иное, как просто наосновное ударение с обычным для данной микросистемы положением ударения внутри основы. Таким образом, второстепенные формы показательны для характеристики акцентной микросистемы лишь при флекссионном ударении, ограниченно показательны при начальном ударении (указывают на тип I) и почти совсем непоказательны при предфлекссионном ударении. В некоторых (сравнительно редких) случаях книжное ударение выступает также у главных форм, например, И. ед. жен. *привáна* или *прѣвана*.

Из карты 17 видно, что разделение микросистем на типы I и II в основном соответствует делению на восточную и западную зоны. Можно видеть также, что архаичная модель I подв. сохраняется лишь на северо-востоке (преимущественно ближнем). Напротив, максимально трансформированная модель II бар. отмечается лишь вблизи западных границ западной зоны.

Ниже рассматривается несколько показательных микросистем. Помимо причастий с исконной подвижностью ударения, в разбор включается также *созданъ*, которое рано перешло в подвижный тип; другие причастия с неисконной подвижностью (на *-гнанъ*, *-сланъ*, *-тканъ*) приводятся лишь для тех памятников, где их подвижность непосредственно засвидетельствована. Книжные *избранъ* 'лучший, превосходный', *попранъ*, а также любые примеры с написанием *-нн-* (*раздраннъ*, *собранны* и т. п.) при разборе могут быть просто опущены, если они встретились с предфлекссионным ударением.

Модели типа I (восточные)

Модель I подв. Увар.: *прѣданъ* 5126, 527, 733, 734, *прѣданъ* 676, 685, *пѣзванъ* (5×: 906, 289 и др.), *прѣзванъ* 82, 145, 480, *сѣзданъ* 5026, 5776; ω^m *данъ* 4816, *преданъ* 300, 3006, 3066, *прѣдано* 514, 6166, 6576, *сѣздано* 5556; ср. также второстепенные формы — *прѣдани*, *пѣзвани*, *сѣзбрани*, *прѣдана* Р. ед., *прѣдану* Д. ед., *прѣзвану* Д. ед., *сѣздану* Д. ед. [13×], при единичном *прозванъ* Р. ед. 582; в *раздранъ* 6946 представлено книжное ударение (из-за книжной приставки *раз-*). Аналогично в Костр., Пер., Тих., Хлын. (также в Сел., Сол., но здесь слишком мало материала по формам с ненулевым окончанием).

Модель I окс. Бук.: *прѣданъ*, *прѣданъ*, *разданъ*, *сѣбранъ*; *прѣданъ*, *-ѣ*, *прѣданъ*, *-ѣ*, *разданъ*, *сѣбранъ*, *-ѣ*, *-ѣ*, ω^m *бранъ*, *-ѣ*,

раздранъ, *ω^мданъ*, *-ы*; в *избранъ*, *издранъ* (вероятно, также в *ω^м-бранъ*) ударение книжное (Аксенова 1982). Колл.: *прѣданъ* 170, *прѣданъ* 145, *обранъ* 43, 44, *названъ* 74, *скованъ* 193₂; *названъ* (часто), *-ѡ* 185, 207, 212, *-ы* 188, 234, *ω^мданъ* 139, *собранъ* 189, *прѣданъ* 29, 136, *-ы* 20 bis, *проданъ* 102, 245 (отклонение: *на'вана* 135). Аналогично Косм. (см. Глаг. акц., § 31), Рум.

Возможны также варианты, промежуточные между I подв. и I окс. Вариант *прѣданъ*, *проданъ*, *проданъ*, *прѣданы*. Авв.: *скованъ* 67, 215 (+ 37), *прѣкованъ* 90, 274; *сосланъ* 37, 215 (причастия на *-сланъ* 'missus' перешли здесь в подвижный тип), *посланъ* 77 (+ 260); *прѣкованы* 91б, 279, *посланы* 260, *прѣсланы* 77, 260; ср. также *скованъ* В. ед. муж. 35б, 214, 249б, 252. Неясно, какую акцентовку (подвижную или постоянную начальную) отражает *послано* 'постлано' 9б, 280б, поскольку других форм на *-с[т]ланъ* 'stratus' нет.

Вариант *прѣданъ*, *проданъ*, *проданъ*, *прѣданы* // *проданы*. Улож.: *ω^мданъ* 251б, 287б, 288 bis (при единичном *ω^мданъ* 51); *ω^мданъ* 24б, 33, *проданъ* (5×: 165б, 219б и др.), *собранъ* 114, 114б; *ω^м-данъ* 30, 200б, 237б, *поданъ* 98б, *розданъ* 237б (при единичном *нѣ роздано* 223); *ω^мданы* (6×: 23, 172б bis и др.), *прѣданы* 219б, *розданы* 203б, 204, 251б — *ω^мданы* (9×: 51, 17б, 176б и др.), *проданы* 3б, *розданы* (7×: 30б, 34б bis, 198 и др.).

Вариант *прѣданъ*, *проданъ*, *проданъ* при отсутствии примеров мн. на *-ы* и при начальном ударении во второстепенных формах. Печ.: *избранъ* 220б, *пѡпра^н* 364б (также *ω^мгнанъ* 443б, *изгнанъ* 297б — причастия на *-гнанъ* перешли здесь в подвижный тип); *сѡданъ* 24б, 476б bis, *разданъ* 207; *собранъ* 518б (также *ω^мгнанъ* 326б); второстепенные формы — *прѣданы* 522, *ω^мгнаны* 131, *-ѡ* Д. ед. 237, 460, *сѡданъ* Д. ед. 534, в *небрану зѣмлю* 285б, также *прѣданъ* мн. 50, 270, *собранъ* мн. 243. Аналогично Цв. (см. Глаг. акц., § 39), а также (с небольшими отклонениями в сторону типа II) Библ.

То же с колебанием *прѣдано* // *проданъ* в ед. сред. Биб.: *прѣданъ* 366б, *прѣданъ* 393, *сѡданъ* 285, 42б, 468б, *избранъ* 426б bis, *вѣзва^н* 335 (отклонение: *прѣданъ* 388); *сѡданъ* 280б; *сѡдано* 453, *сѡбрано* 462б, *прѡзвано* 28б, *ω^рано* 121, но также *сѡданъ* 452б, *вѣзданъ* 445; ср. *сѡбраны* 283, 28б, 331, *вѣзваны* 340б, *прѣданъ* мн. 9, 33б (книжное ударение в *невѣзвана* 339, *прѣзваны* 338б).

В ряде памятников (в частности, Карг., Тар., Трав., М. пс.) материала достаточно только для того, чтобы установить принадлежность микросистемы к типу I.

Модели типа II (западные)

Модель II бар. Пск.: *ω^мданъ* 11б, *прѣданъ* 12б, 40б, 69, *прѣзанъ* 344 (также *избранъ* [4×]), *скованъ* 123, *пѡкованъ* 122б; *прѣдана* 9б, *сѡданы* 9б, 99, *собраны* 23б, 240; ср. также *сѡданы* 348б,

позв́ани 129б (+ 77б), *призв́ани* 128 (отклонение: *пóзвани* 125). Сюда же, по-видимому, относятся Пат., Хрон., Смол. (материал которых довольно беден).

Модель II окс. Чуд.: *преданъ* 69в, *проданъ* 102в, *избранъ* 64б; *преданà* 28а, *проданó* 23г, *преданì* 68г (+ 38г), *собранì* 66г, -ì 73а, -ì В. мн. 157в, *основанì* 130в (+ 126а), *преданà* мн. 32г (+ 7в), *преданû* Д. ед. 40г, *избранà* В. ед. 84б, -оу Д. ед. 84б, *призванóу же* Д. ед. 76б (колебание: *основá|на* 29г; отклонения: *основá|на* 5в, *предàна* мн. 163б, кроме того, *нè прана* Р. ед. 6в). Причастия на -зданъ в Чуд. колеблются: *создàна бы°* 130б (едва заметная оксия), *создàни* 125в, *наздàни* 130г — *созданà* 42б, *назданì* 125г. Модель II окс. представлена также в Прол., Муз., Егор. (см. материал этих рукописей в Глаг. акц., § 39), Амф.

Колебание между II окс. и II бар. Лет.: *подáч* 261, *позв́ч* 180, *созданъ* 319б (+ 31б); *созданà* 238б, *разбранà* 332 (также вторичное *штканà* 85б); с другой стороны, *созáна* 67б, *штдань* 24 (ср. также *зздань* 230б; ударение в *собрáнно* 57б, *раздрáну* В. ед. 24б может быть книжным). Ион.: *обrán* 264б, *ковань* В. мн. 87б, *сбранà* мн. 349б, *преданà* В. ед. 245 — *предано* 125, -и 182, *шковáни* 556 (ср. книжное ударение в *бѣ создáнна* 369б). Аналогично в Лих., возможно, также в Сени. (где словоформы *предано*, -а мн., -и, -оу, *продано*, *призвана* регулярно [13×] выступают без знака ударения).

В Корн. обнаруживается особая комбинация, которую можно было бы обозначить как II подв., если бы имелась уверенность в том, что встретившиеся здесь примеры достаточно представительны для микросистемы в целом: *преданъ* 17б, 132б, *проданъ* 58б; *поданà* 228; *сбраны* В. мн. 430, -и 159б (+ 297), -оу В. ед. 278б.

Для ряда рукописей (в частности, Ег., Пр., Новг., Пат., Дос., Хл.) можно констатировать лишь их принадлежность к типу II.

Наконец, имеется несколько памятников, колеблющихся между типами I и II. Ап.: *преданъ* 52б, 9б, *прóданъ* 99, *поданà* 70, *созданà* 174б, *прѣдано* 121б, но *проданò* 10 (ср. также *собрани* 9б, 23б, 37б, *сздани* 160б, *пръзвану* Д. ед. 44б, *преданà* В. дв. 28). С другой стороны, явно по типу II: *преданъ* 30, 124б, *призванъ* 119 bis, 119б (4×), *созданъ* 124, 192б, *окованъ* 219, *призв́аны* 30б, 119б (менее показательны *продàна* В. ед. 5б, *поданъ* 54, *оковáни* 161б). Прочие микросистемы с подобным колебанием — Дан., Фер., Чет., Хр., Рж. (все они относятся к ближнему западу; ср. карту 17).

Для Мер. можно констатировать лишь модель «окс.» (неизвестно, типа I или II): *изданw*, *штданw*, *поданw*, *преданw*, *избранw* (Акц. Мер., § 89).

В проведенный выше разбор не были включены причастия с односложной основой (*данъ*, *вданъ*, *званъ* и т. п.). Их особенность состоит в том, что здесь модель с флексийным ударением распространена гораздо шире, чем при неодносложной основе. Рассмотрим причастие

данъ, которое встречается существенно чаще всех прочих. Словоформа И. ед. жен. повсеместно имеет ударение *данà* (исключение: Цел. *дàна* 4б, наряду с *данà* 4б). У словоформ *дано*, *даны* (также *дана* мн.) только начальное ударение представлено: 1) в основной части западной зоны, кроме Егор. (реально в Лих., Ег., Пск., Смол.); 2) в Дан., Хлуд., Карг., Лук. (но в последних трех рукописях отмечено лишь по одному примеру). Кроме того, в качестве единичного отклонения от нормы *дàно* встретилось в Егор. и Ап., *дàны* в Хлын. В Лет. представлены *данò* 38, *дàны* 212, в Муз. *дàнò* (2 уд.) 209б. Во всех прочих памятниках, где эти словоформы вообще встречаются, представлены только *данò*, *даны*. Реально это памятники восточной зоны, а также Чуд., Мер., Фер., Жит., Хл., Хр., Нил., Печ. Во второстепенных нечленных формах (например, *дани*, *дана* Р. ед., *дану*) начальное ударение может встретиться в памятниках разных районов.

Членные формы рассмотренных выше *n*-причастий акцентуются так. Древнейшая акцентовка (флексионная) представлена в Мер.: *данме*, *вданме*, *поданме*, *преданмму*, *продан-ме*, *-мму* (Акц. Мер., § 89). Следы такой акцентовки отмечены также в Бук.: *проданьхъ* 209, *ω^тдан-ьхъ* 223, *-бе* 223. Более поздняя акцентовка — предфлексионная: *дàн(н)ьи*, *продàн(н)ьи*, *собрàн(н)ьи* и т. д. Она последовательно проведена, в частности, в Чуд. Еще более поздняя инновация — начальная акцентовка: *прòдан(н)ьи*, *сòбран(н)ьи* и т. д. В XV—XVII вв. распределение таково: в памятниках с устойчивой моделью *продàнъ* в ед. муж. (см. карту 17) членные формы имеют только предфлексионную акцентовку; в памятниках с моделью *прòданъ* (хотя бы факультативной) конкурируют предфлексионная и начальная акцентовки (при этом книжное адъективированное *избрàнныи* и субстантивированное *придàное* имеют застывшее предфлексионное ударение). Самые ранние памятники, где встретилась акцентовка типа *прòдан(н)ьи*, *сòбран(н)ьи*, — Увар., Фер., Карг., Биб., Библ. Только такая акцентовка отмечена в Рум., Карг., Кир., Кирил., Сол., Пер., Тих., Матф., Авв. (правда, в части этих памятников материал весьма невелик).

§ 3.70. Рассмотрим также коротко (без разбора материала) вопрос об акцентуации *n*-причастий от глаголов с неподвижным ударением в прош. времени. Членные и нечленные формы рассматриваются вместе, поскольку в этой группе их ударение, как правило, одинаково.

Как и у *en*-причастий (§ 3.67), предполагаемое (для *a*-глаголов) первоначальное распределение в зависимости от этимологической долготы корневого слога (типа *писанъ* — *чесанъ*, см. § 2.21 п. 6) в памятниках не сохранилось. В Чуд. наблюдаются колебания ударения при любом типе корневого слога. В XV—XVII вв. картина в общих чертах такова. В причастиях с книжной окраской (*истязанъ*, *взысканъ*, *оклеветанъ* и т. п.) предфлексионное ударение может встретиться в памятниках любого района. У прочих причастий в восточной

зоне наблюдается четко выраженная тенденция к обобщению сдвинутого влево (т. е. корневого) ударения, например: *писанъ*, *связанъ*, *наказанъ*, *оглоданъ*, *тэсанъ*. Она постепенно охватывает, помимо а-глаголов, также и прочие классы глаголов на *-ати*, отсюда *хвѣтанъ*, *кѣпанъ*, *слѣманъ*, *подѣванъ*, *побѣванъ*, *воѣванъ*, *торгованъ*, *удѣржанъ* и т. д. В западной зоне, напротив, наблюдается тенденция, хотя и не столь последовательно реализуемая, к обобщению предфлекссионного ударения: *писанъ*, *связанъ*, *наказанъ* и т. д.

В акцентном отношении несколько особо стоят причастия с односложной (не считая приставки) основой, т. е. такие, где сдвиг ударения влево фактически должен дать префиксальное ударение: *посланъ*, *проганъ*, *познанъ* и т. п. Акцентуация разных причастий этой группы не вполне одинакова.

Для причастий на *-сланъ* картина такова. Последовательное ударение *посланъ*, *-а*, *-о*, *-ы*, *послан(н)ыи* (аналогично и с другими приставками) представлено в памятниках западной зоны Нил., Ег., Пр., Муз., Пат., Егор., Пск., Хрон.; кроме того, в Амф., Стар. (в Пер. и Хлын. встретились только *посланъ* В. ед. Пер. 216, *по^ослан^ныи* Хлын. 104, которые могут быть и непоказательными для микросистемы в целом). В ряде памятников ударение не вполне устойчиво. Так, в Сенн., Лих. преобладает предфлекссионное ударение. В Чуд. колеблется ударение нечленных форм (см. Дыбо 1981, табл. 98) при предфлекссионном ударении в членных. Примерное равновесие двух акцентов отражено в Ион., Дос., Дан. В Прол., Лет., Фер., Ап., Лук. преобладает префиксальное ударение.

В большинстве памятников восточной зоны представлено ударение, полностью укладывающееся в формулу *пбсланъ*, *-а*, *-о*, *-ы*, *пбслан(н)ыи*. Таковы: Цв., Улож., Матф.; Хл., Хлуд., Библ., Косм., Дом., Ряз.; Увар., Биб., Сел., Костр., Яр., Тих.; Корн., Сол., Колм.; кроме того, Хр., Карг., Клон., Печ. Правда, лишь в немногих из них встретила форма И. ед. жен. (*пбслана* Хлуд. 1246, Печ. 415, *прислана* Улож. 1156); но косвенным указанием на неподвижный акцентный тип здесь служит отсутствие ударения *посланд* (при возможности ударения типа *проданд* для большинства этих памятников, см. карту 17); отметим еще /*ô*/ в *пбслании* Прол. 146 (при /*э*/ в Вас. сб., Дос., Узк., Хл., Хр.). Переход в подвижный тип засвидетельствован в Авв. (см. выше, § 3.69) и Вед. (*пбсланъ*, *-о*, *-ы*, но *посланд* 66, см. Дыбо 1981, с. 225).

На карте 17 показана основная западная граница последовательного ударения *пбсланъ*, *-а*, *-о*, *-ы*, *пбслан(н)ыи*. Легко видеть, что она почти совпадает с западной границей преобладания модели *прбданъ*.

У причастий на *-гнанъ* и *-знанъ* развитие нового (префиксального) ударения шло много медленнее. Даже в XVII в. для подавляющего большинства микросистем, в т. ч. восточных, нормой еще остается *изгнанъ*, *-а*, *-о*, *-ы*, *изгнан(н)ыи*, *познанъ*, *-а*, *-о*, *-ы*, *познан(н)ыи* и т. д. Новое ударение еще составляет редкость; таковы *прбгнан-*, *сбган-* в Бук., *изган-* в М. пс., Печ., Костр., Тих., *ѡгнан-* в Печ.,

пóзнан- в Хр., М. пс., Печ. (при этом в Печ. и Тих. указанные причастия имели тенденцию перейти в подвижный тип). Ускоренное развитие ударения *пóсланъ* (по сравнению с *прбганъ*, *пбзнанъ*) можно связывать с влиянием презенса *пбслеть* (ср. иную морфологическую структуру у *проженеть*, *познаеть*). Для причастий на *-стланъ*, *-лганъ* материала существенно меньше; отметим лишь встретившиеся новые ударения: *пбстлан-* в Чуд., Сenn., Муз., Фер., Лук., Сел., Авв., *настлан-* в Тих., *сблган-* в Прол., Ряз., *обблган-* в Прол., Матф. (не вполне однозначны *солганъ*, *оболганъ* в Мер.).

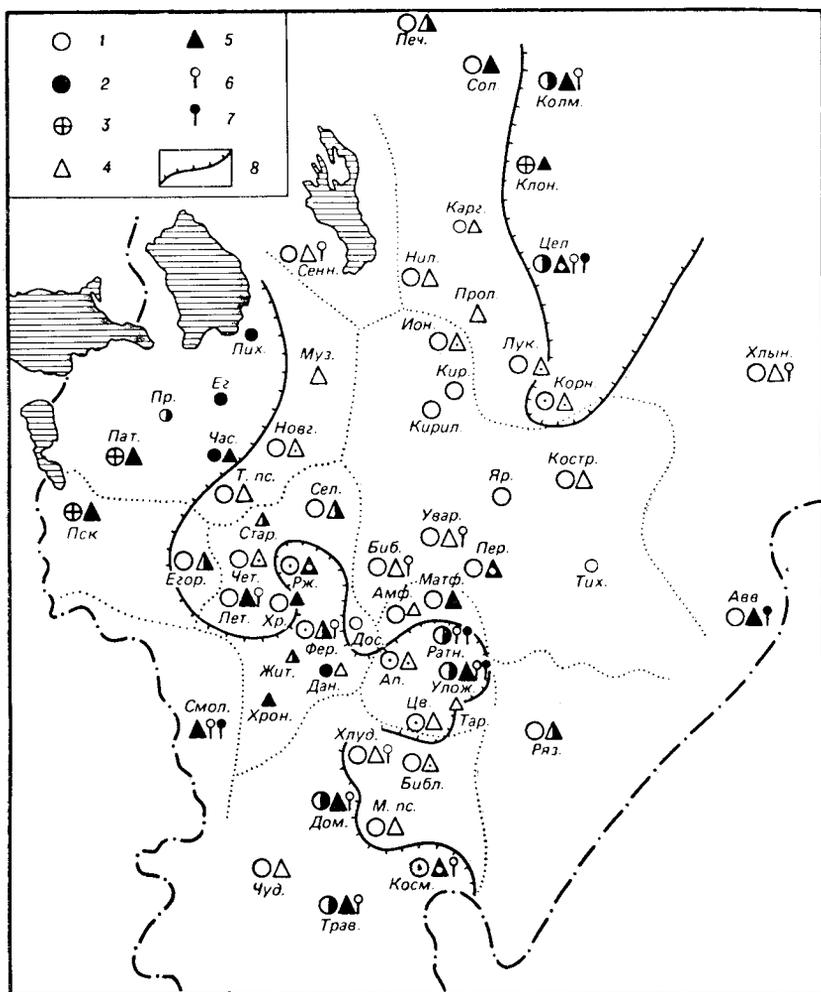
В целом картина акцентного развития *n*-причастий в восточной зоне отчетливо свидетельствует о постепенном расширении акцентной оппозиции залогов в прош. времени (см. § 3.68), ср. *связа-ти*, *-въ*, *-лъ*, *-ла* — *связа-нъ*, *-на*, *-н(н)ыи*; *посла-ти*, *-въ*, *-лъ*, *-ла* — *пбсла-нъ*, *-на*, *-н(н)ыи*. К этой же модели здесь направлена также эволюция глаголов с подвижным ударением; ср. в современном языке: *собра-ть*, *-в*, *-л* (жен. *собрала*, но нелитер. *собра́ла*) — *собра-н*, *-на*, *-нный*. В XVI—XVII вв. направление эволюции в восточной зоне обнаруживается в переходе от *продан(н)ыи*, *собран(н)ыи* к *прбдан(н)ыи*, *сбран(н)ыи* (§ 3.69) и в редких примерах типа И. ед. *прэдана* Цв. 42 — на фоне перехода от *прбдавъ*, *сбравъ* к *прдавъ*, *сбравъ* и появления первых акцентовок типа *собра́лъ*.

Инфинитивы с исконным ударением на -ти (-чи, -щи)

§ 3.71. Настоящий и последующие разделы описания глагольной акцентуации из-за недостатка места даются в очень сжатой форме.

В XV—XVII вв. у инфинитивов с исконным конечным ударением наблюдается процесс замены этого ударения на предконечное. Здесь актуален также фактор книжности, в силу которого в эту эпоху, независимо от прочих свойств микросистемы: а) почти всегда имеют книжное предконечное ударение в инфинитиве приставочные глаголы на *-яти*, сохраняющие [j] в начале корня (*прияти*, *пояти*, *изъяти* и т. д.), и на *-ити* 'идти', где перед корнем стоит согласная (*внити*, *снити*, *изыти* и т. д.); б) часто имеют такое же ударение *жрети* 'devorare' (и смешавшееся с ним *жрети* 'sacrificare'), *-мрети*, *-стрети*, *запяти*, *распяти*, *пропяти*, *препяти*; в некоторых случаях также *кляти*, беспривставочное *яти* и *начати*. У *пожрети*, *умрети*, *прострети* возможны два варианта книжного ударения — предконечное и начальное (последнее, вероятно, под влиянием презенса).

У V-корневых глаголов постепенное распространение нового (предконечного) ударения хорошо прослеживается по памятникам; см. карту 18. В XV—XVI вв. старое ударение сохраняется в восточных памятниках, а также в некоторых ранних северо-западных (Сenn., Нил., Т. пс., Муз., Новг.). Новое ударение в эту эпоху победило лишь в части западной зоны, почти победило также в южном памятнике конца XVI в. Косм. В начале XVII в. мы еще застаем старую систему акцентовки в М. пс., переходную систему в Печ.

Карта 18. Ударение инфинитивов:

1 — у С-корневых глаголов на *-ти* с первоначальным ударением на *-ти* модель *нести́*, 2 — модель *не́сти* (*не́сть*), 3 — акцентное распределение по модели *не́сти*—*не́стися́*; 4 — у V-корневых глаголов с первоначальным ударением на *-ти* (не считая книжных, § 3.71) модель *взяты́*, 5 — модель *взяты́* (*взяты́*); 6 — у С-корневых глаголов на *-чи* с первоначальным ударением на *-чи* встретилась модель *беречы́*, 7 — встретилась модель *бере́чи* (*бере́чь*); 8 — граница зоны, где встретилось ударение по модели *не́сти* (*не́сть*),

и Ряз. и следы старой системы в Стар., Сел., Рж. Из более поздних памятников старое ударение сохраняет только Хлын., его следы — Пер. и Цел.; во всех прочих памятниках представлено только новое ударение. Таким образом, экспансия данной инновации с запада на восток практически завершилась в XVII в.

Примеры архаичных микросистем. Ион.: *взяты́* (10×), *изяты́* (5×),

внятї 552б, запятї 217 bis, клятї тѧ 583, начатї 10б, 420б, жреть 'sacrificare' (10×), протретї 358, умретї 579, 579б (ср. книжное ударение в оумрети 15б, яти 565б); отклонение — взятї 574. Увар.: взятї (часто), изятї 482б, понятї 605, 605б, клятїся 832б, клятї же ся 595б (но проклять 386), начатї 435б, пожретї 'sacrificare' 69б, 614б, 734 (но жрети 513б, 534б, 552), оумретї (6×); ср. распятїся 578, 608б. Пример микросистемы (относительно ранней) с новым ударением — Лет.: взятї (часто; также взят^т 250б), занятї 211б, нанятї 84б, ѡтнятї 368б, перенятї 313, поднятї 102б, 307б, понятї 74б, 292б, снятї 31б, снятїся 104б, снятї^о (3×), также яти 118, 127б, нятї 114, умрети 23, 79б, пожрети 'devorare' 295. Интересно отметить *взять* (а не *взяти*) в новгородской берестяной грамоте № 578, относящейся к 1-й четверти XV в.

У С-корневых глаголов на согласную + *ти* (*нести*, *ползти* и т. д.) тенденция к предконечному ударению в инфинитиве выражена слабее. Полного перехода к ударению типа *нѣсти*, *нѣстїся* в наших источниках не отмечено (памятники, слишком бедные материалом, не в счет). Из карты 18 видно, что в XV—XVII вв. примеры такого ударения встречаются в памятниках большей части западной зоны, юга и Москвы, а также в ряде мест дальнего северо-востока. По индивидуальным причинам быстрее других глаголов новое ударение получают *чести* (и производные) и книжное *отверсти*; при составлении карты 18 предконечное ударение в инфинитивах этих глаголов не учитывалось.

Современная северо-восточная граница распространения инфинитивов типа *нести* идет от Онежского озера на Весьегонск, Бежецк, Загорск, далее южнее Владимира и Муром (см. Образ., карта 26). Как проходит эта граница на севере, менее ясно; известно, однако, что инфинитивы типа *нести* встречаются, в частности, под Архангельском (*принестї* и *принѣсть*, Мат. VIII, Сб. ОРЯС, т. 73, с. 389) и даже на востоке Вологодской обл. (*понѣс'*, *подм'ѣс'*, Орлова 1949, с. 69). Таким образом, наличие таких инфинитивов в Колм. и Цел. не противоречит современному диалектным данным. Карта 18 позволяет предположить, что уже в XVI—XVII вв. граница распространения акцентовки *нѣсти* (*нѣсть*) была в значительной мере сходна с современной; за три-четыре столетия она несколько сдвинулась к востоку (в южной части сильнее, чем в северной).

Как отмечено в § 3.9, предконечное ударение в инфинитивах С-корневых глаголов может быть (по крайней мере, для части лексем или в части говоров) более древним, чем в основном массиве примеров, объясняющихся западно-северной дефинализацией. Возможно, именно поэтому мы рано обнаруживаем инфинитивы с оттянутым ударением также и в восточной зоне (а именно, в ее южной части); ср. /ѡ/ в *рѡсти* Трав. 40, лекинск. *рѡс'т'*.

Для глаголов на *-чи* (*беречи*, *мочи* и т. п.) материала существенно меньше, поскольку в большинстве церковных памятников эта группа инфинитивов вообще не представлена (используются только вари-

анты на *-ци*). Насколько можно судить, новое ударение типа *берэчи* развивается в основном там же, где *нэсти*. Но есть и некоторые различия. Так, в Улож., Авв. и Цел. инфинитивы на *-чи* продвинулись к новому ударению сильнее, чем инфинитивы на *-сти*. При этом в Авв. представлена чистая система *нэсти, берэчь*, т. е. именно та, которая победила в современном литературном языке. С другой стороны, в южных памятниках Косм., Дом. и Трав. (но также и в Колм.), напротив, более быстрая эволюция происходит в инфинитивах на *-сти*.

Инфинитивы на *-ци* (*бреци, моци* и т. п.) в большинстве памятников акцентуируются так же (или почти так же), как инфинитивы на *-сти* и *-чи*. Лишь в некоторых восточных памятниках (в частности, Трав., Ратн., Колм., Авв., Цел.) *-ци* более устойчиво сохраняет конечное ударение, чем *-сти, -чи*. Тем самым здесь возникает оппозиция типа *берэчь — бреци* (наиболее четко представленная в Авв.), в которой обычное для восточной зоны соотношение народной и книжной акцентовок оказывается как бы инвертированным (поскольку в данном случае народное ударение даже в восточной зоне сдвинуто влево по сравнению с исконным; ср. § 3.13).

Пример архаичной микросистемы — Увар.: *блэсти* 726 и др., *вэсти, навэсти, ввэсти, привэсти* (часто), *погрэсти* 829б, *мястися* 520б, *смясти* 802б, *понэсти* 506б, *принэсти* 69б и др., *пэсти* 682, *чэсти* (часто), *ω^мврэсти* 684 и другие на *-сти*; *не бреци* 613б, *сжьечи* 833, *не мочи* 842б (+ 841б), *помочи* 836б, *печи* 841б; *вжеци* 725, *сжьечи* 603б, *леци* 833б, *не моци* 582, *стрэци* 297б и многие другие на *-ци*. Пример микросистемы со значительным количеством инноваций — Улож.: *вэсти* 'вэсти' 24б, *ω^мвэсти* 157б bis и др., *привэсти* (часто), *оувэсти* 32б, *ω^мнэсти* 318б, *принэсти* 118б bis — *перевэсть* 165, *привэсть* 319, *взнэсть* 94б, *ω^мнэсть* 168, 168б; *берэчи* 288, 293б, 333, 337б — *берэчь* 169б, 304, *жэчь* 154, *зэжэчь* 154б, *зжэчь* 147, 154б, 327б, *стерэчь* 125; инфинитивов на *-ци* нет.

Возможен также особый тип перестройки ударения инфинитивов — строго по принципу дефинализации. Образцом может служить Пск.: *вэсти* 309б, *внэсти* 142б, *понэсти* 123б, 173, *принэсти* (6×), *исчэсти* 258 (+ 58), *прэсти* (4×), *рэци* (4×), *стрэци* 20б (при единичном *теци* 118б); с другой стороны, *сп^тися* 176, 184, *трястися* 243, *ω^мврэчися* 144б, *ωблечися* 316б, *печися* 155б, 273, *попечися* 210, *нарэчися* 138, 161б, сюда же *ω^мврэчи намъ* 16б. Этот принцип проведен также в Пат. и Клон., частично (только у инфинитивов на *-ци*, но не на *-сти*) в Егор. Пример более сложной микросистемы с частичной реализацией данного принципа — Цел.: *розвэсти* 105 (+ 51, 86), *скрэсти* 184б, *блэсти* 81 при существенно более частых *довэсти*, *ω^м-, пере-, по-, ро³-* (15×), *огрэсти* 225, *нэсти* 33, *по³нэсти* 113, *рости* 240; *жэчи* 51б, *по³жэчь* 55, *ро³жэчь* (б. уд.) 252б, *сжьечи* 131 (+ 47б), *ужэчи* 83, 84, *испэчь* 245, *стерэчь* 176б, *истолчи* (11×), *истолчь* 249 bis, *столчи* (3×),

утолчи 105 — *беречи* (4×), *жечи*, *за-*, *з-*, *и²-*, *пере-*, *ра²-*, *со-*, *у-* (26×), *лечи* 158, *прилечи* 40, *мочи* 476, *печи* 556, *толчи* 1016, *истолчи* 446 (+108), *утолчи* 906; *помощи* 19 при *помощь* 20, *зажещи* 178, *и³жещи* 1886, *сожещи* 96. Между тем у возвратных глаголов ударение влево не сдвигается: *блжстѣся* 496, *срстѣся* 84, *тратѣся* 122, 1396, *беречѣся* (4×), *беречѣсь* 176.

Особое явление отражают примеры: *пбмощи* (инф.) Лих. 119г, Егор. (5×: 131, 2376 и др.), Пск. 436, 126, Лет. 27, 2716, Костр. 1026, *нѣ мощи* Лих. 1636, Пат. 6336, *сбблжсти* Пск. 1066, *вберещы* Хр. 14086, 1411. Эти примеры естественно связывать с рядом других случаев, когда характерное для западной зоны устранение конечного ударения реализуется в виде переброса ударения на начальный слог (ср. § 3.9, конец).

Императивы с исконным флексийным ударением

§ 3.72. У императивов с исконным флексийным ударением (т. е. в а. п. *b* и *c*) акцентная эволюция сходна с инфинитивами.

Особо стоят императивы с основой на гласную + *j* (*стои*, *боися*, *пои* [от *пѣти* и от *поити*], *дои*, *гнои*, *смѣися*, *куи*, *пи* и т. п.): конечное *-и* здесь утратилось уже в древнерусском, передав ударение основе; ср. повсеместное /*ô*/ в *стби*, *ббися*, *пби*, *дби* (современные литературные *дой*, *пой* и т. п. — аналогического происхождения). Ниже императивы этой группы не рассматриваются. Кроме того, не учитываются случаи перевода всего презенса в а. п. *a* (например, у книжных *внѣду*, *изѣду*, *приѣмлю*, *прѣзрю*, откуда императивы *внѣди*, *изѣди* и т. д.), а также книжные *вбнми*, *внѣмли*, *взѣмли*, которые могут иметь предфлексийное ударение даже при иной акцентровке презенса.

Императивы со сдвинутым влево ударением шире всего представлены в Пат., Стар., Цел., Целеб. Так, в Пат. находим: *ббжси* 5896, *иди* (6×), *взѣщи* 6336, *лбби* 5806, *прбсти* 6206, *соуди* 570г, наряду с *идѣ* (4×), *взѣмѣ* 610г, 649а; при наличии энклитик старое ударение сохраняется, например: *не дивѣся* 618в, *молися* 640в, *причѣстѣся* 606г; *блудѣ же* 6106, *погребѣ мя* 650г, *скажѣ ми* (3×), *коупѣ ми* 629а, *ω^тнесѣ мя* 629а bis, *принесѣ ми* 6106, 639в, *простѣ мя* (5×), *ω^тпоустѣ мя* 635а, *сѣтворѣ ми* 6286. Сведения об императивах в Цел. см. в § 3.10 (у возвратных старое ударение в Цел., как и в Пат., сохраняется). Отметим еще Целеб., где представлены *поберѣги*, *вбди*, *рр²вбди*, *омбчи*, *пѣши*, *смбтри*, *стерѣги*, *потѣрни*, но *блудѣся*, *берегѣся*. См. также в § 3.9 примеры императивов со сдвинутым ударением из записей Джемса.

По нескольку примеров сдвинутого ударения встретилось в Час., Т. пс., Нил., Лих., Ег., Егор., Пск., Амф., Сол., Хлын., Авв., по одному — в Пр., Хрон., Фер., Смол., Дорог., Биб., Библи., Ик., Косм., Трав., М. пс. В большинстве случаев это словоформы ед. числа

без ся: *вóзми, иди, приими, приклони* и т. п.; отметим Трав. *положь* 533б, Косм. *ω^mп^усть* 80б. Примеры с *-ся* или *-те* немногочисленны: Пск. *не ярися* 110б, Лих. *не м^ините* 220в, Егор. *взыците* 411б, Хлын. *бл^юдите же ся* 103, *взыците* 220б, *взыците* 78б; ср. также М. пс. *живи мя* 134б (оксия над жи зачеркнута), Сол. *напиши ми* 162. Менее надежны примеры, где не исключено смешение наклонений: Час. *испр^осите* 402б, Лих. *пр^осите* 248а, Егор. *взм^ѣте* 54б, 157, *пр^ид^ѣте* 543 bis (и некоторые др.), Библ. *не входите* 603, Ик. *всх^одите* 80₂б, Стар. *не любите* 46б.

Особые случаи: Амф. *соблюди* 86б, *сохрани* 80, Джемс *dólogi* 5б, Цел. *приложи* 153б, 158б. Они аналогичны инфинитивам типа *помощи, соблюсти* (§ 3.71, конец).

Во всех прочих обследованных памятниках флексийное ударение императива полностью сохранено (не считая книжных словоформ). Из приведенного перечня памятников видно, что новое ударение императива отмечается: 1) в большинстве памятников западной зоны (а также в Стар.); 2) в большинстве памятников юга; 3) в значительной части памятников дальнего северо-востока. Ареал последовательного сохранения старого ударения — это основная часть восточной зоны без памятников юга. Таким образом, картина здесь довольно близка к той, которую дают инфинитивы С-корневых глаголов; ср. карту 18.

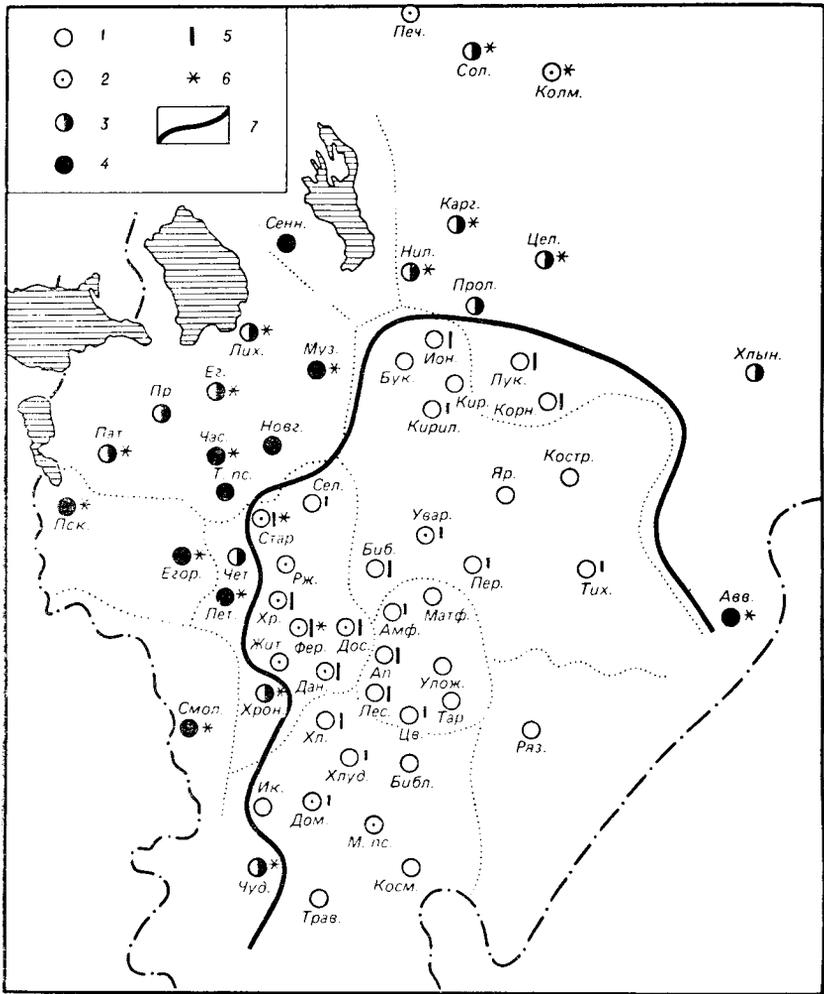
Тематизация ударения

§ 3.73. Важный тип акцентной инновации составляет тематизация ударения (т. е. перенос его на тематический элемент, см. § 3.8^У у *аj-*, *ěj-*, *а-*, *ова-*, *і-* и *ěj-* глаголов. Для *аj-* и *ěj-* глаголов тематизация означает переход к ударению типа *дѣл^ати, дѣл^аеть* во всей парадигме. У *а-*, *ова-*, *і-* и *ěj-* глаголов тематизация захватывает в первую очередь систему прош. времени и инфинитива (*маз^ати, вѣр^оваша, умножилъ, слышали* и т. п.); в презенсе таких глаголов сдвиг ударения вправо встречается несравненно реже (у большинства глаголов он просто отсутствует). Тематизация ударения рассмотрена (на материале 17 памятников) в Глаг. акц., § 41, 44—46, 54—55. Расширение круга обследованных памятников позволило точнее определить диалектные границы тематизации для разных групп глаголов. Шире всего тематизация представлена у вторичных имперфективов с суффиксом *-а(j)-*. Здесь она не ограничена какой-либо диалектной зоной. Уже в XV—XVI вв. старое ударение типа *обог^ащати, испол^няти, прикл^адати, впа^дати* сохраняется лишь в меньшинстве случаев. К примерам подобного ударения, приведенным в Глаг. акц., § 54, добавим (выборочно) еще несколько (в части из них выставлено по два акцентных знака): Сени. *не остав^ляеми* 117а, *дубѣ^ѣгати* 114а (об ударении глагола *бѣгати* см. § 2.7, конец), *вѣкл^ѣдати* 68а, *зап^адае^m* 129в, *обрѣ^ѣтае^m* (прич.) 15в, *разсѣ^ѣдав^ѣся* 133г, *разумѣ^ѣвають* 143в; Лих. *изб^авляющаго тя* 12б, *рассы^пая* 113в; Ион. *заб^авляете* 81б, *об^авляете* 551б, *приготов^ляются* 77, *раз-*

грабляющеи 322; Корн. *избáвляе^m* 171б, *не произволя* 422, *приготовляю^m* 296б, *оумѣряемо* 360б, *исправляйте* 451, *спротивляющея* В. мн. 34б, *составляемо* 30б, *оумѣшая* 24, *ω^mбѣгати* 24, 230, *украдати* 382б, *впадáти* 146б; Хрон. *покладаетъ* 226; Жит. *прѣпоставляя* 303б, *възглядающе* 287, *разсыпающе* 298б; Лет. *наставляющеи^x* 42б, *въскладати* 181б, *не приставси* 128; Биб. *ω оубѣгающеи^x* 107б, *посыпающеи* мн. 331; Библ. *погѣбáше* 610, *поглядáйте* (3×). В XVII в. подобные примеры становятся уже большой редкостью; отметим, в частности: М. пс. *прославляти* 199; Ряз. *не оукрадаеми* 111; Кир. *нападающе* Д. ед. 59; Костр. *ω^mвѣщáетъ* 74, *ωбрѣтáютъ* 169б; Сол. *помышляше* 269, *оукрадает же* 192; Хлын. *покладаетъ* 226.

Почти столь же интенсивна тематизация у *ѣ*-глаголов, образованных от непроизводных имен: *окаменѣти*, *оздравѣти*, *посиняти* (-ѣти), *слабѣти*, *старѣти* и т. п. Из реликтов старого ударения к примерам, содержащимся в Глаг. акц., § 54, можно добавить, в частности: Ион. *посинѣяше* 523б, Лет. *ωслабѣша* 282, Библ. *ωмáлѣ* 'уменьшился' 599б, Ряз. *посинѣвше* 73, Кир. *тѣша^m* 'утихать' 120б. Отметим еще Корн. *ωоубожаѣетъ* 144 (от опростившегося *убогъ*).

За рамками названных групп процесс тематизации ударения протекал по-разному в разных диалектных зонах, а именно, он был интенсивен в западной зоне и на дальнем северо-востоке и весьма ограничен в основной части восточной зоны. При разборе здесь целесообразно оставить в стороне как менее показательные некоторые глаголы с индивидуальными особенностями, слабо документированные слова, а также весь класс *ова*-глаголов (поскольку в ударениях типа *вѣровáти*, *радováтися* нельзя надежно отличить эффект тематизации от записи второстепенного ударения). Остальные глаголы, подверженные тематизации, можно обозначить как «основную группу». Сюда входят (везде, где не оговорено иное, вместе с приставочными производными): 1) *а*-глаголы *бѣгати* (без произв.), *вѣдати* (и производные совершенного вида), *гнѣватися*, *готовати*, *думати*, *дѣлати*, *кушати* (без произв.), *надати* (без произв.), *плавати*, *работати*, *слушати* (без произв.); 2) *а*-глаголы *брызгати*, *клижати* (без произв.), *мазати*, *плакати*; 3) *ѣ*-глагол *слышати*; 4) *и*-глаголы *-бавити*, *-величити*, *вѣрити*, *вѣсити*, *гладити*, *готовити*, *грабити*, *ударити*, *множити*, *мучити*, *мыслити*, *мѣрити*, *-подобити*, *-полнити*, *правити*, *противитися*, *ранити*, *славити*, *ставити*, *тѣшити*, *чистити*. При этом, однако, из рассмотрения должны быть выведены причастия (*и*- и *ѣ*-глаголов) с суффиксами *-ящ-*, *-им-*, *-ен-* (например, *мучащии*, *мучимьи*, *очищеньи*): у таких причастий суффиксальное ударение иногда выступает и там, где в остальном тематизация отсутствует. То же верно для отглагольных существительных и прилагательных (от глаголов всех групп), например, *исповѣдание*, *послушание*, *помазание*, *мучение*, *мучитель*, *мучительный*.

Карта 19. Тематизация ударения в глаголах:

1 — в «основной группе» (§ 3.73) глаголов, подверженных тематизации, примеров тематического ударения (*думати, плакати, слышати, мучити* и т. п.) нет; 2 — отмечено 1—2 примера такого ударения; 3 — отмечено 3—10 таких примеров (или больше, но лишь у 1—4 разных глаголов); 4 — отмечено более 10 таких примеров (у более чем 5 разных глаголов); 5 — встречается *видѣти* (знак 5 ставится только там, где в основной группе тематизации нет или почти нет; уменьшенный знак 5 показывает, что примеры ударения *видѣти* единичны); 6 — у производных глаголов а. п. *б* (§ 3.74, п. 1) встречается презенс с флексийным ударением (*ходишь* и т. п.); 7 — граница между зоной, где в «основной группе» тематизации ударения нет или почти нет (1—2 примера), и зоной, где она встречается.

Карта 19 демонстрирует степень распространения тематизации в основной группе (без учета производных имен и указанных выше причастий). Очерченный на карте ареал, где у этих глаголов тематизации нет или почти нет, включает всю основную часть восточной зоны и несколько соседних памятников. Сравнение с картой 3 показывает, что он почти совпадает с ареалом, где нет дефинализации.

Почти не отличается от основной группы глагол *висѣти*: в основной части восточной зоны новое ударение встречается почти исключительно в причастии (*висѣща, висѣи*), при регулярных *висѣть, висѣль, висѣти* и т. д. (так в Лес., Ап., Цв., Ряз., Костр., Ратн., Матф.). У глагола *видѣти* тематизация отмечается на заметно большей территории, чем у глаголов основной группы; см. карту 19.

Особое явление, не сводящееся целиком к тематизации, представляет собой перевод некоторых глаголов книжного характера (в частности, *насытити, осквернити*) из а. п. а в с; оно встречается на всей великорусской территории (ср. сходное акцентное развитие у книжных глаголов а. п. б, § 3.74).

Перестройка ударения в презенсе *i*- и *ѣ*-глаголов

§ 3.74. В XVI—XVII вв. в презенсе *i*- и *ѣ*-глаголов отмечается некоторое количество отклонений от реконструируемой раннедревнерусской акцентовки. Рассмотрим вначале отклонения от акцентовки по а. п. б в сторону а. п. с в презенсе *i*-глаголов (обозначим их как «инновации типа *вкусѣть*»).

Примечание. Мы не включаем сюда те *i*-глаголы, которые перешли в а. п. с (из праславянской а. п. б) уже в раннедревнерусском; таковы, в частности, *крестити, -ложити, поститися, разорити, селити, творити, -ключити, мутити* (в § 2.17 они указаны уже в составе а. п. с); см. Глаг. акц., § 52 и Дыбо 1970, сноска 12. О возможных следах старого ударения *-лбжить, твбрить* см. § 3.75.

Следует различать несколько групп глаголов, обнаруживающих инновации типа *вкусѣть*.

1. Основная группа непроезводных глаголов, не имеющих специфически книжной окраски: *водити, гонити, носити, ходити; давити, кормити, купити, любити, молити, просити*; по своему акцентному поведению к ним тесно примыкает также *служити*. В этой группе глаголов инновации типа *вкусѣть* встречаются (на фоне господства старого ударения) только в западной зоне и широкой промежуточной полосе (см. карту 19): Чуд. *взлюбѣши* 124а; Хрон. *слѹжѣть* 241; Фер. *просѣши* 546б; Лет. *поводѣть* 130б, *купѣть* 3б, *искупѣтъ* ны 11, *любѣтъ* 77, *да помолѣ^м* 239, *да оумолѣ^м* 20б; Стар. *молѣтъся* 100; Смол. *входѣте* (през.) 130, *оудавѣтъся* 68б, *любѣши* ли мя 9, *молѣтъся* 80б, *оумолѣтъ* 47б; Егор. *помолѣшися* 377б, *еже прѣсѣте* 227; Пск. *приносѣте* (през.) 82; Час. *молѣши* 21б, *молѣшися* 190; Лих. *гонѣши* 179в; Ег. *молѣтъся* (през.) 141; Муз. *возлюбѣши* 222б (оксия над ю зачеркнута); Пат. *приносѣши* 604в, *да не служѣши*

631г; Нил. *приводятъ* Т 18б, *ω^тходятъ* 104; Карг. *възлюбѣши* 91, 91б, *да умолиши* 29б, *попросѣши* 29б; Сол. *входѣтъ* 253б; Колм. *ко^рмятъ* 193; Авв. *не служатъ* 104б; Цел. *ω^тгонѣтъ* 174 (в список не включены примеры повел. на *-ѣтъ* типа Чуд. *не любѣмъся* 89г, поскольку они могут отражать исконное ударение, см. Глаг. акц., § 47, замеч.). Не вполне надежно Ратн. *ходятъ* 170б. По-видимому, примеры данной группы отражают не тенденцию к переводу этих глаголов в а. п. с, а всего лишь диалектную неустойчивость акцентной кривой в а. п. *b*. Новое ударение чаще всего встречается здесь в форме 2 ед. (ср. сходную особенность в западноболгарском памятнике XIV в., см. Дыбо 1982, с. 258—259).

2. Глаголы с отчетливой книжной окраской. В этой группе инновации типа *вкусѣтъ* встречаются на всей великорусской территории и явно отражают тенденцию к полному переводу таких глаголов из а. п. *b* в с. В рамках этой группы особо стоят глаголы с неполногласием. Они переводились в а. п. с раньше и последовательнее прочих. Так, у *хранити* следов праславянской а. п. *b* практически не осталось. У *влачити*, *сократити*, *претити* отмечаются (в памятниках не моложе середины XVI в.) лишь слабые следы а. п. *b*. У *-вратити*, *срамити* последние примеры акцентовок по а. п. *b* отмечены в первой пол. XVII в.

Для глаголов с иной структурой корня отмечены (на фоне более обычной акцентовки по а. п. *b*), в частности, следующие презенсы (условно они представлены формой 3 ед.): *соблазнѣтъ* (очень широко), *блудѣтъ* (Биб., Смол., Пер., Тих.), *волѣтъ* (Час., Сенин., Егор.), *украсятѣ* (Хл., Трав., Рж., Хлын., Цел.), *совокупѣтъ* (Пск., Цв.), *вкусѣтъ* (Лет., Цел.), *искусѣтъ* (Лук., Пск., Костр., Пер.), *покусѣтъся* (Увар., Смол.), *обличѣтъ* (широко), *лунѣтъся* (Матф.), *умертвѣтъ* (широко), *смѣсѣтъ(ся)* (Лук., Костр., Пер., Тих.), *поострѣтъ* (широко), *просвѣтитѣ* (очень широко), *(о)сочѣтъ* (Увар.), *утолѣтъ* (широко), *источѣтъ* (Рум., Цв.), *расточѣтъ* (Библ.), *стужѣтъ* (Биб.), *защитѣтъ* (Сол., Тих.), *ощутѣтъ* (Ион., Ряз.). Для презенсов *водворѣтъ*, *(о)дождѣтъ*, *возмздѣтъся*, *воцарѣтъся* в наших памятниках встретилась уже только акцентовка по а. п. с.

3. Отыменные глаголы (хотя бы и некнижные). Ситуация здесь сходна с группой 2. Отмечены, в частности, презенсы: *убѣлѣтъ* (Тих.), *гнѣздѣтъся* (Библ., Стар.), *(о)женѣтъся* (Сенин., Библ., Смол., Тих., Улож.), *казнѣтъ* (Увар.), *(при)плодѣтъ* (Ион., Биб., Печ., Сол., Матф.), *присвоѣтъ* (Егор.), *трубѣтъ* (Карг.), *очернѣтъся* (Библ.) — при более частых (для совокупности памятников в целом) *бѣлѣтъ*, *гнѣздѣтъся*, *женѣтъся*, *казнѣтъ*, *плбдѣтъ*, *присвоѣтъ*, *трѣбѣтъ*, *чѣрнѣтъ*.

Группы 2 и 3 показывают, что в XVI—XVII вв. уже начали складываться новые принципы распределения акцентовок презенса у *i*-глаголов, которые действуют в современном языке (см. § 1.17).

Прочие случаи носят более индивидуальный характер. Так, на-

пример, *судити* и *хвалити* ведут себя в основном сходно с группой 1; но изредка презенсы *судѣть*, *хвалѣть* отмечаются в восточной зоне — по-видимому, ввиду связи этих глаголов также с группой 3. Об ударениях *палѣть* (вместо *пѣлѣть*), *разлучѣть* (вместо *разлѣчить*) см. Глаг. акц., § 52, замеч.

§ 3.75. В старовеликорусский период в презенсе *i*- и *ě*-глаголов появляются также отклонения противоположного типа — от а. п. с к *b* (обозначим их как «инновации типа *пѣстити*»).

Сферой действия данного процесса являются прежде всего переходные глаголы не книжного характера (кроме отчетливо отыменных), т. е. здесь с самого начала процесса обнаруживаются те же факторы, которые действуют в современном языке (§ 1.17). Таким образом, сферы действия инноваций типа *пѣстити* и типа *вкусѣть* практически не пересекаются, т. е. эти две противоположные тенденции составляют разные стороны общего процесса перестройки первоначального ударения презенса *i*-глаголов по новым основаниям (семантического, морфологического и стилистического характера).

Наиболее ранними свидетельствами рассматриваемого процесса можно считать следующие примеры из XVI в. (памятники приводятся в хронологическом порядке): Сenn. *ω^mпоуст-и^m* 65г, 170в, -я^m 134г; Фер. *дрѣ|жится* (2 уд.) 969б *запоустѣть* (2 уд.) 984б, *истоупити* 'утопит' 842; Ап. *тѣрп-итъ* 65, -и^m 116б; Хл. *дѣржитъ* (2 уд.) 286, *тѣрпиши* 275б; Хлуд. *дѣр|житъ* (2 уд.) 135; Биб. *поустити^m* 463, *да испоустя^m* 89, *да ω^mпоуст-и^m* 77, -иши (5×), *попоустити^m* 118; Библ. *тѣрпи^m* 977б, -и^m 834, *стѣрпи^m* 612б, *претѣрпи^m* 591, 800; Смол. *не лишитъ* 25, *не полѣчите* 5б, *измѣнитъ* 5бб, *не родитъ* 'не рождает' 27б; Пск. *да раздѣли^m* 160; Цв. *покадитъ* 206б; Ик. *дрѣжи^m* 101б. Вероятно, сюда же относится и несколько других ранних примеров, но это менее надежно (не исключены и какие-то побочные причины акцентного сдвига); таковы: Нил. *цѣля^m* 'исцеляют' 57, Сenn. *солитъ* 184в, *осолитъ* 184в, единичные примеры ударения (*по*)*губити* в Сenn., Прол., Смол. (относительно *губити* см. также Глаг. акц., § 50).

В XVII в. инновации типа *пѣстити* встречаются уже заметно чаще. В частности, у глагола *пустити* (и производных) ударение по модели *пѣстити* отмечено (перечисляем в хронологическом порядке) в Дом., Трав., Печ., Кир., Сел., Костр., Сол., Яр., Ратн., Улож., Матф., Цел.; у *держати* — в Дом., Трав., М. пс., Ряз., Ратн., Улож., Цел.; у *терпѣти* — в Трав., М. пс., Ряз., Хлын., Авв., Цел. Прочие примеры: Дом. *перетопиши* 70 (о сале); М. пс. *ловитъ* 8б (оксия подтерта); Сел. *да оумириши* 187а; Яр. *прилѣчитъ* 35б; Ратн. *збоудятъ* 205б, *стрѣл-иши*, -итъ (5×); Улож. *перемѣнитъ* 268, *ωцѣнятъ* 82б; Колм. *дѣлятъ* 188, *ловятъ* 99, *плѣтятъ* 180, *стрѣлитъ* 104, *сѣшатъ* 100, *цѣнятъ* 180; Цел. *и³дробитъ* 8б, *улов-иши*, -итъ (4×), *мѣгчитъ* 239б, 241б, *ся нарѣдит* 63б, *посадиши* 161б, *ωскопя^m* 187, *устрѣлятъ* 223б, *твѣрдитъ* 244б, *тѣнчитъ* 229б,

ростопится 132 (вероятно, сюда же *знобитъ* 232б, *крѡшатъ* 65; *засѡрится* 39б).

Следует все же подчеркнуть, что приведенные ударения в подавляющем большинстве случаев выступают в соответствующих памятниках только как исключения — на фоне более частых *пустить*, *держитъ*, *терпитъ*, *ловитъ* и т. д. Лишь в немногих случаях материал указывает на победу нового ударения (например, в Улож. у *пустити* и производных соотношение нового и старого ударения — 25 : 1, в Биб. — 8 : 0). Для многих глаголов, получивших в современном языке новое ударение, во всем нашем материале XIV—XVII вв. отмечено только старое ударение (по а. п. с); таковы, в частности, глаголы *валити*, *варити*, *гасити*, *городити*, *дарити*, *доити*, *катити*, *крестити*, *окровавити*, *лѣнниться*, *морити*, *поити*, *становити*, *студити*, *тащити*, *тушити*, *учити*, *чинити*, *явити*.

Ударения *-лѡжитъ* и *(со)твѡбрить*, возможно, в части случаев представляют собой не инновации, а следы праславянского состояния. Ударение *-лѡжитъ* отмечается в XVI—XVII вв. (как правило, на фоне более частого *-ложитъ*) только в некоторых северо-восточных и московских памятниках: Биб., Цв., Клон., Печ., Пер., Ратн., Улож., Колм., Цел.; кроме того, в Стар.; ср. распространение акцентовки *полѡжу*, *-ит*, *-ил*, *-ила* (по а. п. а) в современных северных говорах. Ударение *(со)твѡбрить* отмечается, на фоне более частого *(со)творитъ*, в основном лишь в западной зоне или поблизости от нее (в Час., Сenn., Прол., Дос., Лет., Стар.); несколько шире встречаются ударения *отвѡбрить*, *затвѡбрить* — в глаголах, восходящих в конечном счете к **-voriti*, а не к *tvoriti*.

Особую побочную линию эволюции, не получившую в дальнейшем развития на русской почве, отражают инновации типа *пустить* у непереходных *ѣ*-глаголов (часть из них отмечена в очень ранних памятниках). Они выступают в основном у приставочных глаголов: *достѡить* (повсеместно), *пристѡить* (в Биб., Трав., Цел.), *растѡить* Мер. 35, *настѡить* Пск. (4X), *предѡстѡить* Матф. 90, *предлѡжить* Нил. 28, *премѡлчить* (в Егор., Клон., Печ.), *оумѡлчи*^м Пр. 112г, *оубѡится* Биб. 117 (ср. также *избѡжи*^м Корн. 435). Эта группа находит близкие соответствия в староукраинском; ср., в частности, *достѡитъ*, *пристѡитъ*, *растѡитъ*, *предѡятъ*, *налѡжитъ*, *присѡдитъ* у Берынды. Более редки примеры без приставок: *бѡлмитъ* Мер. 47б, *бѡля*^м Сenn. 65в, *бѡлитъ* Лет. 114б, *да бѡлитъ* Костр. 198б bis, *стѡить* 'stat' Нил. 175б, *сѡдя*^м Ик. 110, *сидя*^м Трав. 498б, *сидитъ* Авв. 27б.

Презенс с неслоговым корнем (у корневых, а- и пр-глаголов)

§ 3.76. Как показал В. А. Дыбо (1972б), в праславянском имелось два акцентных типа презенсов с редуцированным в корне — а. п. *b* и а. п. *c*. После падения редуцированных корень здесь стано-

вится неслоговым. В нашем материале реально представлены: из исконной а. п. *b* — презенсы с *ид-* (*-јѡ-*), *им-* (*-јм-*), *-чи-*, *жм-*, *жн-*, *жр-* 'sacrifico', *тр-*, *сл-* (*шл-*), *лг-* (*лж-*), *тк-* (*тч-*), *сс-* (*сос-*), *сх-*, (*сш-*), *бј-*, а также презенсы *пр-* глаголов, в частности, с *-сн-*, *-бн-*, *гн-*, *схн-* (*сохн-*), *мкн-*, *ткн-*; из исконной а. п. *c* — презенсы с *мр-*, *жр-* 'devoro', *стр-*, *пр-* (в *запру* и т. д.), *-нр-*, *-пн-*, *вј-*, *лј-*, *пј-*, *жд-*, *чт-*, *рв-*, а также *жг-* (*жж-*), *рк-* (*рч-*) (варианты к *жег-*, *рек-*).

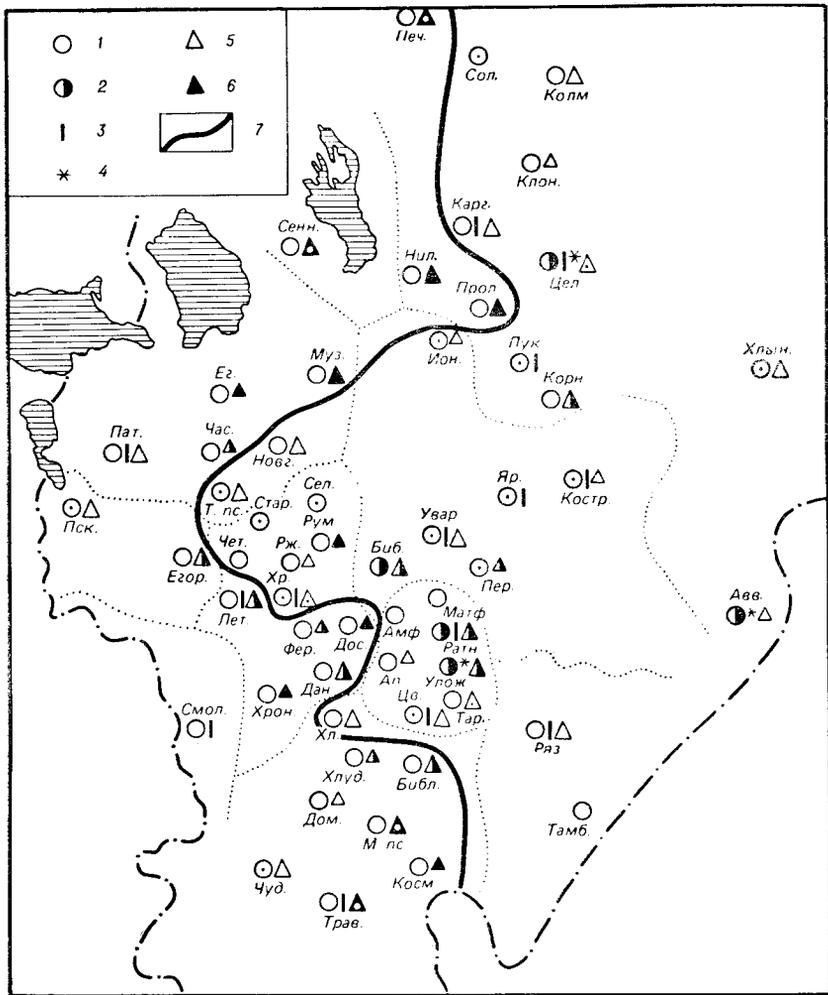
Рассмотрим вначале приставочные презенсы данного типа.

В Чуд. исконное распределение сохраняется еще почти без нарушений (см. Дыбо 1972б, с. 75); инновациями являются только *оу́мре*^т 48б, *по́трѣть* 152а (пример *при|доу́ть* 86а не вполне надежен). В памятниках XVI—XVII вв. предстает гораздо более пестрая и запутанная картина. Ее анализ приводит к следующим основным результатам.

В северной и средней частях восточной зоны (см. карту 20) развивается тенденция к флексийному ударению во всех презенсах с неслоговым корнем (т. е. к новому ударению *поидѣть*, *возьмѣть*, *послѣть*, *начнѣть* и т. д.); именно эта тенденция впоследствии полностью реализовалась в литературном языке. В XVI в. ее проявления еще довольно слабы, но в XVII в. она уже очень заметна. Новое ударение распространялось с неодинаковой скоростью у разных глаголов. Особенно широко отмечается в XVI—XVII вв. ударение *начнѣть*: оно засвидетельствовано даже в ряде памятников, далеко отстоящих от основного очага данной инновации и не имеющих других примеров неисконного флексийного ударения (см. карту 20). Напротив, ударение *поидѣть* (*придѣть*, *наидѣть* и т. д.) появляется позже прочих (лишь в XVII в.) и отмечено только в самом очаге рассматриваемой инновации.

В западной зоне (а также на юге восточной зоны) наблюдается обратная тенденция — к префиксальному ударению (т. е. к новому ударению *пѡждеть*, *пѡжжеть*, *пѡчтеть*, *пѡрветь*, *пѡрльеть* и т. д.). Впрочем, в части микросистем здесь отмечаются также и единичные примеры инноваций «восточного» типа (чаще всего *начнѣть*). На карте 20 показана примерная восточная граница территории, на которой преобладает тенденция к обобщению а. п. *b* (не учтены Корн. и Рум., которые образуют островки восточнее этой линии, а также Тар., данные которого не вполне четки). Как можно видеть, эта территория включает почти всю западную зону и весь географический район «юг».

В современном русском языке, в частности, ударение *придѣшь* характерно в основном для юго-запада (для белорусского и украинского языков оно является нормой); в рассеянном распространении оно представлено практически на всей южновеликорусской территории (Атлас Запад, карта 317; Атлас Юг, архивная карта 32). Сравнивая эти данные с картой 20, мы видим, что ударение *придѣшь* сохранилось в зоне, максимально удаленной от очага инноваций типа *поидѣть*, *возмѣть* вместо *пѡидеть*, *вѡзметь*.

Карта 20. Ударение в презенсах с неслоговым корнем:

1 — в приставочных презенсах с неслоговым корнем исторической а. п. *b* (из «основной группы», § 3.76) ударение старое (*взъметь, придетъ* и т. п.), 2 — значительна доля нового (флексионного) ударения; 3 — встретилось *начеть* (или другие на *-четь*); 4 — встретилось *поидеть* (или другие на *-идеть*); 5 — в приставочных презенсах с неслоговым корнем исторической а. п. с (из «основной группы») ударение старое (*сожжеть, почтеть* и т. д.), 6 — ударение новое (*сбжжетъ, пбчтетъ* и т. д.); 7 — основная восточная граница зоны, где преобладает тенденция к обобщению а. п. *b*.

Смена ударений типа *поидеть, взъметь* на *поидеть, возметь* (в восточной зоне) проходит через фазу массовых колебаний в презенсах с неслоговым корнем; эти колебания частично захватывают и такие презенсы, как *пожжеть, почтеть* и т. п., где флексионное ударение исконно. Подобная «расшатанная» переходная система

особенно ярко отражена в Ратн. и Улож.; элементы такой системы усматриваются также в Биб.

Имеется, однако, особая группа презенсов, акцентная эволюция которых по различным индивидуальным причинам выпадает из общей картины: 1) презенсы с *bj-* (исконная а. п. *b*) почти повсеместно акцентно уподобились презенсам с *vj-*, *lj-*, *nj-*; 2) презенсы с *mr-* (исконная а. п. *c*) в большинстве микросистем перешли (по неясной причине) в а. п. *b*; в XVI в. старую акцентовку последовательно сохраняют только Хр. и Чет., частично—Увар., Цв., Постн. (ударения *умрѣтъ*, *изомрѣтъ* в Цел. могут быть и вторичными); 3) склонность к переходу в а. п. *b* (хотя и не столь сильную, как у *mr-*) обнаруживают также презенсы с *nn-*, которые, по-видимому, подвергались влиянию со стороны *no-*глаголов, и книжное *пнрѣтъ*; 4) презенсы *пожрѣтъ* 'devorabit' (а. п. *c*) и *пожрѣтъ* 'sacrificabit' (а. п. *b*) часто смешиваются, т. е. у обоих омонимов встречаются две акцентовки, но преобладает акцентовка по а. п. *b*. При составлении карты 20 акцентуация презенсов особой группы не учитывалась.

Прочие презенсы рассматриваемого типа обозначаются ниже как «основная группа».

В качестве иллюстраций рассмотрим несколько достаточно ярких микросистем. Общее представление о ситуации в остальных микросистемах дает карта 20.

Из микросистем, где инновации вообще отсутствуют или встречаются только в особой группе, возьмем Новг. Исконная а. п. *b* — *пюидѹ* 55, 2266 (+ 232), *пюидеши* 67, *пюидоуть* 148, 1576, 2526, *прюидѹ* 85, 3376, *прюидеть* 177, *прюидоуть* 1156, 1786, 179, *пюслѹ* 2476, *пюслеть* 2386, *пюслет ти* 506, 194, *пюжноуть* 2176 (NB фонема /ѳ/; единичные написания без каморы: *пюидоуть* 1506, 159, *пюслеши* 180), также *прюидѹ*, *прюидоуть*, *прюидоуть*, *възмѹ*, *възмоуть*, *измѹ*, *изметь*, *прѣметь*, *шбѹметь* и т. д. (многократно); далее, *нѹнеть* 186, *сѹлжеть* 2636, *сѹлжоуть* 115, *исхнеть* 161 и даже *оубѣет мя* 2 (наряду с *избѣеши* 228, *разбѣетъ* 226). Отметим особо *пюжру* 'sacrificabo' 256 (+ 1006), *пюжроуть* 'sacrificabunt' 188; в последней словоформе место ударения старое, но /ѳ/ (а не /ѳ/) указывает уже на некоторую перестройку; *пюжру* по месту ударения и огласовкѣ соответствует исконному 'devoro', а не 'sacrifico'. Исконная а. п. *c* — *не разжѣтъ* 142, *разжѣтѣся* 145, 160, 2476, *съжжѣтъ* 91, *испюють* 135, *оупюются* 74, 2946, *прюлю* 231 (с /ѳ/), *пожрѣтъ* 'devorabit' 1216, 244 (+ 106), *пнрѣтъ* 1516, *-ѣтъ* 227 (+ 102, 244), *пнрѣтъ* 255; с новым ударением выступают *оумреть* 136, 836, *не зѹпнютъся* 77.

З а м е ч а н и е. В Новг. еще почти не нарушается принцип, согласно которому в подударных приставках *по-*, *про-*, *до-* в презенсах исконной а. п. *b* выступает /ѳ/, исконной а. п. *c* — /ѳ/ (в словоформах как типа *прюлю*, где место ударения старое, так и типа *прюлютъ*, с перенесенным ударением). Сходная картина представлена в Вас. пс. (см. Васильев, с. 51); ср. также материал Час.: *пюид-еши* 405, *-емъ* 208 — *пбчтемъ* 276, 289. В других памятниках (Т. пс., Муз.,

Вас. сб., Дос., Амф.) в данной морфологической позиции вместо ожидаемого /ǫ/ часто или даже преимущественно выступает /ɔ/; в Хл., Чет., Хр., Трав. встретилось только /ɔ/.

Не обнаруживают инноваций в основной группе презенсов также Ап., Хл., Дом., Рж., Клон., Колм.; правда, в большинстве из них материала довольно мало, поэтому здесь нет уверенности в действительной архаичности соответствующих микросистем. Это тем более верно для Амф., Чет., Тамб., Матф., где вообще не встретились презенсы основной группы из исконной а. п. с.

Примерами микросистем с тенденцией к переходу (в основной группе презенсов) от а. п. с к *b* могут служить Косм., Трав., Прол., материал которых приведен в Глаг. акц., § 18, 57. В качестве дополнительных образцов рассмотрим еще Сенн., Лет., Библ., М. пс. Исконная а. п. *b* сохраняется здесь вполне устойчиво, если не считать факультативного *начнѣть* в Лет. (как и в Трав.). Помимо обычных *пѡидеть*, *изѡидеть* и т. д., *вѡзметъ*, *пѡиметь* и т. д., *пѡслеть* (*пѡшлеть*), также *начнеть*, *почнеть*, *учнеть*, здесь находим: Сенн. *сѡтретъ* 101г, *прѣткнеши* 19а, *пѡжреши* 'sacrificabis' 178б; Лет. *рѡзнетъ* 166б; Библ. *не пѡжнеши* 611, *сѡтретъ* 686, *вѡмъкнется* 603б, *пѡжр-етъ* 'sacrificabit' 614, *-уть* 492, ср. также *оусплете* 'уснѣте' 980б (однако *посѣши* 488, *да ся насъсѣте* 490б); М. пс. *пѡжну^т* 141, *сѡлже^т* 166б, *оуспнетъ* 139, *исне^т* 99б, *исшутъ* 36б. Из презенсов с *бѣ-* в Лет. представлены *убьетъ* и *убѣетъ*, в Библ. и М. пс. — *разбѣ-тъ*, *-тѣя*. Презенсы исконной а. п. с по большей части получили новое ударение. Помимо постоянных *умреть*, *пѡмруть*, *изѡмруть* и т. п., находим: Сенн. *прѡльется* 38г, 154в, *прѡстретъ* 194г, *зѡпнеши* 184а, *не зѡпнѣтся* 113в, *рѡспн-ется* 135в, 213б, *-ете* 111а, *-оуть* (4×: 135б и др.) при *вѡжжѣтся* 118г; Лет. *зѡжже^т* 36б, *прѡлье^т* 33, *улье^т* 33б при *ражжѣтъ* 240б, *упѣется* 33; Библ. *пѡждетъ* 597, *зѡпнете* 624, *прѡпну^т* 692, *рѡспнете* 688, *пѡжре^т* 'devorabit' 982б, *прѡстретъ* 598б (+ 617) при *пѡжжѣтъ* 601б (+ 983б), *оупнѣтся* 474б (+ 483), *сѡвиѣтся* 474б (+ 623б), *прѡлѣется* 69б; М. пс. *сѡжже^т* 49, *сѡвьеши* 110, *пѡжре^т* 'devorabit' 60б, 72, *прѡстр-еши* 93, *-у^т* 140б, *не зѡпнутъ* 38 при *оупнѣтся* 3б.

Наиболее ярким образцом микросистемы с тенденцией к переходу (в основной группе презенсов) от а. п. *b* к *c* может служить Цел. Презенсы исконной а. п. *b* представлены здесь так. С новым ударением: *войдѣтъ*, *зайдѣтъ*, *найдѣшъ*, *ѡ^тидѣтъ*, *пойдѣшъ*, *придѣтъ*, *сойдѣтъ* (более 20×; также *сѡйдѣтъ* 110б), *во³мѣтъ* 23, 120, 159б, *займѣтся* 181, *розоймѣтъ* 11б, *уим-ѣтъ*, *-ѣтся* (часто: 35, 40б, 73б и др.), *неимѣтъ* 74б, 203б, *зачнѣтъ* 201б, *начнѣтъ* (часто: 35, 109б и др.), *почнѣтъ* 7 (+149), *учнѣтъ* (часто: 24, 139б и др.), *пошлѣшъ* 284б, *натрѣшъ* 173, *прошкнѣтся* 81, *изобьѣтся* 258б, *у⁶ѣтся* 114; кроме того, *выйдѣтъ* 45б, *выссѣтъ* 'высосет' 143б, 259 (также *высѣтъ* 'высосет' 128, в силу смешения на письме корней *сс-* и *сѣ-*), где отразилось характерное для Цел. просодическое равенство приставки

вы- со всеми прочими приставками. Со старым ударением: при двусложной приставке — *изб́йдетъ* 73, 100 (+596), *отб́йдетъ* 160, *изб́йметъ* 108б, 116, 269б, *подб́йметъ* 116; в прочих случаях — *вб́йдетъ* 128, *взб́йдетъ* 7, 7б, *на́йдеши* 247, 273, *пб́йд-еши* 15, 282б, -*етъ* 158б, 253б, *сб́йдетъ* 285б (+241б), *вб́нмемъ* 93, *зб́йметъ* 222, 247б (+28б), *пб́чнешъ* 13б, *пб́жмешъ* 81, *прб́жкнетъ* 81; также *вб́д-етъ* 188, -*утъ* 180б. Таким образом, новое ударение здесь уже заметно преобладает. Презенсы исконной а. п. с почти всегда выступают в Цел. с флексийным ударением: *изожж́етъ* 29 (также *изожж́етъ* 195б), *прорв́етъ* 18б, *сорв́еши* 91, *вырв́еши* 175б (ср. выше о вы-), *урч́етъ* 'договорится, обусловит' 160б, *оболв́етъ* 83 и даже *изодр́етъ* 163 и *умр́етъ* (5 ×: 74б, 138б и др.). Префиксальное ударение представлено в *изб́ьетъ* 219б (двусложная приставка), *н́е пьетъ* 74б, *пб́мретъ* 192.

К Цел. близок Авв. (но материал здесь беднее). Исконная а. п. *б* *соид́етъ* 41б, 44, 218б, *уид́ете ли* 159б, *неид́етъ* 228б, *вб́мши* 252б, *не лж́етъ* 228б, *убь́ютъ* 231 (при *пб́иде^м* 103, *на́идетъ* 115б, 285). Из исконной а. п. с только *почт́етъ* 285.

В Улож. представлена «распатанная» система с колебаниями у большинства глаголов, независимо от исконной акцентной парадигмы. Так, при обычных *пб́йдетъ*, *не́йдутъ*, *отб́йдутъ* и т. п. находим и *пойд́етъ* 28б, *дойд́етъ* 162 bis; постоянные колебания в *пб́шлетъ* и *пошл́етъ*, *убь́етъ* и *убь́етъ*, *отб́бьютъ* и *отб́бьютъ*, также *зб́претъ* и *запр́етъ*, *отб́жжетъ*, *подб́жжетъ*, *сб́жгутъ* и *зжж́етъ*, *пожж́етъ*. Только старое ударение встретилось в *отб́йметъ*, *вб́зметъ*, *пб́йметъ*, *на́ймется*, *уч́нетъ*, *нач́нетъ*, *зач́нетъ*, *подб́шлетъ*, *сб́шлютъ*, *сб́лжетъ*, *отб́жкнетъ* и нек. др. Как и в Цел., отмечается некоторая склонность презенсов с двусложной приставкой к префиксальному ударению.

В прочих памятниках со сдвигом в сторону а. п. с новая акцентовка развита не столь сильно; в частности, не встречается ударение *поид́еть*, *прид́еть* (здесь и ниже 3 ед. служит представителем всего презенса). В целом преобладает старая акцентовка, а на ее фоне в исконной а. п. *б* встречаются: *нач́нетъ*, *зач́нетъ*, *уч́нетъ* (довольно широко, см. карту 20), *изм́еть* (Увар., Цв., Костр.), *разѓнетъ* (Ион.), *пож́нетъ* (Биб., Хр.), *солж́еть* (Т. пс., Лук., Цв., Костр.), *вож́кнетъ* (Стар.), *отсл́еть* (Ион., Увар.), *потж́нетъ*, *у-* (Биб.), *притж́нетъ* (Яр.), *истр́еть* (Биб.), *отпр́еть* (Цв., Сел., Сол.) и нек. др. В то же время в части памятников колебания захватывают также некоторые презенсы исконной а. п. с.

Обратимся теперь к б е с п р и с т а в о ч н ы м презенсам. Для акцентологии здесь представляют интерес в первую очередь презенсы а. п. *б* **ьд-еть* и **ьт-еть*. Обычно эти презенсы предстают с корневым ударением: *ид́еть*, *им́еть*. Оказывается, однако, что в памятниках их акцентовка не обязательно совпадает с акцентовкой соответствующих приставочных производных, а именно, флексийное

ударение представлено здесь значительно шире, чем у производных. Так, ударение *имѣть* 'возьмет', *имѹть* 'возьмут' засвидетельствовано (как единственное или наряду с *иметь*, *имуть*) в Новг., Муз., Корн., Пат., Лет., Фер., Жит., Увар., Тар., Библ., Ряз., Пер., Авв., Цел. В этих памятниках, кроме Увар., Авв. и Цел., в производных находим только ударение *вбзьметь*, *пбиметь*, *збиметь* и т. д. Ударение *идѣть*, *идѹть* отмечено (наряду с корневым) в Муз., Лет., Костр., Цел. Во всех этих памятниках, кроме Цел., в соответствующих производных представлено только ударение типа *пбидеть*.

Эти факты не позволяют объяснить ударение *идѣть*, *имѣть* аналогией с соответствующими приставочными производными. Более того, это ударение вообще затруднительно связывать с тенденцией к переводу данного класса презенсов из а. п. *b* в *c*, поскольку оно встречается даже и в таких памятниках (Новг., Муз., Корн., Фер., Тар., Библ.), где у приставочных глаголов не обнаруживается вообще никаких проявлений данной тенденции. Остается, таким образом, признать ударение *идѣть*, *имѣть* достаточно старым.

Как уже было отмечено в § 2.3, для начального *jъ* в рассматриваемых словоформах можно предполагать два диалектных варианта развития: превращение *jъ* в гласную полного образования, способную принимать на себя ударение (отсюда *идѣть*, *имѣть*), и трактовка *ъ* в составе этого *jъ* по общему правилу о слабых редуцированных. В последнем случае получались ударения *идѣть*, *имѣть*, вполне аналогичные ударениям типа *слѣть*, *лжѣть*. Вполне вероятно, впрочем, также и аналогическое воздействие производных *пбидеть*, *пбиметь* и т. п., приводившее к замене *идѣть*, *имѣть* на *идеть*, *иметь*; но едва ли можно объяснить акцентную историю рассматриваемых презенсов одним лишь этим фактором.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ИТОГИ АНАЛИЗА СТАРОВЕЛИКОРУССКИХ АКЦЕНТНЫХ СИСТЕМ

§ 3.77. Из приведенных выше карт и комментариев к ним ясно видно, что в старовеликорусский период акцентные системы делятся в первую очередь на западные и восточные. Схематические изоглоссы, разделяющие западную и восточную зоны, образуют мощный пучок, тогда как другие изоглоссы практически не группируются в пучки. Разброс схематических изоглосс, разделяющих две зоны, существенно увеличивается в северной части территории: акцентуация памятников дальнего северо-востока имеет в ряде отношений компромиссный характер.

Табл. 6 представляет собой сводку важнейших различий между западными и восточными акцентными системами. Для наглядности сами различия показаны просто на словоформах-образцах; все подробности см. в соответствующих параграфах. Звездочкой помечены акцентовки, характерные не для всей зоны, а только для ее основной

части. Менее существенные отклонения схематических изоглосс от границ между зонами не отмечаются; см. указанные в таблице карты.

Таблица 6

Основные акцентные различия между западной и восточной зонами

	Западная зона	Восточная зона
1. Неморфологизованная дефинализация (§ 3.35, карта 3)	встречается (с большей или меньшей частотой)	отсутствует*
2. М. ед. у существительных а. п. с (§ 3.36—39, карта 4)	<i>в нѣчи</i> ; <i>в дѣму</i> <i>в домѹ</i> ; <i>в землѣ</i> <i>в зѣмли</i>	<i>в нѣчѣ</i> *; <i>в домѹ</i> ; <i>в землѣ</i> *
3. Соотношение И. В. ед. и И. В. мн. у neutra а. п. с и <i>b</i> (§ 3.40—41, карта 5)	<i>мѣре—мѣря</i> ; <i>числѣ—числѣ</i> *	<i>мѣре—морѣ</i> ; <i>числѣ—числа</i>
4. Т. мн. на -ѣми в а. п. с (§ 3.44, карта 3)	<i>кѣстѣми</i>	<i>кѣстѣмѣ</i>
5. Д. мн. у masculina а. п. с (§ 3.45—46, карта 6)	<i>бѣгомѣ</i> , <i>мѣжемѣ</i> *	<i>богомѣ</i> , <i>мѣжемѣ</i> *
6. И. ед. жен. у прилагательных а. п. с и <i>a</i> (§ 3.52—53, карта 9)	<i>жѣва</i> <i>жѣвѣ</i> ; <i>чѣста</i>	<i>жѣвѣ</i> ; <i>чѣста</i> <i>чѣстѣ</i>
7. «Группа <i>высѣко</i> », «группа <i>красно</i> » (§ 3.56—57, карта 10)	<i>высѣко</i> , <i>красно</i>	<i>высокѣ</i> , <i>краснѣ</i>
8. 2 мн. презенса на -ите в а. п. с (§ 3.60, карта 12)	<i>стойте</i>	<i>стоитѣ</i>
9. Прощ. время у V-корневых и <i>a</i> -глаголов а. п. с (§ 3.63, карта 14)	<i>прѣдѣлѣ</i> *, -о*, -и*	<i>прѣдалѣ</i> , -о, -и
10. Деепричастие прош. времени у V-корневых и <i>a</i> -глаголов а. п. с (§ 3.64, карта 15)	<i>прѣдѣвѣ</i>	<i>прѣдавѣ</i> <i>прѣдѣвѣ</i>
11. Нечленные формы <i>еп</i> -причастия в а. п. с (§ 3.66, карта 16)	<i>прощѣно</i>	<i>проценѣ</i>
12. Нечленная форма И. ед. муж. <i>n</i> -причастия в а. п. с (§ 3.69, карта 17)	<i>прѣдѣнѣ</i>	<i>прѣданѣ</i>
13. Инфинитив S-корневых глаголов а. п. с (§ 3.71, карта 18)	<i>нѣстѣ</i> <i>нѣсти</i>	<i>нѣстѣ</i> *
14. Тематизация ударения в глаголах а. п. <i>a</i> (§ 3.73, карта 19)	встречается (с большей или меньшей частотой)	отсутствует*
15. Презенс с неслоговым корнем (§ 3.76, карта 20)	тенденция к <i>вѣзметѣ</i> , <i>сѣжжетѣ</i>	тенденция к <i>возмѣтѣ</i> , <i>сожжетѣ</i>

Как можно видеть из табл. 6, в случаях расхождения между западными и восточными системами западный акцентный вариант — это почти всегда предфлексивное ударение. С исторической точки зрения западный вариант почти везде представляет собой инновацию, а именно, результат дефинализации — морфологизованной (пункты 4, 6, 7, 8, 11, 13) или неморфологизованной (пункт 1), замены энклينو-

менной акцентовки на предфлекссионную (пункты 9, 10, 12) или сдвига ударения к концу основы (пункт 14).

Соответственно, для западной зоны оказываются характерными парадигмы (или субпарадигмы — у части прилагательных и глаголов) с колонным ударением. Иначе говоря, грамматическая роль ударения здесь чрезвычайно сужена. Напротив, в восточной зоне древние акцентные противопоставления внутри парадигм, как правило, сохранены. Более того, они имеют тенденцию распространяться и на слова с первоначально неподвижным ударением, т. е. грамматическая роль ударения здесь с течением времени усиливается. Ср., например, единое ударение в парах *к нѡчи* — *в нѡчи*, *к дѡму* — *в дѡму*, *мѡре* — *мѡря* (мн.), *кѡсти* (мн.) — *кѡстьми*, *жѡва* — *жѡво*, *чѡста* — *чѡсто*, *стойшь* — *стойте*, *прѡдѡти* — *прѡдѡнъ* в западной зоне и акцентные оппозиции типа *к нѡчи* — *в нѡчи*, *к дѡму* — *в дѡму*, *мѡре* — *морѡ*, *кѡсти* — *кѡстьми*, *живѡ* — *жѡво*, *чѡстѡ* — *чѡсто*, *стойшь* — *стойтѡ*, *прѡдѡти* — *прѡдѡнъ* в восточной зоне. В западной модели *числѡ* — *числѡ* (мн.) принцип колонного ударения берет верх даже над общей тенденцией к дефинализации; ср. грамматикализованное ударение в восточной модели *числѡ* — *чѡсла*. По характеру акцентной эволюции западная зона до некоторой степени приближается к польскому языку (где фиксация предконечного ударения свела различительную функцию ударения к нулю); но развитие зашло здесь не столь далеко. Представляется вероятным предположение, что в западной зоне ударение в целом было более слабым, чем в восточной, т. е. ударный слог не столь сильно выделялся среди безударных; ср. слабое ударение, наблюдаемое в некоторых современных северновеликорусских говорах новгородского происхождения.

Схематические изоглоссы, существенно отличные от рассмотренного пучка, малочисленны и несходны между собой. Можно отметить небольшие различия между северной и южной частями восточной зоны; так, в южной части зоны (и в центре) лучше сохраняются некоторые типы глагольных энклиноменов (модели *пѡстѡилъ*, *прѡдавѡ*) и модель *пѡстѡилѡ*, см. карты 14, 15. Между тем акцентных изоглосс, которые делили бы всю старовеликорусскую территорию на северную и южную части, не обнаружено вообще.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АКЦЕНТНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

§ 4.1. Выбранное в настоящей книге построение в виде трех синхронных срезов не дает возможности проследить за всем ходом эволюции каждого фрагмента акцентной системы на протяжении рассматриваемого периода (т. е. последнего тысячелетия). Но мы можем, сравнивая синхронные срезы, выявить (по крайней мере, для некоторых наиболее важных фрагментов системы) общее направление такой эволюции. Ниже рассматривается та линия эволюции, которая ведет к современной литературной акцентуации. Как видно из материала, эта линия проходит через старовеликорусские системы восточного типа (в первую очередь системы ближнего северо-востока). «Вклад» систем западного типа здесь существенно меньше. Определенную роль в формировании современной литературной акцентной системы сыграло также книжное ударение старовеликорусской эпохи.

На рассматриваемой хронологической дистанции произошло лишь одно собственно фонетическое событие — совпадение автономного и автоматического ударения (§ 3.6). Еще одно явление, имевшее, по крайней мере отчасти, фонетическую природу, — дефинализация ударения (§ 3.9—10) — было ограничено в основном лишь западной диалектной зоной и реализовалось не до конца. Все прочие изменения акцентуации обусловлены различного рода аналогическими перестройками. Основные механизмы таких перестроек — это 1) выравнивание ударения в объединяемой каким-то общим признаком группе словоформ (или фонетических слов), 2) поляризация ударения в двух противопоставленных по какому-то признаку группах словоформ.

Для восточного типа акцентной эволюции, который лежит в основе современной литературной акцентуации, характерны прежде всего перестройки, повышающие функциональную нагрузку ударения. В частности, широко представлены: а) грамматикализация ударения внутри парадигмы, т. е. формирование прямого соответствия между акцентными оппозициями и противопоставлением по той или иной грамматической категории, например, по числу или залогу; б) семантизация ударения, т. е. перераспределение слов по акцентным группам в той или иной зависимости от их значения; в) «прагматизация» ударения, т. е. формирование акцентных различий, отражающих освоенность или неосвоенность слова (§ 1.5).

Происходили также некоторые перестройки другого типа. В частности, в отдельных звеньях морфологической системы обнаруживается акцентное перераспределение, обусловленное числом слогов основы; односложность основы способствует в таких случаях постановке ударения (при словоизменении или словообразовании) правее этой основы, неодносложность — постановке ударения на самой

этой основе (т. е. здесь как бы действует тенденция к равноудаленности ударения от начала словоформы). Далее, важным типом перестройки является унификация ударения у всех слов, содержащих определенный суффикс (см. § 4.6). Аналогичная перестройка может происходить также у слов с одинаковой финалью, т. е. суффиксоподобным исходом, не имеющим самостоятельного значения.

Следует особо упомянуть о возможности акцентного выравнивания в микрогруппах (или просто парах) тесно связанных между собой по значению (часто также и по форме) слов. Примеры. Ударения *лѣвый*, *налѣво* (вместо исторически закономерных *левбѣй*, *налѣво*) выровнены по *правѣй*, *направо*; заметим, что в памятниках иногда отражается и противоположное выравнивание, ср. *направо* Карг. 492, Хлын. 746, *направе* Колм. 197. Полностью унифицировалась акцентуация слов *высокий*, *широкий*, *далѣкий*, *глубокий* (§ 3.56); одинакова также акцентуация их антонимов (*низкий*, *узкий*, *близкий*, *мѣлкий*). Ударение *дружба*, по-видимому, выровнено по *службу* (эти слова ассоциативно тесно связаны, ср. *не в службу*, *а в дружбу* и т. п.). Ударения *на семь*, *на восемь* возникли под влиянием *на пять*, *на шесть*, *на девять*, *на десять*, ударения *четверо*, *семеро*, *восьмеро* (вместо *четыро*, *семѣро*, *восьмѣро*) — под влиянием *пятеро*, *шестеро*, *девятѣро*, *дѣсятѣро*.

Акцентная эволюция в словоизменении

§ 4.2. Прежде чем рассматривать словоизменение как таковое, необходимо отметить общую тенденцию к устранению ударения на клиниках, которая возникает как одно из следствий образования единого динамического ударения. Замены типа *воду ли* → *вбду ли*, *за воду* → *за вбду* представляют собой выравнивание ударения в совокупности фонетических слов, содержащих одну и ту же знаменательную словоформу (например, *вбду*, *воду ли*, *воду же*, *за воду*, *не за воду*, *и воду* и т. д.). То, что механизм перестройки здесь именно таков, косвенно подтверждается сохранением старого ударения в тех сочетаниях с кликами, которые в силу семантического обособления приобрели характер единой наречной словоформы и тем самым оторвались от исходной лексики (*набок*, *напросто*, *разбить наголову* и т. п.). Образцом, к которому при данной перестройке приближаются бывшие энклиномены, служат ортогонические словоформы с их неотъемлемым ударением, не зависящим от фразовых контекстов, ср. *рыбу*, *рыбу ли*, *за рыбу*, *не за рыбу* и т. д. В ходе истории ранее всего утрачиваются ударения на энклитиках (кроме *ся* при глаголах) и на союзах. Ударения на предлогах сохраняются гораздо дольше. В XVI в. новое ударение (типа *за вбду*, *на дѣрево*) получило заметное распространение лишь в некоторых микросистемах западного типа (§ 3.48). В восточной зоне и в литературном языке рассматриваемая перестройка в основном совершалась позже — в XVII—XX вв.

У существительных акцентная эволюция (в восточно-великорусской зоне и в литературном языке) направлена, как согласно отмечают все исследователи вопроса, прежде всего к формированию акцентной оппозиции ед. и мн. чисел; ср. в современном языке *ста́до—стада́, па́рус—паруса́* и т. п. и, с обратным распределением ударения, *число́—чи́сла, вы́сота—высо́ты* и т. п. Исторический процесс формирования акцентной оппозиции чисел складывается из двух компонентов: а) акцентная поляризация И. ед. и И. мн.; б) выравнивание внутри каждой из двух числовых субпарадигм. И в том и в другом случае мы имеем дело с экстраполяцией соотношений, существовавших в некоторых фрагментах системы уже в раннедревнерусском. Изучению указанного процесса посвящены соответствующие разделы целого ряда работ (см., в частности, Кипарский 1962, Шелюто, Колесов 1972, Хазагеров 1973а, Воронцова). Здесь мы ограничимся лишь указанием основных звеньев этого процесса и соответствующих хронологических вех.

Ранее всего оппозиция чисел сложилась (в восточновеликорусской зоне) в среднем роде. Модель *море́—моря́* была здесь исконной; относительно рано сформировалась также модель *число́—чи́сла*. Позднее акцентная оппозиция чисел развивается также у большинства производных слов исторической а. п. *a* (раньше всего у слова *чу́до*; примерно с начала XVII в. у слов *ме́сто*¹, *де́ло*, *ста́до*; позже у ряда других); см. § 3.40—41 и Воронцова, с. 119—122.

В *a*-склонении формирование акцентной оппозиции чисел, как показано в целом ряде работ, происходит путем конвергенции двух а. п.: *c* и *b*. Эта эволюция складывается из следующих процессов: 1) в И. ед. и И. мн., где для а. п. *c* оппозиция типа *росá—рбсы* исконна, эта модель распространяется также на а. п. *b* (например, *женá—жéны*, вместо *женá—жены́*); 2) в а. п. *c* ударение Д. ед. и В. ед. выравнивается по остальным падежам ед. числа (*росé, росú* вместо *рбсе, рбсу*), ср. исконные *женé, жену́* в а. п. *b*; кроме того, в Т. ед. *росою́* и т. п. сменяется на *росо́ю* (см. Акц. Мер., § 35); 3) в косвенных падежах мн. числа, где в обеих а. п. первоначальным было флексийное ударение, происходит выравнивание по И. мн. и Р. мн. (*рбс-ам, -ами, -ах, жéн-ам, -ами, -ах* вместо *рос-áм, -áми, -áх, жен-áм, -áми, -áх*).

Первый из этих процессов (*жены́* → *жéны*) в основном относится к XVIII—XX вв. (причем в XVIII в. его проявления еще не очень ярки; см. Хазагеров 1973а, с. 51—57, Воронцова, с. 48—50). В старовеликорусских памятниках у слов с надежно установленной а. п. *b* новые ударения типа *жéны* встречаются чрезвычайно редко (§ 3.49). Процесс перехода от подвижного ударения во мн. числе (типа *рбсы*,

¹ В настоящей главе для единообразия как современные, так и старовеликорусские словоформы записываются в современной орфографии и с единым знаком ударения (но *ѣ* дается только в современных словоформах).

росám, жéны, женáм) к колонному наосновному у подавляющего большинства слов происходит лишь в XIX—XX вв. (см. Колесов 1972, § 32, Воронцова, с. 42—46, 51—53).

В ед. числе весьма рано происходят замены типа *рбсе* → *росé* в Д. ед. а. п. с. Уже в XVI в. ударение типа *рбсе* является редкостью и ни в одной микросистеме не проведено последовательно. Даже в эту эпоху оно сохраняется (причем далеко не везде) преимущественно в составе определенных сочетаний с предлогом, в частности: *пб воде, пб горе, пб души, пб земли, пбсреде, пб стене; к вéсне, к вбде, к гбре, к зéме, к рúке, к стброне, к стéне*. В настоящее время лишь в некоторых говорах сохранились отдельные сочетания этого типа.

В В. ед. развитие было иным. Здесь конкурировали две противоположные перестройки: 1) переход к флексийному ударению в а. п. с (*рбсу* → *росú* и т. п.), реализующий общую тенденцию к колонности в субпарадигме ед. числа; 2) расширение акцентной оппозиции И. ед. и В. ед. (отсюда инновации типа *трáву* вместо *травú* в а. п. *в*). Первый тип развития характерен прежде всего для западной зоны, второй — для восточной (при этом в южных частях зон данное различие проявляется отчетливее, чем в северных). Соответственно, в современных юго-западных говорах модель *ногá* — *нбгу* сведена к минимуму (нередко вообще отсутствует), тогда как в говорах юго-востока, центра и ближнего северо-востока эта модель относительно продуктивна и охватила значительное число слов, ранее к ней не принадлежавших (см. Сологуб). Однако строгого разграничения двух тенденций по диалектным зонам все же нет; во многих микросистемах наблюдается неустойчивое состояние с колебаниями в обе стороны. В литературном языке перевешивает тенденция к колонности: с течением времени число слов, акцентуируемых по модели *ногá*—*нбгу* медленно, но неуклонно сокращается (см. Воронцова, с. 36—41). В старовеликорусском примеры инноваций в В. ед. (как типа *росú*, так и типа *трáву*) еще сравнительно редки; основная часть таких инноваций появилась в более поздний период.

В мужском роде акцентная оппозиция чисел развилась главным образом у слов с наосновным ударением в ед. числе. Эволюция здесь состояла в изменении акцентной кривой во мн. числе слов а. п. с. Ее компонентами были: 1) замена И. В. мн. типа *дбмы* на *домý* или *домá*; 2) установление колонного флексийного ударения в косвенных падежах (в микросистемах, где первоначальная акцентовка Д. мн. и/или М. мн. была иной; § 3.45—47). Второй из этих процессов закончился в восточновеликорусской зоне с победой новых окончаний *-ам, -ами, -ах*, т. е. примерно к концу XVII в. (§ 3.49). Замены типа *дбмы* → *домý* изредка отмечаются в XVI в., несколько чаще в XVII в. (§ 3.42). Основная часть таких замен, закрепившихся в литературном языке, относится к XVIII и первой пол. XIX в. (Воронцова, с. 84—86). Гораздо более продуктивный вариант такого преобразования составляет, однако, развитие в И. мн. нового окончания *-а*. Не касаясь здесь сложного комплекса вопросов об истоках

этой инновации, отметим лишь, что ее интенсивное распространение начинается только с XIX в. Продуктивность модели с *-á* (*náрус—парусá, сорт—сортá* и т. д.) с течением времени неуклонно возрастает; как известно, в современном языке она очень велика.

У существительных мужского и женского родов реализация колонного флексийного ударения ограничена в современном литературном языке следующим морфонологическим правилом: при односложной² (в женском роде также и при многосложной) основе на мягкую согласную (но не *j*) или на шипящую и при наосновном ударении в ед. числе в И. мн. ударение не выравнивается по косвенным падежам мн. числа³ (И. мн. на *-ья* не в счет); ср. *коготь, когти—когти, когтей; печь, печи—печи, печей; мать, матери—матери, матерей*. Если не считать книжного *мужей*, нарушения этого правила (И. мн. *зверей, котей, лоптей, кровей, матерей* и т. д.) встречаются только в говорах и в просторечии. Крайне затруднительно указать какие-либо правдоподобные синхронические причины существования данного правила. В то же время весьма вероятно его историческая связь со сходной особенностью старовеликорусского книжного ударения, см. § 3.13, п. 4; показательно то, что рассматриваемое ограничение действует в литературном языке и не действует в просторечии.

Указанное ограничение является основной причиной сравнительно устойчивого сохранения схемы ударения *e* в современном русском склонении, а также того, что у *i-feminina* акцентная поляризация чисел может достигать законченной формы (например, *мать, матери — матеря, матерей*) только в просторечии, но не в литературном языке. В связи с этим в литературном языке у *i-feminina* сама тенденция к поляризации чисел оказывается несколько ослабленной (ср. Воронцова, с. 78—89).

Помимо акцентной оппозиции чисел (и даже до некоторой степени вопреки ей), в русском языке сложилась также более узкая акцентная оппозиция грамматического характера — между 1-м предложным («изъяяснительным») и 2-м предложным («местным») падежами ед. числа; ср. *о снеге, заинтересован в снеге—лежит в снегу; о печи—на печи*. С исторической точки зрения мы имеем здесь дело с дифференциацией значений первоначально единого падежа, закрепленной с помощью разницы акцентовок (в мужском роде — также разницы окончаний). Иначе говоря, акцентовки, первоначально выступавшие просто как варианты, здесь грамматикализуются. Начатки этой дифференциации усматриваются в некоторых микросистемах уже в XVI в. (§ 3.36—38). Сложившись у слов исторической а. п. с, акцентное противопоставление 1-го и 2-го предложных падежей со

² Беглая гласная не в счет.

³ В нескольких случаях в сферу действия данного правила оказались втянутыми также слова с флексийным ударением в ед. числе; отсюда И. мн. *гвозди, гряди, кони, черви* (что дает редкую для masculina схему ударения *f*: *гвоздь, грядя — гвозди, грядей*).

временем выходит за эти рамки и в настоящее время возможно у слов любой исторической а. п., а также у поздних заимствований.

Особое место в акцентной эволюции русских существительных занимает прагматический фактор. В ходе истории обнаруживаются постепенные сдвиги в сторону соотношения, характерного для современного языка (§ 1.14): нетривиальное ударение у освоенных слов, тривиальное — у неосвоенных. Можно предполагать, что такое развитие связано, с одной стороны, с тем, что уже в древнерусском среди наиболее употребительных непроизводных существительных подавляющее большинство составляли слова а. п. *с* и *б*, с другой стороны — со сложившимся в старовеликорусский период соотношением между народной и книжной акцентовками (§ 3.11—13). «Прагматизация» ударения особенно заметна у непроизводных существительных мужского рода. Нетривиальное ударение выражается здесь прежде всего в виде флексионного или подвижного ударения во мн. числе (подвижное ударение выступает там, где действует указанное выше ограничение на флексионное ударение в И. мн.). Так, в ходе истории приобрели флексионное (или подвижное) ударение во мн. числе, в частности, следующие слова исторической а. п. *а*: *вѣтер*, *дым*, *жид*, *жук*, *зять*, *камень*, *кит*, *край*, *куст*, *плуг*, *пуп*, *сыр*, *тигр*, *уголь*, *узел*, *хлеб*; *кабан*, *парус*, *язык*, *якорь*, *ястреб* (в список не включены многочисленные менее надежные примеры); в нелитературной речи новое ударение обнаруживают также *дед*, *клин*, *сват*, *медведь*, *месяц* и др. Кроме того, аналогичное акцентное развитие обнаруживает множество поздних заимствований (см. Однослож., § 21—22). С другой стороны, получили тривиальное ударение в связи со своим книжным характером или малой употребительностью, в частности, следующие слова исторических а. п. *б* и *с*: *брак* 'супружество', *вепрь*, *вопль*, *врог*, *глас*, *град* 'город', *кров*, *лик* 'сонм', *лук* (оружие), *бцет*, *плат*, *пбсох*, *сан*, *страж*, *струг*, *стяг*, *тать*, *тур* (животное), *храм*. Вероятно, данный фактор сыграл определенную роль также в переходе к тривиальному ударению слов *бес*, *дух*, *змей*, *знак*, *труп*.

В ходе истории у освоенных существительных мужского рода с односложной основой произошло частичное перераспределение ударения в ед. числе по семантическому принципу, а именно: флексионное ударение у исчисляемых, наосновное — у неисчисляемых (подробнее см. § 1.15). Исходным пунктом здесь послужили количественные соотношения, представленные уже в древнерусском: в а. п. *с* и *а* статистически преобладали неисчисляемые слова, в а. п. *б* — исчисляемые. Дальнейшее развитие состоит в выравнивании ударения внутри каждой из семантических групп по наиболее частой модели и тем самым в акцентной поляризации самих этих групп. Этот процесс является относительно поздним. В XVI в. нет еще никаких его признаков. Более того, в это время еще возможны индивидуальные инновации, прямо противоречащие рассматриваемому принципу. Такова, в частности, акцентовка по а. п. *б* слов *блуд* (почти

повсеместно) и *вред* (в ряде микросистем). Окситонированный вариант встречается в этот период также у слов *гнев*, *зной*, *сад*, *смех*, *страх* («возраст» такого варианта в этих случаях менее ясен). Лишь в XVII в. появляются отдельные примеры, которые, возможно, отражают начало рассматриваемого процесса. Таким образом, перестройка ударения по семантическому принципу приходится в основном на XVIII—XX вв. За это время в соответствии с данным принципом сменили флекссионное ударение ед. числа на наосновное, в частности, слова: *блуд*, *верх*, *мох* (при Р. ед. *моха*), *рай*, *рой*, *торг*, *хлев*, *час*; утратили имевшийся ранее окситонированный вариант: *бой*, *гнев*, *зной*, *край*, *кров*, *сад*, *смех*, *страх*; с меньшей надежностью к этим спискам можно присоединить еще *гон*, *дёрн*, *зад*, *пай*, *под*, *таз*, *тёрн* (списки в Однослож., с. 83 нуждаются в некоторых поправках). Противоположный сдвиг испытали, в частности: *гвоздь*, *грозд*, *жид*, *жук*, *кит*, *лист*, *прут*, *сук*, *чёлн*, *червь* (вероятно, также *аз*, *бич*, *грач*, *лунь*, *тюк*, *цеп*, *шмель*, *шут*, *язь*); утратили подвижный вариант: *плод*, *слон*, *холм*. Данный сдвиг еще не полностью завершился у слов *груздь*, *кий*, *клок*, *крюк*, *мост*, *пук*; за рамками нормы стоит флекссионное ударение в *вор*, *волк*, *гусь*, *лось*. Такой же сдвиг представлен у большой группы поздних заимствований (*бант*, *винт*, *грош*, *штык* и т. д., см. Однослож., с. 83).

§ 4.3. У прилагательных в ходе истории произошли особенно глубокие акцентные перестройки; современная акцентуация прилагательных в большинстве случаев уже никак не связана с их древним делением на три акцентные парадигмы. Кроме того, в значительной мере разрушилась связь между акцентуацией полных и кратких форм одного и того же прилагательного (поскольку акцентные перестройки в этих подсистемах происходили в основном независимо друг от друга).

Одним из важных новшеств было то, что сформировалась зависимость ударения от прагматического фактора: прилагательные с книжной окраской (или просто малопривычные для соответствующего носителя языка), как правило, получают неподвижное наосновное ударение (во всех формах), ср. *тлённый*, *тлёнен*, *тлённа*, *-о*, *-ы* и т. п. Как и для существительных, истоки этого явления следует связывать с книжным ударением старовеликорусской эпохи (§ 3.51).

Прочие изменения у прилагательных не книжного характера таковы.

В сфере полных форм основное содержание акцентной эволюции составляет движение к следующему семантическому распределению: наосновное ударение у качественных (отчасти также у так наз. «полукачественных», § 1.56) прилагательных, флекссионное у чисто относительных (последнее только в тех случаях, где этому не препятствует морфологическая структура основы). Это движение характерно в первую очередь для производных прилагательных. Так, например, в ходе истории новое ударение получили: *грёзный*, *грязный*, *свободный*, *страшный*, *тайный*, *честный*, *светлый*, *жаркий*,

крѣпкий, медвяный, кровавый, бредовый, дубовый, медовый, толкóвый и десятки других; с другой стороны: *личной, мучной, речной, ветряной, травяной, холстяной, ветровой, дождевой, дымовой, лицевой, огневой, путевой, числовой* и десятки других. Из непроизводных прилагательных данная перестройка захватила (в литературном языке) около трети: *вѣтхий, гбрдый, грѹбый, нелѣпый, нбвый, прѣсный, скбрый, твѣрдый, тѣсный, тблстый, трѣзвый, цѣлый, чáстый, чѣрствый, юный, весѣлый, дебѣлый, дешѣвый, сурбóвый* (и нек. др.). Указанная акцентная дифференциация, по-видимому, начала формироваться в XVI в. в центре великорусской территории (§ 3.58—59).

В сфере кратких форм происходит процесс (не завершившийся и в настоящее время, ср. § 1.16) акцентного перераспределения в зависимости от числа слогов основы: при односложной основе краткие формы получают подвижное ударение, при неодносложной — неподвижное наосновное. Первые проявления этого процесса отмечаются уже в XVI в. В восточной зоне мы находим, с одной стороны, инновации типа И. ед. жен. *чистá, полнá, долгá* при односложной основе, с другой стороны, примеры выровненного наосновного ударения (И. ед. жен. *дрѣвяна, сѹрова, жѣстока* и т. п.) при неодносложной основе (§ 3.52—53).

У прилагательных с односложной основой в восточной зоне перестройка направлена к модели *жив, живá, жѣво, -ы* (т. е. к акцентовке по а. п. с). Тем самым расширяется круг прилагательных, у которых в сфере кратких форм ударение несет грамматическую нагрузку, а именно, форма ед. жен. противопоставляется форме ед. сред. (что особенно существенно для акающих говоров) и форме мн. числа. Прочие инновации старовеликорусского периода (например, ударения типа *светлб*) получили в дальнейшем лишь ограниченное развитие (§ 3.54).

В XVIII—XIX вв. модель *жив, живá, жѣво, -ы* распространяется уже практически на все общеупотребительные прилагательные исторической а. п. а и значительную часть из исторической а. п. б (из этой последней старое ударение несколько лучше прочих слов сохраняют цветообозначения). Новейшим преобразованием этой обобщившейся модели является движение в сторону флексийного ударения во мн. числе (в некоторых случаях также в ед. сред.). По-видимому, мы имеем здесь дело с акцентной поляризацией кратких и полных форм (§ 1.16). Таким образом, протекавшая в XVI—XX вв. грамматикализация ударения по схеме, где краткая форма ед. жен. противопоставлена остальным кратким формам, сменяется теперь грамматикализацией по более обобщенной схеме (краткие формы—полные формы).

§ 4.4. У г л а г о л о в основные изменения таковы. В презенсе а. п. с ударение формы 1 ед. выравнивалось по прочим формам: *несѹ, принесѹ, кричѹ, закричѹ* и т. д. вместо *нѣсу, прѣнесу, кричу, зáкричу*. Этот переход начался не позднее XIV в., а в XVI в. в большинстве

говоров был уже закончен (§ 3.61; о возможных реликтах начального ударения в современных говорах см. Бромлей 1978). Аналогично форме 1 ед. развивалось деепричастие презенса (§ 3.62). Переход к колонному ударению захватил также форму 2 мн.: *несёте, кричíte*, вместо *несётé, кричитé*. Эта инновация зародилась в западной зоне: уже в первой пол. XVI в. новое ударение здесь господствует. В дальнейшем новое ударение побеждает также и в восточной зоне (кроме дальнего северо-востока); при этом в I спряжении оно распространяется быстрее, чем во II-м (§ 3.60).

В презенсе а. п. *b* древняя акцентная кривая (*ношú, нбс-ишь, -ит, -им, -ите, -ят*) сохраняется; выравнивание, дающее *ношу* (или *носю*), известно лишь в качестве диалектного варианта развития, представленного в небольшой части говоров.

Таким образом, хотя исконный тройственный характер акцентного противопоставления в презенсе сохранился, один из членов (древняя а. п. *c*) изменил свое конкретное содержание: маргинально-подвижное ударение сменилось флексийным.

В системе прош. времени и инфинитива акцентная эволюция определяется следующими основными тенденциями.

1. Установление колонного ударения во всей совокупности форм активного залога, входящих в эту систему, например: *пустýти, пустýл, -а, -о, -и, пустýв, -ши, -ший*. Практически это означает замену подвижного ударения на предфлексийное у глаголов а. п. *c*, т. е. переход этих глаголов к такой же акцентровке (в данной группе форм), что и в а. п. *b*. Эта тенденция действовала повсеместно; диалектные различия касались лишь степени ее интенсивности (§ 3.63—64). В XVII в. в центре и на северо-востоке было достигнуто состояние, которое можно схематически представить так: *пустýл, -а (i- и *по*-глаголы), сббрал (изредка *собрáл), собралá (а-глаголы), прбрдал, продалá (V-корневые глаголы)*. Современная литературная норма лишь ненамного более продвинута: *пустýл, -а, собрáл, собралá, прбрдал (но также *продáл), продалá**; за рамками литературной нормы стоят характерные для западных говоров *собрáла, продалá*.*

2. Установление колонного ударения во всей совокупности форм страдательного причастия прош. времени. Данная тенденция действовала повсеместно; но при этом для восточной зоны характерно выравнивание типа *сббран, -а, -о, -ы, сббранный*, для западной — типа *собрáн, -а, -о, -ы, собрáнный* (§ 3.66—70).

3. Формирование в системе прош. времени и инфинитива акцентной оппозиции активных и пассивных форм, например: *прочитáл, -а, -о, -и — прочýтан, -а, -о, -ы; пустýл, -а, -о, -и — пýщен, -а, -о, -ы*. Эта тенденция характерна в основном для восточной зоны; но некоторые ее проявления известны и в западной зоне. Первоначальной базой для ее развития послужили акцентные отношения, представленные в раннедревнерусском в а. п. *b* у *а*-глаголов (*писáл — писан*) и *i*-глаголов (*давýл — дáвлен*). В ходе истории в восточной зоне

сфера действия данной тенденции непрерывно расширяется. Сдвиг ударения влево в страдательном причастии постепенно распространяется на *аj*-глаголы (например, *раско́пан*, *поб́иван*), *оа*-глаголы (*воёван*), *ё*-глаголы на *-ати* (*дёржан*), *V*-корневые глаголы а. п. *а* на *-ати* (*пóзнан*), *i*-глаголы а. п. *с* (*пýщен*), *C*-корневые глаголы а. п. *с* (*привéден*), *по*-глаголы (*сбóкнут*, *помя́нут*), *V*-корневые глаголы а. п. *б* на *-олоти* (*раско́лот*); см. § 3.68, 70. Кроме того, у *а*-глаголов а. п. *с* энклиноменные формы причастий (*сбóбран*, *пóбран*, *пр́зван* и т. п.) переосмысляются как имеющие сдвиг ударения на слог влево по сравнению с инфинитивом; это приводит к замене *обтобран*, *пóдбран*, *пéрерван* и т. п. на *отб́бран*, *подб́бран*, *перéрван* (и, кроме того, к замене *собранá*, *порванá* и т. д. на *сбрана*, *пóрвана*).

Понятно, что указанные три тенденции вполне согласуются между собой: выработка колонного ударения в каждом из залогов позволяет достичь максимально последовательной акцентной оппозиции этих залогов.

В ходе истории произошли также значительные сдвиги в распределении глаголов по акцентным парадигмам. В наибольшей степени это касается *i*-глаголов: исконное распределение глаголов на *-íti* между а. п. *б* и *с* постепенно (начиная с XVI в.) сменяется здесь новым, основанным на иерархии факторов стилистического, морфологического и семантического характера (§ 1.17, 3.74—75). В этом перераспределении участвуют также *ё*-глаголы. Следует признать, что движущие силы данной перестройки остаются пока еще недостаточно ясными. Т. Г. Хазагеров связывает экспансию модели *пýстит* с усилением акцентной оппозиции чисел в 1-м лице: *пуцý*—*пýстит* (Хазагеров 1973а, с. 127); но это не объясняет экспансии данной модели именно во II спряжении, но не в I-м (не говоря уже о том, что нет никаких признаков развития акцентной оппозиции чисел во 2-м и 3-м лицах). В. Л. Воронцова источник модели *пýстит* видит в том, что 2 мн. презенса типа *пýстите* заменяется на *пýстите* во избежание омонимии с императивом *пýстите* (Воронцова, с. 235). Этому предположению противоречит, однако, тот факт, что в восточно-великорусской зоне инновации типа *пýстит* появляются в целом раньше, чем ударение *-íte* вместо *-ité*; но особенно существенно то, что модель *пýстит* прекрасно развилась (даже сильнее, чем в русском) в белорусском и украинском языках, где вообще не было замены *-ité* на *-íte*. В любом случае необходимо учитывать, что у *i*-глаголов происходила не просто экспансия модели *пýстит*, а перераспределение, включавшее сдвиги в обе стороны (§ 3.74—75). Можно предполагать, что важную роль здесь сыграло постепенное объединение акцентных кривых а. п. *с* и *б* в системе прош. времени (ср. выше). Тем самым у *i*-глаголов различие между а. п. *б* и *с* в презенсе потеряло поддержку в остальной части парадигмы, т. е. сложились благоприятные условия для расшатывания прежнего распределения и выравниваний по новым основаниям.

В I спряжении акцентные перераспределения фиксируются в основ-

ном у *нр*-глаголов и глаголов с неслоговым корнем. У *нр*-глаголов а. п. *b* с согласной перед *-ну-* развилось колонное ударение во всех формах активного залога. При этом произошла семантическая дифференциация: у глаголов состояния обобщилось ударение на корне (например, *воскрэ́снуть*, *дб́хнуть*, *сдб́хнуть*), у глаголов однократного действия — послекорневое (например, *повер-нѹть*, *-нѹ*, *-нѣт*, *дох-нѹть*, *-нѹ*, *-нѣт*); см. Глаг. акц., § 58. Смежно-подвижное ударение представлено сейчас только у нескольких глаголов с гласной перед *-ну-*: *тонѹть* (историческая а. п. *b*), *обманѹть*, *помянѹть*, *минѹть* (историческая а. п. *c*). Корневые и *a*-глаголы с неслововым корнем в подавляющем большинстве случаев получили в презенсе флексийное ударение (§ 3.76).

§ 4.5. В итоге описанных изменений древнерусская система из трех акцентных парадигм трансформировалась в современном языке в четырехчленную систему акцентных типов (§ 1.10). Диахроническое соотношение между этими двумя системами достаточно сложно. В упрощенной форме оно представлено в табл. 7. Акцентные типы обозначены в таблице так: Т — тривиальный, Ф — флексийный,

Таблица 7

Диахронические соответствия между древнерусскими акцентными парадигмами и современными акцентными типами

		Древнерусские акцентные парадигмы			
		<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>	
Существительные	masculina	Т*	Ф*	М*	
	neutra	М* (производные Т)	С (производные Ф)	М	
	<i>a</i> -feminina	Т	С*	М/С (производные С)	
	<i>i</i> -feminina	Т*	—	М (производные М/Т)	
Глаголы	Презенс	I спряж.	Т	С (<i>нр</i> -глаголы Ф/Т; глаголы с неслововым корнем Ф)	Ф
		II спряж.	Т*	С/Ф	С/Ф
	Прош. время	Т	Ф (бывает только у <i>С</i> -корневых глаголов)	Т (<i>a</i> -глаголы С; <i>V</i> -корневые глаголы М/С)	

С — смежно-подвижный, М — маргинально-подвижный. Звездочка показывает, что от указанного в таблице соответствия есть заметное число отклонений. Запись типа М/С означает, что здесь имеется два возможных соответствия, причем оба представлены достаточно часто. У глаголов диахронические соответствия показаны по отдельности для каждой из двух субпарадигм. Прилагательные в таблицу не включены, поскольку, как уже указано, их нынешнее акцентное распределение лишь в малой степени связано с древним.

Акцентная эволюция в словообразовании

§ 4.6. Основное направление акцентной эволюции в русском словообразовании — это, в терминах В. А. Дыбо, «переход от парадигматического акцента к категориальному», т. е. переход от системы, где ударение производного слова зависит от акцентной парадигмы производящего, к системе, где ударение производного определяется только его принадлежностью к некоторой морфологической категории слов (в частном случае — к совокупности слов с определенным аффиксом).

Механизм изменения состоит здесь в акцентном выравнивании в рамках совокупности слов определенной морфологической структуры. За рассматриваемый период разные суффиксы успели продвинуться в такой эволюции в разной степени. Начальный шаг эволюции — эффект Min (§ 2.7), т. е. акцентное уподобление производных от слов а. п. *b* производным от слов а. п. *c*. Этот эффект начал развиваться уже в древнерусском (особенно у правоударных суффиксов), см. § 3.8. Для современного языка тождество ударения у производных от слов исторических а. п. *b* и *c* стало нормой; исконное нетождество сохраняется лишь в особых случаях (при так наз. эффектах Marg и Triv, § 1.34).

Дальнейшее продвижение состоит в том, что по своему акцентному эффекту в словообразовании к словам исторических а. п. *b* и *c* присоединяются некоторые слова а. п. *a*. Таковы прежде всего те из них, которые входят в особые группы, указанные в § 1.30, А 2 и В; отсюда новые ударения *резной*, *хвастливый*, *рачийшка*, *якорёк* и т. п. В современном языке для освоенных производных с самоударными и правоударными суффиксами эта особенность стала нормой (§ 1.33).

Далее, к указанным особым группам могут присоединиться все слова исторической а. п. *a* с односложной основой. Эта особенность обозначается как Monosyll (§ 1.34); она представлена, например, у суффиксов *-лив-*, *-арь* (отыменного), *-еу* (не уменьшительного); ср. исторически новые ударения типа *драчливый*, *пушкарь*, *рыбёу*.

Если, наконец, выравнивание захватывает все вообще производные от а. п. *a*, суффикс становится доминантным. В части случаев в качестве исключений сохраняются еще небольшие группы слов со старым ударением, как, например, *милостивый*, *чистильщик*, *множитель* среди слов с суффиксом *-ив-* или с морфем *-и-* в составе

последовательностей *-и-л-*, *-и-тель*; см. также § 1.65 о суффиксе *-ова-ть*, § 1.69 о суффиксе *-ян-е*. Большое число суффиксов прошло эту эволюцию до конца, т. е. достигло чистой доминантности, например: *-ят-а*, *-ат-*, *-оват-*, *-ит-*, *-аст-*. Заметим, что среди таких суффиксов много заимствованных (§ 1.41—43): они с большой быстротой подчинялись господствующей тенденции.

Движение суффиксов в сторону доминантности столкнулось, однако, со следующим особым обстоятельством. Именные приставочно-корневые комплексы (*прока́з-*, *навóз-*, *охóт-*, *бесчéст-* и т. п.), получившие ударение на корне (§ 2.26, модель *потоп*), сохраняют это ударение при дальнейшем словопроизводстве с повышенной устойчивостью. Например, в составе отыменных *i*-глаголов ряд корней с древней маркировкой ↓ со временем утрачивает ударение (ср. *язвѣи́ть*, *цмалѣи́ть* и др.), но с именными приставочно-корневыми комплексами этого никогда не происходит (ср. *прока́зати*, *унавóзати*, *охóтитися*, *бесчéстити* и т. п.). По-видимому, эта особенность складывается как средство дифференциации именных и глагольных приставочно-корневых комплексов. В самом деле, глагольные комплексы такого рода чрезвычайно часто бывают безударными (ср. *проказѣи́ти*, *навóзѣи́ти*, *захотѣи́ти* и т. п.); в противоположность этому за именными комплексами закрепляется неподвижное корневое ударение, обладающее повышенной устойчивостью. Понятно, что это явление составило препятствие для всеобщей эволюции суффиксов в сторону доминантности. Например, в старовеликорусском суффикс вторичных имперфективов *-а-ти* интенсивно развивался в сторону доминантности (§ 3.73). Но при образовании вторичного имперфектива, скажем, от глагола *обесчéстити* возникала конфликтная ситуация: ударение *обесчéщати* не соответствовало бы движению суффикса *-а-ти* к доминантности, ударение *обесчещати* нарушало бы принцип корневого ударения в именных приставочно-корневых комплексах. Конфликты этого рода были разрешены в истории русского языка тем, что производные этой категории стали просто избегаться. Вместо них использовались синонимичные им производные, содержащие такие суффиксы, которые не обнаруживали столь сильного движения к доминантности; например, в данном случае вместо *обесчещати* использовалось *обесчéщивати*. Со временем этот принцип превратился в устойчивое синхроническое правило (§ 1.34). Таким образом, для русского языка сохранение какого-то числа недоминантных суффиксов оказалось необходимым.

Акцентное обособление именных приставочно-корневых комплексов сделало актуальным для акцентологии разделение суффиксов на первичные (с исторической точки зрения отглагольные или универсальные) и вторичные (с исторической точки зрения отыменные); см. § 1.25. Вторичные суффиксы, даже если они в ходе истории были переосмыслены и с семантической точки зрения стали отглагольными (как, например, *-чив-* в *забѣвчѣи́вый*, *-к-а* в *вѣстѣи́вка* и т. п.), с акцентологической точки зрения ведут себя так, как если бы они

присоединялись к именным приставочно-корневым комплексам (*забыв-*, *выстав-* и т. п.). Только в одном случае это противоречие между семантикой и морфонологией со временем было частично устранено: исторически отыменный суффикс *-н-* постепенно переходит из категории вторичных в категорию первичных. Это выражается в том, что при отглагольном (с семантической точки зрения) словообразовании ударения типа *исходный*, *обводный*, *зажимный* во все большей степени уступают место ударениям типа *входной*, *обводной*, *зажимной* (§ 1.60); первые примеры такого сдвига относятся к XVII в.

В словообразовании, как и в словоизменении, заметную роль в акцентной эволюции сыграл прагматический фактор. Основной принцип состоит здесь в том, что при неосвоенности производного слова оно получает ударение, грубо говоря, совпадающее с ударением исходного слова. Технически этот принцип воплощается в правиле о словах с так наз. промежуточным по силе базовым компонентом (§ 1.33) и в эффекте Triv (§ 1.34), наблюдающемся у неосвоенных слов с определенными суффиксами (прежде всего *-н-* и *-ов-*).

Существенным элементом акцентной эволюции многих суффиксов было «расщепление» совокупности слов с данным суффиксом на группы, различающиеся семантически или по характеру деривации. Дальнейшее развитие характеризовалось акцентным выравнением внутри каждой из групп и акцентной поляризацией групп между собой. Примеры (из современного языка): *-ушк-а* ← (ласкательно-почтительное) и *-ушк-а* ↓ D (ласкательно-пренебрежительное, а также неласкательное); *-н-я* → D (собирательное и в именах действия) и *-н-я* → (в прочих случаях); *-арь* → (отыменное) и *-арь* ← (отглагольное); *-от-а* → D (отадъективное) и *-от-а* ↓ (отглагольное). При расщеплениях такого рода нередко обнаруживается влияние близких по значению суффиксов друг на друга. Так, большой ряд адъективных суффиксов при качественном значении получил маркировки, обеспечивающие наосновное ударение в полных формах (§ 1.56); напротив, при чисто относительном значении суффиксы *-н-* и *-ов-* получили маркировки, ведущие к флексионному ударению. Другой пример: акцентное единообразие отадъективных имен качества с суффиксами *-ин-а*, *-изн-а*, *-от-а*, *-ев-а*; ср. *глубинá*, *белизнá*, *чернотá*, *синевá*.

Рассмотрим также коротко (отвлекаясь от вопроса о доминантности) соотношение между древними маркировками ↓, → и — и современными ↓, → и ← у суффиксов. У безгласных (по современному счету) суффиксов древние маркировки ↓ и — обычно превращаются в ←; древнее → дает → или ← (без четких правил). У суффиксов, содержащих гласную, древние маркировки ↓ и → обычно сохраняются (но суффиксы *-еж* и *-ич* сменили древнее ↓ на →). Суффиксы с пометой Re (например, уменьшительное *-ик* → Re, *-ость* — Re) получают на современном уровне ←. Наиболее пеструю картину дают бывшие минусовые суффиксы (содержащие гласную):

-и-о ←, -ом- ↓, -ав- ↓ D, -ов ↓ Triv, -от-а ↓ и → D (ср. выше); сложному расщеплению подверглись суффиксы -н- (§ 1.57), -ов- (§ 1.61), -ян- (§ 1.64), -и- (§ 1.41, 66), -ян-е (§ 1.69). Часть бывших минусовых суффиксов до сих пор не полностью вписалась в современную акцентную систему; так, в частности, у -н-, -ов-, а также у -ск- в определенных случаях выступает реликтовый эффект Marg.

Эффекты Polysyll и Deox, развившиеся у нескольких суффиксов, в большинстве случаев отражают тенденцию к частичному выравниванию ударения по счету от начала у слов с одним и тем же суффиксом. Особый вид усложнения первоначальных акцентных правил составляет развитие производных, где с акцентологической точки зрения суффикс не прямо добавляется к базовому компоненту, а замещает другой суффикс в уже готовом производном (§ 1.38).

В приставочном словообразовании и в словосложении акцентные правила в целом мало изменились по сравнению с древнерусским. Приставки *су-* и *пра-* (древнее ↓) в большей части случаев уподобились обычным приставкам, ср. новые ударения типа *супостáт*, *праба́бушка*. Приставка *вы-* прошла эволюцию от постоянной ударности к нынешнему сложному распределению, основанному на различении именных и глагольных приставочно-корневых комплексов и противопоставлении совершенного и несовершенного видов (§ 1.28 Б); о ходе этой эволюции см. Глаг. акц., § 59. О развитии акцентных моделей *засуха* и *окуп* см. § 2.26—27.

Эволюция акцентной системы в целом

§ 4.7. У дальних истоков рассматриваемой эволюции (относящихся к раннему балтославянскому уровню), как можно предполагать, стоит весьма простая система, где все морфемы делились на два просодических класса («плюсовый» и «минусовый») и ударение в фонетическом слове падало на первую плюсовую морфему (при отсутствии таковых — на начальную морфему); см. Дыбо 1973, с. 10, 1981, с. 261.

На последующих этапах происходит ряд просодических изменений собственно фонетического характера, в результате чего как акцентная классификация морфем, так и правило о месте ударения существенно усложняется. На раннедревнерусской стадии этого процесса морфемы делятся уже на классы ↓, → и —. Дополнительным усложнением является существование эффектов Re и Min и операции перемаркировки. Базисное правило о месте ударения еще сравнительно просто (§ 2.8). Словоформы, состоящие из одних лишь минусовых морфем, отличаются от прочих особым статусом фонологической безударности.

Утрата различия между фонологически безударными и начальноударными словоформами приводит к системе, где из просодических оппозиций возможна только разница в месте ударения.

В словоизменении в ходе истории процессы акцентного выравнивания и поляризации, определяемые грамматическим, семантическим и прагматическим факторами, превратили древнерусскую систему из трех акцентных парадигм в новую систему из четырех акцентных типов. При этом разрушился первоначальный принцип, по которому в каждом морфологическом классе слов каждая акцентная парадигма могла быть представлена только одной акцентной кривой (схемой ударения). В подвижных акцентных типах представлено по нескольку схем ударения в рамках одного морфологического класса (табл. 1): эти схемы отражают разные стадии перестройки одной и той же первоначальной акцентной кривой.

В словообразовании процессы выравнивания привели к ломке древней зависимости ударения производных от акцентной парадигмы производящего слова. Значительная часть суффиксов приобрела доминантность. Но даже и при тех суффиксах, которые не стали доминантными, акцентуация производных от слов исторических а. п. *b* и *c* в подавляющем большинстве случаев совпала. Поэтому, с точки зрения современного словообразования, основам слов этих двух а. п. соответствует уже единое понятие слабого базового компонента (в отличие от сильного базового компонента, соответствующего, грубо говоря, основе слова исторической а. п. *a*). Это значит, в частности, что для словообразования в нормальном случае утратилась разница между древними маркировками → и — при корне.

Сильные базовые компоненты расщепились на две группы: 1) именные приставочно-корневые комплексы сохранили постоянное ударение на корне (что привело к их несоединимости с доминантными суффиксами); 2) прочие сильные базовые компоненты при соединении с доминантными суффиксами передают им ударение. Соответственно, базовые компоненты первой группы должны быть квалифицированы как доминантные, второй — как недоминантные.

С появлением доминантных суффиксов число акцентных классов у суффиксов удвоилось. Вдобавок, акцентное разнообразие суффиксов увеличилось за счет того, что у части из них развились особые акцентные эффекты (*Monosyll*, *Polysyll* и др.).

В результате всех указанных изменений свойственное древнерусскому языку единство акцентологических механизмов словоизменения и словообразования в значительной мере разрушилось. Для словоизменения актуально различие четырех акцентных типов (и далее, различие схем ударения внутри подвижных типов), для словообразования — различие трех классов базовых компонентов, из которых два (сильные и сильные доминантные) соответствуют одному и тому же акцентному типу (тривиальному), а третий — трем остальным. Далее, набор акцентных классов у корней — совсем не тот, что у суффиксов. Базисное правило о месте ударения, которое давало бы хороший результат одновременно для словоизменения и словообразования, в современном языке было бы столь сложным,

что, с нашей точки зрения, его конструирование нецелесообразно (правило, предлагаемое в Гард 1978, достаточно просто и в общем сходно с древнерусским, если не считать вопроса о доминантности суффиксов, но оно хорошо обслуживает только относительно консервативные части акцентной системы; мощные пласты инноваций оказываются в роли исключений).

В целом акцентная система современного русского литературного языка сильно усложнилась по сравнению с древнерусской. Она продвинулась (хотя пока еще не слишком далеко) в сторону типологически иной системы, которая в идеале должна обладать следующими свойствами: акцентуация производных слов определяется их грамматическими, семантическими и прагматическими характеристиками; внутри словоизменительной парадигмы ударение подчинено грамматическим оппозициям; в суффиксальном словообразовании ударение производного определяется только акцентной характеристикой суффикса (которая может быть различной при разных значениях суффикса). Последний пункт, впрочем, для русского языка не может быть реализован полностью (§ 1.31): в нем сложилась такая ситуация, при которой наряду с доминантными суффиксами с необходимостью сохраняется некоторое количество недоминантных.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Авв. — два автографа протопопы Аввакума (см. § 3.31).
 АГ-52 — Грамматика русского языка, т. I. М., 1952.
 АГ-70 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
 АГ-80 — Русская грамматика. М., 1980.
 Аксенова 1982 — *Аксенова Е. А.* Акцентная система северо-восточной русской рукописи конца XVI века (диахронический и синхронический анализ). Канд. дис. М., 1982.
 Акц. Мер. — *Зализняк А. А.* Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное». — В кн.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979.
 Амф. — Святцы с воследованием. Коломна, 1571 г. — ГБЛ, ф. 7, № 27 (см. § 3.27).
 АО — Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.
 Ап. — Апостол. М., 1564.
 Атлас Запад, Атлас Север, Атлас Юг, Атлас сводный — диалектологические атласы, составленные и хранящиеся в Институте русского языка АН СССР (соответственно: «Атлас русских говоров центральных областей к западу [к северу, к югу] от Москвы», «Диалектологический атлас русского языка»);
 БАН — Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде.
 БАС — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., 1950—1965.
 Бер. — Лексикон словеноруський Памви Беринди. Київ, 1961.
 Биб. — Библия, XVI в. — ГИМ. Синод. 30 (1-й почерк) (см. § 3.30).
 Библ. — 2-й почерк рукописи Биб. (см. § 3.28).
 Брике — *Briquet C. M.* Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier. Genève, 1907.

- Брок 1900 — *Брок О.* Угрюрусское наречие села Убли. — В кн.: Исследования по русскому языку, т. II, вып. 1. СПб., 1900.
- Брок 1907 — *Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. — Сб. ОРЯС, 1907, т. 83.
- Брок 1916 — *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
- Бромлей 1976 — *Бромлей С. В.* Форма 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения в русских говорах северо-восточной диалектной зоны. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1974. М., 1976.
- Бромлей 1977 — *Бромлей С. В.* О взаимодействии форм изъявительного и повелительного наклонений в восточнославянских языковых системах. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1975. М., 1977.
- Бромлей 1978 — *Бромлей С. В.* О следах общеславянской *s*-парадигмы в акцентной системе русского глагола (по материалам говоров). — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас 1976. М., 1978.
- Бук. — Буковница, 1592 г. — ГБЛ, ф. 173, № 35 (см. § 3.30).
- Булаховский 1947 — *Булаховский Л. А.* Східнослов'янські мови як джерело відбудування спільнослов'янської акцентологічної системи. — Мовознавство, т. IV—V, 1947.
- Булаховский 1961 — *Булаховский Л. А.* Отражения так называемой новоаккутовой интонации древнейшего славянского языка в восточнославянских. — В кн.: Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961.
- Васильев — *Васильев Л. Л.* О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии. Л., 1929.
- Вас. пс. — Псалтирь, XVI в. — ГПБ, Ф.1.7 (см. § 3.22).
- Вас. сб. — Сборник, XVI в. — ГПБ, Соф. 1460 (см. § 3.22).
- Вед. — Ведомости времени Петра Великого, вып. I—II. М., 1903—1906.
- Вер. — Сборник, XVI в., Веря. — ГПБ, Ф.И.255 (см. § 3.32).
- Воронцова — *Воронцова В. Л.* Русское литературное ударение XVIII—XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.
- Гард 1974 — *Гард П.* К истории восточнославянских гласных среднего подъема. — ВЯ, 1974, № 3.
- Гард 1976 — *Garde P.* Histoire de l'accentuation slave, t. 1. Paris, 1976.
- Гард 1978 — *Garde P.* Modèle de description de l'accent russe. — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, t. 73 (1978).
- ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина в Москве.
- ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.
- Глаг. акц. — *Зализняк А. А.* Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981.
- Горск. Нев. — *Горский А. В.* и *Невострюев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 1—3, М., 1855—1917.
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
- Грамм. — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.
- Гринченко — *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка, т. 1—4. Киев, 1907—1909.
- Грот — *Грот Я. К.* О глаголах с подвижным ударением. — В кн.: Труды, т. 2. Филол. разыскания. СПб., 1899.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Дан. — Сборник, 1543 г. — ГБЛ, ф. 113, № 490 (см. § 3.26).
- Джемс — Записи Р. Джемса, сделанные в 1618—19 гг. в Колмогорах (см. § 3.31).
- Диал. член. — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Дом. — Домострой, XVI—XVII вв. — ГПБ, Q.XVII (см. § 3.28).
- Дорог. — Сборник. Дорогобужский уезд, 1626 г. — ГИМ, Барсов 1280 (см. § 3.26).

- Дос. — Синайский патерик, 2-я четв. XVI в. — ГИМ, Увар. 883 (см. § 3.26).
- Дыбо 1962 — Дыбо В. А. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 6. М., 1962.
- Дыбо 1968 — Дыбо В. А. Акцентология и словообразование в славянском. — В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Докл. сов. делегации. М., 1968.
- Дыбо 1969 — Дыбо В. А. Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (Praesens). — ВЯ, 1969, № 6.
- Дыбо 1970 — Дыбо В. А. Фрагмент праславянской акцентной системы (Ударение прилагательных с суффиксом *-ъk-*). — Сов. славяноведение, 1970, № 5.
- Дыбо 1972а — Дыбо В. А. Реконструкция ударения *l*-причастия от глаголов на *-rŕ-* и *-i-* в праславянском. — В кн.: Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972.
- Дыбо 1972б — Дыбо В. А. Акцентные типы презенса глаголов с *ъ*, *ь* в корне в праславянском. — ВЯ, 1972, № 4.
- Дыбо 1973 — Дыбо В. А. Балтославянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. — В кн.: Кузнецовские чтения 1973. История славянских языков и письменности. М., 1973.
- Дыбо 1981 — Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 1982 — Дыбо В. А. Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции). — В кн.: Балтославянские исследования 1981. М., 1982.
- Ев. — Евангелие, XV—XVI вв. — ГБЛ, ф. 113, № 39 (см. § 3.31).
- Ег. — Евангелие, XV—XVI вв. — ГБЛ, ф. 98, № 20 (см. § 3.22).
- Егор. — Евангелие учительное, 2-я четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 98, № 80 (см. § 3.24).
- Жит. — Сборник житий, 2-я четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 173, № 57 (см. § 3.26).
- Зап. — Записная книжка монаха, XVI—XVII вв. — ГПБ, Q.XVII.67 (см. § 3.32).
- Земская — Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
- Изв. ОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности, СПб.
- Ик. — Иконописный подлинник, посл. четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 209, № 409 (см. § 3.28).
- Иллич-Свитыч — Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Ион. — Маргарит Иоанна Златоуста, 1530 г. — ГБЛ, ф. 256, № 195 (см. § 3.30).
- Карг. — Василия Великого о постничестве, 1556 г. — ГБЛ, ф. 304, № 133 (см. § 3.31).
- Кипарский 1962 — Kiparsky V. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
- Кипарский 1963 — Kiparsky V. Russische historische Grammatik, Bd. I. Heidelberg, 1963.
- Кипарский—Халле 1977 — Kiparsky P., Halle M. Towards a Reconstruction of the Indo-European Accent. — In: Studies in Stress and Accent (Southern California Occasional Papers in Linguistics, 4). Ed. L. Hyman. Los Angeles, 1977.
- Кир. — Сборник. Кириллов монастырь, 1612 г. — ГБЛ, ф. 209, № 327 (1-й почерк) (см. § 3.30).
- Кирил. — 2-й почерк рукописи Кир. (см. § 3.30).
- Клон. — Сборник житий, кон. XVI в. — ГБЛ, ф. 209, № 271 (см. § 3.31).
- Клосс 1980 — Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.
- Колесов 1965 — Колесов В. В. Об одной древнерусской диалектной системе ударения. — Вестн. ЛГУ, 1965, № 8.
- Колесов 1969 — Колесов В. В. Ударение neutra **o*-основ в древнерусском языке. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1969, т. XXVIII, вып. 1.

- Колесов 1972 — *Колесов В. В.* История русского ударения. Именная акцентуация в древнерусском языке. Л., 1972.
- Колесов 1973а — *Колесов В. В.* Знаки ударения и надстрочные знаки в русских рукописях XIV—XV вв. — В кн.: Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. I. М., 1973.
- Колесов 1973б — *Колесов В. В.* Надстрочные знаки «силы» в русской орфографической традиции. — В кн.: Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973.
- Колесов 1974 — *Колесов В. В.* Просодические диалектные признаки в истории русского языка. — ВЯ, 1974, № 1.
- Колесов 1978а — *Колесов В. В.* Ударение суффиксальных прилагательных в древнерусском языке. — *Slavia Orientalis, rocz. XXVII, № 2.* Warszawa, 1978.
- Колесов 1978б — *Колесов В. В.* Очерки по русской исторической акцентологии. (*Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Supplementum*). Szeged, 1978.
- Колм. — Космография Герарда Меркатора. Колмогоры, 1670 г. (см. § 3.31).
- Корн. — Василия Великого о постничестве, 1543 г. — ГИМ, Увар. 255 (см. § 3.31).
- Косм. — Космография Мартина Бельского, посл. четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 152, № 2 (см. § 3.28).
- Костр. — Слова Аввы Дорофея, Кострома, 1628 г.; в рукописи ГБЛ, ф. 138, № 25 (см. § 3.30).
- Курилович 1946 — *Курилович Е.* Система русского ударения. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 436—444.
- Лауцявичюс — *Laucvičius E.* Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Vilnius, 1967.
- Леонид — *Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания А. С. Уварова, ч. I—IV. М., 1893—1894.
- Лес. — Лествица. Москва, Чудов монастырь, 1558 г. — ГИМ, Чуд. 227 (см. § 3.27).
- Лет. — Троицкий летописец, сер. XVI в. — ГИМ, Синод. 645 (см. § 3.26).
- Леч. — Лечебник. Шуя, XVII в. — ГПБ, собр. Колобова, № 649 (см. § 3.32).
- Лих. — Пролог, 1501 г. — ГПБ, Соф. 1345 (см. § 3.22).
- Лихачев — *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I—III. СПб., 1899.
- Лобан 1957 — *Лобан Н. П.* Націск у назоўніках з невытворнай асновай у сучаснай беларускай літаратурнай мове. — Працы інстытута мовазнаўства АН БССР, вып. IV. Мінск, 1957.
- Лопатин — *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
- Лук. — Скитский патерик, 1570 г. — ГБЛ, ф. 256, № 307 (см. § 3.31).
- МАС — Словарь русского языка, т. 1—4, М., 1957—1961.
- Мат. — Материалы по русским народным говорам (т. I—XI в Изв. ОРЯС и Сб. ОРЯС).
- Матф. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия. М., 1649 (толкование на евангелие от Матфея).
- МДК — Труды Московской диалектологической комиссии.
- Мер. — Мерило Праведное, XIV в. — ГБЛ, ф. 304, № 15 (см. § 3.26).
- М. пс. — Псалтирь в переводе Максима Грека, нач. XVII в. — ГБЛ, ф. 304, № 62 (см. § 3.28).
- Муз. — Евангелие, 1-я пол. XVI в. — ГБЛ, ф. 178, № 3650 (см. § 3.22).
- Нахтигал — *Nachtigall R.* Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung, I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg, 1922.
- Нов. — Новгородская летопись, 1-я четв. XVII в. — БАН, 34.4.32 (см. § 3.24).
- Нил. — три тома Житий святых, писанные в 1490-ых гг. Нилом Сорским. — ГБЛ, ф. 113, № 630; ГБЛ, ф. 304, № 684 (Нил Т); Гос. лит. музей, № 126 (Нил М) (см. § 3.31).
- Новг. — Псалтирь лицевая, 1548 г. — ГИМ, Увар. 592 (см. § 3.22).
- Новые данные — *Зализняк А. А.* Новые данные о русских памятниках XIV—

- XVII век с различием двух фонем «типа о». — Сов. славяноведение, 1978, № 3.
- Обр. — Обратный словарь русского языка. М., 1974.
- Образ. — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Однослож. — *Зализняк А. А.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода. — В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Огиенко 1928 — *Огиенко Г.* Український наголос в XVI віці. — Сб. ОРЯС, 1928, т. 401, № 3.
- Ожегов — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 9-е изд. М., 1972.
- Окт. — Октоих. Новгород, 1436 г. — ГИМ, Синод. 199 (см. § 3.22).
- Орлова 1949 — *Орлова В. Г.* О говоре села Пермас Никольского района Вологодской области. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии, т. I. М.—Л., 1949.
- Пат. — Скитский Патерик, Повгород, 1553 г.; в рукописи ГИМ, Синод. 216 (см. § 3.22).
- Пер. — Слова Аввы Дорофея, 1633 г. — ГБЛ, ф. 310, № 194 (см. § 3.30).
- Печ. — Миней-четьи на сентябрь и октябрь. Печенга, 1605 г. — ГБЛ, ф. 138, № 17 (см. § 3.31).
- Погрібний — *Погрібний М. І.* Словник наголосів української літературної мови. Київ, 1964.
- Поливанова 1976 — *Поливанова А. К.* Морфонология русского субстантивного основообразования. Автореф. канд. дис. М., 1976.
- Полик. — *Поликарпов Ф.* Лексикон трехязычный. М., 1704.
- Постн. — Триодь Постная. М., 1589.
- Пр. — Пролог. Новгород, 1518–19 г. — ГБЛ, ф. 247, № 461 (см. § 3.22).
- Правда Русская, I — Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940.
- Прол. — Пролог, нач. XVI в. — ГБЛ, ф. 354, № 19 (см. § 3.31).
- Противоп. — *Зализняк А. А.* Противопоставление букв о и ѡ в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное». — Сов. славяноведение, 1978, № 5.
- Пс. — Псалтирь, кон. XV в. — ГПБ, Погод. 86 (см. § 3.32).
- Пск. — Житие и творения Феодора Студита. Псков, 1590 г. — ГБЛ, ф. 242, № 134 (см. § 3.24).
- Пч. — Пчела. Вологда, 1640 г. — ГПБ, Кирил.-Белоз. 114/1191 (см. § 3.32).
- Ратн. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647.
- Редькин — *Редькин В. А.* Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971.
- Рж. — Псалтирь. Ярославль, 1612 г. — ГИМ, Муз. 95 (см. § 3.26).
- РИС — *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Рум. — Сборник XVI в. — ГБЛ, ф. 256, № 181 (см. § 3.26).
- Рус. диал. — Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.
- Ряз. — Лествица. Солотча, 1611 г. — ГИМ, Барсов 246 (см. § 3.29).
- Сб. ОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности. СПб.
- Св. — Стоглав. Серпухов, 1646 г. — ГПБ, Q.II.102 (см. § 3.32).
- Сел. — Канонник. Троице-Сергиева лавра, 1616 г. — ГБЛ, ф. 304, № 283 (см. § 3.26).
- Селищев 1951 — *Селищев А. М.* Старославянский язык, ч. I. Введение. Фонетика. М., 1951.
- Сенн. — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия от Матфея и от Марка, 1499—1500 г. — ГИМ, Синод. 302 (см. § 3.23).
- Сидоров 1969 — *Сидоров В. Н.* Из русской исторической фонетики. М., 1969.
- Скляренко 1969 — *Скляренко В. Г.* Історія акцентуації іменників а-основ української мови. Київ, 1969.
- Смирнов — *Смирнов И. Т.* Кашинский говор. — Сб. ОРЯС, 1904, т. 77, № 9.

- Смол. — Сборник. Смоленск, 1580 г. — ГБЛ, ф. 173 III, № 108 (см. § 3.25).
 Сол. — Житие Зосимы и Савватия Соловецких. Соловки, 1632 г. — ГБЛ, ф. 209, № 235 (см. § 3.31).
- Сологуб — *Сологуб А. И.* Об ударении в парадигмах существительных женского рода ед. числа в русских говорах. — ВЯ, 1980, № 3.
- Станг 1952 — *Stang Chr.* La langue du livre «Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952.
- Станг 1957 — *Stang Chr.* Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
- Станг 1978 — *Stang Chr.* Zur Frage der Betonung univerbierter Bildungen im Russischen. — In: *Studia linguistica Alexandro Vasili filio Issatschenko a collegis amicisque oblata.* Lisse, 1978.
- Стар. — Книги 16 пророков, XVI—XVII вв. — ГИМ, Синод. 301 (см. § 3.26).
 Такт. — Тактикон Никона Черногорца. Москва, Симонов монастырь, 1461 г. — ГПБ, F.1.207 (см. § 3.27).
- Тамб. — Синодик Троицкой Новой пустыни на Цне, 1621 г. — ГИМ, Барсов 961 (см. § 3.29).
- Тар. — Псалтирь. М., 1568.
- Тит. — Пятидесятница. Троице-Сергиева лавра, 1541 г. — ГБЛ, ф. 304, № 146 (см. § 3.31).
- Тих. — Сборник грамматический, 1-я пол. XVII в. — ГБЛ, ф. 299, № 336 (см. § 3.30).
- Тихомиров 1942 — *Тихомиров М. Н.* Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания. — Ист. зап., т. XIII. М., 1942.
- Т. пс. — Псалтирь, XV—XVI вв.; в рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329 (см. § 3.22).
 Трав. — Травник и лечебник, XVI—XVII вв. — ГБЛ, ф. 37, № 431 (см. § 3.28).
 Тростянский — Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. — Сб. ОРЯС, 1916, т. 95, № 1, с. 1—65, 125—158.
- Тугай 1983 — *Тугай Е. В.* К вопросу об эволюции двух фонем «типа о» в XVI в. — Филол. науки, 1983, № 2.
- Увар. — Кормчая, сер. XVI в. — ГИМ, Увар. 296 (см. § 3.30).
 Угл. — Псалтирь. Углич, 1491—1492 гг. — ГИМ, Увар. 569 (см. § 3.30).
 Узк. — Евангелие безвыходное (так наз. узкошрифтное). Анонимная типография, 1553—1564 гг.
- Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649.
- Уст. — Житие Прокопия и Иоанна устюжских чудотворцев. Великий Устюг, кон. XVII в. — БАН, 45, 10.2 (см. § 3.32).
- Устинова 1974 — *Устинова Е. Г.* К вопросу об ударении относительных прилагательных с суффиксом *-ов-* (*-ев-*) в современном русском языке. — В кн.: Языковая практика и теория языка, вып. 1. М., 1974.
- Устинова 1977 — *Устинова Е. Г.* Ударение украинских прилагательных с суффиксом *-ов(ий)*. — В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Устинова 1980 — *Устинова Е. Г.* Об ударении префиксальных существительных в современном русском и украинском языках. — В кн.: Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940, т. 1—4.
- Федянина — *Федянина Н. А.* Ударение в современном русском языке. М., 1976.
- Фер. — Кормчая, сер. XVI в. — ГБЛ, ф. 98, № 248 (см. § 3.26).
- Хабургаев 1980 — *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка. М., 1980.
- Хазагеров 1973а — *Хазагеров Т. Г.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973.
- Хазагеров 1973б — *Хазагеров Т. Г.* Ударение как средство дифференциации грамматических форм. — ВЯ, 1973, № 4.
- Хивуд — *Heawood E.* Water-marks mainly of the 17th and 18th centuries, vol. I. Nilversum, 1950.
- Хл. — Сборник, 1560-е гг. — ГИМ, Хлуд. 147Д (почерк 271—384) (см. § 3.28).
 Хлуд. — Почерк 112—159б в рукописи Хл. (см. § 3.28).
 Хлын. — Златоуст, 2-я четв. XVII в. — ГБЛ, ф. 310, № 539 (см. § 3.31).

- Хр. — Хронограф лицевой, посл. четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 98, № 202 (см. § 3.26).
 Хрон. — Хронограф, 1-я четв. XVI в. — ГБЛ, ф. 113, № 650 (см. § 3.26).
 Цв. — Триодь Цветная. М., 1591.
 Цел. — Целебник, XVII—XVIII вв. — ГИМ, Музейск. 1226 (основной почерк) (см. § 3.31).
 Целеб. — 2-й почерк в рукописи Цел. (см. § 3.31).
 Час. — Часослов, кон. XV в.; в рукописи ГБЛ, ф. 304, № 329 (см. § 3.22).
 Частотн. — Частотный словарь русского языка. Под ред. Л. Н. Засориной. М., 1977.
 Чернышев Пувик. — *Чернышев В. И.* Говор Пушкинского района. — Избр. труды, т. 2. М., 1970.
 Чет. — Минея-четы на апрель, 1560-е гг. — ГИМ, Синод. 91 (см. § 3.26).
 Чуд. — Чудовский Новый Завет, XIV в. (см. § 3.28).
 Шахматов 1913 — *Шахматов А. А.* Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. — Изв. ОРЯС, 1913, т. 18, кн. 4.
 Шахматов 1915 — *Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. СПб., 1915.
 Шевелев 1978 — *Shevelov G. Y.* Omega in the Codex Hankenstein. — In: *Studia linguistica Alexandro Vasiliu filio Issatschenko a collegis amicisque oblata.* Lisse, 1978.
 Шелюто — *Шелюто Г. А.* Русское ударение, ч. 1. Ужгород, 1962.
 Якобсон 1963 — *Якобсон Р. О.* Опыт фонологического подхода к историческим вопросам славянской акцентологии. — In: *American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists.* The Hague, 1963.
 Якубинский 1953 — *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953.
 Якше 1965 — *Jaksche H.* Slavische Akzentuation, II. Slovenisch. Wiesbaden, 1965.
 Яр. — Служебник. Ярославль, 1635 г. — ГИМ, Барсов 1149 (см. § 3.30).
- а. п. — акцентная парадигма (см. § 2.10).
 б. уд. — без знака ударения.
 п.-др.-р. — позднерусский.
 р.-др.-р. — раннерусский.
 И., Р., Д., В., Т., М., П., Зв. — обозначения падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный, предложный, звательная форма.
 1 ед., 2 мн. и т. д. — обозначения лица и числа глагола.
 D, Deox, Init, Marg, Monosyll, Polysyll, Triv — см. § 1.21.
 Min, Re — см. § 2.7.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

Цифры означают параграфы. Слова, приводимые в тексте в качестве примеров, а не как таковые, а также слова, разбираемые не с точки зрения их акцентуации, включены в указатель лишь выборочно. Кроме того, не включены: слова на *-аж*, *-ер* (см. их списки в § 1.44), *-ия* (§ 1.45), *-уровать* (§ 1.65) и наречия типа *налево*, *подолгу* (§ 1.28, А IV).

У приставочных глаголов (если только приставка не срослась с корнем) и прилагательных с *не-*, *пре-* приставка просто игнорируется; например, упоминания в тексте глагола *приходить* учтены в указателе при слове *ходить*, *положить* — при *-ложить*, *недалёкий* — при *далёкий*. Возможна также запись типа *о-туречить*, когда приставка выписывается (с дефисом), но не учитывается при расположении по алфавиту. Степени сравнения и наречия учтены в составе соответствующих прилагательных, неличные формы, отпричастные прилагательные и отглагольные существительные на *-ние*, *-ение* — в составе соответствующих глаголов.

Родственные слова для компактности обычно сводятся в единые «гнездовые» статьи. При этом допускается смещение некоторого слова со своего алфавитного места (но не более, чем на 3—4 статьи); это необходимо учитывать при поиске слова. Внутри «гнездовой» статьи тоже допускаются отклонения от алфавитного порядка. Дефис заменяет ближайшее слева полностью выписанное слово (без конечной гласной, *ь* или *ый, ой*), а если в нем есть знак |, — часть до этого знака.

Все слова, дожившие до нашего времени (хотя бы в виде архаизмов или исторических терминов), даются в их современной форме. Прочие слова имеют помету *др.* — древнерусское. Если эта помета стоит после слова (в скобках), она распространяется только на данное слово, если перед словом — на все последующие слова до конца статьи.

Полезно отметить, что ссылка на § 2.14 означает, что слово относилось в древнерусском к а. п. а, § 2.16 — а. п. б, § 2.17 — а. п. с.

<p>а 2.22
австрияк 1.44
агнец 1.51
ад 2.14, -ов 2.25
аз 4.2
азбуковник 1.47
<i>др.</i> акъ 3.53
алкать 2.14, алчба 2.24, при-алчный 3.54
алтарь 2.16, 3.35
ангел 2.14
апостол 2.14
апрель 2.14
армянин 1.69
ассирянин 1.69
атомный 1.57</p>	<p>балахон 3.9
балов ать 1.65, -ник 1.47, -ной 1.52, 58, 60, -ство 1.52
бальный 1.59
баня 2.14
баран 2.14
бато г 2.16 -жье 2.24
баять 2.14
бдеть 2.17, 3.2
бег 2.17, 3.47, -ать 2.7, 14, 3.73, -нуть 2.14, -ун 2.24
беда 2.16, 3.35, 49, -ный 2.25, 3.17, 57
-бедить 2.17, 3.60, 62, 64, 66, 68
<i>др.</i> бедра (<i>жен.</i>) 2.17
бежать 2.7, 17, 3.60, 72, 75
без 2.22
безбородый 2.26
безделушка 1.31
бездна 2.26
бездыханный 1.54
безобразный 1.28</p>
<p>баба 2.14, -ий, -ин 2.24, -ить 2.25
-бав ить 2.14, 3.73, -лять 2.23, 3.73
багри ть 1.66, -льщик 1.41
баг(ъ)рь (<i>др.</i>) 2.16, 3.55, багряный 1.64, -ить 1.66, -ица 1.47, 2.23</p>	

- белена 3.9, -ной 1.59
 белый 1.16, 2.16, 3.10, 55, -есый,
 -ость 2.25, -еть 2.23, -ить 1.17, 18,
 48, 3.67, 74, -ок 3.10, -ьмо 1.18,
 3.10, -огородский 2.29, -оцерковский
 1.28
 берег 2.17, 3.38, 42, 43
 бережный 1.58, 3.54
 береза 2.14
 беремя 2.14
 бересто (др.) 2.14, -яной 1.64
 беречь 2.17, 3.10, 13, 71, 72
 бес 2.17, 3.42, 43, 45, 4.2, -ить 1.18,
 48, 66, 2.16, 3.67, -овский 1.52,
 3.54, -ный 3.54, 58
 беседа 2.14, -овать 1.65
 беспрестанный 1.54
 беспринципный 1.28
 бестолковый 1.62
 бесценный 3.54
 бесчестный 2.29
 бечева 3.9, -ник 1.53, -ой 1.63
 -бивать 3.70
 -бирать 2.23
 бисер 2.14, -ина, -инка 1.50
 бить 1.11, 2.3, 16, 3.2, 60, 64, 76,
 битье 2.24
 бич 4.2
 благо 2.17, -ой 2.17, 3.53, 54, -ость
 2.25, 3.37, 48, -остыня 1.50, 2.23,
 Благово 2.19
 благо|вест 1.28, -вестовать 1.55, -во-
 лить 1.26, 3.63, -дарить 1.26, 3.64,
 дать 1.43, -приобретение 1.67,
 -словить 1.26, 66, 3.63, 66, -тво-
 рительный 1.26, -уханный 1.54
 блаж|ной 1.58, -ить 3.60, 65, 66
 со-блазнить 2.16, 3.60, 63, 74
 бланковый 1.62
 блат 1.30
 блевать 2.14
 др. блѣдь 2.17
 блеснуть 1.49
 близ|кий 2.14, 4.1, -ить 1.66, -бли-
 жать 3.8
 блоха 2.16
 блуд 1.30, 2.17, 4.2, -ить 2.16, 3.60,
 74, -ник 1.53, -ный 3.58, 59
 блюдо 2.14
 блю|сти 2.17, 3.10, 60, 66, 71, 72,
 -дать 2.23
 бля|дь 3.44, -сти (др.) 2.17
 бо 2.22
 боб 2.16, 3.5, -ок 2.24
 бобер 2.16
 бог 2.17, 3.42, 43, 45, 47, -иня 2.23,
 -отворить 1.26
 богатейший 1.48, -еть 1.49, -ить 1.66,
 3.63, 66, -ство 2.24, о-богачать 3.73
 богатырь 3.9
 бодрый 2.16, 3.2, 55, -ость 2.25
 божий 2.24, -ество 1.53, 2.24, -ество
 3.63, -ить 3.66
 бой 2.16, 3.2, 28, 38, 4.2; блр. 3.28
 бок 2.17, 3.13, 45
 боле 2.23
 боле|ть 2.17, 3.60, 75, -сть 3.37, 48,
 -зновать 1.65
 др. бологь 2.17
 болото 2.14
 с-болтить 1.48
 боль 2.17, боль (муж.) 'больной'
 (др.) 3.45, -ьной 1.12, 16, 58, 3.54,
 58
 больше 3.28, -инство 1.53
 бомбить 1.66
 бондарный 1.57
 бор 2.17, 3.38, 42
 борзый 2.17
 боров 2.17
 борода 1.17, 2.17, 3.13
 борозда 2.16, -ковый 1.63
 борона 2.16, 17, 3.9
 боронить 'запрещать, защищать' 2.16,
 3.63
 -бороть 2.16
 борщ 2.16
 борьба 2.24
 босой 2.17
 др. бости 2.17, 3.60, 66, 68
 др. -богѣти 2.15
 бочар 1.44
 бояться 2.17, 3.2, 5, 60, 62, 72, 75
 боязливый 1.48
 др. бравь 'боров' 3.42
 брада 2.16, 3.13
 бразда 2.16
 брак 2.17, 3.31, 38, 45, 47, 48, 4.2,
 брачный 3.13, 53, 58, 59
 брань 2.17, 3.36, 37, -ить 3.60—63,
 66, 68
 брат 2.14, 3.10, -ан, -анич 2.23, -ец,
 -ик, -ья 2.24, -ов, -ский 2.25
 брать 2.17, 3.2, 13, 60, 63—65, 69, 70
 брашно 2.17, 3.41, 45
 бревно 2.16, 25, 3.35, 41
 брег 2.17, 3.38, 42, 45, 48
 бредовой, -ый 1.62, 4.3
 брезговать 1.65
 бремя 2.14, -енить 1.66, 3.66
 брести 2.17
 др. бречи 2.17, 3.13, 14, 60, 71
 бридкий 2.17, 3.58
 брить 2.14
 бровь 3.44, -ный 1.59
 брод 2.17, 3.38, 42, -ить 2.16, 3.62
 броня 2.16, 3.13, 49, -евой 1.62
 брос|ить 2.16, -овый 1.62

- брусчатый 1.54
 брызгать 2.14, 3.73
 брюхо 1.30, 2.17, -ан 1.41, брюшко 1.53, 2.24
 бубен 2.14
 бубнить 1.66
 будить 2.17, 3.9, 60, 75
 бузиновый 1.62
 буйволица 1.50
 буква 2.14
 буланко 1.53
 бумага 2.14
 бунт|арь 1.53, -овской 1.52
 бурить 1.66
 буря 2.14
 бут 1.30
др. въз-бънути 3.76
 бывать 3.14
 бык 2.16, 3.10, бычий 2.24
 быстрый 2.14, 3.54, 55
 быть 1.11, 2.14, 17, 22, 3.10, 13, 16, 17, 54, 60, 64, (не)бытие 1.53, 2.24, 3.13, былой 1.54

 в 2.22, 3.2
 вавильщик 1.41
 -вадить 2.14
 вал 2.17, 3.38, 42, 43, 45
 валить 1.48, 2.17, 3.60, 66, 75
 вальц|евой, -овый 1.63
др. вапъ 2.17, 3.42, 43
 вар 2.17
др. варити 'предварять' 2.17, 3.61, 63
 вар|ить 1.48, 2.17, 3.10, 60, 62, 66, 75, -енец 1.51, -ево 2.25, -ница 1.47
 вдова 2.16, 3.35, 49, -ица 2.23, -ство 1.53, 3.8, Вдовин 1.52
 вед|ать 1.48, 67, 2.14, 3.73, -овать 1.65, вѣдѣти (*др.*) 2.17, 27, 3.10, 12, 13
 ведев|ской, -ство 1.52
 ведомость 1.18
 ведро 2.14
 ведрó 2.16
 ведьмов|ской, -ство 1.52
 вежливый 1.48
 везти 2.17, 3.66, 68, 71
 век 2.17, 3.42, 45—48, -овой 1.62
 веко 2.14
 велеть 2.17, 3.17, 60, 61
 великий 1.16, 18, 2.23, 3.52, 53, -овоз-растный 1.28
 -велич|ить 1.66, 67, 3.73, -ать 2.23, -ие, -ица 2.24
 венгер|ский 1.54, -ка 1.53
 венец 3.14, венчать 1.54
 вебрь 2.16, 4.2
 вера 2.14, -ить 2.14, 3.73, -ный 1.18, 2.25, 3.53, -овать 1.65, 3.73, -ять 2.23
 верблюд 2.14
 вервь 2.17, 3.37, 44
 -вергнуть (*и др.* веречи) 2.14, 3.66, 67, 71
 веред, -ить 2.17
 веретено 2.16, 24, -ица (ящерица) 1.47
 -верз|ть 2.17, 3.71, -ать 3.14
 верига 2.23
 вернуть 1.49, 2.16, 25, вертеть 1.48, 2.17, 3.62
 верста 2.17, 3.49, -овой 1.62
 вертеп 2.14
 верх 2.16, 3.14, 4.2, -овой, -овый 1.63
 вершить 2.17, 3.60, 61, 63, 66, 68
 вес 2.17, 3.42, 43
 веселый 1.16, 2.17, 3.53, 54, 4.3, -ить 3.60, 66, -ье 1.51
 весить 1.66, 67, 2.14, 3.73
 весло 2.16, 24, 3.41
 весна 2.17
 вести 2.17, 24, 3.10, 60, 61, 66, 68, 71
 веть 2.17, -ить 3.54, 61, 63, 66, -ный 3.54
 весь 'вепсы' 3.37
 весь 'деревня' 2.16, 17, 3.37, 48
 весь (*мест.*) 2.16, 19, 3.9, 10
 ветвь 2.14
 ветер 2.14, 3.45, 4.2
 вегошный 1.57
 -вегр|ить 1.66, -еть 1.49, -ило 2.23, -овой 4.3, -яной 1.64, 4.3
 ветхий 2.17, 3.13, 53, 58, 59, 4.3
 вече 3.40
 вечер 1.28, 30, 2.17, 3.38, -ня 2.25, -я 2.14
 вечный 2.25, 3.13, 53, 58, 59
 об-вешить 1.66
 вещей 3.55
 вещь 2.17, 3.13, 36, 37, 43, 44, 48, -ество 1.53, -ный 1.59
 везть 2.14
 взрывник 1.53
 взять *см.* -ять
 вид 2.17
 вид|еть 1.48, 2.14, 3.73, -ѣние 1.67, -ный 1.56, -окъ (*др.*) 2.24
 вина 2.16, 3.10, 14, 49, -ить 3.57, 60, 62
 вино 2.16, 3.9, 10, 14, 17, 35, 41
 винтить 1.18, 48
др. -винути 2.17, 25, 3.14
 вира 2.14
 висе|ть 2.14, 3.73, -лица 1.47, -льник 1.53, виснуть 2.14, 25
 витать 2.15
 вить 1.18, 54, 2.3, 17, 3.2, 64, 76
 вз-вихрить 1.66

- вишневый 1.62
 вкусовой 1.63
 влага 2.14
 владыка 2.23
 влас 2.17, 3.42—45, 47, -яной 3.52—54
др. власти 'владеть' 2.17
 власть 2.17, 3.13, 37, 44, 46, -ель 2.25, 3.47, -ельский 3.54, -ный 3.58
 влacity 2.17, 3.60, 62, 66, 74, влечь 2.17, 3.14, 60, 66
 вне 2.16
 внедрить 1.66
 вну|к 2.14, -чек, -чок 1.51, *др.* в|нуча 2.23
 вода 2.17, 3.5, 10, 17, 28, 39, 42, 43, -ка 2.23, -нить 1.66, -ный 1.59, 3.59, -яник 1.47, -яный 1.64
 водить 2.16, 3.72, 74
 водле 2.16
 водрузить 3.66
 воевать 3.70
 вождь (*и др.* вожь) 2.16, 3.5
 воз 2.17, 3.42, 43
 возглас 1.28
 воздух 1.28, 30, 2.26, -шный 1.28, 57
 возить 2.16
 возле 2.16
 возраст 1.18, 28, 2.26, 3.43
 вои (*др.*) 2.16, 3.5, 13, воин 3.2, 4, воинств|енный 1.54, -овать 1.55
 вой|на 3.49, -ско 2.25
 вол 2.16, 3.5
 вол|глый, -хлый 3.55
 волк 2.17, 3.42, 45, 46, 4.2
 волна 2.17, 3.49
 волна 'шерсть' 2.14
др. волога 2.14
 Володимир 2.28
 волок 2.17
 волокно 2.16
 волос 2.17, 3.42, -ной, -ный 1.59, -яник 1.47
др. волости 'владеть' 2.17
 волость 2.17, 3.44, -ель (*др.*) 2.25
др. волоть 3.37
др. волохъ 2.14
 воло|чить 2.16, -чь 2.17, 3.5
 волхв 2.16, 3.13, -овать 2.23
 волхкий 3.54
 волшебство 1.52, 53
 волынявин 1.69
 воля 2.16, 18, 23, 31, 3.5, 17, -евой 1.62, -ить 3.74, -ьница 1.47, -ьный 1.12, 16, 2.16, 25, 3.54, 57, -ять 3.73
др. воля 2.16, 18, 31
 вопить, воз-опить 2.16, 3.14, 60, вопль 2.16, 3.13, 4.2
 вор 2.17, 3.42, 45, 47, 4.2, -овской, -овство 1.52
 воробей 2.16
 ворог 2.17, 4.2
 ворон 2.17
 ворона 2.14
 вороной 2.17, -ко 1.53
 ворот 2.17, 3.38, -ник 1.53
 ворота 2.17, 3.9, 13, 40, 45—47
 воротить 2.7, 16, 3.63
 ворох 2.17
 vorочать 2.7, 14
 ворс 1.30
 vorчать 2.17
 восемь 1.12, 2.16, 4.1, восьмой 2.16, 3.28, -еро 4.1, -илучевый 1.62
 воск 1.30, 2.17, 3.38, -овой 1.62
 вотчина 1.47, 2.23
 вотще 3.9, 55
 вошь 2.17, 3.2
 вошаной 2.25, 3.54
 вперить 2.17
 враг 2.16, 3.10, 13, 14, 35, -жда 3.35
 врата 2.17, 3.13, 28, 40, 45—47, -арь 2.24
 вратить 2.17, 3.10, 14, 60, 63, 64, 66, 74
 врать 2.17, 3.2, 9
 врач 2.16, 3.10
 вред 2.17, 3.42, 43, 45, 48, 4.2, -ить 2.17, 3.60, 64, 66
 время 2.17, 3.40, 45, 47, -енник 1.51, -енный 1.58, 3.52, -енщик 1.68
 всеведущий 1.48
 Все|волод, -слав 2.28
 всегда 2.23, 3.10
 все|нощный 2.29
 вся|кий 2.25, -чина 2.24
 второй 2.14, 3.28, -ить 1.66
 вчера 2.16
др. въз (*преда.*) 2.22
 вы 2.17, 19, 22
 выбытие 1.28
 Выг 3.38
 -выкнуть 2.14
 вынос 2.27, -ливый 1.28, 48
 выпускник 1.53
 выс|окий 1.18, 48, 2.14, 25, 3.9, 10, 13, 54, 56, 4.1, -ота 1.18, 2.25, 3.50, -ить 1.66, 2.14, 25, -окопарство 3.56
 выть 2.14
 выходник 1.53
 выжливый 1.48
 выжить 1.66
 вязать 2.16, 3.10, 70, -нуть 2.16, -ти (*др.*) 2.17, 3.60, 66
 вязовый 1.62
 вязнуть 2.14

- гад 2.14, 3.45, 47, -ина 1.50
блр. гай 3.28
 гас|ить 1.48, 2.17, 3.63, 66, 68, 75,
 -нуть 2.14
 гатить 1.48, 66
 гвоздь 1.11, 2.17, 3.44, 45, 4.2, -ить 3.64
 где 2.23
 гербовый 1.62
 героиня 1.47
 по-гиб|ать 3.73, -нуть 2.14
 глава 2.16, 3.10, 13, 35, 49
 глагол 2.14, -ать 2.16, 3.60—62
 глад 2.17, 3.42, 48, -ный 3.53
 глад|ить 1.66, 2.14, 3.73, -кий 2.14,
 25, 3.53, -ыш 1.51
 глаз 2.17, -ок 1.18, -чатый 1.54
 глас 2.17, 3.42, 43, 45, 47, 4.2, -ить
 3.66, -ный 3.53
блр. глей 3.28
 глина 2.14, -яный 1.64, 2.25
 глиста 2.16, 3.10, 49
 глодать 3.70
 -глотить 1.48, 2.16
 глохнуть 2.16
 глуб|окий 1.18, 48, 2.25, 3.9, 10, 54,
 56, 4.1, -ина 3.50, -ить 3.66
 глум 3.45, -ить 3.60, -ный 3.53
 глу|ный 2.16, 3.55
 глу|хой 2.17, 3.17, 53, -шить 1.18, 3.60
 гляд|еть 1.28, 2.7, 3.61, 62, -ати (*др.*)
 2.7, 14, 3.73, -я, -я по 1.48
 гнать 2.17, 3.28, 60, 62, 64, 66, 69, 70
 гнев 2.17, 3.48, 4.2, -ать 1.50, 3.73,
 -ить 1.66, 3.60, -ный 3.58
 гнедой 2.17, -ко 1.53
 гнездо 2.16, 3.10, 35, 41, -ить 3.74
 гнести 2.17, 3.66
др. гнѣтити 3.60
 гнить 2.17, гниль 1.30, -ец 3.10, -ой
 1.54, 2.17, 3.53
 гнои|ть 3.72, -ще 1.46, 47, гной 2.17,
 3.28, 38, -ник 1.53, -ный 3.53, 58
 гнус 1.30, -ный 3.53, 58
 гнуть 2.16, 3.2, 76
 говеть 2.15
 говно 2.16, 25, 3.5
 говорить 2.17, 3.13, 60—63, 66
 год 2.17, 3.38, 42, 45, 47, -овой 1.62
 годить 2.17, 3.62, 64, загодя 1.48
 голавлевый 1.62
 голень 2.17
 голик 1.51
 голова 1.17, 2.17, 3.10, 13, 39, -изна
 1.51, -ник, -ничество 2.24
 головня 1.53, 2.17, 25
 голод 1.30, 2.17, -ный 1.16, 18
 голос 2.17, -ник 1.53
 голубой 2.17, -изна 1.51
 голубь 2.17, 3.42, -иный 2.23, -ить 1.66
- голый 2.16, 3.55, -оледь 1.43
 гон 3.42, 4.2
др. гонезнуги 2.16
др. гонити 2.16, 3.14, 28, 62, 63, 74
 гонтовой 1.62
 гончар 1.44
 гора 2.16, 17, 3.10, 39, 42, 43, 48
 горбить 1.66, 3.66
 гордый 2.17, 3.58, 59, 4.3, -еливый
 1.48, -ость 3.37, -ыня 2.23
 горе 2.17
др. горе 'хуже' 2.23
 гореть 2.17
 горло 2.14
 горн 3.38
 горний 2.23, -ый 1.59
 город 2.17, 29, 3.42, 43, 45—48, -ище
 2.23, -ок 2.24, -ской 1.54
 город|ить 1.48, 2.17, 3.66, 75, *др.*
 -дня 2.25, -жа 2.14
 горох 2.14
 гортань 2.14
 горшок 3.10
 гор|ький 2.17, 3.53, 54, 58, 59, -чить
 3.68
 горячий 1.18, 3.10
 госпиталь 1.30, -ный 1.59
 госпо|дь, -д 2.14, 17, 3.42, 45, -да
 2.16, -дин 2.23, -жа 2.16
 гость 2.17, 3.42, 44, 45, 47, -инь (*др.*)
 2.23
 готовый 2.14, -ати (*др.*) 3.73, -ить 1.67,
 2.25, 3.73, -лять 3.73
 граб|ить 2.14, 3.73, -еж 2.23, -ляти
 (*др.*) 3.73
 гравийный 1.41
 град 'grando' 2.14, -ина, -инка 1.50
 град 'город' 2.17, 3.13, 42, 43, 45—
 47, 4.2, -ный 3.58, 59
 град|ить 2.17, 3.60, 63, 66, -ежь (*др.*)
 2.23
 (со)гражданин 1.69, 2.23, 25
 грамовый (кило- и т. д.) 1.62
 граничить 1.67
 грань 2.17, 3.49
 грач 4.2
 гробен|ка 1.53, -ной 1.59
 гробло 1.53
 грек 3.43
 греметь 2.17
 грести 2.17, 3.66, 71, 72
 греть 2.14
 грех 2.16, 3.10, 14, 35, греш|ить 3.66,
 -ный 1.16, 3.54, 57
 гречневик 1.51
 грибой 1.59
 грива 2.14
 гроб 2.17, 3.31, 38, 42—48, -ить 1.66,
 -ище 2.23, -ница 1.47, 2.23

- гроза 2.17, -ить 3.60, -ный 3.53, 54, 58, 4.3
 грозд 2.17, 3.42, 4.2
 гром 2.17, 3.38, 42, -ить 1.48, 3.60, -ный 3.53, -овой, -овый 1.62, 2.25
 гротесковый 1.62
 грохотить 1.66
 грубый 2.17, 3.58, 4.3, -ость 2.25, 3.48
 с-грудиться 1.66
 грудь 2.17
 груздь 1.11, 4.2
 груз|ить 1.18, 48, 2.17, 3.60, 66, -ный 3.53
 группа буйвол 1.30, 50
 группа воля 2.11, 16—18, 23
 группа воск 1.30, 59, 62, 66
 группа высоко 3.56
 группа красно 3.57
 группа прожектор 1.30
 группа рак 1.30, 50
 группа стоя 3.62
 группа чаща 2.14, 23
 группа якорь 1.30, 50, 59
 грусть 1.30
 груша 2.14, -овый 1.62
 грыжа 2.14, 23
 грызть 2.17
 грядя 2.17
 -грязнуть 2.16
 грязь 2.17, 3.37, 49, -нить 3.68, -ный 3.53, 54, 58, 4.3
 др. грясти 2.17, 3.14, 60
 губа 2.14, Губин 1.52
 губить 1.48, 2.17, 3.60, 61, 63, 66, 75
 гуднуть 1.49
 гузно 2.25
 гумно 1.12, 2.16, 3.35, 41
 гусли 2.14, -яр 1.44
 густи 3.62
 густой 2.17, 23, 3.10, 54, 58, 59, -ина (др.) 2.24, -ить 3.60, гуща 2.14
 гусь 2.17, 3.13, 42, 4.2, -ыня 2.23
 да (утверд. ответ) 2.4, 14; (част.) 2.4, 22, 3.60
 давать 3.70
 давить 1.48, 2.16, 3.74
 давний 1.28, 2.16, 3.9, 10, 57
 далекий 1.18, 48, 2.25, 3.9, 10, 54, 56, 4.1
 дань 2.17, 3.37, 44
 дар 2.17, 3.42—45, 47, -ить 1.17, 18, 48, 2.25, 3.60, 63, 66, 75, -овать 3.5
 дать 1.9, 11, 18, 54, 2.17, 20, 3.10, 12—14, 16, 54, 60, 61, 63, 64, 69, 70
 др. даяти 2.17, 3.60—62
 два 2.17, 19, 3.2, 13, двадцать 1.12, дважды 2.23
 дверь 2.16, 3.10, 44, -ца 1.51, 2.24
 дви|гать 1.67, 2.14, -жати (др.) 2.14, -житель 1.41, -нуть 2.14
 двинский, -ой 1.54
 двое 2.25, 3.2, -ить 1.46, 48, 66, 3.2, 60, 66, -ица 1.46, 47
 двор 1.13, 2.16, 3.10, 35, 48, 49, -ить 3.60, 74, -ище 2.23, -ной 1.59, -ня 1.42, -овый 1.63, -янин 1.69, 2.25
 двух|мачтовый, -ходовый, -цилиндровый 1.62
 дебелый 2.17, 3.54, 4.3, -ьство (др.) 2.24
 дебрь 2.17, 3.37
 дева 2.14, -ица 1.47, -ственник 3.28
 девать 3.9
 деверь 2.17
 девять 1.12, 2.17, 18, 3.10, -ый 2.16, -еро 2.25
 деготок 3.10
 дед 2.14, 4.2, дѣдичь (др.) 2.23
 декабрь 2.16
 дела|ть 3.8, 73, -тель 2.25
 делить 1.48, 2.17, 3.60, 63, 66, 75
 дело 2.14, 3.17, 40, 41, 4.2, -овой 1.62, -ьнее 1.48, -ьце 1.51
 др. дѣль 3.38
 день 2.17, 3.2, 44, -ник 1.53, -щик 1.68, день-деньской 1.54
 ден|ьги 1.12, 30, -ежка 1.53, -ежный 1.59
 др. дереве (?) 'древляне' 3.42
 деревня 1.11
 дерево 1.30, 2.17, -це 1.18, 3.41, -цо 1.51, -янный 1.64
 держа|ть 2.17, 3.10, 60, 62, 70, 75, -ва 2.23
 дерз|нуть 2.16, 3.64, -овати (др.) 3.14
 дерн 1.30, 62, 4.2
 десный (др.) 2.17, 3.54, -ица 2.23
 десять 1.12, 2.17, 18, -ый 2.16, -еро 2.25
 дети 2.17, 3.13, 44, -ище 1.47, -ство 2.24
 воз-деть 3.61
 дешевый 1.16, 2.17, 4.3
 др. дѣяти 2.14
 джинсовый 1.62
 диво 1.30, 2.17, -ить 3.60—62, 66, 72, -ный 3.52—54
 диковина 1.47
 директор 1.18
 дискантовый 1.62
 дитятко 1.53
 длань 2.14
 длинный 1.16
 дневной 1.48, -ник 1.47
 Днепр 2.16, 3.35, днепропетровчанин 1.69
 дно 2.16, 3.2, 9, 10

- до 2.22
др. добль 2.16
 добрый 2.16, 23, 3.5, 10, 13, 14, 54,
 55, -о 2.16, -ить 1.66, -ота 2.25,
укр. -обут, -одій 2.28
 довод 1.28
 договор 1.18, 28, -ной 1.60, -ный 1.59
 дождь 2.16, 3.2, -евой 4.3, -ить 3.2,
 60, 66, 74
 доить 1.48, 2.17, 3.2, 66, 72, 75, дой-
 ный 1.60, -ища 1.47
 дол 2.17
 долбить 1.17, 3.66, 68
 долг 2.17, 3.38, 42, 45, 47
 долгий 2.14, 3.53, 54, -орукый 2.28
 о-долеть 2.15
 про-должить 1.66
 долж|ный 1.12, 3.53, 54, 58, 59, -ен-
 ствовать 1.55, -ник 1.53, -ность 1.18
 долонь 2.14
 долото 2.16, 3.9, -це, -цо 1.51
 доля 1.21, 2.16, 31, -ьный 1.59
 дом 2.17, 3.28, 38, 42, 43, 45—48,
 домовой, -ый 1.63, -ничать 1.55
 доморощенный 3.68
 Дон 2.17, 3.38, донской 1.54
 донце 1.51
 дорога 2.14
 дорогой 1.16, 2.17
 досада 2.26, -овать 1.65
 доска 2.17, 3.2
 доступ 1.28, -ный 1.57
 дохлый 3.2
 дохн|уть 2.16, 3.2, 14
 дочь 2.17, 3.2, 13, 44, 46, -ерин 1.54,
 2.24, -ка 2.23, 3.26
 дощечка 1.53
 драгой 2.17, 3.53, 58
 раз-дражить 3.60
 дразнить 1.48
 драть 2.17, 3.69
 древ|ный 1.48, 2.17, 23, 3.58, 59, -ле
 (*др.*) 2.23, 3.13, -нить 1.66
 древо 2.17, 3.40, 45, 47, -еснеть 1.49,
 -ко 3.41, -це (*др.*) 3.41, -яныи (*др.*)
 3.52—54
 дремать 2.16, не-дреманный 1.54
 дresвяный 1.64
 дробить 2.17, 3.10, 66, 75
 дробь 2.17
 дрова 2.17, 3.40, 47, -яник 1.47
 дрог|нуть 2.16, -жать 2.17
 дрозд 2.17
 дру|г 1.30, 2.17, 3.42, 43, 45, 47, -жба
 1.51, 4.1, -жить 1.17, 18, 48, 3.60,
 -жний 2.23
 другой 2.17, 3.53
 дрянь 1.30, -ной 1.58
 дряхлый 2.16, 3.55
 дуб 2.17, 3.42, -овый 2.25, 3.54, 4.3,
 -ье 2.24
 дуга 2.16, 3.35
 Дудин 1.52
 дума 2.14, 31, -ать 3.73
 дунуть 2.14, 25
 дурь 1.30, -ак 3.35, -ной 1.12, 58,
 Дурново 2.19
 дуть (*прз.* *др.* дьму и дуку) 2.14, 16,
 3.2
 дух 2.17, 3.38, 42, 43, 45, 47, 4.2,
 -мянный 1.64, -овник 1.47, -овный
 3.5, 13
 душа 1.17, 2.17, 3.10, 13, 39, 42, -ев-
 ный 3.13, о-душевить 3.66
 душ|ить 1.48, 2.17, 3.64, -ник 1.53
 дщерь 3.13, 14, 37
др. дьжьб|ить 2.23
др. дьщ|ка 2.23
 дым 2.14, 4.2, -овой 4.3, -чатый 2.23
 дыня 2.14
 дых|аги (*др.*) 2.14, -ало 1.53, -нуть 1.49
 дышать 1.48, 2.17, 3.62
 дьявол 2.14, -ища 1.50
 дьяк 2.16, 3.35
 дьякон 2.14
 -дюжить 1.66
 дюймовый 1.62
 египтянин 1.69
 единый 2.16, 3.13, 14, -ить 1.66, 3.66,
 -ища 1.47, -ство 3.8
 едкий 3.53
 ежиться 1.66
 ездить 2.14, *др.* ъздь 3.38
др. езеро 3.40, 45, 47
 еловый 1.62
 ересь 2.17, 3.37, 44
 естество 1.53, 3.41
 есть 2.17, 3.12, 13, 60, 66
 ехать 2.14
 еще 2.14
 жаба 2.14
 жадина 1.47
 жажда 2.14, 31, -ать 2.16
 жал|овать 1.65, 2.14, -ити (*др.*) 2.14,
 -осливый 1.50
 жар 2.17, 3.38, 42, -ить 1.66, -кий 3.10,
 58, 59, 4.3
 жать (жму) 2.16, 20, 3.2, 64, 76
 жать (жну) 2.16, 3.2, 60, 76
 ждать 2.17, 3.2, 60, 64, 76
 же 2.17, 22
 жевать 2.17
 жезл 2.16, 17
 жел|ать, -ѣти (*др.*) 2.15, -анный 1.54
 железо 2.14, -ко 2.24
 желоб 2.17

- желтый 1.16, 2.16, 3.10, 55, -ить 3.60,
 -ок 3.10
др. желы 2.15
 жемчуг 1.30, 2.14, -жина 1.47, -жный
 1.59
 жена 2.16, 3.10, 35, 49, -атый, -ка,
 -ний 2.23, -ин 1.54, -ить 1.17, 18,
 48, 2.25, 3.63, 74, -их 2.24, -ский
 2.25
 жеребей 2.17
др. жеребя 2.23
 жерело (*др.*) 2.16, 24, жерло 1.53
 жернов 2.14, -ой 1.63
 жертвовать 1.65
 о-жестить 3.66
 жестокий 1.18, 2.17, 23, 25, 3.52—54
 жестяной, -ый 1.64
 жечь 2.17, 3.2, 10, 60, 61, 66, 71, 76
 живой 2.17, 3.52, 53, 58, -ить 2.25,
 3.60, 72, -отворить 1.26
 живот 2.16, 24, 3.10, 14, 35, -ный 2.25,
 3.57
 жид 2.14, 3.45, 47, 4.2
 жидкий 2.17, 3.53, 58, -ить 1.48
 жизнь 2.14, 23, 3.48
 жила 2.14
 жилище 3.50
 по-жинать 2.23
 жирный 3.54, -ить 1.66
 жито 2.14, 3.40
укр. Житомир 2.28
 жи|ть 1.11, 18, 2.17, 3.10, 60—62,
 64, -тель 2.25, -тие 1.53, -тье
 2.24, 3.13, жилой 1.54
 жи|во 1.53, -вье 1.18
укр. жовтобрюх 2.28
 жра|ть (*др.* жьрти, жьрати) 2.17,
 3.2, 71, 76, -тва 1.53
 жук 2.14, 4.2
 жушел 2.14
 о-журить 3.60
 жучить 1.66
др. жьрти 'sacrificare' 2.16, 3.60,
 66, 71, 76
 за 2.22
 заберег, -а 1.28
 забытые 1.51
 завидовать 1.65, зависть 1.30, 2.27,
 -ливый 1.48, -ник 2.29, -ный 1.57,
 2.29
 завиток 1.51
 заводской 1.54
 заводь 2.27
 заволока 1.28
 заволочье 1.28
 заворот 1.28
 завтра 3.2
 заговены, -ье 1.28
 заговор 1.28, 2.26, -ный 1.28
 загородный 1.28
 зад 2.16, 4.2
 задруга 1.28
 заем 1.12, 28, 2.26
 закон 2.26
 закром 1.28
 закут 1.28
 замок 1.28
 замок 1.28, 2.26
 заморозки 1.28, 2.26
 замысел 2.26
 занавес 1.28
др. занели 3.10
 запад 1.28, 2.26, 3.47
 запа|дня 1.53, -дь (*др.*) 3.37
 запаха 1.28, 2.26
 запись 2.27, 3.44, 49
 заповедь 2.27, 3.44, 48
 запонка 1.28
 закуп 1.28, 2.26
 заработок 1.28, 2.26, -ный 1.28
 заросток 1.28
 заря 3.13, 42, -ить 3.60, 63, 66
 засека 1.28
 заструг, -а 1.28
 засуха 1.28, 2.26
др. засьпа 2.26
 заушить 3.66
 заяц 2.14
 звать 1.18, 54, 2.17, 3.2, 60—64, 69
 звезда 2.17, 3.9, 39, 49, -чатый 1.54
 звенеть 2.17, Звенигород 2.28
 звено 2.16
 зверь 2.17, 3.13, 17, 42, 44, 45, 47,
 -иный 2.23, -ити (*др.*) 3.68, -овой
 1.56, 62, -оловец 2.29
 звон|ить 1.17, -арь 1.53, -кий 1.18,
 -ница 1.47
 звук 3.43
 здоровый 1.16, 48, 2.14, 3.53, -еть 1.49,
 -ить 1.66, -ье 2.24
 здоровый 2.14, 3.53, -йти (*др.*) 3.73
 зеленый 1.16, 2.16, 24, 3.55
 зело 2.16, 3.10, 14, 35, зьльныи (*др.*)
 3.53
 зелье 1.51
 земля 1.12, 2.17, 3.10, 39, 42, 43,
 -ельный 1.59, 3.54, -ь (*др.*) 2.17,
 3.37, -ной 1.58, 3.52—54, 58, 59,
 -ский 2.25, 3.53
 зеркало 1.28, 2.14, -ьный 1.59, -ьце
 1.51
 зерно 2.14, 3.41
 зима 2.17, 3.10, -ний 2.23, -овище 1.47
др. зинути 2.14
 злато 2.17, 3.40, 48, -ить 3.66, -ой
 2.17, 3.53, 54, 58

- злой 2.16, 3.2, 55, зло 2.16, 3.9, злоб-
 ный 3.53, злость 1.53, злодей (укр.
 злодій) 2.28, 3.28, злочин (укр.)
 2.28
 зме|й 2.16, 3.35, 4.2, -я 2.16, 3.10,
 35, 49
 знак 2.17, 4.2
 знамя 1.10—12, 2.25, знамен|ие 1.53,
 -итый, -овать 2.23, -ить 3.60, -ный
 1.59
 зна|ть 2.14, 24, 3.64, 70, -харь 1.53
 значение 1.67
 знобить 3.75
 зной 2.17, 3.38, 4.2
др. зобати 2.16, 3.62
 зобный 1.59
 зола 2.17
 золото 1.30, 2.17, -ить 1.48, -ко 1.53,
 -ник 1.53, 3.9, 10, -ой 2.17, 3.54,
 -це 1.51
 зрак 3.42
 зрелый 3.53
 зреть 'видеть' 2.15, 17, 3.2, 14, 60,
 61, 72
 зуб 2.17, 3.42, 43, 45, 46, 49, -ной
 3.59, -ок 1.18, -чатый 1.54
 зубрить 1.48
 раз-зудить 1.48
др. зълы 2.15
 зыб|ить 1.66, -ати (*др.*) 2.14
 -зябнуть 2.16
 зять 1.30, 2.14, 4.2

 и (местоим.) 2.17, 22
 и (союз) 2.22
 ибо 3.10
 ива 2.14
 игла 2.17, -ица 1.47
 игра 2.16, 3.49, -ище 1.47
 идти 2.3, 16, 3.2, 10, 14, 60, 61, 71,
 72, 76
др. иже 2.17
 из 2.22
 изба 2.17
 избавитель 2.25
 избранник 1.51
 изверг 1.28
 известковый 1.62
др. изврагъ 2.26, 3.17
 изгнанник 1.51
 изгородь 2.27
 изнурить 3.66
 изразец 1.51
 изумить 1.66
 икона 2.14, -оборец 2.29
др. икономъ 3.26
 ил 2.14, илостый 1.50, иловать (*др.*)
 2.23
 или 3.10
 Илья 2.16, -ин 1.54
др. имати 2.16, 3.9, 14, 72
 иметь 2.15, 16, 20
 императрица 1.47
 имя 2.17, 3.28, 40, 45, 47, -енитый,
 -еновать 2.23
 индеветь 1.49, 50
 иней 2.14, инистый 1.50
 иной 2.14, 3.28, -огда 2.23, 3.28, *др.*
 -акъ 2.25, -амо, -уду, -ъде 2.23
 инок 2.25, -иня 1.50, 2.23
 инспектор 1.18
 инструктор 1.18
 искать 2.16, 3.61, 62, 70, 72, иск 3.38,
 47
 искра 2.14, -истый 1.48, -пться 1.66
 искус 1.28, 2.26
 испещрить 3.66
 исповедь 2.27, -альня 1.53
 испуг 1.28
 истый 2.14, -ец, -ина 2.24, -овый 1.6
 истопник 1.53
 истязать 3.70
 исчезнуть 2.16, 3.14
 июнь 2.14

 к 2.22, 3.2
 кабан 2.14, 4.2
 кади|ть 2.17, 3.60, 75, -ло 2.23
 каз|ать 2.16, 3.9, 10, 61, 70, 72, -овый
 1.62
 -казить 2.17, 3.64, 66, 68
 казна 2.16, 3.49
 казнь 2.14, 3.37, -ить 2.16, 3.63, 74
 какой 2.17, 25, 3.54
 каковой 3.54
 кал 3.38
 календарь 1.51
 калить 1.17
 камень 1.30, 53, 2.14, 4.2, -еть 2.23,
 3.73, -ие (*др.*) 2.24, -истый 2.23,
 -ноугольный 1.28
 камора 2.14
 канон 2.14, 3.5
 каш|ать, -ля, -нуть 2.14
 караван 3.9
 карий 3.53
 карта 3.43
 кат|ить 2.17, 3.75, -ыш 1.51
 кафтанишко 1.47
 каша 2.14, -ица 1.47
 кашель 2.14
 каяться 2.14
 квас 2.7, 17, 3.38, -ить 1.66, 2.7, 14,
 -цы 3.10
 квашня 1.53
 с-квитать 1.49
 кедр 2.14

- кидать 2.14
 кий 3.43, 4.2
 кила 2.14
 кинуть 1.49
 кишеть 2.17
 кисель 2.16
 кис|лый 3.54, -лить 1.66, -нуть 2.14
 кисть 2.14
 кит 2.14, 4.2, -овый 2.25
др. -кладати 2.23, 3.73
 кланяться 2.7, 14
др. клась 2.17, 3.42
 класть 2.17, 3.10, 60
 клевать 2.17
 клевет|ать 2.16, 3.70, -арь (*др.*) 2.24, -ник 1.53
 клеить 1.46, 48, 66, 3.2
 клеймо 3.41, -овщик 1.68
 клен 2.17, -овый 1.62
 клепать 2.16
 клеть 2.17, 3.37, 44
 клешня 1.53
 клин|ать 2.14, 3.73, -нуть 2.14
 клин 2.14, 4.2
 клок 4.2
 клонить 1.48, 2.7, 17, 3.10, 61, 63, 64, 72
 клош 2.16, 3.10
др. клопотъ 2.17, 3.42, 47
др. клосьный 2.16, 3.57
 ключ 2.16, -ик 2.24, -ный 3.57
 -ключить 1.17, 2.17, 3.64, 66, 74
 кня|сть 1.11, 18, 54, 2.17, 3.61, 71, -тва 2.14, 23
 книга 2.14
 кнут 3.10
 князь 1.30, 2.17, 3.2, 28, 42—47, княгиня 2.23, княж|еский 3.2, -ество 2.24, -ить 1.66, 67, -ич 1.51, 2.23, *др.* къянжъ 3.54, -ия 2.24
 кобылица 1.47
 ков|ать 2.17, 3.64, 69, 72, -ачь (*др.*) 2.24
 ковровой, -ый 1.63, -щик 1.68
 ковчег 2.14
 когда 2.23, 3.10
 коза 2.16, -ан 1.41, -аный 1.64, -ух 2.16
 коза 2.17, 3.49, -ел 2.16, -лице 1.47, Козин 1.52
 козырь 1.28, 30, -ной, -ный 1.59
 кокиль 1.11
 коконщик 1.68
 кокошь 2.17
 кол 2.16, 3.10, -ие (*др.*) 2.24
 колбаса 3.49
 колд|овской, -овство 1.52, -ун 3.35
 колебать 2.16
 колено 2.14
 колесница 1.47
др. колнкъ 2.23, 3.5
 коло (*и* кола 'повозка') 2.17, 3.40
 колоб 2.17
 коловорот 2.28
 колода 2.14, -ие (*др.*) 2.24, -ица 2.23
 колодязь 2.14
 колокол 1.30, 2.17, 3.42, 43, -ьный 1.59
 колос 1.30, 2.17, -ник 1.53
 коло|ть 2.16, -тье 1.51
 колошник 1.53
 колыхать 2.16
 коль|цо 1.12, 2.24, 3.41, -цевой 1.63, -чуга 2.23
 комар 2.16, 3.13, 42, 44
 кондуктор 1.18
 кон|ец 2.14, 3.10, -цевой 1.63, -чить 1.66
 конопля 3.49
 конь 1.11, 2.16, 3.5, 10, 13, 35, 42, 47, 4.2, -евъ (*др.*), -ский 2.25, -ина 2.23, -ный 3.5, -овязь, -ов'язь (*укр.*) 2.28, -юшня 1.53
 копа 2.17
 копать 2.15, 3.5, 70
 копить 1.48
 копна 2.17
 копыто 2.14, -ень 1.43
 копы 2.16, 3.35, 41
 кора 2.16
 корабль 2.16, 3.14, 35, -ец 2.24
 корень 2.17, -ить 3.60, 66, -ной 1.58
 корить 2.17, 3.61, 66, 68
 корм 2.17, 3.38, 42, 45, -ить 1.18, 2.16, 3.62, 63, 67, 74, -ля 2.14
 корма 2.16, 3.49
 короб, -ья 2.17, -ить 1.66
 корова 2.14, -ий 2.24
 коровой 3.9
 король 2.16, 3.44, -ев 2.25
др. коромола 2.16, -ити 3.63
 короста 2.14, -авъ (*др.*) 2.25
 короткий 1.16, 18, 2.16, 23, 25, 3.54, 57, -оволновый 1.62
 корпийный 1.41
 корректор 1.18
 корчаг 2.14
 користоваться 1.65
 корыто 2.14
 коряк 1.44
 коса₁₋₃ 1.17, 2.17
 косарь 1.53
 косить (траву) 1.18, 'кривить' 1.48
 косой 2.17
 коснуться 2.16
 косный 3.54
 костромской 1.54
 кость 2.17, 3.13, 44, -ный 1.59

- кот 2.16
котел 2.16
др. котора 2.14
кофейня 1.53
кочевой 1.63
кош 2.16
др. -кратати 3.73
край 2.14, 4.2, блр. 3.28
краковяк 1.44
крамола 2.16
крапина, -ка 1.50
краса 2.16, -ивее 1.48, -ить 1.66, 2.16, 3.67, 74, -ный 1.16, 2.25, 3.10, 54, 57
красть 2.14
-кратигь 2.17, 3.60, 63, 64, 66, 74
кремль 2.16
крен 1.30
креп|ить 3.60, 63, 66, 68, -кий 2.17, 25, 3.53, 54, 58, 4.3, -ость 1.18, 2.25, 3.37, 44, 49, -остца 2.24
вос-крес|ить 2.17, 3.66, -нуть 2.16
крест 2.16, -ить 1.18, 48, 2.17, 3.60, 64, 66, 74, 75, -чатый 1.54
кривой 2.17, -ить 3.60, 68
кри|кнуть 2.16, 25, -чать 2.17, 3.61, 62
кров 2.16, 3.42, 48, 4.2
кровать 2.14
кровь 2.17, 3.28, 37, 44, -авик 1.51, -авить 2.25, 3.75, -авый 2.25, 3.52—54, 4.3, -ный 3.58
кроить 1.48, 3.60, 68
крольчиха 1.50
кроме 2.16, 3.10
кропить 2.17, 3.60—62, 66
крот|кий 2.17, 3.53, 54, 58, 59, -ить 3.60, 63, 66, -ость 3.37, 48
кро|ха 2.16, -шить 1.18, 3.75
круг 2.17, 3.42, 47, -лый 2.16, 3.55, -оверть 1.43
круж|ить 1.18, 48, 3.66, -ево 1.12, 2.25, -евце, -евцо 1.51, -ковой 1.63
крупа 2.16, 3.49, -чатый 1.54
кру|той 2.17, 3.53, -ча 2.14
круч|енный 1.48, -иновать (др.) 2.23
крушить 2.17, 3.60, 61, 66
крыло 2.16, 3.41, -атый 2.23, -ить 3.66
крыть 2.14, 3.18
крю|к 4.2, -чить 1.66, -чковой 1.63
кряжистый 1.48
кто 2.17, 3.2
куда (до-, от-) 2.23, 3.9
кум 1.30, -овской, -овство 1.52
кумир 2.14
куна 2.16, 3.49
куц|ать 2.16, -ель 2.23
купина 1.47
куп|ить 2.16, 3.10, 62, 63, 67, 72, 74, -ля 2.14
кур 2.14, -ица, -я (др.) 2.23
куренной 1.59
кус 2.17, 3.42, -ить 2.16, 3.61, 67, 74, -ковой 1.63
ис-кус|ить 2.16, 3.60, 67, 74
куст 2.14, 4.2
кут 2.16
кутать 2.14
кухарь 1.51, 53, -ить 1.66, -ка 1.53
кухонный 1.57
кучерской 1.54
кушать 2.7, 14, 3.73
лавровый 1.62
лад|ный 3.54, -ить 1.66
ладья, лодья 2.17, 3.13, 39
лазить 2.14
лайнуть 1.49
ламповщик 1.68
лапоть 1.30, 3.47
ларь 2.16, -чик 2.24
ласка 2.14, -авь (др.) 2.25
лаять 2.14
лгать 2.16, 3.2, 60, 64, 70, 76
лебеда 3.10
лебець 2.17
лев 2.16, 3.2
левый 2.17, 3.31, 58, 4.1
лег|кий 1.12, 16, 2.16, 25, 3.54, 57, -чить 3.66
лед 2.17, 3.38, 42, 45, -снец 3.9, -ник 1.53, -овый 1.63, 2.25, -яной 2.25
леж|ать 3.10, 60—62, 75, -а 1.48
лезвийный 1.41
лезть 2.14
лекарь 1.30, 53, -ство 1.53
лесять 2.14
леме|х 1.28, -шный 1.59
лен 2.17, 3.2
лень 1.30, -ивый 2.23, -иться 1.17, 18, 48, 3.60, 75, -ость 2.25, лѣнь (др.) 2.17
лепить 1.48, 2.17, 3.68
лешота 2.25, др. лѣнь 2.17, 3.53, 54, -отный 3.54
лес 2.17, 3.38, 42, 43, 45—47, 49, -ной 3.59, -ок 2.24
лесть 1.30, 2.17, 3.2, 37, 44
лет|еть 2.17, 3.61, -ный 1.60
лето 2.14, 3.48, -описец 2.29, -опись 2.28
лечить 1.48, 2.17, 3.60, 66
лечь 2.14, 3.71
лживый 2.23
ли (союз) 2.14, 22, (част.) 2.22
ливать 2.16
лик 'сонм' 2.17, 3.47, 4.2
др. ликъ 'возглас ликования' 3.42
лилов|еть 1.49, -ее 1.48

- линейка 1.53
 липа 2.14, -ец 1.51
 лист 2.17, 3.38, 42, 43, 45, 4.2
 Литва 2.16, 3.10
 литровый 1.62
 лить 1.11, 18, 54, 2.3, 17, 3.2, 54, 76
 лихва 2.14, 3.43
 лихой 2.17, 3.53
 лицо 2.16, 3.10, 13, 14, 35, 41, -евой
 4.3, личной 1.59, 4.3
 -личить 3.66, 74
 лишить 2.17, 3.60, 64, 66, 68, 75
 лоб 2.16, 3.2, 10, 38
 лобзать 2.16
 лов 2.17, 3.42, -ец 3.10, -ить 2.17,
 3.60, 62, 66, 75, -итва 2.23, -кий 3.59,
 -ля 2.16
 Ловать 3.37
 логовище 1.50
 ложе 2.16, 3.48
 -ложить 2.17, 3.9, 10, 14, 60—64,
 66, 68, 72, 74, 75
 лоза 2.17, -ник 1.53
др. лои 2.17
 локоть 1.28, 2.17, 3.44, -ить 1.17, 18,
 -ник 1.53
 лом|ать 3.5, 70, -ить 1.48, 2.16, 3.17,
 61, 63, 67
др. лони 2.17
 лоно 2.16, 3.5, 48
 лопастный 1.59
 Лосиноостровская 1.28
 лоск 1.30
 лососевый 1.62
 лось 2.17, 4.2
 лохань 2.14
 лошадь 1.28, 2.17, 3.10, 31, 37, 44,
 49, -инный 2.23, -ник 1.53
 луг 2.17, 3.38, 42, 45, 47
 лудить 1.18, 48
 лук (оружье) 2.17, 3.42, 43, 4.2
 лук (растение) 2.14
 лука 2.16, -авый 2.25
 Лука 2.16
 луна 2.16, 3.10, 49, -иться 3.74
 лунь 4.2
 лупить 1.48, 2.16
др. луча 2.16
 -лучить (из *lučiti и *lqčiti) 2.17,
 3.60, 63, 64, 66, 68, 74, 75
др. лъжъ 'ложный' 3.2, -а 2.16
 лыжня 1.53
 лыко 2.14
 лысина 1.47
 львов 2.25
 льнуть 3.2
 льняной 3.2
 листья|ть 3.2, 63, 66, -вый 2.23
др. льяти 2.17
 любви|ть 1.18, 48, 2.16, 3.10, 14, 61,
 63, 67, 72, 74, -микъ (*др.*) 2.24,
 об-любовать 3.5
 любовь 2.15
 любой, -ый 2.17, 3.53, 54
 люди 2.17, 3.10, 13, 14, 44, 45, -ской
 1.54, 2.25
 лютый 2.16, 3.35, 55, -ость 2.25
др. -лякати 2.16
 маета 1.47
 маз|ать 1.30, 2.14, 3.73, -ло 1.53,
 -нуть 1.49
 мак 2.14, 3.38, -овник 1.47
 малый 1.16, 2.14, 23, 3.10, 28, 53, 54,
 -ѣти (*др.*) 3.73, -ец 1.51, -ик 1.51,
 2.24, -ить 3.8
 мальчиковый 1.63
 маляр 1.44
 маневровый 1.63
 машить 1.48
 мантийный 1.41
 -мануть 2.17, 25, 4.4
 мањьяк 1.44
 марганцовый 1.62
 масло 1.12, 2.14, -ина 2.23, -ить 1.66,
 -ице 1.51, -яник 1.47, -яный 1.64
 мастер 2.14, 3.45, 47, -овой 1.63,
 -ская 1.54, -ство 1.53
 масть 2.17, 25, 3.44, -ить 3.66
 матер|ный 1.59, -щина 1.47
 мать 2.14, 3.44, матер|ин 1.54, 2.24,
 -ик 1.51, -ний 1.54, 2.23
 махать 2.16
 махроветь 1.49
 машинопись 1.43
 мед 2.17, 3.38, 42, -вяный 1.64, 4.3,
 -овой, -овый 1.62, 4.3
 медведь 2.14, 4.2
 медь 2.14, мѣдянь (*др.*) 2.25
 межа 2.16, 3.49, -ник 1.53
 с-межить 2.17, 3.64
 мел 2.17, -овой 1.62
 мелкий 3.53, 54, 4.1, мелочь 1.18,
 -ник 1.51, -ной 1.58
 мельница 1.47
 мена 2.16
др. мѣнити 'думать' 3.60
 -меньить 1.48, 2.17, 3.63, 64, 66, 68, 75
 меньше 3.28, -ина (*др.*) 2.24, -инство 1.18,
 53, -ить 1.66
 мера 2.14, 3.43, -ить 3.8, 73, -ило 2.23,
 -ильщик 1.41, -ять 3.73
 -мереть 1.11, 54, 2.17, 3.2, 60, 61, 64,
 71, 76
 мерз|кий 2.14, 3.54, -еть 2.14
 мерзнуть 2.14
 меркнуть 2.14
 мерный 3.53

- мертвый 1.16, 2.16, 3.13, 55, -ить 3.14, 60, 66, 74
 месить 2.16, 3.67, 74
 места 2.17, 3.66, 68, 71
 место 2.14, 3.10, 41, 4.2, -ечко 1.53, -ечковый 1.63, -ить 3.66, -ный 1.59
 месть 2.17, 3.2
 меся|ц 2.14, 4.2, -чина 1.50, 2.23
 мет|ать, -нуть 2.16
 мет|ить 2.14, -чик (инструмент) 1.53
 метровый (кило- и м. д.) 1.62
 мех 2.17, 3.42, -овой 1.62
 меч 2.16, меч-кладенец 1.51
 мещанин 1.69
 мзда 2.16, -итися (др.) 3.74
 милость 2.25, -ивый 1.41, 2.23, 4.6, -быня 1.50, 2.23
 милый 2.14, -ить 3.66, -овать 1.65, 2.23
 миндалевый 1.62
 минут 2.17, 25, 3.54, 60, 63, 64, 72, 4.4
 мир₁₋₂ 1.30, 2.17, 3.38, 48
 мир|ить 3.14, 60, 63, 68, 75, -ный 3.53, 54, 58, -ной 1.58, -ской 1.54, 3.53, -янин 2.23, 25
 миро 2.14
 -мвнуть 2.16, 3.76
 младой 2.17, 3.53, 58
 млат 2.17
 млеко 2.16, 3.13
 мних 2.14
 многий, -о 2.14, 27, 3.26, 53, 54, -овеко-
 вый 1.62, -оглаголивый 1.41, -ост-
 растный 2.29
 мно|жить 3.73, -ество 2.24, -итель,
 -ительный 1.41, 4.6
 могила 2.14
 могорец, магарыч 3.9
 др. могуть 3.17
 модель запуск 1.28
 модель засуха 2.26, 27, 29
 модель заход 1.28
 модель летопись 2.28
 модель окуп 2.26, 27, 29
 модель отрок 2.26, 27
 модель поезд 1.28
 модель потоц 2.26—29, 4.6
 модель проезд 1.28
 можно 3.54
 мозг 2.17
 мой 3.2, 9, 14, 17
 мойный 1.60
 мокнуть 2.16, 25
 мокрый 2.16, 3.54, 55, -ота 2.25
 молва 2.14, 3.10, 50, -ить 2.14
 молитв 1.17, 48, 2.16, 3.10, 14, 61—
 63, 72, 74
 молкнуть 2.16
 молния (молонья) 2.15, 3.26, -йный 1.41
 молодой 1.16, 2.17, 23, 3.53, -ец 1.51,
 2.24, -ость 1.53
 др. молозиво 2.25
 моло|ко 2.16, 3.10, 13, 41, -чко 1.53,
 3.10
 молот 2.17
 молотить 2.16
 молоть 2.16
 молча|ть 2.17, 3.13, 14, 60—62, 75,
 -ливый, молча 1.48
 моль 2.16
 мольба 2.24, 3.8
 монастырь 3.10
 мор 2.17, 3.38
 мордва 2.16, 3.35
 море 2.17, 3.40, 41, 45, 47, -ской 1.54
 морить 1.48, 2.17, 3.66, 75
 морковь 2.15
 мороз 2.14, -ить 1.67
 морок 2.17
 морось 1.30
 Москва 2.15
 мост 2.17, 3.38, 42, 45, 47, 4.2, -ить
 3.66, 68
 мотать 3.5
 мотня 1.53
 мотов|ской, -ство 1.52
 мотор 1.43
 мох 2.16, 3.2, 4.2
 моч|ить 1.48, 2.16, 3.61, 67, 72
 мочь (лаг.) 1.48, 2.16, 3.5, 10, 13, 26,
 61, 71, (все)могущий 1.48
 мочь (сущ.), мощь, мощи 2.17, 3.44,
 мочный, -о 3.52—54
 мошна 2.16
 др. мразь 2.14, -ити 3.60
 мрак 1.30, 2.17, 3.45, -чить 3.63, 66,
 -чный 3.53, 54, 58, 59
 Мстислав 2.28
 мстить 3.2, 66
 мудрый 2.16, 3.35, 54, 55, -енный 1.18,
 48, -ость 2.25
 муж 1.30, 2.17, 3.13, 28, 42—49, 4.2,
 -ество, -ик 2.24, -ний 2.23, -ской
 1.54, 2.25, 3.53
 му|ка 2.14
 мука 2.16, 3.10
 муравить 1.66
 мускулистый 1.50
 мут|ить 1.18, 48, 2.17, 3.66, 74, -ник
 1.53
 мучи|ть 1.66, 67, 3.73, -тель, -тельный
 3.73
 мучной 1.59, 4.3
 мчать 2.17, 3.2
 мшанный 1.64
 мы 2.17, 19, 22
 мыло 1.18, 30, -ить 1.66, -ьный 1.59

- мысль 2.14, -ить 1.67, 3.73, -мышлять 3.8, 73
 мыт|арь 1.51, 53, 2.24, -о 2.16, 3.41
 мыть 2.3, 14
 мышца 1.51, 2.24
 мышь 2.14
др. мьд|ель 2.16, 25
др. мьне 2.23, -ии 3.2
др. мьн|ти 3.2, 10, 60, 61
др. мьч|ть 2.17, 3.42
 мяг|кий 2.17, 3.53, 54, 58, -чить 3.75
 мякнуть 2.14
 мясо 1.30, 2.17, 3.40, 45, 47, 48, -ко 1.53, -ной 3.59, -цо 3.35
 мясти 2.17, 3.71, мятеж 2.23
 мята 2.14
 мять 2.16, 23, 3.2
- на 2.22
 набережная 1.28
 набожный 1.28
 навис 1.28
 наволо|к, -ка, -чка 1.28
 навык 1.28
 наглый 2.16
 нагой 2.17, 3.10, 53, 54, 58, об-на-жить 3.64
 над 2.22, 3.48
 надгробный 2.29
 надгус 1.28
 надменный 3.66
 надолб, -а 1.28
 наем 1.12, 28, 2.26, -ник 2.29
 назло 1.28, 3.9
 наигрыш 1.28, 46, 3.2
 наймовати (*др.*), наймит 2.23, 29
 найденыш 1.51
 наклейной 1.60
 намерение 1.67
 напасть (*сущ.*) 1.43, 2.27
 наплеск 1.28
 народ 2.26, 3.28, об-народовать 1.65
 нарочитый 2.23
 нарочный 1.28
 нарыск 1.28
 насморк 1.28, 2.26
 настовик 1.51
 настриг 1.28
 наструг 1.28
 натиск 1.28
 нахлыст 1.28
 начаток 2.24
 нашесть 1.43
 не 2.22, 26, 27, 3.48
 небо 2.17, 3.40, 47
др. небог|ь 2.27
 невеста 2.14
 невидимка 1.53
 недопись 2.27
- недоросль 3.47
 недруг 1.28, 2.27, 3.42, 43
 недуг 2.27, 3.45
 незлобивый 1.41, 2.23
 неклеп 1.28
 нелепый 4.3
 нельзя 3.9
 немец 1.51, о-немечить 1.66
 немой 2.17, 3.53, 58
 немо|чь, -шь 2.27, 3.37, 44, 48
 ненависть 1.30, 2.27, 28, *укр.* 2.27, 28, -стник 2.29, -стный 1.57, 2.29
 необычайный 1.57
др. неплот|ь 2.27
 неприступный 1.57
 нерест 1.30, 2.17
 Нерль 3.37
 нерповщик 1.68
 несказанный 1.54
 неслух 1.28
 нести 2.17, 3.10, 13, 14, 60, 61, 66, 68, 71, 72
 неуд 1.28
 неуч, неуч 1.28, 3.2
 неустанный 1.54
 нечет 1.28
 ни 2.22
 нива 2.14
 низ 3.38, -ить 1.66, 2.14, -кий 2.14, 4.1
 низать 2.16
 никнуть 2.14
 никто 2.9, 3.14, 3.28
 нить 2.14, -ка 2.23, -яный 1.64
 ничто 2.9
 нищий 2.14, 3.53, -ета 2.25, 3.50, -ити (*др.*) 3.66
 но 2.22
 Новгород 2.9, 29, 3.46, новгород|ец, -ский 2.29
 новый 2.9, 17, 29, 3.5, 53, 58, 4.3, -ик 1.51, -ить 3.60, 63, 66, -ость 1.18
 нога 1.17, 2.17, 3.13, 42, 49, нож|ка 2.23, -ной 3.59
 поготь 1.28, 2.17, 3.42, 43
 нож 2.16, 3.10, -ик 2.24
 поздря (*и др.* поздрь) 2.16, 17
 поров 2.17, -ить 2.17, 3.62
 нос 2.17, 3.38, 42, 43
 нос|ть 2.16, 3.28, 60—64, 74, -ло 2.23
 ночь, нош|ь 2.17, 3.13, 37, 44, ночной, нош|ный (*др.*) 3.58, 59
 ноша 2.16
 ноябрь 2.16
 нрав 2.14, 3.42, 43
др. по-нрети 2.17, 3.76
 -нудить 1.48, 2.14, 3.63, мужа (*др.*) 2.14, -ный 3.53
 нутро 2.16, 3.10

- нуть 2.14
 др. -нъзти 2.17
 нюхнуть 1.49
 -нять см. -ять
- о (об) 2.22, 3.48
 оба 2.17, 19, 3.14
 обед 2.26
 оберег 1.28
 обеспечение 1.67
 обетованье 3.14
 обжа 2.14, 31
 обжиг 1.28
 из-обиловать 1.65
 обла|ко 3.40, -къ (др.) 2.26, 3.38, 42, 43, 45, 47, -чко 1.18, 53, -чный 1.59
 область 2.17, 27, 3.37, 44
 облик 1.28
 обморок 1.28
 обнаружение 1.67
 др. обнощны 2.29
 обод 1.30, 3.42
 др. обои (прилаг.) 2.25, 3.54
 др. оболочки 3.14, 66
 обособление 1.67
 образ 1.28, 2.26, 3.42, 43, 45, 47
 обре|сти 2.14, 3.66, 67, -тать 3.73
 обруч 1.28, 2.26, -ный 1.59
 обу|ть 2.14, -вь 2.27, -вной 1.59
 обух 1.28
 обуять 1.54
 обций 2.16, 3.55, -ина 1.47, об-обществить 1.66
 обыск 3.38, 42, 45, 47
 обычай 1.47
 Обь 3.37
 овен 2.16
 овес 2.16, овс|ец 2.24, -яной, -яный 1.64, 2.25
 овод 1.28
 овощ 2.16, 3.44, -ие (др.) 2.24
 овца 1.12, 2.16, 17, 3.13, 48, 49, овечий 2.24
 др. овъ 2.16, 17
 огонь 2.16, 3.10, 35, огн|евой 4.3, -иво 1.53, 2.25, -ище 2.23, -ищанин, -ньъ (др.) 2.25
 один 2.16, 3.10, 13, -акъ (др.) 2.25, -окий 1.48, 2.25, одна 3.10
 одно|полчанин, -сельчанин 1.69, -цилиндровый, -яйцовый 1.62
 одр 2.16
 озвучение 1.67
 озеро 1.10—12, 28, 2.17, 3.40, 45, 47, -ко 1.53, 2.24, -цо 1.18, 51, -ный 1.59
 ознакомление 1.67
 озор|ной 1.58, -ник 1.53, -ничать 1.55, -ство 1.52, 53
- Ока 2.16, 3.35
 окаянный 1.54
 окисел 1.28
 окно 2.16, 3.5, 13, 41
 око 2.17, 18, 3.40
 окоро|к 1.28, -чный 1.59
 окрик 1.28
 округ 1.18, 28
 октябрь 2.16
 окуневый 1.62
 окуп 2.26, 3.48
 Олег 2.16
 олень 2.14
 олова 2.17, -янный 1.64
 ольха 2.14, 31
 омулевый 1.62
 омут 1.28
 он 1.12, 2.16, 3.10, 14
 др. он|амо, -ъде 2.23
 опашь 2.27
 опийный 1.41
 опись 2.27
 др. опосле 3.10
 опрощение 1.67
 оптовый 1.63
 др. опухля 3.38
 опыт 1.28
 орать 'пахать' 2.16, 17, 3.69
 орать 'кричать' 2.17
 орда 2.16, 3.49
 орел 2.16, 3.13, 42, -лица, -ья (др.) 2.23
 оре|х 2.14, -шек 2.24
 оркестровый 1.63
 орудь|е 2.17, 24, -овать 1.65, со-орудить 2.17
 оружие 2.17, 24, во-оружить 2.17, 3.68
 оса 2.16, 3.5
 осведомить 1.48, 67
 осел 2.16
 осень 1.30, 2.17, 3.37, -ний 2.23
 осе|тр 2.16
 др. ослошь 2.26
 основ|ать 3.5, 14, 64, 69, -ной 1.58, 59
 оспа 2.26
 особливый 1.48
 останец 1.51
 остен 2.16
 остов 1.28
 осточертеть 1.49
 остров 1.28, 2.17, 26, 3.38, 42, 43, 45, 47, 49, -ичь (др.) 2.23, -ской 1.54
 острожник 1.53
 острый 1.12, 16, 2.16, 3.54, 55, -ие 1.53, 2.24, -ить 3.74
 осязать 2.16
 от 2.22, 3.48
 отверженец 1.51

- отвечать 3.73
 отдых 1.28
 от|ец 2.14, 3.10, 35, -ечество, -чество
 2.24, -чизна 1.51, -чим, -ъчичь (*др.*)
 2.23
 отжиг 1.28
 отзыв 1.28
 отклик 1.28
 откуп 1.18, 28, 2.26, 3.38, 42, -щик 1.68
 откус 1.28
др. отокъ 3.45
 оторопь 2.27
 отпрыск 1.28
 отпуск 1.18, 28, -ник 1.53, отпуст 2.26
 отрасль 2.27, -евой 1.63
 отро|к 1.28, 2.26, 3.42, 43, 45, 50,
 -ковица 2.29, -ча (*др.*) 2.23, 29,
 -чищъ (*др.*) 3.14
 отруб 1.18, 28, -ный 1.59
 отруби 1.18, 28, 3.44, -яной 1.64
 отсвет 1.28
 отставник 1.53
др. оттоли 3.10
 отч- см. отец
 отыгрыш 1.28
 охряный 1.64
 оцеп 1.28
 оцет 2.16, 4.2
 очередность 1.53
 очерстяный 1.64
 очерк 1.28
 очный 1.59
 очутиться 1.17
 ошва 2.26
 ощу|тить 3.74

 Павлов 3.28
 паволока 2.27
 пагу|ба 2.27
 падать 2.23, 3.18, 73
 пазник 1.53
 пай 4.2
 пакляный 1.64
 палата 2.14, -ка 2.23
 палец 1.51, пальцевой 1.63
 пал|ить 2.16, 3.66, 74, -ьник 1.53
 память 2.27, 3.37, 44, -ливый 1.50,
 -овать 1.65
 пан 2.16
 папа (римский) 2.14
 пар 3.38, -ить 1.66, -илка,
 -ильщик 1.41
 пара 2.14
 парить 'лететь' 2.14
 паром 2.14
 парус 2.14, 3.43, 4.2
 паскуда 1.28
 паспорт 1.30
 пасти 2.17, 3.60, 61, 66, 71
 пасть (*глагол.*) 2.17, 27, 3.18, 60, 62
 пасха 2.14
 пах 3.38
 пах|ать 2.16, -арь 1.53, -ота 1.47
 пекарь 1.18, 30, -ный 1.57, -ня 1.53
 пекло 2.16, 24
 пелена 2.16, 3.35, 49
 пена 2.14
 пень 3.2
др. пѣнзъ 2.14
 пенять 1.49
 пепел 2.17, 3.38, -есть (*др.*) 2.25, 3.54
 первый 2.14
 пере|вязь, *укр.* -в'язь 2.27
 пер|од 2.22, 3.48
 пере|ом 2.26
 перепись 2.27
 перерва 2.26
 переступень 1.43
 переть 1.11, 18, 54, 2.17, 3.64, 76
 пер|ец 2.24, -цовый 1.62, -чить 1.66
 перловый 1.62
 Пермь 3.37
 перо 2.16, 3.10, -ие (*др.*) 2.24, -истый
 1.48
 перси 2.14, 3.48
 перст 2.16, 3.14
 песс 2.16, 3.2, -ий 2.24
 песнь 2.14, 23
 пес|ок 2.16, 3.10, -очек 2.24, -чаный
 1.64
 пест 2.16
 пест|овать 1.65, 2.14, -ун 2.24
 пестрый 1.16, 2.16, 3.2, 10, 55, -пна
 2.23, -ота 2.25, -ядевый 1.62
 петл|ять 1.49, -ица 1.47
 Петр 2.16, 3.10
 петушиться 1.66
 петь 2.17, 3.5, 61, 72
 печаль, -овать 2.23
 печатъ 2.14, за-печатлеть 1.49
 печень 1.30
 печь (*глагол.*) 2.17, 3.10, 60, 66, 68, 71
 печь (*сущ.*), пещъ 2.17, 3.37, печной,
 пещный 3.58, 59
 пеший 2.14
 пешня 1.53
 пиво 1.30, 2.17, 3.40, -ко 1.53
 пи|ковый 1.62
 пила 2.16, 3.49, -ить 1.18, 48
 пир 2.17, 3.38, 42, 47
 пиро|г 2.16
 писарь 1.18, 53, 2.24, -ский, -ской 1.54
 пис|ать 2.16, 3.61, 68, 70, 72, -мя (*др.*)
 2.25, -ьмо 1.18, 2.16, 3.10
 писк 2.17, 3.45, -ати (*др.*) 2.16
 питать (*и др.* питъти) 2.15
 пи|ть 1.11, 18, 54, 2.3, 17, 20, 3.2,

- 53, 60, 64, 72, 76, -тие 1.53, -тье 2.24, 3.13, 14
- нища 2.14
- плавать 2.7, 14, 3.73
- плавить 1.67, 2.14
- др.* плавь 2.17
- плак|ать 2.14, 3.73, -нуть 1.49
- плат 2.17, 3.38, 42, 43, 4.2, -ок 3.10, -е 1.51
- платить 1.18, 3.63, 66, 75
- др.* платньо 2.16, 3.13, 41
- плач 2.14, 3.48, *блр.* 3.28
- плащ 2.16, -аница 2.23
- плевать 2.14
- племя 2.15
- плен 2.17, 3.38, -ить 3.63, 66
- плесневеть 1.49, 50
- плести 2.17
- плеть 2.17, 3.44, -ень 1.43
- плечо (*и др.* плеще) 2.16, 3.41, -истый 2.23
- плешь 3.37
- плод 2.16, 3.45, 4.2, -ить 2.16, 3.74
- плотский 2.16, 3.55, -ость 1.18
- плот 2.16
- плоть 2.17, 3.4, 36, 37, 44, -ить 3.66, 68, -янь (*др.*) 3.54
- плохой 2.17
- площадь 2.17, 3.37
- п|луг 2.14, 4.2, -жник 1.53
- плутов|ской, -ство 1.52
- плыть (*и др.* плути) 2.7, 17, 3.14, 62, 64
- плонуть 2.14
- плюсна 3.49
- др.* плоче 2.16
- плющевой 1.56, 62
- плющить 2.14
- плясать 3.62
- по 2.22, 3.36, 38
- победа 2.26, 3.14
- повар 1.28, 30, 2.26, 3.42, 45, 47, -ской 1.54
- повесть 1.18, 2.27, 3.44, -вовать 1.55
- повод₁₋₂ 1.28, 30, 53
- поводь 2.27
- поганин 2.23
- погиб 1.28
- погреб 1.28, 2.26, 3.5, 42
- погремок 1.51
- под (*предл.*) 2.22, 3.48
- под (*сущ.*) 3.38, 4.2, -овый 1.63
- податель 2.25
- подать (*сущ.*) 1.18, 2.27, 3.44
- подвиг 1.28, 2.26, 3.42, 43, 47, -жник 1.28, 2.29
- подволока 1.28
- подгруздь 1.28
- подавки 1.51
- поддубень 1.43
- подземный 2.29
- подкуп 1.28
- подле 3.10
- подлинь 1.28
- о-подлить 1.66
- подмастерье 1.28
- подмости 1.28
- подоб|ить 1.67, 3.60, 61, 63, 73, -ный 3.54
- подолянин 1.69
- подошва 2.26
- подпол 1.28
- подрез 1.18, 28
- подростковый 1.63
- подрывник 1.53
- подслеповатый 1.31
- подуздоватый 1.31
- подъём 2.26
- поезд 1.18, 28
- пожня 1.28, 2.26
- повзди 3.48
- позвонок 1.51
- поздний 3.57
- позор 2.26
- поиск 1.28
- поить 1.48, 2.17, 3.2, 60, 66, 72, 75, пойло 3.2
- показной 1.58
- покаянный 1.54
- поклон 2.26
- покоить 1.67
- покров 2.26
- покушник 1.68
- пол 'настил' 2.17, 3.38
- пол 'половина', 'sexus' 2.17, 3.14, 38, 42
- поле 2.17, 3.40, 45—47
- полезный 1.57, 2.29
- полено 2.14
- др.* полъти 2.17, 25
- полз|ти 2.7, 17, 3.71, -ать 2.7, 14
- полицай 1.47
- пол|к 2.16, 3.38, 48, -чище 1.47
- полный 1.16, 2.14, 3.53, -ить 1.66, 3.67, 73, -ять 2.23, 3.73
- половый 2.17
- полог 1.28
- полоз 1.30, 2.17
- полон 2.16, 3.35, 38, -ить 2.17
- полосный 1.59
- полость 1.18
- полотно 2.16, 25, 3.13, 41, -ище 1.47, -янный 1.64
- пол(о)ть (*сущ.*) 3.44
- полоть (*глаг.*) 2.16
- полсть 2.17, 3.44, -яной, -янный 1.64
- польмя 2.25
- польза 2.26, -овать 1.65

- поляк 1.44
 помазок 1.51
 помело 1.53
 поморянин 1.69
 помощь, -чь 2.27, 3.37, -чи 1.18,
 -ществовать 1.55, -щик 2.29
 помысел 2.26, 3.42, 43, 45
 помянуть 2.17, 25, 3.60, 63, 64, 4.4
 полизывый 1.62
 понюх 1.28
 поп 2.16, 3.5, 49, *др.* -иць 2.23, -ья
 2.24
 поплавок 1.51
 поспать 2.17, 3.60, 69
 поприще 3.5
 пора 2.17
 поречанин 1.69
 порог 2.14
 порожж (др.) 2.16, -ний 2.16, 3.13,
 57, -нить 1.66
 пороз 2.17
 порозну 1.28
 поросль 2.27
 порося 2.23
 пороть 2.16
 порох 2.17
 портить 2.14
 портовый 1.63
 порт(ы) 'одежда' 2.17, 3.42, 43, -ище
 2.23
 поручи 1.28
 порыск 1.28
др. посагнути 2.14
 посвист 1.28
 поселковый 1.63, -ьчанин, -янин 1.69
 посетить 2.14
 посконь 1.30, 2.17, -ный 1.57
 посланник 1.51
 после 2.16, 3.10
 послух 3.43, 45, 47, -шник 1.28
 посол 1.28, 2.26
 посох 1.28, 2.17, 26, 3.42, 43, 4.2
 пост 2.16, 3.9, 10, 35, 48, -ить(ся)
 2.17, 3.60, 62, 74
 постав 1.11, 18, -ец 1.51, -щик 1.68
 постель 1.43, -я (*др.*) 2.26, -ьник 2.29
 постоянный 1.54
 постриг 1.28
 пот 2.17, 3.42, 43, -ник 1.53
 потайной 1.58, 60
 потам 3.28
 потрох 1.28, 2.26
 потчевать 1.65
 потяг 1.28
 похвала 2.26, -ьба 1.51
 похороны 1.18, 28, 30, 2.26, -ный 1.28,
 59
 похоть 2.27, 3.37, 44, 48, -ник 1.53
 почерк 1.28
 почесть (*сущ.*) 2.27
 почить 2.14
 почто 3.10
 почтовый 1.63
 пошиб 1.28
 о-пошлить 1.66
 пояс 1.28, 2.17, 26, 3.42, 43, 47, -ать
 1.49, 2.14, -ница 2.29
 прабаба 2.27
 правдивый 2.23, -ать 2.23, 3.8
 править 1.67, 2.14, 3.73, -еж 2.23,
 -ило 1.41, 2.23, -ина (*др.*) 2.24,
 -лять 3.73
 правнук 1.28, 2.27, -чка 1.28
 правый 2.14, 3.53, 4.1, -о 2.14, -ота
 2.25, -опис (*укр.*) 2.28
 прадед 1.28
 ис-празнить 3.66
 праздный 2.16, 3.13, 14, 57, -ить 1.66,
 -овать 1.65
 празель 1.28
 праотец 1.28
 прародитель 2.27
 прах 2.17
 пращур 1.28
 пред 2.22, 3.48
 предатель 2.25
 прелесть 1.30, 2.27, 3.37, 44, -ный
 1.57
 пресный 2.17, 3.31, 58, 59, 4.3
 претить 3.60, 66, 74
 при 2.22
 прибыль 2.27, 3.44
 привизг 1.28
 привкус 1.28
 привод 1.28
 привязь 2.27
 приговор 1.28
 пригород 1.28
 пригоршня 1.28
 приготовишка 1.47
 приданое 3.69
 придурковатый 1.31
 призывк 1.28
 признак 1.28, 2.26
 призрак 1.28, 2.26
 прикус 1.28
 прилик 1.28
др. прилогъ 2.26
 припись 3.44, -ник 1.53
 припорох 1.28
 приработок 1.28
 присвист 1.28
 присный 2.14
 пристав 1.18, 28, 2.26
 пристальный 1.28
 пристань 1.18, 2.27, -ный 1.59
 приступ 1.28
 приступ 1.28, 2.26

- др. присъпа 2.26
 присягнуть 3.60
 притолока 1.28
 приторный 1.28
 прит|ча 1.28, 2.26, -очник 2.29
 притык 1.28
 прихожанин 1.69
 прихоть 2.27
 причаститься 3.66, 72
 прич(е)т 1.28, 2.26
 пришлец 1.51
 прияти 'favere' (др.), (не)приятель 2.25
 про 2.22
 пробел 1.18, 28
 пробивной 1.58
 проблеск 1.28
 пробовать 1.65
 провод 1.18, 28, -ник 1.53, -ы 1.28
 проволока 1.28, 2.26
 продав|ец 1.51, -щик 1.68
 продолговатый 1.31
 продувной 1.58
 продуктовый 1.63
 продух 1.28
 прожектор 1.18, 30
 прожиг 1.28
 прожить 1.51
 прозвище 3.5
 прозорливый 1.48
 проигрыш 1.28, 46, 3.2
 происки 1.28
 пройма 2.26
 прокус 1.28
 проливной 1.58
 промах 1.28
 промельк 1.28
 промысел 1.18, 28, 2.26, 3.42, 43, 48
 пропад 1.28
 про|пасть 1.18, 2.27, 3.48, -ьнь (др.) 2.29
 про|сь 2.27, -ной 1.59
 проповедь 2.27, 3.48
 пропуск 1.18, 28, -ник 1.53
 прорва 2.26
 просек, -а 1.28
 прос|ить 1.17, 2.16, 3.61—63, 67, 68, 72, 74, -ьба 1.51, 2.24
 просо 1.30, 2.17, 3.40
 простить 1.17, 2.17, 3.10, 13, 54, 60—63, 67, 68, 72
 простой 2.17, 27, 3.53, 54, 58, -ота 3.35, -ьни (др.) 2.23, -ьнный 1.59, -олюдин 1.31, 47, -олюд (укр.) 2.28
 просып 1.28
 прогив 1.30, 3.5, -иться 1.67, 3.73, -ляться 3.73
 профессор 1.18, 30
 прочий 2.16
 прочностной 1.59
 прошива 2.26
 др. пругло 2.16
 др. пругъ 2.17, 3.42, 45
 пруд 2.16
 прут 2.17, 4.2
 прыгать 2.14
 прыскать 2.14
 прыщ 2.16, 3.10
 пры|дать, -нуть 2.14
 прымой 2.17
 прыный 1.64, 2.25, 3.53
 прысть 1.48, 2.17
 прытать 2.14
 -прыч 2.17, 3.68
 пса|ом 2.16, -тирь 2.14
 Псков 2.17, 3.2, 48, псков|ич 2.23, -ский, -ской 1.54
 пугало 1.53
 др. пугы 2.14
 пудовой, -ый 1.62
 пузан 1.41
 пузырь 3.10, -иться 1.66
 пук 4.2
 пуля 2.14, -ять 1.49
 пуп 2.14, 4.2
 пурпурный 1.57
 пустить 2.17, 3.10, 14, 62—64, 66, 68, 72, 75
 пустой 2.17, 3.53, -ота 2.25, -ья 2.23, пустошь 2.25, 3.49, -ить 1.66, 2.25, 3.60, -ный 1.57, 3.52
 путло 1.53
 путь 2.16, 3.10, -евой 4.3, -еводитель 1.26
 пуховой, -ый 1.62
 пхнуть 2.16, 3.2
 пчела 2.16, 3.49
 пшено 2.16, 24
 пыжиться 1.66
 пыль 2.17, -ьца 2.24, -евой 1.63
 пытать 3.9
 пыхать 2.14
 др. пыбрь 2.16
 др. пырати 'стирать' 2.17, 3.69
 др. пыръти 2.17, 3.60
 пьяный 1.64, 3.53, -ица 1.47
 пядь 2.17
 пядь 2.17, 3.44
 пята 2.17, -иться 1.66
 пять 2.17, 18, -ый 2.16, пятеро 2.25, -ик 1.51, -ня 1.53, пятигорчанин 1.69
 -пять (глагол.) 2.17, 3.2, 14, 60, 64, 71, 76
 раб, -а (и др. роба) 2.16, -ство 2.24, -ья 2.23
 работа 2.25, -ать 3.73, -ить 1.66, 2.25

- равный 1.12, 16, 2.16, 3.13, 14, 57,
-ить 3.66
рад 2.14, -овать 1.65, 3.73, -ость 2.25
др. радити 2.17, 3.60
разбитной 1.58
развитость 1.53
разить 2.17, 3.60, 61, 63, 66
размазня 1.53
разный 2.16, 3.57
разовый 1.63
разорить 2.17, 3.60, 61, 63, 64, 66, 74
разруб 1.28
разум (розум) 1.28, 30, 2.26, 3.42,
43, 48, -евать 3.73, -еть 2.15, -ить
1.66, 3.66, -ный 1.28, 57, 2.29
рай 2.16, 4.2, *блр.* 3.28
рак 2.14
рака 2.14
рало 2.14
об-рамить 1.66
др. рамя (рамо) 2.14
рана 2.14, -ить 1.67, 2.14, 3.73
рапной 1.59
распря 2.26
расти 2.17, 3.5, 61, 71
растить 1.17, 2.17, 3.60
раструб 1.28
расходовать 1.65
расчет 2.26
ратовать 1.65
рать 2.14, 3.37, 48
рвать 2.17, 3.2, 76
рдяный 1.64
ребро 2.16, 3.14, 41
редактор 1.18
-редить 1.48
рез|ать 1.30, 2.14, 3.17, -кий 2.25,
-нуть 1.49, -ьба 1.18
резвый 2.16, 3.55
река 2.16, 3.49, реч|ка 2.23, -ной 4.3
ремесло 3.41
репа 2.14
реут, Реутово 3.2
др. речи 2.17, 3.10, 13, 60, 61, 66, 68,
71, 76
речь 2.17, 3.37, 44, 49, -истый 2.23
решето 2.16, 3.41, -ить 1.48, 66, -це,
-цо 1.51
решить 2.17, 3.13, 60, 63, 66, 68
реять 2.14
ржа 2.16, -авый 2.25, -аветь 1.49
ржаной 2.25, -ище 1.47
ржать (*др.* рьзати) 2.16
риза 2.14
Рим 2.16, 3.38
ринуть 2.14
рисина, -ка 1.50
риск 1.30, 62
рифленный 1.48
робкий 3.59
ров 2.17, 3.42, 43, 48
ровный 2.16, 3.10, 13, 57, -ица 1.47,
(не)ровня 1.53
рог 2.17, 3.42—45, 47, -атый 2.23,
-овой 1.62
род 2.17, 3.38, 42, 43, 45, 47
родина 1.47
родить 1.17, 2.17, 3.10, 60, 61, 63,
64, 66, 68, 75, новорожденный 3.65,
66, рождество 1.53, роженица 1.47
род|ной 1.58, 3.58; 59, -пч 1.51, -ство
1.53
рожок 1.18
рожон 2.16
рожь 2.17, 3.2, 37
розга 2.16, 3.5, 49
розговены, -ье 1.28
розжиг 1.28
розлив 1.28
рознь 3.37, -ый 2.16, 25, 3.57
розовее 1.48
розыгрыш 1.28
розыск 1.28
рой 2.16, 4.2, -ник 1.53
рок 1.30, -овой 1.62
роза 2.17, 3.42, -ить 3.60, -ник 1.53,
-яной, -яный 1.64
роскошь 1.30, -ество 1.53, -ный 1.57
рослее 1.48
рост 2.17, 3.42
Ростислав 2.28
росчерк 1.28
рот 2.16, 3.2, 9, 10
др. рота 'присяга' 2.16, 3.35, 43
роща 2.16
ртуть 2.14
рубить 1.48
рубль 2.16, 3.35, -евик 1.51
др. рубль 'одежда' 2.17, 3.43, 44
руга 2.14
руда 2.16, 3.49, -ник 1.53, -ный 3.57
ру|ка 1.17, 2.17, 3.10, 13, 39, 42, 43,
49, -кав 2.24, -чной 1.58, 3.59
руко|водить 1.26, 66, -писный 2.29,
-пись 2.28, -ять 1.43, 2.28
румяный 1.64
руо 2.16
русый 2.14
Русь 3.37, 48, об-русить 1.66
рухло 2.16
-ручить 1.17, 18, 3.63, 66
рушить 1.67, 3.63
рыба 2.14, -ак 2.24, -арь 1.51, 2.24,
-ица 2.23, -ный 3.53
рыдать 2.15
рыскать 2.16
рыть 2.14, рытвина 1.47
рьяный 1.64

- др.* рюти 2.17
 ряд 2.17, 3.38, 42, 43, 45, 47, -ить 1.48,
 67, 2.16, 3.62, -ской 1.54
 ряса 2.14
- с 2.22, 3.2
 саговник 1.47
 сад 2.17, 3.38, 42, 47, 4.2, -овый 1.63
 садить 1.48, 2.17, 3.14, 60, 62, 63, 66,
 68, 75, саженец 1.51
 сажка 2.14
 сажень 1.12, -ный 1.59
 сало 2.14
 сам 1.9, 12, 2.17, 19, 3.10, 53, 54
 сан 2.17, 3.38, 42—45, 4.2
 сани 2.17, -ный 1.59
 сап 1.30
 сапог 2.16, 3.10, 13, -жок 1.18, 2.24
 саранча 3.9
 сарафан 3.9
 сатана 2.16, 3.35, -ин 2.24
 сахаристый 1.50
 сборище 2.23
 сбытовой 1.63
 свад|ьба 1.51, 2.24, -ебный 1.57
др. сварь 2.16
 сват 2.14, 4.2, -овской, -овство 1.52
 свежий 1.16
 свек|ла 1.30, -ловица 1.47, -ольный
 1.57
 свекор, свекровь 2.25
 свет 2.17, 3.43, 45
 светить 1.17, 18, 2.16, 3.9, 60, 62,
 68, 74
 светлый 1.12, 16, 2.23, 25, 3.53, 54,
 58, 4.3
 свеча 2.16, 3.10, 49
 свин|ья 1.12, 2.16, 3.10, 49, -ой 2.17
 свирепый 2.14, -еть 1.49
 свистеть 3.62
 свобода 2.17, -ить 1.66, 2.25, 3.60,
 63, 68, -ный 2.25, 3.52—54, 58,
 4.3, -ь (*др.*) 2.17
 свод 2.26
 сво|й 2.19, 3.2, 9, 10, 17, -ить 1.66,
 3.74, -йство 1.53, 2.24, 3.8, -як 2.24
 св|олоч 1.18, -ной 1.58
др. своробь 2.17
 свычай 1.47
др. свят|тися 2.17
 связь 2.27, -ник 1.53
 святой 2.17, 3.53, -итель 2.25, -ить
 3.60, 64, 66, -ыня 2.23
 сговор 1.28, 2.26
 се (сь) (*част.*) 2.22
 себя 2.17, 19, *др.* си 2.19, 22, ся 2.19,
 22, 3.61, 4.2
 север 2.14
 -седа|ть 2.23, 3.73, -лице 2.23
- седло 1.53, 2.16, 3.41
 седой 2.17, 3.54
 седьмой 2.16, 3.28
 сей 2.17, 3.10
 секарь 1.53
 секретарь 1.51
 селить 1.18, 48, 2.17, 3.60, 63, 66, 68,
 74
 село 2.16, 3.10, 14, 41, -янин 1.69
 сельдевый 1.62
 семестровый 1.62
 семь 2.16, 3.10, 4.1, -еро 4.1
 семья 1.12, 2.17, -янин 1.69
 семя 2.25
 сено 1.30, 2.17
 сентябрь 2.16
 сень 2.14, о-сенить 3.60
 сера 2.14
 сердиться 1.17
 сердце 2.16, 17, 3.10, 41, 48
 серебро 2.16, 3.9, 10, 35, 41, -яный
 1.64, 2.25, -яник 1.47
 середка 2.17, 3.13, -ний 2.23
 серна 2.16, 3.28
 серп 2.16, 3.35
 серпуховской 1.54
 серый 1.16, 2.14, -ко 1.53
 сестра 1.12, 2.16, 3.35, 49, -ин 1.54,
 -ить 1.66
 сесть 2.14
 сетовать 1.65, 2.14
 сеть 2.14, -ной, -ный 1.59
 сечь 1.48, 2.7, 17, 3.60, -а 2.14
 сеять 2.14
 сид|еть 1.48, 2.17, 3.60—62, 75, -я
 1.48
 сила 2.14, -ач 2.24, -ьный, 1.12, 2.25,
 3.53, 54, на-силовать 1.65
др. сило 2.16
 синий 1.16, 2.14, 3.53, -еть 3.73
 сипота 1.47
 сирий 2.17, 3.54, -ота 2.25
 сито 2.14
 сиять 2.15
 скакать 2.16
 скатерть 2.14, 3.44, -ный 1.59
 о-сквернить 3.60, 66, 73
 сквозь 1.30, 3.10
 скит 2.14
 ослабить 2.14
 складской 1.54
 скоба 3.9
 скоблить 1.48
 скворода 2.17, 3.13, -ный 1.59, сков-
 рада (*др.*) 3.13
 скоморох 2.14
 скопить 'castrare' 2.17, 3.75
 скоро 2.16

- скорбь 2.14, 17, 3.44, 48, -еть 2.17, 3.60
 скорлупа 3.9
 скорый 2.17, 3.10, 54, 58, 4.3, -ить 1.66, -ость 1.18, 3.48
 скот 2.16, 3.5, 10, 13, 42, 43, -ина 2.23, -ный 3.57, -ский 2.25
 -скочить 2.16, 3.62
 скребло 1.18, 53
 скрежетать (*и др.* скрыгътати) 2.16, 3.62
 скрести 3.10, 71
 скрижаль 2.14
 скромный 3.54
 скушой 2.16, 3.55
 скуч|ища 1.47, -ливый 1.48
 слабый 1.16, 2.14, 23, -еть 2.23, 3.73, -ить 1.66, 3.67, -ость 2.25
 слава 2.14, 3.10, -ильщик 1.41, -ить, -лять 3.73, -ный 2.25, 3.53
 славянин 1.69
 слад|кий 2.17, 3.13, 53, 58, -ить 3.60, -коглаголивый 1.41
др. слана 2.17
 сланец 1.51
др. сланъ 2.17, 3.53
 сласть 2.17, 3.44
 слать 2.16, 3.2, 5, 10, 64, 69, 70, 76
 след 2.17, 3.45, -ить 1.48, -овать 1.65
 слеза 2.17, 3.42, -ник 1.53, -ница 1.47, -ный 3.13, 58
 слепень 1.43
 слепой 2.17, 3.53, 58, -ец 2.24, -ить 3.63, -нуть 2.16
 слесарь 1.30, 53, -ить 1.66, -ный 1.57, -ня 1.53
 слива 2.14
 слобод|ка 2.23, -ской 1.54
 словак 1.44
 слово 2.17, 3.10, 17, 40, 45, 47, 49, -есный 3.54, -ник 1.53, -цо 2.24
 слон (животное) 2.17, 3.42, 47, 4.2
 слон 'заслон' 3.43, -ить 1.48
 слуга 2.16, 3.14, 35, 43, 49, служ|ба 1.51, 2.24, -ебный 1.57, -итель 2.25, -ить 1.17, 18, 48, 2.16, 25, 3.10, 60—63, 67, 74
 слух 2.17, 3.17, 42, 43
 случай 1.47, -йный 1.57
 слушать 3.73
 слыть (*и др.* слуги) 2.17
 слыш|ать 2.14, 3.10, 73, -ный 1.56
 слюна 2.14
 смазливый 1.48
 смелый 1.18, о-смелиться 1.66
 сметливый 1.48
 смердеть 2.17, 3.31
 смерть 2.16, 27, 3.48
 сместь 2.15
 сме|х 1.30, 2.17, 3.48, 4.2, -пшой 1.16, 58, 3.54
 смеяться 2.17, 3.72
 смиренный 3.54, 66
 смок|ва 2.15, -овный 1.57
др. смокъ 3.42
 смола 2.17, 3.9, 10, -ъникъ (*др.*) 3.10, Смолин 1.52
 смотреть (*и др.* съмотрити) 2.16, 3.62, 72
 смрадный 3.58
 смысловой 1.63
 смычок 1.51
 мышленный 1.48
 снабдить 3.60
 снасть 3.44
 снег 2.17, 3.38, 42, 43, 45, -овой 2.25, снежный 1.59, 3.53, 54, 59, -ица 1.47
 снедать 2.23
 сновать 2.17
 снош 2.16
 сноровистый 1.48
 сноснее 1.48
 сноха 2.16
 -снуть 2.16, 25, 3.14, 76
 соболю 1.30, 2.16, 3.44
 собор|овать 1.65, -янин 1.69
 сова 2.16, 3.5
 совать 2.14
 совесть 2.27, 3.37, -ливый 1.50
 советовать 1.65
 совокупить 2.16, 3.63, 67, 74
 создать 1.11, 2.16, 3.14, 61, 64, 69
 сок 2.17, 3.38, 45
 сокол 1.30, 2.16, 3.10
 сокровенный 3.66
 сол|ить 1.17, 18, 48, 3.60, 66, 75, -енный 1.16, 18, 48, -ило 2.23
 солнце 2.14
 соловый 2.17
 солод 2.17, -ковый 1.62
 солома 2.14
 солон(ый) 2.17
 соль 2.17, 3.37, -яная (кислота) 1.64
 сом 2.16
 сон 2.16, 3.2, 10, 48
 сонм 2.26, -ище 2.23, 29
 сошло 1.53
 сор 1.30, -ить 1.17, 3.75
 сорванец 1.51
 сорок 1.12, 2.17, 3.47
 сорока 2.14
 сором 2.17
 сосать 2.16, 3.2, 76
 сосед 3.13, 42
 сос|на 2.16, 3.5, -енка 1.53
 соты 3.2, -овый 1.63
 соха 2.17, сошник 1.53

- сохнуть 2.16, 3.2, 76
др. сочиво 2.25
др. сочиги 'искать по суду' 2.16, 3.74
 спать 3.2
 спеть 'созревать' 2.14
 спешить 2.17, 3.60, -ный 3.54
 спина 1.17, 2.14, 3.31
 писатель 2.25
 сплошь 1.30, -ной 1.58
 сполох 1.28
 спорый 3.54
 способ 1.28, -ить 1.67, -ный 1.57
 спотыкливый 1.48
 справедливый 1.48
 спусковой 1.63
 срам 1.30, 2.17, 3.48, -ить 2.17, 3.60, 74, -ной 1.58, 3.58
 срать 2.16
 среда 2.17, 3.13
 среди 3.10, 48
 средневековый 1.62
 у-среднить 1.66
 сретенье 1.67
 родство 1.53
 срочнее 1.48
 -ставать 3.73
 став|ить 1.30, 2.14, 3.8, 67, 73, -лять 2.23, 3.73
 стадо 2.14, 3.40, 41, 4.2, -ный 1.59, -це 2.24
 сталь 1.30
 стан 2.17, 3.38, 42, 43, 47
 станови|ть(ся) 1.17, 3.60, 75, -ще 1.47
 старшина 1.18, 47, -ство 1.53
 старый 1.16, 2.14, 23, 3.53, -ейшина 2.23, -еть 3.73, -ец, -ик 1.51, 2.24, -ина (былина), -ица 'старое русло' 1.47, -иться 2.23, -ость 2.25, -евщик 1.68, Старинин 1.52, Стародуб 2.28
 статья (*лаг.*) 2.14, 3.10
 статья 3.10
 стеблевый 1.63
 стегно 2.16
 стезя 2.16
 стекло 2.16, 3.2, 41, -янный 1.64, 2.25
 стена 2.17, 3.42
др. стѣнь 2.14
 степень 1.28, 2.14
 -стереть 2.17, 3.64, 71, 76
 стеречь 2.17, 3.10, 62, 71, 72
 стерженщик 1.68
 стерляжина 1.47
 -стигнуть 2.14
 стих 2.16
 стлать 2.16, 3.69, 70
 сто 2.17, 3.2
 стог 2.17, 3.42
 стол 1.13, 2.16, -овник 1.47, -овый 1.63, -яр 1.44
 столб (столп) 2.16, 3.10, 13, -чатый 1.54
 стонать 2.16
 стопа 2.16, 3.49
 сторож 2.17, 3.42, 43, 45, 47, -а 2.14
 сторона 2.17, 3.13, 31, -иться 1.18
 сто|ять 2.17, 3.2, 5, 60—62, 72, 75, -я 1.48
 страда 2.16
 страдать 2.7, 16
 страж 2.16, 4.2, -а 2.16
 страна 2.16, 3.10, 13, 48, 49
 странный 3.13, 53, 54, 58, 59
 страсть 2.7, 17, 25, 3.36, 37, 44, 46, 49, -ити (*др.*) 3.60, -ный 3.52
 стра|х 1.30, 2.17, 3.38, 4.2, -шивъ (*др.*) 2.23, -шный 3.53, 54, 58, 59, 4.3
 стрела 2.17, 3.42, -ить 1.18, 3.63, 68, 75, -ьба 1.18, Стрелин 1.52
 стремить 3.66
 стрем|енной, -янный 1.59
 стри|чь 2.17, -гать 2.23
 строгать 2.16
 строить 1.67, 2.16, 3.2
блр. строй 3.28
 у-строжить 1.66
 стро|ка 2.17, -чной, -чный 1.59
 строчить 1.18, 48
 струг 2.17, 3.42, 43, 4.2
 струна 2.14, -ить 1.66, Струвин 1.52
 струп 2.17, 3.42
 струя 3.49
 стрый 2.14
 студ|ить 2.17, 3.66, 74, 75, студеный 1.48, 2.24, 3.55, -ец 1.51, -ь (*др.*) 'холод' 2.17
 стул 2.14
 ступа 2.14, -ица 1.47
 сту|жить 2.16, 3.60, 63, 67, -ать 2.23, -ень 1.11, -ня 1.53
 стыд (*и др.* студ) 2.16, 3.10, -ѣтися (*др.*) 2.17, 3.60
 стыковой 1.63
 ст|гнуть 2.14
 Стырь 3.37
 стяг 2.17, 3.42, 4.2
 стяжать 2.17
 суббота 2.14
 сугубый 2.27, -ить 1.66
 суд 'сосуд', 'судно' 2.17, 3.42, 43, 45, 47, 48, -но 2.25
 суд 'суд' 2.16, 3.10, 35, -ить 1.18, 48, 2.16, 3.9, 10, 60, 62, 63, 67, 68, 72, 74, -ище 2.23, -ьба 1.18, 2.24, 3.49, -ия, -ья 1.12, 2.15, -я по 1.48, -суждать 2.23

- судорога 1.28
др. суи 'vapus' 2.14
 сук 2.17, 4.2
 сукно 2.16, 3.10, 41
 сукровица 1.28
 сулема 3.10
 сулить 3.60
 сума 2.16
 сумерки 1.28, сумрак 1.28, 2.27
 сумской 1.54
 сунуть 2.14
 супесь, -ок 1.28
 супонь 1.43
 супостат 2.27, 3.50
 сурядки 1.28
 суровый 2.17, 3.53, 54, 59, 4.3, -еть
 1.49, -ье 1.51, -ьство (*др.*) 2.24
 сурьмяной, -ый 1.64
 сусяный 1.64
 суставной 1.59
 сутемь 1.28
др. сути 'сыпать' 2.17
 сутки 1.28
 сутоло|ка, -чь 1.28
 сучить 1.48
 сухой 2.17, 23, 3.53, -ота 2.25, Сухово
 2.19, суша 2.14, -шь 3.37, -шить
 1.18, 48, 3.60, 61, 66, 68, 75, -шеница
 1.47
 существо 1.53, -овать 1.55
 сцать 2.17, 3.2, 76
 счастливый 1.48
др. сьрѣсти 2.14
др. сьрѣтити 2.14
 сын 1.30, 2.17, 3.38, 42—45, 47, -овья
 2.24
 сып|ать 2.14, -ной 1.59, -нуть 1.49
 сыр 2.14, 4.2, -ный 1.59
 сырой 2.14, 3.53
 сыск 3.38
 сытый 2.14, 3.53, -ить 1.66, 3.73, Сы-
 тин 1.52
 сюда 2.23, 3.9
 -сякнуть 2.16

 табуниться 1.66
 таволжаный 1.64
 таз 4.2
 таи (*др.*) 2.17, таить 2.17, 3.54, 60,
 61, 63, 64, 66
 тайна 2.24, -ый 3.54, 58, 59, 4.3,
 -ик 1.53, таинство 1.53, -енный 1.54
 такой 2.17, 25, 3.53, 54, -овой 3.28,
 54
 тальник 1.53
 там 2.23
 таракан 3.9
 тать 2.17, 3.44, 45, 47, 4.2, -ьба 2.24,
 3.8, 35

 тащить 1.48, 2.17, 3.62, 66, 75
 таять 2.14
 тварь 2.14
 твердый 2.17, 3.53, 54, 58, 4.3, -ить
 1.48, 3.60, 66, 75, -ь 3.37, -околос
 (*укр.*) 2.28
 Тверь 2.17, 3.2, 37, 48, тверич 2.23
 твой 3.2, 9, 10, 17
 творить 2.17, 3.10, 60—64, 66, 68,
 74, 75
 телега 2.14, 3.43
 телиться 1.17, 18
 тело 2.17, 3.10, 40, 45, -ьный 1.59,
 -ще 1.51
 темный 1.12, 16, 2.17, 3.53, 54, 58,
 -ить 3.68
 тенето 2.16
 теноровый 1.62
 теплый 1.12, 16, 2.16, 3.13, 55, 57,
 -ить 1.66, -о 2.16, 3.10, -ота 2.25
 терем 2.17, 3.42, 43
 тереть 2.16, 3.2, 67, 76
 терн 1.30, 62, 4.2
укр. тернослив 2.28
 терпе|ть 1.48, 2.17, 3.10, 60—62, 72,
 75, -ливый 1.48, долготерпеть 3.62
 терпнуть 2.16
 тесать 2.16, 3.70, тес 1.30, 62
 тесла 3.10, -о 1.18, 53
 тесный 2.17, 3.53, 54, 58, 59, 4.3,
 -ить 3.66
 тесто 1.30, 2.17
 теть 2.17, 3.2
 тетерев 2.17, 3.43
др. тети 2.17
 течь (*слав.*) 2.17, 3.60, 71
 теши|ть 2.14, 3.17, 73, -ать 2.23, 3.73
 теща 2.16, 3.2
 тигр 2.14, 4.2, -овый 1.62
 тина 2.14, -овать (*др.*) 2.23
 тиун 2.14
 тихий 2.14, 3.53, -нуть 2.14, тиш|ати
 (*др.*) 3.73, -ина 2.24, 3.50
 ткать 2.16, 3.2, 69, 76
 ткнуть 2.16, 3.2, 76
 тлеть 2.15
 тло 2.16, 3.2
 товар 2.14
 тогда 2.23, 3.10
 о-тождествить 1.66
др. толикъ 2.23, 3.5
 токарь 1.18, 30, 53, -ный 1.57, -ня 1.53
 толк 1.62, 3.42, -овый 4.3
 толокно 2.16, -яный 1.64
 толочь 2.17, 3.10, 68, 71
 толпа 3.49
 тол|стый 2.17, 3.26, 31, 53, 54, 59,
 4.3, -ща 2.14, 31
 только 3.5, 54

- томить 2.16, 3.67
 томпаковый 1.62
 тоц|кий 2.17, 3.53, 58, -чить 3.75
 тонуть 2.16, 25, 3.61, 4.4
 тоня 2.16
 топ|ить₁₋₃ 1.48, 2.17, 3.10, 66, 75,
 -кий 3.53, 59
 тополевыи 1.62
 топор 2.16
 топтать 2.16
 торг 2.16, 4.2, -овать 3.70, -овля 3.43,
 -овый 1.63, торж|ище 1.47, -ество-
 вать 1.55, Торжок 3.35
 -торг|нуть 2.14
 тороп|ить 3.63, -кий 1.54
 торосить 1.66
 торочить 1.48
 торфяник 1.47
 торц|евой, -овый 1.63
 тот 2.17, 19, 3.4, 10, 14, 26
 точи|ть (все омонимы) 1.48, 2.16, 3.67,
 74, -ло 2.23
 тошнота 1.47
 тощий 2.16, 3.2, 31, 55
 трава 2.16, 3.10, 43, 49, -яной 4.3,
 Травин 1.52
 травить 2.16, 3.67
 трапеза 3.28, -овать 1.65
 -требить 2.17, 3.61, 66
 требовать 1.65
 трезвый 2.17, 3.53, 58, 4.3
 трепет 2.17, -ать 2.16, -ный 3.52
 трепло 1.53
 третей 2.24, 3.10, -ь 2.17
 трефовый 1.62
 трещина 1.47
 три 2.17, 3.13, тридцать 1.12, трижды
 2.23
 триместровый 1.62
 трое 2.25, 3.54, -ить 1.46, 48, 66, 3.2,
 -ица 1.46, 47, 2.23, 3.2, 5, -йчатый
 1.54
др. троскоть 2.17
 трость 2.17, -ник 1.53
 труба 2.16, 3.10, 43, 49, -ить 1.48,
 2.25, 3.74
 труд 2.16, 3.9, 10, 35, -иться 1.18,
 48, 2.17, -ный 3.57
 труп 2.17, 3.43, 45, 4.2
 трус 'землегрясение' 2.17, 3.42
 трус|ить 1.48
 трутневой 1.56, 62
 с-трух|нуть 1.49
 трясти 2.17, 3.66, 71
 ту|га 2.16, 3.35, -жить 1.18, 48, 2.16,
 3.75
 ту|гой 2.17, 3.54, -житься 1.66
 туда (до-, от-) 3.9
 туловище 1.50
др. туне 2.16, 3.13
 тупой 2.17, -ить 1.18
 тур 2.17, 4.2
 о-туречить 1.66
 тутовник 1.47
др. тускь 3.38
 туча 2.14, 3.26
 тучный 3.53, 58, 59
 тушить 1.48, 2.17
др. о-тщегити 3.64
 тшиться (*и др.* тшцатися) 2.17, 3.60
 ты 2.17, 19, 22
 тыкать 2.14
 тыква 2.14
 тыльный 1.59
 тысяча 2.14, 3.43
 тьма 2.16, 17
 тюк 4.2
 тюрьма 2.16, 3.35, 49
 тяглый 2.16, -о 2.24
др. ис-тягнути 3.67
 тя|ота 1.47, 2.25, -чить 3.66
 тяж|елый 1.18, 2.16, 3.55, -а 2.14,
 -ба 1.51, 3.49, -кий 2.17, 25, 3.10,
 53, 54, 58
 тянуть 2.16
др. тяти 2.17, 3.2

 у (*предл.*) 2.22
др. у 'уже' 2.14
 убог|ий 2.26, -жати (*др.*) 3.73, -жество
 2.29
 уведомление 1.67
 угол 1.12, 2.17, 3.38, 42, 45, 47
 уголь 1.12, 30, 2.14, 4.2, об-уг|лить
 1.66
 угорь 1.12, 3.10
 уд 2.14, 3.42, 45, 47, 48
 уда 2.14, -ить 1.18
 удалой, -ый 1.11, 16, 18, 54, -ость 1.53,
 -ество 1.52, 53
 ударить 2.14, 3.73
 удерж 1.28
 удручить 3.66
 уж 3.10
 ужас 1.28, 30, 2.26, -ити (*др.*) 2.17,
 -нуть 2.16, -ный 1.28, 57
 ужинать 2.23
 уза 2.14, 3.43
 узда 2.16, 3.49
 узел 1.12, 2.14, 4.2
 уз|кий 1.16, 2.16, 25, 3.57, 4.1, -ить
 1.66
 уйма 2.26
 укус 1.28
 улица 3.43
 ум 2.16, 3.35
 уметь 2.15
 умный 1.16, 3.57, -ица 1.47

- умолк 1.28
 умысел 1.28
 уничижить 3.60
 уничтожение 1.67
 уповать 2.15, 3.14
 упрочение 1.67
 упряжь 2.27, -ной 1.59
 упуск 1.28
 уродовать 1.65
 ус 2.16
 уста 2.16, 3.10, 41, -ить 3.66, -ье 1.51, 2.24
 уставной, -ый 1.59
 уступ 1.28
 утварь 2.27
 ут|ица 2.23, *др.* -ы 2.14, -я 2.23
 утлый 2.16
 уток 1.28, 2.26
 утолить 2.16, 3.74
 утро 2.14, -енный 2.23, -еть 1.49
 уха 2.16, 3.10
 ухо 2.17, 18, 3.44, 48
 участковый 1.63
 учет 2.26
 учи|ть 1.48, 2.17, 3.60—64, 66, 68, 75, -тель 1.10, 18, 30, 2.25, учен|ый 1.48, -ик 1.51, 2.24
 ушиб 1.28
 ушко 1.18, 53, 2.24
- фарт 1.30, 62
 фатов|ской, -ство 1.52
 февраль 2.16
 ферзевый 1.63
 фиговый 1.62
 фигурировать 1.49
 философ 2.14
 флаговый (лево-, право-) 1.62, 63
 флюсный 1.59
 Фома 2.16
 фонарь 2.16
 фразистый 1.48
 фрат|ить 1.66, -овской, -овство 1.52
 фрагтовый 1.63
 фруктовый 1.62
 фунт 2.14, -овый 1.62
- хамить 1.66
 ханже|ский, -ство 1.52
 хапать 2.16
 характерный 1.57
 харя 2.14
 хвала 2.16, -ить 1.18, 48, 2.16, 3.57, 74, -ьный 3.57
 хват|ать 2.14, -нуть 1.49, -овской, -овство 1.52
 хват|ать 3.70, -ить 2.16, 3.62, 63
 хворост 1.30
 хвост 2.16
- херить 1.66
 -хитить 2.14
 хитрый 1.12, 16, 2.14, 3.10, 55
 хлад 1.30, 2.17, -ный 3.53
 хлам 1.30
 хлеб 2.14, 4.2, -ина 1.47, -ный 1.59
 хлев 2.16, 4.2
 хлопоты 1.12
 хлопчатый 1.54
 хлябь 2.17
 хмель 3.38, *блр.* 3.28, -евой 1.56, 62, -ьной, -ьный 1.58
 хмурить 1.66
 хоботной 1.59
 ход 2.17, -овой 1.62
 ходить 2.16, 3.10, 60—63, 72, 74, походя 1.48
 холенный 1.48
 холм 2.17, 3.42, 45—48, 4.2
 холод 2.17, 3.38, -ник, -ность 1.53, -ный 1.16, 18, 2.25, 3.53, 54
 холоп 2.14, 3.13, 42, 43, -ский 2.25, -ья 2.24
 холостой 1.16, 2.17, -ить 3.68
 холстяной 4.3
 холуй 3.2
 хомут 2.16
 хоробрый 2.14
 хором 2.14
 хоронить 2.16
 хороший 1.16, 2.16, 3.55
 хоругвь 2.14
 хотеть 1.9, 2.17, 3.62, нехотя 1.48
 хохлить 1.66
 храбрый 2.14, 3.53, 54
 храм 2.17, 3.42, 47, 4.2, -ина 3.28
 храни|ть 2.17, 3.60, 62, 66, 72, 74, -ло 2.23
 вс-храпнуть 1.49
 хребет 2.16
 хрен 1.30, 62
 хрип|еть 2.17, -ота 1.47
 христианин 1.69
 хромой 2.16, 3.55, -ать 2.16, -ить 3.60, -ота 2.25
 худой 2.17, 3.53, 54, -ить 3.60
 хула 2.14, -ьный 3.57
 хуторской 1.54
др. хыжа 2.14
- царь 2.16, 3.42, 44, 49, -ить 3.74
 цвести 2.17
 цвет 2.17, 3.38, 42, 43, -ить 1.48, 3.60, -ной 1.58, 3.53, 58, -ок 3.9
 цедить 1.48, 2.17, 3.10, 60
 целник 1.51
 цел|ить 2.17, 3.14, 60, 61, 63, 66, 75, -ьба 2.24, 3.10
 целковик 1.51

- целовать 2.23
 цельный 2.17, 3.53, 54, 58, 4.3
 цена 2.17, 3.42, -ить 1.18, 48, 3.60, 68, 75
 цеп 4.2
 -цепить 2.16
 цепь, цепь 2.17, 3.37, цепочка 1.53
 церковь 2.14, 3.37, -ка 1.53, -ный 1.59
 цесарь 2.16
др. цѣстити 2.14
- чадо 2.14
 чайный 1.59
 чаровник 1.47
 час 2.16, 3.10, 35, 4.2, -овой 1.62
 частый 2.17, 3.53, 54, 58, 59, 4.3, -ик 1.51
 часть 2.17, 3.37, 44
 -чать 1.11, 12, 18, 2.16, 20, 3.10, 53, 60, 64, 76
 чаша 2.14
 чаща 2.14, 23, 31
 чаять 2.14
 чей 2.16, 24
 челн 2.17, 4.2
 чело 2.16
 червленый 1.48
 червь 1.11, 2.17, 3.42, 44, 45, 4.2
 черево 2.17
 череда 2.16, 3.13
 через 2.22, 3.48
 череп 2.17, 3.10, 38, 47, -яный 1.64
др. чересло 2.16
 чересседель 1.47
др. черети (черпсти) 2.17
 чермный 2.17, 3.54
 черный 1.12, 16, 2.16, 3.10, 13, 55, -ец 2.24, -ило 2.23, -ить 2.25, 3.74, -ослив 3.9
 черп|ать 2.14, -алка, -ало 1.53, -нуть 1.49
 черствый 2.17, 4.3
 черт 2.17, 3.13, 42, -овский 1.52, -овщина 1.47
 черта 2.16, 3.28, -ить 1.18, 48
 чертог 2.14
 чесать 2.16, 3.62
 честь (*сущ.*) 2.17, 3.37, 44, -ить 3.2, честной 1.58, -ый 2.25, 3.53, 54, 58, 4.3
 -честь (*глаг.*) 2.17, 3.2, 5, 10, 60, 66, 71, 76
 четвер|тый 2.14, -ик 1.51, -ица 2.23, -ня 1.53, -о 2.14, 4.1, -тъкъ (*др.*) 2.24, -тъ 1.18
 четыре 1.11, 2.14, -ежды 2.23
 чин 2.17, 3.38, 42—47
 чинить 1.48, 2.17, 3.14, 63, 66, 68, 75
- число 2.16, 24, 3.10, 35, 41, -ить 1.66, -овой 4.3
 чистый 2.14, 3.52—54, -ик 2.24, -илка 1.41, -ильщик 1.41, 4.6, -ить 1.66, 3.67, 73, -ота 2.25, 3.50
 член 2.14, -ить 1.66
укр. черно|зем, -клен, -слив 2.28
 чрево 2.17, 3.40, 45, 47, 48
 чреда 2.16, 3.13
 чрез 2.22, 3.48
др. чрепъ 2.17
 чресло 2.16, 3.13, 41
 чтиво 1.53
 чтить 3.2
 что 2.17, 3.2
 чудо 2.14, 3.48, 4.2, -есить 1.66, -ить 1.66, 3.64, -ище, -овище 1.47, -ной, -ный 1.16, 58, 3.53, 54
 чудской 1.54
 чужой 2.17, 3.54, -анин 1.69, -дый 3.13, 52
 чумной 1.59
др. чути 2.14
 чухломской 1.54
 чхнуть 3.2
др. чвань 2.14
- шаловливый 1.48, шальной 1.58
 шатать 2.15
 шат|ер 2.16, -ровый 1.63
 швартовый 1.63
 швелить 1.17, 18
 шелковый 1.62, -истый 1.48, -ица 1.47
 шельмов|ской, -ство 1.52
 шептать 2.16
 шерсть 2.17, 3.37, -ный 1.59
др. шерть 3.37
 шершневой 1.56, 62
 шест 2.16
 шесть 2.17, 18, -акъ (*др.*) 2.24, -еро 2.25, -ой 2.17
 шея 2.3, 14
 шибить 2.17
 шип 2.16
 шир|окий 1.16, 18, 48, 2.14, 25, 3.9, 54, 56, 4.1, -ить 1.66, 2.14, 25
 шить 2.3, 14, 16, 3.14
 шкафный 1.59
 шквалистый 1.50
 про-шкнуться 3.76
 школяр 1.44
 шмель 4.2
 шмыгнуть 1.49
 шов 3.2
 шпорец 1.51
 штанной 1.59
 штрафной 1.59
 штуковина 1.47
др. шуи 2.17, шуица 2.23

- шум 1.30, 2.17, -сть 2.17, 3.60, -нуть 1.49
 шустрый 1.12
 шут 4.2, -ить 1.17, -ник 1.53, -овской, -овство 1.52
 щавелевый 1.62
 щадить (*и др.* щадѣти) 2.17, 3.60, 62, 66
др. шапиги 3.60
 щебен|ка 1.53, -ить 1.66
 щеголь|ской, -ство 1.52
 щедрый 2.16, 3.55, -ить 1.66, 3.14, -ота 2.25
 щека 1.17, 2.17
 щелок 3.38
 щепа 2.16, 3.49, -ить 3.60
др. щепи 'затмение' 3.45
 щербить 3.66
 щит 2.16, -ить 3.60, 66, 74
 щука 2.14
 юг 2.14, 3.48
 юдоль 2.27
 юный 2.17, 3.52—54, 58, 4.3, -ак 1.44
 юркнуть 1.49
 юродивый 1.41
 я 2.17, 19, 22
 яблоко 2.14
 яв|ить 1.17, 2.17, 3.10, 60, 61, 63, 64, 66, 68, 75, -лень (*др.*) 3.65, 66, -лять 2.23
др. ягня 2.14, 23
 ягода 2.14
 яд 2.17
 ядро 2.16, 3.41, -еный 1.48, -ица 1.47
 язва 2.14, -ина 2.23, -ить 1.66
 язык 2.14, 4.2, -овой 1.63
 язв 4.2
 яйцо 1.12, 2.16, 17, 3.10, 13, 41, -евой 1.63, яичко 2.24
 якорь 2.14, 4.2
др. якъ 2.17, 25
 яловеть 1.49
 яма 2.14
 ям|ской 1.54, -щик 1.68
 январь 2.16
 ярый 2.17, 3.54, -ить 1.66, 3.60, 72
 ясли 2.14
 ясный 3.53, 54, -еть 1.49, -ить 1.66, 3.66
 ястреб 2.14, 4.2
 -ять, -нять 1.9, 11, 12, 18, 54, 2.3, 7, 16, 20, 3.2, 9, 10, 13, 53, 61, 64, 71, 72, 76
 ячеистый 1.48
 ячневик 1.51
 ящерица 1.50

УКАЗАТЕЛЬ СУФФИКСОВ

Помимо отсылок к параграфам, обычно непосредственно указывается также маркировка суффикса: современная — после ссылки на гл. 1, древнерусская — на гл. 2. Для суффиксов с усложненными акцентными свойствами указывается только параграф. Суффиксы даны в их современном виде (кроме *-*j-*); при необходимости указывается также их древний вид; порядок перечисления — обратный алфавитный (без учета окончания). В указателе не включены: заимствованные суффиксы с современной маркировкой ↓ D (см. их перечень в § 1.41); суффиксы глагольного словоизменения, кроме причастных (см. § 2.20); некоторые редкие суффиксы.

Суффиксы существительных

- б-а* 1.51 (→); 2.24 (→)
 -*об-а* 2.26
 -*ив-о* 1.53 (←); 2.25 (—)
 -*ов-о* 1.53 (←)
 -*тв-а* 1.53 (←); 2.23 (↓)
 -(*е*)*ств-о* 1.53 (←); -*ьств-о* 2.24 (→)
 -*аг-а*, -*ыг-а*, -*яг-а* 1.41 (↓ D)
 -*аж* 1.44 (→D Polysyll, ↓ D)
 -*еж*, -*ёж* 1.42 (→ D); 2.23 (↓, откл. к →)
 -*j-а* 1.53 (←); -*bj-а* 2.24 (→, изредка —)
 -**j-а* 2.23
 -*j-е/о*: собирает. 1.42 (→ D), не собирает. 1.51 (→ Monosyll); -*bj-е* 2.24 (→, изредка —)
 -*ай* 1.47 (↓)
 -*ей* 1.41 (↓ D)
 -*иj-а* 1.45
 -*иj-е* 1.53 (←)
 -*ениj-е* 1.67
 -*ов'j-е* 1.47 (↓)
 -*к-а* 1.53 (←); -*ък-а*, -*ьк-а* 2.23 (↓, следы →)

- к-о* назв. лошадиных мастей 1.53 (→), прочее 1.53 (←); -*эк-о*, -*ьк-о* 2.24 (→)
- ак* 1.44 (→ D, изредка ↓ D); 2.24 (→)
- ак-а* 1.41 (↓ D)
- чак* 1.42 (→ D)
- овк-а* 1.47 (↓)
- ушек*, -*ышек* 1.53 (←)
- ик*: а) отагдъективное 1.51 (→); 2.24; б) уменьшит. 1.53 (←); 2.24 (→ Re); в) прочее (заимств.) 1.43 (← D)
- ик-а*: назв. ягод 1.41 (↓ D), прочее (заимств.) 1.43 (← D)
- овик* 1.51 (→ Monosyll)
- ник* 1.53
- беник*, -*яник* 1.47 (↓ Monosyll)
- чик* 1.53 (←)
- щик*, -*овщик* 1.68
- инк-а* 1.47 (↓)
- ок* 1.51 (→, → Deox); -*эк-эк*, -*ьк-ь* 2.24 (→)
- очк-а*, -*очк-о* (-*ечк-о*) 1.53 (←)
- ашк-а* 1.41 (↓ D)
- ишк-а*, -*ишк-о* 1.47 (↓)
- ушк-а*: ласкательно-почтительное 1.53 (←); прочее 1.41 (↓ D)
- ушк-о*, -*ышк-о* 1.53 (←)
- ьк-а* 1.41 (↓ D)
- оньк-а* 1.53 (←)
- юк-а*, -*як-а* 1.41 (↓ D)
- як* 1.44 (→ D, изредка ↓ D)
- няк* 1.42 (→ D)
- ла* 1.53 (←)
- ло* 1.53 (←); 2.24 (→)
- ль* 1.43 (← D Init)
- тель* 1.53 (←); 2.25
- ил-о* 2.23 (↓)
- сл-о* 2.24 (→)
- ул-я*, -*юл-я* 1.41 (↓ D)
- им* 2.23 (↓)
- н-ь* 1.43 (← D Init)
- н-я*: собират., имена действия 1.42 (→ D), прочее 1.53 (←); -*ьн-я* 2.25
- ан*, -*ан-я* 1.41 (↓ D)
- чан-е* 1.69
- овн-я*: назв. помещений 1.41 (↓ D), имена действия 1.42 (→ D)
- ен-ь* 1.43 (← D Init)
- ён-* (в назв. детенышей и т. п.) 1.41 (↓ D)
- зн-ь* 2.23 (↓)
- изн-а* 1.51 (→ Polysyll)
- ин* (сингулятивы) 1.47 (↓)
- ин-а*: а) отагдъективные имена качества 1.51 (→); 2.24 (→); б) прочее 1.47 (↓, ↓ Deox); 2.23 (↓)
- овин-а* 1.47
- чин-а*, -*щин-а* 1.47 (↓)
- он-я* 1.41 (↓ D)
- си-ь* 2.23 (↓)
- отн-я* 1.42 (→ D)
- ун* 1.42 (→ D); 2.24 (→)
- ун-я* 1.41 (↓ D)
- ын-я* 1.47 (↓); -*ьн-и* 2.23 (↓, следы —)
- ян-е* 1.69; 2.25 (—, откл. к ↓)
- ар* 1.44 (↓ D, изредка → D)
- ар-ь*: отыменное 1.51 (→ Monosyll), отглагольное 1.53 (←); 2.24 (→)
- ер*; -*ёр* 1.44
- сор*, -*тор* 1.43 (← D)
- яр* 1.44 (↓ D, изредка → D)
- т-ь* 1.43 (← D Init)
- от-а*: отагдъективные имена качества 1.42 (→ D), отглагольное 1.47 (↓); 2.25 (—, откл. к →)
- ост-ь* 1.53 (←); 2.25 (— Re, откл. к — Min)
- ят-* (в назв. детенышей и т. п.) 1.41 (↓ D); 2.23 (↓)
- ах-а*, -*эх-а* 1.41 (↓ D)
- их-а* 1.47 (↓)
- ох-а*, -*ух-а* 1.41 (↓ D)
- ча* (-*еу-а*) 1.51 (→); -*ьча* 2.24 (→)
- чо/е* 1.51 (→ Polysyll); -*ьч-е* 2.24 (→)
- еу-о* (-*иу-е*) 1.51 (→)
- еу*: уменьшит. 1.53 (← Triv), прочее 1.51 (→, → Monosyll); -*ьч-ь* 2.24 (→)
- иу-а* 1.47 (↓); 2.23 (↓)
- ниу-а* (аддитивное) 1.47 (↓)
- ач* 1.42 (→ D); 2.24 (→)
- ич* 1.51 (→); 2.23 (↓)
- бвиц*: апеллятивы и отчества 1.47 (↓ Triv), фамилии 1.41 (↓ D)
- ш-а* 1.53 (← Triv)
- аш* 1.42 (→ D)
- уш-а* 1.41 (↓ D)
- ьш* 1.51 (→)
- иш-а* 1.47 (↓)
- иш-е* 1.47 (↓); 2.23 (↓)
- биш-е* 1.53 (←)
- овиш-е* 1.47 (↓)
- мя* (-*мен-*) 2.25 (—)
- '* 1.43 (← D Init)

Суффиксы прилагательных

- ав- 1.41 (↓ D); 2.25 (—)
 -ив- 1.41 (↓ D); 2.23 (↓)
 -лив- 1.48 (↓ Monosyll Deox)
 -чив- 1.48 (↓)
 -ов-: притяжат. 1.48 (↓ Triv), не притяжат. 1.61—63; 2.25 (—)
 -ляв- 1.41 (↓ D)
 -*j-: а) притяжат. 2.25 (—); б) сравнит. 1.54; 2.23
 -ej(e) (сравнит.) 1.48 (↓); -ѣj- 2.23 (↓)
 -(u)j- (притяжат.) 1.54 (←); -ѡj- 2.24 (→, изредка —)
 -к- 1.54 (←); -ѡк- 2.25 (—)
 -ак- 2.25 (—)
 -ѣнек (-ѡнек) 1.48 (↓)
 -ок- 1.48 (↓); 2.25
 -(e)ск- 1.54 (←); -ѡск- 2.25 (—)
 -овск-: в семантич. группе колдовства, плутовства и т. п. 1.52 (→ Monosyll), прочее 1.48 (↓ Triv)
 -еньк- (-ѡньк-) 1.54 (←)
 -ѡсенък-, -ѣшенък-, -ѣхонък- 1.41 (↓ D)
 -л- 1.54 (←); 2.20, 21
 -им- 1.67; 2.20, 21
 -ом- 1.48 (↓); 2.20, 21
 -и-: а) причастное 1.54 (← Polysyll); 2.20, 21; б) не причастное 1.57—60; -ьи- 2.25 (—)
 и' 1.54 (←); -ьи' 2.23 (↓, следы —)
- ови- 1.48 (↓ Monosyll)
 -ин- притяжат. 1.54 (←), фамилии 1.52 (→), не притяжат. 1.41 (↓ D); 2.23, 24
 -ни- 1.54 (← Polysyll)
 -enni-: усилительное 1.41 (↓ D), отыменное 1.54 (←)
 -ѣи(и)-, -ен(и)- (причастное) 1.48 (↓); -ен- 2.20, 21
 -ши' 1.54 (←)
 -ян- 1.64; 2.25 (—)
 -ѡр- (в *пятеро* и т. д.) 2.25 (—)
 -т- 1.54 (←, ← Polysyll), 2.20
 -ат- 1.41 (↓ D); 2.23 (↓)
 -овѡт- 1.41 (↓ D)
 -чат- 1.54 (←)
 -ит- 1.41 (↓ D); 2.23 (↓)
 -овѡт- 1.41 (↓ D)
 -аст- 1.41 (↓ D)
 -ист-: «содержащий соотв. вещество» 1.54 (← Triv), прочее 1.48 (↓ Deox); 2.23 (↓)
 -уч-, -яч- 1.41 (↓ D); 2.20, 21
 -ше (сравнит.) 1.54 (←)
 -(ѡ)ш- 1.54 (←); -ѡш- 2.20, 21 (—)
 -ейш-, -айш- 1.48 (↓); -ѣйш- 2.23 (↓)
 -ущ-, -ющ- (усилительное) 1.41 (↓ D)
 -ущ-, -ящ- (причастное) 1.48 (↓); 2.21

Суффиксы глаголов

- а-ть: вторичные имперфективы 1.41 (↓ D), отыменные аj-глаголы 1.49 (↓); 2.20, 21, 23
 -овѡ-ть 1.65; 2.20, 23 (↓ Min)
 -(e)ствова-ть 1.55 (←)
 -ирова-ть 1.65
 -изѣрова-ть 1.41 (↓ D)
 -ѡва-ть 1.55 (←); 2.23
 -(н)ича-ть 1.55 (←)
- е-ть 1.49 (↓); 2.20, 23 (↓)
 -овѣ-ть, -енѣ-ть (-янѣ-ть) 1.49 (↓ Monosyll)
 -и- (в составе -и-л-, -и-тел-) 1.41 (↓ D)
 -и-ть 1.66; 2.20, 25 (—)
 -yj- (в презенсе ова-глаголов) 2.20 (↓)
 -ну-ть: выпадающее в прош. времени 1.55 (←), не выпадающее 1.49 (↓); 2.20, 25

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Цифры означают параграфы, где термин определяется или разъясняется

- аддитивный суффикс 1.38
 акцентная кривая (схема ударения) 1.8, 2.11
 акцентная маркировка 0.2, 1.21, 2.7
 акцентная парадигма 2.10; а. п. *a* (баритонированная), а. п. *b* (окситонированная), а. п. *c* (подвижная) 2.10
 акцентно самостоятельная словоформа 2.4
 акцентные знаки 3.16
 акцентный тип 1.10; тривиальный, нетривиальный, флексивный, подвижный, смежно-подвижный, маргинально-подвижный акцентные типы 1.10
 акцентовка 0.3
 акцентологическая классификация: морфем 1.21, 2.7; основ 1.29
 акцентуация 0.3
 базисное правило 1.22, 2.8
 базовый компонент 1.19
 вария 3.16
 вторичный суффикс 1.25
 дефинализация ударения 3.9
 диалектные зоны в старовеликорусском (восточная и западная) 3.33, 77
 доминантность 1.21; доминантная, недоминантная основа (или базовый компонент) 1.29, 30
 заменительный суффикс 1.38
 иктусные и неиктусные акцентные знаки 3.16
 исо 3.16
 камора 3.16
 клигика 2.4
 книжная акцентовка 3.11
 консонизатор корня (или основы) 1.19
 коэффициент акцентуированности (плотность акцентовки) 3.16
 коэффициент выраженности / δ / 3.20
 левоударная морфема 1.21
 маркировка *см.* акцентная маркировка
 микросистема (точечная система) 3.1
 морфемный комплекс 1.24
 двукорневой м. к. 1.26
 глагольный м. к. 1.24, 25
 именной м. к. 1.24—26
 приставочно-корневой м. к. 1.24
 морфологическая классификация глаголов 0.3
 народная акцентовка 3.11
 оксия 3.16
 ортогоническая словоформа 2.5
 освоенность или неосвоенность слова 1.5
 первичный суффикс 1.25
 перемаркировка 1.23, 2.9
 плотное или неплотное примыкание морфем 1.4
 плотность акцентовки (коэффициент акцентуированности) 3.16
 поглощающий или непоглощающий сращенный суффикс 1.37
 позднерусский 3.1
 полная запись фонемы / δ / 3.20
 полновокальные и неполновокальные морфемы 1.19
 правоударная морфема 1.21
 прагматический фактор 1.5
 «привязка» ударения к некоторой маркировке 1.22
 проклитика 2.4
 раннедревнерусский 3.1
 самоударная морфема 1.21
 сильная, слабая, промежуточная основа (или базовый компонент) 1.29, 30
 сращенный суффикс 1.37
 старовеликорусский 3.1
 субпарадигма 1.7
 схема ударения (акцентная кривая) 1.8
 схематическая изоглосса 3.33
 тактовая группа 2.4
 тематизация ударения 3.8
 тематический элемент 0.3, 1.19
 точечная система (микросистема) 3.1

- ударение 0.3, 1.1
автоматическое у. 2.5
автономное у. 2.5
второстепенное у. 1.1, 3.7
книжное у. 3.11
колонное у. 1.1
маргинально-подвижное у. 1.10, 2.10
наосновное у. 1.1
народное у. 3.11
нетривиальное у. 1.10
подвижное у. 1.10
предфлексионное у. 1.1
ритмическое у. 3.7
смесжно-подвижное у. 1.10, 2.10
строгое или нестрогое маргинально-подвижное у. 2.10
тривиальное у. 1.10
флексионное у. 1.1, 10
фонологическое у. 2.5
упрощенная запись фонемы /δ/ 3.20
фонемы /δ/ и /ɔ/ и их графическая передача 3.19
цепь (акцентных) маркировок 1.22, 2.8
энклимен 2.5
энклитика 2.4
этимологически длинные и этимологически краткие морфы 2.2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	8
Общие положения	8
Общее (§ 1.1). <i>Исходные данные</i> . Общее (§ 1.2). Непроизводные и производные слова (§ 1.3). Плотное и неплотное присоединение морфем (§ 1.4). Освоенные и неосвоенные слова (§ 1.5). <i>Структура описания</i> (§ 1.6—7). <i>Схемы ударения</i> (§ 1.8—9). <i>Акцентные типы</i> (§ 1.10—11). <i>Правила постановки ударения в словоформах по схеме ударения слова</i> (§ 1.12). <i>Перенос ударения на предлог или частицу</i> (§ 1.13).	
Ударение производных слов (§ 1.14—17)	22
Ударение производных слов	29
<i>Общие сведения</i> (§ 1.18—20). <i>Акцентологическая классификация морфем</i> . Система маркировок (§ 1.21). <i>Базисное правило</i> (§ 1.22). <i>Перемаркировка</i> (§ 1.23). <i>Морфемные комплексы</i> . Приставочно-корневые комплексы (§ 1.24—25). <i>Другие типы комплексов</i> (§ 1.26). «Опорное» <i>-ов-</i> (§ 1.27). <i>Перемаркировка морфем в составе комплексов</i> (§ 1.28). <i>Акцентологическая классификация основ</i> (§ 1.29—30). <i>Акцентологически обусловленное ограничение на сочетаемость морфем</i> (§ 1.31). <i>Поэтапные правила определения акцентуации производных слов</i> (§ 1.32—34). <i>Маркировки приставок</i> (§ 1.35). <i>Маркировки суффиксов</i> . Общее (§ 1.36). <i>Сращенные суффиксы</i> (§ 1.37). <i>Заменятельные суффиксы</i> (§ 1.38). <i>Списки суффиксов с маркировками</i> . Общее (§ 1.39). <i>Доминантные суффиксы</i> (§ 1.40—45). <i>Недоминантные суффиксы</i> (§ 1.46—55). <i>Суффиксы с усложненной акцентной характеристикой</i> . Связь акцентуации с противопоставлением качественных и относительных прилагательных (§ 1.56). Суффикс <i>-и-</i> (§ 1.57—60). Суффикс <i>-ов-</i> (§ 1.61—63). Суффикс <i>-ян-</i> (§ 1.64). Суффиксы <i>-ова-ть</i> и <i>-ирова-ть</i> (§ 1.65). Суффикс <i>-и-ть</i> (§ 1.66). Суффиксы <i>-им-</i> и <i>-ени-е</i> (§ 1.67). Суффиксы <i>-щик</i> и <i>-овщик</i> (§ 1.68). Суффиксы <i>-ян-е</i> , <i>-чан-е</i> (§ 1.69).	

Глава вторая

ПРАСЛАВЯНСКАЯ И РАННЕДРЕВНЕРУССКАЯ АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ 113

Общее (§ 2.1—3)

Общие сведения о раннедревнерусской просодической системе . . . 118

Общее (§ 2.4—6). Акцентная маркировка морфем (§ 2.7). Базисное правило (§ 2.8—9). Акцентные парадигмы (§ 2.10). Акцентные кривые (§ 2.11). Зависимость между акцентуацией производящих и производных слов (§ 2.12).

Сведения о маркировке конкретных морфем 129

Корни (§ 2.13). Акцентная парадигма *a* (§ 2.14—15). Акцентная парадигма *b* (§ 2.16). Акцентная парадигма *c* (§ 2.17). *Окончания и словоизменительные суффиксы* (§ 2.18—21). *Клитики и приставки* (§ 2.22). *Словообразовательные суффиксы*. Суффиксы с основной маркировкой ↓ (§ 2.23). Суффиксы с основной маркировкой → (§ 2.24). Суффиксы с минусовой основной маркировкой (§ 2.25). *Особые акцентные явления в приставочных именах и сложных словах* (§ 2.26—29).

Итоги раннедревнерусской акцентной реконструкции (§ 2.30) . . . 157**Акцентные отличия раннедревнерусского от праславянского (§ 2.31—34) 160**

Глава третья

АКЦЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ XIV—XVII ВЕКОВ 166

Общее (§ 3.1)

Основные акцентные явления позднедревнерусского периода . . . 168

Падение редуцированных и ударение (§ 3.2). *Противопоставление фонем /ɔ/ и /ɔ̃/* (§ 3.3—5). *Совпадение автономного и автоматического ударений* (§ 3.6). *Второстепенное ударение* (§ 3.7). *Акцентные перестройки аналогического характера* (§ 3.8). *Дефинализация ударения* (§ 3.9—10).

Народная и книжная акцентовка (§ 3.11—14) 188**Письменные источники и проблемы их интерпретации 198**

Общее (§ 3.15). *Акцентные знаки и их системы* (§ 3.16—18). *Системы графической передачи фонем /ɔ/ и /ɔ̃/* (§ 3.19—20). *Использованные памятники*. Общее (§ 3.21). Новгород (§ 3.22). Обонежье (§ 3.23). Псков (§ 3.24). Смоленск (§ 3.25). Ближний запад (§ 3.26). Москва (§ 3.27). Юг (§ 3.28). Юго-восток (§ 3.29). Ближний северо-восток (§ 3.30). Дальний северо-восток (§ 3.31). Прочие (§ 3.32). *Вопрос о применении карт* (§ 3.33).

Анализ ударения в некоторых важных звеньях старовеликорусской морфологической системы	241
Общее (§ 3.34). <i>Существительные</i> . Дефинализация ударения в склонении существительных а. п. <i>b</i> (§ 3.35). М. ед. в а. п. <i>c</i> (§ 3.36—39). И. В. мн. у <i>neutra</i> а. п. <i>c</i> и <i>b</i> (§ 3.40—41). И. мн. и В. мн. у <i>vasculina</i> а. п. <i>c</i> (§ 3.42). Т. мн. на <i>-ы (-и)</i> в а. п. <i>c</i> (§ 3.43). Т. мн. на <i>-ьми</i> в а. п. <i>c</i> (§ 3.44). Д. мн. на <i>-омъ (-емъ)</i> в а. п. <i>c</i> (§ 3.45—46). М. мн. на <i>-ѣхъ (-ихъ)</i> в а. п. <i>c</i> (§ 3.47). Дополнительные замечания о существительных (§ 3.48—50). <i>Прилагательные</i> . Общее (§ 3.51). Нечленные формы прилагательных а. п. <i>c</i> и <i>a</i> (§ 3.52—54). Нечленные формы прилагательных а. п. <i>b</i> (§ 3.55). Нечленные формы «группы <i>высоко</i> » (§ 3.56). Нечленные формы «группы <i>красно</i> » (§ 3.57). Членные формы прилагательных а. п. <i>c</i> (§ 3.58—59). <i>Глаголы</i> . 2 мн. презенса в а. п. <i>c</i> (§ 3.60). 1 ед. презенса в а. п. <i>c</i> (§ 3.61). Деепричастия на <i>-а, -я</i> в а. п. <i>c</i> (§ 3.62). Подвижное ударение в прош. времени (§ 3.63). Деепричастия прош. времени у глаголов с подвижным ударением в прош. времени (§ 3.64). Страдательные причастия прош. времени (§ 3.65—70). Инфинитивы с исконным ударением на <i>-ти (-чи, -ци)</i> (§ 3.71). Императивы с исконным флексийным ударением (§ 3.72). Тематизация ударения (§ 3.73). Перестройка ударения в презенсе <i>i-</i> и <i>ѣ-</i> глаголов (§ 3.74—75). Презенс с неслоговым корнем (у корневых, <i>a-</i> и <i>нѣ-</i> глаголов) (§ 3.76). <i>Диалектологические итоги анализа старовеликорусских акцентных систем</i> (§ 3.77).	
Глава четвертая	
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АКЦЕНТНОЙ ЭВОЛЮЦИИ . . .	371
Общее (§ 4.1). Акцентная эволюция в словоизменении (§ 4.2—5). Акцентная эволюция в словообразовании (§ 4.6). Эволюция акцентной системы в целом (§ 4.7).	
Принятые сокращения	387
УКАЗАТЕЛИ	
Указатель слов	394
Указатель суффиксов	421
Предметный указатель	424